

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

У С Т О И

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 5

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
I. На рубежѣ Азіи. (Очерки захолустнаго быта). (Окончаніе). Д. Сибиряка.	1
II. Древнерусскія солеваренныя товарищества. (Бъ исторіи русской промысловой общины). Ф. Остроумова.	57
III. Въ степи (окончаніе). Феофанъ Федосѣевича	94
IV. Греза. (Эскизъ романа). Максима Бѣлинскаго	120
XII. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго В. Зайцева (приложеніе)	145—192
—	
XIII. Передача и обращеніе народныхъ знаній. Ф. Щербина	1
IX. Обличитель не по разуму. («Запоздалый голосъ сороковыхъ го- довъ». По поводу женскаго вопроса. П. Бакунина. Н. Моро- зова.	25
X. Чарльсъ-Робертъ Дарвинъ. (Критико-біографическій этюдъ). В. Святловскаго	47
XI. Двѣ замѣтки объ историческомъ образованіи. Н. Карѣева	67
XII. Уголокъ раскольничьяго міра. Я. Абрамова	75
XIII. Умственный поворотъ въ польскомъ обществѣ (окончаніе). А. Венгерова	90
XIV. Внутреннее обозрѣніе	108

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Добролюбѣва, Троицкій переулочекъ, д. № 32.

1882

Δ
Pslaw 716.5 $\left(\frac{1882}{5-6} \right)$

MRHP

На рубежѣ Азии').

(Очерки захолустнаго быта).

(Окончаніе).

V.

Послѣ отъѣзда доктора, курсы Луковны сильно поднялись, потому что, какъ ни какъ, а всетаки она теперь была „докторова мать“, и всѣ отлично помнили жирные эпюлеты доктора, его деньщика и его экипажъ; даже на Лапу перепала малая часть лучей докторскаго пмени: всетаки и она была „докторова сестра“, что въ нашей захолустной іерархіи имѣло большое значеніе. Сама Луковна оставалась прежней Луковной, нимало не гордилась своимъ новымъ званіемъ и попрежнему работала безъ усталы; я не мало удивлялся такой скромности съ ея стороны и не разъ высказывалъ ей, что она теперь достигла полного и безмятежнаго счастья, которое ничто не въ состояніи разрушить.

— Ахъ, Кирша, Кирша, какой ты глупый человекъ! добродушно говорила мнѣ Луковна:—какъ знать впередъ: сегодня я докторская мать, буду зазнаваться, а завтра Сереженька умретъ, тогда что?.. Нѣтъ, голубчикъ, онъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ.

Меркулычъ сильно измѣнился, сдѣлался задумчивъ и разсѣянъ; приходя къ нему, я часто заставлялъ его въ таинствен-

1) См. «Устон» № 3 и 4.

«Устон» № 5, отд. 1.

ныхъ бесѣдахъ съ Лапой, конечно, когда Луковны не было дома. Странное поведеніе Меркулыча скоро объяснилось: однажды Луковна явилась къ намъ и о чемъ-то очень долго и очень тихо разговаривала въ гостиной сначала съ отцемъ, а потомъ съ матерью; когда она ушла, отецъ проговорилъ:

— Что-же,—устрой, Господи, на пслъзу; только нужно прежде посоветоваться съ Сергѣемъ Павлычемъ, что онъ скажетъ на это.

— По моему, и писать не о чемъ, отвѣчала мать:—развѣ такъ написать, для формы... Чего тутъ разбирать, дѣло самое подходящее, а для Лапы такого жениха днемъ съ огнемъ поискать. Меркулычъ человѣкъ обстоятельный; жалованье маловато, конечно, да Лапѣ-то жить не съ жалованьемъ, а съ чело-вѣкомъ.

— Всегакъ написать Сергѣю Павлычу и посоветоваться съ нимъ, а то пожалуй еще обидится. Я напишу ему.

Отецъ долго сочинялъ письмо петербургскому доктору, нѣсколько разъ переписывалъ его, поправлялъ, читалъ матери и Луковиѣ, наконецъ оно было отослано въ Петербургъ вмѣстѣ съ фотографіей Меркулыча, и насталъ длинный срокъ самаго мучительнаго ожиданія, а Меркулычъ и Лапа числились какъ женихъ и невѣста, искали удлиненныхъ разговоровъ, перекидывались таинственными улыбками, и взглядами, и полусловами, какъ это прилично жениху и невѣстѣ.

О той жизни, какую мы вели съ Меркулычемъ раньше, конечно, не могло быть и рѣчи; я отлично понималъ, что Лапа отняла у меня Меркулыча, но отнесся къ этому довольно равнодушно и даже холодно, потому что нужно было серьезно готовиться къ поступленію въ духовное училище и цѣлые дни на пролетъ зубрить латинскія и греческія спряженія; мысль быть докторомъ произвела во мнѣ рѣшительный переломъ, и я твердыми шагами шелъ къ своей завѣтной цѣли и настолько увлекался своимъ будущимъ, что даже не обратилъ надлежащаго вниманія на такія выдающіеся факты, какъ полученіе разрѣшительнаго письма доктора на свадьбу Лапы и затѣмъ на самую церемо-

нію этого торжественнаго событія, въ которомъ я принималъ участіе въ качествѣ шафера со стороны невѣсты. Какъ сквозь сонъ, помню цѣлый рядъ церемоній, которыя происходили теперь въ избушкѣ Луковны: рукобитье, обрученье, дѣвичники—все это для меня казалось скучной церемоніей; за то мои сестры жили самой лихорадочной жизнью, работая вмѣстѣ съ другими дѣвушками подругами въ избушкѣ Луковны надъ приданнымъ невѣсты. Полосы холста, штуки ситца, полотно, какія-то цвѣтныя матеріи, дешевыя ленты, кружева, пѣсни съ утра до ночи—все это мѣшалось въ моей головѣ самымъ страшнымъ образомъ съ латинскими спряженіями, катихизисомъ Филарета и тому подобными хитростями—мудростями бурсацкой науки, которая ожидала меня. Самая выдающаяся роль на этой свадьбѣ выпала на долю добрѣйшаго Января Якимыча; онъ цѣлые дни хлопоталъ безъ устали, суетился, бѣгалъ и всѣмъ страшно мѣшалъ. Расходившійся старичекъ помогалъ даже кроить, шилъ вмѣстѣ съ подругами невѣсты и тоненькимъ дребезжившимъ голоскомъ пѣлъ съ ними пѣсни. Въ день свадьбы, послѣ „вѣнца“ Январь Якимычъ, поздравляя молодыхъ, выпилъ нѣсколько рюмокъ лиссабонскаго и по непривычкѣ къ вину сразу захмѣлѣлъ, что послужило началомъ цѣлому ряду пре-забавныхъ сценъ: онъ пѣлъ пѣтухомъ, показывалъ, какъ пить воду курица и какимъ-то бабьимъ голосомъ выкрикивалъ: „Слава Тебѣ, Господи!... Слава Тебѣ, Господи!... Устрой, Господи, на пользу... Родимые мои! Олимпіяда Павловна... Иванъ Меркулычъ... Слава Тебѣ, Господи!...

И такъ, Меркулычъ женился и зажилъ съ молодой женой въ небольшомъ домикѣ, который купилъ на послѣдніе гроши, какія были скоплены имъ въ теченіи десяти лѣтъ; а Луковна осталась въ своей избушкѣ одна и ни за что не соглашалась жить у зятя, какъ послѣдній ни упрашивалъ ее объ этомъ. Это странное упорство старухи сильно удивило всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, и всѣ рѣшили, что Луковна думаетъ переѣхать къ сыну въ Петербургъ, но сама она ни слова не говорила

объ этихъ намѣреніяхъ и продолжала вести въ своей избушкѣ прежній образъ жизни, изрѣдка навѣщая дочь.

— Настоящая медвѣдица, не хочетъ разставаться съ своей берлогой, шутилъ иногда отецъ.

— Мнѣ немного надо, говорила Луковна:—корочку хлѣба—вотъ и сыта, а въ своемъ углѣ все-таки спокойнѣе.

Наступило лѣто, братъ Аполлонъ пріѣхалъ на каникулы, и я сталъ заниматься подъ его руководствомъ, потому что отецъ прихварывалъ, и ему трудно было слѣдить за моими занятіями. Эти каникулы были для насъ очень тревожнымъ временемъ. Аполлонъ кончилъ духовное училище и осенью долженъ былъ поступать въ семинарію, гдѣ ему нужно было сдать вступительный экзаменъ.

Онъ сильно выросъ и возмужалъ, и старался держать себя совсѣмъ какъ большой, особенно съ барышнями, говорилъ съ ними загадками, старался смѣшнить ихъ и постоянно улыбался самодовольной улыбкой, немилосердно пощипывая верхнюю губу, на которой выступалъ черный пушокъ—гордость и слабость Аполлона. Мы иногда ходили къ Меркулычу, но я находилъ эти посѣщенія скучными, а Аполлонъ выбралъ такое время, когда самаго Меркулыча не было дома и до слезъ смѣшилъ Лалу самыми смѣшными анекдотами. Мать хотя и косилась на такое поведеніе своего любимца, но молчала до поры, до времени, потому что видѣла въ этомъ только развлеченіе для молодаго человѣка. Наконецъ наступилъ конецъ іюля, роковой экзаменъ былъ на носу и Аполлоша храбро отправился въ губернской городъ, гдѣ была духовная семинарія. Я остался дома до половины августа, мнѣ торопиться было некуда.

Двѣ недѣли неизвѣстности, которыя мы пережили во время экзаменовъ Аполлона, показались мнѣ вѣчностью, и въ нашемъ домѣ царилъ самое тяжелое уныніе, борьба между страхомъ и надеждой. Погода стояла дождливая, и въ длинные темные вечера происходили безконечные разговоры, догадки и предположенія, предметомъ которыхъ былъ Аполлонъ. Какъ

теперь помню этот несчастный августовский вечер, когда мы сидѣли всей семьей за часемъ; дождь лилъ, какъ изъ ведра, порывистый вѣтеръ дергалъ ставни и дико завывалъ въ трубѣ. Мать была особенно задумчива и грустна, Надя и Вѣрочка сидѣли смиренно, не смѣя шевельнуться, отецъ ходилъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы казпнетоваго подрясника; въ это время послышался шумъ подѣхавшей телѣги и легкій стукъ въ окно. Мы переглянулись, мать поблѣднѣла и выронила изъ рукъ чайную ложку, которая неприятно зазвенѣла о чайное блюдечко.

— Видно съ тобой? нерѣшительно проговорила мать; я видѣлъ, какъ ея рука дрожала на скатерти.

Отецъ молча подошелъ къ окну, отворилъ форточку и какъ-то безсильно опустился на стулъ, точно у него подкосились ноги; я никогда не забуду выраженія его лица, полного муки, гнѣва и отчаянія.

— Боже мой, Боже... тихо проговорилъ отецъ, хватаясь за голову.

Черезъ минуту въ комнату входилъ Аполлонъ съ своимъ чемоданчикомъ, весь мокрый, блѣдный, но съ такимъ рѣшительнымъ выраженіемъ на лицѣ, что я сразу не понялъ всей трагичности наступившаго момента.

— Аполлоша, Апол... крикнула мать и бросилась на шею къ стоявшему съ чемоданчикомъ въ рукѣ Аполлону.

— Обзатылили... шепталъ отецъ, а потомъ такъ дико захохоталъ и съ такой силой ударилъ кулакомъ по столу, что я отшатнулся отъ него. Обзатылили... О, подлецы! застоялъ отецъ, хватаясь за голову.

— Викентій Афанасьичъ... тихо заговорила мать, переходя къ отцу.— Викентій Афанасьичъ...

— Паша... Паша... безсвязно бормоталъ отецъ, не удерживая больше слезъ, которыя ручьемъ катились по его лицу, усамъ и бородѣ.

— Успокойся, Викентій Афанасьичъ...

— Пашенька... вѣдь это устроилъ тотъ? съ искаженнымъ

лицомъ закричалъ отецъ, порываясь изъ рукъ матери. Это Анфилошкиныхъ рукъ дѣло... это онъ, онъ, онъ!..

Матери стоило большихъ усилій успокоить убитаго отца; сестры плакали, братъ по прежнему стоялъ съ чемоданомъ въ рукахъ и шипалъ верхнюю губу, я смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ ртомъ, и у меня только теперь сжалось дѣтское сердце за всю эту нѣмую сцену, свидѣтелемъ которой я былъ.

Съ отцомъ сдѣлался истерическій припадокъ—онъ то дико хохоталъ, то плакалъ; едва къ утру намъ удалось привести его домашними средствами въ болѣе спокойное состояніе, и онъ наконецъ заснулъ тяжелымъ тревожнымъ сномъ; мы всѣ не спали цѣлую ночь. Аполлонъ сидѣлъ безмолвно въ углу, облокотившись на столъ и положивъ голову въ руки, точно теперь это была для него совсѣмъ лишняя вещь, которая мѣшала ему; мать тихо плакала, сидя рядомъ съ нимъ, я лежалъ въ своей „канцеляріи“ и слушалъ, какъ о чемъ-то тихо шептались сестры, а потомъ Надя подошла къ матери и проговорила:

— Перестань, мама... Ты плачешь... точно Аполлонъ умеръ. Вѣдь живутъ-же другіе люди,—не всѣмъ кончать курсъ въ семинаріи и быть священниками.

Мать была поражена этими словами, она совсѣмъ не ожидала этого отъ сестры, которой руководилъ теперь тотъ женскій инстинкъ, благодаря которому женщина всегда скорѣе найдетъ, что нужно дѣлать въ критическихъ обстоятельствахъ, чѣмъ мужчина.

Я со страхомъ ожидалъ слѣдующаго дня, но онъ оказался легче, чѣмъ я думалъ. Рано утромъ братъ ушелъ куда-то и вернулся вмѣстѣ съ Меркулычемъ, присутствіе котораго теперь очень обрадовало меня. Бываютъ такія положенія, когда оставаться съ глазу-на-глазъ въ своей семьѣ дѣлается невыносимымъ, и въ эти тяжелыя минуты присутствіе посторонняго человѣка снимаетъ половину тяжести, хотя этотъ посторонній человѣкъ ничѣмъ не можетъ помочь вамъ, и слова его утѣшенія вы слушаете иногда изъ простой вѣжливости, а ме-

жду тѣмъ, совершенно незамѣтно, именно это бесполезное слово участія воскрешаетъ васъ. Такъ было и теперь, и, какъ я узналъ послѣ, брата послала къ Меркулычу та же простенькая Надя, догадавшаяся раньше другихъ, чѣмъ помочь горю и какъ успокоить отца, когда онъ проснется.

Итакъ, Меркулычъ явился къ намъ и, сидя на лавкѣ, осторожно покашливалъ въ руку; въ гостиной слышались тяжелые шаги, глубокіе вздохи и кашель, наконецъ въ дверяхъ появился отецъ, постарѣвшій за ночь на нѣсколько лѣтъ.

— А, это ты пришелъ... совершенно равнодушно проговорилъ отецъ, точно онъ былъ увѣренъ найти Меркулыча здѣсь.

— Да-съ, пришелъ провѣдать васъ, о. Викентій...

— Да, братецъ, обзатылили о. Викентія, совсѣмъ обзатылили!

— Зачѣмъ-съ, о. Викентій... Это вы даже совершенно напрасно-съ... Ей-Богу, такъ-съ.

Въ затруднительныхъ случаяхъ Меркулычъ имѣлъ привычку прибавлять къ каждому слову „съ“ и постоянно утиралъ лицо платкомъ, какъ-то особенно забавно отдувая свои розовыя щеки. Одинъ видъ этого свѣжаго довольнаго человѣка подѣйствовалъ хорошо на отца; онъ взялъ его подъ руку и увелъ въ гостиную.

— Такъ ты говоришь, что напрасно? спрашивалъ онъ Меркулыча то самое слово, которому онъ не вѣрилъ.

— Совершенно даже напрасно-съ, о. Викентій, покашливая, отвѣчалъ Меркулычъ:—Сгоряча оно точно иногда горячку порешь, а потомъ одумаешься... Вы разсудите такъ: вотъ вы сами отличный аттестатъ имѣете, кончили курсъ въ семинаріи, а какое ваше положеніе?..

— А-ахъ, Меркулычъ, Меркулычъ! застоналъ отецъ.— Вѣдь меня кто придавилъ: Амфилошка Лядвиевъ... Да!..

— Амфилошка, Амфилошкой-съ, о. Викентій, а и сами вы не правы, вкрадчиво заговорилъ Меркулычъ, раскуривая папиросу и усаживаясь на кончикъ стула, причемъ онъ бе-

рѣжно загнулъ фалды своего казнетоваго пиджака.—Да, вы сами не правы.

— Я?!. Неправъ?!

— Да-съ, попрежнему кротко отвѣчалъ Меркулычъ, пустая съ необыкновеннымъ искусствомъ колечко сняго дыма. Сдѣлаемте такое разсужденіе, о. Викентій: вамъ всталъ поперекъ дороги консисторскій секретарь, Лядвиевъ, и не даетъ ходу, а вы бы собрались какъ-нибудь, да рыбки ему пудикъ послали, пшпечекъ кедровыхъ, чайку фунтикъ...

— Да я ему, подлецу...

— Позвольте, о. Викентій, мягко остановилъ отца Меркулычъ.—Я хочу сказать, что вы не хотите покориться подъ Лядвиева и оказать себя подлецомъ... Такъ-съ?

Отецъ понялъ къ чему клонился подходцы Меркулыча, посмотрѣлъ на него и, улыбнувшись, проговорилъ:

— А вѣдь ты умнымъ человѣкомъ оказываешь себя... Извини, братъ, не ожидалъ... Ты, значитъ, только по виду-то простъ кажется?

— Ужь какъ мать родила-съ, о. Викентій, несколько не обидѣвшись грубоватой откровенностью отца, отвѣчалъ съ улыбкой Меркулычъ.—Безъ хитрости по новѣйшимъ временамъ даже совѣмъ невозможно-съ: курица и та нарвится заклевать тебя. А я собственно къ тому веду рѣчь, что вы напрасно позволите такъ сокрушаться объ Аполлонѣ Викентичѣ: можетъ у нихъ судьба такая. А я, грѣшный человѣкъ, иногда смотрю на васъ и вчуже мнѣ жаль васъ дѣлается: человѣкъ вы образованный, съ головою человѣкъ-съ, и вдругъ Лядвиевъ васъ заключаетъ въ Таракановку... Вотъ я—маленькій человѣкъ, а я счастливѣе васъ, потому я вольная птица: не захочу служить, буду торговать, и никто мнѣ не указъ. И выходитъ, что при моей глупости мнѣ не въ примѣръ легче вашего жить. Теперь возьмемъ Аполлона Викентича: образование они для себя получили достаточное, поступая на заводъ, а лѣтъ черезъ пять-шесть, глядишь, будутъ получать жалованья вдвое больше вашего. Человѣкъ онъ аккуратный, можно ска-

зять, вполне самонадеянный, пачальство увидитъ ихніе труды, вотъ вамъ и оглячно всёмъ будетъ. Притомъ, вотъ теперь Кира Викентича тоже нужно въ науку посылать, деньги нужны-сь, а на двохъ-то у васъ, пожалуй, и не достало бы: и лѣта ваши не такія, и здоровье-сь слабое. А теперь что-сь? Аполлонъ Викентьевичъ поведутъ себя въ лучшемъ видѣ-сь и не только свою голову будутъ пропитывать, а и вамъ помогать стануть за ваши заботы о нихъ. Вотъ и выйдетъ такъ, что и вамъ будетъ лучше-сь, и Киръ Викентичъ будутъ проходить свою науку-сь... Да-сь! Вы ужь извините меня о. Викентій, а я вамъ даже откровенно скажу-сь, что нынче быть молодому человѣку священникомъ даже не въ модѣ-сь...

— Ну, это, братъ, положимъ, что ты и врешь, а все-таки не ожидаешь... Нѣтъ, не ожидаешь въ тебѣ такой прыти! Ты молодецъ... Въ самомъ дѣлѣ: чортъ съ ними со всіми!.. Наплевать!..

— Совершенно вѣрно-сь. Вѣдь шесть лѣтъ нужно было тянуть ляжку-то и на вашей шеѣ при этомъ...

— Вѣрно!..

— Оно сначала и мнѣ это обидно показалось, а потомъ обсудилъ я это самое дѣло: не стоитъ-сь!..

— Не стоитъ шкура выдѣлки?

— Такъ точно-сь.

Мать слышала весь этотъ разговоръ и съ веселымъ лицомъ вошла въ комнату.

— А я вѣдь тоже самое думала, Викентій Афонасьичъ, проговорила она: развѣ ужь только и свѣту въ окнѣ, чтобы въ священники поступить...

Мы всё собрались въ гостиной, явился самоваръ и въ комнатѣ раздался веселый говоръ и самый беззаботный смѣхъ: туча прокатилась; Аполлонъ рассказывалъ о своей побѣдѣ, о п-ской семинаріи, профессорахъ и экзаменахъ. Отецъ смѣялся вмѣстѣ съ другими и рассказывалъ о томъ, какъ самъ учился въ семинаріи. Повторяя вѣчную исторію объ Амфилошеѣ Лядвиевѣ, отецъ говорилъ уже въ шутовомъ тонѣ!

— Подлецъ онъ, Амфилошка... А вѣдь вмѣстѣ двѣнадцать лѣтъ учились... на одной партѣ сидѣли! А вотъ теперь придавилъ меня ногой и баста... Думаетъ: задую, а можетъ, Югъ-то и не оставитъ меня именно за его Амфилошкину неправду... Такъ?

— Злохудожественный человѣкъ, о. Викентій, прибавилъ Меркулычъ, поправляя розовый галстучекъ на шеѣ.

VI.

Въ Августѣ мѣсяцѣ я разстался съ Таракановкой и поступилъ въ четвертый (послѣдній по прежнимъ порядкамъ) классъ уѣзднаго духовнаго училища, находившагося въ заштатномъ уѣздномъ городишкѣ Гавриловскѣ, при знаменитомъ Гавриловскомъ монастырѣ. Отъ Таракановки, до Гавриловска было больше двухъ сотъ верстъ, и до губернскаго города Прикамска отъ Таракановки считали четыреста верстъ; притомъ жизнь въ Гавриловскѣ была вдвое дешевле, чѣмъ въ „губерніи“, поэтому отецъ и отправилъ меня туда. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза еще дорогой, это то, что по мѣрѣ приближенія къ Гавриловскому, мѣстность все понижалась, дѣлалась ровнѣе, вѣчно-зеленый дремучій хвойный лѣсъ смѣнился листовными породами съ ихъ блѣдной зеленью, къ которой совсѣмъ не привыкъ мой глазъ, и, наконецъ, потянулись волнистыя оголенные равнины Зауралья, въ центрѣ котораго стоялъ Гавриловскъ съ своимъ монастыремъ. Этотъ городъ былъ просто деревня съ нѣсколькими церквами, и я сразу возненавидѣлъ его и въ первый разъ горько заплакалъ о своей милой Таракановкѣ, потерявшей въ широкомъ просторѣ Уральскихъ горъ. Все то, что раньше не имѣло для меня никакого значенія, чего я даже не замѣчалъ, теперь тянуло меня съ непостижимой силой къ себѣ; особенно сильно тосковалъ я объ уральскихъ лѣсахъ, по которымъ бродилъ съ Меркулычемъ; даже заводская фабрика съ ея сажей, пылью, вѣчнымъ грохо-

томъ казалась мнѣ какимъ-то раемъ въ сравненіи съ этими безконечными полями, на которыхъ глазъ не находилъ ни одной высокой точки, и которая шахматной доской зеленыхъ озимей и только что сжатыхъ полей уходили въ безконечную даль.

Самое училище помѣщалось въ монастырѣ, за его толстыми стѣнами, видѣвшими башкирскіе бунты и пугачевщину. Прежде всего я явился къ архимандриту Ирринарху, настоятелю монастыря и смотрителю духовнаго училища; это былъ высокаго роста, еще очень молодой и въ высшей степени красивый монахъ съ длинными, бѣлыми какъ молоко, руками и съ полукрытыми лѣнивыми глазами. Онъ принялъ меня съ такой важностью, что у меня похолодѣло на душѣ отъ предчувствія чего-то недобраго; на экзаменѣ я отвѣчалъ бойко, но Ирринарху больше всего не понравилась моя заводская развязность въ сравненіи съ деревенскими поповичами, которые только потѣли со страху и дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

— Какъ только пріѣдешь въ Гавриловскъ — сходи непременно къ о. Марку, говорилъ мнѣ отецъ на прощаньи:—Онъ славный паренъ былъ... На квартиру вставай къ Ивану Андренчу, гдѣ Аполлонъ жить. Славный старикъ, хоть, не тѣмъ будь помянуть, крѣпко насъ диралъ прежде.

Памятуя наставленія отца, я отыскалъ въ Гавриловскѣ небольшой домишко Ивана Андренча. Это былъ совсѣмъ маленький домикъ, походившій на крестьянскую избу, съ передней и задней половиной. Въ передней половинѣ Иванъ Андренчъ держалъ кого нибудь изъ учениковъ духовнаго училища, а въ задней жилъ самъ съ своей женой Аришей. Иванъ Андренчъ выслужилъ сорокъ лѣтъ учителемъ уѣзднаго духовнаго училища и теперь жилъ на покой, получая двѣнадцать рублей пенсін въ мѣсяць. На видъ это былъ крѣпкій старикъ съ какой-то деревянной фізіономіей и щетинистой бородой. Одѣвался онъ зимой и лѣтомъ въ полосатый тиковый халатъ и въ такомъ видѣ ходилъ по всему Гавриловску. Грубоватый на видъ, Иванъ Андренчъ былъ собственно добрѣйшей душой человѣкъ, и ему нужно было пройти сквозь огонь и мѣдныя

трубы бурсацкой жизни, чтобы прославиться на цѣлую губернію самой жестокой поркой. Ариша была какъ разъ по плечу Ивану Андренчу: низенькая старушка со сморщеннымъ лицомъ, невылѣзавшая изъ ветхаго ситцеваго платья, любившая поворчать и воображавшая себя очень проникательной; главнымъ ея достоинствомъ было умѣнье кормить своихъ постояльцевъ.

У Ивана Андренча былъ сынъ, Антонъ, который жилъ въ передней половинѣ вмѣстѣ съ нахлѣбниками. Это былъ очень веселый и очень вѣзломощный парень, который съ перваго же разу отнесся ко мнѣ самымъ враждебнымъ образомъ. Кромѣ Антона и меня, въ передней половинѣ помѣстился еще сынъ о. Марка, котораго всѣ звали Гришкой. Это былъ ужъ совсемъ отчаянный человекъ, обладавшій притомъ здоровенными кулаками. Гришка и Антонъ встрѣтили меня, какъ повичка, глухимъ ворчаньемъ и къ вечеру же отколотили напѣсточайшимъ образомъ. Такимъ образомъ я былъ посвященъ въ тайны бурсацкой науки. Первую ночь, которую я провелъ подъ кровлею домика Ивана Андренча, я проплакалъ напролетъ; безсильная злоба душила меня, но вмѣстѣ съ тѣмъ я сознавалъ, что я теперь отрѣзанный ломоть, какъ говорилъ отецъ, и долженъ былъ испить чашу до дна. Далекая Таракановка вставала предо мной въ самыхъ радужныхъ краскахъ, и я, задыхаясь отъ слезъ, до самаго утра думать о ней, о матери, сестрахъ, Луковнѣ, Меркулычѣ, Январѣ Акмычѣ.

Приемный экзаменъ я выдержалъ порядочно и поступилъ въ высшее отдѣленіе, т. е. въ послѣдній классъ, гдѣ къ моему несчастью мнѣ пришлось учиться вмѣстѣ съ Антономъ и Гришкой. Впрочемъ, я скоро освоился съ ними и даже до пзвѣстной степени привыкъ къ побоямъ: ощущенія физической боли притуплялись, а чувство собственнаго достоинства я почти совсемъ утратилъ. Какъ это случилось, я не могу дать себѣ отчета въ настоящее время, помню только, что я сначала потерялся, потомъ ушелъ въ себя и, наконецъ, глубоко возненавидѣлъ бурсу и Гавриловскъ. О способѣ ученія считаю

излишнимъ говорить подробно, потому что онъ совершался самымъ вѣтхозавѣтнымъ образомъ, и все дѣло въ концѣ концовъ сводилось только на одно голос зубренье, жертвившее дѣтскій умъ и паразитировавшее всякое проявленіе самодѣятельности молодой мысли.

О. Маркъ жилъ въ большомъ селѣ Заплетаевѣ, до котораго было отъ Гавриловска версть десять, внизъ по рѣкѣ Ирени. Въ будни мнѣ некогда было сходить туда, а въ праздникъ я боялся встрѣтить тамъ Гришку съ Антономъ. Свободное время, которое у меня выдавалось въ праздники, я посвящала уединеннымъ прогулкамъ за городъ, особенно по теченію Ирени, гдѣ было нѣсколько отличныхъ рыбныхъ мѣстъ. У меня было нѣсколько удочекъ, съ которыми я забирался рано утромъ куда нибудь подальше; тамъ проводилъ цѣлый день, предаваясь этимъ воспоминаніямъ и по-долгу лежалъ на травѣ съ закрытыми глазами, вызывая въ своей памяти дорогія мнѣ лица, мѣста и событія. Я еще разъ переживала здѣсь все то, что осталось въ Таракановкѣ.

Однажды, это было въ началѣ августа—день выдался такой теплый да свѣтлый, точно вернулось опять лѣто. Я забрался подъ пиву съ ранняго утра. Рыба брала плохо, и я могъ мечтать, сколько душѣ угодно, безъ ущерба дѣлу. Наканунѣ я получилъ письмо отъ отца, и хотя въ немъ ничего новаго не было, я находился въ особенно мечтательномъ настроеніи и совсѣмъ не замѣтилъ, какъ одинъ изъ поплавокъ началъ тревожно нырять.

— Тащите... клюеть! крикнулъ за моей спиной чей-то голосъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ оглянуться, маленькая бѣлая ручка схватила одну изъ моихъ удочекъ и торопливо выдернула изъ воды пустую лесу.

— Ахъ, какая жалость!.. сердито проговорилъ тотъ же голосъ.—Какъ вамъ не совѣстно такъ зѣвать...

Я оглянулся и сильно смутился. Предо мной стояла красивая дѣвочка лѣтъ четырнадцати въ бѣломъ пижамномъ платьицѣ и сердито смотрѣла на меня красивыми карими глазами.

Какъ во снѣ мелькнули предъ мной гладко зачесанные свѣтлорусые волосы, ярко алая лента на бѣлой шейкѣ, маленькія бѣлыя руки съ розовыми пальчиками и очень красивое, теперь нахмуренное личико съ вздернутымъ носикомъ. Я совсѣмъ растерялся и молчалъ. Дѣвочка сердито топнула ножкой и, отдувая розовыя пухлыя щеки, капризно проговорила:

— Что-же вы молчите, какъ пень? Я кажется съ вами говорю... А какъ отлично клевала!

Дѣвочка громко засмѣялась. Докторъ Обонполовъ еще больше смутился.

— Вѣроятно изъ духовнаго училища? спросила она. Я подтвердить это предположеніе.—А какъ ваша фамилія?

Я назвалъ себя.

— Такъ это вы и есть Кирь Обонполовъ... растягивая слова, проговорила дѣвочка. Отчего вы къ намъ не приходили?... Пойдемте. Меня зовутъ Симочкой. Папа будетъ очень радъ. А что вашъ братъ?

Не помню, что я отвѣчалъ на этотъ вопросъ; совсѣмъ объ удочкахъ я забылъ и приготовился покорно слѣдовать за незнакомкой, не спросивъ даже, куда она меня ведетъ.

— А удочки? спрашивала моя незнакомка, когда мы сдѣлали нѣсколько шаговъ. Какъ это глупо...

Пока я вынималъ удочки и сматывалъ лесу, къ намъ подошла большая барышня, одѣтая въ изящное лѣтнее платье изъ суроваго полотна.

— Агничка, посмотри, какую я находку сдѣлала, весело говорила Симочка, кивая въ мою сторону головой. Имѣю честь представить: братецъ Аполлона, Кирь Обонполовъ.

Агничка лѣниво посмотрѣла на меня, потомъ перевела свой взглядъ на сестру и улыбнулась. Мнѣ показалось, что она думала: „хороша находка... какая ты глупая Симочка! Ну, что мы будемъ дѣлать съ этимъ болваномъ?“

— Пойдемте, проговорила Симочка, точно отвѣчая на мою мысль.—Мы скоро будемъ обѣдать... Ухъ, какъ я устала!...

Мы пошли по направленію къ Заплетаевскому селу, которое

виднѣлось верстахъ въ четырехъ. Всю дорогу Симочка щебетала, какъ пгичка, немпосердно тормошила меня и заливалась неудержимымъ заразительнымъ смѣхомъ, заставлявшимъ улыбаться меня вѣроятно самымъ глупымъ образомъ. Агничка жаловалась на усталость и нѣсколько разъ многозначительно проговорила:

— Онъ совсѣмъ не походитъ на брата... ничего похожего нѣтъ!

Меня осянило какое-то просвѣтлѣніе, и я понять смыслъ этой фразы, т. е. что Агничка находила меня просто безобразнымъ сравнительно съ братомъ Аполлономъ. Эта мысль произвела на меня гнетущее впечатлѣніе. Моему самолюбію былъ нанесенъ жестокій ударъ, потому что какъ я ни преклонялся предъ совершенствами Аполлона, но въ настоящую минуту я чувствовалъ мучительное желаніе быть красивымъ, ловкимъ, любезнымъ, по крайней мѣрѣ, кавалеромъ въ родѣ Меркулыча. Ахъ, зачѣмъ у меня не было хоть частички достоинствъ моего друга! Я испытывалъ глубокое чувство униженія и страстно желалъ вернуться обратно въ Гавриловскъ, чтобы выплакать свое горе гдѣ-нибудь въ углу; но о бѣгствѣ нечего было и думать,—оставалось идти впередъ. Все, что я пережилъ на пути отъ моей нвы до Заплешаева, можно сравнить развѣ только съ тѣмъ, что чувствуетъ утопающій человекъ.

Заплетаевское село было больше Гавриловска. Оно раскинуло свои крѣпкіе домики тоже по берегу р. Ирени и весело глянуло на насъ своей каменной бѣлой церковью и широкой улицей. Недалеко отъ церкви стоялъ пятистѣнный деревянный домъ въ одинъ этажъ съ красивымъ мезониномъ и широкимъ дворомъ. Это и былъ домикъ о. Марка, куда мы шли, какъ я догадался.

— А вотъ и папа! звонко крикнула Симочка, указывая головой на сухонькаго низенькаго старичка, который сидѣлъ на крылечкѣ и стругалъ какую-то палочку. Онъ былъ одѣтъ въ старый разорванный подрясникъ, изъ большихъ прорѣхъ котораго вылѣзли клочья грязной ваты. На головѣ была на-

дѣта до нельзя затасканная мѣховая шапка, на шеѣ намотанъ нестрый гарусовый шарфъ.—Папа, отгадай, кого мы привели къ тебѣ? кричала Симочка, подбѣгая къ старику.

Старикъ повернулъ ко мнѣ свое острое, пзрытое оспой лицо, зорко оглядѣлъ меня съ ногъ до головы своими бойкими карли глазами, сдѣлалъ какую-то гримасу и съ веселой улыбкой отвѣчалъ:

— Гдѣ вы такого звѣря откопали?

Когда старикъ улыбнулся и заговорилъ, въ его некрасивомъ лицѣ мелькнуло тоже добродушно-лукавое выраженіе, которое не сходило съ личика Симочки, и я догадался, что это и есть тотъ знаменитый о. Маркъ, о которомъ отецъ всегда спрашивалъ Аполлона, и которому мы всѣ завидовали.

— Что, не узнаешь меня, паренекъ? весело заговорилъ о. Маркъ, бойко соскакивая съ своего мѣста.—А вѣдь мы съ твоимъ-то отцомъ вмѣстѣ учились... вмѣстѣ. На одной партѣ двѣнадцать лѣтъ выспѣли. Понимаешь? А Иванъ Андреичъ, разбойникъ, бывало вмѣстѣ насъ и дралъ... У, какъ дралъ, разбойникъ!

Какъ-то забавно прискочивъ на одной ножкѣ и лукаво прищуривъ глаза, о. Маркъ продолжалъ:

— А ты, паренекъ, отвѣдалъ березовой каши... а? Чик-чикъ-чикъ... а? Ничего, послѣ спасибо скажешь... А Иванъ Андреичъ дралъ... у, какъ дралъ, разбойникъ! Бывало, разложитъ насъ съ отцомъ-то твоимъ и прогнусить: „а закатить Филемону и Бавкидѣ пятьдесятъ горячихъ“... Ухъ!.. Небо съ овчинку. А я Ивану Андреичу и шепну: „Иванъ Андреичъ, гуська привезу“... Сейчас смлуется. „Ты у меня добрый парень, садись на мѣсто!“ Вотъ какъ жили, паренекъ, а вы что—время даромъ проводите!..

Агничка ушла въ комнату, а Симочка стояла и смѣялась... Я покраснѣлъ, какъ ракъ, и окончательно растерялся, а о. Маркъ такъ и заливался своимъ дребезжавшимъ безобиднымъ смѣхомъ.

— Ну, соловья баснями не кормятъ, Серѣфима Марковна,

заговорилъ о. Маркъ: ты у Ивана Андреича стоишь, паренекъ? Ну, значить, до сыта не наѣдаешься, и съ голоду не умираешь... Такъ, такъ!.. Знаешь поговорку: держи голову въ холодѣ, брюхо въ голодѣ, а ноги въ теплѣ... *Satur venter non studet libenter*. Ты съ моимъ блуднымъ сыномъ, значить, живешь... Колотить онъ тебя, разбойникъ?.. Онъ и меня скоро будетъ колотить. Да, да!.. Ты отъ него подальше, коли хочешь добра!

Пятистѣнный домикъ о. Марка былъ устроенъ внутри на славу, такъ что у меня даже глаза разбѣжались: мягкая мебель, дорогіе обои, ковры, бронза и даже вазы. Особенно хороша была небольшая голубая гостинная съ мебелью, обтянутой голубой шелковой матеріей, съ голубыми драпировками на дверяхъ и окнахъ, съ голубыми обоями и небольшою бронзовою люстрой, спускавшейся съ потолка. За то кабинетъ о. Марка отличался большою простотою: въ одномъ углу стоялъ трехногій столъ съ какими-то бумагами, въ другомъ столярный верстакъ, два простыхъ стула и только. Я почувствовалъ невольную робость въ этихъ богатыхъ комнатахъ и сразу понималъ всю разницу между ними и нашими убогими комнатками въ Таракановкѣ. Здѣсь же я понималъ источникъ нашей фамильной гордости, которая должна была вознаградить насъ за тѣ блага, какихъ намъ недоставало. Я пришелъ даже въ нѣкоторый священный ужасъ, прикинувъ въ умѣ, сколько могла стоять вся эта обстановка въ домѣ о. Марка, особенно если сравнить съ тѣми геронческими усиліями, какихъ стоили намъ наши жалкія вещи. Да, будущій докторъ не умою, а всѣми своими чувствами въ первый разъ испыталъ прежнее чувство зависти и подавляющую силу богатства.

— А ты, Кирша, умѣешь бревна возить? спрашивала меня Симочка, которая съ двухъ словъ поставила себя со мной на короткую ногу.

Я сознался въ своемъ невѣжествѣ. Симочка подвела меня къ большому столу изъ мороженнаго желѣза подъ малахитъ, наклонила головку и провела бѣлымъ лбомъ по полированному

желѣзу. Получился дребезжавшій звукъ, дѣйствительно похотливый на то, какъ будто по улицѣ ѣхали съ бревномъ. Симочка нѣсколько разъ повторила эту штуку, а потомъ заставила продѣлать ее меня. Будущій докторъ на этотъ разъ вышелъ изъ затрудненія самымъ блистательнымъ образомъ: столъ подъ моимъ лбомъ затрещалъ неистово, и Симочка съ восторгомъ принялась громко аплодировать моимъ успѣхамъ. Эти похвалы настолько разожгли мое усердіе, что на лбу у меня всплыла большая красная шишка, но это вышло еще забавнѣе, такъ что я совсѣмъ позабылъ о своемъ желаніи провалиться сквозь землю или, по меньшей мѣрѣ, ударить обратно въ Гавриловскъ.

Нужно-ли говорить, что мы отобѣдали самымъ веселымъ образомъ, весело играли долго послѣ обѣда—вообще провели цѣлый день самымъ отличнымъ образомъ, благодаря удивительной изобрѣтательности Симочки и еще болѣе удивительной готовности Кира Обонполова исполнять всѣ ея желанія и капризы. Дѣло кончилось тѣмъ, что будущій докторъ съ ловкостью медвѣженка очутился наконецъ на крышѣ и даже былъ согласенъ спрыгнуть прямо съ высоты нѣсколькихъ сажень, чтобы только заставить Симочку смѣяться ея серебрястымъ смѣхомъ. Совершенно излишне упоминать о томъ, что когда Киръ Обонполовъ возвращался въ Гавриловскъ—въ его идеалахъ оказалось значительное приращеніе, именно, что онъ не только будетъ докторомъ, а еще долженъ жениться на Симочкѣ.

Да, это была настоящая первая любовь „съ окрыляющимъ жаромъ молитвы и съ цѣломудренными восторгами“, любовь, которая приносила много явныхъ и тайныхъ огорченій, мукъ и терзаній, выкупаемыхъ свѣтлыми полосами тайнаго счастья,—любовь, которая, какъ весна въ году, не повторяется. Я очень часто бывалъ въ Заплетаевѣ и проводилъ время отличнымъ образомъ; но на горизонтѣ моего счастья стояло уже черное облако—это архимандритъ Гавриловскаго монастыря и смотритель нашего училища, Ирвинархъ, который тоже очень часто навѣщалъ о. Марка, и съ которымъ Киръ Обонполовъ, по нѣ-

которымъ обстоятельствамъ, меньше всего желалъ встрѣчаться гдѣ-бы то ни было,—сказать проще, будущій докторъ боялся Ирринарха, какъ огня. Впрочемъ, Ирринархъ посвящалъ свои досуги исключительно одной Агничкѣ. О. Маркъ хлопоталъ по хозяйству и повидимому совсѣмъ не обращалъ вниманія на эти таинственныя *tête-à-tête*, происходившія у него подъ носомъ. Разъ, дурачась съ Симочкой, я съ разбѣгу влетѣлъ въ комнату Агнички и мнѣ показалось, что она сидѣла на колѣняхъ у архимандрита и при моемъ появленіи быстро отскочила. Мнѣ конечно показалось все это, и я никогда не повѣрилъ-бы въ возможность такого случая между Агничкой и Ирринархомъ. Эти таинственныя уединенія давали намъ съ Симочкой полнѣйшую свободу, чѣмъ мы и пользовались. Симочка была отличная дѣвочка и держала себя со мной, какъ товарищъ. Чѣмъ дальше подвигалось время, тѣмъ сильнѣе любилъ я ее и страшно скучалъ, когда дня три мнѣ не приходилось бывать въ Заплетаевѣ. Симочка отвѣчала мнѣ тѣмъ же и не разъ пріѣзжала за мной на квартиру къ Ивану Андреечу на маленькой сѣрой лошаdkѣ, которой всегда правила сама. Когда выпалъ снѣгъ, мы на этой лошаdkѣ устраивали отличныя пикники.

Мнѣ казалось, что Ирринархъ глубоко ненавидѣлъ меня и не упустилъ случая сдѣлать мнѣ чтонибудь „неудобосказуемое“. На монастырскомъ дворѣ, въ двухъ шагахъ отъ училища, стоялъ знаменитый „каменный мѣшокъ“, т. е. длинный каменный флигель, имѣвшій форму мѣшка, въ которомъ проживалъ „смиранный Ирринархъ“, какъ официально подписывалъ свое имя нашъ смотритель. Снаружи трудно было представить что-нибудь безобразнѣе этого каменнаго мѣшка: штукатурка на стѣнахъ облѣзла, кирпичи выкрашивались, желѣзная крыша во многихъ мѣстахъ проржавѣла, маленькія окна съ желѣзными рѣшетками смотрѣли непривѣтливо, какъ въ тюрьмѣ, и само зданіе походило на каменный гробъ. Но какой рѣзкій контрастъ находилъ каждый, кто имѣлъ счастье проикать во внутрь этого склепа. Рядъ щегольскихъ уютныхъ ком-

нать открывалъ восхитительный видъ въ тѣнистый садикъ, при-
 мыкавшій къ флигелю сзади; въ этихъ комнаткахъ стояла вѣч-
 ная весна изъ всевозможныхъ растеній, которыя были собраны
 въ нихъ со всѣхъ концовъ свѣта. Картины, фотографіи, пись-
 менный столъ, украшенный тысячью дорогихъ бездѣлушекъ,
 библіотека — все это дѣлало келью монаха самымъ уютнымъ
 каменнымъ гнѣздышкомъ, въ которомъ все дышало роскошью
 и изяществомъ. Лѣтомъ это былъ настоящій райскій уголокъ,
 отгороженный отъ остальной юдоли плача высокой и толстой
 монастырской стѣной; небольшая терраса выходила въ садъ, и
 вся тонула съ ранней весны въ чудесахъ экзотической зелени,
 и Ирринархъ любилъ пѣзжаться на этой террасѣ, покачиваясь
 въ волтеровскомъ креслѣ съ послѣдней книжкой какого-нибудь
 журнала. Небольшой квадратный садикъ, устроенный въ углу
 монастырской ограды, представлялъ изъ себя чудный затянутый
 зеленую уголокъ, но я не могу вспомнить о немъ безъ неволь-
 наго трепета... Я имѣлъ несчастье попасть въ хоръ пѣвчихъ,
 и поэтому мнѣ очень часто приходилось бывать въ покояхъ
 владыки Ирринарха, который былъ большой знатокъ и любитель
 пѣнія; бывало призоветъ насъ пѣвчихъ и держитъ часовъ шесть.
 Самъ Ирринархъ владѣлъ отличнымъ бархатнымъ теноромъ и
 любилъ подпѣвать намъ; пѣвчіе были его фаворитами и любим-
 цами, но его любовь была страшнѣе ненависти и каждая улыбка
 заставляла насъ дрожать. Ирринархъ баловалъ насъ, закармли-
 вать сластями, и, все-таки, мы боялись его какъ огня, потому
 что чѣмъ тише и ласковѣе становился его взглядъ, чѣмъ чаще
 начиналъ онъ улыбаться, тѣмъ тяжелѣе была его рука и пока
 онъ сладко дремалъ на своей террасѣ, полузакрывъ глаза, въ
 садикѣ раздавались оглушительные вопли наказываемыхъ роз-
 гами. Мы, пѣвчіе, должны были стоять вдали, у стѣнки тер-
 расы и терпѣливо дожидались, когда владыко своимъ бархат-
 нымъ теноромъ протянетъ: „довольно“. Кто побывалъ въ бар-
 хатныхъ лапкахъ Ирринарха, тотъ на всю жизнь не забудетъ
 звуковъ этого бархатнаго голоса, этихъ лѣниво полузакрытыхъ
 глазъ и выразительнаго блѣднаго лица съ матовой кожей.

Если бывают вообще загадочныя патуры, то такой загадочной патурой былъ Ирнархъ: мучить другихъ для него составляло утонченнѣйшее наслажденіе и ему нужны были дѣтскія слезы, мольбы и вопли, чтобы онъ могъ спокойно дремать въ своемъ креслѣ; что-то зловѣщее свѣтилось въ этихъ сѣрыхъ съ поволокой глазахъ, когда они останавливались на насъ своимъ долгимъ магнетизирующимъ взглядомъ, потрясавшимъ всю нервную систему. Ирнархъ дѣйствовалъ не столько на тѣло, сколько на душу, создавая цѣлую пытку для нервовъ; нѣкоторые падали въ обморокъ отъ одного его взгляда. А между тѣмъ это былъ очень образованный человѣкъ, поступленіе котораго въ монахи окружено было самой глубокой таинственностью; кромѣ того, глубоко-художественная натура Ирнарха сказывалась во всемъ и даже въ томъ высоко-художественномъ злѣ, которое онъ сѣялъ кругомъ себя. Жить онъ умѣлъ, какъ никто другой, и пока монастырская братія сидѣла на кислой капустѣ и горошницѣ, Ирнархъ имѣлъ самую изысканнѣйшую кухню и поливалъ двадцатипятирублевый рейнвель. Слава объ Ирнархѣ гремѣла по всей губерніи; и въ Гавриловскій монастырь изъ-за сотней верстъ стекались благочестивыя души, жаждавшія слушанія „меловой службы“ Ирнарха и уединенныхъ бесѣдъ съ этимъ пастыремъ словеснаго стада въ его игрушкѣхъ-комнатахъ. Рассказывали, что богомольныя красавыя барыни пріѣзжали за тысячу верстъ, чтобы посмотреть красавца-владыку и удостоиться поднести ему какой-нибудь цѣнный подарокъ на память. Ирнархъ очень благосклонно относился къ этимъ, „взыскующимъ града“, и слава его росла вмѣстѣ съ разказами о его тысячныхъ рыскахъ, дорогихъ обѣдахъ и тонкихъ винахъ.

Я не буду входить въ подробности той тяжелой жизни, какая выпала на мою долю за монастырской стѣной; по приведенному типу Ирнарха можно сдѣлать приблизительное о ней понятіе; но когда наступили первые лѣтніе каникулы въ моей жизни, я обезумѣлъ отъ радости. Все, что было во мнѣ напускнаго и взятаго на прокатъ—все это, какъ чешуя, отпало

само собой, уступивъ мѣсто могучему чувству безпредѣльной любви къ родинѣ. Правда, мнѣ очень тяжело было разставаться съ Симочкой, но я сейчасъ-же утѣшился, какъ отъѣхавъ отъ Гавриловска версть двадцать. Я равнодушно тащился между колосившихся нивъ и богатыхъ деревень на крестьянской телегѣ вмѣстѣ съ другими товарищами и смотрѣлъ туда, на сѣверъ, гдѣ волнистой линіей въ синеватой дымкѣ горизонта вставали и все сплнѣннѣе выяснялись силуеты Уральскихъ горъ: тамъ Таракановка, тамъ отецъ и мать, сестры и братья... Какъ я обвиню ихъ всѣхъ... А Луковна? Меркулычъ? Что-то они дѣлаютъ всѣ, и какъ встрѣтятъ меня... Опять жить въ лѣсу, на охотѣ и на цѣлыхъ полтора мѣсяца забыть объ Ирнархѣ, о дежурствѣ въ „каменномъ мѣшкѣ“, сценахъ „подъ колоколомъ“, гдѣ по субботамъ драли учениковъ, о Гришкѣ и Антонѣ, лупившихъ меня на всѣ корки.

Что прежде всего и самымъ пріятнымъ образомъ поразило меня, такъ это то, что я сразу почувствовалъ, что въ нашемъ домѣ какъ будто не стало прежней вопіющей бѣдности, — лучше ѣли и лучше одѣвались. Дѣло объяснилось очень просто тѣмъ, что Аполлонъ поступилъ на службу, и хотя получалъ всего пятнадцать рублей жалованья, но всѣ эти деньги отдавалъ отцу. Эти сто восемьдесятъ ливневыхъ рублей въ годъ были для нашей семьи якоремъ спасенія, тѣмъ болѣе что мое ученіе обходилось въ годъ въ сорокъ пять рублей, — цифра совсѣмъ невѣроятная въ нынѣшнее время, а она имѣла значеніе дѣйствительности десять—пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Меня опечалило лишь одно обстоятельство, именно то, что Луковны не было въ Таракановкѣ, она уѣхала въ Петербургъ провѣдать Сергѣя Павлыча, который сильно прихварывалъ весной или, какъ объясняли другіе, хотѣлъ жениться и для этого выписалъ свою „маменьку“. Въ пзушкѣ жилъ теперь одинъ неукротимый Квнтильянъ, и я совсѣмъ не заглядывалъ въ эту пещеру рыкающаго льва; за то мы съ братомъ каждый день бывали у Меркулыча. Лапа теперь называлась Олимпиадой Павловной, она пополнила и сдѣлалась рыхлой; спала

даже на ходу и просыпалась только тогда, когда считала нужным обругать Меркулыча. Этот примѣрный мужъ выносилъ съ примѣрнымъ терпѣніемъ отъ своей супруги все и только лукаво подмигивалъ, потому что Лана, т. е. Олимпіада Павловна находилась въ такомъ положеніи, которое требовало присутствія и самаго дѣятельнаго участія Климовны, этой сплетницы—старушенки, распустившей о Лапѣ предѣ прїѣздомъ доктора свои сплетни. Меня удивляло терпѣніе Меркулыча, который позволялъ этой старушенкѣ появляться въ его домѣ.

Въ іюлѣ поспѣли всякіе выводы и мы съ Меркулычемъ начали свой охотничій сезонъ. Олимпіада Павловна не только не удерживала Меркулыча, но сама гнала его и постоянно смѣялась надъ Аполлономъ, который, ссылаясь на ревматизмъ, совсѣмъ не ходилъ на охоту и оставался дома. Я отдавался этому удовольствію съ полной страстью и былъ недоволенъ поведеніемъ Меркулыча, который относился къ дѣлу уже не съ прежнимъ самоотверженіемъ, а, какъ кажется, съ единственною цѣлью побольше набить дичи; этотъ промышленный духъ, который смѣнилъ прежнее поэтическое удовольствіе, огорчалъ и даже оскорблялъ меня. Затѣмъ, не было и помину о томъ, чтобы провести ночь гдѣ нибудь въ глухомъ лѣсу, какъ это мы дѣлали прежде: Меркулычъ рвался на свое попелище и морщилъ лобъ, когда мы запаздывали,—словомъ, это былъ другой человѣкъ, и я не скучалъ съ нимъ только потому, что больше, не съ кѣмъ было ходить на охоту, а время бѣжало съ поразительной быстротой, приближая роковую минуту отъѣзда въ Гавриловскъ подъ высокое покровительство Иринарха.

Разъ, въ концѣ іюля, подхожу раннимъ утромъ къ домику Меркулыча, и только занесъ было руку, чтобы постучать въ окно, и впередъ отлично представлялъ себѣ, какъ въ окнѣ покажется заспанная фізіономія моего друга съ взъерошенными волосами,—руки сами опустились, и я простоялъ подъ окномъ нѣсколько минутъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, точно по мнѣ кто нибудь выстрѣдилъ: новенькія ворота домика Меркулыча были вымазаны широкими полосами дегтя... Въ переводѣ это

означало самую ужасную вещь, какая только существуетъ въ провинціальной жизни: вымазанныя дегтемъ ворота—это вѣчный позоръ дома и несмываемое пятно на его репутаціи. Я долго не могъ придти въ себя, а когда въ окнѣ показался Меркулычъ,—я ничего не могъ выговорить, а только показалъ знаками, чтобы онъ сейчасъ-же вышелъ на улицу. Когда Меркулычъ показался въ калиткѣ, я молча указалъ ему на ворота.—Вѣднѣй мой другъ поблѣднѣлъ и слабо вскрикнулъ.

— Кирша, что это... Господи... безсвязно бормоталъ растерявшійся Меркулычъ, вынуская изъ рукъ полы своего халата.

Отворить ворота, снять вымазанныя половинки съ петель и убрать ихъ на задній дворъ—было дѣломъ одной минуты; въ слѣдующую затѣмъ минуту Меркулычъ въ щелы разрубилъ эти несчастныя половинки, и мы, молча, спрятали ихъ въ конюшнѣ. Объ охотѣ въ этотъ день нечего было и думать, великолѣпное утро пропало, и я вернулся домой „съ растрепанными чувствами“; предъ моими глазами стоялъ убитый Меркулычъ, который со слезами на глазахъ поблѣвшими губами шепталъ: „за что? Господи... Кому я сдѣлалъ зло?“ Лежа въ постели, я долго думалъ, кто бы могъ устроить такую штуку Меркулычу и рѣшилъ, что это дѣло Прошки. Не смотря на свое огорченіе, я заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ, а когда проснулся, было уже часовъ одиннадцать утра, и въ передней сидѣла съ своимъ таинственнымъ видомъ Климовна—значить, какъ я догадался, вѣсть о скандалѣ успѣла уже облетѣть всю Таракановку, и наши усилія скрыть всякія слѣды остались тщетными. Мать была видимо огорчена и старалась не смотрѣть на меня, сестры шептались, отца и Аполлона не было дома.

— Жаль... какъ жаль! шептала поблекшими губами Климовна.—Она-то послѣднее время ходить, пожалуй, чего-бы не попритчилось... А самъ-отъ сѣлъ въ уголь и сидитъ, какъ очумѣлый; изъ волости присылали за нимъ, не пошелъ.

Отецъ скоро вернулся, онъ былъ у Меркулыча и только махнулъ рукой, когда мать вопросительно посмотрѣла на него.

— Ни за грошь зарѣзали парня, говорилъ онъ, когда Климовна вышла: Меркулычъ ни на кого не думаетъ. Встрѣтилъ сейчасъ Прошку на улицѣ, улыбается, животное; такъ бы по толстой мордѣ его и смазаль...

— Викентій Афонасичъ?!

— Ахъ, матушка, что за церемоніи! Если-бы не сані мой да не старость—засучилъ бы рукава и собственными руками... Понимаешь? Было время, когда лошадь за переднія ноги поднималъ... Да, былъ конь да уѣзжанъ!

Эта исторія съ Меркулычемъ надѣлала большаго шума; самъ Меркулычъ цѣлую недѣлю никуда не показывался, Олимпиада Павловна заливалась слезами, какъ рѣка, и нѣсколько разъ прибѣгала къ намъ въ самомъ отчаянномъ видѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Меркулычъ жестоко запилъ, и все пошло вверхъ дномъ. Онъ походилъ теперь скорѣе на звѣря, чѣмъ на человѣка и нѣсколько разъ съ ножомъ бросался на беременную жену, а когда приходилъ въ себя, плакалъ и на колѣняхъ просилъ прощенія. Отецъ нѣсколько разъ ходилъ къ нему дѣлать увѣщанія. Меркулычъ слушалъ его, обѣщаль исправиться и запивалъ горше прежняго. Я не оставлялъ своего друга, но мое присутствіе едва-ли сколько нибудь помогало Меркулычу: онъ пилъ рюмка за рюмкой, ломалъ все, что попадалось ему подъ руку и по всей вѣроятности сошелъ-бы совсѣмъ съ ума, если-бы въ самую критическую минуту не явилась изъ Петербурга Луковна, торопившаяся къ „разрѣшенію“ дочери.

— Ну, и слава Богу! проговорилъ отецъ, когда услышалъ о приѣздѣ Луковны: Луковна все устроить... Эта, братъ, бывала въ передѣлкахъ!

Я сидѣлъ у Меркулыча, когда Луковна въ первый разъ заявила къ зятю. Меркулычъ былъ по обыкновенію пьянъ и сидѣлъ у окна. Луковна тихо вошла въ комнату, помолилась и, оглянувшись кругомъ, прямо подошла къ зятю.

— Грѣхъ тебѣ, Меркулычъ, тихо заговорила Луковна, въ упоръ глядя на зятя.

— У-уди!.. глухо зарычалъ Меркулычъ, сжимая кулаки.

— Нѣтъ, я не затѣмъ пришла...

— Уди!..

— Мнѣ съ тобой нужно поговорить...

— А... со мной?! Ты... нѣтъ, ты вотъ съ ней, со своей змѣей поговори! яростно закричалъ Меркулычъ, указывая на жену. — У-у... змѣя подколотная!.. Луковна, не подходи: убью!.. зарѣжу!..

— Вре-ешь, не убе-ешь, какъ-то на-распѣвъ отгвѣтила Луковна и смѣло подошла къ зятю:—ну бей...

Меркулычъ метнулся какъ дикій звѣрь, и застоналъ; онъ испугался старухи, не сводившей съ него глазъ; эта нѣмая сцена продолжилась нѣсколько секундъ, заставила вспотѣть Меркулыча, и онъ только страшно водилъ выкаченными глазами.

— А мнѣ, ты думаешь, легко... а? Мнѣ легко? задышавшимся шепотомъ говорила Луковна. — Я вѣдь не оправдываю дочь...

— Я... я... любилъ!.. скрежеща зубами и закрывъ лицо, шептала Меркулычъ.

— Ты младенца пожалѣй... безвиннаго младенца: вотъ затѣмъ я пришла къ тебѣ... Въ немъ божья душа-то, отчаянный ты человѣкъ!.. О Богѣ-то позабылъ... А ты того не думаешь, что можетъ это кто со зла сдѣлать на тебя? Мало-ли добрыхъ-то людей?..

— Да, вѣдь, мнѣ на улицу теперь показаться нельзя... пальцами будутъ всѣ указывать... вотъ что!.. Это какъ по твоему? Лучше-бы убили меня... легче-бы мнѣ...

— А по моему, нужно Богу молиться.

Луковна продолжала говорить въ этомъ же родѣ, Меркулычъ слушалъ ее и стихалъ, изрѣдка озираясь по сторонамъ, точно онъ боялся какой засады; въ этой сценѣ Луковна являлась для меня въ новомъ свѣтѣ, въ ней сказывалась какая-то несокрушимая ничѣмъ сила жизни и умѣнье стать выше самыхъ критическихъ обстоятельствъ. Самый тонъ ея голоса, видъ ея энергичной фигуры, упорный взглядъ небольшихъ черныхъ

глазъ, горѣвшихъ огнемъ, — все это, вмѣстѣ взятое, производило успокаивающее впечатлѣніе, какъ присутствіе авторитетнаго доктора, одинъ видъ котораго внушаетъ больному надежду. Подавленный горемъ умъ Меркулыча отказывался работать, но чувства жили съ болѣзненной энергіей, создавая воображаемая муки — вотъ противъ этого болѣзненнаго состоянія присутствіе Луковны было лучшимъ лекарствомъ для Меркулыча. Въ виду такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, Луковна на время разсталась даже съ своей избушкой и поселилась у зятя. Меркулычъ быстро началъ поправляться, бросилъ водку, пересталъ буянить и только по временамъ на него находили какіе-то столбняки. По наружному виду это былъ совсѣмъ другой человѣкъ — о румянцѣ не было и помину, глаза округлились и смотрѣли тревожнымъ, напряженнымъ взглядомъ, по лицу легкой тѣнью постоянно пробѣгало чувство дѣтскаго страха при малѣйшемъ стукѣ; о своемъ костюмѣ Меркулычъ больше не заботился, — не поправлялъ галстука, не обдергивалъ на себѣ казинетоваго пиджака; изъ всѣхъ старыхъ привычекъ у него остались двѣ — нерѣшительное криканье и надуванье щекъ, точно ему постоянно было жарко.

Живя у зятя, Луковна совсѣмъ не замѣчала дочери и не говорила съ ней ни слова; Блимовна больше не появлялась. Это напряженное состояніе наконецъ разрѣшилось появленіемъ въ домикѣ Меркулыча четвертаго дѣйствующаго лица, отчаянные дѣтскіе крики котораго разогнали остатки накатившейся тучи, и Меркулычъ даже повеселѣлъ, когда къ нему потянулись красныя дѣтскія рученки; его доброе любящее сердце всѣ свои силы сосредоточило на этомъ маленькомъ существѣ, и онъ даже началъ ходить опять въ волость на свою службу, о чемъ раньше и слышать не хотѣлъ. Олимпіяда Павловна тоже подняла голову и помаленьку опять начала заирать мужа въ свои руки; она даже считала необходимымъ усиленно кричать на Меркулыча, когда онъ бралъ ребенка на руки, не умѣлъ его успокоить или не просыпался ночью, когда ребенокъ кричалъ.

— А, всетаки, лучше-бы имъ уѣхать куда нибудь, нѣсколько разъ говаривалъ отецъ: — конечно, домишко у нихъ свой, хозяйство, а всетаки лучше ужъ бросить все. Народъ здѣсь зѣбрь зѣbremъ, а Меркулычъ рубаха-парень, пожалуйъ обидять, неровенъ часъ.

— Ъхать-то некуда, о. Викентій, отвѣчала Луковна: — и безъ насъ тѣсно вездѣ.

— Всетаки лучше, Луковна.

— Здѣсь свой уголь есть, о. Викентій, а поѣхаль отсюда—нашимай квартиру. Капиталовъ-то не накоплено, а тутъ дите на рукахъ...

— А къ Сергѣю Павловичу толкнуться-бы... Можетъ онъ гдѣ нибудь нашель бы подходящую службу.

— Ой, что вы, о. Викентій! Разѣ Сереженька такой чело-вѣкъ,—съ нимъ вѣдь каши не сварить. Онъ съ своей-то голо-вой не пособился: все стонеть да морщится. Другой разъ даже смотрѣть тошно: потемнѣеть весь изъ себя, глазки мут-ные такіе сдѣлаются. „Скучно“, говорить, „маменька“...

Разъ мы сидѣли съ Меркулычемъ въ волости; Меркулычъ писалъ какую-то безконечную „бумагу“, а я думалъ о Заплет-аевѣ и заплетаевскихъ поповнахъ, въ окнѣ звенѣла и жуж-жала большая зеленая муха, я сладко мечталъ—въ это время въ передней послышались тяжелые неровные шаги, и въ во-лость ввалились Прошка съ Вахрушкой, едва держась на ногахъ. Они были сильно пьяны, Прошка посмотрѣлъ на насъ нали-тыми кровью глазами и, шатаясь, подошелъ къ столу. Вах-рушка подошелъ за нимъ и, съ глупой улыбкой, уставилъ глаза на Меркулычѣ.

— Ты... ты что же сидишь?.. хриплымъ голосомъ загово-рилъ Прошка.

— Не танцевать-же мнѣ предъ тобой, огрызнулся Мер-кулычъ: — вишь бумагу пишу.

— А ежели... значить... я твое начальство... должонъ ты мнѣ, али нѣтъ, со всякимъ почтеньемъ... а? Вахрушка... а

Вахрушка... ты какое понятіе въ своей голову пнѣешь на счетъ этого дѣла?.. А?..

— А я такъ полагаю въ своихъ мысляхъ, отозвался Вахрушка, поправляя кумачную рубашку: — я полагаю, что Меркулычъ... онъ въ понятіи затмился...

— Отвяжитесь черги! зарычалъ Меркулычъ. — Вишь, налили шары-то... Убирайтесь!

— Надъ землей-то ты не больно страшень, загремѣлъ Вахрушка: — разѣ тебя подъ землей-то много...

— А ты, Прошъ, не трогай Меркулыча, вступился Вахрушка, оттаскивая Прошку за рукавъ: — Меркулычъ теперь, братъ подобно тому, какъ помѣщикъ... Меркулычъ, а Меркулычъ! съ новорожденнымъ...

Меркулычъ страшно поблѣднѣлъ и какими-то остановившимися глазами посмотрѣлъ на Вахрушку; перо задрожало въ его рукахъ.

— Съ новорожденнымъ, Меркулычъ... хрипло протанулъ Прошка: — съ наслѣдничкомъ... только говорятъ, что отъ него деготькомъ припахиваетъ...

Меркулычъ молчалъ и только какъ-то весь выпрямился на своемъ стулѣ.

— Какъ здоровье Олемпеяды Павловны?.. Чисто ходишь, бѣло носишь, кого любишь, съ кѣмъ живешь!.. при этихъ словахъ Прошка засмѣялся хриплымъ наглымъ смѣхомъ.

— А вотъ мы, дегтярника этого крестить скоро будемъ, со смѣхомъ заговорилъ Вахрушка! — Блнтільяна въ крестные отцы поставимъ... онъ окрестилъ тебѣ ворота-то!..

Вахрушка не успѣлъ закрыть рта, какъ Меркулычъ однимъ движеніемъ, какъ дикій звѣрь, прыгнулъ изъ-за стола прямо на Вахрушку, сбиль его съ ногъ и съ дикимъ, нечеловѣческимъ воемъ впился въ него; они покатались по полу. Меркулычъ первое время одолѣвалъ своего врага, но потомъ могучія руки Вахрушки, какъ клещами, сжали ему спину, и онъ очутился на низу. Вахрушка сѣлъ на Меркулыча верхомъ, кумачная рубаха была на немъ вся разорвана, по лицу текла

кровь, и онъ началъ наносить страшные удары Меркулычу по лицу и въ грудь, точно кто молотилъ его пудовыми гирями, такъ что слышно было, какъ хрустѣли кости подъ этими ударами.

— Дуи его, Лапухина мужа — мазаны ворота! хрипѣлъ Прошка, толкая Меркулыча своимъ сапогомъ прямо въ лицо. — Задувай его...

Увидѣвъ это побоище, я опрометью кинулся изъ волости: отецъ и Аполлонъ были къ счастью дома, они сейчасъ-же побѣжали выручать Меркулыча. Когда мы входили въ волость, Прошка и Вахрушка попались намъ на встрѣчу: они шли, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что это вы дѣлаете, разбойники! закричалъ отецъ.

— А тебѣ какое дѣло? глухо отозвался Прошка.

— Мнѣ?!.. Мнѣ?!.. Вы тутъ человекъ убили, разбойники! . закричалъ отецъ такъ громко, что я задрожалъ отъ страха.

— Я васъ подъ судъ отдамъ... въ Сибирь...

— У тебя долги волосы-то, такъ я тебѣ ихъ расчесу, мрачно отозвался Вахрушка.

Я силой утащилъ отца въ волость. Меркулычъ буквально плавалъ въ крови съ посинѣлымъ лицомъ и стиснутыми зубами; это былъ кусокъ мяса, на который было страшно смотрѣть. Мы кое-какъ привели Меркулыча въ чувство, потомъ я сбѣгалъ за Январемъ Якимычемъ и только при его помощи мы возвратили Меркулычу нѣсколько человѣческой видъ: обмыли кровь, привели въ порядокъ одежду и смочили страшные синяки какой-то примочкой, какую захватилъ съ собой Январь Якимычъ. Я никогда не видѣлъ такихъ страшныхъ синяковъ, какими было покрыто все тѣло Меркулыча: громадные синія пузыри съ багровыми подтеками всплыли на груди, на плечахъ, на спинѣ; носъ распухъ, глазъ почти было совсѣмъ не видно подъ синими пятнами. Меркулычъ все время молчалъ; его тѣло покорно принимало всякое положеніе, какое ему давали, какъ у мертвого.

— Ахъ, христопродавцы... ахъ разбойники! кричалъ Ян-

варь Якимычъ, натирая спину примочкою. — Ахъ, кошки ихъ залягай...

— Въ Сибирь мошенниковъ сошлю! кричалъ отецъ.

— Совсѣмъ изуродовали человѣка... о. Викентій, вы по пузырю трите силнѣе... вотъ такъ... лѣвѣ не много! Ахъ, Господи помилуй... ахъ, хриstopродавцы... Аполлоша, ты голову придерживай... отродясь не видывалъ этакой страсти! Да не подлещи-ли, о. Викентій... не лѣшаки-ли! Прости ты меня, Господи!.. Ахъ, заѣшь ихъ собака...

Меркулыча замертво стащили домой, и онъ вылежалъ въ постели двѣ недѣли; онъ лежалъ тихо, не жаловался, не стоналъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Луковна и Олимпіяда Павловна ухаживали за нимъ съ убитыми заплаканными лицами; я нѣсколько разъ пытался утѣшать своего друга, но Меркулычъ молчалъ и только разъ, прощаясь со мной, глухо проговорилъ:

— Ты, Кирша, напрасно утѣшаешь меня... я не маленький... Ты э того теперь не поймешь... когда больше будешь... тогда...

Когда я взялся уже за скобку, двери, Меркулычъ еще разъ остановился и, оглядѣвшись кругомъ, тихо проговорилъ:

— Пойдешь въ лѣсъ, Кирша... въ горы... Поклонись имъ отъ меня: и лѣсу, и горамъ, и травѣ... не гулять мнѣ больше...

Въ первыхъ числахъ августа, рано утромъ, когда еще всѣ спали въ нашемъ домѣ, меня разбудилъ чей-то тихій плачъ и глухое причитанье; я выглянулъ изъ за печки и увидѣлъ Луковну, которая стояла у самыхъ дверей и тихо плакала. Отецъ съ блѣднымъ лицомъ торопливо надѣвалъ на себя казинетовый подрясникъ и никакъ не могъ застегнуть пуговицы, потому что руки у него сильно тряслись. Онъ съ тяжелымъ вздохомъ нѣсколько разъ проговорилъ: „ахъ Господи... да что-же это такое?“ Вскочить съ постели и одѣться—было дѣломъ минуты, а въ слѣдующую минуту я уже босикомъ лѣтѣлъ по улицѣ прямо къ Меркулычу и далеко опередилъ отца,

который при своей отдышкѣ не могъ ходить скоро. Калитка въ домѣ Меркулыча была отворена; во дворѣ стояли два мужика, за ними видѣлась какая-то баба съ бѣлоголовымъ мальчикомъ на рукахъ.

— Вонъ тамъ повѣсился, проговорилъ одинъ изъ мужиковъ, тыкая пальцемъ въ сторону сарая.

Я опрометью бросился въ двери конюшни и отскочилъ назадъ: въ самыхъ дверяхъ впеѣли чьи-то бѣлыя ноги. Прибѣжавшій отецъ велѣлъ мужикамъ снять Меркулыча; они переглянулись, почесали затылокъ и неохотно вошли въ конюшню; черезъ минуту бѣлыя ноги мертвымъ движеніемъ опустились на полъ. Точно вынырнувшій изъ подъ земли Январь Якимычъ схватился за нихъ и потащилъ изъ дверей. Меркулычъ былъ въ одномъ бѣльѣ, посинѣлая голова съ открытыми мутными глазами безжизненно стукнулась о порогъ, руки были вытянуты; Январь Якимычъ припалъ ухомъ къ груди Меркулыча, пощупалъ пульсъ и, перекрестившись, прошепталъ:

— Кончено-съ... все кончено-съ!..

Ребенокъ, сидѣвшій на рукахъ бабы, дико вскрикнулъ, когда увидалъ синее лицо Меркулыча, я точно проснулся отъ этого отчаяннаго крика и заплакалъ; отецъ стоялъ около меня и тоже плакалъ.

VII.

Черезъ недѣлю послѣ смерти Меркулыча я уѣхалъ въ Гавриловскъ; говоря правду, мнѣ пожалуй ужъ наскучило жить въ Таракановкѣ, да и перспектива увидеть Симочку сильно заманивала меня. Дѣйствительность жестоко обманула Кира Обонполова. Въ ближайшее воскресенье я отправился въ Заплетаево, одѣвшись въ новенькій камлотовый скюртучекъ, который мнѣ спила мать предъ отъѣздомъ. Съ замиравшимъ сердцемъ я подходилъ къ домику о. Марка и первое, что неприятно поразило меня, это пролетка Ирнарха, стоявшая у подъ-

Бзда. На минуту во мнѣ колебалось желаніе видѣть Симочку. чтобы не столкнуться носомъ къ носу съ Ирринархомъ, но погомъ мной овладѣла какая-то отчаянная рѣшимость, и я смѣло вошелъ въ переднюю. Въ залѣ никого не было, но изъ голубой гостиной доносился звонкій голосокъ и смѣхъ Симочки, что еще больше меня ободрило. Отворивъ дверь, я остановился въ недоумѣніи, такъ меня поразила представившаяся моимъ глазамъ картина: на небольшомъ голубенькомъ диванчикѣ сидѣлъ Ирринархъ и держалъ на раздвинутыхъ рукахъ мотокъ нитокъ. Симочка стояла передъ нимъ и съ веселымъ щебетаньемъ свивала нитки въ клубокъ. Мое неожиданное появленіе смутило и даже разсердило дѣвочку, — нѣтъ, теперь уже не дѣвочку, а цѣлую барышню, которая ходила уже въ длинномъ платьѣ. Она взглянула на меня изподлобья и, вздернувъ носкомъ, совершенно равнодушно проговорила:

— А... это ты, Бирша... И больше ничего, точно въ комнату вошла кошка. Ирринархъ не только не смутился, но съ своей неизмѣнной улыбкой поманилъ меня къ себѣ пальцемъ и, передавая мнѣ мотокъ нитокъ, пѣвуче проговорилъ:

— Я, братъ, поработалъ въ свою долю, теперь твоя очередь.

Симочка сильно измѣнилась въ теченіи лѣта — выросла, поблѣднѣла, отпустила длинную русую косу; на ней было надѣто шерстяное синее платье, въ русыхъ волосахъ чернѣла бархатная ленточка. Я покорно взялъ изъ рукъ Ирринарха мотокъ нитокъ и сталъ его держать, но въ этотъ разъ мнѣ не было суждено угодить Симочкѣ, — ей все не нравилось, она десять разъ поправляла мои руки, сердилась и рвала одну нитку за другой. Моя попытка занять ее разговоромъ о Меркулычѣ не только не привела къ желанной цѣли, но даже, наоборотъ, вызвала сильное неудовольствіе, и Симочка, надувъ пухлыя губки, сердито проговорила!

— Очень мнѣ нужно знать, какъ повѣсился вашъ Меркулычъ... Ты, Бирша, совсѣмъ поглупѣлъ и не придумалъ ничего лучше. Держи руки прямѣе, говорятъ тебѣ!..

Это было уже слишком даже для совсѣмъ влюбленнаго, и Киръ Обоиполовъ почувствовалъ, какъ что-то защипало у него въ носу, сдавило горло, и потемнѣло въ глазахъ. Оставался одинъ только шагъ, и я расплакался бы самымъ глупѣйшимъ образомъ, но меня спасла въ самую критическую минуту одна роковая мысль, которая, какъ молнія, освѣтила всю картину... Да, я сразу понялъ все, и въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ закипѣла сильнѣйшая ревность къ моему счастливому сопернику, которымъ былъ конечно никто иной, какъ Ирпнархъ. Теперь я понялъ смыслъ той сцены, свидѣтелемъ которой сдѣлался такъ неожиданно, понялъ источникъ звонкаго смѣха Симочки съ Ирпнархомъ, и ея коварное поведеніе относительно меня. Ослѣпленный собственнымъ своимъ чувствомъ, я даже не сообразилъ того, что не имѣлъ никакихъ правъ требовать чтонибудь, и что вообще она держалась со мной на равной ногѣ, какъ мальчикъ; я никакъ не могъ одолѣть той мысли, что прежней Симочки уже нѣтъ, а есть другая Симочка, которая перешла въ другой возрастъ и оставила меня сразу далеко назадъ.

По лицу Симочки я прочиталъ, какъ по книгѣ, что она смотрѣла на меня съ презрѣніемъ,—значить все было кончено; я холодно простился съ ней и печально побрелъ къ выходу. Въ залѣ я встрѣтилъ Агнію Марковну, которая по своему обыкновенію безцѣльно бродила изъ комнаты въ комнату и что-то жевала. Она остановилась и посмотрѣла на меня тѣмъ особеннымъ взглядомъ, когда человѣкъ старается чтонибудь вспомнить; мнѣ показалось, что она все знала и жалѣла меня. Она еще сильнѣе пополнила, точно распухла, но была по прежнему неподвижно-красива, точно сейчасъ встала съ постели; пухлыя бѣлыя руки съ пальцами, унизанными блестящими кольцами, висѣли совершенно безсилно въ такомъ положеніи, какъ будто послѣ самой тяжелой работы.

— Гдѣ Симочка? спросила меня Агнія Марковна вѣроятно затѣмъ, чтобы сказать чтонибудь.

Я ничего не отвѣтилъ ей и, какъ сумашедшій, выбѣжалъ изъ гостиной: меня давила эта роскошь, эти трюмо, бархатные

обои, мягкая мебель, бронза, ковры, мнѣ страстно захотѣлось на свѣжій воздухъ, на берегъ Ирени, гдѣ бы я могъ броситься подъ своей любимой вербой въ густую траву, спрятать въ ней свое лицо и здѣсь выплакать свое горе и приготовиться къ тому, что меня ожидало впереди. Я былъ увѣренъ, что Ирнархъ будетъ мнѣ мстить и мысленно простался со всѣмъ, что было мнѣ дорого. Когда я проходилъ уже подъ окнами, меня остановилъ голосъ о. Марка:

— Эй, паренекъ, стой!

Я остановился. Изъ окна кабинета выставилась голова о. Марка въ неизмѣнной мѣховоѣ шапкѣ, и его изрытое оспой лицо съ узенькими черными глазками смотрѣло на меня съ веселой улыбкой.

— А что отецъ? спрашивалъ о. Маркъ, свѣшиваясь изъ окна; онъ былъ въ одной ситцевой рубашкѣ.

— Кланяется вамъ...

— Спасибо; здоровъ?

— Здоровъ.

— Хорошо. А что Аполлонъ?

— Служить.

— На пятнадцати рубляхъ?

— Да.

— Гм... не много. Ну, прощай, паренекъ, учись хорошенько, а будешь писать домой, напиши отъ меня поклонъ о. Викентью.

Итакъ, все было кончено, рѣшительно все, и я въ глубокомъ раздумьи брелъ на свою квартиру, къ Ивану Андренчу; даже мысль сдѣлаться докторомъ показалась мнѣ совсѣмъ жалкой: стоило-ли быть докторомъ, когда... Словомъ, я переживалъ все то, что переживаютъ всѣ отвергнутые любовники.

Противъ моего ожиданія, Ирнархъ не только не преслѣдовалъ меня, но даже былъ вѣжливѣе, чѣмъ раньше. Хожденіе въ классы, спѣвки, пребываніе у Ирнарха—словомъ, колесо моей жизни завертѣлось своимъ обычнымъ ходомъ, за исключеніемъ одного маленькаго обстоятельства, которое сначала

меня сильно испугало. Послѣ одной спѣвки, которая происходила въ кельи архимандрита, Ирринархъ велѣлъ мнѣ остаться. Сначала я подумалъ, что когда остальные пѣвчіе уйдутъ, Ирринархъ велитъ принести розогъ и задастъ мнѣ одну изъ своихъ художественныхъ порокъ; но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто розогъ Ирринархъ началъ угощать меня пряниками, конфектами и все время самымъ ласковымъ образомъ выспрашивалъ объ отцѣ, братѣ, нашей семьѣ и нашей жизни. Особенно подробно Ирринархъ спрашивалъ меня о братѣ Аполлонѣ.

— Такъ онъ служить въ заводѣ, въ раздумьи говорилъ Ирринархъ:—получаетъ пятнадцать рублей жалованья... Это очень не много... да, немного... Какъ ты думаешь, Кирь „не царь персидскій“?

„Не царь персидскій“ думалъ тоже, что и архимандритъ Ирринархъ, а пока послѣдній въ раздумьи ходилъ по комнатамъ, Кирь таракановскій успѣлъ, „тайно образуяще“, стянуть со стола въ карманъ нѣсколько горстей конфетъ, что сдѣлалъ единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы доказать Гришкѣ и Антону, что Ирринархъ не пороль Обонполова, а угощалъ. Ирринархъ оставилъ меня даже ужинать и все время болталъ со мной о всевозможныхъ пустякахъ; мнѣ еще разъ пришлось убѣдиться, какъ иногда мѣняются люди: Симочка прежней не было, и точно такъ-же не было прежняго Ирринарха. Новый Ирринархъ былъ очень умный и очень веселый человѣкъ, который шутилъ и смѣялся со мной, какъ Меркулычъ, и даже разъ спросилъ:

— А что, „не царь персидскій“, тебѣ нравится Симочка?

Я конечно растерялся, покраснѣлъ и даже, грѣшный человѣкъ, подумалъ, что вотъ теперь-то и начнется порка, какъ разъ въ срединѣ отличнаго ужина, но еще разъ ошибся: Ирринархъ только засмѣялся своимъ загадочнымъ смѣхомъ и проговорилъ:

— Ну, успокойся; она тебя тоже очень любитъ... Она мнѣ сама рассказывала. Симочка очень умная дѣвочка... Да?

Иринархъ пилъ все время вино и замѣтно покраснѣлъ. Глаза у него сильно слипались, и онъ все улыбался, потирая свои бѣлыя руки; онъ нѣсколько разъ спрашивалъ меня, чѣмъ я хочу быть: попомъ или монахомъ. Я отиѣкивался и какъ-то случайно проговорился, что думаю быть докторомъ. Иринархъ раскрылъ глаза, внимательно посмотрѣлъ на меня и въ раздумьи проговорилъ:

— Что-же... отличная вещь. Не ходи, братецъ, въ попы, это главное, а тамъ на всѣ четыре стороны—нынче вездѣ дорога.

Когда я пошелъ домой, Иринархъ остановилъ меня и заговорилъ:

— Вотъ что, Обонполовъ: у твоего брата хорошій голосъ?

— Да.

— Такъ ты напиши отцу, что чѣмъ Аполлону глотать заводскую сажу за пятнадцать рублей, пусть ѣдетъ сюда. Меня о. Маркъ просилъ похлопотать о немъ... Сначала послужить псаломщикомъ, а тамъ, глядя по заслугамъ и если женится, мы его въ дѣяконы поставимъ... Понялъ? Такъ и напиши отцу.

Въ простотѣ своей души я такъ все и принялъ за самую чистую монету и даже былъ готовъ полюбить Иринарха, если-бы онъ на время совсѣмъ не забылъ объ мнѣ, точно между нами не было никакихъ разговоровъ, и точно онъ не зналъ, что я буду докторомъ.

Наступила зима, и городъ, и Гавриловскій монастырь замело бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ. Время тянулось чортovski медленно, тѣмъ болѣе, что я не посѣщать уже о. Марка и только издали нѣсколько разъ видѣлъ заплетаевскихъ поповенъ, когда они вдвоемъ катались на санкахъ бѣговушкахъ. Моя любовь къ Симочкѣ начинала угасать, и я вполне углубился въ нѣдра мудреной бурсацкой науки, гдѣ каждый шагъ впередъ нужно было брать зубомъ, какъ говорилъ отецъ. За то письма, которыя я изрѣдка получалъ изъ Таракановки, доставляли мнѣ глубокое наслажденіе, и я даже потихоньку плакалъ надъ ними, упрекая себя въ неблагодарности, потому что имѣлъ

глупость промѣнять цѣлую Таракановку на одну Симочку. Правда, эти письма отличались большимъ законизмомъ, и ихъ содержаніе больше вертѣлось около хозяйственныхъ вопросовъ, въ родѣ того, что корова Вѣрочки отелилась пестрымъ бычкомъ и т. д., но я умѣлъ по этому скудному содержанію возстановить жизнь въ Таракановкѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ.

Передъ святками я получилъ очень длинное письмо, которое было написано рукой отца, его ровнымъ твердымъ почеркомъ, который я такъ любилъ. Между прочимъ отецъ писалъ: „Братъ твой Аполлонъ зѣло огорчаетъ насъ съ матерью своимъ поведеніемъ. Недавно Аполлонъ объявилъ намъ съ матерью, что онъ возымѣлъ намѣреніе сочетать себя бракомъ съ женой Меркулыча; разумомъ помраченный сынъ не хочетъ слышать нашихъ увѣщаній, упорствуетъ и негодуетъ, ради своей неистовой страсти и плотоугодныя любви... Сей злѣбѣснующійся братъ твой дѣлаетъ насъ съ матерью прискорбными даже до смерти.

„Учись, Киръ Викентьевичъ, уважай старшихъ, люби своихъ начальниковъ, иже, любя, наказуютъ; ты нашъ Веніаминъ, а нашъ Іосифъ самъ предался въ руки новой жены Пентефрія. Кланяйся о. Марку; о предложеніи Иринарха подумаемъ, и проч.

VIII.

На святки я не ѣздилъ въ Таракановку и проводилъ время самымъ печальнымъ образомъ. Больше всего меня огорчило то обстоятельство, что послѣ письма, въ которомъ отецъ жаловался на Аполлона, я въ теченіи цѣлаго мѣсяца не получалъ ни одной строки, хотя самъ писалъ исправно черезъ двѣ недѣли; когда святки прошли и наступили занятія, я даже обрадовался имъ, потому что мое одиночество надоѣло мнѣ хуже тюрьмы. Однажды, въ первыхъ числахъ февраля, я зубрилъ изъ филаретовскаго катихизиса, Антонъ лежалъ на лавкѣ и

плескалъ въ потолокъ, въ это время дверь въ комнату отворилась и показалась лохматая голова кучера о. Марка.

— Тебѣ кого надо? закричалъ Антонъ, запуская въ кучера латинскимъ словаремъ.

Лохматая голова на мгновение скрылась, и потомъ уже за дверями послышалось:

— Здѣсь квартируетъ таракановскій поповичъ? О. Маркъ прислалъ за нимъ...

Я торопливо надѣлъ свой камлотовый сюртучекъ, шубу и вышелъ на улицу, гдѣ меня дожидались уже лубочныя пошевни. Черезъ полчаса мы подъѣзжали къ домику о. Марка, и я никакъ не могъ понять, зачѣмъ ему было нужно меня. Въ головѣ у меня даже мелькнула страшная мысль, что ужъ не умеръ ли мой отецъ, вообще, предчувствіе чего-то дурнаго не оставляло меня всю дорогу. Когда я вошелъ въ переднюю и снималъ калоши, какая-то дѣвочка бросилась мнѣ на шею и молча принялась цѣловать меня; въ первую минуту я принялъ ее за Симочку, каково-же было мое удивленіе, когда эта дѣвочка заговорила голосомъ Вѣрочки... Да, это была Вѣрочка, а изъ гостиной доносился до меня веселый голосъ отца.

— Ну что, докторъ, обрадовался? говоритъ отецъ, когда я бросился обнимать его. — Вотъ, братецъ, тебя приѣхали провѣдать...

Въ голубой гостиной на диванѣ рядомъ съ Агніей Марковной сидѣла моя мать и улыбалась счастливой улыбкой; Надя въ новомъ ситцевомъ платьѣ „съ лазоревыми цвѣточками по розовому фону“ ходила обнявшись съ Симочкой, которая, кокетливо ежа плечиками, прищуренными глазками смотрѣла на Аполлона, мрачно сидѣвшаго въ углу комнаты. Словомъ, вся наша семья была въ полномъ своемъ составѣ, и я не зналъ, какъ раздѣлить себя между ними. О. Маркъ, по случаю приѣзда гостей, облекся въ лежалый подрясникъ табачнаго цвѣта, только что вынутый изъ сундука; онъ весело шурилъ свои маленькіе глазки, торопливо бѣгалъ по комнатѣ маленькими во-

робящими шажками и нѣсколько разъ повторялъ одну и ту же фразу:

— Однако ты, Викентій Афонасьичъ, постарѣлъ... Сильно, братъ, постарѣлъ!

— И ты, о. Маркъ, не помолодѣлъ, добродушно отвѣчалъ отецъ.

— А, вѣдь, подумаешь, давно-ли мы съ тобой на одной скамьѣ сидѣли... а? Вѣдь и Иванъ Андренчъ живъ... Помнишь: „Иванъ Андренчъ, гуська привезу“... Горячо поролъ... бывало, какъ засыплеть лозь пятьдесятъ.

— Ахъ, папа, какой ты разговоръ нашель! томно замѣчала Агнѣя Марковна: — Неужели нѣтъ другаго разговора...

Мать съ замѣчательнымъ искусствомъ перевела рѣчь съ „березовой каши“ на какой-то другой разговоръ. Аполлонъ все время просидѣлъ въ углу, отдѣлываясь односложными отвѣтами; онъ былъ не въ духѣ и нервно покручивалъ небольшіе черные усыки. Я съ перваго раза замѣтилъ, что всѣ наши были разодѣты во все новое и съ удивленіемъ разсматривать новыя платья на сестрахъ и матери, новый подрясникъ на отцѣ и новый суконный сюртукъ на Аполлонѣ. На эту поѣздку въ Заплетаево, чтобы не ударить лицомъ въ грязь предъ о. Маркомъ, былъ затраченъ цѣлый годовыи доходъ отца и даже были взяты деньги въ долгъ у Рукина. У Аполлона были новенькіе серебрянные часы, что по моимъ понятіямъ было верхомъ роскоши. Глядя на туалетъ сестеръ, никто даже и не подумалъ бы, что Вѣрочка дома сама моегъ полы и сама доить корову, а мать съ Надеей просяживаютъ цѣлыя ночи надъ работою „въ люди“. Смыслъ этого маскарада и таинственнаго превращенія изъ художественно наложенныхъ заплатокъ во все новое объяснился для меня только черезъ нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ происходили какія-то таинственныя совѣщанія, обмѣнъ многозначительными взглядами и улыбками — словомъ, цѣлый рядъ самыхъ замысловатыхъ поступковъ. Особенно меня удивляла мать. Она держала себя съ большимъ гоноромъ и ничему не удивлялась; Вѣрочка держала себя точно такъ же и

не выдала себя ни однимъ движеніемъ, только бѣдная Надя попадала въ просакъ на каждомъ шагу и не умѣла скрыть своего удивленія предъ роскошью нарядовъ заклетаевскихъ поповень, ощупывала мягкую мебель и постоянно спрашивала, сколько стоитъ такая вещь и гдѣ куплена. Вообще, Надя была несправима, и мать каждый вечеръ читала ей длиннѣйшія натаціи.

Отецъ съ о. Маркомъ ѣздили съ визитомъ къ Иринарху и пріѣхали оттуда въ самомъ блаженномъ настроеніи; о. Маркъ пѣтушкомъ забѣгалъ впереди отца и, показывая два ряда черныхъ зубовъ, повторялъ: „Что, я тебѣ говорилъ... а? Я тебѣ говорилъ... а? Это, братъ, такой человѣкъ... такой человѣкъ“... Потомъ отецъ съ о. Маркомъ долго о чемъ-то бесѣдовали въ кабинетѣ съ глазу на глазъ, туда же была приглашена мать, и опять совершилась та же таинственная бесѣда. Надя въ обнимку съ Симочкой ходили изъ комнаты въ комнату. Вѣрочка сидѣла съ Агніей Марковной; Аполлонъ ходилъ по залѣ изъ угла въ уголь, безостановочно курилъ папиросы, постоянно вынималъ изъ кармана часы, открывалъ ихъ и, не взглянувъ на циферблатъ, снова пряталъ ихъ въ карманъ. Наконецъ, эти таинственныя совѣщанія кончились, отецъ и мать показались изъ кабинета съ самыми торжественными лицами, о. Маркъ улыбался и утиралъ грязнымъ платкомъ глаза; всѣ сѣли.

— Теперь нужно спросить Агнію Марковну, торжественно заговорилъ отецъ: — теперь за ней слово... Я, Агнія Марковна, учился съ твоимъ отцомъ, жили мы душа въ душу, поженились и вотъ Богъ наградилъ насъ дѣтками. Дѣтки подросли... нужно пристраивать. Вотъ мы говорили...

Аполлонъ блѣдный, какъ полотно, смотрѣлъ своими сѣрыми глазами на отца. Агнія Марковна покраснѣлась и одной рукой перебирала оборочку своего платья; мнѣ было и совѣстно, и больно, и какъ-то неловко за всѣхъ.

— Однимъ словомъ, Аполлонъ Обонполовъ дѣлаетъ вамъ предложеніе, Агнія Марковна! отрѣзалъ наконецъ отецъ. —

Дѣло это очень важное, поэтому вамъ слѣдуетъ о немъ хорошенько подумать, а мы подождемъ...

— Я... я не думала... я... заговорила Агнія Марковна, опуская глаза. — Папа... если...

— Конечно, Аполлонъ не кончилъ курса въ семинаріи, заговорила мать: — но у него отличный голосъ... Архимандритъ общается ему дьяконское мѣсто.

Агнія Марковна какъ-то испуганно, широко раскрытыми глазами посмотрѣла сначала на мать, потомъ на о. Марка, разомъ поблѣднѣла и, закрывъ лицо руками, выбѣжала изъ комнаты.

— Вотъ оно дѣло-то дѣвичье... снисходительно заговорилъ отецъ: — разговору даже боятся...

— Это даже очень хорошо, строго заговорила мать: — Агнія Марковна, какъ воспитанная дѣвушка, и въ мысляхъ конечно ничего не имѣли, а тутъ вдругъ...

— По моему, живи не живи у отца, а все замужъ выходить придется, какъ-то плаксиво затынулъ о. Маркъ: — Только Агнія у меня добрая душа... она... тяжело будетъ мнѣ разставаться съ ней, старику...

— Дѣло житейское, — смѣялся отецъ и рассказалъ интересный случаю анекдотъ о томъ, какъ одна дочь говорила матери, что „хорошо тебѣ, маменькѣ, было выходить замужъ за папеньку, а вѣдь мнѣ приходится идти за чужаго“.

Мать вышла изъ комнаты и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ Агніей Марковной, которая замѣтно успокоилась и изъявила свое согласіе. Жениха и невѣсту заставили поцаловаться, потомъ всѣ молились, вечеромъ пріѣхалъ Иринархъ, веселый, любезный, красивый. Подано было шампанское, и всѣ пили за здоровье жениха и невѣсты.

— Оставить человѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ, пѣвуче говорилъ Иринархъ, отпивая маленькими глотками изъ своего бокала.

Всѣ были очень веселы, улыбались и вообще чувствовали себя необыкновенно хорошо; даже Аполлонъ повеселѣлъ и снис-

одительно улыбался Агніи Марковнѣ. О. Маркъ нѣсколько разъ принимался рассказывать о томъ, какъ его порази, Иринархъ улыбался и, полузакрывая глаза, говорилъ:

— Это было прежде... Вѣдь дѣти, развѣ можно съ нихъ требовать? Я такъ люблю дѣтей...

Иринархъ даже прослезился.

Вечеромъ этого многознаменательнаго дня произошло нѣкоторое событіе, кончившееся для меня самымъ печальнымъ образомъ. Когда я вернулся изъ Заплетаева на свою квартиру, въ моей комнатѣ сидѣли Антонъ и Гришка, благодумствуя коло графина съ водкой. Они были сильно пьяны и недружелюбно посмотрѣли на меня мутными глазами; Гришка, какъ лудный сынъ, не присутствовалъ при сегодняшнемъ торжествѣ, но откуда-то уже все зналъ и встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Ну, будущій родственникъ, шампанское пилъ съ Иринархомъ?

Я ничего не отвѣчалъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Убили бобра... ха-ха! засмѣялся Гришка, обращаясь же къ Антону: — Аполлонъ-то бельведерскій пощелкалъ — ощелкалъ зубами въ Таракановкѣ и придумать: „дай женюсь а богатой невѣстѣ“... Такъ я говорю, Антонъ?

— Та-акъ, соглашался Антонъ, какъ-то забавно поднимая ровни кверху.

— Расчетъ самый вѣрный... ха-ха! продолжалъ Гришка, выпивая рюмку водки: — На голодные-то зубы и Агнія Марковна сойdetъ за настоящую невѣсту... Убили бобра!.. Агнія Марковна три года жила съ Иринархомъ, надоѣла ему, да Симочка подросла — вотъ дурака подходящаго и подыскали столкнуть Агнію Марковну... Живетъ старуха за баринами! А то позабыли, что я наслѣдникъ... Ха-ха!.. Я имъ утромъ носъ-отъ... Думаютъ, умереть о. Маркъ, мы все наслѣдство и заберемъ. Какъ-бы не такъ!

— Ты говоришь, Гришка, Агнія-то три года съ Иринархомъ жила? спрашивалъ Антонъ.

— А то какъ же иначе, конечно жила: я самъ отъ не записочки Иринарху возилъ...

— А теперь, говоришь, онъ Симочку къ рукамъ приближаетъ?

— Вѣрно... конфеты ей возить, улыбается... У-у, разбойникъ! Гришка, братъ, все видитъ да ему наплевать на нихъ на всѣхъ, мнѣ отдай наслѣдство—а тамъ чортъ съ вами съ всѣми.

— А ловко Иринархъ облапошилъ Аполлошку Обонцова.

— Еще какъ ловко: какъ сани подалъ, садись да поѣжай! Во дьякона обѣщаль поставить Аполлошку-то... Ха-ха... Словочки-то о. Иринархъ снялъ, а о. дьяконъ послѣ него снято молочко будетъ допивать... Ха-ха!.. Агнѣя мнѣ сестра, а я всѣмъ скажу, что она съ Иринархомъ жила... И въ рожу наплюю Аполлошкѣ, зачѣмъ за чужимъ наслѣдствомъ гонится!

— Сокрушу зубы грѣшника, и возрадуются кости смиренныя, заключилъ Антонъ.

Вся эта сцена мелькнула предо мной въ какомъ-то туманѣ: помню только, какъ во снѣ, какъ что-то сдавило мнѣ горло; помню, какъ у меня отъ бѣшенства перекосило все лицо; и какъ я бросился со стуломъ на Гришку. Затѣмъ я очутился на полу, кто-то меня таскалъ за волосы, плевалъ мнѣ въ лицо, и наконецъ послышался голосъ Антона: „давай, Гришкецъ, потопчемъ наслѣдника“... Меня начали топтать ногами; давили грудь колѣнкомъ, и наконецъ все скрылось въ какомъ-то тяжеломъ туманѣ. Когда я очнулся, въ комнатѣ никого не было, я по прежнему лежалъ на полу, а въ окно смотрѣла яркая луна; мнѣ почему-то показалось, что я не Киръ Обонцовъ, а Меркулычъ, котораго на моихъ глазахъ колотилъ Прошка съ Вахрушкой... Меркулычъ такъ-же лежалъ на полу и такъ-же не могъ пошевелить ни однимъ пальцемъ; припоминая разговоръ Антона съ Гришкой, я позабылъ о собственномъ положеніи и задрожалъ отъ подавляющаго чувства униженія... Что они говорили о моемъ отцѣ, объ Аполлонѣ, о

Агнии Марковнѣ, о бѣдной Симочкѣ!.. Бѣдная Симочка... Я никогда такъ не любилъ ее, какъ въ эту минуту, и мнѣ невыразима пріятна была одна мысль, что я, вступившись за нашу фамилію честь, пострадалъ отчасти и за нее, даже пролилъ нѣсколько капель крови.

Я кое-какъ доползъ до своей кровати и здѣсь забылся тяжелымъ, ужаснымъ сномъ; утромъ Иванъ Андренчъ пришелъ будить меня, но я могъ только мычать. Старикъ испугался; явилась Ариша, вспрыснула меня холодной водой, но и это всесильное средство не помогало. Рѣшили послать въ Заплетаево. Помню, какъ вбѣжала въ комнату моя мать, припала къ моей постели и громко заплакала; потомъ явились отецъ, о. Маркъ, Аполлонъ. Всѣ выпрашивали меня, но я не говорилъ ни слова о томъ, кто меня билъ и за что; даже пріѣхалъ Иривархъ и тоже пыталъ меня, но я выдерживалъ характеръ и отказался рассказывать что-нибудь наотрѣзъ. Исчезновеніе Антона и Гришки было поразительно, но кажется никто не обращалъ на это вниманія; только вечеромъ, когда со мной сдѣлался бредъ, я разболталъ имена моихъ враговъ, ихъ схватили въ кабакѣ у Катеньки и посадили въ карцеръ. Мать цѣлыхъ три дня не отходила отъ меня, пока я на столько не поправился, что могъ обходиться безъ ея помощи; она больше ничего не спрашивала отъ меня и даже старалась плакать потихоньку отъ меня. Я долго не рѣшался рассказать ей все, но мысль, что Антонъ и Гришка все равно попались, и что они теперь для собственнаго спасенія могутъ оболтать меня,—эта мысль наконецъ развязала мой языкъ, и я со слезами рассказалъ матери все. Мать, молча, выслушала меня и проговорила:

— Мало-ли что говорить, Кирша... А если бы они тебя убили!

— Мама... зачѣмъ они такъ говорили о Симочкѣ!? Я зарѣжу Гришку... возьму ножъ и зарѣжу.

Матери стоило большаго труда успокоить меня; мнѣ было четырнадцать лѣтъ, и я мало по малу поддавался ласковымъ

рѣчамъ, поцалуямъ и тихимъ утѣшеніямъ. Между прочимъ она обѣщала мнѣ, что никому не скажетъ ни слова о моей исторіи, и я помирился съ мыслью не рѣзать Гришку.

— Намъ сколько горя-то было съ Аполлономъ, говорила мать:—разѣ лучше будетъ, если онъ женится на Лапѣ? Агнія Марковна воспитанная дѣвица, напрасно горять про нее разные пустяки.

Итакъ, я пострадалъ, пролежалъ три дня въ постели и на четвертый день меня перевезли въ Заплетаево, гдѣ я цѣлую недѣлю щеголялъ съ перевязанной головой и пластырями на спинѣ. „На молодомъ тѣлѣ и не это износится“, утѣшала меня о. Маркъ, и дѣйствительно мои спякип и ссадины износились какъ разъ на свадьбѣ, къ которой происходили самыя дѣятельныя приготовленія, такъ что въ ихъ шумѣ совсѣмъ позабыли объ мнѣ, что меня сильно огорчало. Въ домѣ о. Марка происходила вдесятеро большая суматоха, чѣмъ на свадьбѣ Меркулыча: тѣже полосы всевозможныхъ матерій, тѣже пѣсни, дѣвичники, обрученье и прочіе церемоніи, для которыхъ выбивались изъ силъ всѣ до послѣдняго человѣка. О. Маркъ метался, какъ мышь въ западнѣ, по всему дому съ какими-то ключами, кричалъ, прискакивалъ на одной ножкѣ и успѣвалъ сто разъ рассказать о томъ, какъ его „кормили березовой кашей“. Иринархъ пріѣзжалъ каждый день, привозилъ съ собой конфетъ, пѣвчихъ и подарилъ моимъ сестрамъ и Симочкѣ по золотому браслету, а невѣстѣ аметистовое колце. Это была такая роскошь, отъ которой у насъ глаза разбѣжались, мы съ какимъ-то удивленіемъ смотрѣли на Иринарха, точно онъ былъ чародѣй, которому стоило тряхнуть рукавомъ своей рясы и изъ нея, какъ изъ рога изобилія, посыплются дождемъ сотни браслетъ.

Гришка и Антошка сидѣли все время въ карцерѣ; я по случаю свадьбы въ училищѣ не учился и нѣсколько разъ изъ любопытства проходилъ мимо карцера. Разъ въ узенькомъ окнѣ съ толстой желѣзной рѣшеткой я замѣтилъ лицо Гришки,

онъ тоже увидѣлъ меня и закричалъ своимъ дикимъ голосомъ:
„наслѣдникъ, изведи изъ темницы душу мою!“

Несчастной женитбѣ Аполлона рѣшительно не везло, и она закончилась крупнымъ скандаломъ. Въ самый день свадьбы къ домику о. Марка, весело позванивая бубенчиками, подкатила совсѣмъ взмыленная тройка; изъ кибитки вышелъ худой старикъ небольшого роста съ золотыми очками на носу. Это былъ такой славный и такой добрый старичекъ: онъ весело поздоровался съ нами, звонко высморкался въ передней и прямо въ своихъ мягкихъ пимпкахъ неслышными шагами, какъ котикъ, прошелъ въ кабинетъ о. Марка.

— Это дядя Симочкинъ, рѣшила Нада.

Я былъ очень доволенъ, что у Симочки такой славный дядя и скоро совсѣмъ позабылъ о немъ. Да и было когда позабыть, потому-что черезъ часъ было назначено вѣнчанье, и во дворѣ стояло уже нѣсколько троекъ изъ поѣзда жениха; я былъ шарфомъ и совсѣмъ обезумѣлъ отъ радости, когда Симочка своими маленькими ручками приколола къ борту моего сюртука прелестной розовый цвѣточекъ. Отъѣздъ въ церковь, обрядъ вѣнчанія, затѣмъ возвращеніе домой—все это проходило, какъ въ туманѣ; помню, какъ отлично пѣли наши училищные пѣвчіе, какъ дьяконъ „отхваталъ апостола“ и особенно налегъ на слова: „жена да боится своего мужа“; затѣмъ помню, что невеста была во всемъ бѣломъ, что Аполлонъ держалъ себя молодцомъ, что я бѣжалъ куда-то съ небольшой иконой, и что меня сильно толкали, и что я тоже всѣхъ толкалъ и все старался быть непремѣнно вмѣстѣ съ Симочкой, одѣтой въ бѣлое кисейное платье и походившей на ангела.

Когда мы вернулись изъ церкви, въ дверяхъ домика о. Марка бойкая старушка—сваха встрѣтила молодыхъ съ рѣшетомъ въ рукахъ и обсыпала ихъ хмѣлемъ, потомъ всѣ прошли въ залъ, отецъ и мать стояли съ иконами въ рукахъ, около нихъ стоялъ о. Маркъ и тоже держалъ икону. Молодыхъ благословилъ. пѣвчіе пропѣли „гради отъ Сіона, невеста моя,

градя голубица моя“... и явился Иринархъ; всѣ помѣстились за одинъ длинный столъ, поздравляли молодыхъ и кричали „горько!“ Молодые цѣловались, мнѣ это очень нравилось, и я тоже кричалъ: „горько!“

— Докторъ знаетъ свое дѣло хорошо, шутилъ Иринархъ на мой счетъ.

Подъ конецъ обѣда, когда общее веселье было во всемъ разгарѣ, двери кабинета о. Марка растворились, и на порогѣ показался дядюшка Спмочки въ своихъ пимикахъ; я только что хотѣлъ крикнуть: „горько, дядюшка!“ какъ взглянулъ на отца и остался съ открытымъ ртомъ. Отецъ страшно поблѣднѣлъ, молча поднялся съ своего мѣста и страшно посмотрѣлъ на сладко улыбавагося дядюшку; мать схватила отца за руку, а о. Маркъ заплетавшимся языкомъ лепеталъ:

— Се что добро и красно, но еже жити, братіе, вкупѣ...

— Подлецъ!! загремѣлъ отецъ и такъ ударилъ кулакомъ по столу, что рюмки и бокалы полетѣли съ него на полъ.

Дядюшка пересталъ кланяться и вопросительно посмотрѣлъ кругомъ; Иринархъ уговаривалъ отца, о. Маркъ, какъ угорѣлый, метался по залу.

— Ты меняпустилъ по міру... задыхавшимся голосомъ съ налитыми кровью глазами дико кричалъ отецъ:—Будь-же ты отъ меня на вѣки подлецъ... Викентій Обонполовъ не будетъ тебѣ кланяться... Викентій...

Отецъ зашатался на мѣстѣ и упалъ на стулъ; я понялъ, что сладенькій дядюшка былъ никто иной, какъ знаменитый консисторскій секретарь Амфилохій Лядвievъ.

Черезъ два дня отецъ умеръ отъ апоплексического удара. Мать была до того убита этимъ страшнымъ горемъ, что даже не могла плакать. Уже послѣ похоронъ она какъ будто пришла въ себя и въ первый разъ горько-горько заплакала. Эти слезы были вызваны словами Нади, которая припомнила, что передъ самымъ отъѣздомъ изъ Таракановки, безъ всякой видимой причины, знаменитая картина, висѣвшая въ передней нашей квартиры въ Таракановкѣ, упала сама собой на полъ.

— Чуяло мое сердце, что это не къ добру, шептала мать, не вытирая слезъ.

ЭПИЛОГЪ.

Годъ смерти моего отца былъ послѣднимъ годомъ моего ученія въ Гавриловскомъ духовномъ училищѣ, изъ котораго я перешелъ въ ...скую семинарію. Въ семинаріи я проучился четыре года „къ качеству казеннокоштнаго“ и отсюда поступилъ въ Казанскій университетъ. Пока я учился въ семинаріи, братъ Аполлонъ получилъ дьяконское мѣсто при Гавриловскомъ монастырѣ, прослужилъ здѣсь два года, спился и черезъ два года умеръ отъ чахотки. Иринарха тоже давно не было на свѣтѣ. Это случилось такъ: „во едину отъ субботъ“, когда въ училищѣ происходила экзекуція, Иринархъ подъ колоколомъ заporолъ одного ученика. Какъ ни силенъ былъ архимандритъ, онъ не могъ замазать этого дѣла. Назначено было слѣдствіе, причемъ всплыли и подвиги Иринарха съ заплетаевскими поповнами, а главнымъ образомъ—богатая монастырская казна оказалась совсѣмъ пустой, и даже была утрачена знаменитая архіерейская митра, осыпанная брилльянтами, сапфирами и аметистами. Скандалъ вышелъ совсѣмъ безпримѣрный, огласить который меньше всего было въ интересахъ духовныхъ слѣдователей, которые, чтобы какъ нибудь замаять эту темную исторію, „сплавили“ Иринарха на покой, куда-то на сѣверь, въ одинъ изъ самыхъ глухихъ монастырей. Объ этой исторіи долго говорили въ ...ской губерніи, но, какъ и многое другое на свѣтѣ, эта исторія была унесена рѣкой забвенія, особенно, когда всѣ узнали, что медовый владыка Иринархъ отдалъ наконецъ свою мудреную душу Богу. Доктора Сергѣя Павлыча тоже давно не было:—онъ кончилъ свои дни въ заведеніи душевныхъ больныхъ въ Казани, гдѣ я, будучи студентомъ, нѣ-

сколько раз имѣлъ случай наблюдать его; болѣзнь—тихое сумашествіе отъ размягченія мозжечка—была безнадежна.

Моя мать по прежнему жила въ Таракановкѣ, у старшей моей сестры Нади, которая вскорѣ послѣ смерти отца вышла за одного изъ представителей фамиліи Портнягиныхъ, бухгалтера таракановской заводской конторы. Вѣрочка тоже была замужемъ. Она теперь носила фамилію Сермягиныхъ. Моимъ сестрамъ выпала мудреная задача примирить эти искони враждовавшія между собою фамиліи.

Прошло ровно десять лѣтъ послѣ смерти отца, когда я въ свѣтлый іюльскій день на парѣ земскихъ лошадей въ какой-то таратайкѣ подъѣзжалъ къ Таракановкѣ. Въ моемъ дорожномъ чемоданѣ лежалъ дипломъ на доктора, значить, мечты Кира Обонполова превратились въ дѣйствительность, хотя на мнѣ и не было военного кителя и на козлахъ не сидѣлъ денщикъ Иванъ, какъ я мечталъ объ этомъ когда-то. Я только что кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ и ѣхалъ на службу въ ...ское земство.

Таракановскій заводъ мало измѣнился за эти девять лѣтъ: тѣже прямые улицы, таже старая деревянная церковь, таже фабрика... Моя повозка выѣзжала на главную площадь. Вотъ и нашъ домикъ, вотъ волость, дома Прошки и Рукина, избушка Луковны. Попалось на встрѣчу нѣсколько рабочихъ—физиономіи совсѣмъ незнакомыя, это ужъ другое поколѣніе, котораго я не зналъ. Распросивъ, гдѣ живеть Портнягинъ, мы остановились предъ небольшимъ домикомъ въ три окна, стоявшемъ позади волости. Вонъ идетъ какая-то старушка по двору съ тарелкой въ рукахъ, она остановилась и внимательно смотритъ на меня черезъ большія очки.

— Мама...

Старушка выронила изъ рукъ свою тарелку, бросилась ко мнѣ на шею и горько заплакала, не переставая шептать какимъ-то страстнымъ задыхающимся шепотомъ:

— Кирша, Кирша... Вотъ отецъ-то не дожидъ до радости... Какъ бы онъ порадовался... а?... Какъ ты постарѣлъ, Бирша...

— Мама, я усталъ съ дороги.

Старушка посмотрѣла пытливымъ взглядомъ мнѣ въ глаза, точно она сомнѣвалась въ моей подлинности и не довѣряла своимъ собственнымъ чувствамъ. Пока происходила эта красно-рѣчивая нѣмая сцена, кто-то дико вскрикнулъ у меня за спиной и повисъ на шеѣ: по голосу это была Надя, но по наружности это была почти старуха, съ желтой морщинистой кожей на лицѣ, съ выцветшими губами и озабоченнымъ взглядомъ.

— Какъ бы папа былъ радъ... пряча у меня на груди лицо, шептала Надя.

Черезъ пять минутъ я сидѣлъ въ небольшой опрятной комнаткѣ, окруженный цѣлымъ роемъ молодыхъ людей: былъ тутъ и Викентій, и Аполлонъ, и даже Кирь; двѣ загорѣлыхъ смуглыхъ дѣвочки стояли не много въ сторонкѣ и не рѣшались подойти къ своему дядѣ; отчаянный дѣтскій вопль слышался откуда-то изъ-за перегородки. Надя и смѣялась, и плакала, и конфузилась за эту полдюжину ребятъ, на которыхъ разрывалось ея доброе любящее сердце, и которыя унесли у нея молодость, пѣсни и смѣхъ.

— И все это Портнягины? спрашивалъ я, лаская русыя головки.

— Все Портнягины...

— А Вѣрочка?

— У Вѣрочки нѣтъ дѣтей, съ гордостью матери объяснила Надя.

Одинъ изъ молодыхъ людей успѣлъ уже сбѣгать за Вѣрочкой, и она входила въ комнату розовая и свѣжая, но не бросилась ко мнѣ на шею, не заплакала, а очень степенно облобызала своего брата и не вспомнила при этомъ объ отцѣ. Мать кажется ошиблась въ своей умной дочери, которая оказалась слишкомъ расчетливой.

— О чемъ же вы плачете? удивилась Вѣрочка.

— Вотъ и Аполлоши нѣтъ... отца нѣтъ... сквозь слезы говорила мать.— Не съ кѣмъ и порадоваться... Когда горе, тогда

не такъ тяжело безъ нихъ, а вотъ ра...радость-то не въ радость... Какъ-то обидно, Вѣрочка... поднялъ бы ихъ изъ могилы...

— А что Луковна? Январь Якимычъ? спрашивалъ я, чтобы перевести разговоръ на другой предметъ.

— Живуть... съ улыбкой сквозь слезы отвѣчала мать.

— А ты слышалъ про Лапу, что она замужъ вышла? спрашивала Вѣрочка.—Вышла за Рукина, Емельяна Ивановича... Теперь купчиха, богатая стала. Дѣти у ней есть... При богатствѣ конечно дѣти хорошо, а при бѣдности не дай Богъ!

Вѣрочка забросила камешокъ въ огородъ Нади, но та только улыбнулась: „дескать, пзъ зависти это, матушка, пустяки говоришь“.

Черезъ часъ я зналъ уже всѣ новости, какія были въ Таракановкѣ, и познакомился съ мужьями сестеръ, которые мнѣ очень понравились, какъ простые и добрые люди. Но это былъ чужой народъ, — и эти хорошіе люди, и это второе изданіе Кировъ, Аполлоновъ и Викентіевъ; меня такъ и тянуло къ Луковнѣ и къ Январю Якимычу, къ этимъ друзьямъ моего дѣтства, которыхъ мнѣ страстно захотѣлось видѣть, говорить съ ними, послушать ихъ старческую болтовню и унести въ далекое-далекое прошлое.

Вечеромъ я подходилъ къ избушкѣ Луковны, и при видѣ этой убогой лачужки у меня дрогнуло сердце, точно растаяла какая-то кора, которая выросла на немъ за эти десять лѣтъ. Ворота были открыты, т. е. не было уже и столбовъ. Наклонившись, я вошелъ въ темныя сѣни и отворилъ дверь въ комнату Луковны. Эта комната была такъ же убога, какъ десять лѣтъ назадъ. На деревянномъ кухонномъ столѣ стоялъ самоваръ и чашки съ недопитымъ чаемъ. Сама Луковна сидѣла у стола на лавкѣ и прищуренными глазами злобно смотрѣла на ходившаго изъ угла въ уголь Января Якимыча. Старики сильно измѣнились; сторбились, похудѣли и точно выцвѣли. Луковна отъ прежней силы сохранила только рѣжущій взглядъ неболь-

шихъ черныхъ глазъ да твердый складъ губъ. Январь Якимычъ, бѣдняга, совсѣмъ высохъ и походилъ на тѣ „сухарни“, т. е. сухія деревья, которыя иногда попадаютъ въ лѣсу и среди живыхъ деревьевъ кажутся такими несчастными. Старики настолько были заняты собой, что не замѣтили моего появленія.

— Красивѣе... красивѣе! повторялъ старикъ, вытягивая тонкую жилистую шею.

— А вотъ и совралъ, отвѣчала Луковна: ежели хвостъ крючкомъ у собаки—это не хорошо, а когда опущенъ—красиво.

— Это, Луковна, только у бѣшеныхъ собакъ хвосты опущены... Прожила ты до преклонныхъ лѣтъ, а этого не знаешь!

— Ну, и ты не молодѣ, батюшка...

— Здравствуйте, заговорилъ я, не понимая ничего въ этой сценѣ.

Старики посмотрѣли въ мою сторону: Луковна поднялась со своего мѣста и съ радостной улыбкой проговорила:

— Какъ же это... да это ты, Кир... вы, Киръ Викентычъ? Ахъ, батюшки...

— Онъ! онъ! радостно возопилъ Январь Якимычъ и, поспѣшно заключивъ меня въ свои объятія, съ раздраженіемъ въ голосъ началъ жаловаться: Вотъ она-съ—Январь Якимычъ кивнулъ головой на Луковну—совсѣмъ изъ ума выживать стала... Ей-Богу! Должно быть, при древности своихъ лѣтъ, въ понятіи мѣшается.

— И ты, батюшка, тоже хорошъ! обиженно заявила въ свою очередь Луковна.

Старики опять сдѣлились на тѣму, какая собака красивѣе—съ опущеннымъ хвостомъ или съ загнутымъ крючкомъ. Они настолько увлеклись своимъ споромъ, что не обращали на меня никакого вниманія, точно мы разстались всего вчера, а не десять лѣтъ назадъ. Это превращеніе въ состояніе полнѣйшаго дѣтства сильно огорчило меня, а потомъ разсмѣшило,

когда старики опомнились и законфузились, причемъ старались свалить вину одинъ на другаго.

Дверь въ бывшую комнату Меркулыча была открыта. Комната была совсѣмъ пустая, и я напрасно искалъ хоть какойнибудь вещи, которая напоминала-бы моего погибшаго друга. Я заглянулъ въ дальнѣйшій конецъ комнаты, тамъ на кучѣ тряпья что-то зашевелилось.

— Кто это тамъ у васъ? спросилъ я.

— А Кнителианъ, можетъ помнишь, отвѣчала Луковна: за свое буйство да за матерны слезы Господь и смирилъ.

— Какъ смирилъ?

— Это ужь давно, года съ два. Объ Рождествѣ Кнителианъ гдѣ-то нахлестался водки да въ снѣгу и уснулъ. Тутъ себѣ ручки и ножки отморозилъ... Вотъ Январь ихъ ему и обрѣзаль. Теперь лежитъ, какъ колода. Не подь силу мнѣ его таскать-то... Спать-бы, такъ сна говорить нѣту. Такъ вотъ и мается... Корочку подашь, изъ блюдечка чаемъ напоишь— вотъ и сытъ. Можетъ Лапны слезы да Меркулычева кровь отливаются, прибавила Луковна: — Помнишь Меркулыча-то? Вѣдь тогда Кнителианъ ворота имъ вымазаль. Прощка съ Вахрушкой напоили да пьянаго и научили, какъ это сдѣлать... Охъ-хо-хо! Господь-то батюшко все видитъ, кто кого обидить. Любя наказуетъ насъ многогрѣшныхъ... Прощки тоже ужь нѣтъ, отъ горячки померь, а Вахрушку въ дракѣ кержаки убилъ.

Я прожилъ въ Таракановкѣ цѣлое лѣто въ видахъ поправленія сильно разшатавшагося здоровья, собственно нервной системы. Я часто посѣщаль моихъ стариковъ, т. е. Луковну и Января Якимыча, которые постоянно ссорились между собой изъ за разныхъ пустяковъ и, какъ это случается, совсѣмъ не могли жить одинъ безъ другаго. Еще чаще, забравъ своихъ племянниковъ, я на цѣлый день уходилъ куданибудь въ лѣсъ и старался вести растительную жизнь по преимуществу. Молодое поколѣнiе было безъ ума отъ такихъ прогулокъ, и мы не пропускали даромъ ни одного свѣтлаго ведряннаго дня.

Лежать неподвижно по цѣлымъ часамъ въ свѣжей мягкой душистой травѣ, чувствовать каждой клѣточкой животворящую силу солнечной теплоты, по цѣлымъ часамъ смотрѣть въ голубое небо, — что можетъ быть лучше этого!

Здѣсь, на любвеобильной груди природы, я уносился въ свое прошлое, гдѣ вставали дорогія для меня тѣни отца, Аполлона и Меркулыча. Воспоминанія объ отцѣ всегда нагаливались на „секретаря“, который съумѣлъ довести отца до могилы своей системой замолчанія: мой бѣдный отецъ именно былъ замолчанъ и забытъ въ медвѣжьей глуши, повторивъ участь вѣроятно очень многихъ талантливыхъ и честныхъ людей, неумѣвшихъ покориться. Исторія Аполлона тоже поднимала много горечи въ моей душѣ. Я понималъ, какая роль досталась ему у Ирнарха, и почему онъ спился. Бѣдный Аполлонъ! А вотъ по этимъ горамъ, которыя зеленѣютъ теперь предо мной, купаясь въ золотистомъ струившемся воздухѣ, по нимъ сколько разъ мы ходили съ Меркулычемъ... счастливое, беззаботное время! Дѣти веселой гурьбой окружали меня, цѣплялись мнѣ за плечи, заглядывали въ глаза и смѣялись чистымъ дѣтски-беззаботнымъ смѣхомъ, въ который жизнь еще не впледала ни одной злой или неестественной нотки. Неужели и вась, русыя беззаботныя головки, ждутъ тѣ же секретари, Ирнархи, Прошки и Вахрушки?

Пойте, рѣзвитесь, дѣти,
Пойте, сплетайте вѣнки!..

Вѣдь и я когда-то давно-давно улыбался такой-же беззаботной счастливой улыбкой, а теперь... Отдохнуть хочу, отдохнуть хочу каждой каплей крови, каждой клѣточкой. Я вполне понялъ теперь состояніе Сергѣя Павлыча, который по цѣлымъ днямъ кипятился изъ за какой-нибудь ниточки: это былъ вытянувшійся на работѣ человекъ, у котораго не было мѣста живаго на тѣлѣ. Я понялъ Луковну съ ея смѣшными предчувствіями и вѣрою въ сны: не такими-ли же предчувствіями и не такой же ли вѣрой въ сны живетъ и все чело-

вѣчество,—такъ-же работаетъ, радуется, ждетъ, плачетъ и обращается въ состояніе дѣтства, гдѣ иллюзіи и созданія воображенія получаютъ силу и смыслъ дѣйствительности, и человѣкъ получаетъ способность ждать даже то, чего никогда не случится.

Д. Сибирякъ.

Древнерусскія солеваренныя товарищества.

(къ исторіи русской промысловой общины).

I

Вслѣдствіе отмины акциза на соль въ концѣ прошлаго года, мы должны бы, кажется, пользоваться въ настоящее время дешовою солью, такъ какъ со времени отмины акциза прошло уже почти около года, а между тѣмъ и до сихъ поръ не рѣдки жалобы на дороговизну соли въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, судя по корреспонденціямъ въ разныхъ газетахъ. Правительствомъ были даже приняты мѣры, чтобы понизить цѣну соли сейчасъ же вслѣдъ за изданіемъ закона объ отмины акциза на соль; въ этихъ видахъ были выданы на руки крупнымъ солепромышленникамъ залогя, которые обыкновенно брались отъ нихъ для обезпеченія правильнаго поступленія въ казну акциза. Возвращеніе подобныхъ залоговъ солепромышленникамъ и солянымъ торговцамъ вызвало не только недоразумѣніе въ печати, но и въ народѣ появились по этому новоду такъ называемыя «превратныя толкованія»; а именно, появилось въ печати извѣстіе, заимствованное изъ астраханскихъ мѣстныхъ вѣдомостей, что рабочіе, занятые соледобываніемъ на Баскунчакскихъ соляныхъ озерахъ нижнѣшнимъ гѣтомъ, отказались работать на промыслахъ и требовали отъ арендаторовъ и промышленниковъ выдачи тѣхъ денегъ, которые возвращены имъ правительствомъ вслѣдъ за отминою акциза на соль, такъ какъ между рабочими появились откула-те слухи, что эти деньги должны быть розданы рабочимъ и что оудто на этотъ случай есть даже указъ; а такъ какъ убѣжденія завѣдующихъ солянымъ промысломъ на рабочихъ не подѣйствовали, то и работы на со-

ляномъ промыслѣ продолжались только благодаря кпргизамъ, замѣнившимъ разошедшихся по домамъ русскихъ рабочихъ. Мы привели это извѣстіе для того, чтобы показать, въ какую форму отливается народное чувство въ настоящее время, при истинномъ сознаниіи ненормальной постановки организаціи той или другой отрасли промышленности. Откуда являются подобныя превратныя толкованія въ каждомъ данномъ случаѣ,— не особенно важно, а важно то, что они приобретаютъ массовый характеръ; никакое личное убѣжденіе въ подобныхъ случаяхъ не дѣйствительно; они твердо держатся въ народѣ; разъ только гдѣ онѣ появились, отстаиваются съ такимъ упорствомъ и энергіею, что скорѣе заподозрять челоуѣка разубѣждающаго и доказывающаго несомнительность этихъ толкованій въ недобросовѣстности и въ сокрытіи отъ «темнаго народа» истины, чѣмъ признаются и убѣдятся въ своемъ заблужденіи. А потому на подобныя толкованія слѣдуетъ обращать вниманіе и подвергать ихъ самому строгому анализу. Очевидно, и въ соляной промышленности чувствуется ненормальность ея организаціи въ настоящее время, если и тутъ являются какія-то превратныя толкованія, вызванныя возвратомъ изъ казны залоговъ солеторговцамъ.

О соляномъ вопросѣ у насъ уже составила громадная литература и особенно въ послѣдніе годы много писалось о томъ, что нужно уничтожить акцизъ съ соли, что благодаря акцизу соль почти недоступна для бѣдныхъ, что благодаря дороговизнѣ соли и скотоводство наше падаетъ, а отсюда и земледѣліе, что народъ болѣетъ и вырождается благодаря недостатку соли, какъ необходимому добавленію къ пищѣ, особенно богатой крахмаломъ и т. д. Однимъ словомъ, видѣли въ большинствѣ случаевъ все зло въ акцизѣ, стѣснявшемъ соляную промышленность и значительно возвышавшемъ цѣну на этотъ необходимый, какъ вода, воздухъ и пища, предметъ въ народномъ существованіи. Благодаря какому же обстоятельству цѣна на соль въ разныхъ мѣстахъ, даже близкихъ къ соляному промыслу, трудно спадаетъ и вызываетъ жалобы жителей, невидящихъ уменьшенія цѣны соразмѣрно снятому акцизу? Вотъ вопросъ, который назрѣлъ въ настоящее время и долженъ быть такъ или иначе порѣшенъ, чтобы выяснитъ ту роль, которую игралъ акцизъ въ цѣнѣ соли въ прежнее время, и что еще нужно предпринять для того, чтобы соль подешевѣла и сдѣлалась болѣе

доступною для массы и стала играть въ народномъ хозяйствѣ ту роль, которая ей приписывается наукою, т. е. чтобы она употреблялась въ народѣ не какъ дорогая приправа къ пищѣ, а какъ необходимое дополненіе къ ней; чтобы, кромѣ того она употреблялась и для корма скоту, для консервированія разныхъ пищевыхъ веществъ и т. д., однимъ словомъ, сдѣлать соль настолько дешевою и доступною, чтобы она шла въ пищу не только человѣку, но и домашнимъ животнымъ. Вслѣдъ за уничтоженіемъ акциза на соль, цѣна ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже повышалась сравнительно съ прежними цѣнами, какъ объ этомъ, кажется, писали изъ Сибиря или Пермской губ.; но что-то ни откуда еще не было такихъ извѣстій, чтобы соль продавалась по нѣскольکو копѣекъ за пудъ, какъ она стоитъ въ производствѣ, напр. въ крымскихъ или астраханскихъ соляныхъ озерахъ, чтобы цѣна ея возростала соразмѣрно расходамъ на перевозку въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ; однимъ словомъ, видно, что въ настоящее время соляная торговля еще не оправилась и не вошла въ нормальное русло послѣ законодательнаго акта, отмѣнивашаго акцизъ съ соли. До сихъ поръ приходится наблюдать еще парадоксы и странности въ соляныхъ операціяхъ, происходящихъ благодаря тому обстоятельству, что соляная промышленность и торговля вышли благодаря законодательному акту объ отмѣнѣ акциза на соль изъ той колеи и къ которой приспособлялись исторически десятками и сотнями лѣтъ. Въ печати неоднократно заявлялось, что акцизъ по-вышаетъ цѣну соли гораздо болѣе того количества, которое поступаетъ въ казну въ видѣ акциза; подобное повышеніе несоразмѣрное съ акцизомъ, наблюдается и въ другихъ отрасляхъ промышленности, обложенныхъ акцизомъ; далѣе, промышленность поставленная условіями взиманія акциза въ извѣстныхъ стѣснительныхъ для промысла условіяхъ, очевидно, не вполне подчиняется тѣмъ законамъ экономіи, которые существуютъ для промысловъ свободныхъ, безъакцизныхъ. Вѣроятно также и то, что условія взиманія акциза благоприятствовали значительно сосредоточенію соляной промышленности въ немногихъ рукахъ, въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ, что мы и наблюдаемъ въ настоящее время, когда солеваренные заводы находятся почти повсемѣстно въ рукахъ капиталистовъ—купцовъ, точно также какъ и тѣ соляныя озера и мѣста, гдѣ существуетъ самоосажденная соль или соляныя камено-

ломни, въ которыхъ происходитъ ломка каменной соли, — всё эти угодья, если только они составляютъ собственность казны, сдаются въ аренду крупнымъ капиталистамъ — купцамъ или промышленникамъ. Однимъ словомъ, соляная промышленность въ настоящее время находится въ рукахъ крупныхъ промышленниковъ — капиталистовъ, будь-то собственники солесваренныхъ заводовъ, или арендаторы соляныхъ ломокъ, самосадочныхъ озеръ, и вообще соляныхъ угодій. Разъ соляная промышленность составляетъ крупное промышленное хозяйство, освобожденное въ послѣднее время отъ стѣснятельнаго акциза, мы должны признать, что вскорѣ обнаружатся или уже обнаружился и всё послѣдствія, которыя обуславливаются крупною формою хозяйства: уничтоженіе мелкаго промысла, монополія промысла въ немногихъ рукахъ, зависимость цѣны на соль нерѣдко отъ благоусмотрѣнія промышленника, удобство въ соглашеніи или стачекъ крупныхъ промышленниковъ съ цѣлю удержанія цѣны на соль въ извѣстныхъ опредѣленныхъ границахъ, покровительственный тарифъ на иностранную соль и все это съ цѣлями доставки большихъ барышей крупнымъ промышленникамъ, а не для государственной пользы. Очевидно, что государственная польза требуетъ не крупной соляной промышленности, не монополіи ея въ рукахъ капиталистовъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли скораго обогащенія, а наоборотъ, полнѣйшей доступности промысла мелкимъ промышленникамъ — крестьянамъ, крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ или артелямъ; слѣдовательно, нужно объявить свободу промысла и чтобы этою свободою могли воспользоваться не одни крупные капиталисты, которые и теперь уже свободны и даже еще покровительствуются, но и крестьянскія общества и товарищества, которымъ, какъ слабѣйшимъ на экономическомъ состязаніи, должны быть предоставлены всякія льготы и привилегіи, — и вотъ при этихъ то условіяхъ быть можетъ, и дождемся того времени, когда соль будетъ доступна послѣднему бобылю, когда соль пойдетъ въ кормъ и скоту и т. д.

Нужно замѣтить, что Россія обладаетъ громадными соляными богатствами въ видѣ массы соляныхъ ключей и источниковъ въ сѣверной Россіи, а если къ этому прибавить еще и морскую воду, напр. Бѣлаго моря, изъ которой соль добывается уже нѣсколько столѣтій, то для одного сѣвера Россіи мы имѣемъ неисощимый

запасъ матеріала для соляной промышленности; даѣе, на югѣ Россіи мы имѣемъ громадныя соляныя озера съ самоосаждочною солью въ Астраханской, Саратовской губ. и въ землѣ Войска Донскаго; даѣе идутъ соляныя озера Крымскаго полуострова, гдѣ уже и теперь добывается соли нѣсколько милліоновъ пудовъ; сюда же должно отнести и тѣ соляныя озера, которыя находятся въ западной Сибири, въ Киргизскихъ степяхъ; кромѣ этихъ богатствъ, мы имѣемъ громадныя залежи каменной соли въ Оренбургскомъ краѣ, въ Плецкой защитѣ и т. д. Всѣ эти соляныя богатства Россіи настолько внушительны и громадны, что увлекаютъ и нашихъ газетныхъ писателей—какъ напр., одинъ изъ нихъ утверждаетъ, по словамъ Журавскаго, что одна Астраханская губернія могла бы кормить солью весь міръ; но, не смотря на такія соляныя богатства, распланные попреимуществу на югѣ Россіи и на юго-востокѣ, съ которыми, конечно, не могутъ считаться по богатству сѣверныя соляныя ключи и источники Архангельской, Вологодской и Пермской губ., гдѣ въ настоящее время вырабатывается незначительное количество соли посредствомъ выварки ея въ варницахъ изъ соляныхъ источникахъ,—не смотря на всѣ эти соляныя богатства, Россія не можетъ добывать даже и того количества соли, которое нужно, какъ необходимое добавленіе къ человѣческой пищѣ, не говоря уже о скотѣ и другихъ отрасляхъ промышленности, гдѣ соль могла бы играть громадную роль, напр. въ производствѣ соды, такъ что до сихъ поръ въ Россіи, не смотря на ея будто бы неисчислимыя соляныя богатства, чувствуется недостатокъ соли для удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка, который и пополняется привозною, иностранною солью, ввозимою въ Россію немногимъ меньше того, сколько ея добывается въ самой Россіи. Иностранная соль ввозилась даже въ такія мѣста, гдѣ бы можно ожидать избытка собственной соли, какъ напр. въ Архангельской губ., для которой существуетъ до сихъ поръ льготный ввозъ иностранной соли болѣе 20 тысячъ пудовъ, въ видахъ якобы интересовъ рыбнаго промысла, между тѣмъ какъ свои соляныя заводы въ Архангельской губ. должны были закрываться мало по малу, вслѣдствіе льготной продажи иностранной соли и разныхъ другихъ стѣснительныхъ условій для мѣстнаго солеваренія, которое считаетъ свое существованіе цѣлыми вѣками. Исторія можетъ доказать, что этотъ несчастный

сѣверъ Россіи, спажаемый въ настоящее время льготною иностранною солью, столѣтія три тому назадъ заповолялъ своею солью всю сѣверную Россію до самой Москвы; въ XVI столѣтіи производство соли на сѣверѣ было настолько громадно, запасы соли въ Каргополѣ, Тургасовѣ и др. мѣстахъ были настолько велики, что сюда пріѣзжали за солью новгородскіе и бѣлозерскіе купцы, развозившіе эту сѣверную соль далѣе, а въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтіи двинскіе купцы заѣзжали съ своей солью не только въ Устюгъ и въ Вологду, но и въ Кострому, хотя въ этой мѣстности были и свои соляныя богатства въ Солигаличѣ, Нерехтѣ и др. мѣстахъ. Такимъ образомъ, Россія въ силу какихъ-то несчастныхъ обстоятельствъ, трудно поддающихся обмыновенной человѣческой логикѣ, поставлена въ такое положеніе касательно соляного дѣла, что съ одной стороны обладаетъ громаднѣйшими запасами соли, а съ другой—принуждена почти половиною своей потребности удовлетворять привозной, заграничной солью, которая, являясь въ Россію иногда еще на льготныхъ условіяхъ, какъ это существуетъ въ Архангельской губ., способствуетъ упадку и безъ того еле-еле существующей мѣстной соляной промышленности. Всѣ эти толки о нашихъ соляныхъ богатствахъ являются на дѣлѣ какъ будто какою-то злѣйшею проніей надъ нашей судьбой! Наши ученые общества почему-то обходятъ этотъ вопросъ чуть не молчаніемъ, а между тѣмъ, онъ въ настоящее время долженъ быть ягучимъ, такъ какъ одна изъ преградъ соляной промышленности уже не существуетъ послѣ отміны акциза на соль, а между тѣмъ и до сихъ поръ что-то мало слышно толковъ о дешевой соли. Чему же приписать это обстоятельство? Вѣдь существуютъ же какія-нибудь неблагопріятныя условія, мѣшающія удешевленію соли? «Общество для содѣйствія торговому мореходству» въ С.-Петербургѣ разсуждало о солевареніи въ Архангельской губ. и послѣ дебатовъ нашло нужнымъ ходатайствовать передъ правительствомъ, въ видахъ развитія солеваренія, объ отмінѣ привоза льготной иностранной соли въ Архангельскую губ. и, кромѣ того, о болѣе льготномъ отпускѣ лѣса для солеваренныхъ заводовъ, не коснувшись самаго главнаго вопроса,—кто долженъ заниматься соляною промышленностію, кому должно оказывать покровительство, отмінивъ ввозъ иностранной льготной соли и удешевивъ дрова для варки соли; а между тѣмъ это самый главный вопросъ, особенно для сѣвер-

ной соляной промышленности, гдѣ на ряду съ купеческими солеварнями находятся солеварни и крестьянскіе; послѣднимъ, конечно, и должны быть даны льготы въ виду того, чтобы поднять хоть нѣсколько экономическій бытъ захудалого крестьянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выставить конкурентовъ купеческой промышленности, мало по малу монополизирующейся въ крупныхъ капитальныхъ рукахъ; подобная конкуренція естественно должна повліять и на цѣну соли въ смыслѣ ея пониженія, и такимъ образомъ явится надежда на дешевую соль, которая пойдетъ въ пищу не только людямъ, но и скоту, и т. д. Въ видахъ уясненія подобнаго вопроса, — вопроса о болѣе справедливой и болѣе производительной формѣ соляной промышленности, при которой возможно ожидать болѣе дешевой соли, чѣмъ какая существуетъ въ настоящее время, — необходимо обратиться къ исторіи соляной промышленности и хоть нѣсколько намѣтить тотъ путь, которымъ должна идти разработка и постановка вопроса о наилучшей формѣ соляной промышленности, какая въ настоящее время еще не выработалась и, повидному, вырабатывается не въ желательномъ направленіи. Къ несчастію, наша литература мало занимается подобными вопросами, относящимися не только къ исторіи какого нибудь промысла, но и настоящаго состоянія промышленности, а потому, и научной разработки вопроса объ исторіи соляного промысла въ Россіи мы не находимъ, такъ что приходится пользоваться разными отрывочными свѣдѣніями, иногда же и мѣстными историческими описаніями промысла, а потому, при всемъ желаніи представить полную и подробную картину древней соляной промышленности, приходится ограничиваться только мелкими отрывками и свѣдѣніями и группировать ихъ, чтобы хоть въ общихъ чертахъ представить исторію соляного промысла. Въ виду этого, мы и занялись разработкой вопроса о древнихъ солеваренныхъ товариществахъ, какъ о болѣе распространенной формѣ соляной промышленности, преимущественно въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Московской Руси, такъ какъ въ это время почти совсѣмъ еще не добывали самоосадочной соли въ Поволжьи, а существовалъ почти исключительно одинъ видъ добычи соли, посредствомъ выварки ея изъ разсола, получаемого изъ нѣдръ земли, изъ соляныхъ озеръ, ключей и морской воды; а разработка самоосадочной соли на озерахъ въ Поволжьи, началась какъ кажется, въ концѣ XVI или на-

чалъ XVII столѣтія, вслѣдъ за покореніемъ казанскаго и астраханскаго царствъ и умиротвореніемъ этого края, не говоря уже о разработкѣ киргизскихъ или крымскихъ соляныхъ озеръ, не находившихся еще во владѣніи московскихъ царей. Драгоценнымъ матеріаломъ для изученія вопроса объ организаціи древнерусской соляной промышленности служатъ писцовыя книги, выписи и сотныя изъ подобныхъ писцовыхъ книгъ; къ сожалѣнію, подобныхъ матеріаловъ издаво еще очень мало, а между тѣмъ они составляютъ незамѣнимый статистическій матеріалъ для изученія соляного вопроса, хотя бы и довольно односторонній, но который можно дополнять и иллюстрировать другими данными, сохранившимися въ разныхъ юридическихъ и историческихъ документахъ, или такъ-называемыхъ актахъ. Писцовыя книги составляютъ подробныя описанія городовъ и селъ со всѣми угодьями, которые тянутся или принадлежатъ двору, такъ что по этимъ даннымъ можно видѣть и экономическую состоятельность хозяина даннаго двора—обладателя известнаго количества угодій; тамъ же находимъ и различныя категоріи этихъ дворовъ сообразно ихъ экономической состоятельности, находимъ въ нихъ случаяхъ, напр., въ посадахъ лучшихъ торговыхъ людей нашенныхъ, тѣхъ же безпашенныхъ, среднихъ, молодчихъ, самыхъ молодчихъ, бобылей и нищихъ и сиротъ и ко всѣмъ этимъ категоріямъ приписываются и ихъ угодья и платежи за эти угодья, такъ что въ известномъ отношеніи писцовыя книги могутъ служить даже образцомъ для нашего времени, для нашихъ статистическихъ комитетовъ и работъ, хоть бы, напр., тотъ отдѣлъ, гдѣ описываются различныя категоріи людей по ихъ экономической правоспособности. Въ царствованіе, напр., Іоанна Грознаго, можно было знать, сколько въ Московской Россіи бобылей, нищихъ и сиротъ, сколько лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей не только въ городахъ и посадахъ, но и въ селахъ, деревняхъ и починкахъ, а въ настоящее время можно ли найти въ нашихъ статистическихъ работахъ количество разныхъ мало-мощныхъ, бездомовыхъ, бездушныхъ, безлошадныхъ, нищихъ, каковымъ соотвѣтствуютъ въ общихъ чертахъ бобыли, нищие и тѣ, которые кормятся въ «міру»? Вѣдь ничего подобнаго въ настоящее время не существуетъ, за исключеніемъ единичныхъ попытокъ и при томъ для какой-нибудь неширокой территоріи, напр., волости или деревни, и только нѣкоторыя земства, какъ, напр., по-

сковское, вступают или уже вступили на подобный путь изучения родной земли; а между тѣмъ въ древнее время для подобных цѣлей, для описанія какой нибудь области, снаряжались писцовыя экспедиціи съ цѣлымъ штатомъ писцовъ, снабженныя особыми наказами и огромными правами, какъ напр., относительно размежеванія земель, надѣла и отрѣзки земель къ деревнямъ и внесенія ихъ въ податной окладъ и т. д. Вотъ подобныя-то писцовыя книги и послужили намъ самымъ драгоценнымъ матеріаломъ для изученія солеваренныхъ товариществъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ; къ сожалѣнію, подобныхъ книгъ существуетъ отпечатанныхъ и изданныхъ очень еще мало; многія изъ нихъ ждутъ изданія. Сопоставленіе подобныхъ писцовыхъ книгъ за разные годы для одной какой нибудь мѣстности могло бы повести къ разнымъ, очень поучительнымъ выводамъ, касательно хода экономической жизни народа; такъ, напр.: въ области солеваренныхъ товариществъ, имѣя подъ руками нѣсколько писцовыхъ книгъ, за разные годы, для одной мѣстности, можно натолкнуться на такія поучительныя вещи, какъ замѣна товарищескаго солеваренія индивидуальнымъ, капиталистическимъ; а если добавленіемъ къ этимъ писцовымъ книгамъ существуютъ и разные акты или документы, относящіеся къ организаціи и къ самой жизни этихъ товариществъ, то возможно объяснить и тѣ причины, которыя обусловливали въ то время разрушеніе товариществъ и превращеніе ихъ въ монопольное, капиталистическое предпріятіе. Изъ этихъ же документовъ мы узнали бы, что не одиѣ внѣшнія причины виною подобныхъ превращеній, но существуютъ еще и внутреннія, въ самой организаціи солеваренныхъ товариществъ тающіяся причины ихъ разложенія, которыя при благоприятныхъ обстоятельствахъ и обнаруживаются и ведутъ солеваренное товарищество къ естественному при такихъ условіяхъ исходу, т. е. къ уничтоженію товарищеской формы промысла и къ замѣнѣ этой формы капиталистическою, индивидуальною. На подобныя мысли навели насъ тѣ немногочисленныя данныя, которыя намъ удалось собрать и сгруппировать, относительно немногихъ мѣстностей, гдѣ соляная промышленность издавна существовала, какъ напр., въ Балахнѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

II.

Солевареніе на Руси настолько же древне, какъ и самъ народъ русскій; оно, вѣроятно, было извѣстно и тѣмъ финскимъ племенамъ, населявшимъ въ древнія времена сѣверовосточную и сѣверозападную Россію, которыхъ славяне отчасти истребили, отчасти обрусили и мѣсто которыхъ заняли, постепенно колонизуя мѣста ими занятыя и подвигаясь къ Бѣлому морю на сѣверѣ, къ Біармін на сѣверо-востокѣ и къ Балтійскому морю на сѣверо-западѣ, не говоря уже о болѣе континентальныхъ или центральныхъ мѣстахъ, которыя подверглись славянизации гораздо раньше. Древнѣйшія свѣдѣнія о солевареніи на Руси указываютъ на то, что оно происходило у моря, на Сѣверѣ; здѣсь, вѣроятно, колонизаторы новгородцы натолкнулись на тѣ рыболовческія племена, которыя были знакомы между прочимъ и съ солевареніемъ; но во всякомъ случаѣ нужно предположить что и въ другихъ мѣстахъ сѣверной Руси, кромѣ побережья Бѣлаго моря, гдѣ-нибудь происходило солевареніе, а быть можетъ, соль отчасти привозилась и извнѣ. Кіевская Русь еще въ XI столѣтіи получала соль (Аристовъ) изъ прикарпатской Руси, гдѣ добывалась каменная соль въ то время. Сѣверная же Россія, какъ въ древнѣйшія времена, такъ и теперь, знакома только съ однимъ способомъ добычанія соли—съ солевареніемъ, такъ какъ самосадочныхъ соляныхъ озеръ тамъ нѣтъ и не существовало прежде, ломокъ каменной соли тоже не было и нѣтъ остается одинъ способъ, это—солевареніе или искусственное вывариваніе и осажденіе соли изъ естественныхъ соляныхъ растворовъ, а такимъ матеріаломъ мы должны признать на первомъ планѣ морскую воду, воду соляныхъ озеръ, ключей, вообще естественные соляные источники и растворы. Съ разработкой этихъ естественныхъ богатствъ и началась добыча соли. Въ этомъ убѣждаетъ насъ отчасти и то, что и до сихъ поръ выварка соли изъ морской воды наблюдается у разныхъ первобытныхъ народовъ, равно какъ и у прибрежныхъ русскихъ крестьянъ; самыя древнѣйшія свѣдѣнія о сѣверо-русскомъ солевареніи указываютъ на солевареніе у моря (Бѣлаго); съ этого промысла еще въ XII столѣтіи бралъ пошлины новгород-

скій архієпископъ; въ слѣдующія столѣтія это солеварніе изъ морской воды достигаетъ громаднхъ размѣровъ, такъ что въ XV и XVI столѣтіи весь берегъ Бѣлаго моря покрытъ былъ солеварнями, а въ началѣ XV столѣтія преподобный Зосима Соловецкіи принужденъ былъ кормиться отъ этого промысла на Соловецкихъ островахъ. Дальнѣйшій прогрессъ въ соледобываніи состоялъ, вѣроятно, въ томъ, что нашли еще путь къ открытію соляныхъ источниковъ—вырваніе колодцевъ въблизи соляныхъ озеръ, ключей или на морскомъ берегу, въ которыхъ вода оказывалась соленою, изъ которой, слѣдовательно, также можно было выпаривать соль, а потому въ болѣе позднѣйшихъ историческихъ памятникахъ находимъ уже указанія на соляныя трубы и колодцы. Дальнѣйшею стадіею въ соледобываніи служитъ то, что стали искать соляныя пожилны, пути которыхъ обозначались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ключами, бывшими фонтанами изъ нѣдръ земли соленою водою. Еще въ XII столѣтіи были извѣстны цирены и какія-то салги, въ которыхъ выпаривалась соль, такъ что въ отношеніи техники прогрессъ замѣтенъ только въ подробностяхъ и качествахъ отдѣлки циреновъ, а не въ самыхъ машинахъ, такъ какъ салга, по Аристотелю, есть тоже цирень, но только гораздо большихъ размѣровъ; подобныя же цирены служатъ для выѣзки соли и пинѣ, но только вѣроятно, гораздо лучшаго качества и отдѣлки, чѣмъ прежде. Подобныя цирены составлялись изъ нѣсколькихъ желѣзныхъ плитъ или досокъ до нѣсколькихъ аршинъ длины и нѣсколькихъ вершковъ въ ширину; изъ соединенія подобныхъ досокъ съ загнутыми концами при помощи особыхъ гвоздей сколачивался громадный величныя ящикъ или сковорода, которая навѣшивалась надъ ямою, вырытою въ сараѣ или варницѣ; въ этой ямѣ раскладывался огонь, такъ что яма эта играла роль печи. края которой выкладывались изъ камня или изъ глины. Вотъ существенный солеваренный механизмъ и до сихъ поръ исполняющій свою роль. Въ самой варницѣ были устроены лари или кадки, куда начерпывалась морская вода или проведенъ былъ жолобъ, приводящій изъ колодцевъ, посредствомъ накачиванія изъ соленосныхъ трубъ, разсолъ для выпариванія соли на циренѣ. Если цирень въ теченіи столѣтій мало потерпѣлъ измѣненій и до сихъ поръ существенно не измѣнился, то прогрессъ въ солевареніи гораздо болѣе, чѣмъ отъ цирена, зависѣлъ отъ свойствъ соляныхъ

растворовъ, той или иной крѣпости разсола, той или иной доступности его для солеваренія, а отсюда онъ рѣзче долженъ былъ выразиться въ устройствѣ механизмъ для извлеченія разсола изъ нѣдръ земныхъ, начавшись съ простыхъ колодезь, изъ которыхъ черпался растворъ, нѣроятно, руками и бадьями, и дошедши впоследствии до громадной глубины буровыхъ скважинъ. изъ которыхъ разсолъ выкачивается посредствомъ механическихъ приспособленій и производится лошадиною силою; а для приданія крѣпости раствору—послѣдній проходитъ на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ заводахъ черезъ особыя приспособленія для сгущенія разсола посредствомъ испаренія или черезъ такъ называемыя градирны или градирни. Сгущенный подобнымъ образомъ разсолъ распределяется посредствомъ жолобовъ по варницамъ, гдѣ онъ первоначально поступаетъ въ бассейны или тшаны и затѣмъ уже проводится периодически въ цирены или сковороды, гдѣ выпаривается нѣсколько часовъ, послѣ чего и осаждается изъ раствора соль, которая поступаетъ для просушки на палаты или въ «сугребы», а затѣмъ въ амбары. Время, нужное для того, чтобы выварить соль изъ цирена, наполненнаго розоломъ и затѣмъ осадить ее, будетъ извѣстное количество часовъ, въ которые происходитъ топка печи и затѣмъ охлажденіе раствора а количество соли, выработанное въ этотъ промежутокъ времени на циренѣ, называется варю, которая колеблется въ значительныхъ размѣрахъ въ своемъ количествѣ, завися и отъ качества и крѣпости раствора, и отъ погоды и другихъ условій. Дровъ для выварки одной подобной вари требуется громадное количество; такъ въ 1800 году, въ архангельскихъ солеварняхъ употреблялось на одну варию до 12 сажень, а на пермскихъ — въ то же время отъ $5\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ саж., какъ говорятъ объ этомъ писатели того времени Пошманъ и Поповъ (для пермскихъ), а въ нынѣшнихъ невокоцкихъ варницахъ расходуются на полвари или 50 пудовъ соли, по А. Ефименко, $7\frac{1}{2}$ сажень дровъ. Количество дровъ для одной вари колеблется отъ качества устройства печей, а потому можно предположить, что въ древности еще болѣе требовалось дровъ для выварки одной вари соли, колеблющейся отъ 50 пудовъ до 100—110 пуд. Такъ какъ нѣсколько варницъ, по большей части, снабжаются растворомъ соли изъ одной разсолосной трубы, то нѣкоторыя варницы на извѣстное время оста-

вались безъ дѣйствія, не топились извѣстнымъ промежуткомъ времени для того, чтобы въ это время весь разсолъ шелъ въ другія варницы, снабжаемыя растворомъ соли изъ одной и той же трубы; однимъ словомъ. вслѣдствіе недостаточнаго количества разсола изъ одной трубы, доставаемаго для всѣхъ варницъ, получающихъ его изъ одной трубы, въ топкѣ варницъ происходило чередованіе, причемъ въ извѣстное время часть варницъ была въ дѣйствіи, а другая часть оставалась въ покоѣ, или то, что въ актахъ называлось «стояльницами», хотя нѣкоторыя привилегированныя варницы варили соль «безъ череду и безъ стояльницъ», т. е. были въ постоянномъ дѣйствіи. Но это обстоятельство было только исключеніемъ, составляло привилегію, даваемую пожалованіями великокняжеской власти въ пользу княжескихъ или монастырскихъ варницъ; а въ обыкновенныхъ случаяхъ, чередъ въ работѣ варницъ зависѣлъ отъ условія совладѣльцовъ варницъ и соляныхъ трубъ.

Намъ необходимо было предпослать это общее описаніе внѣшней, технической стороны соловаренія, такъ какъ въ древности были не только товарищества, владѣвшія соляными варницами, но были товарищества для владѣнія соляными трубами, соляными амбарами, а иногда и очень мелкими принадлежностями и орудіями соляного промысла, не говоря уже о соляной торговлѣ и тѣхъ или иныхъ ея формахъ, о складахъ соли, о товариществахъ рабочихъ при подобныхъ складахъ, напоминающихъ наши нынѣшнія биржевыя или дрягильскія артели, или таможенные артели тягловцовъ или лодмановъ, при нѣкоторыхъ порогахъ и т. д. Товарищества при солевареніи не всегда совпадали между собою, т. е. товарищества, напр. владѣвшія варницами, не совпадали съ товариществами, владѣвшими соляными трубами, или соляными амбарами.

Обращаясь къ занимающему насъ вопросу о товариществахъ при солевареніи въ древней Руси, оговоримся теперь же, что изъ глубокой древности древнерусской соляной промышленности свѣдѣній никакихъ не сохранилось вплоть до XII вѣка. Не будетъ невѣроятнымъ предположеніе, что древніе славянскіе и финскіе народы, населявшіе сѣверную Россію, знали и въ то время искусство варить соль изъ морской воды или изъ воды соляныхъ озеръ такъ какъ извѣстіе XII столѣтія указываетъ уже развитое соле-

вареніе у моря на сѣверѣ, что видно изъ устава Святослава Ольговича (1137 года), гдѣ говорится, что на повгородскаго Архієпископа взималась пошлина «у моря отъ чрена и отъ салги по нузу» соли. слѣдовательно, рѣчь уже идетъ о томъ времени, когда берегъ моря (Бѣлаго) посѣтили новгородцы и край этотъ уже составлялъ приєдиненную къ новгородскимъ владѣніямъ область. Такимъ образомъ историческія указанія на счетъ солеваренія на берегахъ Бѣлаго моря относятся къ XII вѣку, а въ слѣдующихъ столѣтіяхъ встрѣчаются чаще и чаще, такъ что къ XVI столѣтію мы находимъ уже здѣсь солевареніе не только по всему берегу моря, но и въ очень многихъ мѣстахъ внутри Двинской области. Было ли гдѣ солевареніе въ эти раннія времена нашей исторіи въ другихъ областяхъ древней Руси, въ разныхъ удѣльныхъ княжествахъ, извѣстій никакихъ не сохранилось; только начинаемъ съ XIV столѣтія начинаемъ встрѣчать разныя отрывочныя свѣдѣнія о существованіи солеваренія во внутренней Руси: съ этого времени становятся извѣстными соляныя варницы въ Старой Руссѣ, Соли-Галичѣ, Нерехотскомъ соляномъ районѣ, въ Городцѣ на Волгѣ; а въ XV ст. извѣстія эти еще расширяются: тутъ ужъ мы видимъ, кромѣ Солигаличскихъ, Нерехотскихъ и Старорусскихъ, соли Ростовскія, соли Переяславскія и, весьма вѣроятно, къ этому времени нужно отнести и открытіе солеваренія при Тотемскихъ соляхъ и ближайшихъ къ нимъ Леденгскихъ; къ концу XV ст. также нужно отнести и Соли Вычегодскія; въ XVI столѣтіи, кромѣ всѣхъ этихъ солей, находившихся въ полномъ развитіи, за исключеніемъ Ростовскихъ, кажется, уничтожившихся къ этому времени, являются на сцену многочисленныя соли нынѣшней Архангельской губ., расположенныя по системамъ рѣкъ и разрабатываемыя изъ соляныхъ володцовъ, таковы, Кулойское усолѣ, Владыченское, Моржегорское и другія; далѣе Балахнинскія соли, Соликамскія и Чердынскія, развивается нѣсколько пунктовъ соляныхъ около Старой Руси, каковы: волость Морево и Висперская губа; въ районѣ Солей Вычегодскихъ отрываются тоже новыя соляныя мѣста и къ XVII ст. появляется разработка солей на р. Выми, гдѣ нынѣ находится Сереговскій соляной заводъ; кромѣ того были соляныя варницы и по Двинѣ неподалеку отъ Соли Вычегодской. XVI вѣкъ въ исторіи соляной промышленности былъ самый предприимчивый и удачный въ отысканіи и разработкѣ но-

ыхъ соляныхъ источниковъ. По части отысканія новыхъ солей, на первомъ планѣ мы должны поставить здѣсь фамилію Строгоновыхъ — она была въ царствованіе Грознаго и воздѣе какою-то царицею соляного дѣла, такъ какъ исторія показываетъ намъ не только то, что открыто Строгоновыми въ новыхъ мѣстахъ, но также и то, что было во владѣніи, хотя и временномъ и на старыхъ мѣстахъ, у старыхъ солей; кромѣ Строгоновыхъ, отыскивавшихъ новыхъ соляныхъ позилниъ и ключей на востокѣ, въ Пермской губ., и монастыри, и частныя лица и даже компаніи или товарищества этихъ лицъ не отставали отъ Строгоновыхъ и получали грамоты на новыя мѣста, призывали нетяглыхъ и нешесмянныхъ людей и заводили соляныя варницы, что наблюдалось по преимуществу на крайнемъ сѣверѣ, въ нынѣшней Архангельской губ. Такимъ образомъ, къ XVI стол. рѣзко обозначаются раіоны соляного промысла. ежели оставить въ сторонѣ Архангельскую губ. или древнюю Двинскую и Обонежскую области, столь богатыя соляными источниками, географически мы можемъ сгруппировать эти раіоны по рѣчнымъ системамъ; таковы будутъ раіоны соляной промышленности: на сѣверовостокѣ раіонъ Вычегодскій по рр. Вычегдѣ, Выми и отчасти по Двинѣ; сосѣдній съ этимъ раіономъ Соликамскій, отдѣляющійся отъ перваго небольшимъ промежуткомъ или водораздѣломъ рр. Вычегды, Сисолы, текущихъ въ Двину, и рр. Камы съ притоками, текущихъ по Пермской губ., въ Волгу. Весьма вѣроятно, что оба эти раіона питаются изъ одного соляного источника, лежащаго на водораздѣлѣ Вычегды и Камы, т. е. на границѣ рр. Сѣвернаго и Волжскаго бассейновъ. Въ такомъ же отношеніи будутъ находиться и слѣдующіе соляные раіоны: Тотемскія съ Леденгскими по р. Сухонѣ и Солигаличскія по р. Костромѣ; тѣ и другія отдѣлены другъ отъ друга очень небольшимъ разстояніемъ или водораздѣломъ рр. Сухоня и Костромы, относящимися къ Сѣверному и Волжскому бассейнамъ. Какъ разъ съ противоположной стороны Костромѣ въ Волгу впадаетъ рѣчка Соловица, на которой расположена Нерехта — здѣсь будетъ Нерехотскій раіонъ и Ростовскій соляные раіоны съ близъ лежащими къ нимъ Переяславскими, Киржачскими, Стародубскими на р. Хоную солями, гдѣ въ древности разрабатывалась соль на варницахъ, а немного къ востоку, тоже по системѣ Волги, найдемъ соли Балахнинскія и древнія соли Городецкія, если только подѣ Город-

номъ, гдѣ была соль, разумѣть Городецъ, лежащій по Волгѣ, неподалеку отъ Балахны, и упоминаемый въ духовной грамотѣ князя Владиміра Андреевича. въ концѣ XIV или въ началѣ XV столѣтій, отказывающаго варницы и соль на Городцѣ своимъ дѣтямъ, князьямъ Семену и Ярославу. Кромѣ этихъ соляныхъ районовъ мы имѣемъ районъ на западѣ — Старорусскій, извѣстный съ глубокой древности, но гдѣ еще и до сихъ поръ продолжается выварка соли въ самой Старой Русѣ. Въ древности соль работывалась въ этомъ районѣ не въ одномъ пунктѣ, а въ нѣсколькихъ, по крайній мѣрѣ, въ историческихъ указаніяхъ упоминаются еще слобода Морево или Новая Русса и Вимерская губа, изъ коихъ Морево расположено неподалеку отъ Старой Русы на р. Полѣ; сюда же нужно отнести и посадъ Сольду, которая, по Аристову, такъ названа по работываемой близъ нея соли, но прямыхъ историческихъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется; самое названіе мѣстности навело Аристова на мысль, что, вѣроятно, тутъ въ древности происходило солевареніе, такъ какъ всѣ мѣста въ древности, гдѣ только происходила выработка соли, назывались Солями, Усольями, а потому, вѣроятно, и такія напр. имена, какъ Сольца или Солза, тоже указываютъ на то, что тамъ происходило когда-то солевареніе, хотя бы и не было прямыхъ историческихъ данныхъ касательно происходившаго тамъ солеваренія, какъ напр. это можно сказать о посадѣ Сольцѣ; а на счетъ Солзы имѣется много данныхъ, указывающихъ на существованіе тамъ въ теченіи не одного вѣка солеваренія.

Старорусскій районъ лежитъ тоже вблизи водораздѣла системъ рр. Волги и Западной Двины; на существованіе по другую сторону этого водораздѣла соляныхъ источниковъ есть указанія косвенныя изъ древней исторіи, а именно, что существовало еще въ XIV или въ XV столѣтій солевареніе въ новоторжскихъ волостяхъ, такъ какъ при сборѣ съ этихъ волостей чернаго бора, по повелѣнію в. кн. Василія Васильевича, чрени ставится за двѣ сохи въ числѣ обложенныхъ сборомъ платжныхъ единицъ. Въ XVII столѣтій становится извѣстнымъ еще одинъ районъ, богатый соляными источниками — это въ Слободской Украинѣ, районъ Бахмутско-Славянской, гдѣ солевареніе производится и до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, передъ нами въ общихъ чертахъ обрисовываются тѣ соляныя области, гдѣ въ древности происходило соле-

вареніе, продолжающееся во многих мѣстахъ до настоящаго времени. Званіе этихъ соляныхъ областей важно и для настоящаго времени въ томъ отношеніи, что разсолъ и соляныя озера, ключи, наблюдаемыя въ этихъ мѣстахъ, указываютъ на существованіе въ нѣдрахъ земли громаднхъ залежей соляныхъ пластовъ, идущихъ въ извѣстномъ направленіи, просачиваясь сквозь которые почвенная вода насыщается солью и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бьетъ изъ земли фонтанами, т. е. является въ видѣ соляныхъ ключей, а посредствомъ пробурыванія образуются искусственныя отверстія для выхода этихъ соляныхъ разсоловъ изъ нѣдръ земли. Будь подобныя соляныя жилы и пласты каменной соли на небольшой глубинѣ отъ поверхности земли, тогда, конечно, оставленъ будетъ способъ добыванія соли солевареніемъ, а будетъ производиться прямая и непосредственная разработка или ломка каменной соли, а этотъ способъ соледобыванія не потребуетъ громаднхъ количествъ дровъ, громаднхъ буровыхъ скважинъ и другихъ дорого стоящихъ механическихъ приспособленій, существующихъ при солевареніи, особенно при источникахъ давно уже разрабатываемыхъ. Уже теперь идетъ чуть не повсемѣстная жалоба на лѣсоистребленіе, а солевареніе требуетъ громаднаго количества дровъ, особенно при первобытномъ устройствѣ печей, наблюдаемомъ и до сихъ поръ, напр., на сѣверныхъ варницахъ, а впоследствии, конечно, дрова еще будутъ цѣннѣе, такъ что можно предвидѣть упадокъ солеваренія именно по доровизнѣ дровъ, что отчасти уже и наблюдается на балахнинскихъ варницахъ, которыя ликвидировались отчасти и потому, что дрова стали недоступны по цѣнѣ; подобной же участи подвергнутся, вѣроятно, и знаменитыя солкамскія соляныя варницы съ уничтоженіемъ чердынскихъ лѣсовъ, пстребляющихся въ громаднхъ размѣрахъ въ настоящее время. Конечно, пока этого упадка нельзя предсказывать солеваренію архангельской, и отчасти вологодской губ., такъ какъ обѣ эти губерніи располагаютъ еще громаднѣйшимъ лѣснымъ богатствомъ, если только не отправятъ за границу въ скоромъ времени всѣ эти богатства тѣ нѣсколько лѣсныхъ царей, которые арендуютъ у казны десятки и сотни тысячъ десятинъ лѣсовъ и наживаютъ громаднѣйшіе капиталы, тогда какъ крестьянинъ едва можетъ выстроить себѣ избу безъ того, чтобы не попасть въ тюрьму или въ арестантскія роты. Солевареніе на сѣверѣ пока еще страдаетъ не

отъ недостатка дровъ, а вслѣдствіе многихъ другихъ причинъ; слѣдовательно, для крайняго сѣвера—солевареніе будетъ имѣть значеніе еще очень долгое время, тогда какъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ болѣе внутреннихъ губерній, каковы костромская, владимірская, нижегородская губ., въ настоящее время едва-ли мыслимо солевареніе по дороговизнѣ дровъ и по истощенію разсоловъ; для подобныхъ мѣстностей слѣдовало бы рекомендовать—пока изслѣдовать геологически вышеозначенныя мною соляныя районы и поискать соляныхъ пластовъ, жилъ каменной соли и, въ случаѣ счастливыхъ поисковъ, разрабатывать соляныя залежи, такъ какъ богатыхъ соляныхъ разсоловъ здѣсь уже нѣтъ, да и дрова недоступно дороги, слѣдовательно, нѣтъ никакого расчета добывать соль варкою разсола: привозная крымская соль обойдется дешевле ¹⁾). Конечно, и варку соли можно было бы производить во внутреннихъ губерніяхъ, но при условіи замѣны дровъ каменнымъ углемъ или нефтью, торфомъ, но, при настоящихъ условіяхъ разработки этихъ горючихъ матеріаловъ, едва-ли есть надежда на скорое ихъ удешевленіе, а потому самое лучшее пока — стараться объ изслѣдованіи геологическомъ, объ отысканіи пластовъ каменной соли и разработкѣ ихъ на мѣстѣ, что послужитъ и къ удешевленію соли и къ тому, что создастъ новую отрасль мѣстной промышленности и дастъ заработокъ тѣмъ кочевымъ элементамъ нашего отечества, которые принуждены иногда исколесить всю Россію въ поискахъ за заработкомъ. Тамъ же, гдѣ лѣса составляютъ чуть-ли не 90° всей поверхности, тамъ, конечно, нужно поощрять солевареніе, такъ такъ соль съ юга сюда не можетъ доходить по дешевой цѣнѣ, по трудности перевозки и по громадности разстоянія, отдѣляющаго, напр., архангельскую, вологодскую и олонекскую губерніи отъ Крыма или Астрахани и другихъ соляныхъ южныхъ пунктовъ. Даже при очень дешевой перевозкѣ, при развитіи сѣти желѣзныхъ дорогъ на крайнемъ сѣверѣ, и то нельзя ожидать, чтобы сюда явилась дешевая крымская соль; слѣдовательно, мѣстная разработка соляныхъ богатствъ сѣвера, почти убитая раз-

¹⁾ Недавно еще сообщалось въ газетахъ объ открытіи прекрасныхъ и громадныхъ залежей каменной соли однимъ русскимъ инженеромъ около Бахмута, какъ разъ въ области солянаго района, нами указаннаго подъ именемъ Славянско-Бахмутскаго.

ными обстоятельствами. Должна возобновиться и покровительствоваться правительствомъ, такъ какъ соль здѣсь идетъ не только въ пищу человѣка, но ся требуется громадное количество для посола рыбы, ловля которой, напр., на Бѣломъ морѣ кормитъ чуть-ли не всю архангельскую губ. и составляетъ главный промыселъ мѣстнаго населенія; слѣдовательно, доступность и дешевизна соли здѣсь имѣеть громадное значеніе для мѣстнаго населенія и въ томъ отношеніи, что поддержать главный промыселъ мѣстнаго населенія, доставляющій средства къ существованію. Такимъ образомъ, для удешевленія сѣверной соли нужно покровительствовать всѣми мѣрами мѣстному солеваренію, какъ изъ морской воды, такъ и изъ рассоловъ, добываемыхъ искусственно изъ нѣдръ земныхъ, а чтобы показать, какъ это устроить—мы постараемся прослѣдить насколько возможно исторію соляной промышленности не только на сѣверѣ Россіи, но и въ болѣе внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ въ древности процвѣтало солевареніе, и изъ уроковъ исторіи воспользуемся тѣмъ, что наиболѣе окажется примѣнимымъ и полезнымъ для настоящаго времени. Такъ какъ товарищеская форма солеваренія въ древности была не единственная, то, понятно, намъ придется рассмотреть здѣсь и другія формы солеваренной промышленности, показать соотношенія ихъ между собою, когда какая форма промысла процвѣтала и чѣмъ это обуславливалось; какимъ образомъ та или иная форма солеваренія измѣнялась и переходила одна въ другую. Для средней Россіи или нѣкоторыхъ внутреннихъ губерній, какъ мы сказали ранѣе, слѣдуетъ по возможности открыть новую отрасль промышленности для полученія дешевой соли, состоящую въ разработкѣ каменной соли, соляныхъ залежей въ нѣдрахъ земли, вѣроятно, находящихся въ тѣхъ районахъ, гдѣ въ древности процвѣтало солевареніе и гдѣ теперь находятся соляные ключи, какъ указатели того, что въ нѣдрахъ земныхъ тутъ непремѣнно находится слой соли, просачиваясь черезъ который почвенная вода и прорываясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ другія напластовыя земли и даетъ соляныя ключи. Для южныхъ губерній сама природа даетъ такое громадное количество соли на самосадочныхъ озерахъ и лиманахъ и берегахъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, что тутъ рѣчь можетъ идти только о хорошей организаціи этого промысла, о доступности этого промысла для всей массы населенія, не только ближайшаго, мѣстнаго,

но в отдаленнаго, приходящаго сюда для добыванія соли; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ самосадочныя озера — государственная собственность. раздававшаяся крупнымъ промышленникамъ, то необходимо поставить аренду и разработку этихъ соляныхъ богатствъ хоть-бы въ тѣ же условія, въ которыя поставлены новѣйшими циркулярами министерства государственныхъ имуществъ казенныя земли и лѣса. О разработкѣ или добываніи самосадочной соли на бессарабскихъ и крымскихъ побережьяхъ и озерахъ. а равно объ озерахъ астраханскихъ, кавказскихъ, киргизскихъ и сибирскихъ, объ элтонскомъ соляномъ промыслѣ, о ломкѣ илецкой каменной соли необходимо поговорить отдѣльно, такъ какъ этотъ способъ соледобыванія имѣетъ теперь гораздо болѣе важное значеніе для Россіи, чѣмъ солевареніе, такъ какъ одно Элтонское озеро даетъ гораздо болѣе соли, чѣмъ всѣ соляныя варницы въ настоящее время, не говоря уже о богатыхъ также солью крымскихъ и астраханскихъ озерахъ.

III.

Весьма важный вопросъ въ исторіи солеваренной промышленности составляетъ вопросъ о владѣніи и пользованіи соляными мѣстами, варницами, о той или иной организаціи промысла, объ отношеніяхъ владѣтелей варницъ къ солеварамъ и водолюбамъ или вообще рабочему люду, занимающемуся вываркою соли, когда владѣльцы варницъ и рабочіе на нихъ составляютъ разнаго рода лицъ или отдѣляются другъ отъ друга. Вѣроятно, въ древнѣйшія времена соляныя ключи, источники соленой воды, соленныя озера, морская вода, изъ которыхъ вываривалась соль въ то время какимъ нибудь первобытнымъ способомъ, не составляли чьей нибудь исключительной собственности, а были въ пользованіи всѣхъ желающихъ эксплуатировать подобный источникъ. Подтверженіемъ этой мысли могутъ служить разныя указанія на то, что напр. запорожскіе казаки иногда варили соль изъ разныхъ соляныхъ источниковъ безъ всякихъ ограниченій; кромѣ того, существуетъ много указаній на то, что самосадочная соль на разныхъ озерахъ составляла собственность всѣхъ, желающихъ воспользоваться ею.

На сибирскихъ озерахъ подобный способъ соледобыванія практиковался еще не въ очень давнія времена и пути крестьянъ, проторенныя къ какому нибудь соленосному озеру, проводили туда въ послѣдствіи и администрацію, которая и зачисляла эти озера въ казенныя статьи; а сибирскіе крестьяне и до сихъ поръ держатся того взгляда на подобную, самосадочную соль, что молъ это «Божья пазуха», равно какъ и лѣсъ и земля—все это Божье. Слѣдовательно, первою стадіею въ развитіи соляной промышленности мы должны признать то, что соляныя уголья составляли общую собственность, такъ что каждый, кто хотѣлъ, могъ и пользоваться ими невозбранно. наряду съ другими; какъ самосадочное соляное озеро составляло Божью пазуху, такъ и соляной ключъ составлялъ тоже Божій даръ, доступный для всѣхъ. Такъ, еще Лепехинъ утверждалъ, что зряне давнымъ давно эксплуатировали тѣ соляныя источники, которые расположены въ мѣстахъ ихъ прежней и теперешней осѣлости, т. е. въ уѣздахъ Яренскомъ и Сольвычегодскомъ; по словамъ Крашенинникова, изучавшаго въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Камчатку, тамъ, лѣтомъ, какъ русскіе, такъ и Камчадалы являлись къ берегу моря для варки соли, для ловли рыбы и т. д.

Первоначальныя извѣстія о солевареніи идутъ съ XII вѣка, когда Новгородцы успѣли уже проникнуть до Бѣлаго моря и за вѣсти здѣсь у моря солевареніе, съ котораго шла пошлина въ пользу новгородскаго Архіепископа, а какъ въ то время оно было организовано, неизвѣстно. Слѣдующій XIII вѣкъ тоже не даетъ не только никакихъ разъясненій, но и какихъ бы то ни было извѣстій о состояніи соляного промысла на Руси, только отъ XIV ст. сохранилось нѣсколько извѣстій, дающихъ нѣкоторую возможность судить о томъ, гдѣ и какъ происходило солевареніе, хотя свѣдѣнія этого времени крайне отрывочны и ихъ слишкомъ немного, чтобы по нимъ можно было воспроизвести картину тогдашняго солеваренія. Въ XIV ст. солевареніе у моря на сѣверѣ настолько уже было развито, что гости Двинскіе ѣздили съ солью по Двниѣ и Сухонѣ и продавали соль въ Вологдѣ, Устюгѣ и даже Костромѣ, что видно изъ Двинскихъ грамотъ Велик. Кн. Василія Дмитріевича. Очевидно, что соль производилась уже въ такихъ размѣрахъ, что удовлетворяла не только мѣстнымъ потребностямъ и потребностямъ ближайшихъ мѣстъ, но и вывозилась въ отдаленныя мѣста

на продажу. На счетъ организациі солеваренія въ эти древнѣйшія времена у моря, можетъ прозлить нѣкоторый свѣтъ одна изъ закладныхъ грамотъ, относящаяся къ XIII или XIV столѣтіямъ, гдѣ говорится, что два человѣка, владѣвшіе своею «отциною», землями и лѣсами на Лодьми (съ такимъ именемъ существуетъ рѣка, впадающая въ Двинскую губу около Новодвинской крѣпости), заложили свои земли и всякія угодья третьему лицу; въ добавленіе къ этой закладной пришта еще бумага, въ которой говорится о соляномъ колодцѣ, какъ объ особомъ угодьи, которое они условливались эксплуатировать вмѣстѣ съ тѣмъ, кому закладывали свою землю и вотчину: «тотъ колодязь» вычлестить вмѣстѣ и пытать варить соль съ Божью помощью; т. е. въ этой грамотѣ мы находимъ единственный примѣръ изъ глубокой древности, знакомящій насъ съ солевареннымъ товариществомъ. гдѣ указаны не только лица, составлявшія это товарищество въ количествѣ трехъ человѣкъ, но и условія образованія товарищества, далѣе, что соляной колодецъ составлялъ «отцину» или вотчину двоихъ владѣльцевъ, и входилъ въ составъ угодій, наравнѣ съ орами землями, рыбною ловлею и бобровыми гонами, которыя можно было закладывать, продавать другимъ лицамъ, отказывать въ монастыри на поминъ души, однимъ словомъ, отчуждать всѣми возможными тогда способами.

Прямая историческія указанія на солевареніе въ разныхъ мѣстахъ Руси начинаются главнымъ образомъ съ XIV и XV столѣтій. Въ XIV стол. находимъ извѣстія о солевареніи, кромѣ крайняго сѣвера, въ Солнгаличѣ, Старой Русѣ, въ Городцѣ и въ Нерехтѣ; въ послѣднихъ двухъ мѣстностяхъ въ самомъ концѣ XIV и началѣ XV столѣтій солевареніе должно было быть уже достаточно развитымъ. Въ Старой Русѣ еще въ XIV столѣтій, по словамъ псковскаго лѣтописца, а именно въ 1364 году, «Псковичи поставиша 2 варницы на Рухѣ и начаша соль варити, и то не сбытеться, и повергоша», т. е. начали было вываривать соль въ 2-хъ варницахъ, но это имъ не удалось, такъ что они должны были бросить это предпріятіе. Изъ этого извѣстія, конечно, нельзя сдѣлать какихъ бы то нибыло выводовъ на счетъ тогдашней организациі солеваренія въ Старой Русѣ. Нѣсколько ранѣе этихъ данныхъ о Старой Русѣ имѣются извѣстія о солевареніи въ Соли Галичѣ, который основанъ былъ среди дремучихъ лѣсовъ сначала въ видѣ

не свободными людьми или рабами, которые, конечно, не могли переходить от владѣльца къ владѣльцу, составляя собственность вотчинника, имѣвшаго на него полную грамоту. Большая часть данныхъ о солеварняхъ въ удѣлахъ и въ Московской Руси XV ст. мало отличаетъ солеваровъ отъ всѣхъ другихъ разрядовъ рабочаго люда, такъ что приходится заключить, что и положеніе ихъ въ социальномъ-экономическомъ отношеніи не разнилось отъ всѣхъ другихъ родовъ крестьянскаго люда. Различіе могло въ нѣкоторыхъ случаяхъ обуславливаться только родомъ промысла, и притомъ въ какихъ нибудь мелочахъ. На частныхъ монастырскихъ вотчинахъ или духовныхъ для работъ употреблялись и несвободные люди, что мы видѣли напр. на Нерехотскихъ митрополитскихъ варницахъ въ XV ст., гдѣ, наравнѣ съ солеварами и водоливцами, ставятся и окупленные люди домовые изъ разряда тѣхъ людей, на которыхъ вѣроятно имѣлись полныя грамоты, какъ объ этомъ говорить въ другой грамотѣ.

В. Остроумовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Удѣл. - 1882. 157

ВЪ СТЕПИ ¹⁾).

(Окончаніе).

У. Иванъ Отченашъ.

Послѣдняя встрѣча съ Савчукомъ произвела на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Человѣкъ, который, казалось, жилъ только надеждою такъ или иначе истребить въ родномъ селѣ кулачество, вдругъ самъ сдѣлался кулакомъ, — такой фактъ разбивалъ самыя дорогія мои вѣрованія. Идеализируя народъ вообще и Савчука въ особенности, я вдругъ какъ бы потерялъ подъ собою почву и положительно не зналъ, на чемъ остановиться, за что ухватиться. Мое душевное состояніе дѣлалось еще тяжелѣе, когда я вспоминалъ о томъ, съ какою добросовѣстностью деревня толкала Савчука на путь кулачества, какъ она ставила препятствія всякой его дѣятельности, направленной къ общему благу, заподозривала каждый шагъ, считала его способнымъ на всякое мошенничество, что не церемонилась высказывать ему въ глаза при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и, наконецъ, не смотря на то, что Савчукъ всячески упирался, вытолкнула таки его, просто кулакомъ въ шею, на широкій путь обдиранья своихъ ближнихъ. Состояніе, въ которомъ я находился въ это время, испытывали, навѣрно, всѣ тѣ, кто любилъ народъ исключительно по книжкамъ и потомъ, при личныхъ столкновеніяхъ,

¹⁾ См. «Устон» №№ 1, 3 и 4.

ныхъ" присматривать за шалапутами и сообщать все узнанное ему, ихъ „духовному отцу“.

Молча слушала Поддебня направленные противъ него обвиненія. и только время отъ времени изъ его глазъ выкатывались крупныя слезинки и, медленно спустившись по заскорузлой, морщинистой щекѣ, повисали на волосахъ его черной широкой бороды. Было что-то величественное въ томъ спокойствіи, съ которымъ Поддебня переносилъ наносимыя ему оскорбленія, рѣшившись выслушать ихъ до конца, а не ушедши изъ церкви тотчасъ же, въ началѣ проповѣди. Онъ смотрѣлъ прямо въ глаза священнику, какъ бы желая устыдить его, и, надо полагать, въ этомъ взглядѣ было кое-что непріятное для проповѣдника, такъ какъ онъ старался избѣгать глазъ Поддебни и смотрѣлъ нѣсколько въ сторону, скосивъ лицо...

Кончилась проповѣдь. Народъ началъ выходить изъ церкви; вышелъ и Поддебня, но остановился на паперти, очевидно, поджидая священника. Остановились и многіе изъ богомольцевъ, интересуясь исходомъ дѣла. Проповѣдь, видимо, произвела сильное впечатлѣніе, какъ это можно было судить по тому напряженному вниманію, съ которымъ слушала проповѣдь тысячная толпа, наполнявшая церковь, такъ и по оживленнымъ разговорамъ, которые вели между собою расходившіеся богомольцы и оставшіеся въ оградѣ послушать, какъ будутъ „спорить“ батюшка и шалапуты. Разговоры были самые разнообразныя. Одни стояли за шалапутовъ, другіе сильно возставали противъ нихъ. Очевидно, вопросъ о томъ, что такое за люди эти шалапуты, давно занималъ бугулькинцевъ и все никакъ не могъ быть разрѣшенъ болѣе или менѣе основательно, такъ какъ высказывались мнѣнія, противоположныя другъ другу.

— Нѣтъ, тутъ ужъ что, какое ужъ тутъ добро, говорилъ сѣдой, сгорбленный старичекъ, съ маленькимъ, собраннымъ въ тысячу морщинокъ личикомъ, постоянно кашлявшій и едва могшій отдышаться послѣ каждаго приступа кашля: чего отъ нихъ хорошаго ждать, коли они нашего Бога забыли... кхи!

кхи!.. вѣру-то, значить, передѣлали... кха! кха!... Охъ, Господи, прости мои согрѣшенія!.. кхе! кхе!.. Ужь, значить дѣло-то ихъ непутевое, нечистое...

— Зачѣмъ такъ, дѣдушка, говорить? возразилъ ему молодой мужикъ: люди они хорошіе, посмотри-ка, какъ они живутъ,—не по нашему. У насъ теперича,—къ примѣру наши дворъ взять,—война, каждый себѣ волокетъ, каждый себѣ прячетъ, потому скоро будемъ дѣлиться, такъ каждый хочетъ себѣ побольше сцапать. Женатые тащутъ съ женами къ тестямъ, неженатые—къ друзьямъ, либо въ кабакъ, матушка тащить къ какой-то старушкѣ... Просто глядѣть-то срамно... Бабушка-то, на что ветхій человекъ, и та надъе, гляжу, волочетъ куда-то тряпочки, нашла, значить, въ навозѣ: что ты, говорю, дѣлаешь, бабушка? А что жъ, говорить, мнѣ слышать, что-ли, съ голоду, когда вы подѣлитесь?... Разволочили все, страсть, ничего-то въ дому, кажись, не осталось. Хватились разъ щи сдѣлать,—анъ соли во всемъ дому крошки нѣтъ; а было ея у насъ пудовъ пять толченой,—въ горшкахъ стояла: другъ у дружки, значить, изъ подъ носу горшки разворовали... Ну, вотъ всеѣмъ и разоръ. А у шалапутовъ этого нѣтъ; у нихъ все дружно, чинно. Вотъ Богъ ихъ и награждаетъ: дома-то у нихъ словно полная чаша...

— Не Богъ тутъ, не Богъ, заговорилъ опять маленькій старичекъ: чортъ имъ помощникъ... кхе!.. кхе!.. охъ, грѣхи мои тяжкіе!.. вотъ кто имъ помогаетъ!.. кхи! кхи!..

— Что ты, дѣдушка, только мелешь, какой тамъ чортъ?..

— Какой! а ты не знаешь, какой? разгорячился старичекъ и страшно закашлялся; потомъ, кое-какъ оправившись, онъ зачастилъ скороговоркой:—они пляшутъ вoкoлo кадушки, а оттолъ чортъ вылезетъ; да и даетъ имъ денегъ, сколько кто это хошь...

— И ты видалъ его, какой онъ собой?—съ ироніей спросилъ молодой мужикъ.

— Я то не видалъ, да и не приведи Господи... кхе! кхе!..

посмотри самъ, коли хошь... кхи! кхи!... А только добры люди говорятъ...

— Ну, что же они говорятъ, какой-же онъ? продолжалъ подтрунивать молодой собесѣдникъ.

— Такой! закричалъ совсѣмъ разсердившійся старичекъ: у него спины нѣту, а одна ноздря... вотъ какой!..

Молодой мужикъ разсмѣялся.

— Ну, и напелъ же ты, дѣдка! замѣтилъ онъ, и затѣмъ серьезно прибавилъ: работаютъ они — вотъ откуда у нихъ деньги...

— А мы разя не робимъ? съ какою-то ехидною злобою вставилъ свое слово мужина среднихъ лѣтъ, до сихъ поръ молча слушавшій разговоръ старика съ молодымъ мужикомъ..

— Робить-то мы робимъ, да за то и пьянствовать здоровы, отвѣчалъ молодой собесѣдникъ съ какою-то нервной дрожью и далеко не тѣмъ благодушнымъ тономъ, какимъ онъ говорилъ со старичкомъ.

— А много-ли мы пропиваемъ? съ прежнею ехидностью допрашивалъ новый собесѣдникъ.

— Много-ли, мало-ли, а все хозяйству убытокъ...

— А союзу-то у насъ нѣтъ, заговорилъ еще новый собесѣдникъ, широкая рыжая борода: чуть съ кѣмъ случилась бѣда, ну и пропалъ человекъ,—помочи у него нѣту, неотколы, ступай въ кабалу; а тамъ ужъ сколько ни роби, изъ кабалы не выльзешь... А у этихъ-то разя такъ? у нихъ поддежутъ... Вонъ Иванъ-то Вавиловъ, какой былъ грабитель, сколько соковъ изъ насъ вытянулъ, а стать ихнимъ, — все роздалъ, кому что нужно...

— Чортъ это съ нимъ... кха! кха!.. для соблазну... зашамкалъ было старичекъ, но въ это время выходилъ изъ церкви священникъ и вниманіе всѣхъ направилось на паперть.

Священникъ, видимо, нарочно медлилъ въ церкви, въ надеждѣ, что народъ соскучится и разоидется, такъ что ему не придется объясняться съ Поддебней публично. Но такъ-какъ всѣ стояли въ оградѣ и терпѣливо ждали, то батюшкѣ приш-

лось выйти при всѣхъ. На самой паперти ему перегородалъ дорогу Поддебня.

— Батюшка, что я васъ спрошу... начать было онъ, но батюшка, не давъ ему договорить, рѣшительно отвѣчалъ:

— Не хочу съ тобой говорить, потому ты—еретикъ... Покайся сперва!

И батюшка поспѣшно направился къ выходной калиткѣ въ оградѣ.

— Да я батюшка объ этомъ-то...

— Не хочу, не хочу!.. Говорю, покайся!.. Да ты, я знаю, нераскаивный... съ тобой нужны другія мѣры...

И чрезъ минуту батюшка юркнулъ въ парадную дверь своего свѣтленькаго, чистенькаго семиконнаго дома, стоявшаго какъ-разъ противъ церкви.

Эта сцена произвела на всѣхъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Всѣмъ было очень досадно, что попъ не захотѣлъ „постоять за вѣру“, убѣждать отъ „спора“. Только маленькій старичекъ защищалъ священника.

— Убѣжишь, братъ... кхе! кхе!... коли съ ими завсегда чортъ,—поспорить тутъ... кха! кха!...

Но его уже никто не слушалъ: распространился слухъ, что постѣ обѣда будетъ сходъ „насчетъ шалапутовъ“.

— Что бы это такое значить? разсуждали бугулькинцы, расходаясь по домамъ.

Дѣло, по поводу котораго я пріѣхалъ въ Бугульку, было покончено часъ спустя послѣ обѣдни. Но такъ-какъ мнѣ было не къ спѣху и предстоялъ сходъ бугулькинцевъ, то я рѣшился остаться въ Бугулькѣ на цѣлый день. И мнѣ не пришлось раскаиваться въ своемъ рѣшеніи.

Сходъ собрался на площади предъ волостнымъ правленіемъ. Бугулька, какъ и многія другія села нашей мѣстности, составляетъ особую волость, и потому въ немъ нѣтъ сельскаго старосты и сельскаго правленія, а обязанности послѣднихъ

возложены на волостное правленіе и волостного старшину. Тамъ не менѣе сходы собираются не волостные, на которые по закону являются представители отъ десятка дворовъ, а сельскіе, принимать участіе въ которыхъ можетъ каждый домохозяинъ. Поэтому сходы такого громаднаго села, какъ Бугульки, и по обычнымъ поводамъ бывають чрезвычайно многочисленны: а такъ-какъ на этотъ разъ сходъ собирався „насчетъ шалапутовъ“, которые занимали такъ или иначе положительно всѣхъ, то на площадь передъ правленіемъ привалило народу видимо-невидимо. Впереди всѣхъ стояли сѣдобородые старики, въ перемежку, впрочемъ, съ черными бородами. За ними слѣдовали мужики помоложе, а на самомъ краю бабы, собравшіяся посмотреть, какъ „будутъ съчь“ шалапутовъ: почему-то онѣ были увѣрены, что сходъ собранъ именно съ этою цѣлью. Оказалось, однако, нѣчто другое.

Ничего похожаго на открытіе схода не было. Какъ-то вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ заговорили разомъ о предметѣ схода и вдругъ оказалось, что въ одинъ моментъ вся стоявшая на площади масса людей поняла, по какому поводу собранъ сходъ. Въ тотъ же моментъ заговорили разомъ чуть не всѣ, отчаянно жестикулируя руками, поводя всѣмъ тѣломъ и нисколько не стѣсняясь въ выборѣ выражений для изложенія своихъ мыслей. Видя, что мнѣ ни въ какомъ случаѣ не удастся услѣдить за ходомъ преній на всемъ сходѣ, я рѣшился сосредоточить все свое вниманіе на одной кучкѣ присутствующихъ и выслушать, что они скажутъ по данному вопросу. Избранная мною кучка состояла изъ пяти мужиковъ и раздѣлялась на двѣ партіи: четверо нападали на одного.

— Въ Сибирь его, треклятова! кричалъ одинъ изъ нападавшихъ: что они, проклятые, сдѣлали съ мово Ваньки женой, а?.. Не хочу, говорить, съ тобой жить: не люблю, а не любя жить грѣхъ? Разя это поряжокъ? Ну-ка, скажи-ка ты намъ, Вакила-мудрецъ?!

И крикунъ-мужикъ чуть не валился на своего оппонента. Другой нападавшій говорилъ спокойнѣе и солиднѣе.

— А что батюшка-то нынче въ церкви говорилъ про Гаську-Поддебню, ты забылъ? Лицемѣръ, говоритъ онъ: наружу только святость держать, а душа-то у него черная, три любовницы у него... аль забылъ?..

— А мой племяшъ? наступалъ третій: онъ замѣсть сына у меня былъ; а они что съ нимъ сдѣлали? куда онъ теперь ходитъ? Онъ отъ ихняго поста хуже всякаго кашея сталъ, никакой работы не можетъ перенести... Потому Иванъ-Басловъ теперь онъ у нихъ, заключилъ мужикъ съ грубымъ смѣхомъ.

— А что мнѣ съ отцемъ дѣлать? кричалъ четвертый: таскаетъ онъ все имъ на жертву; двухъ куръ стащилъ ужь... Онадысь, гляжу, волокеть ягненка: нѣтъ, говорю, хоша ты и отецъ, а это не порядокъ... И потаскалъ его маленько за виски: потому житья нѣтъ, все растащить...

Защипавшій противъ четырехъ оппонентовъ былъ тотъ самый мужикъ съ широкой рыжей бородой, который въ концѣ разговора на церковной паперти жаловался, что среди мужиковъ нѣтъ союзу. Окруженный нападавшими со всѣхъ сторонъ, онъ нисколько не смущался и ловко отвѣчалъ всѣмъ имъ.

— А вы бы съ своимъ Ванькой больше били невѣстку-то! Гдѣ же ей любить васъ, чертей, когда вы на ней мѣста жпвого не оставили! Ты сказалъ-ли ей коли ласковое слово-то, безъ зуботычны? Ты забылъ, чтоль, сколько разъ они отнимали ее у тебя да у твоего идола, Ваньки-то, чуть тепленькою?.. А теперь бить-то боишься, знаешь, что Поддебня заступится, такъ и въ Сибирь его, чтобъ тебѣ вольнѣй было издѣваться надъ бабой?.. Ахъ, ты — идоль, ты идоль старый!..

— А батюшкой ты мнѣ не тычь! отдѣлавши перваго оппонента обратился рыжебородый ко второму: потому я батюшкѣ нашему столько же вѣрю, сколько... Какая ему можетъ быть вѣра, коль скоро его можно за три копѣйки купить?..

— А ты что съ племянникомъ-то носишься? напалъ рыжебородый на третяго: не ты что ль его ограбилъ, ижънъе-го братьино себѣ присвоилъ, а племяша пить научилъ? Разъ мы этого незнаемъ?.. А какъ теперь они его отъ пьянства отучили, да другимъ человекѣмъ сдѣлали, такъ ты боишься, чтобъ онъ у тебя наслѣдство отцовское не потребовалъ, то и орешь: Иванъ Басловъ, да Иванъ Басловъ... А я того не знаешь, дура ты этакая, что Иванъ-то—Богословъ, а не Басловъ. Ахъ ты, бестыжіе твои глаза!...

— А ты чего про курь-то да про ягненка тараторишь? Забылъ, значить, какъ они тебѣ, ради твоего родителя, избу-ю выстроили?.. А ты родителя бьешь да еще похваляешься этимъ?.. И какъ у тебя языкъ повернулся? И гдѣ у тебя совѣсть?..

Пристыдивъ такимъ образомъ всѣхъ четырехъ, рыжебородый бросился къ другимъ кучкамъ. Тамъ вопросъ о ссылкѣ Василя Поддеби по мірскому приговору былъ уже почти рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

— Братцы! завопилъ рыжебородый: постыдитесь! Что же это вы дѣлаете?! Что вамъ дурного сдѣлалъ Василя?..

— Развратъ отъ него... заговорило нѣсколько голосовъ.

— Какой же отъ него развратъ, когда онъ живетъ строже, лучше васъ всѣхъ?.. Не развратъ тутъ причина, а водка: по-общали вамъ водки, такъ вы за это готовы человека сгубить... Побойтесь хоть Бога!..

Сходъ, видимо, начинать колебаться. Рыжебородый, желая воспользоваться благоприятной минутой, пустилъ въ ходъ послѣдній аргументъ.

— У Василя четверо ребятъ, жена: пушай, значить, сиротами остаются! Кто жъ кормить ихъ будетъ?..

Аргументъ произвелъ дѣйствіе. Раздались возгласы: „Робята? махонькіе!.. Зачѣмъ сироты?! Пушай ихъ при отцѣ растутъ!.. Что-жъ, онъ мужикъ ничего!“

Но въ это время выдвинулся впередъ старшина и сказалъ:

— Мнѣ батюшка поручилъ сказать, что онъ беретъ со-

держатъ на свой счетъ дѣтей Поддебни... до совершеннолѣтія.

Толпа загадѣла: „И чудесно! и превосходно!.. Не будутъ нищими!.. А Поддебня—мужикъ зловредный!.. развратъ пу- щаетъ!.. Бабы чрезъ него избаловались!.. Какъ же, командо- вать хочуть!..“

— Пипи! рывкнуло нѣсколько голосовъ въ двери и окна волостного правленія, гдѣ сидѣлъ писарь и ожидалъ, пока „мужвара нагадится“ и ему придется писать приговоръ схода.

— Что же это вы? Ахъ, вы черти, черти! закричалъ рыже- бородый съ тоской и отчаяньемъ.

— А ты не ругайся! сердито замѣтилъ ему старшина; а то и тебѣ то-же будетъ, что Поддебнѣ...

— Еще руки до этого не доросли! гордо отвѣчалъ рыже- бородый и пошелъ со схода.

Чрезъ нѣкоторое время онъ, однако, остановился и погля- дѣлъ на сходъ. Міряне разбились на три большія группы, по числу неизвѣстно откуда взявшихся ведеръ водки, и по оче- реди подходили и выпивали живительной влаги. Рыже-бородый плюнулъ, махнулъ рукой и рѣшительно пошелъ съ площади.

Меня крайне заинтересовалъ рыжебородый и я пошелъ слѣдомъ за нимъ, чтобы подъ какимъ нибудь предлогомъ свести съ нимъ знакомство.

Рыжебородый и былъ Иванъ Отченашъ.

Черезъ часъ мы сидѣли съ Иваномъ въ небольшомъ садикѣ, разбитомъ на его огородѣ, и вели самую пріятельскую бесѣду. Я вѣрно рассчиталъ, что человѣку въ такомъ разгоряченномъ состояніи, въ какомъ находился Отченашъ, достаточно ска- затъ нѣсколько сочувственныхъ словъ, чтобы воплѣть распо- ложить его въ свою пользу.

Отченашъ жилъ „союзною“ семьей. Такія „союзныя“ семь- встрѣчаются у насъ довольно часто. Обыкновенно два прія- теля, совершенно чуждые другъ другу по крови, соединяютъ

вмѣстѣ свои хозяйства, поселяются въ одной избѣ и такимъ образомъ составляютъ одну „союзную“ семью. Иногда „брательники“ заключаютъ между собою условіе въ волостномъ правленіи. Такое условіе гласитъ приблизительно слѣдующее: „Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне такой-то волости, уѣзда и губерніи, согласились жить вмѣстѣ и вести сообща хозяйство, для приращенія нашего хозяйства и для избѣжанія нужды. Жить намъ вмѣстѣ двадцать лѣтъ, а потомъ, какъ мы найдемъ лучше. Ежели до этого срока умру я, Григорій Волковъ, или я, Семень Волобцевъ, то онъ, Семень Волобцевъ, или онъ, Григорій Волковъ, обязанъ содержать и кормить мою семью, наравнѣ со своею. Въ чемъ я подписуюсь“. Условіе это на волостныхъ судахъ признается дѣйствительнымъ документомъ и на основаніи его семья умершаго „брательника“ можетъ заставить другого содержать себя, если онъ почему-либо захотѣлъ бы избѣжать этой обязанности. Но въ большинствѣ случаевъ дѣло устранивалось на совѣсть, безъ всякихъ документовъ. Сходились люди, вполне знающіе другъ друга и увѣренные въ томъ, что „брательникъ“ не оставитъ семью товарища безъ призора. Такъ именно сошлись Иванъ Отченашъ съ своимъ „брательникомъ“, Павломъ Жукомъ. Жили они очень дружно, причемъ съ перваго же взгляда было замѣтно, что Жукъ вполне подчинился нравственному вліянію своего товарища. Оба они были непьющіе и высоко въ другихъ цѣнили это свойство, за что, между прочимъ, любили и уважали палачутовъ, хотя надъ религиозными взглядами ихъ посмѣивались и сами оставались православными. Семьи у нихъ были довольно большія — штукъ по пяти дѣтей у каждаго. Избу они вывели себѣ большую, помѣстительную; весь дворъ у нихъ былъ застроенъ хозяйственными постройками, огородъ большой, на огородѣ—садикъ,—вообще, видимо, ихъ союзъ принесъ „приращеніе хозяйства“.

Отченашъ оказался собесѣдникомъ очень разговорчивымъ. Къ тому же оказалось, что при отарахъ, состоявшихъ въ моемъ вѣдѣніи, нѣкоторые изъ чабановъ были пріятелями Отченаша и говорили ему обо мнѣ. Когда это выяснилось, онъ сталъ

отвѣчать на всѣ мои вопросы съ готовностью и полною откровенностью; а когда замѣтилъ, съ какими интересомъ я слушаю его, онъ пустился въ подробнѣйшіе рассказы о своихъ деревенскихъ дѣлахъ.

Разговоръ нашъ вертѣлся около событій дня. По словамъ Отченаша, священникъ давно старался всячески погубить Поддебню, писалъ на него доносы архіерею и свѣтскимъ властямъ; нѣсколько разъ полиція и судебный слѣдователь производили дознанія и слѣдствія по поводу доносовъ священника, но такъ какъ за Поддебней никакихъ преступленій не оказывалось, то его всегда освобождали отъ всякой отвѣтственности. Теперь батюшка воспользовался правомъ сельскаго общества высылать въ Сибирь своихъ членовъ, буде они окажутся вредными или порочными. Способъ этотъ оказался удачнѣе прежнихъ и батюшкѣ оставалось только торжествовать.

— Отчего же это мужики послушали попа? спросилъ я: развѣ Поддебня имъ зло какое сдѣлалъ?

— А ты слыхалъ, что нынче-то попъ въ церкви говорилъ? а онъ всегда такъ... вотъ и есть такіе, что вѣрять, будто Поддебня съ чортомъ знается... А какой тамъ чортъ!.. Душевнѣйшій человекъ этотъ Поддебня: приди, попроси,—все, что хошь, дасть. Да и ждать не будетъ,—видить, что нужда, самъ принесетъ. Вотъ онъ какой!.. Ну и заступається: увидить, кого обижаютъ, сейчасъ: не могли. Иному-то это не по нраву... Такъ одно къ одному: кто говоритъ—чортъ, развратъ, тамъ, и прочее; а кто кричить—сына смутилъ!.. невѣстку сбиль!.. И не любятъ его... есть, таки, много такихъ... Да все бы это ничего, кабы не старшина: старшина тутъ всему дѣлу голова!..

— А старшина почему не любить Поддебню?

— Старшина-то? Да Поддебня ему ножъ вострый въ бокъ!.. Ты знаешь ли, кто у насъ старшина?

— Знаю, говорю: Вахрамѣевъ.

— Вахрамѣевъ-то Вахрамѣевъ, только чортъ онъ, — вотъ онъ кто!

— Какъ такъ чортъ?

— Такъ; какъ есть настоящій чортъ, въ полной формѣ...

Ты знаешь, сколько лѣтъ онъ у насъ старшиномъ?

— Нѣтъ, не знаю; а сколько?

— Девять!..

— Ну?

— А сколько онъ людей сгубилъ, вотъ этакъ-то тоже, по общественнымъ приговорамъ въ Сибирь?

— Сколько же?

— Вѣдь, не повѣришь, какъ скажу... человекъ сто!

— Что ты! удивился я: да сколько у васъ дворовъ въ селѣ?

— Да подъ двѣ тысячи...

— Значить, на каждые двадцать дворовъ по одному человеку?

— Вѣрно... похоже на то...

— Да какъ же мужики-то составляютъ приговоры? какъ же это они губятъ своего брата?

— Составишь, братъ! коли они пикнуть противъ старшины боятся...

— Отчего же это такъ?

— А оттого, что они всѣ у него подъ рукой... У него теперича лавки, кабаки,—и всякъ мужикъ туда долженъ. Долговъ этихъ у него тутъ—и Боже ты мой сколько! Мужикъ-то въ долгахъ словно въ арешкахъ: впадалъ, какая ряженая бываетъ овца, когда въ колючки заберется? вотъ такой-то и мужикъ... И все этому идолу должны. Тутъ, спроси-ка, кто ему не долженъ? шалапуты, да разя исшо мы съ брательникомъ... Вотъ пушай теперь какой ни на есть мужикъ противъ него слово пикнетъ, сичасъ онъ все у него распродастъ: и воловъ, и повозки, и хлѣбъ, и все, что хочеть... Боятся ему нечего: потому онъ со всякимъ начальствомъ другъ и пріятель. Посредникъ, какъ пріѣдетъ, три дня у старшины бражничаетъ—такой ужъ у него законъ. Старшина ужъ тутъ всячески передъ нимъ... да чего: дѣвокъ поставляетъ... Исправникъ тоже, что и посредникъ; въ присутствіи секретарь—кумъ старшинъ:

кому-жь на него жаловаться? Вотъ онъ и дѣлаеть, что хочеть... Теперь вотъ Поддебню стубить, а потомъ за меня примется...

— А ты ему чѣмъ стать не миль?

— Я-то? Да я, почитай, одинъ съ Поддебней только и могу идти противъ него. Кабы не мы, такъ онъ тутъ давно ужъ настоящимъ царемъ былъ: мы только ему крылья и подрѣзываемъ.

— Что-жь вы дѣлаете?

— Да мало ли что! Какъ онъ ни завладалъ мужиками, а мы все иной разъ смутимъ ихъ... Хотѣлъ онъ весной изъ магазен хлѣбъ забрать: ужъ и приговоръ начали-было писать, по четыре рубли ему четверть. А самъ-то онъ на станцію возилъ тогда по двѣнадцати,—вотъ ты и суди: чистый разбой!.. Ну, тутъ ужъ мы принялись стыдить мѣръ, стали срамить, здорово смѣялись—пробрало: уперлись мѣряне. „Что же это, говорятъ, мы у Бога сироты, чтоль, чтобъ по восемь цѣлковыхъ на четверть терять?..“ Такъ и не дали. Бился, бился старшина, видить,—ничего не подѣлаеть, бросилъ и ушелъ. А намъ съ Поддебной пригрозилъ добратся до насъ... Только руки у него коротки, чтобъ до меня добратся...

— Что же, ты на „мѣръ“ надѣнешся?

— Прежде надѣялся; думалъ: мужики меня любятъ, не выдадутъ. А теперь вижу: плоха надежда... Нѣтъ, у меня другая заручка...

— Какая же?

— Новый посредникъ у насъ теперь: этотъ ужъ не поѣдетъ пьянствовать къ старшинѣ, нѣтъ, ужъ сдѣлай милость... Былъ я у него надъсь. Разказалъ ему все. Слушалъ онъ, слушалъ и говорить: „а давай, говорить, этого старшину прогонимъ!“ Да развѣ, говорю, можно? „Вотъ дуракъ, говорить: да я могу. Ты, говорить, только скажи мнѣ, какъ онъ что незаконное сдѣлаеть; а тамъ ужъ мое дѣло...“ Такъ онъ меня этимъ обнадежилъ, страсть!

— Что-жь теперь?

— А вотъ какъ Поддебню повезуть въ городъ, я слѣдомъ за нимъ къ посреднику: разя это законно—человѣка ни за что ни про что въ Сибирь?

— Ну, а если посредникъ не поможетъ?

— Тогда надо что ни на есть... какъ нибудь по деревенскому...

— Да какъ же всетаки?

— А такъ... все равно пропадать... О Пирожкѣ слышалъ? О Пирожкѣ я слышалъ очень много, чтобы не понять, на что намекаетъ Отченашъ. Пирожокъ — это Фра-Дьяволъ нашего края, и ссылка на него показала мнѣ довольно убѣдительно. Къ тому же мрачный взглядъ Отченаша и его дрожащія руки ясно говорили, что онъ рѣшился на все. Да и какъ не рѣшиться, когда ему грозила Сибирью рука, сославшая туда уже до ста человѣкъ?

Я пригласилъ было Отченаша пойдти со мною къ Поддебнѣ, но онъ отказался, говоря:

— Такъ меньше горя, а то ишо расплачусь...

Я распрощался съ нимъ и, распросивши, гдѣ живетъ Поддебня, пошелъ въ ту часть села. Поддебню оставили до вечера дома, съ тѣмъ, чтобы вечеромъ посадить въ „холодную“, а на другой день везть въ городскую тюрьму: попрощаться съ ссылаемымъ собралась такая масса народа, что всѣ желающіе не могли помѣститься въ избѣ и густою толпою стояли на дворѣ. Хотѣлъ было взойдти и я, да подумаль, что моя любопытствующая фигура будетъ совершенно не ко времени...

Черезъ нѣсколько минутъ я выѣзжалъ изъ Бугульковъ.

Крайне заинтересовавшись борьбою, происходившею между такимъ всеяльнымъ и опирающимся на всякія средства человѣкомъ, какъ старшина Вахрамѣевъ, и Отченашемъ, вся сила котораго заключалась въ его личномъ характерѣ, я по мѣрѣ возможности старался получать извѣстія о дальнѣйшихъ пери-

петяхъ этой борьбы. Извѣстія приходили не особенно утѣшительныя: говорили, что хотя, благодаря новому мировому среднику, приговоръ бугулькинскаго общества о высылкѣ Педобни въ Сибирь, какъ вреднаго и порочнаго члена, и не былъ утвержденъ, но что губернскія власти обратили вниманіе на мотивы приговора и рѣшились провѣрить справедливость приписываемыхъ шалапутамъ злодѣйствъ. Съ этою цѣлью Педобня былъ оставленъ до поры, до времени въ тюрьмѣ, а местному становому приставу было поручено произвести секретное дознаніе о шалапутяхъ. Последнее извѣстіе сообщилъ мнѣ самъ господинъ становой приставъ, который былъ въ большій пріязни съ моимъ родственникомъ-хозяиномъ, частенько гостилъ у него и заѣхалъ теперь „мимоѣдомъ“, по пути въ Бугульки. Мнѣ очень захотѣлось посмотрѣть, какъ будетъ производимо приставъ дознаніе, да еще секретное, и я выразилъ ему свое желаніе. Приставъ, переносившій свою пріязнь къ комерсантамъ и на ихъ окружающихъ, охотно согласился на то, что я сопутствовалъ ему, и такимъ образомъ мы отправились вмѣстѣ.

Въ Бугульки мы пріѣхали поздно вечеромъ, причемъ приставъ еще верстъ за пять отъ села велѣлъ ямщику подвязать колокольчики, „чтобъ эти канальи не услышали, да не разбѣжались“. День былъ предпраздничный, какъ разъ такъ, когда шалапуты устраивали свои ночныя собранія. Тотчасъ же по пріѣздѣ приставъ распорядился собрать всѣхъ бугулькинскихъ сотскихъ и десятскихъ; два урядника уже ждали его при волостномъ правленіи; кромѣ того, были вытребованы нѣсколько крестьянъ въ качествѣ понятыхъ. И вотъ, когда въ эту армію—человѣкъ тридцать—была въ сборѣ, мы въ самую полночь двинулись въ походъ. Шли молча, чтобъ не нарушать ночной тишины и, такимъ образомъ, не дать знать о себѣ врагамъ. А враги, между тѣмъ, ничего неподозрѣвая о грозившей имъ опасности, спокойно сидѣли въ одномъ изъ самыхъ крайнихъ домовъ селенія, читали евангеліе, толковали его и пѣли духовныя пѣсни. Каково же было удивленіе „врага

когда приставъ, окруживши своею армією со всѣхъ сторонъ домъ и поставивши часовыхъ у всѣхъ входовъ, молодецки ворвался внутрь дома съ урядниками и нѣсколькими сотскими!..

Внутренность избы, въ которую мы вошли, была самая обыкновенная, съ тою только разницею, что обыкновенно въ нашемъ краю не бываетъ такихъ пирокныхъ лавокъ, которыя здѣсь шли вокругъ всѣхъ четырехъ стѣнъ. Всѣ лавки были заняты сидящими, причемъ по одну сторону сидѣли мужчины, а по другую женщины. Почти у всѣхъ въ рукахъ были или евангелія или тетрадки со стихами. Когда мы входили, пѣлись какія-то заунывные стихи, и присутствующіе такъ увлеклись пѣніемъ, что даже не замѣтили нашего прихода, и только окрикъ пристава заставилъ ихъ прекратить пѣніе.

— А, поймались, голубчики! заоралъ приставъ: вотъ я васъ! я вамъ пропишу перцу!..

Всѣ испуганно вскочили съ мѣсть. Какъ разъ передъ приставомъ стоялъ высокій, блѣдный молодой мужикъ, тотъ самый, котораго православные мужики называли шалапутскимъ Иваномъ-Богословомъ. Къ нему-то и обратился приставъ.

— Ну-ка, ты, святой, сними съ меня пальто! Ты хоть и Іоаннъ Богословъ, а я—только становой приставъ, а все жъ ты мнѣ прислужи, а не я тебѣ... Ну, а на томъ свѣтѣ что будешь, это мы тамъ посмотримъ...

И затѣмъ, обращаясь къ остальнымъ шалапутамъ, приставъ продолжалъ:

— Ну ка, вы, голубчики!.. Ишь васъ, чертей, сколько сюда нанесло!..

Шалапуты страшно не любятъ слова чортъ и другихъ ругательствъ и, слышавъ ихъ, обыкновенно убѣгаютъ. Но здѣсь бѣжать было некуда, такъ какъ всѣ выходы были заняты полиціей, и они только въ ужасѣ крестились при всякомъ ругательствѣ станowego. Последнему это очень понравилось и онъ принялся извергать всевозможныя ругательства. Наконецъ, истощивши весь свой лексиконъ, лексиконъ,

крайне богатый оборотами, приставъ приказалъ урядникамъ схватить Іоанна Богослова и нѣсколько другихъ шалапутовъ, посадить ихъ въ „холодную“ и продержать ихъ до утра. По окончаніи всѣхъ этихъ подвиговъ, армія десятскихъ и сотскихъ была распущена, должностныя лица разошлись по домамъ и снова тишина воцарилась надъ Бугульками.

На другой день становой имѣлъ продолжительное совѣщаніе со священникомъ и въ результатъ этого совѣщанія явилось донесеніе пристава губернскому начальству объ исполненіи возложеннаго на него порученія. Въ донесеніи этомъ говорилось, что по тщательно произведенному дознанію секта шалапутовъ оказалась вредною во всѣхъ отношеніяхъ, какъ это можно видѣть изъ ея догматовъ и обрядовъ, которые состоятъ въ томъ, что и проч... Шла, словомъ цѣлая богословская диссертація.

Губернское начальство, получивъ такое донесеніе, отписать высшему о появленіи „вредной секты, именуемой шалапутами“. Высшее начальство придумаетъ какія-нибудь „мѣры для предупрежденія и пресѣченія распространенія вредной секты“, — и тотъ-же становой приставъ будетъ приводить эти мѣры въ исполненіе. Такъ и идетъ обыкновенно исторія.

Около мѣсяца спустя, мнѣ пришлось быть у отаръ, которыя паслись на бугулькинской степи. Въ это время случились какъ-то два праздника подъ рядъ, и потому на полѣ не было никого, кромѣ пастуховъ мірскихъ стадъ. Къ одному нихъ я и обратился съ вопросомъ о томъ, что дѣлается въ Бугулькахъ.

- У насъ тамъ чистый бунтъ! заявилъ мнѣ пастухъ.
- Какъ такъ? удивился я.
- Да такъ, значитъ: пріѣхалъ посредственникъ, смѣнилъ старшину...
- Вахрамѣва?

— Его, стараго чорта... ну, потомъ посредственникъ вѣдѣль выбирать новаго, выбрали...

— Кого жь выбрали?

— А есть у насъ мужичекъ такой, Отченашемъ прозывается...

— Знаю, говорю.

— А, такъ ты его знаешь? да и кто-жь его не знаетъ!— мужикъ онъ вострый, загвоздистый... Вотъ его и выбрали.

— Ну, такъ какой же бунтъ?

— Вотъ, какъ выбрали Отченаша, тутъ-то и бунтъ начался. Начали у Вахрамѣева-то отбирать все, что, значить, нужно, а онъ не даетъ... Главное, денегъ никакъ не найдуть: церковныхъ денегъ много тамъ было, а гдѣ они, неизвѣстно. Мужики—къ Вахрамѣеву; онъ не хочетъ и говорить... Туды-сюды, ну что ты подѣлаешь?.. Ну, тутъ мужики подняли настоящій бунтъ: поднялся крикъ, драка, содомъ!.. Я-то настоящее дѣло, какъ быть, не знаю, потому самъ тамъ не былъ. Ну, только говорили, бунтъ былъ, какъ слѣдуетъ. Да должно и нынче на селѣ пдеть смятеніе, потому вчера мужики стоваривались взяться за Вахрамѣева вплотную...

Я отправился въ самое село. Еще далеко не доходя до площади, я уже слышалъ страшный гамъ, поднимаемый тысячами глотокъ. На площади было настоящее смѣшеніе языковъ. Толпы двигались съ одного конца площади на другой. Всѣ говорили, горячились, кричали. Нѣкоторые затыгивали пѣсни. Видно было, что многіе изъ толпившихся на площади были уже порядочно выпивши. Разобрать что-либо въ этомъ хаосѣ не было никакой возможности, и я отправился съ разспросами къ знакомому лавочнику. Оказалось слѣдующее:

Когда Отченашъ сталъ „принимать“ отъ своего предшественника дѣла волостного правленія, онъ на первыхъ же шагахъ открылъ цѣлую массу злоупотребленій. Между прочимъ, не оказалось девяти тысячъ рублей церковныхъ денегъ. Когда къ Вахрамѣеву обратились съ вопросомъ о томъ, гдѣ эти деньги, онъ отвѣчалъ, что въ первый разъ слышитъ о нихъ

существованіи. Хотя всё было хорошо извѣстно, что старшина собиралъ деньги на церковь и собралъ именно девять тысячъ, Вахрамѣевъ упорно все это отрицалъ. Когда ему сослались на мірской приговоръ, которымъ онъ уполномочивался собирать деньги, Вахрамѣевъ сталъ отрицать и существованіе приговора, а когда обратились къ книгѣ приговоровъ, то оказалось, что она куда-то пропала и ее никакъ не могли отыскать. Все это страшно раздражило мужиковъ, и теперь среди нихъ шли толки о томъ, нельзя-ли и къ Вахрамѣеву примѣнить право общества исключать изъ своей среды вредныхъ членовъ и сослать его въ Сибирь.

Я спросилъ лавочника, не знаетъ-ли онъ, гдѣ остановился мировой посредникъ. Лавочникъ вызвался меня проводить, и мы пошли.

Мировой посредникъ, котораго мы нашли на земской квартирѣ, оказался очень милымъ и разговорчивымъ человѣкомъ. Послѣ рекомендацій и нѣсколькихъ вопросовъ объ общихъ знакомыхъ, я спросилъ, какъ онъ думаетъ: сошлютъ-ли бугулькинцы Вахрамѣева?

— По всей вѣроятности, отвѣчалъ посредникъ: ко мнѣ уже приходили нѣкоторые спрашивать, можно-ли? Ну, я имъ разъяснилъ относящійся сюда законъ, по которому сельское общество можетъ всякаго своего члена, признаннаго имъ вреднымъ, отдавать въ распоряженіе правительства, а правительство такихъ членовъ сельскихъ обществъ высылаетъ въ Сибирь... Остались довольны разъясненіемъ: вотъ, говорятъ, мы такъ и сдѣлаемъ съ Вахрамѣевымъ!.. Вообще, у нихъ теперь смѣлости достаточно... Сначала, когда разнесся слухъ, что я смѣнилъ Вахрамѣева, они и вѣрить не хотѣли: до того Вахрамѣевъ успѣлъ убѣдить ихъ въ своемъ всемогуществѣ. А потомъ, когда я на сходѣ предложилъ имъ выбрать новаго старшину, они обрадовались, просто какъ дѣти: смѣются, всё весело, у всѣхъ такая живость въ движеніяхъ... Слово, будто бы изъ подъ крѣпостнаго права освободились...

Не обошлось, конечно, и без водки, спутницы всякаго веселія...

— Значитъ, Вахрамѣевъ окончательно побить? спрашиваю я.

— Вотъ я и боюсь, что нѣтъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ: боюсь, что въ это дѣло вмѣшается губернаторъ. Вѣдь, у Вахрамѣева связи: правитель губернаторской канцелярїи купленъ имъ и потому всегда стоитъ за него; губернаторшѣ онъ сумѣлъ угодить пожертвованїями на разныя филантропическія затѣи ея превосходительства; да и самъ губернаторъ видитъ въ Вахрамѣевѣ „настоящаго мужичка“ и души въ немъ не чааетъ. Пробовалъ было я дѣлать ему представленїя о Вахрамѣевѣ въ томъ смыслѣ, что это, молъ, первый плутъ во всей губерніи,—такъ куда тебѣ! И слушать не хочетъ: что вы, говорить, моего мужичка обижаете? онъ, говорить, оживляетъ край своею предпримчивостью... Вотъ вы и толкуйте съ нимъ!.. Вообразите жъ теперь себѣ, что вдругъ всѣ они узнаютъ о привозѣ Вахрамѣева въ тюрьму; а Вахрамѣева-то благопрїятели научатъ, какъ поступить; онъ тотчасъ — прошенїе: подъ давленїемъ, дескать, мирового посредника сходъ постановилъ... Чувствуете, чѣмъ это пахнетъ?.. Я ужъ хотѣлъ было уѣхать, чтобъ безъ меня все это кончилось: меньше было бы предлоговъ для придирки. Не пускаютъ: мы безъ тебя, говорятъ, оробѣемъ... Такъ и сижу здѣсь, не показываюсь на село...

Пока посредникъ говорить все это, гамъ, доносившійся до насъ, все увеличивался и, наконецъ, достигъ такихъ размѣровъ, что я даже подумалъ, не случилось-ли тамъ убійства. Посредникъ, которому я предложилъ идти со мною на площадь, не рѣшился выходить изъ своей засады, и я пустился бѣгомъ одинъ.

Въ картинѣ, которую я увидѣлъ на площади, было нѣчто гомерическое. Передъ домомъ Вахрамѣева, гордо выдвигавшемся почти на середину площади, происходило правильное

сраженіе. Масса народа, вооруженная дубинами, рогачами, вилами и т. п., стояла вокругъ дома и защищала его противъ нападавшей толпы бугулькинцевъ, вооруженныхъ кольями. Битва велась съ примѣрнымъ мужествомъ: то и дѣло сыпались страшные удары, ежеминутно съ той и другой стороны выскакивали люди съ пробитыми головами и изувѣченными лицами и оставляли поле сраженія... Словомъ, происходило что-то невѣроятно нелѣпое и невѣроятно жестокое...

Суть дѣла была въ слѣдующемъ. Постановивъ приговоръ о ссылкѣ Вахрамѣева, бугулькинцы отправились арестовать его и посадить въ „холодную“. Но Вахрамѣевъ рѣшился „не даваться“, вооружилъ всю свою дворню — кучеровъ, дворниковъ, прикащиковъ и проч., — человекъ пятьдесятъ, и выставилъ ихъ вокругъ своего дома. Взбѣшенные бугулькинцы бросились къ плетню Вахрамѣева, мигомъ разнесли его и, вооружившись кольями, обрушились на вахрамѣевскую дворню. Произошло побоище.

Какъ въ это время не случилось убійства и все дѣло ограничилось проломами головъ, уродованіемъ морды и помятыми ребрами, я рѣшительно не могъ понять. Не смотря на то, что я засталъ только конецъ побоища, дрались при мнѣ очень добросовѣстно: удары наносились такъ отчетливо, что мнѣ каждый разъ казалось, что получившій ударъ непременно долженъ упасть замертво. Однако, благодаря Бога, ничего по добнаго не случилось и все кончилось „благопо-
лушно“.

Побѣда осталась за мірянами, хотя они потеряли раненыхъ гораздо больше, чѣмъ вахрамѣевская дворня. Побѣда была взята исключительно численностію. Разбитые „вахрамѣевцы“ бѣжали и спрятались по сараямъ и амбарамъ. А обезумѣвшіе, полупьяные бугулькинцы ворвались въ домъ, схватили Вахрамѣева и почти волокомъ потащили его въ „холодную“.

Сцена вышла крайне безобразная. Но, вспоминая о тѣхъ

жестокостяхъ, которыя творилъ Вахрамѣевъ въ Бугулькахъ, о томъ рабствѣ, въ которомъ онъ держалъ всѣхъ бугулькинцевъ, о тѣхъ невинныхъ страдальцахъ, которые, по его милости, были оторваны отъ своихъ семей и сосланы въ Сибирь, о сотняхъ сиротъ, оставшихся безъ отцевъ и принужденныхъ теперь нищенствомъ добывать себѣ пропитаніе, я, говоря по совѣсти, никакъ не могъ жалѣть Вахрамѣева. Униженіе его, въ моихъ глазахъ, служило залогомъ того, что авторитетъ Вахрамѣева не поднимется среди бугулькинцевъ и, каковъ бы ни былъ дальнѣйшій ходъ событій, ему уже не придется царствовать въ Бугулькахъ.

Посадивши Вахрамѣева въ „холодную“ и, такимъ образомъ, убѣдившись вполне въ безсиліи своего врага, бугулькинцы всецѣло отдались своей радости и устроили настоящій деревенскій праздникъ со всѣми его атрибутами. Праздникъ затянулся далеко за полночь и былъ законченъ только на другой день генеральнымъ „опохмѣленьемъ“...

Предчувствія мирового посредника оправдались. Вахрамѣевъ былъ освобожденъ тотчасъ же, какъ только онъ былъ привезенъ въ городскую тюрьму, и вмѣстѣ съ тѣмъ было начато уголовное дѣло „о совершеніи насилія надъ крестьяниномъ Вахрамѣевымъ крестьянами села Бугульки, по подстрекательствамъ мирового посредника такого-то“. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ слѣдователь, желавшій угодить вахрамѣевцамъ и, конечно, постарался.

Вахрамѣевъ, возвратившись въ Бугульки, навелъ на своихъ односельчанъ какой-то паническій ужасъ. Вся смѣлость, которую чувствовали бугулькинцы, свергнувши своего притѣснителя, вдругъ исчезла и замѣнилась страшною шкуробоязнью. Сила Вахрамѣева вдругъ стала казаться какою-то сверхестественною, съ которою нѣтъ никакой возможности бороться. Къ этому присоединились угрозы Вахрамѣева „согнуть въ бараній рогъ“ всякаго, кто не покорится ему. На слѣдствіи каждый старался выгородить себя и показывалъ все, что было угодно слѣдователю. Отъ посредника и отъ Отченаша отступились по-

ложительно всё и все валили на нихъ. Дѣло кончилось преданіемъ суду Отченаша съ нѣсколькими крестьянами, по обвиненію въ нанесеніи побоевъ Вахрамѣву и въ незаконномъ лишеніи его свободы, и мирового посредника — по обвиненію въ превышеніи власти. Окружной судъ, безъ присяжныхъ, приговорилъ Отченаша къ двухлѣтнему тюремному заключенію, а остальныхъ крестьянъ и мирового посредника — къ трехмѣсячному. Судебная палата, куда поступило дѣло по жалобамъ подсудимыхъ, приговоръ окружного суда утвердила.

Я посѣтилъ Отченаша въ тюрьмѣ, когда онъ уже высидѣлъ въ ней съ полгода. Разговоръ нашъ естественно вращался около его положенія. Его не столько огорчало тюремное заключеніе, сколько то обстоятельство, что отъ него отказались всё „земляки“.

— Вотъ и теперь, говорилъ онъ: какъ выплыву я строкъ, — вѣдь, не примутъ они меня...

— Какъ не примутъ? не понять я.

— А такъ; спрашивать ихъ будутъ: возьмутъ они меня опять въ общество, аль нѣтъ! а они откажутся...

— Ну, а потомъ кудажь тебя дѣнутъ?

— Извѣстно, куда: на поселеніе...

— И это всегда такъ дѣлается?

— Извѣстно, всегда, коли не примаютъ...

Меня покорило. „Чортъ знаетъ, что такое! думалъ я: посадятъ въ острогъ, да потомъ еще въ Сибирь!..“

— Не въ этомъ главная бѣда, что меня на поселеніе сошлютъ, продолжалъ Отченашъ: это что! и тамъ люди живутъ. Я, вѣдь, не пьяница, не лежебокъ какой; слава тебѣ Господи, руки есть, голова на плечахъ, — съ голоду не помремъ... Ну, и земли тамъ тоже много, — знай трудись... А вотъ обидно, что Вахрамѣвъ теперь земляковъ моихъ съѣстъ... Теперь онъ такое засиліе возьметъ, что не дай ты Господи!.. Вѣдь старшиной опять его выбрали, слыхаль?

— Слыхаль.

— Ну, вотъ то-то и есь: совѣмъ пропадутъ Бугульки...
А миѣ-то что: семья у меня не пропадетъ,—пріятель-то мой,
Жучекъ, прокормить. А тамъ, устроюсь хорошо коли, — и
семью выпишу; миѣ-то съ полгоря... А земляковъ жаль!

Ведостѣвецъ.

Греза.

(Эскиз романа).

Онъ—Павель Ивановичъ Гусевъ—сидѣлъ въ креслѣ, послѣ хорошаго домашняго обѣда, и полудремалъ, положивъ короткія руки на животъ, уронивъ большую голову, съ двойнымъ жирнымъ подбородкомъ, на грудь.

Было тихо въ домѣ, маленькомъ, деревянномъ, какихъ много за Таврическимъ садомъ. Жена Павла Ивановича безшумно, какъ тѣнь, сновала по комнатамъ, чтобы укротить дѣтей, которыя и безъ того вели себя отменно благоправно, и лицо ея, желтое и въ мелкихъ морщинкахъ, выражало почти ужасъ, а губы, безкровныя, подвижныя, шептали угрозы, сопровождаемыя соответственными жестами.

И только со стороны Таврическаго сада доносились звуки плохого оркестра, нарушая благоговѣйную тишину, которою окружали счастливаго отца семейства его трепетные домоладцы.

А онъ полудремалъ и мечталъ.

Ему грезилась его молодость. И яркія картины пестрой толпой обступали его, выплывая изъ сумрака прошлаго.

Почти у самаго моря раскинулся провинціальный городокъ Тихій. Мѣсто плоское, ни деревца вокругъ, только степь. Пять церковокъ бѣлѣютъ, какъ фарфоровыя игрушки, подъ яснымъ небомъ, гдѣ горитъ солнце, обильно разбрызгивая лучи свои по землѣ. Въ каменныхъ лавкахъ, надъ дверями которыхъ

здѣсь и тамъ краснѣють куски кумача, дремлюгь купцы. Греки, съ желтосмуглыми лицами, играютъ на улицахъ въ шашки. Шлетется старуха въ безобразныхъ лохмотьяхъ и ведетъ за руку голую дѣвочку, съ волосами, похожими на черный войлокъ и дикими глазенками. Дома спать: вездѣ закрыты ставни. И лѣнь окутала и повила городокъ, и наполнила его атмосферу, точно незримое облако, и нѣтъ человѣка, который не зѣвалъ бы и не кись въ эти мучительные дни лѣтней истоми благословеннаго юга.

Но въ чистенькомъ домикѣ, съ цвѣтниками, поливаемыми аккуратно утромъ и вечеромъ и благоухающими въ высшей степени освѣжительно, въ особенности когда съ моря потянетъ соленымъ вѣтеркомъ, бодрствуетъ живое существо.

Павель Иванычъ знаетъ, кто это. Посвистывая, смотреть онъ въ окно на пыльную улицу, гдѣ курица вырыла ямку и усердно купается въ ней; или—вдругъ нетерпѣливо вскочить, ходить по комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ и бѣлыми стѣнами, причемъ скрипятъ половицы и посуда звенить въ высокомъ желтомъ шкафу; потомъ останавливается, задумывается, охорашивается передъ зеркаломъ и поглаживаетъ только что пробившіеся усики, и опять ходить, и опять смотреть на улицу...

Наконецъ, бьетъ желанный часъ. Солнце въ это время уже нѣсколько сѣло, и кресты на церквахъ искрятся багровымъ огнемъ. На синемъ небѣ показались облака съ изрозо-желтыми краями. И сѣрая сухая земля начинаетъ чуть-чуть алѣть...

Павель Иванычъ торопливо хватается за шляпу (у него была тогда соломенная шляпа съ широкими полями и онъ находилъ, что она очень идетъ къ нему, къ его чернымъ кудрямъ). Черезъ пять минутъ онъ уже въ чистенькомъ домикѣ съ ароматными цвѣтниками, и его ласково встрѣчаютъ тамъ. И сердце его усиленно бьется, глаза блестятъ, горять щеки, дрожить голосъ...

Ранчка Муханова была простая дѣвушка. На первый взгляд ничего не было въ ней особеннаго. Нарядно она не одѣвалась и чаще всего носила коричневое шерстяное платье, точно жалъ ей было разстаться съ своимъ гимназическимъ костюмомъ, хоть гимназію она ужъ и окончила. Особенно умныхъ словъ она не произносила, не увлекалась модными писателями и не смѣялась надъ сочинителями, которыхъ ругали. Обо всемъ она старалась составлять независимыя мнѣнія, но мнѣнія эти, когда она ихъ высказывала, не поражали и казались заурядными. Книги читала долго, такъ что со стороны можно было подумать, что онѣ ей въ тягость и она надъ ними скучаетъ. Шекспира она читала цѣлый годъ. Многое ея и совсемъ не интересовало. Раскроетъ книгу, прочтаетъ страницу, скажетъ: „ну, это что-то не по мнѣ“, и ужъ больше не станетъ читать. У ней были подруги и она ихъ любила, но эта любовь никогда не выражалась пламенно. Онѣ повѣряли ей свои „тайны“, но у ней самой тайнъ не было, а если бы и были, едва ли бы она стала выдавать ихъ. Отецъ и мать полагали, что у ней холодная натура и что изъ нея выйдетъ чудесная жена и мать семейства. Она улыбалась, когда они заговаривали о замужествѣ и отмалчивалась. Вообще, она была молчаливая, и мать рассказывала, что Ранчка иногда напролетъ просиживаетъ ночи у открытаго окна и неподвижно смотреть вдаль широкими глазами. Наружность у ней тоже была не особенная. Обыкновенный глазъ, близорукій, ничего не открытъ бы выдающагося на этомъ почти некрасивомъ лицѣ, съ чрезмѣрно большимъ лбомъ и большими висками, и блѣдной, загибающейся на концахъ книзу линіей тонкаго рта. Но было что-то нѣжное и хорошее въ ея глазахъ. Цвѣта они были неопредѣленнаго, не то сѣрые, не то черные, сегодня кроткіе и задумчивые, завтра строгіе и пронизательные, но всегда добрые. Ноздри узкаго прямого носа были тонко очерчены и придавали что-то сосредоточенное ея лицу, обыкновенно немного наклоненному, не блѣдному и не румяному, обрамленному густыми русыми волосами.

Павель Ивановичъ сначала дичился Ранчки. Онъ былъ застѣливый молодой человѣкъ. Онъ улыбался, встрѣчаясь съ нею, шаркалъ ногой, предлагалъ вопросы о томъ, напр., какъ она поживаетъ и здоровы-ли ея родители. Потомъ привыкъ. Бела она себя ровно, не кокетничала, не робѣла и съ ней ему скоро стало легко и свободно. Хотя онъ и не отличался особеннымъ уваженіемъ къ дамамъ и, бывало, оставаясь съ какой-нибудь смазливенькой особой наединѣ, сейчасъ-же сооружалъ мысленно смѣлый планъ во вкусѣ геросевъ Зола, — не приходящійся въ исполненіе, — тѣмъ не менѣе, во время разговоровъ его съ Ранчкой ни одна пошлая мысль не приходила ему на умъ и ни одна легкомысленная фраза не срывалась у него съ языка. Къ Ранчкѣ онъ относился почтительно.

Онъ полюбилъ ее незамѣтно; и когда однажды пришлось ему уѣхать изъ Тихаго на недѣлю, онъ такъ тосковалъ, сердце его такъ рвалось къ Ранчкѣ, что онъ удивился, и радостный испугъ охватилъ его. Но онъ не посмѣлъ ей сказать объ этомъ. Первая любовь робка.

А Ранчка любила его? Можетъ быть. Глаза ея нерѣдко съ лаской останавливались на немъ. Отчего бы и не полюбить его? Ему было всего двадцать два года, плѣшь еще не образовалась на головѣ, онъ еще не ожирѣлъ, мечталъ о дѣятельности на пользу общую, умѣлъ говорить, когда одушевится, красно и благородно, со слезами въ голосѣ. Положительно, она любила его.

Ей было, во всякомъ случаѣ, не скучно съ нимъ. Неразговорчивая съ другими, она толковала съ нимъ по цѣлымъ часамъ. Съ нимъ она переставала быть одинокой, и онъ это чувствовалъ и радовался. Къ бесѣдамъ ихъ не то снисходительно, не то съ недоумѣніемъ прислушивались родители Ранчки — старикъ съ сѣдой бородой, крючковатымъ носомъ и красивыми карими глазами, и пожилая дама, полная, съ припухшими вѣками, съ доброй усмѣшкой нѣсколько искривленнаго рта. По выраженію ихъ лицъ было видно, что они до-

гадываются, какая невысказанная тайна связывает молодых людей, влечет их другъ къ другу...

Любимою тѣмою Раички былъ, обыкновенно, разговоръ о людской неправдѣ. Говорила она, повидимому, спокойно, но Павлу Иванычу всегда при этомъ чудилось, что сердце ея бьется шибко, шибко. И въ душѣ его пробуждалось хорошее чувство, въ груди точно дрожали сочувственно какія-то струны, и ихъ неопредѣленная мелодія, гармонично звуча, поднимала въ немъ желаніе куда-то идти и совершить какой-то подвигъ, чтобъ дать выходъ начинающимъ слезамъ.

— По какому праву вы, господа, судите да рядите обо всемъ? вмѣшивался иногда отецъ Раички, улыбаясь и глядя вдаль, постариковки, чуть прищуривъ глаза.—Поживите сначала, наберитесь опытности, чтобъ васъ уважали... Научитесь копѣйку добывать! Вотъ хоть этакой домишко постройте! Чтобъ онъ вашъ былъ... Тогда и увидите, каково жить! Эхъ вы! Мечтатели!

И потомъ вставалъ и, посмѣиваясь, уходилъ въ садикъ, понуривъ красивую голову и бодро ступая неразгибающимися ногами, обутыми въ тяжелые сапоги.

Да, по какому праву? спрашивалъ себя теперь Павелъ Иванычъ. Тогда они считали неумѣстнымъ этотъ вопросъ. И Раичка, эта умная головка, улыбалась только на слова отца. потому что нельзя было вмѣсто отвѣта вынуть изъ груди сердце и показать, какія чувства согрѣваютъ его, и нельзя было объяснить, какимъ образомъ эти чувства проникли въ него и наполнили его собою, и почему просятся наружу. Инстинктъ это, что-ли? Но какъ онъ сложился? Откуда сѣмя его было занесено въ далекій южный городишко, съ лѣнивымъ празднымъ людомъ, повидимому безмятежно влекущимъ бремя своей незатѣйливой жизни вплоть до могилы! Какимъ языкомъ должна была говорить жизнь съ ея замаскированными неправдами, чтобъ быть услышанной, и какимъ чуткимъ ухомъ надо было обладать, чтобъ услышать ея жалобы и откликнуться на

нихъ? Въ семнадцать го лѣтъ?! Ахъ, Раичка, ты была удивительная дѣвушка!

Случалось, они вмѣстѣ гуляли. Мѣсть для гулянья было мало, но иногда они ѣздили на взморье или въ степь. И тогда необъятность и красота природы проникала ихъ поэтической радостью, къ которой примѣшивалась неопредѣленная тоска, сладкое жемящее чувство, куда-то звавшее ихъ, куда-то манившее.

Вотъ морщинится черносяняя гладь, пѣнятся волны и плещутъ въ песчаный берегъ, набѣгая на него одна за другою съ мѣрнымъ шумомъ. Подъ ногами трещать раковины, шуршать крупный песокъ. Бѣлые гребни волнъ толпятся все плотнѣе и плотнѣе по мѣрѣ того, какъ ширится даль, и на горизонтѣ небо почти сливается съ блѣдно-голубымъ моремъ, которое кажется гамъ совсѣмъ гладкимъ и прозрачнымъ, какъ легкій дымокъ. Крики чаекъ рѣжутъ воздухъ, и тѣни отъ ихъ крыльевъ бѣгутъ по землѣ. Вѣтеръ играетъ шелковыми лентами на соломенной шляпкѣ Раички и иногда ласково бьетъ или по губамъ Павла Ивановича, замирающаго отъ счастья, или доносить до лица соленые брызги...

— Хорошо! Очень хорошо-сь! замѣчаетъ Павелъ Ивановичъ.

Раичка молчитъ нѣкоторое время и потомъ спрашиваетъ:

— Павелъ Ивановичъ, вы видите — вонъ корабль? Вонъ, я самомъ горизонтѣ? Кажется, греческое судно... Неужто не видите?

Павелъ Ивановичъ смотритъ, напрягаетъ зрѣніе и никакъ не можетъ разглядѣть корабля. Но чтобы не отстать отъ Раички по части дальнорекости, вдругъ объявляетъ, что видитъ.

— А, вижу, вижу! кричитъ онъ почти радостно. Дѣйствительно, греческое!

— А видите, вонъ еще за нимъ, — продолжаетъ Раичка, — вонъ какъ паутинка, голубенькой этакой черточкой, мачта прорѣзалась... Видите?

Павель Ивановичь опять напрягаетъ глаза, прикладываетъ къ нимъ руку въ формѣ зрительной трубки, потомъ дѣлаетъ шагъ впередъ, шагъ назадъ, и опять ровно ничего не видитъ. Но на этотъ разъ у него не хватаетъ храбрости созрать, и онъ откровенно объявляетъ, что не различаетъ никакой голубенькой черточки.

Ранчка съ тоской смотритъ туда, въ туманную даль, и говоритъ:

— Хотѣлось-бы мнѣ быть вотъ теперь на томъ кораблѣ... на самомъ дальнемъ... Ахъ, Павель Ивановичь!

— Зачѣмъ? спрашиваетъ онъ.

— Да вы не смѣйтесь... И объяснить не могу... Но только очень хотѣлось-бы... Но, конечно, что за желаніе! У меня часто бываютъ подобныя желанія! Сама не знаю... Вырваться хочется отсюда — вотъ что!

— Откуда?

— Молчите, Павель Ивановичь! У меня скучная жизнь!

Онъ съ тревогой беретъ ее за руку, и они продолжаютъ идти по берегу, а море раскидывается передъ ними необъятное, таинственное, угрюмое, холодящее подъ серебристыми лучами, скупо бросаемыми солнцемъ изъ-за сѣрыхъ тучъ.

— Пошлая, скучная жизнь! повторяетъ Ранчка.

Павель Ивановичь съ этимъ не соглашается. Напротивъ, жизнь ему кажется весьма поэтической. Правда, чтобы быть вполне поэтической, ей недостаетъ чего-то. Но это „что-то“ во власти Ранчки...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой прогулки они отправились въ степь.

Вездѣ зеленѣла трава. Сначала она казалась изумрудной, отливающей бархатомъ, а потомъ желтѣла и переходила въ оранжевые тоны, пока не заливалась горяче-лютарнымъ блескомъ закатающегося солнца. Въ туманныхъ, свѣтящихся багровымъ огнемъ даляхъ исчезали, какъ золотыя точки, волны и чумаки безконечнаго обоза, который тянулся черезъ всю степь, точно гигантская змѣя. И чѣмъ ближе, тѣмъ яснѣе и

больше казались звенья этой живой, туго изгибающейся цепи. так что, наконец, можно было различать фигуры людей. освѣщенные заревомъ заката — въ широкихъ, пропитанныхъ дегтемъ штанахъ и чоботахъ, въ смушковыхъ шапкахъ, — и мѣрно раскачивающіяся головы круторогихъ животныхъ. А небо, синее-синее, уже вспыхнуло мѣстами и тѣшитъ глазъ мягкостью и гармоніею розовыхъ и пурпуровыхъ полутоновъ, и прозрачный воздухъ благоухаетъ, и кричитъ перепелъ, хрипитъ коростель.

Глаза восхитившагося Павла Иваныча искази сочувствія во взорѣ Раячки, но она сказала:

— Да, хорошо... Но только знаете, Павелъ Иванычъ, человекъ все-таки куда лучше природы! Куда лучше!

— Почему? — спросилъ Павелъ Иванычъ, нѣсколько обиженный тѣмъ, что Раячка не раздѣлила его восторга. — Неужели это исключаетъ, наконецъ, возможность любоваться?..

— Не то, что исключаетъ, сказала Раячка, глядя на Павла Иваныча задумчиво, — но дѣло въ томъ... Природа, видите ли, сдѣлала человека злымъ, звѣроподобнымъ. Онъ крови хочетъ... Онъ ближняго давить — все вѣдь благодаря природѣ... А онъ самъ нѣтъ-нѣтъ да и захочетъ быть хорошимъ... Вотъ и вамъ хочется быть хорошимъ, и мнѣ хочется быть хорошей... Станемъ восхищаться красою, забудемъ, пожалуй, нашъ добрый порывъ... Я, Павелъ Иванычъ, всегда себя на этомъ ловлю.

— Ну, ужъ вы очень строги! сказалъ Павелъ Иванычъ со смѣхомъ.

Раячка нахмурила брови.

— Можетъ быть, на этотъ разъ... Но вообще — это справедливо... Это надо обобщить...

Затѣмъ, помолчавъ, сказала:

— Я это обдумала и это мое убѣжденіе.

Павелъ Иванычъ сталъ говорить, что чувство красоты — прогрессивное чувство, что гдѣ нѣтъ этого чувства, — тамъ нѣтъ цивилизаціи, нѣтъ идеала, нѣтъ высокаго. Раячка мол-

чала. И ему стало казаться, что онъ развиѣе ся. что ему доступны восторги, какихъ она не понимаетъ. Онъ тоже замолчалъ, вздохнувъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ Раичка стала скучать и капризничать. Она говорила, что ее томитъ ничего-педѣланье. Она металась и рвалась впередъ, вдаль, а скучная будничность удерживала ее въ своихъ лѣтнихъ, но цѣпкихъ объятіяхъ. Газеты раздражали ее (въ нихъ она интересовалась отчетами о судебныхъ засѣданіяхъ), каждый день принося извѣстія о мірѣ, непохожемъ на тотъ, въ которомъ она жила, полною тревоги, дѣятельности, борьбы, и мало даже имѣющемъ, по вѣщности, общаго съ тѣмъ спокойнымъ міромъ неопредѣленныхъ порываній и грезъ, который она сама создала себѣ...

...Быль осенній вечеръ. На балкончикъ, погруженный въ сумракъ ночи, падали изъ оконъ золотыя полосы свѣта, а сквозь виноградную листву виднѣлось черное небо, гдѣ дрожали звѣзды. Клумбы еще были полны цвѣтовъ, и аромат пропитывалъ собою влажный воздухъ. Лѣто кончалось, можно было ожидать сѣверовосточныхъ вѣтровъ и вообще непогоды, когда побурѣвшія листья спадутъ съ деревьевъ и закружатся въ аллеяхъ съ меланхолическимъ шорохомъ. И ожиданіе это невольно будило сожалѣніе объ утраченныхъ лѣтнихъ дняхъ.

Раичка и Павелъ Ивановичъ сидѣли рядомъ на узенькой скамейкѣ и тихо бесѣдовали.

Въ тонѣ Раички на этотъ разъ больше, чѣмъ когда-нибудь, звучала суровая нота.

— Вы муштра, къ счастью, и вамъ легче устроиться, говорила Раичка. — Долго вы будете киснуть въ нашемъ городѣ да ухаживать за барышнями? Ну, говорите-же! Я знаю, что вы ничего не дѣлаете, и даже ничего не читаете. Не къ лицу вамъ это. А? какже такъ, здоровый, сильный, молодой — и сидитъ сложа руки? А тамъ силы нужны, тамъ

взнегодовать, можетъ быть, тщетно ожидая поддержки... Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, прошу васъ, отвѣтите мнѣ прямо!

Сердце его казалось болѣзненно. И онъ глянулъ въ яракъ сада, какъ будто въ бездну, которую показывали ему въ перспективѣ, и ему жаль стало тихаго и мирнаго уголка, гдѣ онъ привыкъ жить въ мечтахъ — съ любимой дѣвушкой, окруженный цвѣтами и согрѣтый теплою женскою ладью.

— Чего вы требуете отъ меня? сказалъ онъ.

— Будьте послѣдовательны, отвѣчала она.

— Вы знаете, я хочу быть литераторомъ... прошепталъ Павелъ Ивановичъ.

— Будьте послѣдовательны, повторила Ранчка.

— Мнѣ кажется, началъ онъ послѣ молчанія, съ дрожью въ голосъ: — что вы немного презираете меня. Но, право, я не заблуживаю этого. Я чувствую себя достаточно бодрымъ, чтобы... Я все сдѣлаю, что будетъ надо! Ранца! Послушайте! Это вы мѣшаете...

— Я?

— Вы, Ранца! Вы... Я васъ люблю, и всѣ помыслы мои — тутъ, на васъ... Оттого и сижу, и жду...

— Вы любите меня? спросила Ранчка, — и лицо ея сіяло улыбкой и глаза блестѣли въ сумракѣ, пронизываемомъ золотымъ свѣтомъ изъ оконъ. — Ну, и я васъ люблю... Вѣдь вы этого ждали, милый Павелъ Ивановичъ.

Онъ схватилъ ея руку и весь вспыхнулъ.

Она остановилась и оглянувшись, слегка нахмуривъ брови...

Въ окно видѣлась вчужденность комнаты. Лампа ярко освѣщала лица стариковъ, сидѣвшихъ у предиваннаго стола, покрытаго красной салфеткой. Старикъ смотрѣлъ на жену съ выраженіемъ удивленія и почти гордости, а старуха радостно качала головой, держа въ рукахъ массивное золотое кольцо съ крупнымъ брилльянтомъ. Тутъ-же на столѣ лежало еще нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещицъ и стояли маленькіе вѣсы.

— Вотъ-что я вамъ скажу, продолжала Ранчка, пожавъ

руку Павла Ивановича, — напата и мамаша очень любятъ меня. Но я не могу жить въ этомъ воздухѣ. Миѣ жаль ихъ, но я ихъ должна бросить. Миѣ эти заклады спать не даютъ... Это кольцо жидовка сегодня принесла и плакала, разставаясь нимъ... Меня давно тянетъ отсюда... Я боюсь, что ненавижу все это... Ахъ, Павелъ Ивановичъ, уѣзжайте вы поскорѣе! И какъ только все, что надо, устроите тамъ—въ Одессѣ или Кіевѣ или Петербургѣ—напишите, я приѣду къ вамъ...

— Приѣдете? радостно спросилъ Павелъ Ивановичъ.

Голова его шла кругомъ. Онъ выговорилъ это слово машинально. Отъ глубокихъ сухихъ пальцевъ Ранчки бѣжалъ электрическій токъ по его тѣлу, и ночь, казалось, дышала ему въ лицо, нахлывая истому. Никуда ему не хочется ѣхать, никуда! Онъ всю вѣчность просидѣлъ бы вотъ такъ съ этой живой дѣвушкой.

И онъ хотѣлъ что-то сказать очень чувствительное и краснорѣчивое; но ничего не сказалъ, а только вздохнулъ и крѣпко, съ вспыхнувшимъ лицомъ, поцѣловалъ ея руку...

Бывала ли когданибудь болѣе блаженная минута въ его жизни? Нѣтъ, она не повторилась. И никогда больше не загорались для него на небѣ яркія звѣзды, что любовно дрожали въ ту ночь и точно приликали къ землѣ...

Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ. Ранчка махнула ему платкомъ изъ окна и крикнула:

— До скорого свиданія!

А у него больно сжалось сердце, и всю дорогу мерещилось ему ея лицо, освѣщенное кроткими глазками. И онъ говорилъ себѣ:

— Нѣтъ, я не въ состояніи... Не могу... Нѣтъ, я не погублю ее... Конечно, самъ я—съ удовольствіемъ... Надо ей доказать, что я не шваль. Но ее—беречь!

Черезъ мѣсяцъ онъ написалъ ей отрезвляющее письмо, въ которомъ просилъ между прочимъ ея руки.

Отвѣта не послѣдовало.

Это его обидѣло. Онъ написалъ другое письмо, третье. Наконецъ, получилъ двѣ строчки съ просьбой не приставать, въ виду того, что между ними нѣтъ ничего общаго. Губы его похолодѣли, сердце чуть не разорвалось отъ гнѣва, отъ чувства оскорбленной любви.

— Ничего общаго? переспросилъ онъ вслухъ и скомкалъ письмо. А!!!

И какъ шальной выбѣжалъ на улицу. На другой день онъ прѣхалъ на квартиру пьяный, измятый. Онъ развратничалъ и думалъ, что мстить Ранзкѣ.

А время шло.

Теперь Павлу Иваныку тридцать шесть лѣтъ. Одинадцать лѣтъ ужъ онъ въ Петербургѣ. Онъ остепенился и женатъ на особѣ, которая старше его лѣтъ на десять, но у которой свой домикъ. Она влюблена въ него и считаетъ его знаменитымъ писателемъ: онъ осуществилъ мечту своей юности и, дѣйствительно, сдѣлался литераторомъ. Сотрудничаетъ онъ въ одной газетѣ, не то либеральной, нето подлой, и повидному доволенъ собою и своею обстановкой. Онъ потолстѣлъ, обзавелся плѣшью, судить обо всемъ авторитетно и имѣетъ притязанія обращаться къ обществу съ поученіями съ высоты своей фельетонной трибуны. И весело шутить.

Но по временамъ что-то начинаетъ грызть его и терзать. Онъ обмануль тогда Ранзку, струсилъ, и ему стыдно дѣлается при воспоминаніи объ этомъ. Что съ нею? Гдѣ она?

И въ эти минуты разскаянія, внезапно овладѣвающаго имъ, бывшее вынырываетъ передъ нимъ въ ослѣпительномъ заревѣ недостижимаго идеала, оно кажется ему потеряннымъ раемъ, и душа его тоскуетъ, а приличная мѣщанская проза его настоящаго давить его страшнымъ гнетомъ, мучить, преслѣдуетъ, душитъ, какъ кошмаръ, и онъ проклиняетъ ее, эту вѣчную каторгу, на которую самъ обрекъ себя, позорно убѣжавъ съ другого пути, узкаго, но озареннаго радугой великой любви и великаго страданія.

Минуты эти стали являться чаще съ тѣхъ поръ, какъ въ одной пустынной улицѣ Петербурга, въ довольно поздній часъ, онъ встрѣтился съ женщиной, фигура которой напомнила ему фигуру Ранзек. Женщина была одѣта въ черное. Сердце его сильно забилося и онъ бросился за нею. Та подозрительно оглянулась и ускорила шагъ. Овалъ ея лица былъ такой-же, какъ у Ранзек! Павелъ Ивановичъ прибавилъ шагу. Но она вдругъ юркнула въ ворота проходнаго дома и исчезла.

Вотъ и теперь нестати посѣгнута его эта греза о прошломъ и сожалѣнiе о томъ, что благоразумная судьба устроила все иначе. И рѣсеницы его сомкнутыхъ глазъ намокли отъ слезъ. Онъ поднялъ голову и, чтобъ разсѣяться, рѣшилъ пройтися по Таврическому саду.

Но за дверьми его кабинета послышался шорохъ юпокъ, осторожный и робкiй, точно кто подкрадывался. Павелъ Ивановичъ насторожилъ ухо. Шорохъ смолкъ. Павелъ Ивановичъ подумалъ, что слухъ обманулъ его и повернулся въ креслѣ. Шорохъ возобновился, и притомъ гораздо смѣлѣе. Павелъ Ивановичъ сдѣлалъ гримасу и, прищурившись, сталъ смотрѣть на двери. Вдругъ въ замочной скважинѣ сверкнуло любящее око его жены. Тогда онъ доспѣшно сомкнулъ опять вѣки и сдѣлалъ видъ, что продолжаетъ спать.

Максимъ Бѣлинскiй.

Передача и обращеніе народныхъ знаній.

Прежде, чѣмъ приступитъ къ настоящему очерку, не лишнее будетъ, во избѣжаніе недоразумѣній, условиться въ томъ, что мы будемъ называть народными знаніями. Подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ всю сумму тѣхъ свѣдѣній, которыя обращаются въ народной средѣ и, притомъ, обращаются болѣе или менѣе широко и распространенно. Будетъ ли то народная пѣсня, сказка, легенда, повѣрье, своеобразный медицинскій рецептъ, практическій совѣтъ по хозяйству и пр. — мы одинаково относимъ ихъ къ народнымъ знаніямъ на томъ простомъ основаніи, что фактически они существуютъ у народа и играютъ именно такую роль. Будутъ ли затѣмъ эти знанія нелѣпыми, невѣжественными, или же положительными и заслуживающими вниманія — это безразлично также, это относится только къ качественной ихъ сторонѣ и не уничтожаетъ самаго факта. Мы беремъ, слѣдовательно, всё болѣе или менѣе видныя и оформенныя проявленія духовной дѣятельности народа, какъ одинъ общій широкій фактъ, и даемъ ему также одно общее широкое наименованіе народныхъ знаній.

Всякій, кому приходится непосредственно изучать народную жизнь, навѣрно замѣчалъ нѣкоторыхъ ея явленій, обнаруживающихся въ совершенно различныхъ и удаленныхъ на сотни и тысячи верстъ одна отъ другой мѣстностяхъ. Такъ напр., въ разныхъ провинціяхъ и полосахъ Россіи часто повторяются одни и тѣ же общинно-земельные порядки, и повторяются нерѣдко съ замѣчательною пунктуальностью и точностью въ деталяхъ. Точно кто пришелъ изъ одного конца Россіи въ другой и насадилъ здѣсь то, что было уже насаждено или только насаждалось на его родинѣ. Въ центральной, положимъ, Россіи суще-

стуеть издавна община съ періодическими передѣлами земли. Таже форма общины вновь появляется на краинемъ югѣ, напр., въ Кубанской области. Но дѣло не ограничивается сходствомъ однихъ лишь общихъ формъ, а идетъ гораздо глубже. Передѣлы земли съ распределеніемъ ея на сорты, съ дѣленіемъ сортовъ на «волоки», «полосы», «столбы» и съ разбивкой полосъ на надѣлы повторяются иногда съ буквальною точностью. Этого мало. Часто даже метаніе жеребья или способъ разверстки надѣловъ по душамъ бываетъ одинъ и тотъ же. Однимъ словомъ, и характеръ явленій, и ходъ въ ихъ развитіи, и даже мельчайшія подробности,—все это сходно, однаково. А, между тѣмъ, между тою и другою мѣстностью нѣтъ повидному не только видимой связи и зависимости, но даже какихъ бы то ни было сопряженій. Положимъ, сходство формъ легко объясняется тождественностью лежащихъ въ основѣ ихъ принциповъ. Но какимъ образомъ объяснить сходство частныхъ? Очевидно, не по наптію же св. духа одна община повторяетъ извѣстный общино-хозяйственный приѣмъ, встрѣчающійся точно въ такомъ же видѣ въ другой, неизвѣстной ей общинѣ? Положимъ, въ единичныхъ случаяхъ такія явленія можно отнести на счетъ простаго совпаденія обстоятельствъ. Но вѣдь явленія этого рода не ограничиваются одною, двумя или тремя общинами, и часто неизмѣнно повторяются въ сотняхъ и тысячахъ ихъ,—иногда съ фотографическою точностью, а иногда съ нѣкоторыми варіаціями. Нужно, слѣдовательно, допустить, что въ этомъ отношеніи существуетъ извѣстная связь, если не между удаленными одна отъ другой на тысячи верстъ общинами, то между ближайшими, которыя такимъ образомъ служатъ посредствующимъ звеномъ для первыхъ. А если такъ, то ясно, что въ массѣ, между общинами существуетъ извѣстная передача и обращеніе тѣхъ или другихъ свѣдѣній и знаній.

Возьмемъ другой примѣръ. Одинъ изъ изслѣдователей сектанства, А. С. Пругавинъ, нашелъ въ обращеніи у безпоповцевъ Архангельской губерніи слѣдующіе писанные афоризмы: «грѣхъ скончался (?), правда, какъ свѣчка, сгорѣла, искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, истинна погребена въ развалинахъ неправды, вѣра въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ въ морѣ, честность вышла въ отставку, вѣрность на вѣсахъ у аптекарей, кротость—въ дракѣ и на связяхъ, законъ—

у сенаторовъ на пуговицахъ, терпѣше хочеть зопнуть». Другой изслѣдователь сектанства, Я. Осодосѣвецъ, встрѣчаетъ тѣ же афоризмы у кавказскихъ шалапутовъ. Наконецъ, третій изслѣдователь вообще народной жизни, П. Н. Златовратскій, находитъ все тѣ же афоризмы въ обращеніи у московскихъ старообрядцевъ. И такъ, три различныя мѣстности: крайній сѣверъ, крайній югъ и центръ Россіи,—и одни и тѣ же писанныя афоризмы питаютъ умъ сектанта. Положимъ, передача и обращеніе этого умственнаго матеріала въ этомъ случаѣ совершенно понятна. Во первыхъ, матеріалъ этотъ писанный, а во вторыхъ, онъ находится въ обращеніи между такими представителями русскаго народа, какъ сектанты. У сектантовъ скорѣе, чѣмъ въ обыкновенной массѣ, мыслима такая передача по той простой причинѣ, что сектанство имѣетъ извѣстную организацію, общность цѣлей и задачъ, въ особенности въ одной и той же сектѣ. Но какимъ образомъ объяснить обращеніе однихъ и тѣхъ же афоризмовъ у такихъ различныхъ сектъ, какъ старообрядцы и шалапуты? Нужно допустить, очевидно, одно изъ двухъ: или различныя секты вообще находятся въ болѣе или менѣе близкомъ общеніи между собою, или же приведенные выше афоризмы отъ времени сдѣлались общимъ достояніемъ массы. Допустимъ ли мы первое или второе предположеніе, во всякомъ случаѣ будетъ несомнѣннымъ то обстоятельство, что извѣстнаго рода свѣдѣнія и знанія передаются и обращаются въ народѣ. Фактъ на лицо, и фактъ, надо замѣтить, не представляющій ничего невѣроятнаго и таинственнаго.

Но разъ подобныя факты не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію, разъ они заняли въ народной жизни мѣсто и имѣютъ опредѣленное въ ней значеніе, — естественно возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: какимъ образомъ происходитъ передача и обращеніе народныхъ знаній? Кто тутъ и какъ служитъ проводникомъ ихъ въ массѣ? Откуда, изъ какихъ источниковъ черпаются народныя знанія и свѣдѣнія? Что, наконецъ, представляютъ собою сами эти знанія и свѣдѣнія? Все это вопросы въ высшей степени важныя и интересныя. Положимъ, какая-нибудь легенда о бѣломъ и китайскомъ царяхъ съ точки зрѣнія интеллигентнаго человѣка является курьезомъ, знакомство съ которымъ составляетъ дѣло простаго любопытства. Но не нужно забывать, какъ самъ народъ смотритъ на эту легенду и что она для него значитъ. Если какая-нибудь живо-

трещающая статья, напр., Голоса, читается и комментируется тысячами людей, если газета насчитывает, кроме подписчиков, тысячами других читателей; то относительно легенды о блох и китайском царях можно сказать, что она передается из уст в уста сотнями тысяч и миллионами личностей. Иметь, так сказать, больше подписчиков, чем все газеты вместе, и, притом, читается не один раз, а сотни раз и существует в течение десятков и сотен лет. Народ верит, вводит в заблуждение и приравнивает эту легенду к своим вкусам и потребностям, требованиям минуты и запросам дня. Положим, что из-за одной легенды о блох и китайском царях не следует, как говорится, и воды мутить. Но ведь у народа не одна такая легенда. В массе, без всякого сомнения, передаются самые разнообразные и разнохарактерные сведения и знания, облеченные в формы легенды, притчи, афоризмов, практических советов и пр. Ясно, следовательно, что все эти сведения и знания представляют собою нечто обширное и прочное. Народ нуждается в них и потребляет их, как нуждаемся мы в журналах и газетах и потребляем все печатающееся в них, — и было бы, поэтому, в высшей степени странно и нерезонно игнорировать вопрос о передаче и обращении у народа разного рода сведений и знаний.

В настоящем случае, мы не имеем в виду рассмотреть затронутый нами вопрос во всем его объеме, поставим его особенно широко. Для такой постановки и рассмотрения мы не располагаем достаточными данными, а при помощи печатных материалов, каковы: сборники притч, сказок, сказаний, повестей и пр., можно лишь констатировать один голый факт о передаче и обращении у народа знаний. Мы выскажем, поэтому, только несколько общих замечаний относительно такой передачи и обращения народных знаний в связи с тем, что известно по этому поводу всем и каждому и что отчасти дали нам наши личные наблюдения.

Нельзя сомневаться, что передача и обращение народных сведений и знаний представляет собою чрезвычайно сложное и запутанное явление. В высшей степени трудно узнать и проследить, где и при каких условиях зарождается известное знание и как потом оно циркулирует в массе. Тут нельзя указать ни на определенную группу лиц, способствующих обогащению массы

известными познаніями при помощи известныхъ средствъ, ни на разъ принятую и широко практикуемую систему передачи и распространенія познаній въ массѣ. Даже такіе односторонніе въ этомъ отношеніи дѣятели, какъ напр., малорусскіе лирики, оказываются явленіемъ крайне рѣдкимъ и отжившимъ свое время. Народу приходится черпать свои познанія изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ и передавать ихъ также самыми разнообразными способами. Въ одномъ случаѣ дѣятельнымъ распространителемъ въ массѣ известной умственной новинки является фабричный, въ другомъ — солдатъ, въ третьемъ — косарь, въ четвертомъ — плотникъ или камешникъ, въ пятомъ — странникъ, въ шестомъ — черпичка, въ седьмомъ — шабаш-скупщикъ, въ восьмомъ — коробейникъ или офеня, въ девятомъ — заурядный крестьянинъ, въ десятомъ — даже мальчикъ-школяръ и т. д., и т. д. Масса отъ всѣхъ принимаетъ понемногу и если не всему вѣрить, то все пускаетъ въ оборотъ и, такимъ образомъ, всегда можетъ въ дѣйствительности оказаться, что самой нелѣпой выдумкѣ изъ сотни невѣрящихъ довѣряетъ большая половина.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на весьма существенную трудность при уясненіи, такъ сказать, организаціи для передачи и обращенія знаній и свѣдѣній у народа, можно отмѣтить нѣсколько общихъ чертъ, заслуживающихъ въ этомъ отношеніи вниманія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ у народа оказываются опредѣленные, разъ установленшіеся пути и способы для передачи знаній, свѣдѣній, слуховъ и вѣстей. Такъ, въ вологодской губерніи намъ случалось замѣчать, что р. Вычегда служитъ въ дѣтнюю пору какъ бы проводникомъ, по которому снизу вверхъ и обратно идутъ и распространяются разнаго рода свѣдѣнія, интересующія крестьянъ. Зыряне, крестьяне, рабочіе на плотяхъ или баркахъ, богомольцы, плавающие по этой рѣкѣ, останавливаясь на отдыхъ или по дѣлу въ известныхъ пунктахъ, вступаютъ въ сношенія съ мѣстными жителями и мѣняются разнаго рода свѣдѣніями, знаніями и соображеніями. Остановится лодка съ богомольцами, положимъ у Сольвычегодска; случившіеся при этомъ крестьяне немедленно окружаютъ ѣдущихъ и завязываются оживленные разговоры по поводу всего, — и урожая, и заработковъ, и охотничьихъ промысловъ. Въ одно время былъ, напр., въ ходу слухъ и цѣлыя сказанія объ Акмолинской области. Рассказывали, между прочимъ, что Акмо-

лисская область есть вновь завоеванная у турокъ послѣ послѣдней войны страна, что здѣсь правительство «даетъ въ волю» крестьянамъ земли, «сколько, значитъ, подыметь хозяйства и всѣ переселенцы возьмутъ на себя сообща», и что, кромѣ земли, царь положилъ выдать на каждое хозяйство по 50 р., по одной лошади, по двѣ коровы и, сколько потребуется на обзаведеніе, лѣсу безъ пошлины. И вотъ, при встрѣчѣ, крестьяне мѣняются своими свѣдѣніями по этому вопросу: «Что у васъ слышно насчетъ вольныхъ земель?» спрашиваетъ сольвычегодецъ, положимъ, яренца. — «Это насчетъ переселенія?» — «Да». — «Говорятъ, баскія земли; травъ не скашиваютъ; дождь теперь помочитъ выкошенную траву, — зря бросаютъ и косятъ другую; яблоко, это самое, говорятъ, родитъ тамъ, какъ брусница, — страсть какъ много! Хлѣбъ ни почему. Только повзжай, говорятъ, а тамъ тебѣ тамошнее крестьянство, сколько хочешь, дастъ хлѣба на прокормленіе, — потому это тамъ ни почему... Больше родитъ пшеница... А что у васъ слышно насчетъ вспомоствованіевъ?» спрашиваетъ въ свою очередь ярепекъ сольвычегодца «Сказывали бы то, отвѣчаетъ этотъ послѣдній, и у насъ насчетъ лошади, двухъ коровъ и 50 рублей, только, какъсь, пустое все это. У насъ одинъ получилъ письмо отъ сродственникововъ оттуда. Пишутъ: никакихъ вспомоствованій начальство не дастъ, а насчетъ земли — вольно!» И вотъ обновленія и уясненія познанія о невѣдомой странѣ снова начинаютъ переходить изъ устъ въ уста, изъ деревни въ деревню. Въ зимнее время ту же роль играетъ почтовый трактъ. Тутъ также происходитъ мѣна разнаго рода свѣдѣній, и потому эти свѣдѣнія также циркулируютъ по окрестнымъ деревнямъ, изъ этихъ послѣднихъ переходятъ въ слѣдующія и т. д. Въ южной Россіи ту же роль играютъ желѣзныя дороги, пароходы и пр. Вообще, надо замѣтить, что пути сообщенія служатъ у народа въ этомъ отношеніи и естественными путями для передачи слуховъ, вѣстей, свѣдѣній и знаний.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы имѣли случай наблюдать въ Кубанской области интересныя явленія, не только подтверждающія сдѣланное сейчасъ замѣчаніе, но и проливающія нѣкоторый свѣтъ на самый процессъ образованія извѣстныхъ практическихъ свѣдѣній въ общинахъ. Нужно замѣтить, что въ настоящее время въ Кубанской области происходитъ дѣятельная мѣна однихъ

земельныхъ порядковъ другимъ,—вольное пользованіе землею постепенно замѣняется періодическими передѣлами. И вотъ, изучая довольно многочисленныя и разнообразныя порядки земельного пользованія, мы натолкнулись на фактъ передачи свѣдѣній по вопросу о дѣлежѣ юртовыхъ (общинныхъ) земель одними общинами другимъ. Дѣло въ томъ, что большая половина Кубанской области, преимущественно земледѣльческія ея части, производятъ сбытъ хлѣба въ Ейскѣ; здѣсь же, продавши хлѣбъ, крестьянинъ покупаетъ лѣсъ и доски для хозяйственныхъ надобностей. Но такъ какъ Ейскъ находится въ сѣверо-западномъ углу Кубанской области, то для сообщенія съ нимъ существуетъ собственно одна главная дорога, которая потому по мѣрѣ удаленія на югъ, юго-востокъ и востокъ развѣтвляется и дѣлится на другія второстепенныя дороги. Въ извѣстное время года, преимущественно осенью и весной, вы увидите здѣсь сотни и тысячи фуръ и подводъ, на которыхъ казаки возятъ хлѣбъ и доски. При этихъ-то поѣздкахъ и происходитъ передача у казаковъ разнаго рода свѣдѣній и знаній. Житель, положимъ, станицы Березипской, проѣзжая чрезъ Новодеревянковскій юртъ, останавливается для выкормки воловъ въ «царонѣ», т. е. у хлѣбопахатныхъ полей, идетъ на токъ или къ пашнямъ работающихъ здѣсь поводеревянковскихъ жителей и заводитъ съ этими послѣдними разговоръ по поводу общихъ, интересующихъ казачество вопросовъ. Начинается передача и взаимный обмѣнъ знаніями и свѣдѣніями. Съ осени прошлаго года въ Новодеревянковской станицѣ производится первый раздѣлъ юртъ на пап; до сихъ поръ пользованіе общинными землями было вольнымъ. Годомъ раньше были подѣлены юртовые земли станицы Новошербинновской, прилегающія къ юрту Новодеревянскому. Обѣ эти станицы находятся въ Ейскомъ уѣздѣ и лежатъ «по тракту» на Ейскъ. Изслѣдуя земельныя порядки въ станицахъ Екатеринодарскаго и Кавказскаго уѣздовъ, намъ во многихъ станицахъ приходилось слышать мнѣнія въ такомъ родѣ: «думаемъ дѣлить землю на души не 17 лѣтняго возраста, а съ рожденія; такъ подѣлили въ Новодеревянковской и Новошербинской станицахъ,—и вышло хорошо; наши ѣздили въ Ейскъ и общество нарочито поручало узнать хорошенько о дѣлежѣ земель въ др. станицахъ» и т. д., и т. д. Такимъ образомъ, изъ словъ самихъ казаковъ ясно вытекало, что выработанные въ однихъ общинахъ земельныя по-

рядки становились достояніемъ другихъ цѣлкомъ или съ извѣстными видоизмѣненіями; примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, видоизмѣнялись эти порядки въ общинахъ, вводившихъ ихъ у себя въ первый разъ; общины, практиковавшія ихъ раньше, переносили подмѣченные ошибки и несовершенства и пр. и пр. Народныя знанія на этотъ счетъ, зарождавшіяся въ головахъ отдѣльныхъ общинниковъ, переходили на обсужденіе станочныхъ сходовъ; сходы, выработавъ изъ отрывочныхъ знаній пѣчто систематичное, передавали результаты своей интеллектуальной работы чрезъ своихъ членовъ другимъ общинамъ. Насколько общины интересуются и дорожатъ свѣдѣніями въ этомъ родѣ, мы имѣли случай убѣдиться на собственномъ опытѣ. Обѣзжая западную часть Кубанской области, мы посоветывали въ нѣкоторыхъ общинахъ, выразившихъ желаніе приступить къ дѣлежу земель на пап, разбивать юрты съ помощію землемѣра только на такъ называемые у казаковъ «столбы» въ 240 саж. ширины, по которымъ станочники легко уже могли бы разсчитать количество удобной и неудобной земли и производить вообще надѣлы. Способъ этотъ значительно дешевле дѣлежа юртовъ наемными землемѣрами на души и сразу же приучилъ бы общинниковъ самостоятельно дѣлить землю на пап по разъ отрѣзаннымъ столбамъ, тѣмъ болѣе, что и земли здѣсь болѣею частью однокачественныя. Пока я обѣзжалъ за кубанскую сторону, предложенный мною совѣтъ перешелъ въ другія станицы и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ пришлось слышать его въ восточныхъ частяхъ Кубанской области, въ станицахъ, въ которыхъ я до того совсѣмъ никогда не бывалъ.

Такимъ образомъ, передача разнаго рода знаній, свѣдѣній, слуховъ и вѣстей изъ общины въ общину не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это фактъ, который даже доказывать какъ то неловко. Чѣмъ меньше районъ вы возьмете для своихъ наблюденій, тѣмъ яснѣе этотъ фактъ, и наоборотъ, по мѣрѣ разширенія района наблюденій, фактъ передачи у народа знаній и свѣдѣній становится все неуловимѣе и неуловимѣе во всемъ своемъ объемѣ. Тѣ отдѣльныя звенья, которыя бывають доступны при наблюденіяхъ надъ отдѣльными общинами, теряются въ массѣ этихъ послѣднихъ, и одинокому пзслѣдователю становится уже физически невозможно связать эти звенья въ одно цѣлое путемъ непосредственнаго наблюденія. Да иначе и не можетъ быть. У народа

лѣтъ въ этомъ отношеніи ничего систематически правильнаго и организовавапаго. Все какъ-то совершается стихійно, подъ давленіемъ обстоятельствъ и перѣдко въ зависимости отъ простой случайности. Но изъ единичныхъ случаевъ тѣмъ не менѣ складывается нѣчто постоянное и, пожалуй, въ общемъ своемъ теченіи регулярное. Можно сказать, что между потребностями народа, съ одной стороны, и обращающимися въ его средѣ устными знаніями и свѣдѣніями—съ другой, существуетъ точно такое же соотношеніе, какъ между потребностями читающей публики и печатной литературой. Если бы въ первомъ случаѣ была мыслима статистика, то она навѣрное установила бы въ этомъ отношеніи фактъ извѣстнаго постоянства и зависимости количества устныхъ знаній отъ умственныхъ потребностей массъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда общипная связь не ограничивается одною общиною, а распространяется на цѣлую массу ихъ,—передача и обращеніе народныхъ знаній принимаетъ характеръ отчасти чего-то организовавапаго и приближается къ тѣмъ приемамъ, которые практикуются въ средѣ привилегированныхъ людей. Такой именно характеръ обращенія знаній и свѣдѣній присущъ вообще сектанству. Такъ какъ сектанты живутъ обыкновенно въ разныхъ мѣстахъ, то, разумѣется, уже самая принадлежность ихъ къ одной и той же сектѣ требуетъ извѣстныхъ сношеній, необходимыхъ для этого средствъ и организаціи. И, дѣйствительно, сектанты ушли въ этомъ отношеніи значительно дальше обыкновенной массы. У нихъ раздѣляются разнаго рода учителя и вожаки, биваютъ, какъ напр. у штундистовъ, общіе съѣзды или собранія, обращаются разнаго рода рукописи, книжки, афоризмы въ родѣ записаннаго Пругавинымъ, письма и пр. Между закубанскими шалапутами большую роль играютъ въ этомъ отношеніи такъ называемые «рашевцы», мелкіе торговцы, офени-малороссы; разнося по станциямъ товары, они ведутъ пропаганду шалапутизма, поддерживаютъ связь между единомышленниками, передаютъ необходимые свѣдѣнія, слухи, предостереженія и пр. По словамъ Федосѣвца, «у шалапутовъ существуетъ постоянная почта, развозящая шалапутскую корреспонденцію на пространствѣ отъ сѣвернаго Кавказа до Кіева и до Перми»; у нихъ существуетъ даже особенный языкъ и шифръ. Однимъ словомъ, при передачѣ и обращеніи разнаго рода знаній и свѣдѣній въ средѣ сектантовъ, кромѣ

несомнѣнной организаціи, принарожденной для этой цѣли, встрѣчаются вообще приемы и средства, составляющіе отличительную особенность чисто привилегированной среды. Сектанты замѣтуютъ изъ этой послѣдней, такъ сказать, подходящіе для нихъ факторы и орудія интеллектуальной дѣятельности человѣчества.

Надо вообще различать у народа двоякаго рода знанія и свѣдѣнія по характеру ихъ происхожденія. Одни изъ нихъ зарождаются и формируются въ самой массѣ. Такъ, народная пѣсня, или былина принадлежатъ исключительно народному творчеству, но пѣсня, замѣстованная фабричнымъ изъ культурной среды и распространенная въ народѣ, является для народнаго ума и чувства уже чуждымъ, замѣстованнымъ извнѣ элементомъ. И то, что происходитъ въ этомъ отношеніи въ устной народной поэзіи, то же замѣчается во всѣхъ остальныхъ родахъ умственной дѣятельности народа. Въ казачьихъ общинахъ, напр., встрѣчаются земельные порядки, выработанные самими казаками или замѣстованные у крестьянъ, и есть порядки, заведенные начальствомъ; свѣдѣнія о тѣхъ и другихъ порядкахъ обращаются въ отдѣльныхъ общинахъ и передаются изъ одной въ другую. Въ народной медицинѣ можно найти свѣдѣнія, заимствованныя изъ разнаго рода лѣчебниковъ и есть, такъ сказать, свои доморощенные средства, основанныя на деревенской практикѣ и опытѣ. Однимъ словомъ, народъ давно уже черпаетъ свой умственный багажъ не только изъ своей собственной среды, но изъ среды привилегированнаго люда. То, что вырабатывается народнымъ умомъ и творчествомъ, носитъ одинъ характеръ, а то, что черпается народомъ изъ писанныхъ и печатныхъ источниковъ, отличается совершенно другимъ.

Но этимъ основнымъ дѣяніемъ народныхъ знаній на два ряда по характеру ихъ происхожденія далеко, конечно, не исчерпывается группировка ихъ, какъ существуетъ она въ самой жизни. На сколько широка народная жизнь, на столько разнообразны и народныя знанія, и каковы бы тамъ ни были эти знанія въ качественномъ отношеніи, но они существуютъ и питаютъ народный умъ и чувства, питаютъ труженника съ пеленокъ и до глубокой старости. У народа существуетъ и своя поэзія, и своя философія, и свое естествознаніе, и своя юриспруденція, и своя политическая экономія, и своя социалогія, и своя политика, — суще-

ствуеъ все это, конечно, не въ видѣ систематизированныхъ знаній, высоко стоящихъ въ качественномъ отношеніи, а въ формѣ отрывочныхъ, количественно сгруппированныхъ продуктовъ умственной дѣятельности. Въ одномъ случаѣ, поэтому, народныя знанія отличаются крайнею примитивностью и нецѣлостностью, въ другомъ они достигли значительной степени развитія. Часто вмѣстѣ съ положительными знаніями существенныхъ признаковъ какого-нибудь «осота», вредящаго земледѣльческой культурѣ растенія, у того же народа бываеъ въ ходу повѣрье о напоротникѣ. Прекрасныя свѣдѣнія о влияніи дождевой влаги на разные сорта растеній чередуются съ легендой объ Илѣ пророкѣ, разбѣзжающемъ по небу въ гремящей колесницѣ. Вопросъ о зависимости сельско-хозяйственной производительности отъ степени культивированія почвы развивается рядомъ съ разказами о золотыхъ горахъ и «самородныхъ» земляхъ. Замѣчательныя понятія о зависимости социального неравенства людей отъ неравенства экономического уживаются съ смутными понятіями о государственномъ строѣ родины или съ курьезными представленіями объ Англіи, какъ о какой-то сварливой рыжей бабѣ. Словомъ сказать, слабо философское освѣщеніе фактовъ и явленій, слабы систематическія, научныя понятія и мышленіе, и сильно непосредственное знакомство съ фактами, опредѣленіе ихъ практической роли и пригодности. Да это и понятно. Философскіе выводы, отвлеченныя обобщенія и знанія—дѣло науки, а слѣдовательно, и достоиніе привилегированнаго люда, имѣющаго извѣстный досугъ и средства для развитія интеллектуальной дѣятельности. Народъ всегда стоялъ у самаго факта и непосредственно, на собственномъ своемъ хребтѣ изучалъ лишь практическую его силу и значеніе. Неудивительно, поэтому, если по нѣкоторымъ отраслямъ знанія свѣдѣнія его сводятся къ нулю и даже больше того—къ отрицательнымъ величинамъ въ формѣ разнаго рода нецѣлостей.

Въ послѣднее время установленъ между прочимъ тотъ фактъ, что народъ начинаетъ заимствовать въ сильнѣйшей степени все культурное у привилегированнаго люда. Изъ городского трактира иѣсня переходить въ крестьянскій хороводъ. Когда-то барская литература о разнаго рода Ерусламахъ Лазаревичахъ, Бовахъ Королевичахъ, Францляхъ Венедіанахъ, Марцимирсахъ и пр., давно уже стала достояніемъ народнаго грамотѣя; отъ этого

последняго она перешла въ народную среду. Сама газета начинает понемногу становиться достояніемъ народа. Неграмотный крестьянинъ, встрѣясь съ человѣкомъ, читающимъ газеты, спрашиваетъ: «что новаго пишутъ въ газетахъ?» Въ Кубанской области на сходахъ читаются «Кубанскія Областныя Вѣдомости» и даже нередко постановляются приговоры, вызываемые разнаго рода замѣтками этой газеты въ родѣ замѣтки о введеніи вѣсовой четверти въ замѣнъ четверти, опредѣляемой мѣрами, или замѣтки о починныхъ гульбищахъ молодежи. Штундисты выписываютъ и доставляютъ у знакомыхъ газеты и читаютъ ихъ на своихъ собраніяхъ. Недавно мы получили письмо отъ казака-шахапута, который между прочимъ пишетъ: въ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» если есть что полезное для чтенія, то уведомьте о стоимости ихъ; если выписывать пзъ 1882 году и кому отправить деньги, сколько именно и когда отправить». Всякій, кто сталкивался непосредственно съ народомъ, вѣроятно, имѣлъ возможность наблюдать факты, подобные приведеннымъ выше. Но что означаютъ подобнаго рода факты? Не значить ли это, что народное творчество пзсаякло, или же въ этомъ случаѣ проглядываютъ требованія времени, при которыхъ и прежнее творчество остается творчествомъ, и общая сумма прежнихъ народныхъ знаній начинается пополняться новыми, въ новомъ духѣ свѣдѣніями?

Не надо быть особенно глубокимъ знатокомъ народной жизни, чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. Такой отвѣтъ слѣдуетъ уже пзъ простѣйшихъ апіорныхъ соображеній. Русская печать, бывшая раньше принадлежностью лишь незначительнаго барскаго кружка, стала въ послѣднее время достояніемъ многочисленной группы — такъ называемаго общества. Въ число производителей и потребителей печатнаго слова вошелъ разночинецъ, это посредствующее звено между сѣрымъ человѣкомъ и родовитымъ бариномъ, и вошелъ въ значительномъ количествѣ. Народъ, при содѣйствіи разночинца, сталъ ближе къ печатному слову; успившаяся грамотность помогла ему. Ростъ промышленныхъ и административныхъ центровъ, каковы Петербургъ, Москва, Одесса, Харьковъ и пр., произошелъ на счетъ притока къ нимъ рабочихъ рукъ изъ деревни. Деревенскій человѣкъ, знакомясь съ условіями городской жизни, знакомился вмѣстѣ съ тѣмъ и съ продуктами печатнаго слова, каковы газета или лубочная ли-

тература. Всеобщая вопская новинность, земство, судъ присяжныхъ и пр. ир., все это прямо или косвенно способствовало тому, что народъ по необходимости имѣлъ соприкосновеніе съ культурными условіями жизни, а слѣдовательно, отчасти и съ печатнымъ словомъ. Такимъ образомъ, общегосударственные и общекультурныя осложненія были причиною того, что умственный кругозоръ народа расширился, знанія пополнялись новыми свѣдѣніями. Передача знаній шла отъ культурныхъ слоевъ къ народной средѣ, и въ высшей степени странно было бы, если бы это случилось иначе, не такъ, въ другомъ родѣ. Совершенно иное дѣло, каковы эти знанія въ качественномъ отношеніи, на сколько они желательны для народа.—это уже другой вопросъ. Но фактъ передачи пзвѣстнаго рода знаній изъ культурной среды въ народную не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и выводъ изъ этого факта возможенъ только одинъ: къ общей суммѣ обращающихся въ народной средѣ знаній начинаютъ присоединяться знанія изъ привилегированной среды.

Строго говоря, такая передача знаній изъ одной среды въ другую существуетъ издавна; но въ настоящее время она, по общему мнѣнію наблюдавшихъ народную жизнь, успилась и приняла небывалые размѣры. И это, мы говоримъ, объясняется жизненными осложненіями вообще и составляетъ, такъ сказать, только прибавку къ тому, что имѣлъ уже раньше народъ. Что это послѣднее дѣйствительно такъ, можно убѣдиться между прочимъ изъ той окраски, которую получаютъ разнаго рода слухи, переходящіе изъ привилегированной среды, понавъ въ массу. Общій уровень развитія массы, ея традиціонные взгляды и познанія придаютъ такимъ слухамъ чисто легендарный характеръ. То, что раньше знали народъ, хотя бы и въ формѣ неопытности, онъ мѣшаетъ съ тѣмъ, что приходится ему узнать въ связи съ выдающимся событіями и случаями текущей жизни. Въ послѣднюю войну съ турками, военныя вѣсти, обращавшіяся въ народной средѣ, тѣмъ ближе были къ газетнымъ сообщеніямъ, чѣмъ ближе находилась пзвѣстная мѣстность отъ такихъ центровъ, какъ Москва, Петербургъ или Одесса, и отъ такихъ пунктовъ, какъ желѣзная дорога, телеграфная станція, почтамтъ и пр. Мы имѣли случай въ это время проѣхать съ одного конца Россіи на другой и убѣдиться, что рядомъ съ степенью достовѣрности тѣхъ или другихъ,

исходившихъ, очевидно, изъ газетъ слуховъ, большую роль играли также и чисто легендарныя сказанія. Разсказъ о рѣшающемъ значеніи въ русско-турецкой войнѣ китаецъ мы одинаково слышали изъ устъ и малороссовъ Полтавской губерніи и великороссовъ крайняго сѣвера. Малороссы разсказывали, что Китай еще «не трогался съ мѣста», что въ случаѣ надобности онъ выставитъ для блага царя столько войска, сколько потребуетъ бѣлый царь, и что онъ предложилъ даже свою помощь русскимъ да не вѣнору, такъ какъ русскіе притѣснили турокъ и безъ китаецъ такъ, что турки стали просить пощады. Точно также, и по разсказамъ великороссовъ, Китай предлагалъ свою помощь бѣлому царю, хотя нѣсколько и въ иной формѣ. «Ступай, бѣлый царь! говоритъ китайскій царь бѣлому. Не сдавайся на просьбу турка. Я выставлю тебѣ своего войска, сколько хочешь, а ты турку не потакай! Доканай его до конца! Поступи съ нимъ такъ, чтобы его и духъ не нахъ!» Не трудно понять, почему одно и то же сказаніе является въ двухъ случаяхъ видоизмѣненнымъ. Очевидно, оно приурочено къ двумъ моментамъ русско-турецкой войны.

Сами по себѣ приведенные два случая не даютъ ничего яснаго и опредѣленнаго относительно того, какъ и почему именно возникли слухи объ участіи Китая въ русско-турецкой войнѣ; но это не значитъ еще, что таковыхъ поводовъ и причинъ совершенно не существовало въ дѣйствительности. Просто мы не имѣли возможности прослѣдить все это, какъ слѣдовало бы. Выслушивая часто какое-нибудь легендарное сказаніе, гдѣ-нибудь въ глухихъ мѣстахъ Россіи, положительно теряешься въ догадкахъ, отчего и какъ появилось это сказаніе, чѣмъ оно вызвано. Во время послѣдней русско-турецкой войны намъ пришлось услышать такого рода сказаніе. Восьмидесятилѣтній старикъ-крестьянинъ вмѣстѣ съ другими крестьянами односельцами просилъ насъ объяснить ему: «правда-ли, что у турокъ богатырь есть?»—Какой это такой богатырь? спрашиваю я.—«Какой богатырь! Не знаешь, что ли?! Извѣстно какой—богатырь!.. Всю теперь въ немъ, говорятъ, семнадцать пудовъ, вышина необыкновенная, въ обхватъ—три чело-вѣка».—«Пуля, говорятъ, его не беретъ!» прибавилъ молодой парень.—«И штыкъ не колетъ!» замѣтилъ другой.—«И шапка не рѣжетъ!» ввернулъ свое слово совершенный уже мальчуганъ.—«И никакая его сила, значить, не сломитъ!» твердилъ старикъ.

Мы долго не могли понять, что это за сказаніе и откуда оно у крестьянъ взялось. Изъ деревень между тѣмъ шли самыя разнообразныя слухи о богатырѣ, о его громадной силѣ, о томъ, какъ онъ крошилъ русскіхъ солдатъ на право и на лѣво, какъ казакъ накинулъ его арканомъ, какъ одинъ хитрый солдатъ попалъ богатырю штыкомъ въ самое естество и пр., пр. И вотъ какъ-то, разговаривая съ однимъ изъ крестьянъ по поводу этого сказанія, уже послѣ того, какъ исчезло изъ обращенія сказаніе о богатырѣ, мы узнали самое имя этого богатыря. Крестьянинъ сказалъ, что богатыря звали будто бы Плевна. И, дѣйствительно, на повѣрку оказалось, что богатырь, крошившій на право и на лѣво русскіхъ, былъ нѣкто иной, какъ опозтызванная народною фантазіею Плевна. Пала Плевна, — о богатыряхъ не было уже и рѣчи. Сдѣлано было перемиріе, составилась берлинская конференція, — и въ народѣ появилось новое сказаніе. Крестьяне рассказывали, что гдѣ-то съѣхались цари и министры: «пріѣхалъ бѣлый царь съ министрами, пріѣхалъ нѣмецъ, пріѣхалъ французъ, пріѣхала сварливая англичанка, пріѣхалъ китайскій царь, привели на судъ и турецкаго царя». Но тутъ произошло нѣчто непонятное. Всѣ цари, почему-то, напустились на бѣлаго царя. «Подпиши, говорятъ ему, бѣлый царь бумагу». «Не подпишу!» отвѣчаетъ бѣлый царь всѣмъ одно и тоже, да и только. Нужно ли говорить, что сказаніе это имѣло самую тѣсную связь съ толками газетъ и общества по поводу берлинской конференціи. Съ первыми газетными вѣстями о появленіи ветлянской чумы, въ средѣ сѣверныхъ крестьянъ было въ ходу сказаніе о сварливой, кривой и рыжей англичанкѣ. Набрала, видите ли, эта англичанка массу какихъ-то аптекарскихъ пузырьковъ и склянокъ и стала ходить по Россіи. Взойдетъ это на высокое мѣсто, разобьетъ одну склянку и пуститъ холеру, какъ называли сѣверные крестьяне чуму, по воздуху; потомъ снова взойдетъ на высокое мѣсто, снова разобьетъ склянку и снова пуститъ въ воздухъ холеры. Такимъ способомъ, злобная англичанка обошла полъ Россіи, напустивъ всюду чумы, и только тогда замѣтили ее и взловили казаки, чѣмъ, конечно, и предотвратили дальнѣйшее распространеніе чумы. Въ концѣ 1880 года, въ Вологодскомъ уѣздѣ носились слухи такого рода. Проѣзжалъ великій князь Константинъ Николаевичъ по Питеру, и замѣтилъ, что проходитъ много фуръ. «Съ чѣмъ это фуръ ѣдутъ?» Спрашиваетъ

великій князь. «Съ хлѣбомъ!» отвѣчаютъ ему пзвошки. «Куда же вы везете хлѣбъ?» «Къ такому-то, говорятъ, купцу». Великій князь догадался, что купецъ прпрятываетъ хлѣбъ съ цѣлю поднятія цѣны на хлѣбъ и выгодной потомъ продажи его. «Ну, говоритъ великій князь, такъ поѣзжайте-жъ за мною», и повелѣ ихъ прямо во дворець къ Государю. Вышелъ Государь на крыльцо, узнавъ, въ чемъ дѣло, и велѣлъ позвать купца. Является купецъ. «Твой это хлѣбъ?» спрашиваетъ государь. «Мой, Ваше Императорское Величество!» отвѣчаетъ купецъ. «Куда же ты его везешь и зачѣмъ?» «На базарь, Ваше Императорское Величество. для продажи подешевле бѣднымъ людямъ». «Ну, хорошо, говоритъ Государь, обращаясь къ генераламъ. Заберите этотъ хлѣбъ, свежите его на базарь и продайте его бѣднымъ людямъ по самой дешевой цѣнѣ; а тебѣ, сказалъ Государь, обращаясь къ купцу, повелѣваю постоянно носить въ награду на груди черную въ полпуда медаль». Кому извѣстенъ анекдотъ объ императорѣ Николаѣ, наградившемъ будто бы подобнымъ образомъ одного изъ купцовъ, пожертвовавшего гнплю муку солдатамъ, тотъ, конечно, найдетъ самую близкую связь этого анекдота съ переданнымъ выше сказаніемъ. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что именно осенью 1880 года были особенно высоки цѣны на хлѣбъ въ Петербургѣ, что такое же повышеніе цѣнъ замѣтно было въ западной части Вологодской губерніи, въ губерніи Ярославской, и вообще въ Поволжьѣ и что по поводу всего этого шли особенно оживленные толки въ периодической печати.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ выше фактовъ можно видѣть, что рядомъ съ газетными вѣстями идетъ оформленіе этихъ вѣстей народомъ въ разнаго рода сказанія. И выдающіеся жизненные случаи и исходяція изъ привелегированной среды вѣсти часто служатъ, въ этомъ отношеніи, только поводомъ для народа, по своему смотрящаго на все выходящее изъ ряда обыкновеннаго въ жизни, поводомъ, способствующимъ выработкѣ извѣстнаго сказанія. Народъ облакаетъ эти случаи и вѣсти иногда въ поэтическія, иногда просто въ нелѣпнѣйшія формы и пускаетъ ихъ потомъ въ обращеніе. Очень можетъ быть, что народъ тутъ что-нибудь новое вырабатываетъ, весьма возможно также, что онъ только видоизмѣняетъ свои прежнія сказанія и вымыслы въ родѣ легенды о китайскомъ и бѣломъ царяхъ. Но только между миро-

возрѣніемъ народа и возрѣніями привилегированнаго люда существуетъ въ этомъ отношеніи значительная разница.

Иногда народныя знанія обращаются у народа въ видѣ неизмѣнныя, разъ на всегда установленныя фразы и выраженія. При всей своей цѣлѣности такія знанія высоко цѣнятся въ массѣ. Сюда относятся разнаго рода наговоры, нашептыванья, заговоры и проч. Но и тутъ между оформленнымъ извѣстнымъ образомъ знаніемъ и требованіями жизни всегда существуетъ тѣсная связь и зависимость. Чѣмъ настоятельнѣе требованія жизни, чѣмъ въ большой зависимости находится отъ нихъ человекъ, тѣмъ; понятно, дороже цѣнить этотъ послѣдній всякое средство, могущее, съ его точки зрѣнія, устранить назойливыя требованія жизни. При отсутствіи положительныхъ знаній, съ одной стороны, и при гнетѣ и неотразимости такнхъ явленій, какъ болѣзни, съ другой, средства эти приобретаютъ характеръ чего-то таинственнаго; отсюда они получаютъ еще большую цѣну съ точки зрѣнія невѣжественнаго и неразвитаго ума. Въ частности народъ отдастъ болѣе преимуществъ тому, что ближе всего соотвѣтствуетъ неотложнымъ нуждамъ и болямъ давленнаго труженника. Мѣняются условія, порождаящія эти боли, появляется иное отношеніе у народа и къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ привыкъ онъ прибѣгать «въ минуту жизни трудную». Такъ, во время преспомянутыхъ кавказскихъ войнъ, казаками высоко цѣнились знанія всякаго рода заговоровъ отъ пули, отъ шашки и пр. Помнитеся, будучи мальчикомъ-школяромъ, я далъ двадцать копѣекъ сыну казака-знахаря за то, чтобы онъ научилъ меня «заговаривать ружья». Взрослый парень не безъ таинственности выучилъ меня шести словамъ: «пуля—горою, дымъ—дугою, порохъ—водою», которыя нужно было произносить при желаніи заговорить че-нибудь ружье. Мы заплатили дешево за наученіе этой кабалистической мудрости, но казаки отдавали другъ другу за приобретеніе этихъ немногосложныхъ знаній по лошади или по парѣ воловъ. Въ настоящее время у тѣхъ же кубанскихъ казаковъ заговоры противъ ружья, шашки и пр. почти вышли уже изъ употребленія. Но въ средѣ того же казачества и въ настоящее время, какъ прежде, обращаются преимущественно между знахарями и лекарками разнаго рода наговоры отъ болѣзней. Мы имѣли случай добыть нѣсколько образцовъ этого рода познаній, перешедшихъ, по всѣмъ видностямъ, изъ

старинныхъ, наполненныхъ суевѣріемъ и кабалистическимъ пелѣ-
ностями книгъ и рукописей, обращавшихся раньше въ привилегии-
рованныхъ классахъ, въ народную среду или, вѣрнѣе, въ среду
знахарей и знахарокъ. Вотъ между прочимъ нѣкоторые изъ этихъ
образцовъ:

Заговоръ отъ остуды.

«Добрый вечеръ тебѣ, Ульяно, святая, орданская, ангельская,
архангельская! Ты прибываешь изъ горъ и долинъ, луговъ и бере-
говъ, шобъ такъ и до мене рабы божьей (имя) прибывали добрі
люди и дѣвчата или женихи; ты очищаешь и обливаешь долины,
луга, берега, камешья, коренья и кременья, очисти же и обмыи
отъ меня (такой-то) рабы божьей остуду, студнище, клевету, кле-
ветище, поговоръ, поговорище и прозоръ, прозорщище, чоловічи,
жппочи, хлопячи, дѣвочи, подумани, погадани, попѣвки, дяківскі,
дѣйковѣски и отъ всякой скверноты, колдунника, колдунницы
спатника, спатницы и еретика, и еритицы».

Заговоръ отъ напрасныхъ нападокъ людей и судовъ.

(Надо впередъ проговорить: вѣрую во единого Бога).

«Ой на морі, на окіяні, на острові, на Буяні, стоитъ дубъ, а на
томъ дубу стоятъ три столба дубовіе и на тихъ столбахъ бѣлѣя бѣло-
каменныя палаты, а въ тихъ палатахъ стоятъ столы тесовые поча-
стылані, а за тими столами сидятъ судьи, а хтожь будетъ меня у сімъ
суді судити, то той же буде пзъ мене кровь пити. Я сей судъ опро-
вергаю, заключаю и замыкаю въ семьдесятъ ключей желѣзныхъ и въ
окіянъ-море, подъ бѣлорѣзъ камень ключи закладаю, а хтожь тії
ключи достане, то той мені роби божьей (такой-то или такому-то)
въ семь суді супротивникомъ стане».

Заговоръ въ пути ночлега и въ наукѣ воловъ.

«Господи благослови! Помяни Господи царя Давида и всю кро-
тость его, матеръ Елену и жену Елисавету; сохранялъ Господи царя
Давида отъ царя Сауда—сохрани и меня рабою божою (имя) на
семь мѣстѣ въ почлегѣ и отъ всякой напасти и лихаго человѣка.
Аминь, аминь, аминь».

Мы записали эти заговоры, придерживаясь подлинныхъ выра-
женій и орфографіи понавшей въ наши руки рукописи. Подобнымъ
же характеромъ отличаются: «заговоръ отъ гадины», «заговоръ отъ
бешки», «заговоръ отъ колючки», «заговоръ отъ огня» и «заговоръ
отъ крикливецъ», которыхъ мы здѣсь не помѣщаемъ изъ желанія не
загромождать очерка. Чтобы понять, почему въ массѣ первенствую-

щую роль играют таѣ, а не иные образцы кабалестическаго премудрости, нужно замѣтить, что именно отъ «остуды», въ формѣ ревматизмовъ, отъ «бешихи», т. е. отъ рожки, отъ «колючки» или колески, отъ воровства воловъ, отъ суда и пр., пр. больше всего терпятъ кубанское казачье населеніе. Суевѣрныя и нелѣпнѣйшія познанія по части таинственнаго изгнанія всѣхъ этихъ бѣдъ и напастей, слѣдовательно, достаточно объясняются серьезностью этихъ бѣдъ и напастей и безпомощностью придавленнаго ими казака.

Итакъ, изъ цѣлаго ряда приведенныхъ выше фактовъ слѣдуетъ, что печатное слово и вообще привилегированная среда играли и играютъ известную роль въ отношеніи къ передачѣ и обращенію народныхъ знаній въ средѣ массы. Прямо или косвенно, въ готовомъ ли видѣ, или же въ формѣ основнаго мотива, окрашеннаго потомъ народною фантазією и вымыслами въ особый колоритъ, знанія и свѣдѣнія переходили изъ одной среды въ другую. Народная инициатива и самостоятельность играли и играютъ въ такихъ случаяхъ записную роль.

Но есть у народа въ этомъ отношеніи и нѣчто другое, что могло бы сдѣлать честь интеллектуальной дѣятельности людей, стоящихъ по сто разъ въ лучшихъ условіяхъ сравнительно съ задавленной немощнымъ трудомъ и невгодамъ массою. Тотъ же самый суевѣрный и легковѣрный народъ, принимающій за чистую монету знаніе бессмысленныхъ и нелѣпныхъ наговоровъ, политическія свѣдѣнія относительно сварливой англичанки, изкопробныя сказанія о чертахъ и вѣдмахъ, ребяческія представленія о гремящей колесницѣ Ильи пророка и т. п., и т. п., — является могучею интеллектуальною силою въ созданіи тѣхъ социальныхъ воззрѣній и принциповъ, на которыхъ покоятся экономическія отношенія отдѣльныхъ труженниковъ. Продукты умственной дѣятельности народа представляютъ въ этомъ отношеніи предметъ особенной важности. Результаты изслѣдованій земельной общины и обычнаго народнаго права служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ тому. Выше мы отчасти уже указали, какимъ образомъ зараждаются знанія этого рода, передаются и обращаются у народа. Не лишне будетъ здѣсь нѣсколько дополнить сказанное. Зачатки этихъ знаній возникаютъ, конечно, въ головахъ отдѣльныхъ общинниковъ, оцѣниваются, видоизмѣняются и пополняются ихъ знакомыми и сосѣдями, еще въ большей степени они обрабатываются и систематизируются въ формѣ словесныхъ и писан-

ныхъ приговоровъ на сходахъ и затѣмъ уже въ нѣсколько готовомъ видѣ обобщенныхъ свѣдѣній передаются изъ общины въ общину. Коллективный умъ одной общины въ свою очередь вноситъ свои вклады въ умственный сокровища другой. Знанія растутъ и осложняются, приобретаая въ концѣ концовъ характеръ практически выработанныхъ истины. Такимъ образомъ, знанія этого рода, которыя обыкновенно относятъ къ области социологическихъ наукъ, зарождаются и возникаютъ въ народной средѣ: самъ народъ оказывается и творцемъ ихъ, какъ оказывается онъ творцомъ какой-нибудь поэтической думы или былинны.

Само собою понятно, что, называя знаніями основныя начала, практируемыя народомъ въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ и передаваемыя устнымъ путемъ изъ общины въ общину, отъ общинника къ общиннику, мы не придаемъ этому термину строго научнаго значенія. Ничего научнаго, систематическаго оформленнаго въ научныя истины и положенія въ этомъ отношеніи у народа нѣтъ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что народъ совсѣмъ не додумывается до извѣстныхъ истинъ и законовъ и что онъ не пользуется практически этими истинами и законами. Спросите общинника, что такое рента въ общинѣ и какую роль она играетъ въ общинно-земельныхъ порядкахъ—и онъ, конечно, ничего не скажетъ вамъ на это по той причинѣ, что даже не пойметъ васъ. А между тѣмъ и въ приговорахъ схода, и при объясненіи народомъ этихъ порядковъ, и при передачѣ общинами или общинникамъ другъ другу основныя черты этихъ порядковъ,—вы найдете ясное пониманіе тѣхъ условій, которыми создается рента, и тѣхъ практическихъ послѣдствій, какія она должна имѣть и для цѣлой общины, и для отдѣльныхъ общинниковъ; вы увидите, что на пониманіи этихъ двухъ сторонъ держатся самые общинно-земельные порядки и что насколько однообразны эти послѣдніе въ тысячахъ разныхъ общинъ, настолько, слѣдовательно, однообразно и пониманіе тѣхъ основныя начала, которыми обуславливаются названные порядки.

Чтобы прослѣдить, какимъ образомъ зарождается такое пониманіе, какъ, получивъ ту или другую форму, оно передается изъ общины въ общину и обращается въ нихъ,—пужно, разумѣется, наблюдать общинную жизнь въ тѣ моменты, когда въ ней одни порядки смѣняются другими, когда послѣ старыхъ общественныхъ отношеній возникаютъ и складываются новыя. Лучшія мѣста для

наблюденій этого рода представляют собою окраины Россіи. Лѣтъ тридцать тому назадъ въ Кубанской области свободныхъ пустующихъ пространствъ было такое громадное количество, что, напр., сѣнокосныя мѣста были, что называется, ни по чемъ. Кто когда и гдѣ хотѣлъ, тотъ тогда тамъ и занималъ сѣнокосъ; косили свободно казаки, косили и не казаки, и никто—ни общества, ни отдѣльныя лица и не думали брать какую бы то ни было плату за пользованіе сѣнокосами съ стороннихъ общинамъ лицъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, населеніе численно возросло, сѣнокосовъ относительно населенія стало меньше. Съ стороннихъ общинамъ лицъ стали брать за пользованіе сѣнокосами извѣстную плату и вносить ее въ общественные доходы. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, стало еще тѣснѣе,—и въ результатѣ появились ограниченія, установленныя для самихъ общинниковъ; выдумали сроки для сѣнокосенія и стали косить съ опредѣленнаго сходамъ числа. Но и этого оказалось недостаточно. Тогда придумали назначать въ первые дни сѣнокосенія опредѣленное количество косарей на отдѣльныя хозяйства и др. ограниченія въ этомъ родѣ. Когда же практика показала недостаточность и этихъ ограниченій, казаки перешли къ передѣламъ. Но прежде, чѣмъ возникалъ тотъ или другой порядокъ, старыя, предшествующіе ему порядки также не ограничивались одною общиною, а распространялись въ массѣ ихъ. Обсѣдая эти порядки, мы просмотрѣли и записали нѣсколько сотъ приговоровъ, записанныхъ за разные годы въ приговорныхъ книгахъ разныхъ станицъ, и по однимъ уже этимъ памяткамъ можно отчасти прослѣдить, какъ переходили эти порядки изъ общины въ общину. На самомъ дѣлѣ процессъ этотъ всегда происходилъ такъ, какъ мы очертили его выше: мысль отдѣльныхъ лицъ переходила въ мысль общественную, такимъ путемъ устанавливались извѣстныя положенія, которыя и циркулировали потомъ въ разныхъ общинахъ въ формѣ готовыхъ продуктовъ народнаго интеллекта.

Такимъ образомъ, народная мысль и практика шли и идутъ въ этомъ отношеніи рука объ руку: то, что выработывалось мыслию, проводилось въ практику, и то, что давала практика, расширяло и видоизмѣняло самую мысль. Передача и обращеніе народныхъ знаній тутъ находилась и находится въ прямой зависимости отъ юридическаго отношенія народной мысли къ дѣйствительности и распространяется тѣмъ шире, чѣмъ однороднѣе тѣ

общія условія, въ которыхъ стоятъ отдѣльныя общины. Народъ въ такихъ случаяхъ не останавливается на уясненіи однихъ лишь общественныхъ отношеній; онъ касается, кромѣ того, и всего, что только имѣетъ практическое значеніе въ его жизни и дѣятельности. Въ той же кубанской области, благодаря разившейся хищнической эксплуатаціи земель, когда-то плодородныя земли стали производить въ большемъ количествѣ разнаго рода сорныя травы и растенія. Земледѣлецъ подмѣтилъ въ своемъ хозяйствѣ такого, положимъ, врага, какъ «осоть», которымъ зарастаютъ старыя нивы и заглушаются хлѣба. Земледѣльцу нужно вывести осотъ. Начинается работа мысли и соответствующая этой работѣ практика. И вотъ одни общины пробуютъ выпаливать осотъ. Результаты оказываются незначительными. Другія бросаютъ на произволъ поросшія осотомъ нивы и замѣчаютъ дѣйствіе естественныхъ силъ и дикихъ растеній на осотъ. Наблюденія научаютъ земледѣльца, что осотъ исчезаетъ чрезъ 5 или 7 лѣтъ и, что въ исчезновеніи его играетъ сначала большую роль дикій овесъ или «овсюкъ», вытѣсняющій постѣпенно осотъ и вытѣсняемый въ свою очередь преемъ, «бурунчукомъ» и др. растеніями. Третьи, подмѣтивъ дѣйствіе овсюка на осотъ, пробуютъ предварительно выжигать осотъ и затѣмъ сѣять на сильно заросшихъ нивахъ осотомъ наступающій уже овесъ. Опытъ показываетъ земледѣльцу, что, послѣ двухъ и трехъ сряду слѣдуемыхъ одинъ за другимъ посѣвовъ овса, осотъ въ однихъ случаяхъ дѣйствительно исчезаетъ, въ другихъ остается и остается большею частію въ сухое лѣто. Четвертыя общины обращаютъ вниманіе на это послѣднее обстоятельство и пробуютъ въ дождливую весну или осень, кромѣ выжиганія, еще и перепаживать нивы, заросшія осотомъ. Опытъ показываетъ, что такимъ способомъ лучше всего выводится осотъ. Всѣ эти практическія свѣдѣнія земледѣльца нами записаны со словъ казаковъ въ разныхъ общинахъ и, выслушивая соображенія на этотъ счетъ, намъ не разъ приходилось слышать вмѣстѣ съ тѣмъ, что тотъ или другой способъ истребленія осота заимствованъ одною общиною у другой. Также зарождаются и распространяются здѣсь познанія въ земледѣльческой technikѣ, познанія юридическаго характера и т. п.

Припоминая теперь все вышесказанное, мы имѣемъ, слѣдовательно, полнѣйшее право считать несомнѣннымъ тотъ фактъ, что

результаты духовной дѣятельности русскаго народа, получивъ ту или другую форму, передаются и обращаются въ такомъ видѣ въ массы, какъ факторы, то удовлетворяющіе духовныя потребности народа, то имѣющіе для него чисто практическое значеніе. Въ общемъ своемъ направленіи эти оформленные результаты народно-духовнаго творчества играютъ такую же роль у народа, какую играютъ вообще печатное слово въ привилегированной средѣ. У народа существуютъ въ этомъ отношеніи свои, такъ сказать, естественные пути, благодаря которымъ продукты духовнаго творчества передаются однѣми лицами или однимъ общественнымъ группамъ другимъ. У сектантовъ такая передача носитъ уже болѣе опредѣленный и организованный характеръ. Что касается источниковъ зарожденія тѣхъ или другихъ продуктовъ духовной дѣятельности народа, то ихъ два: народная среда и среда привилегированныхъ классовъ, у которыхъ далеко раньше, чѣмъ у обыкновенной массы, зародилась и начала развиваться печатная литература. Народъ замѣствовалъ и замѣствуетъ у привилегированныхъ классовъ разнаго рода знанія, свѣдѣнія, слухи, словесныя произведенія и пр., но большая часть этихъ замѣствованій сводится къ нечѣностямъ и къ низкопробнымъ произведеніямъ ума и фантазіи. Такимъ образомъ, напр., лубочная литература, бывшая раньше достояніемъ однихъ привилегированныхъ классовъ, стала теперь на половину достояніемъ народа, а на половину — привилегированныхъ же классовъ, имѣющихъ самое близкое соприкосновеніе съ народомъ, каково купечество и вообще торговый людъ. Высшимъ развитіемъ отличаются тѣ продукты духовной дѣятельности народа, которые являются слѣдствіемъ урегулированія общинныхъ отношеній массы и касаются болѣею частію отношеній экономическихъ. Тутъ народъ оказывается не только самостоятельнымъ творцомъ, но и справедливымъ цѣнителемъ сути человѣческихъ отношеній. Чѣмъ ближе и непосредственнѣ известныя явленія касаются общины, тѣмъ выше критическое отношеніе къ нимъ народа и тѣмъ, слѣдовательно, цѣннѣ самыя практическія познанія, являющіяся результатомъ критическаго мышленія. По мѣрѣ отдаленія этихъ явленій отъ общины и осложненія ихъ характера, народъ или теряетъ общее ихъ единство и связь, или же къ положительнымъ фактамъ примѣшиваетъ продукты фантазіи и невѣжественнаго поппманія дѣйствительности. Такъ, позна-

нія по части устроєнія взаимныхъ отношеній общинниковъ, знанія обычаевъ, формъ и порядковъ общинной жизни, съ одной стороны, и лежащихъ въ основѣ ихъ принциповъ—съ другой, достигли у народа значительной степени развитія. Но обобщеніе этихъ знаній въ строго опредѣленную систему, могущую освѣтить общее соціально-политическое положеніе народа и поставить общія практическія задачи для всѣхъ общинъ, какъ ставятся даже эти задачи у сектантовъ, чуждо народу. Точно также знакомство съ политическими событіями въ родѣ войны, съ философскимъ освѣщеніемъ фактовъ въ родѣ причинъ болѣзни, происхожденія зла и пр., положительно нелѣпы. Вообще надо замѣтить, что у народа перемишаны положительные и отрицательные продукты его духовной дѣятельности, полезное съ вреднымъ, желательное съ нежелательнымъ, и все это, подчиненное естественному теченію обстоятельствъ, находится въ какомъ-то бродящемъ и непрерывно мѣняющимся состояніи. Фактъ, зависящій отъ того, что народъ оказывается безконечно жаждущемъ и необычайно пытливою мас-сою. Народъ всегда съ готовностью воспринимаетъ все, что пѣтаетъ умъ, воображеніе и чувство, и если, при всей его готовности къ воспріятію духовной пищи, у него не достаетъ положительныхъ научныхъ знаній явленій природы и явленій общественныхъ научныхъ знаній явленій природы и явленій общественной жизни, то въ этомъ меньше всего виноватъ самъ онъ. Пытливость его и широкія духовныя стремленія засвидѣтельствованы такими крупными и многозначительными фактами, какъ сектанство, на-примѣръ. Наоборотъ, работы интеллигенціи въ отвѣтъ на эту пытливость сводятся къ такимъ разнообразнымъ и невысоко-пробнымъ результатамъ, какъ насажденіе въ незначительнѣйшихъ дозахъ голыи и самой по себѣ представляющей только средство для интеллектуальнаго развитія граматности. И пока жизненные условія будутъ только таковы, народъ имѣетъ полнѣйшее право сказать, что онъ собственно грудью и самостоятельно борется съ вѣковыми своимъ мракомъ и невѣжествомъ и что на интеллигенціи въ этомъ отношеніи лежитъ позорное пятно крайняго безучастія къ его духовнымъ нуждамъ и потребностямъ.

Ф. Щербина.

Обличитель не по разуму ¹⁾.

(Запоздалый голосъ сороковыхъ годовъ). По поводу женскаго вопроса.
П. Бакунина).

Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома,
да точилъ бы свои веретена.

Целовница.

Когда человѣкъ сдѣлаетъ глупость или низость и потомъ желаетъ оправдаться, онъ толкуетъ о своихъ «добрыхъ намѣреніяхъ». Когда бываетъ нужно, во что бы то ни стало, похвалить писателя, а похвалить его, оказывается, не за что,—говорятъ объ его «искренности». Но вѣдь добрыми намѣреніями адъ вымощенъ, а искренность—качество не всегда положительное! Дѣло не въ процессѣ вашей мысли, а въ результатахъ ея; не въ мотивахъ, подвигнувшихъ васъ на тѣ, или другіе поступки, а въ самой сущности этихъ поступковъ. Личная нравственность—одно дѣло, интересы общественнаго прогресса—совсѣмъ другое дѣло. Вы можете быть честнымъ, искреннимъ, добронамѣреннымъ (избѣгая общепринятаго термина «благонамѣренный», пріобрѣтшаго у насъ совершенно спеціальныи смыслъ) человѣкомъ и, въ то же время, злѣйшимъ врагомъ человѣчества. Ваши друзья и вообще всѣ тѣ,

¹⁾ Хотя книга, по поводу которой мы пишемъ, вышла въ прошломъ 1881 г. и замѣтка наша о ней можетъ показаться въ свою очередь запоздалымъ голосомъ (такъ что для нѣкоторыхъ газетныхъ рецензентовъ будетъ готовая острота—«запоздалый голосъ на запоздалый голосъ»); но дѣло въ томъ, что сороковые годы еще не умерли и запоздалые голоса ихъ не только отъ времени до времени слышатся, но вѣроятно и впредь нѣкоторое время будутъ слышатся, слѣдовательно, отвѣчать на нихъ вовсе не поздно.

которымъ знакома и интересна ваша личность, по праву, могутъ любить и уважать васъ, точно также, какъ всѣ мы, посторонніе вамъ люди, по праву, можемъ презирать, или ненавидѣть васъ. Ваши друзья могутъ простить вамъ—это ихъ дѣло; достоинства нашего сердца могутъ, въ ихъ глазахъ, заслонить, перевѣсить заблужденія нашего ума—это ихъ домашній расчетъ. Но исторія, по критика, по суду общественнаго мнѣнія не могутъ и не должны знать никакихъ такихъ соображеній, потому именно, что имѣютъ дѣло исключительно съ результатами, съ итогами. Если въ приходо-расходныхъ книгахъ вашей жизни, вашей дѣятельности, оказывается болѣе или менѣе крупный дефицитъ—вы банкротъ; а тамъ ужь рѣшительно все равно. злостный ли вы банкротъ или по несчастію. Не личность судится, а дѣятельность; не намѣренія, а поступки; не искренность и не другія какія-либо нравственныя свойства, а убѣжденія и идеи. Какой толкъ въ томъ, что Достоевскій проповѣдывалъ свои мракобѣспическія идеи болѣе, чѣмъ съ искренностью—съ вѣрою, понтивѣ фанатическою, и съ упорствомъ и пастойчивостью, въ высшей степени замѣчательными? Лучше было бы, еслибы онъ не вѣровалъ такъ крѣпко; лучше было бы, еслибы онъ былъ не «пророкомъ», а авгуромъ—лучше потому, что его вліяніе на общество было бы тогда меньше и ему не удалось бы напустить столько удушливаго угара въ нашу жизнь, въ которой, по слову поэта, и безъ того «каждому трудно жвется и дышется».

Лучше быть нулемъ, нежели отрицательной величиной. Не такъ оно выходитъ съ точки зрѣнія нравственной эстетики или эстетической нравственности, по это несомнѣнно такъ съ точки зрѣнія соціальной арифметики, — если позволительно такъ выразиться. Какое намъ дѣло до ума, таланта, силы характера, безупречности личной жизни человѣка, если всѣ эти качества употребляются имъ не на добро, а на положительное зло. Игнатій Лобоза былъ въ высшей степени замѣчательный человѣкъ, которому, какъ нравственной личности, шло не виравѣ отказать въ уваженіи, но однакоже, память его чтится только іезуитами. Наполеонамъ—дядѣ и племяннику—опять таки никто не откажетъ ни въ талантахъ, ни въ энергіи, но «да будетъ омраченъ позоромъ» тотъ историкъ, тотъ мыслитель, тотъ критикъ, который отнесется къ этимъ бичамъ и развратителямъ чловѣчества съ

симпатіей и уваженіемъ. А если такъ, если эти соображенія справедливы относительно историческихъ личностей, съ крупными умственными и нравственными силами, — они тѣмъ болѣе справедливы въ примѣненіи къ зауряднымъ людямъ, весь активъ которыхъ заключается въ «добрыхъ намѣреніяхъ» да въ пресловутой «искренности». Кто же не искрененъ? и чьи намѣренія завѣдомо и умышленно злыя намѣренія? Въ современной литературѣ нашей, напр., если не говорить объ ея окончательно запакощенныхъ заднихъ дворахъ, вроде какой-нибудь «Минуты», можно съ значительною дозою вѣроятія указать лишь на единственный крупный примѣръ сознательнаго лицемѣрія и лжи, практикуемаго ради личныхъ презрѣнныхъ цѣлей честолюбія, самолюбія, а быть можетъ, даже и зауряднаго корыстолюбія, столь естественнаго въ мошеникѣ пера и разбойникѣ печати.

Г. Бакунинъ написалъ свою книгу съ наилучшими намѣреніями, а полнѣйшая искренность и убѣжденность автора не подлежатъ никакому сомнѣнію. Эта искренность сквозитъ въ каждой строчкѣ, въ каждомъ почти словѣ автора, а что касается намѣреній, то они состоятъ въ томъ, чтобы, «по поводу женскаго вопроса» (II), «напомнить забытыя истины и изъ самой старинны произнести новыя слова: безъ свободы человѣкъ не живетъ, а только пропадаетъ; по основаніе его свободы — не въ вещахъ, а только въ еіо человѣческомъ смыслѣ; и если въ немъ самомъ нѣтъ безусловнаго смысла, а только рефлексы головного мозга, то — все напрасно. И, оставя всякія попеченія, станемъ лучше пить, есть и веселиться: ибо завтра мы умремъ» (Предисловіе, VI). Это — во-первыхъ. А во-вторыхъ, авторъ намѣревался своею книгою «вызвать споръ и тѣмъ возбудить хотя нѣсколько вниманіе нашей, слишкомъ разсѣянной и, многими дѣлами и вещами озабоченной, публики» (II).

«Напомнить забытыя истины», «произнести новыя слова», «вызвать споръ», «возбудить вниманіе публики» — какія прекрасныя цѣли, какія превосходныя намѣренія! Къ сожалѣнію, на всякое хотѣнье есть терпѣнье, и задаться прекраснымъ намѣреніемъ совсѣмъ не то же, что прекрасно исполнить намѣреніе. Мы не видимъ надобности подробно характеризовать самую книгу г. Бакунина: это уже исполнено ся рецензентами. Достаточно сказать, что этотъ «Запоздалый голосъ» приличнѣе было бы назвать

«Заноздалнимъ взглядомъ и нѣчто», тѣмъ самымъ «нѣчто», о которомъ еще Ренетилловъ говорилъ: «о чемъ, бивъ, нѣчто? обо всемъ! Все знаетъ!» Г. Бакунинъ тоже «все знаетъ», по крайней мѣрѣ, обо всемъ говоритъ, и все «по поводу женскаго вопроса!» Къ женскому вопросу, какъ-то неуловимымъ логическимъ нитями, замѣтнымъ только авторскому взгляду, пристегнуты и «несообразность бытія», и «понятіе или образъ дѣйствительности», и «отечество», и «аристократія и демократія общества», и «нравы и законы» и пр. и пр. Девизъ г. Бакунина: что въ печи, то на столъ мечи,—и онъ угощаетъ читателя съ тѣмъ «истинно русскимъ» радушіемъ, которое обезсмертилъ Крыловъ въ своей извѣстной баснѣ.

Не въ томъ, однакоже, дѣло. Пусть г. Бакунинъ не умѣетъ писать, пусть его претензіи (очень большія) на краспорѣчіе и на изысканный слогъ вызываютъ въ читателѣ неподдѣльное состраданіе, пусть у автора рѣшительно нѣтъ чувства мѣры, и книга его, вслѣдствіе этого, представляетъ собою, собственно въ литературномъ отношеніи, нѣчто въ высшей степени нескладное и неуклюжее — все это только полбѣды. Настоящая бѣда заключается въ тенденціяхъ почтеннаго автора. У г. Бакунина достало мужества сказать, что «пападать на молодежь, обрушиваться всею тяжестью изобличеній на юное поколѣніе, на дѣтей—у насъ слишкомъ легкое и порою очень неблагообразное дѣло: на это не требуется много ума, и еще менѣе—сердца». Авторъ выражаетъ также опасеніе, чтобы о книгѣ его не подумали—«не слѣдуетъ ли она тѣмъ же путемъ, по которому такъ несчастливо только что прошелся извѣстный профессор и отмѣтилъ его, въ своемъ шествіи, такимъ образомъ, что идти по слѣдамъ его уже не приходилось и очень претило всякому, хоть нѣсколько брезгливому писателю или журналу» (II). Все это прекрасно и мы отнюдь не желаемъ во всѣхъ отношеніяхъ приравливать г. Бакунина, честнаго и искренняго идеалиста сороковыхъ годовъ, къ тому профессору, о которомъ онъ говоритъ, — человѣку другого поколѣнія и совершенно противоположныхъ, нравственныхъ свойствъ. Но, вѣдь, иное отношеніе къ предмету и иная исходная точка возрѣній на него отнюдь не обуславливаютъ собою нѣкихъ заключеній и результатовъ. Въ Римъ можно придти очень различными путями, и чистыми, и грязными, удобными и неудоб-

пыми; люди, туда шествующіе, могутъ быть вовсе не попутчиками другъ другу, но, въ концѣ концовъ, они окажутся согражданами и даже сосѣдями, и въ этомъ все дѣло. Именно, это мы и видимъ въ данномъ случаѣ. Г. Бакунинъ идетъ путемъ очень отличнымъ отъ «профессорскаго» пути, онъ беретъ себѣ въ руководители гегелианство, которое, по его мнѣнію, только «на время забыто», но, въ концѣ концовъ, плечомъ къ плечу прижимается къ тѣмъ самымъ людямъ, къ которымъ относится съ справедливою нравственною безгласностью.

Г. Бакунинъ не страдаетъ мислеболзлнью; онъ ведетъ свои выводы до конца и высказываетъ ихъ безъ утайки. Но такъ какъ исходная точка всѣхъ его воззрѣній совершенно несостоятельна, то понятно, что чѣмъ послѣдовательнѣе нашъ авторъ, тѣмъ гуще и глуше становятся окружающія его дебри, въ самой чащѣ и центрѣ которыхъ онъ и встрѣчается, наконецъ, съ «профессоромъ», прилѣзшимъ туда уже прямо изъ болота, выпачканнымъ всею его типкою и грязью. Ничего не можетъ быть печальнѣе и, вмѣстѣ, комичнѣе такого положенія нашего автора. Но оно справедливо. Оно — правосудное возмездіе за фальшь его основныхъ воззрѣній, оправдывающихъ, незамѣтно для самого автора, рутину дѣйствительности и осуждающихъ заранѣе всѣ попытки разума на борьбу съ этой рутинной.

Фундаментальныя воззрѣнія свои г. Бакунинъ формулируетъ очень отчетливо, не оставляя мѣста никакимъ сомнѣніямъ. «Никакая дѣйствительная сила, говорятъ онъ:—никакая дѣйствительная способность не станутъ ждать, чтобъ ихъ признали, чтобъ имъ предоставили право; онѣ его безъ всякаго признанія уже имѣютъ сами собою; имъ никто ничего ни дать, ни придать не можетъ; онѣ сами доставляютъ и берутъ себѣ все, что имъ требуется; а тѣ, кто ожидаетъ или требуетъ, чтобъ имъ доставили то, что онѣ сами себѣ доставить не въ состояніи, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что онѣ лишены силы способности и, не имѣя никакого права, имѣютъ только пустое притязаніе» (17). И въ другомъ мѣстѣ: «Справедливость существуетъ только въ обществѣ и только обществомъ; что-нибудь требовать можно только на основаніи справедливости, т. е. только тогда, когда это требуется самимъ обществомъ, такъ какъ внѣ общества справедливости нѣтъ. Но все, что общество требуетъ, оно всегда и имѣетъ.

Можно убеждать, склонять мысли, обращать понятия: это другое дѣло; но требовать нельзя: это было бы верхомъ несправедливости. Поэтому всякая самостоятельность и самобытность въ образѣ протеста противъ общества есть нелѣзость» (121).

Таковы тѣ «новыя слова изъ самой старины», на которыя г. Бакунинъ старается «обратить вниманіе публики». Напрасныя старанія, конечно. Не только г. Бакунину, но и витіяжъ погромче его не удавалось и не удастся настолько кретнизировать насъ, чтобы мы приняли эту ископаемую философію въ наиздавіе и въ руководство себѣ. Въ изложеніи г. Бакунина эта старая-престарая и знакомая-презренная намъ философія принимаетъ, впрочемъ, настолько комическій оттѣнокъ, что совершенно почти теряетъ свой острый и удушливый букетъ. «Все, что общество требуетъ, оно всегда и имѣетъ» — очень хорошо; но коли имѣетъ, такъ зачѣмъ оно требуетъ? А потомъ вѣдь «требовать нельзя: это было бы верхомъ несправедливости». Какъ тутъ быть? какъ понимать г. Бакунина? Общество есть вмѣстѣлице справедливости; общество требуетъ; всякое требованіе есть верхъ несправедливости. Есть ли — ужь не говорю: логика, — а простой человѣческій смыслъ въ этой невозможной цѣпи посылокъ и заключеній?

Г. Бакунинъ не страдаетъ мыслибоязнью — отъ этой квалифікаціи я не отказываюсь. Но онъ — *passez moi le mot* — страдаетъ слабостью мысли, которая, разъ попавши въ заколдованный кругъ гегелианства, рѣшительно не въ состояніи изъ него выбраться. Справедливость осуществлена въ обществѣ или, говоря общѣе, какъ говорилъ учитель г. Бакунина, разумъ осуществленъ въ дѣйствительности, «дѣйствительное — разумно». Очень хорошо. Какъ ни противно нашему уму и чувству это безчеловѣчное и жестокое положеніе, примиряся на минуту съ нимъ. Но вѣдь противъ него немедленно выдвигается элементарнѣйшее и справедливѣйшее соображеніе: мои требованія, мои хотѣнія и идеалы, мой протестъ и моя борьба суть, въ свою очередь, тоже конкретныя факты, они являются частью «дѣйствительности», и въ этомъ своемъ качествѣ имѣютъ, стало быть, всѣ права на санкцію со стороны «разума». Это ясно какъ день, просто какъ «здравствуйте», но для гг. Бакунинскихъ тѣмъ не менѣе совѣмъ непонятно. Въ видѣ уступки очевидности, логической необходимости, они допускаютъ

право «убѣждать, склонять мысли, обращать понятія», находя, что это совѣтъ не то же, что возставать противъ дѣйствительности, «требовать». Оригиналь г. Бакунина! шутникъ г. Бакунина! Но развѣ мыслима какая бы то ни было проповѣдь, которая не заключала бы въ себѣ тѣхъ или другихъ требованій? Развѣ «убѣждать, обращать понятія» не значитъ стремиться къ реформированію идей убѣждаемаго и стало бытъ, посягать на цѣлостность и непркосновенность «дѣйствительности»? Г. Бакунинъ имѣеть идеи; я также имѣю свои идеи, ни въ чемъ на его идеи не похожія. Оба мы, такъ или иначе, руководствуемся этими идеями въ своей жизни, въ своихъ поступкахъ; онѣ кладутъ извѣстный отпечатокъ на наши отношенія къ людямъ и къ общей, окружающей насъ, средѣ и, стало бытъ, хотя бы только въ микроскопическихъ (какъ все индивидуальное) размѣрахъ, участвуютъ въ процессѣ формироваія дѣйствительности. Но вотъ, въ настоящую минуту, мы споримъ съ г. Бакунинымъ, убѣждаемъ другъ друга, «обращаемъ понятія»: развѣ для непркосновенной дѣйствительности не можетъ выйти изъ этой, чисто теоретической, борьбы идей никакихъ практическихъ результатовъ? Убѣдить г. Бакунина меня,—и я слою «на пустой груди невужныя руки» и смренно преклонюсь передъ Граціановымъ, къ женщинамъ буду относиться, какъ къ неземнымъ созданіямъ, свободы буду искать не «въ вещахъ», а «въ самомъ себѣ», неизвѣстно гдѣ, «въ челоѣческомъ смыслѣ» и пр. и пр. Успѣю убѣдить я г. Бакунина (говорю это только предположительно, для иллюстраціи, отнюдь не пытая на самомъ дѣлѣ такихъ безумныхъ надеждъ)—и моему почтенному оппоненту придется, на старости лѣтъ, круто свернуть съ его дороги, развѣнчать «дѣйствительность», поставить на ея мѣсто мыслящую, чувствующую и столь тяжело до сихъ поръ страдающую челоѣческую личность, признать ея право на счастье и, стало бытъ, на борьбу за него, сжечь, словомъ, все, чему онъ нынѣ поклоняется, и поклониться тому, что онъ теперь сжигаетъ. Развѣ это не практической результатъ? Развѣ наши отношенія къ жизни, къ «дѣйствительности» не реформируются подъ вліаніемъ новыхъ, воспріятыхъ нами, идей, и развѣ отъ этого сама дѣйствительность не претерпитъ никакихъ измѣненій? Ясно, стало бытъ, что допускаемый г. Бакунинымъ путь «убѣжденія, отрада-

нія понятій», по существу ровно ничѣмъ не отличается отъ осуждаемаго имъ пути активныхъ требованій.

Въ тѣсной логической связи съ этимъ осужденіемъ «требованій» находится и приведенное выше утвержденіе г. Бакунина, что «никакая дѣйствительная сила не станетъ ждать, чтобы ее признали, чтобы ей предоставили право: она безъ всякаго признанія имѣетъ его уже сама собою» и пр. Такимъ образомъ, общество есть результатъ взаимодействія дѣйствительности силъ, и, надо думать, въ этомъ именно смыслѣ г. Бакунина и говорить, что общество осуществляетъ «справедливость». Ну, а силы потенциальныя, силы паряющіяся? Дѣйствительность отвергаетъ ихъ, не даетъ имъ хода. Какъ быть этимъ силамъ? Заявлять себя, «требовать» г. Бакунина имъ строго воспрещаетъ. Ожидать ли имъ той поры, когда общественная «справедливость», въ лицѣ напр. Бакунина, выдастъ имъ аттестатъ зрѣлости? Но вѣдь «даромъ ничто не дается, судьба жертвъ спекулятивныхъ проситъ». Всякая сила зрѣетъ именно въ упражненіи, въ борьбѣ, и получить она себѣ признаніе не «сама собою»—это пзъ бессмыслицъ бессмыслица, — а непрестанно проявляя и заявляя себя. «Чего одно поколѣніе—писалъ еще Бокль—проситъ, какъ милости, другое поколѣніе потребуетъ себѣ, какъ права», и въ этихъ словахъ коротко и ясно резюмированъ обычный историческій процессъ развитія идей, ученій, учреждений и вообще всяческихъ общественныхъ «силъ». Нашъ философъ полагаетъ иначе: по его мнѣнію, все совершается «само собою», безъ успій, безъ жертвъ, безъ «требованій».

Безполезно останавливаться долѣе на принципиальномъ разборѣ этихъ дѣтскихъ или старческихъ мыслей. Г. Бакунина называетъ себя идеалистомъ, но вѣдь его ученіе отвергаетъ идеаль въ самомъ корнѣ. Въ самомъ дѣлѣ: если справедливость уже имѣетъ свое осуществленіе въ конкретной дѣйствительности, то какіе же возможны идеалы, и къ чему они? Вѣдь всякій идеаль есть какъ бы поправка дѣйствительности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сказалъ бы Достоевскій, «бунтъ» противъ нея, отрицаніе въ ней именно справедливости и разумности, этихъ, по мнѣнію г. Бакунина, необходимыхъ ея принадлежностей. Проповѣдь г. Бакунина есть, такимъ образомъ, проповѣдь застоя и самодовольной кп-тайщины, отрицаніе прогресса и истинной справедливости. А

«напѣренія» автора были прекраснѣйшія, «пекрепность» его не подлежитъ сомнѣнію и ни въ какихъ своеобразныхъ стремленіяхъ заподозрить его невозможно. Онъ, просто, не вѣдаетъ, что творитъ, не знаетъ, куда идетъ и, какъ перепелъ въ тенета, попадаетъ сослѣпа въ неавиственные для него объятія «пзвѣтнаго профессора».

II.

Сообразно своимъ основнымъ убѣжденіямъ о ненужности и нецѣлности всякихъ «требуваній», всякаго активнаго протеста, г. Бакунинъ принимается за то самое дѣло, которое онъ самъ называетъ «неблагообразнымъ», не требующимъ ни ума, ни сердца. Онъ, говоря его выраженіемъ, «обрушивается на молодежь» или на «новыхъ людей», какъ онъ ее называетъ. Трудно, впрочемъ, положительно сказать — кого, собственно, какое поколѣніе разумѣетъ подъ этимъ терминномъ г. Бакунинъ. Онъ оспариваетъ взгляды «новыхъ людей» на блаженной памяти «женскій вопросъ» и, такимъ образомъ, даетъ поводъ думать, что его перуны направлены на людей шестидесятихъ годовъ, давно утратившихъ свою молодость. Но, съ другой стороны, пзобличенія г. Бакунина настолько общи и пзобильны, что мы не безъ права можемъ отнести ихъ къ эпохѣ гораздо болѣе близкой и современной намъ, и въ этомъ случаѣ они пріобрѣтаютъ особый интересъ: съ нами говорить, насъ распекаетъ и поучаетъ не «отецъ», а дѣдушка нашъ, и мы обязаны его выслушать. Предоставимъ же слово автору.

«Новые люди представляются, не стѣсня себя ни умомъ, ни особыми познаніями, ни качествами, ни достоинствами, ни даже смысломъ, а, попросту, безъ всякаго убранства, лишь съ тѣмъ, что въ нихъ есть отъ природы: съ своими потребностями, съ своими притязаніями да съ напирской въ зубахъ. Всѣ условности, всѣ ненатуральности, всѣ стѣненія, эти фракы, эти галстуки, эти приличія и учтивости, эти любезности, эти изысканныя старанія быть лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ,—все это сущій вздоръ, глупости, чистѣйшая ерунда, сапоги въ смятку! берите

пастъ. какъ мы стали, и съ тѣмъ, что въ пастъ есть отъ природы, безъ прикрасъ, безъ убранства, безъ фальши: мы и такъ хороши! а не хотите — такъ, какъ хотите! Хлопотать о томъ, чтобъ стать лучше, мы не желаемъ» (117).

«Новые люди, по недостатку въ нихъ логики и знанія, толкую о реальности, исполнены однакоже чрезмѣрною мечтательностью — всякое невѣжество всегда мечтательно; но ихъ мечтательность, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, по крайней тѣспотѣ и ограниченности ихъ жизни дома, въ школѣ или между товарищами, очень невысокаго разряда; неглубокая по своему содержанию, она не представляетъ ничего плѣнительнаго и въ образѣ: пзвѣстное дѣло, какія мечтанія могутъ быть у человѣка, который еще ничего не видалъ, кромѣ чертовой грубости, и еле-еле, съ грѣхомъ по поламъ, начинаютъ разбираться по складамъ первые азы человѣческаго общежитія: ему эти азы представляются, конечно, верхомъ премудрости; онъ ими, натурально, чрезвычайно важничаетъ; по учепкамъ старшихъ классовъ, которые ужъ успѣли научиться кое-чему другому и большому, мечтательная важность первоклассника представляется и глупою, и забавною. Такъ и новые люди очень расположены важничать тѣми крохами знанія, которыми они лишь вчера научились. Узнавъ азы общежитія, они по поводу ихъ предаются своей школьной мечтательности» (137).

Эти двѣ пылкія обличительныя тирады могутъ служить хорошимъ образчикомъ всѣхъ вообще филиппикъ (ихъ что-то очень много) г. Бакунина противъ «новыхъ людей» и, въ то же время, характеризуютъ его собственную умственную и литературную физиономію. Пока г. Бакунинъ пишетъ о «назначеніи и судьбѣ», объ «естествѣ знанія», о «несообразности бытія» и пр.—онъ пишетъ «темно и вяло», говоритъ словно съ кашей во рту и рассуждаетъ точно спресонокъ. Вдругъ его физиономія оживаетъ, онъ начинаетъ жестикулировать и горячиться, глаза приобретаютъ неожиданный блескъ, на губахъ выступаетъ пѣна.. Читатель въ полномъ недоумѣніи. «Что съ дѣвицей сталося, ахъ, что съ красной случилося, въ лицѣ измѣнилася?» Особеннаго, однако, ничего не случилось: автору, въ его путешествіяхъ отъ земли къ небу и отъ неба къ землѣ, попалась на дорогѣ «новые люди» — *inde ira*. Эти «новые люди» для г. Бакунина рѣшительно *bête noire*;

опъ не можетъ говорить о нихъ хладнокровно и старчески брюзжить. брюзжить на нихъ. Его дѣло, конечно. Но зачѣмъ же было чураться «профессора»? Будемте, г. Бакуинъ, вести дѣло на чистоту.

Вы обвиняете «новыхъ людей» въ томъ, что они не стѣсняють себя «ни умомъ, ни особыми познаніями, ни качествами, ни достоинствами, ни даже смысломъ». Милостивый государь, если вы, дѣйствительно, человѣкъ добросовѣтный, если вы въ самомъ дѣлѣ гнушаетесь солидарностью и съ «профессорами» и съ профессорами извѣстнаго пошиба, вы должны взять назадъ эту болѣе чѣмъ неосторожную — недостойную фразу. Согласитесь, что это, именно, только ругательная фраза озлобленнаго человѣка, и ничего больше. Какъ! Цѣлое поколѣніе кретиновъ, людей, лишенныхъ ума и даже «смысла», людей, у которыхъ вмѣсто идеаловъ — «притязанія», вмѣсто живой дѣятельности — «потребности», вмѣсто знаній — «напроски въ зубахъ»?! Были въ исторіи тяжелые моменты, и даже цѣлые періоды, когда умъ дѣйствительно приносилъ человѣку одно только «горе», когда знаній приложить было не къ чему и когда наиболѣе нетерпѣливые люди сознательно дурманили свой «смыслъ» въ кутежахъ и попойкахъ, сознательно оскотинивались, чтобы не мучиться своимъ слишкомъ рѣзкимъ разладомъ съ «справедливою» дѣйствительностью. Не намъ говорить объ этомъ г. Бакуину. Но не было и не можемъ быть поколѣній, поголовно бессмысленныхъ, не было такихъ эпохъ, когда отрпцаніе ума и знаній получило бы принципіальное, догматическое значеніе. Да и надъ чѣмъ вы смѣетесь? кого обличаете? Надъ собой смѣетесь, себя изобличаете, ибо въдымы — по-вашему, кретины — плоть отъ плоти и кость отъ костей вашихъ. Между вами и нами нѣтъ солидарности, но есть кровное родство, строгая духовная преемственность, а, дѣло извѣстное, яблочко падаетъ отъ яблонн недалеко. Если же мы, вступивши въ жизнь и оглядѣвшись кругомъ, начали именно съ протеста противъ васъ, то, конечно, тутъ причинами нѣсколько болѣе глубокія, нежели наше желаніе «не стѣсняться» и пр. Мотивировать это сложное дѣло, по вашему неголоволомному способу, значить доказывать только свое озлобленіе и свое легкомысліе. «Новые люди» дѣйствуютъ и въ наукѣ, и въ литературѣ, и на другихъ поприщахъ, на которыхъ требуется нѣчто большее, нежели «на-

ипроска въ зубахъ», — къ отчету и къ отвѣту потребовать ихъ нетрудно, и объясненіями они, надо полагать, не затруднятся.

Дальнѣйшія изобличенія г. Бакунина менѣе голословны, но, за то, гораздо болѣе уморительны по своей паявности, до того колоссальной, что совѣстно на этихъ изобличеніяхъ, даже мимоходомъ, останавливаться. Г. Бакунинъ нападаетъ на костюмъ «новыхъ людей», на ихъ презрѣніе «къ этимъ фракамъ, къ этимъ галстухамъ!» Я, откровенно говоря, не знаю такого костюма, которому бы «новые люди» придавали догматическое значеніе, вродѣ того, какое славнофилы, напримѣръ, придавали зпуну и мурмоукѣ. Не о знаменитыхъ ли плэдахъ и высокихъ сапогахъ говорить авторъ? Помпосердуйте, г. Бакунинъ! Вѣдь вы, какъ ни какъ, «философъ», а не мясникъ изъ охотнаго ряда, и мелочи, на которыя плюнуть не стоить, не должны бы останавливать на себѣ вашего просвѣщеннаго вниманія, а тѣмъ болѣе — волновать васъ. Всѣ люди, а въ томъ числѣ и «новые», одѣваются «по состоянію», какъ выражался Іона-цвиникъ. Дѣло студенческое — дѣло бѣдное, а плэдъ и высокіе сапоги — вещи сподручныя, вотъ вамъ и все разрѣшеніе волнующихъ васъ сомнѣній. Да и съ какою стати г. Бакунинъ отождествляетъ студентовъ съ «новыми людьми»? Можемъ его увѣрять, что между студентами не мало старыхъ, очень старыхъ людей, ровесниковъ г. Бакунину и сплошь да рядомъ ужасный плэдъ прикрываетъ будущаго «дѣльца» — чиновника, заводчика и т. д.

Но, какъ и подобаетъ философу, г. Бакунинъ расширяетъ и обобщаетъ этотъ «вопросъ». Онъ заявляетъ, что подѣ этимъ равнодушіемъ въ виѣшности, къ костюму, скрывается не мало — ни много, «нежеланіе стать лучше». Это уже серьезно. Видите ли, г. Бакунинъ: одно дѣло — быть; другое дѣло — казаться. Тѣ «взысканныя старанія быть лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ», которыя вы превозносите, претятъ не только «новымъ», но и вообще всѣмъ искреннимъ людямъ, какъ одна изъ формъ лицемерія и лжи. Стараніе же «быть лучше», посредствомъ взящныхъ фраковъ и артистически повязанныхъ галстуховъ, опять-таки не только «новымъ», но и всѣмъ неглупымъ людямъ должно казаться вошющею пошлостью. Это ужъ пусть г. Бакунинъ не прогибается. Какъ ни прискорбно намъ огорчать его, мы все-таки не скроемъ отъ него, что, по нашему мнѣнію и по нашему

опыту, «эти франки, эти галетухи». действительно, не болѣе, какъ «сущій вздоръ, глуности, чистѣйшая срунда, сапоги въ смятку».

Червоныя валеты, т. е. жулики высшего полета, отличаются, обыкновенно, удивительнымъ изяществомъ манеръ и костюмовъ, потому что для нихъ, действительно, нужно казаться лучше, нежели они суть на самомъ дѣлѣ. Мы понимаемъ задачу самосовершенствованія нѣсколько иначе. Мы думаемъ, что она заключается въ реформированіи именно внутренняго человека, въ расширеніи нашего умственного горизонта, въ просвѣтленіи нашего нравственнаго «я» — а эти цѣли могутъ быть достигнуты помимо сотрудничества Шармера. Кажется — могутъ, г. Бакунинъ?

«Новые люди» затѣмъ, кромѣ непониманія портняжнической эстетики, оказываются виновными въ «чрезмѣрной мечтательности», причемъ г. Бакунинъ сообщаетъ смѣлую догадку, будто «всякое певѣжество всегда мечтательно». Какое соотношеніе и связь между мечтательностью и певѣжествомъ, — это г. Бакунинъ не объяснено. Казалось бы, «мечтательность» есть результатъ развитія фантазій, является, стало быть, свойствомъ чисто индивидуальнымъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить характеристическою чертою огромной группы людей, самыхъ разнообразныхъ положеній, характеровъ, темпераментовъ, различнаго развитія, хотя и солидарныхъ между собою въ рѣшеніи извѣстныхъ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ. Г. Бакунинъ говоритъ не о какомъ-нибудь народѣ, стихійныя, природныя условія жизни котораго приучаютъ его къ мечтательности, давая постоянную и обильную пищу его фантазій, — онъ говоритъ объ одномъ поколѣніи, отцы, дѣды, прадеды котораго жили и жили и никакою особою «мечтательности» за собой не замѣчали, а оно вдругъ, ни съ того, ни съ сего, оказывается «мечтательнымъ». Очевидно, и на этотъ разъ мы встрѣчаемся не съ серьезнымъ укоромъ, а съ нязменнымъ, совершенно «профессорскимъ» желаніемъ наговорить по адресу «новыхъ людей» сколько возможно больше неприятныхъ, хотя бы и бессмысленныхъ словъ. «Новые люди» — «не въдали ничего, кромѣ черствой грубости» — это ли не бессмыслица? «Новые люди» — «еле-еле, съ грѣхомъ пополамъ, начинаютъ разбирать по складамъ первые азы чело-

вѣческаго общежитія)... О комъ говоритъ г. Бакунинъ? Если онъ, какъ слѣдуетъ судить по этой фразѣ, говоритъ о малолѣтнихъ подросткахъ, въ такомъ случаѣ—зачѣмъ онъ не направилъ свои изобличенія противъ грудныхъ дѣтей, которыя, безъ сомнѣнія, еще болѣе «новые люди». Съ г. Бакунинымъ становится невозможнымъ мало-мальски серьезный разговоръ.

Да, «не много ума и еще менѣе сердца» требуется для подобныхъ изобличеній; г. Бакунинъ не только справедливо сказалъ, но и собственнымъ своимъ примѣромъ доказалъ это. «Новые люди» достаточно прислушались ко всевозможнымъ обвиненіямъ и упрекамъ; не было такого Суворина, который бы, такъ или иначе, не лягнулъ ихъ; не было такой мерзости, которой бы не взвели на нихъ. Это въ порядкѣ вещей. Когда новая идея, проникшая въ общество, затрагиваетъ извѣстные интересы, люди, такъ или иначе соприкосновенные этимъ интересамъ, примирятся съ нею не могутъ, и убѣдить ихъ нельзя. Но собственно, въ сферѣ теоретическихъ соображеній и на почвѣ нравственныхъ побужденій, «новые люди», казалось бы, именно отъ людей со- роковыхъ годовъ имѣли нѣкоторое право ожидать къ себѣ извѣстной дозы симпатій. Въ ихъ судьбѣ много общаго. Болѣе того: пристальное изученіе, можетъ быть, покажетъ, что и между конечными идеалами ихъ вовсе нѣтъ такой глубокой пропасти, которую бы нельзя было ничѣмъ заполнить. По судьбѣ они близки прежде всего потому, что какъ тѣ въ свое время, такъ эти теперь—одинъ въ полѣ вопль. И тѣ и другіе, въ представленіи будущаго историка, лягутъ именно тѣми «искупительными» жертвами, о которыхъ говорилъ поэтъ, жертвами за чужой грѣхъ и чужое беззаконіе. И тѣ и другіе вѣровали одинаково сильно (г. Бакунинъ, правда, говоритъ, что «нынѣ вѣры взять не откуда» (149), но вѣдь это не болѣе, какъ г. Бакунинъ говоритъ), но и тѣмъ и другимъ, по вѣковѣчной провіи судьбы, не удалось и не удастся во-очію убѣдиться, что ихъ вѣра была не напрасна и что силы и кости свои они сложили даромъ. И тѣ и другіе явились тѣми первыми ласточками, которыя не дѣлаютъ весны, но безошибочно предвѣщаютъ ее. Наконецъ, въ идеалахъ ихъ не было не только существенной, но и несущественной разницы, если подъ идеаломъ разумѣть не тѣ текущія задачи и вопросы, которые выдвигаются потребностями жизни, а всю сумму общихъ

нравственныхъ стремленій и пожеланій. Для людей сороковыхъ годовъ главнѣйшею задачею было разрѣшеніе вопроса крѣпостного права; наше время имѣетъ, конечно, нѣкоторыя ближайшія практическія задачи, — но освободительная тенденція, гуманный духъ проникаютъ съ одинаковою силою какъ тѣ, такъ и другія. Вотъ именно на этой-то почвѣ общихъ нравственныхъ идеаловъ и могло бы произойти единеніе поколѣній, исполнявшихъ различныя историческія, но одинаковыя человѣческія миссіи. Еслибы напр. Бѣлинскій всталъ изъ гроба, мы знаемъ, кому бы онъ нѣмѣе отдалъ свои симпатіи, въ комъ призналъ бы своихъ прежнихъ наслѣдниковъ и кого бы благословилъ на служеніе тому «духу», за развитіе, за просторъ котораго онъ самъ въ свое время и своимъ средствами такъ доблестно подвизался. Мало того. Онъ призналъ бы, что поколѣніе, на которое его поэтъ «печально смотрѣлъ», потому, что

Подъ бременемъ познанья или сомнѣнья
Въ бездѣйствіи состарится оно,

безъ всякаго спора, дальше отстоятъ отъ идеала нравственной личности, нежели поколѣніе, которому его поэтъ далъ напутствіе въ этихъ ободряющихъ и утѣшающихъ словахъ:

Слѣйте разумное, доброе, вѣчное,—
Слѣйте: спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Но мы имѣемъ дѣло не съ великимъ Бѣлинскимъ, а съ маленькимъ г. Бакунинымъ, который разсыпаетъ дешевыя изобличенія, долго надъ ними не задумываясь. Остановимся нѣсколько на серьезнѣйшемъ изъ нихъ и закончимъ на томъ съ нашимъ «обличителемъ не по разуму».

«Ученіе о долгѣ человѣка есть очень старое ученіе: кажется, нечего пояснять, и всѣмъ давно, уже изстаря, извѣстно, что путь долга обозначается трудомъ, страданіемъ и смертью, и этихъ старихъ знаковъ, по которымъ всѣ легко могутъ распознать его, до сихъ поръ никто не отиѣнилъ еще и не замѣнилъ ихъ новыми. Къ старинному ученію о долгѣ, казалось бы, прибавлять нечего, такъ какъ нѣтъ ничего новаго, что бы можно было при-

бавить къ нему. А между тѣмъ, скрывать невозможно, что въ настоящее время путь долга заглохъ, покинутъ и извѣстенъ очень немногимъ. Въ современныхъ умахъ замѣчается великая смута, вследствие чего прежде, безспорное утверждение долга, въ большинствѣ случаевъ, уступаетъ мѣсто колебанію и сомнѣніямъ. Если еще и находятся немногіе, которые подчасъ еще и пафосуются и смутно гадаютъ, гдѣ именно пролегаетъ путь долга, то больше изъ любопытства и изъ чистой любознательности, чѣмъ изъ потребности вступить на него. Нельзя спорить съ тѣмъ, что въ настоящую минуту не только путь, но и значеніе долга забыты, и слабое воспоминаніе о немъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе туманится и печезаетъ. Онъ лежитъ далеко и восторонѣ отъ господствующаго направленія; чему свидѣтельствомъ служатъ и успѣхъ современнаго ученія, который, подъ именемъ детерминизма, отрицается самая свобода человѣка. А если вѣтъ свободы, то для каждаго мыслящаго очевидно и само собою разумѣется, что и никакого долга нѣтъ, и быть не можетъ; и все является лишь какъ роковое послѣдствіе неизбежнаго сочетанія или состязанія столь же роковыхъ силъ или потребностей. Дѣйствительный смыслъ долга принадлежитъ прошедшему; о немъ знаетъ еще только старое поколѣніе, хранящее, какъ завѣтъ всего прошедшаго, древнее человѣческое преданіе съ единственною надеждою передать его во всей цѣлости за нимъ слѣдующему молодому поколѣнію» (41).

Это не только очень серьезное обвиненіе, которое необходимо устранить,—это очень оригинальный взглядъ, который необходимо разобрать. «Путь долга заглохъ, покинутъ и извѣстенъ очень немногимъ»—сказать или написать это легко, но вѣдь объ этомъ страшно помыслить серьезно. Съ обвиненіемъ въ повальномъ кретинизмѣ, какъ съ обвиненіемъ явно злостнымъ и бессмысленнымъ, припритаться нетрудно, но какъ игнорировать это обвиненіе въ повальной безнравственности? Вѣдь въ этомъ отношеніи въ исторіи, дѣйствительно, имѣются прецеденты. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, бывали такія несчастныя эпохи, существовали такія глубоко развращенныя поколѣнія, когда старыя идеалы выдохлись и истрепались окончательно, а новыя еще не выступили имъ на смѣну, или еще не заслужили себѣ признанія. Какому же школьнику не извѣстенъ самый яркій и рѣзкій примѣръ такого положенія ве-

щей? Кто не знает хотя бы этих грозных укорительных словъ Обвинителя человечества, обращенныхъ къ отживавшему міру: «Горе тебѣ, Хоразанъ! горе тебѣ, Внесагда! ибо еслибы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленные въ васъ, то давно бы они, сидя во вретницѣхъ и исплѣхъ, покалялись». Да, повторяю, въ словахъ г. Бакунина есть историческая правда,—такія эпохи бывають, эпохи, въ которыя наиболѣе чуткіе поэты взривають въ страстно-горькихъ жалобахъ на то, что

... все также воздухъ душень,
Дряхлый міръ на роковомъ пути,
Человѣкъ до ужаса бездушень,
Слабому спасенья не найти.

Но вѣдь мы уже знаемъ, что г. Бакунинъ смотритъ на міръ божій сквозь заплывшіеся очки сороковыхъ годовъ, что его голосъ—вопствию «запоздалый голосъ», и не будемъ преждевременно отчаяваться.

И прежде всего въ тирадѣ г. Бакунина мы встрѣчаемъ такую неожиданную мысль, высказанную, притомъ, чрезвычайно категорически: «путь долга обозначается трудомъ, страданіями и смертью». Г. Бакунинъ, очевидно, учитъ другихъ тому, что самъ недостаточно ясно понимаетъ. Путь долга можетъ обозначаться страданіемъ, можетъ заключиться смертью, но эти требованія отнюдь не принципиальны. «Страданіе» и «смерть» являются, какъ результатъ особенно тяжелой и напряженной борьбы, которая, въ свою очередь, составляетъ результатъ крайне ненормальныхъ общихъ условій жизни, но онѣ не обуславливаются самою сущностью, содержаніемъ идеи долга. Укажемъ на самого г. Бакунина. Составляя свою книгу, онъ, безъ сомнѣнія, былъ твердо убѣжденъ, что исполняетъ свой нравственный и гражданскій долгъ, исполненіе котораго, однако же, не доставило ему, надо думать, никакихъ особенныхъ «страданій», если не считать за таковыя борьбу нашего автора съ корректурными трудностями, съ «запятыми и тире», которыя у него «страшно рябили въ глазахъ» (объ этомъ уморительномъ признаніи см. «Предисловіе», VII). Разсудить это дѣло нетрудно. Всѣ идеи, которыя г. Бакунинъ считаетъ своимъ «долгомъ» развивать, совпадаютъ съ общимъ направленіемъ нашей жизни, одобряются и поощряются ею: ка-

кая же тут может быть борьба? Мы, рецензенты и оппоненты г. Бакунина, слишком мало придаемъ значенія нашей полемикѣ съ нимъ, чтобы считать ее серьезной «борьбой», а тѣ огорченныя, которыя г. Бакунинъ, какъ человѣкъ въ журналистикѣ необстрѣленный, можетъ быть, почувствуетъ отъ того или другого рѣзкаго нашего выраженія, конечно, не могутъ претендовать на громкій титулъ «страданій». Въ результатѣ, такимъ образомъ, получается нѣчто въ высокой степени комичное. Г. Бакунинъ—изъ тѣхъ «очень немногихъ», которые понимаютъ идею долга, жаждутъ «страданій» за нее и не отступаютъ даже передъ «смертью»; а страдать, оказывается, не за что и не зачѣмъ, и вмѣсто «смерти» практическая дѣйствительность предлагаетъ нашему автору срывать цвѣты удовольствія. Зачѣмъ «страдать», зачѣмъ «умирать»? Вѣдь ты, говоритъ дѣйствительность, плоть отъ плоти и кость отъ кости моей, ты защищаешь мою «справедливость», ты отстаиваешь мою неприкосновенность, — такъ отдамъ ли я тебя, моего архи-«профессора», въ обиду? Голгова—не для Платовъ. Замокворѣцкую купчиху, утверждающую—«а все-таки на трехъ книгахъ», не постигнетъ участь того философа, который утверждалъ: «а все-таки движется».

Повторяемъ, г. Бакунинъ не отдаетъ себѣ отчета въ своихъ собственныхъ словахъ, въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ онъ послѣдовательно приходитъ.

А результаты эти иногда, какъ въ данномъ напр. случаѣ, положительно жестоки и безчеловѣчны. Въ самомъ дѣлѣ. Идея «долга» обязательна для человѣка; внѣ этой идеи нѣтъ и не можетъ быть нравственности, а внѣ нравственности не можетъ быть и настоящей, здоровой жизни духа, того стремленія къ идеалу, которое одно только и даетъ человѣку право именовать себя «вѣнцомъ творенія». Но съ другой стороны, по мнѣнью г. Бакунина, «путь долга» есть неизбѣжно и непремѣнно путь «страданій» и самой «смерти». Спрашивается: есть ли какая-нибудь не только логическая и нравственная, но и просто физическая возможность рекомендовать людямъ такъое ученіе о долгѣ? Можемъ ли мы ставить «страданіе» однимъ изъ условій и элементовъ ихъ существованія? Смѣемъ ли мы накладывать на людей «бремена неудобноносимыя»? Цѣль нашей жизни въ «долгѣ», въ его неуказательномъ исполненіи—да, но не въ страданіи, какъ въ страда-

ни, — надо быть инквизиторомъ или Достоевскимъ, чтобы утверждать это. — а диаметрально наоборотъ — въ безобидномъ счастьи всѣхъ и каждаго, въ мирномъ и братскомъ пользованіи всѣми тѣми великими дарами, которые намъ такъ щедро раздастъ и это яркое солнце, и мать-земля, кормилица наша. «Долгъ» нашъ, какъ и вся конечная цѣль нашего существованія, состоитъ въ томъ, чтобы жить самимъ и не мѣшать жить другимъ, оборонять свое, но и уважать чужое право, которое, на вѣсахъ истинной, небакупивской, справедливости, вѣситъ ровно столько же, сколько и мое. Въ этомъ ограниченіи моего права правомъ моего ближняго, безъ сомнѣнія, есть извѣстное стѣсненіе, но стѣсненіе, въ которомъ не только нѣтъ «страданія», а есть или должно быть положительное наслажденіе: вѣдь въ этомъ-то «стѣсненіи» именно и заключается надлежащая гарантія прочности и безопасности моего собственнаго права, возможность жить безъ камня за пазухой.

Такъ оно въ идеалѣ, но не такъ оно, конечно, на фактѣ, въ дѣйствительности. И потому-то именно, что оно не такъ въ дѣйствительности, которая, точно, зачастую требуетъ, во имя долга, страданій отъ людей, потому именно мы и цѣнимъ заслуги лучшихъ между нами въ великомъ, хотя въ то же время противоестественномъ дѣлѣ самоотверженія, называемъ ихъ поступки подвигами и благоговѣемъ передъ ихъ нравственною силою и красотю. Ни малѣйшаго противорѣчія тутъ нѣтъ. Развѣ сознательное стремленіе къ страданію не противоестественно? Но развѣ въ то же время путь индивидуальнаго страданія, разъ онъ признаетъ единственно возможнымъ путемъ къ общему счастью, не желателенъ, не нуженъ, не высоко нравственъ и святъ? Тутъ, только уже съ другой стороны, мы опять подходимъ къ нашему коренному разногласію съ г. Бакунинымъ. Г. Бакунинъ преклоняется передъ фактомъ, идеализируетъ дѣйствительность, а такъ какъ въ дѣйствительности исполненіе долга (и чѣмъ онъ выше, и шире понимается — тѣмъ больше) часто ведетъ за собою настоящее «страданіе», то понятно, что г. Бакунину ничего и не оставалось сдѣлать, какъ признать не только необходимость, но и разумность страданія, принципиально отождествить его съ «долгомъ», сдѣлать его цѣлью человѣческаго существованія. Г. Ба-

кунить логиченъ. Но эта логичность не мѣшаетъ и даже способствуеъ превращенію всего его ученія въ сумбуръ не простой, а на подкладкѣ какого-то отвлеченнаго, разсудочнаго, теоретическаго безчеловѣчія.

Дальнѣйшее, какъ выразался Достоевскій, «теченіе мыслей» г. Бакунина имѣетъ интересъ почти исключительно увеселительный. Свидѣтельствомъ нечезновенія въ современныхъ людяхъ идеи долга «служить и успѣхъ» современнаго ученія, которымъ, подъ именемъ детерминизма, отрицается самая свобода человѣка». Не г. Бакунину бы это говорить и не намъ, прочитавшимъ его книгу, это отъ него слушать. Оставляя пока злополучный детерминизмъ, котораго, кажется, только дѣланный не трепаль, въ сторонѣ, мы спросимъ г. Бакунина: да кто же больше его и хуже его отрицалъ именно свободу человѣка? Развѣ говорить, что свобода человѣка «не въ вещахъ», т. е. въ совершенно осязательныхъ и въ очень хорошо и давно обследованныхъ явленіяхъ, а въ «безусловномъ смыслѣ», т. е. въ чемъ-то невѣсомомъ и неудопопнотномъ,— развѣ это не значитъ отрицать въ самомъ корнѣ человѣческую свободу? А развѣ отрицать право человѣка даже «предъявлять требованія» къ жизни не значитъ топтать въ грязь его нравственную и умственную свободу? А бросать его подъ тяжкую колесницу торжествующаго бога — дѣйствительности и, во имя ея хвалебой «справедливости», отрицать у него даже право стонать и корчиться отъ боли,— это какъ называется? защитой человѣческой свободы или поруганіемъ ея? Но всего прелестнѣй ссылка эта на «детерминизмъ». Детерминизмъ—чисто научная доктрина, отрицающая свободу воли человѣка, какъ одного изъ атомовъ въ безкопечной цѣпи причинъ и слѣдствій, но никакой стороной своей не касающаяся личности, какъ члена общества, какъ гражданина. О «свободѣ въ вещахъ» детерминизмъ не разсуждаетъ, потому что это совсѣмъ не его дѣло, и слушать тутъ его совѣтовъ никто не станетъ. Такимъ образомъ, если меня или г. Бакунина тащить или не пускаетъ «вещь», въ родѣ Мырцова, намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности утѣшать себя тѣмъ соображеніемъ, что Мырцовъ детерминированъ отъ вѣка, и тѣмъ также, что онъ тащитъ меня, мое бречное тѣло, а не мой «безусловный смыслъ», у котораго шворота не имѣется,— намъ нужно

просто оборониться, и все тутъ. Причемъ тутъ детерминизмъ и «успѣхъ этого современнаго ученія»? Этотъ успѣхъ — чисто научный, теоретическій. Всѣ факты имѣютъ свои причины, которыя, въ свою очередь, имѣютъ свои причины, а тѣ опять свои и такъ далѣе. до безконечности, къ началу всѣхъ началъ. Ничего противъ этого разсужденія въ логическомъ смыслѣ сказать нельзя, но что жъ изъ этого слѣдуетъ? Какія измѣненія произойдутъ въ моемъ нравственномъ мірѣ отъ усвоенія мною этого принципа? Ровно никакихъ. Въдѣ мое пегодованіе, моя любовь и ненависть, моя жалость и сострадательность, вся эта буря разнородныхъ, волнующихъ меня чувствъ, — все это остается въ своей прежней силѣ, независимо ни отъ моей воли, ни отъ моего разума и по-прежнему продолжаетъ вліять на мои поступки и подвигать на нихъ. Г. Бакунинъ, если разсуждать теоретически, написалъ свою книгу потому, что не могъ ея не написать, а я теперь говорю, опять-таки, потому, что не могу не сказать, что его книга — дурная и вредная книга. Г. Бакунинъ «невиновать» въ своей книгѣ, но столь же мало виновать и я, пнкримпипруя ему ее. Какой, подумаешь, удивительный переворотъ произошелъ въ нашихъ отношеніяхъ, какой огромный практический результатъ произтекъ изъ усвоеннаго нами принципа «детерминизма»!

Еще одно замѣчаніе. Въ заключеніе своей обличительной тетради, г. Бакунинъ, какъ читатель видѣлъ, заявляетъ, что идею долга, какъ идею труда, страданія и смерти, «знаетъ только старое поколѣніе, хранящее, какъ заветъ всего прошедшаго, древнее чловѣческое преданіе, съ единственною надеждою передать его во всей цѣлости за нимъ слѣдующему молодому поколѣнію». Я не чувствую за собою никакого, ни умственнаго, ни нравственнаго, права говорить за молодое поколѣніе, давать за него какіе бы то ни было отвѣты. Но я имѣю право высказать свою мысль и выразить свое личное чувство. Если вы, г. Бакунинъ, чловѣкъ точно искренній, если ваше сознаніе не окончательно затуманено, и вы еще въ состояніи сколько-нибудь справедливо судить о фактахъ, — вы должны раскаться въ своей книгѣ. Не потому ваше «слово» душно, что оно «западало», а потому, что оно не по адресу направлено. Все, что вы могли бы сдѣлать, не нарушая никакихъ «заветовъ» и не роняя ни своего личнаго, ни парціального достоин-

ства—это сказать: «пши! отпущаеш!»), и не съ безсильною стар-
ческой злобою, а съ миромъ и покоемъ душевнымъ очистить
путь тому, что еще только начинаеть жить, хочетъ жить и
будеть жить.

Н. Морозовъ.

Чарльсъ-Робертъ Дарвинъ.

(Критико-біографическій этюдъ).

„Геній составляетъ достояніе всего
чловѣчества“.

* * *

(Посвящается М. К. С—ой).

Читатель, конечно, знаетъ изъ газетъ о смерти одного изъ самыхъ крупныхъ представителей науки нашего времени—Чарльса Дарвина.

Имя Дарвина давно извѣстно русской читающей публикѣ и мы врядъ ли преувеличимъ, если признаемъ, что развитіе всего научнаго кругозора въ 19 столѣтіи въ громадной степени подверглось вліянію идей этого великаго ученаго. Дѣйствительно, не только въ области наукъ естественныхъ, но и въ сферѣ социологической науки ученіе Дарвина произвело громадный, коренной переворотъ и преобразование. Антропологическія, этнологическія, психологическія и социологическія изысканія нашего времени считаютъ появленіе идей Дарвина эпохой въ своемъ развитіи. Извѣстная мысль, высказанная, кажется, Боклемъ, что социологія идетъ рука объ руку съ развитіемъ біологическихъ знаній, получила со времени Дарвина блестящее подтвержденіе. И какія бы превращенія не претерпѣло въ будущемъ это ученіе, творецъ его навсегда останется истиннымъ создателемъ социальной науки. Вотъ что говоритъ по этому поводу знаменитый соотечественникъ Дарвина, талантливый натуралистъ А. Уэллсъ, который, какъ извѣстно, почти одновременно съ Дарвиномъ и притомъ совершенно самостоятельно пришелъ къ одинаковымъ съ нимъ выводамъ относительно теоріи подбора: «Наибольшее значеніе Дарвина заключается не въ томъ, что

онъ несогрѣшимъ, но въ томъ, что онъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и замѣчательной критикой создалъ новую систему изслѣдованія, основанную на нѣкоторыхъ общихъ законахъ, почти на столько же простыхъ, какъ законъ тяготѣнія и плавящихся настолько же широкое значеніе. И если современемъ окажется, что существуютъ другія основныя положенія, и что нѣкоторыя изъ положеній Дарвина совершенно или отчасти невѣрны, то и это доказать возможно, только слѣдуя за Дарвиномъ, пользуясь указаннымъ имъ методомъ и разработывая собранный имъ матеріалъ. «Происхожденіе видовъ» и длинный рядъ послѣдующихъ работъ вызвали въ біологіи цѣлый переворотъ; они внесли новыя идеи и въ высшей степени плодотворныя принципы, вдохнули въ науку новую жизнь и новыя силы и создали неожиданную отрасль знанія, которую старательно разрабатываютъ сотни изслѣдователей. Какимъ бы измѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ его положеній ни потребовалось, Дарвинъ навсегда останется творцомъ философіи біологіи».

У насъ въ Россіи, пожалуй не одинъ западно-европейскій ученый (не говоря уже о туземныхъ знаменитостяхъ) не пользовался такой популярностью (хотя зачастую на Дарвина и сыпались наивидѣтскія и безсмысленныя обвиненія¹⁾), какъ гениальный англійскій мыслитель.

Даже несомнѣнное охлажденіе русскаго общества (особливо за послѣдніе 10—15 лѣтъ) къ естествознанію ни мало не отразилось на прочномъ успѣхѣ у насъ сочиненій Дарвина, которыя, по мѣрѣ появленія ихъ въ свѣтъ, тотчасъ же переводились на русскій языкъ и читались съ неослабнымъ интересомъ и увлеченіемъ. Такова сила, присущая однимъ гениальнымъ натурамъ. Дѣйствительно, сила генія Дарвина такъ колоссальна, что его какъ Гомера можно съ пользою читать и старъ, и младъ, и присяжный спеціалистъ и дилетантъ, и просто темный людъ, и всѣмъ онъ дастъ многое и разъясняетъ массу всевозможныхъ вопросовъ и сомнѣній. Классическіе труды Дарвина «О происхожденіи видовъ» и «О происхожденіи человѣка и половомъ подборѣ» составляютъ отнынѣ

¹⁾ Одна извѣстная петербургская газета съ откровеннымъ направленіемъ, удачно охарактеризованнымъ въ «Письмахъ къ тетенькѣ», ухитрилась даже объявить, что «увлеченіе идеями Дарвина привело къ грубому поклоненію динамиту».

непобѣдный фундаментъ. безъ котораго немислима ни одна самая плохенькая русская общественная библиотечка, въ какомъ бы невообразимомъ захолустьи она не существовала или не возникла; нынѣ, можно сказать съ увѣренностью, не осталось никого изъ читающаго люда, кому не было бы извѣстно имя Дарвина; про натуралистовъ и говорить нечего, всѣ они подѣлились или на горячихъ сторонниковъ «дарвинизма» или на ярыхъ враговъ его, хотя и между натуралистами антидарвинисты считаются единицами. Какъ для земли необходимы рѣки и перешейки, такъ и для человечества необходимы люди, которые бы связывали народы. Въ наше время наукъ и литературъ всецѣло принадлежитъ роль интернаціональных посредниковъ, при помощи которыхъ устанавливается братское единеніе и общеніе различныхъ народностей, и русское общество, въ силу ли своей исконной толерантности вообще ко всему иноземному, или же въ силу своей не менѣе исконной бѣдности въ талантливыхъ работникахъ на поприщѣ науки и знанія, всегда съ чисто русскимъ широкимъ гостеприимствомъ чествовало любого изъ своихъ иностранныхъ учителей, и, конечно, никто въ такой мѣрѣ не заслужилъ глубочайшей признательности и вниманія со стороны русскаго общества, какъ недавно усопшій великій англійскій мыслитель, а потому появленіе этюда о немъ (хотя, къ сожалѣнію, и краткаго) на страницахъ русскаго органа, который всегда былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ философскому и общественному значенію великаго ученія Дарвина, представляется намъ вполне уместнымъ. Нельзя не признать вмѣстѣ съ Вагнеромъ, что ни одному столѣтію не выпало на долю того широкаго міросозерцанія, до котораго мало по малу теперь доходить думающее человечество, и дверь въ это міросозерцаніе открылъ намъ Чарльсъ Дарвинъ.

Чарльсъ-Робертъ Дарвинъ родился въ Шерюзбюри въ Англии, 12 февраля 1809 г. Его дѣдъ былъ извѣстный Эразмъ Дарвинъ, котораго многіе ошибочно считаютъ отцемъ ¹⁾ великаго натуралиста. Эразмъ Дарвинъ въ свое время также пользовался извѣст-

¹⁾ Отецъ Дарвина былъ докторъ—Робертъ Дарвинъ. Дѣдъ съ материнской стороны извѣстный въ физикѣ изобрѣтатель пирометра Веджвуда. Такимъ образомъ, въ самомъ Ч. Дарвинѣ мы видимъ какъ притиръ аккумуляціи наследственнаго таланта.

постью, какъ хорошій естествоиспытатель, врачъ и поэтъ. Его знаменитое сочиненіе «Зоопоміа» пользуется и понинѣ заслуженной репутаціей среди психіатровъ и психологовъ: по крайней мѣрѣ Маудсли *) въ восхищеніи отъ идей, которыми пронизануто это капитальное сочиненіе. Однако, мы далеко не можемъ признать справедливымъ парадоксальное положеніе Н. Вагнера, который по этому поводу говоритъ слѣдующее: «Въ жизни и наукѣ все развивается, все осложняется постепенно, послѣдовательно. Мы не знаемъ, гдѣ начало этого развитія, мы не знаемъ ни конца, ни границъ его. Передъ нашими глазами стоитъ только одно несомнѣнное міровое явленіе и это явленіе называется развитіемъ, эволюціонизмомъ. Вотъ тотъ принципъ, который внесъ Дарвинъ въ мысль 19-го столѣтія. Какъ всякая великая міровая истина не является вдругъ, такъ точно и мысль о эволюціонизмѣ явилась не вдругъ. Дарвинъ имѣлъ также своихъ предшественниковъ, и между ними ближе другихъ къ нему стоитъ его дѣдъ, д-ръ Эразмъ Дарвинъ. Можетъ быть, мысль объ измѣнчивости, непостоянствѣ формъ растеній и животныхъ унаслѣдована сознательно или безсознательно внукомъ отъ дѣда». Конечно, мы далеки отъ мысли отрывать въ Дарвинѣ связь его съ предшествующими ему героями мысли, но рѣшительно не понимаемъ, что разумѣетъ г. Вагнеръ подъ темнымъ терминомъ «безсознательное унаслѣдованіе». Біографическія данныя о Дарвинѣ отличаются, къ сожалѣнію, до сихъ поръ необычайной скудностью. Да оно и понятно, если принять во вниманіе, что Дарвинъ всю свою жизнь провелъ въ тиши лабораторныхъ и кабинетныхъ занятій, и хотя и имѣлъ почетное званіе профессора, но самъ никогда не читалъ лекцій. Вся біографія его такимъ образомъ сводится къ анализу его великихъ трудовъ на поприщѣ науки. Дарвинъ, какъ человекъ и какъ ученый, нераздѣлимъ. Первое свое образованіе Дарвинъ получилъ въ общественной школѣ на родинѣ, затѣмъ поступилъ въ эдинбургскій университетъ, гдѣ пробылъ всего только 2 года и перешелъ въ Кембриджъ, откуда и получилъ въ 1831 году академическую степень бакалавра искусствъ (*Baccalaureus artium*), нѣчто въ родѣ телерешнаго доктора естественныхъ (философскихъ) наукъ. Чѣмъ онъ занимался специально

*) См. физиологію и патологию души.

въ продолженіи своего курса, говоритъ біографъ Дарвина (І. Шенеманъ), въ точности неизвѣстно; но изъ его сочиненій видно, что въ Кембриджѣ онъ былъ ревностнымъ посѣтителемъ лекцій профессора естественной исторіи Генслоу. Прямо со школьной статьи, всего на 22 году жизни, молодой ученый уже принялъ участіе въ кругосвѣтномъ путешествіи, въ качествѣ естествоиспытателя, и такимъ образомъ получилъ возможность широко развернуть свои способности и обнаружить, до какой степени онъ великъ въ дѣлѣ производства наблюдений и объясненій явленій природы. Тогда уже трудолюбіе его было безгранично и знанія громадны. Путешествіе продолжалось около 5 лѣтъ. Оно было предпринято на частныя средства, причемъ Дарвинъ, какъ человѣкъ весьма состоятельный, отказался отъ всякаго вознагражденія, выговоривъ себѣ право собственности на всѣ имѣющія образоваться коллекціи. Собранный матеріалъ былъ такъ великъ, что въ теченіи послѣдующихъ 4-хъ лѣтъ Дарвинъ при содѣйствіи нѣсколькихъ ученых¹⁾ занялся одной только разработкой и описаніемъ всего привезеннаго²⁾.

Мы не будемъ анализировать матеріалъ, собранный Дарвиномъ во время его плодотворнаго путешествія; молодой ученый посѣтилъ Бразилію, острова Южной Америки и другія мало изслѣдованныя въ то время земли; и уже тогда умъ его обратилъ вниманіе на невѣрность общепризнанныхъ въ то время классификацій разнчныхъ видовъ животныхъ, и тогда уже зародилось зерно будущихъ великихъ идей, которыми проникнуто главное сочиненіе Дарвина «О происхожденіи видовъ». Тогда уже молодой естество-

¹⁾ Ричардъ Оуэнъ, Уатергузъ, Дж. Гоудъ, Дженнингъ.

²⁾ Путевыя замѣтки Дарвина переведены на русскій языкъ подъ заглавіемъ: «Путешествіе вокругъ свѣта на корабль Бигль». Но весь собранный матеріалъ подвергнулся систематической обработкѣ только въ двухъ слѣдующихъ сочиненіяхъ, непереведенныхъ на русскій языкъ: 1) «Зоологическія свидѣнія изъ путешествія Бигля» (The zoology of the voyage of H. M. S. *Beagle* under the command of captain Fitz-Roy during the years 1832 to 1836. 5 v.) и 2) журналъ естественно-историческаго и геологическаго изслѣдованія странъ, посѣщенныхъ во время кругосвѣтнаго путешествія Бигля (Journal of researches into of natural history and geology of the countries visited during the voyage of H. M.'s *Schip Beagle* round the world under the command of captain Fitz-Roy by Ch. Darwin. 3 v.).

испытатель глубоко задумывался надъ коренными вопросами общественныхъ явленій. и колоссальный умъ его давалъ ключъ къ уразумѣнію встрѣчаемыхъ апоральноностей. Посѣтивъ извѣстный грапитный холмъ близъ Го-Манейро, служившій долгое время убѣжищемъ бѣглыхъ невольниковъ, которые наконецъ были переловлены здѣсь и снова отведены въ рабство, за исключеніемъ одной старухи, рѣшившейся лучше броситься со скаль, нежели снова перенести униженіа рабства, Дарвинъ высказалъ весьма характерное замѣчаніе: если бы это сдѣлала какая-нибудь римлянка, сказалъ онъ, то это назвали бы благородной любовью къ свободѣ; но какъ подвигъ бѣдной негрятки—это въ глазахъ многихъ просто грубое упрямство. Вспомнивъ жизнь негровъ-рабовъ, молодой ученый не можетъ сдержать глубокаго чувства негодованія, раздражается противъ рабства и возмущается, каковымъ образомъ такое гнусное явленіе можетъ уживаться рядомъ съ христіанскою формулою: «люби ближняго, какъ самого себя». Недаромъ профессоръ Гексли, лицо весьма компетентное, чтобы говорить о Дарвинѣ въ своей замѣткѣ посвященной памяти знаменитаго ученаго (Nature), признаетъ, что Дарвинъ былъ одаренъ наивысочайшимъ разумомъ и характеромъ, который благородствомъ своимъ превышалъ даже его разумъ (an intellect which has no superior and a character which was even nobler than the intellect¹).

«Одну изъ отличительныхъ особенностей нашего времени, говоритъ Вальтеръ Беджотъ въ своемъ образцовомъ трудѣ о «естествознаніи и политикѣ», составляетъ быстрое приобрѣтеніе множе-

¹) Дальше въ своей рѣчи Гексли говоритъ, что не только въ Англіи, но и во Франціи, въ Германіи, Австро-Венгріи, Италіи и въ Соединенныхъ штатахъ (и конечно въ Россіи, прибавилъ мы) всѣ, кому приходились прислушиваться къ общественному мнѣнію, убѣждены, что мыслящее человечество сознаетъ великое значеніе Дарвина. Представители печати знаютъ, что многія тысячи изъ числа ихъ читателей взглянуть на смерть Дарвина, какъ на потерю для человечества и будутъ интересоваться его біографіей.

Писатели всѣхъ отгѣнковъ мнѣній съ замѣчательнымъ единодушіемъ воздали должное памяти знаменитаго нашего соотечественника, значеніе котораго при жизни (какъ это ни кажется страннымъ) не было официально признано англійскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе волею интеллигенціи англійскаго народа, Дарвинъ послѣ смерти приобщенъ къ великимъ мужамъ, покоящимся въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ.

ства естествонаучныхъ знаний. Врядъ ли отыщется теперь хотя одинъ отдѣлъ науки или техники, который находился бы въ томъ же или почти въ томъ же состояніи, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Новый видимый міръ пзобрѣтеній, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ выросъ около насъ; другой, невидимый міръ идей носится кругомъ и дѣйствуетъ на насъ».

Теоріи Дарвина и всѣхъ ся послѣдователей въ примѣненіи къ человѣку принадлежатъ, повторяемъ, особенная заслуга освѣщенія самыхъ темныхъ уголковъ человѣческаго знания. Мы отнюдь не считаемъ преувеличеніемъ взглядъ, по которому гипотеза Дарвина имѣетъ для современной науки такое же важное значеніе, какое имѣла система Коперника для его времени.

Область знаний, захваченная великой научной идеей Дарвина, необычайно велика, и въ силу этого обстоятельства съ помощью ея рѣшаются такіе вопросы, которые на первый взглядъ не имѣютъ съ ней ничего общаго. Принципы, высказанные Дарвиномъ, оказались пригодными не только для животныхъ, какъ это казалось въ моментъ появленія дарвиновской гипотезы, но и для всей исторіи человѣчества. Даже такіа науки, какъ соціологія и юриспруденція, перестроились заново на основаніи естественнонаучныхъ данныхъ подъ напоромъ новыхъ идей преимущественно павѣянныхъ гениальной теоріей Дарвина ¹⁾. Мы полагаемъ, что не

¹⁾ Въ подтвержденіе справедливости нашего положенія, достаточно указать, что, благодаря прогрессивному движенію точныхъ наукъ и безпристрастному изученію природы, законодательства всѣхъ странъ очистились отъ законовъ о колдовствѣ и пыткахъ, законовъ, основанныхъ на совершенномъ невѣдѣніи человѣческой природы. Нечего и говорить, какое громадное влияние на уголовное право и судопроизводство оказали новѣйшіе успѣхи анатоміи, физиологіи и химіи.

Г. Фикъ въ своей крайне интересной статьѣ «теорія Дарвина на юридической почвѣ». (Знаніе, 1872, № 12) доказываетъ даже, что открытія современныхъ естественныхъ наукъ прямо или косвенно имѣютъ существенное влияние не только на гражданское судопроизводства, но и въ области матеріальнаго гражданского права и торговаго права. Конечно статья Цюрихскаго профессора г. Фика составляетъ не болѣе какъ оригинальную попытку построенія общественнонаучной теоріи на основаніи естественнонаучныхъ данныхъ, но тѣмъ не менше она не лишена сорьезнаго значенія для рациональнаго толкованія законодательства прошлаго времени.

осталось ни одной изъ безчисленныхъ отраслей естествознанія, гдѣ бы не сознавалось потребности обратиться за помощію къ той же теоріи въ видахъ освѣщенія многихъ темныхъ мѣстъ и разъясненія спорныхъ вопросовъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ своего путешествія, Дарвинъ женился (1839 г.) на своей двоюродной сестрѣ и съ тѣхъ поръ почти безвыѣздно до самой своей смерти прожилъ въ своемъ имѣніи въ Даунѣ. Семейная жизнь Дарвина намъ неизвѣстна, однако нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ счастливъ въ своей семейной жизни, покрайней мѣрѣ онъ имѣлъ на то полное право, хотя, судя по извѣстному изрѣченію Мура, умы высшаго полета рѣдко уживаются съ патриархальной обстановкой семейнаго быта. Одинъ изъ сыновей Дарвина (Джоржъ) числится въ рядахъ лучшихъ ученыхъ родной страны и по справедливости всегда составлялъ утѣшеніе и гордость своего великаго отца. Почти двадцать лѣтъ долгихъ кропотливыхъ занятій прошло прежде, чѣмъ Дарвинъ рѣшился выступить съ своимъ капитальнѣйшимъ произведеніемъ (*On the origin of species by means of natural Selection or the preservation of the favoured races in the struggle for life. London. 1859*), которое сразу поставило его во главѣ современныхъ біологовъ. До этого времени имя Дарвина хотя и пользовалось извѣстностью¹⁾, но подобная извѣстность выпадаетъ на долю цѣлой сотни добросовѣстныхъ работниковъ и ученыхъ. Съ этого же времени не осталось ни одного истинно-образованнаго челоуѣка, который бы не зналъ имени Дарвина, имени, которое даже сдѣлалось настоящимъ лозунгомъ для людей извѣстнаго направленія. Викторъ Карусъ (*Geschichte der Zoologie*), новѣйшій историкъ зоологій, слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ значеніе этого сочиненія Дарвина: «съ теоріей Дарвина, говоритъ Карусъ, начинается новый періодъ, въ которомъ зоологія выступаетъ изъ круга лишь описательныхъ наукъ, вступая въ кругъ наукъ объясняющихъ, какъ вслѣдствіе

¹⁾ Кроме цитированныхъ нами выше монографій Дарвина, онъ издалъ въ свѣтъ въ 51—53 годахъ превосходную монографію подъ заглавіемъ «*On sуггі pedia*» и затѣмъ немного позже другой трудъ: «*On fossie sуггі pedia*». Обѣ эти работы и по нынѣ составляютъ цѣнное достояніе и по отзывамъ знатоковъ представляютъ образцовое изслѣдованіе, касающееся одной изъ любопытныхъ страницъ зоологій.

яснаго пониманія своей задачи, такъ и вслѣдствіе того взноса, который сдѣлалъ для зоологіи Дарвинъ для приблизительнаго рѣшенія этой задачи».

Эрнестъ Геккель, горячій приверженецъ эволюціонизма, говоритъ, что «безсмертная заслуга Дарвина будетъ вполне оцѣнена только тогда, когда теорія развитія, восторжествовавъ надъ всѣми противоположными теоріями, будетъ принята основнымъ принципомъ какъ антропологіи, такъ и вообще всѣхъ отраслей науки».

Любопытно, что Дарвинъ не раньше, какъ послѣ настоячивыхъ убѣжденій своихъ друзей, знаменитаго геолога Лайеля и извѣстнаго ботаника Гукера, рѣшился обнародовать свою теорію о происхожденіи видовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Лайель: «часть рукописи проэктированнаго сочиненія была прочтана д-ру Гуверу еще въ 1844 году и нѣкоторые изъ главныхъ результатовъ сообщались мнѣ въ различное время. Д-ръ Гукеръ и я нѣсколько разъ уговаривали его не откладывать обнародованіе своихъ результатовъ, но напрасно, такъ какъ онъ не желалъ прерывать своихъ изслѣдованій (и это въ вопросѣ о результатахъ своихъ двадцатилѣтнихъ трудовъ!); пока, наконецъ, Альфредъ Уэллсъ, занимавшійся въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ собираніемъ и изученіемъ животныхъ восточнаго индійскаго архипелага, вывелъ совершенно независимо, самъ по себѣ, одну изъ самыхъ новыхъ и важныхъ теорій Дарвина. Онъ изложилъ ее подъ заглавіемъ «О стремленіи видоизмѣненій уклоняться неопредѣленно отъ первоначальнаго типа». Статья была написана въ Тернатѣ, въ февралѣ 1858 года, и прислана г. Дарвину съ тѣмъ, чтобы показать мнѣ, если онъ сочтетъ ее достаточно новою и интересною. Д-ръ Гукеръ и я были того мнѣнія, чтобы ее немедленно напечатать и успѣли уговорить Дарвина обнародовать въ то же время одну изъ главъ его сочиненія «О происхожденіи видовъ» подъ заглавіемъ: «О стремленіи видовъ образовывать видоизмѣненія и объ увѣковѣченіи видовъ и видоизмѣненій путемъ естественнаго подбора». Молодой русскій ученый М. Мензбиръ, посвятившій памяти Дарвина прочувствованную статью, изъ которой мы заимствовали вышеприведенную цитату, совершенно правъ, замѣчая по этому поводу, что высокое нравственное качество творца эволюціоннаго ученія, умѣнье совершенно отрѣшиться

отъ всякаго личнаго чувства, способствовали успѣху ученія столько же, если не болѣе, сколько и умственныя качества Дарвина.

Идеи Дарвина относительно происхожденія видовъ и измѣняемости ихъ, очевидно, возникли у него еще во время кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ Бигль. Уже тогда не укрылось отъ его наблюдательнаго ума, что острова Галапагоскаго архипелага хотя и характеризуются весьма своеобразной растительной и животной природой, но несомнѣнно стоятъ въ близкомъ родственномъ отношеніи съ флорой и фауной Америки. Уже тогда Дарвинъ замѣтилъ, что великій отдѣльный островокъ индійскаго архипелага отличается своеобразной органической жизнью, хотя на всѣхъ представителяхъ обонхъ царствъ и запечатлѣно что-то родственное и близкое. Эти факты дали первый толчекъ къ анализу причинъ измѣняемости видовъ. Но для этого потребовалась гигантски-кропотливая работа, пришлось воздвигать все блестящее зданіе эволюціонизма камень за камнемъ, производить скрупулезные эксперименты надъ аналогичнымъ процессомъ возникновенія новыхъ породъ культурныхъ растений и домашнихъ животныхъ. Дарвинъ самъ сознается, что громадную услугу въ дѣлѣ уясненія этихъ причинъ оказало ему внимательное чтеніе сочиненій Мальтуса «О народонаселеніи», причемъ у него впервые возникла мысль о зависимости образованія видовъ отъ естественнаго подбора путемъ борьбы за существованіе.

Переходя къ сущности теоріи Дарвина, выраженной имъ въ своемъ сочиненіи «О происхожденіи видовъ», мы позволимъ себѣ резюмировать ее лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ, между прочимъ въ виду также и того обстоятельства, что большинству читателей эта теорія должна быть хорошо извѣстна. Собственно говоря, гипотеза о происхожденіи и усовершенствованіи видовъ зиждется на трехъ кардинальныхъ законахъ природы: 1) на передачѣ путемъ наследственности отъ родителей потомкамъ всѣхъ особенностей нравственной и физической организаціи; 2) на медленной, но неуклонной измѣняемости всѣхъ органическихъ существъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ измѣненій окружающихъ условій или подъ вліяніемъ неизвѣстныхъ (случайныхъ), неточно опредѣленныхъ еще условій. Дѣйствительно, массы, можно сказать, повседневныхъ фактовъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ передачѣ путемъ наследственности извѣстныхъ признаковъ отъ

родителей къ потомкамъ. Значеніе же измѣняемости подъ вліяніемъ измѣненій окружающихъ условій настолько очевидно, что давно уже человѣкъ умѣлъ выбирать для прилода такихъ особей, дальнѣйшее полученіе которыхъ почему либо было ему желательно или выгодно. Путемъ подбора извѣстныхъ особенностей человѣкъ создалъ всѣ спол культурныя растенія и домашнихъ животныхъ. Перенося вліяніе наслѣдственности и измѣняемости на весь органическій міръ, Дарвинъ выяснилъ, что роль искусственнаго подбора, которую взялъ на себя человѣкъ по отношенію къ одомашненнымъ животнымъ и растеніямъ, играетъ 3-й законъ природы, именно стремленіе всѣхъ организмовъ размножаться и притомъ въ такой степени, что наличныя средства для пропитанія не могутъ покрывать всей потребности, обусловливаемой возрастаніемъ органической жизни (формула Мальтуса); отсюда необходимость естественнаго подбора, т. е. борьбы за существованіе въ силу роковой необходимости. На этомъ основаніи, всякая особенность, которая такъ или иначе дастъ обладателю ея лишніе шансы въ борьбѣ за существованіе, можетъ надѣяться путемъ наслѣдственности укрѣпиться въ потомствѣ и вызвать къ жизни особый видъ съ извѣстнымъ постояннымъ признакомъ и уничтожить, стереть съ лица земли недѣлимыхъ другаго вида.

Въ томъ случаѣ, когда размноженіе совершается при посредствѣ двухъ половъ—къ естественному подбору, т. е. къ борьбѣ за существованіе, присоединяется борьба за прекрасный полъ (половой подборъ), какими бы способами она не велась (хитрость, умъ, сила, вѣжность, красота etc) и какой бы полъ не игралъ роль прекраснаго (у многихъ птицъ прекрасный полъ есть мужескій). Такимъ образомъ половой и естественный подборъ является главнымъ факторомъ при измѣняемости и усовершенствованіи видовъ (но не единственнымъ, какъ полагаютъ слѣпые послѣдователи дарвинизма). Въ одномъ изъ послѣдующихъ своихъ сочиненій: «Происхожденіе человѣка и половой подборъ» Дарвинъ сводитъ къ вліянію указанныхъ факторовъ происхожденіе всѣхъ отличительныхъ особенностей человѣческихъ расъ и національностей, словомъ—развитіе всего человѣческаго рода, причемъ благодаря этимъ факторамъ, по его смѣнію даются, условія для безко-

вечнаго совершенствованія всѣхъ нравственныхъ и социальных¹⁾ свойствъ народовъ, ихъ обрядовъ, обычаевъ, учреждений, формъ общенія и пр. Такимъ образомъ, вліяніе этихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ теченіе многихъ сотенъ тысячъ лѣтъ, привело не только къ созданію новыхъ видовъ, но обусловило образованіе новыхъ родовъ, семействъ, порядковъ, классовъ и отдѣловъ. Всѣ они хотя и приспособлены къ измѣненнымъ условіямъ жизни, но тѣмъ не менѣе представляютъ генетическую связь съ своими предками, которые вытѣснены ими. Такимъ образомъ, вся систематика животнаго царства можетъ быть выражена въ видѣ громаднаго дерева, различныя вѣтви котораго, происходя отъ общихъ корней (двухъ по Дарвину) имѣютъ всѣ между собой ближайшую родственную связь.

Однако мы считаемъ справедливымъ здѣсь же замѣтить, что въ настоящее время многіе крупныя и выдающіеся ученые, какъ-то: Келликеръ, Негели, Вигандъ, Браунъ нѣсколько обособились отъ дарвинизма и, будучи въ сущности приверженцами великаго ученаго, внесли существенную поправку въ его теорію, указывая на необходимость признанія кромѣ естественнаго подбора еще особаго внутренняго фактора (условіе самой природы организма), опредѣляющаго также развитіе органическихъ формъ. Я позволю себѣ привести по этому поводу слова моего уважаемаго друга Л. К. Попова, одного изъ наиболѣе яркихъ и безпристрастныхъ популяризаторовъ идей Дарвина у насъ въ Россіи. «Ученіе Дарвина», говоритъ Л. Поповъ, «подлежитъ переборкѣ, преобразованію и значительнымъ дополненіямъ. Правда, идея развитія до настоящаго времени составляетъ такую же альфу и омегу въ біологіи, какою до Дарвина служала идея о постоянствѣ видовъ; но этого нельзя сказать о теоріи естественнаго подбора; теорія эта

¹⁾ Рассмотрѣніе статистическихъ данныхъ по вопросу о бракъ и смертности особенно рѣзко убѣждаетъ въ громадномъ вліяніи естественнаго подбора на эти стороны жизни во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Такъ, Кольбъ точными цѣнами показалъ, что число браковъ колеблется въ зависимости отъ цѣны на хлѣбъ: число ихъ падаетъ при дороговизнѣ и наоборотъ увеличивается при удешевленіи хлѣба. Точно также смертность сильнѣе между незаконнорожденными дѣтьми, нежели между законнорожденными и средняя продолжительность жизни бѣдняка значительно менѣе средней продолжительности челоука изъ состоятельныхъ классовъ (52:30).

далеко не отличается той универсальностью, какую видятъ въ ней дарвинисты (вѣрнѣе сказали-бы мы, слѣпые приверженцы дарвинизма). Крайнее увлеченіе дарвинизмомъ уже принесло свои плоды: оно обнаружило значительную односторонность по отношенію ко многимъ въ высокой степени сложнымъ біологическимъ явленіямъ. Подчпняя эти явленія вѣшнимъ условіямъ, условіямъ окружающей среды, уча только о приспособленіи къ послѣдней и не принимая во вниманіе противоположныхъ факторовъ, внутреннихъ условій самой природы организма, или не придавая этимъ факторамъ надлежащаго значенія, теорія естественнаго подбора по необходимости отличается нѣкоторой односторонностью». Конечно, приводя эту цитату, мы отнюдь не имѣемъ въ виду сколько нибудь умалить великія заслуги Дарвина, какъ не имѣлъ въ виду умалить ихъ и самъ авторъ цитаты, какъ не можетъ ихъ умалить также и то обстоятельство, что идея о преимуществахъ органическихъ формъ была высказываема гораздо раньше, въ видѣ намековъ, сперва знаменитымъ французскимъ мыслителемъ Лаваркомъ (1809), а затѣмъ Ноденомъ и Левокомъ. Эти ученые только намекнули на эту идею, тогда какъ Дарвинъ первый широко развилъ ее, точно формулировалъ и обобщилъ.

Съ 1859 года труды Дарвина довольно быстро слѣдовали одинъ за другимъ, и всякое новое сочиненіе, всякій новый трактатъ знаменитаго мыслителя неотразимо привлекли къ себѣ весь образованный міръ. Любопытство и ожиданіе общества были возбуждены до такой степени, что не успѣвало сочиненіе появиться на англійскомъ языкѣ, какъ его тотчасъ же переводили на русскій, нѣмецкій, французскій и другіе европейскіе языки. Въ 23 года, протекшихъ съ 1859 г., Дарвинъ издалъ десять крупныхъ сочиненій и множество мелкихъ, болѣе спеціальныхъ изслѣдованій и работъ, разбѣянныхъ въ лучшихъ англійскихъ научныхъ журналахъ и сборникахъ.—Изъ крупнѣйшихъ его работъ, появившихся вслѣдъ за «происхожденіемъ видовъ», отмѣтимъ необычайно богатый фактическимъ матеріаломъ знаменитый трудъ «Объ измѣненіяхъ животныхъ и растений вслѣдствіе прирученія», хотя при этомъ нельзя не сознаться, что теорія пангенезиса, которая проводится въ этомъ сочиненіи, далеко уступаетъ по ширинѣ научной мысли теоріи естественнаго подбора.

3-й капитальнѣйшій трудъ Дарвина было сочиненіе «О происхожденіи человѣка и о половомъ подборѣ». Въ немъ этотъ великій

объяснитель началъ развитія доказывалъ существованіе генетической связи между человѣкомъ и другими низшими животными формами.

Это сочиненіе вызвало дѣлую бурю, какъ того и опасались испуганные приверженцы направленія автора и серьезные поклонники его таланта. Безъ сомнѣнія, необычайная сложность затронутого вопроса съ антропологической точки зрѣнія объясняетъ тотъ фактъ, что это сочиненіе, при всей поразительной учености и гениальности автора, осталось однимъ изъ наиболѣе слабыхъ произведеній англійскаго мыслителя. «Едва только разнесся слухъ», говоритъ Мензбиръ, «что Дарвинъ выводилъ человѣка изъ низшей формы, какъ и всякое другое животное, какъ на него поднялась, почти поголовно, вся масса тѣхъ робкихъ умовъ, которые живутъ только традиціями и считаютъ непозволительнымъ какое бы то ни было самостоятельное проявленіе мысли. Дарвина называли атеистомъ, его ученіе безнравственнымъ, его поносили, надъ нимъ издѣвались, но вмѣстѣ съ тѣмъ его боялись; испугнутая имъ толпа мелкихъ умовъ не находила въ себѣ силъ для того, чтобы смотрѣть эволюціонному ученію прямо въ глаза, она хотя знала его по наслыжкѣ, но смутно чувствовала, что ночва, на которой вѣками крѣпили традиціи, всецѣло управлявшія ея существомъ, колебалась, что ея свѣтъ не былъ свѣтомъ и она не могла переносить луча истиннаго свѣта¹⁾. Въ это время Дарвинъ попалъ въ то положеніе, въ которомъ до него были уже многіе борцы за истину и которое предпосходно характеризуется слѣдующими словами, сказанными однимъ изъ людей, не мало вынесшихъ въ теченія своей жизни: какъ только новый и поразительный фактъ появляется въ наукѣ, говорятъ: «это неправда»; послѣ: «это противно религіи», и, наконецъ: «это уже давно извѣстно всему свѣту». Но Дарвинъ вышелъ по-

¹⁾ Въ 1872 Дарвинъ былъ предложенъ кандидатомъ въ члены-корреспонденты французской академіи наукъ по отдѣлу зоологій; но послѣ весьма страстныхъ преній (секретное засѣданіе) его забаллотировали. Французская академія поспѣшила стереть позорное пятно, накладываемое на нее (видно, всѣ академіи на одинъ ладъ!) этой забаллотировкой гениальнѣйшаго ученаго и въ 1878 году избрала его въ члены по ботанической секціи; ничего и говорить, что это избраніе вызвало дѣлмый взрывъ негодованія среди ультрамонтановъ.

бѣдителямъ даже изъ этой неравной борьбы, вышелъ побѣдителемъ, не вступая ни съ кѣмъ ни въ какія сдѣлки, не унижаясь до оправданія себя передъ тѣми, которые боялись услышать истину».

Въ этомъ случаѣ оправдалась извѣстная аксіома, которая лучше всего выражается слѣдующимъ афоризмомъ: воздухъ упругое тѣло; если его сжимать поршнемъ въ закрытомъ сосудѣ и довести силу давленія до извѣстной высоты, сосудъ можетъ лопнуть.

Мысль — гораздо упруге воздуха.

Третій капитальный трудъ Дарвина озаглавленъ: «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ»; это сочиненіе какъ бы дополняетъ «О происхожденіи человѣка». Прилагая принципы развитія и наследственности къ привычнымъ измѣненіямъ лица и жестовъ, автору и здѣсь удалось заложить прочный фундаментъ, хотя окончательное возведеніе всего зданія несомнѣнно принадлежитъ будущему. Въ этомъ сочиненіи Дарвинъ не только даетъ рациональное объясненіе множеству разрозненныхъ фактовъ изъ области выраженія человѣческихъ чувствъ, но вноситъ въ исторію человѣчества и высшихъ млекопитающихся совершенно новую главу, именно главу о развитіи выразительности. Гипотеза Дарвина, предложенная имъ для объясненія выразительныхъ движеній, какъ извѣстно, сводится къ установкѣ трехъ принциповъ, именно — принципа ассоціаціи полезныхъ привычекъ, принципа антитезы и принципа непосредственнаго дѣйствія нервной системы. Несомнѣнно, что въ наукѣ эта теорія пока отличается наибольшей простотой, причемъ она лучше всего исчерпываетъ всѣ существующія формы выразительныхъ движеній, благодаря которымъ только и можетъ существовать общежитіе ¹⁾. По поводу этой

¹⁾ «Выразительныя движенія лица и тѣла, говоритъ Дарвинъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, сами по себѣ весьма важны для нашего благоденствія. Они служатъ первымъ средствомъ сообщенія между матерью и ея ребенкомъ; она одобряетъ свое дитя улыбкою или поддерживаетъ его на пути добра или порицаетъ его нахмуриваясь. Мы легко замѣчаемъ сочувствіе другихъ по ихъ выраженію; такимъ образомъ облегчаются наши страданія и увеличиваются наши наслажденія, такимъ образомъ укрѣпляется и взаимное доброжелательство. Выразительныя движенія сообщаютъ живость и энергію высказаннымъ нами словамъ. Они выдаютъ чужія мысли и намеренія раньше, чѣмъ слова, которыя могутъ быть живы. Дѣйствія вса-

книжки Дарвина кто то совершенно вѣрно замѣтилъ: что ни одинъ образованный человѣкъ не можетъ не прочесть ее, если хочетъ стоять въ уровень съ современными пріобрѣтеніями мысли.

Рядъ дальнѣйшихъ сочиненій Дарвина посвященъ всесторонней разработкѣ основнаго принципа эволюціи и естественнаго подбора, который проходитъ сквозь всѣ труды этого автора; таковы «Объ орхидейныхъ растеніяхъ», «Движенія и привычки ползучихъ растеній», «Насѣкомоядныя растенія», «Коралловые рифы», «Значеніе перекрестнаго оплодотворенія и самооплодотворенія въ растительномъ царствѣ», «Способность движенія растеній» и наконецъ послѣднимъ сочиненіемъ Дарвина, вышедшимъ въ прошломъ году, было «Исслѣдованіе о роли дождевыхъ червей въ образованіи чернозема».

Геніальный труженникъ не складывалъ своего оружія до конца своей долгой жизни и за день до своей кончины былъ занятъ опредѣленіемъ какого-то новаго растенія¹⁾. Всякій новый трактатъ, выходившій изъ скромнаго кабинета даунскаго мыслителя, давалъ могучій толчокъ для новыхъ и новыхъ изслѣдованій, за которые принимались сотни европейскіхъ ученыхъ. Всякое новое изслѣдованіе вызывало къ жизни цѣлую громадную литературу и давало пищу безконечнымъ спорамъ среди ученаго міра.

Переходя къ общественному значенію ученія Дарвина, мы, конечно, должны категорически заявить, что считаемъ величайшимъ заблужденіемъ со стороны тѣхъ, кто полагаетъ, что ученіе это проповѣдуетъ ожесточенную, не на животъ, а на смерть, борьбу между отдѣльными членами общества и такимъ образомъ какъ бы санкціонруетъ подчиненіе и погибель слабыхъ и произ-

наго рода, если они постоянно соутствуютъ нѣкоторому состоянію духа, сразу бываютъ признаны за дѣйствія выразительныя. Они могутъ состоять изъ движеній какой бы то ни было части тѣла; таковы: маханіе хвостомъ у собаки, у человѣка пожиманіе плечами, подниманіе волосъ дыбомъ, выступленіе нота, измѣненіе въ кровообращеніи въ волосныхъ сосудахъ, затрудненное дыханіе и употребленіе органовъ голосовыхъ или другихъ, производящихъ звукъ. Даже насѣкомыя выражаютъ гнѣвъ, ужасъ, ревность и любовь трескучими звуками (stridulation). Для человѣка особенную важность по выразительности имѣютъ органы дыханія, не только въ прямомъ, но еще болѣе въ косвенномъ отношеніи. (I. с. стр. 365, 350 и слѣд.).

¹⁾ См. рѣчь Вирхова въ берлинскомъ антропологическомъ обществѣ.

поль спльныхъ. Подобный взглядъ напоминаетъ одну изъ Гоборн-кинскихъ героинь изъ кунеческой среды (Китай-городъ. Вѣст. Евр. Лив. стр. 159), которая на вопросъ, что такое дарвинова теорія? отвѣчаетъ: «гни въ бараніи роги! кто кого спльѣе, тотъ того и жри!»

Борьба за существованіе въ примѣненіи къ человѣческому роду, по Дарвину, значитъ не ненависть, подчпненіе и произволь, а «любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ», угѣшеніе и подкрѣпленіе его. Въ первобытномъ обществѣ, когда люди жили между собой хуже какпхъ нибудь современныхъ американскихъ и австралійскихъ дикарей, безспорно, что первый шагъ на пути къ общежитію и къ соединенію въ тѣсную группу — общину (даже весьма несовершенную по организаціи) представляетъ значительный шагъ впередъ къ облагороженію грубой, животной формы борьбы за существованіе. Переходя къ разсмотрѣнію жизни народовъ на болѣе высокой культурной ступени, мы видимъ, что если въ какой нибудь народности, вслѣдствіе лучшей организаціи общежитія, ярче и рѣзче (а слѣдовательно и выгоднѣе для борьбы за существованіе) выработались чувства справедливости, альтруизма и совѣсти, умственные способности, мужество, энергія и выносливость, вообще всѣ личныя и общественныя добродѣтели, то несомнѣнно, что подобная народность неизбежно превращалась въ многочисленный сильный народъ, который поглощалъ своихъ сосѣдей, обладающихъ противоположными качествами. Лучшимъ примѣромъ подобнаго явленія можетъ служить арійская или индогерманская раса въ Европѣ и въ Америкѣ. Такимъ образомъ, по теоріи Дарвина, будущее всего міра принадлежитъ одному государству, вооруженному величайшими личными, общественными и политическими добродѣтелями своихъ обитателей, который выпадетъ на долю счастливая участь мирнымъ путемъ сохранять и улучшать свою цивилизацію, выросшую на кровавой почвѣ войны, революцій и тому подобныхъ формъ грубой борьбы за существованіе. Рядомъ съ смягченіемъ нравовъ и развитіемъ общественныхъ добродѣтелей, — грубыя оружія борьбы за существованіе — сила и хитрость несомнѣнно исчезнутъ и замѣнятся истинными нравственными и интеллектуальными достоинствами, помощью которыхъ и будетъ совершаться борьба за существованіе въ будущемъ идеальномъ обществѣ.

«Задача разума и мудраго законодательства, говоритъ Фикъ, заключается не въ томъ, чтобы уничтожить борьбу за существованіе, а въ томъ, чтобы направить ее такимъ образомъ, чтобы выгоднымъ средствомъ въ борьбѣ за существованіе мало по малу становились дѣйствительно полезныя—сначала для отдѣльнаго государства, а впоследствии и для всего человѣчества—свойства, дѣйствительныя физическія, умственныя и нравственныя достоинства, и чтобы побѣдители признавали и въ побѣжденномъ братѣ человѣка, любили его, утѣшали и подкрѣпляли не такими средствами, которыя ведутъ къ усилению и передачѣ въ потомствѣ его недостатковъ, а такими, которыя бы помогали ему вести достойную человѣка индивидуальную жизнь. Кто требуетъ отъ соціальной реформы большаго, тотъ, по крайней мѣрѣ, долженъ быть на столько послѣдователемъ, какъ одинъ уже давно извѣстный соціальный философъ, тотъ долженъ подобно этому послѣднему, вѣрить въ дѣйствительное измѣненіе законовъ природы, въ чудеса. Когда Фикъ доказывалъ этому философу, что если бы онъ дѣйствительно былъ въ состояніи постоянно доставлять средства къ существованію всѣмъ, могущимъ вступить въ бракъ, молодымъ людямъ и дѣвцамъ, то, по извѣстному закону Мальтуса, уже черезъ 463 года вся земля была бы сплошь заселена людьми, то философъ отвѣтилъ ему:

«Ну, тогда бы земля выросла».

Теорія Дарвина проповѣдуетъ только гибель и вымирание всего лѣниваго, всего празднаго, всего, основаннаго на тунеядствѣ и на игнорированіи упражненій своихъ природныхъ способностей и дарованій. По этой теоріи, общество, жизнь котораго слагается изъ эксплуатаціи, кулачества, дикой жажды грубыхъ наслажденій, неминуемо обречено на неизбѣжную гибель и поглощеніе другой болѣе совершенной формой обществѣ.

«Когда попадаешь въ Даунъ, передаетъ Мензбиръ впечатлѣнія К. А. Тимирязева, посѣтившаго Дарвина:—когда переступишь порогъ этого небольшого домика, въ которомъ ежедневно, вотъ уже полъ-вѣка работаетъ этотъ могучій умъ, когда подумаешь, что черезъ минуту очутишься въ присутствіи человѣка, котораго потомство поставитъ на ряду съ Аристотелями и Ньютонами, невольно ощущаешь понятную робость; но это чувство исчезаетъ безъ слѣда при первомъ появленіи, при первыхъ звукахъ голоса

Чарльса Дарвина. Ни одинъ изъ извѣстныхъ его портретовъ не даетъ вѣрнаго понятія о его внѣшности; густыя, щеткой торчащія брови совершенно скрываютъ пріятливый взглядъ этихъ глубоко впадныхъ глазъ; а главное, все портреты, въ особенности прежніе, безъ бороды, производятъ впечатлѣніе коренастаго толстяка, довольно буржуазнаго вида, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности высокая, величаво спокойная фигура Дарвина, съ его бѣлою бородою, несомненно напоминаетъ изображенія ветхозавѣтныхъ патриарховъ или древнихъ мудрецовъ. Тихій, мягкій, старчески-ласковый голосъ довершаетъ впечатлѣніе; вы совершенно забываете, что еще за минуту васъ интересовалъ только великій ученый; вамъ кажется, что передъ вами дорогой вамъ старикъ, котораго вы давно привыкли любить и уважать, какъ человѣка, какъ нравственную личность». Вагнеръ такъ рисуетъ Дарвина. «Оригинальное лицо его поражало каждого величіемъ своего генія. Необыкновенная выпуклость теменн, высокій лобъ, изрытый глубокими бороздами — этими слѣдами постоянной утягивающей думы, — лобъ, который странно далеко выдавался впередъ и бросалъ глубокую тѣнь на глаза, задумчивые и кротко смотрѣвшіе изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей. Трудно сказать, что болѣе поражало въ этомъ лицѣ: холодная разсудительность, умъ, пронзительный взглядъ наблюдателя или необыкновенная ясность, до вѣрчиво привлекавшая каждого силой доброты и прямодушія». — Дарвинъ умеръ отъ сердечнаго порока, которымъ онъ страдалъ многіе годы, и который еще за нѣсколько дней до смерти не возбуждалъ серьезныхъ опасеній. За 14 дней до смерти онъ еще выходилъ изъ дому, хотя чувствовалъ себя нѣсколько слабымъ, и не прекращалъ работы до самаго послѣдняго дня. Какъ мы уже сказали, въ день своей кончины онъ занятъ былъ опредѣленіемъ новаго, присланнаго ему растенія. Въ 8¹/₂ ч. вечера его перенесли въ спальню, гдѣ онъ еще читалъ. Къ полуночи развились зловѣщіе припадки и, несмотря на все старанія врачей, въ 4 часа пополудни великаго труженика не стало. Отнынѣ жилище, гдѣ работалъ и умеръ величайшій мыслитель и ученый XIX вѣка, становится крупнымъ историческимъ памятникомъ, къ которому «не заростетъ народная тропа».

Считаемъ умѣстнымъ вспомнить здѣсь незабвенныя слова на-
ч. уст. № 5, отд. II.

шого любимого философа ¹⁾, сказанна пмъ на погребеніе Жану-Полю-Рихтеру: «Яркая звѣзда закатилась—п выѣшвее столѣтіе смежить глаза прежде, чѣмъ она появится вповь, потому что въ безиредѣльно-далекія пространства улетаеъ свѣтлый геній, п только впуки снова привѣтствуютъ съ лпкованіями того, съ котормъ отцы разсталсь съ горькими слезами. П корона упала съ головы помазанника! П мечъ сломлся въ рукѣ полководца! И верховный первосвященникъ умеръ!»

Великаго челоѣка не стало, но плодотворныя идея его продолжаютъ жить между нами п составляютъ не только достояніе его родной страны, но п всего челоѣчества, на ряду съ другими лучезарными образами, какъ Ньютопъ, Шекспиръ п другіе титаны прошлаго.

В. Святловскій.

¹⁾ Берне, надгробное слово Жанъ-Полю-Рихтеру.

Двѣ замѣтки объ историческомъ образованіи.

I.

Постановка дѣла въ университетахъ.

Вопросъ, съ котораго я начинаю эти свои замѣтки, уже былъ однажды мною поднятъ, и вотъ по какому случаю. Разговаривая съ профессорами нашихъ университетовъ, мнѣ не разъ приходилось слышать сожалѣнія, что на юридическихъ факультетахъ плохо поставлено дѣло преподаванія исторіи: въ однихъ университетахъ она вовсе не преподается, въ другихъ преподаваніе ея либо случайное, либо неполное: одинъ годъ читаютъ, другой — нѣтъ, или читаютъ, напр., русскую исторію, а по всеобщей курса не бываетъ; наконецъ, тамъ, гдѣ это дѣло организовано болѣе правильно, тоже бываютъ своего рода неудобства: наприм., студентовъ перваго курса юридическаго факультета привлекаютъ къ слушанію курса по римской исторіи, который читается спеціалистамъ — историкамъ 3 и 4 курсовъ историко-филологическаго факультета. Раздѣляя вполне взгляды моихъ собесѣдниковъ на этотъ предметъ, я желалъ однако удостовѣриться, насколько они выражаютъ въ этомъ отношеніи общее убѣжденіе нашихъ юридическихъ факультетовъ, и съ этою цѣлью осенью 1880 г. обратился письменно къ деканамъ юридическихъ факультетовъ во всѣхъ русскихъ университетахъ съ просьбою отвѣтить мнѣ обстоятельно на слѣдующіе вопросы: 1) Преподастся ли студентамъ-юристамъ исторія? 2) Если да, то какъ организовано преподаваніе? 3) Если нѣтъ, то не высказывалось ли членами факультета стремленіе къ введенію исторіи въ число преподаваемыхъ на факультетѣ предметовъ и не существуетъ ли по этому вопросу какихъ либо предположеній на

будущее время. Изъ отзывовъ, которыми меня почтили почти все деканы юридическихъ факультетовъ, я вполне убѣдился, что на преподаваніе исторіи смотрять въ большей части, какъ на желательное. Этимъ я не ограничился: мнѣ хотѣлось выслушать наибольшее количество мнѣній по интересующему меня вопросу, и поэтому я 15 декабря 1880 г. внесъ на обсужденіе московскаго юридическаго общества рефератъ о преподаваніи исторіи на юридическихъ факультетахъ: я имѣлъ въ виду привлечь къ разсмотрѣнію вопроса не только преподавателей юридическаго факультета, но и бывшихъ его слушателей, которые, по моему мнѣнію, могли мнѣ дать полезныя указанія относительно пробѣловъ своего университетскаго образованія и высказать такія соображенія, какія преподавателю университета и въ голову бы не пришли. Юридическое общество, выразивъ сочувствіе основной мысли реферата, попросило меня доставить для обсужденія въ обществѣ подробную программу преподаванія, на что я согласился, и только постороннія обстоятельства помѣшали мнѣ исполнить это обѣщаніе ¹⁾).

Возвращаясь теперь опять къ тому же предмету, я счелъ нужнымъ сдѣлать это вступленіе, дабы показать читателю, что вопросъ поднимаемый мною, не праздный: я только выражаю мнѣніе, господствующее въ пзвѣстной части нашей интеллигенціи, и говорю о дѣлѣ, которое должно быть близко всякому, кому дорога судьба нашего просвѣщенія, нашей науки и нашей публицистики: однимъ изъ средствъ поднять историческое образованіе нашего общества, образованіе, о важности котораго смѣшно было бы распространяться,—я считаю включеніе исторіи въ число предметовъ, преподаваемыхъ на юридическихъ факультетахъ. О послѣднемъ я думалъ немало и немало имѣю данныхъ для разсужденія объ этомъ: прослуживъ пять лѣтъ учителемъ исторіи въ гимназій, я знаю хорошо, съ какими историческими знаніями могутъ приходять въ университетъ теперешніе «зрѣлые» гимназисты, и вотъ уже третій годъ, въ качествѣ университетскаго профессора, преподаю исторію между прочимъ и студентамъ юридическаго факультета. Въ своемъ рефератѣ, читанномъ въ юридическомъ обществѣ, я доказывалъ, что

¹⁾ Объ этомъ засѣданіи см. протоколы Ю. О. въ Юрид. Вѣст. за 1881 г., мартъ, стр. 107—110, а также статью въ Голосѣ за 1881 г., № 11.

указываемая мною потребность расширенія историческаго преподаванія на юридических факультетах не обуславливается только недостаточностью подготовки, даваемой теперешними гимназиями, а будет существовать и при лучшей постановкѣ дѣла въ гимназіяхъ: средняя школа, по моему мнѣнію, и не можетъ дать того, что необходимо знать по исторіи студенту-юристу.

Дѣло вотъ въ чемъ. По пунктѣ дѣйствующему университетскому уставу (§ 15), на юридических факультетахъ исторіи права отведено довольно почетное мѣсто; тутъ читаются: а) исторія философій права, б) исторія важнѣйшихъ иностраннхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, в) исторія русскаго права, г) исторія славянскихъ законодательствъ. е) исторія римскаго права. Кроме того, профессора другихъ предметовъ нерѣдко должны бывають прибѣгать къ историческому методу изложенія. Историческое преподаваніе, слѣдовательно, на юридических факультетахъ существуетъ, но оно страдаетъ двумя недостатками: исторія права должна изучаться въ связи съ общей и культурной исторіей; но при теперешнемъ положеніи дѣлъ, юристь, кончившій курсъ, можетъ быть знакомъ съ правовыми воззрѣніями и учрежденіями отдѣльныхъ народовъ, но онъ не познакомится съ другими, влѣдствие чего у него составится, такъ сказать, одностороннее представленіе о жизни народовъ, — это во-первыхъ; а во-вторыхъ, если по разнымъ предметамъ профессорамъ юридического факультета и дѣлаются иногда менѣе спеціальныя историческія введенія, то все-таки они не могутъ замѣнить общаго курса исторіи, такъ какъ ничто ихъ не свяжетъ въ одно цѣлое и такъ какъ только общій курсъ можетъ обратить вниманіе студента на такія эпохи и культурныя явленія, о которыхъ ни однимъ словомъ не заикнулся ни одинъ изъ существующихъ профессоровъ юридического факультета. Странно было изгонять исторію изъ факультета, на которомъ въ преподаваніе все болѣе и болѣе проникаетъ историческій методъ и науки котораго все болѣе и болѣе перерождаются подъ вліяніемъ исторіи.—Таковы были общія положенія, которыя я развивалъ въ рефератѣ и въ своихъ возраженіяхъ одному изъ оппонентовъ (покойному профессору В. Н. Лешкову), высказавшему нѣсколько сомнѣній по поводу возбужденнаго мною вопроса.

Пренія въ юридическомъ обществѣ поставили вопросъ и на болѣе общую точку зрѣнія. Въ рефератѣ я поставилъ на видъ,

что на юридическій факультетъ не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исключительно практическую школу права, какъ на готовальню судей, прокуроровъ, адвокатовъ и т. п., что онъ все болѣе и болѣе превращается въ факультетъ социальныхъ наукъ. а такъ какъ послѣдніи нынѣ немислимы безъ исторіи, то понятно—какой слѣдуетъ сдѣлать отсюда выводъ. Упомянутый мною оппонентъ указалъ мнѣ между прочимъ на то, что въ германскихъ унверситетахъ не преподается и никогда не преподавалась исторія на юридическихъ факультетахъ. Но можетъ ли это быть аргументомъ? Наше унверситетское устройство не сходно съ германскимъ: тогда какъ тамъ господствуетъ свобода преподаванія и избранія предметовъ, у насъ существуетъ опредѣленный планъ занятій. Къ моему взгляду присоединился профессоръ С. А. Муромцевъ, высказавшій приблизительно слѣдующее. Вопросъ о преподаваніи юрпстамъ исторіи имѣетъ не случайный характеръ. Русскіе юридическіе факультеты уже во многомъ отступили отъ своихъ германскихъ первообразовъ: тамъ почти не преподаются даже политическая экономія, финансовое право, статистика; тамъ до сихъ поръ стремятся по преимуществу готовить юристовъ-техниковъ, практиковъ. Благодаря уставу 1863 г., русскіе юридическіе факультеты сбросили съ себя ремесленный характеръ. У насъ даже желательна сліяніе юридическаго факультета съ филологическимъ въ одинъ факультетъ «социальныхъ наукъ». Подвигнутый профессоромъ Муромцевымъ вопросъ о сліяніи заставляетъ меня нѣсколько расширить тѣму. Я не знаю, насколько это осуществимо: по крайней мѣрѣ, противъ этого можетъ быть сдѣлано много возраженій, однако съ сущностью мысли нельзя не согласиться. Подобно тому, какъ юридическій факультетъ нуждается въ исторіи, такъ историко-филологическій требуетъ введенія въ кругъ его предметовъ наукъ юридическихъ. Если юриспруденція въ широкомъ смыслѣ слова все болѣе и болѣе становится на почву исторіи, то историки въ свою очередь, при современномъ направленіи ихъ науки, все болѣе и болѣе чувствуютъ потребность въ знаніяхъ юридическихъ и экономическихъ. Достаточно, напримѣръ, ознакомиться съ диссертациями юристовъ и историковъ за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, чтобы видѣть это взаимное влеченіе къ «сліянію»: нѣкоторыя диссертации историковъ могли бы съ успѣхомъ быть представленными въ юридическіе факультеты и, наоборотъ, юридическія диссертации

являются чисто историческими. Между тѣмъ студентъ-историкъ изъ университетскаго преподаванія не выноситъ никакихъ знаній по наукамъ для него вспомогательнымъ, и, не смотря на то, что отъ экзаменующагося на степень магистра исторіи требуется политическая экономія, послѣдняя вовсе не читается на филологическихъ факультетахъ нашихъ университетовъ. По Уставу 1863 года (§ 13), студентъ-филологъ знакомится съ исторіей философіи, литературы (греческой, римской, западно-европейской, славянскихъ народовъ и русской), искусства и религіи, но для права и экономической жизни у него нѣтъ ничего: юридическая пропедевтика (т. е. нѣчто въ родѣ энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ) и политическая экономія были бы положительно необходимы на историко-филологическомъ факультетѣ. Если когда-либо и произойдетъ сліяніе, о которомъ говоритъ профессоръ Муромцевъ, то только постепенно, путемъ внесенія отдѣльныхъ предметовъ съ одного факультета на другой и по мѣрѣ надобности. На первый разъ довольно для юристовъ исторіи, для филологовъ юридической пропедевтики, политической экономіи и, пожалуй, еще государственнаго права. Надобность въ этомъ уже ощущается, и отъ этого только выпрастъ наша наука.

Неудовлетворительность теперешней организаціи нашихъ историко-филологическихъ факультетовъ чувствуется уже давно. За столѣтіе существованія русскихъ университетовъ до устава 1863 года, этотъ факультетъ подвергался уже многимъ измѣненіямъ. По уставу московскаго университета 1755 года, онъ былъ слитъ съ физико-математическимъ въ факультетъ философскій, гдѣ обучали, съ одной стороны, философію, краснорѣчію и исторію, съ другой—физикѣ. Уставъ 1804 года раздѣлилъ философскій факультетъ, и въ отдѣленія словесныхъ наукъ изъ предметовъ, читаемыхъ теперь на юридическомъ факультетѣ, явилась статистика, къ которой уставъ 1835 года присоединилъ и политическую экономію. Но, по уставу 1863 года, оба эти предмета были выкинуты. Въ настоящее время факультетъ является уже почти вездѣ раздѣленнымъ на отдѣленія, но очень неодинаково въ разныхъ университетахъ: хотя болѣе или менѣе и установилось дѣленіе на классическое, словесное (или славяно-русское) и историческое отдѣленія, однако въ подробностяхъ—отдѣльные университеты расходятся и даже иногда переходятъ отъ одной системы

къ другой: пвме начинаютъ спеціалзацію раньше, другіе позднѣе (въ Москвѣ, напримѣръ, съ IV курса); одни строго отдѣляютъ спеціальныя курсы отъ общихъ, другіе строгаго дѣленія не придерживаются; здѣсь къ отдѣленію отнесены такіе-то и такіе-то предметы, тамъ это сдѣлано нѣсколько иначе. Факультетъ, такимъ образомъ, самъ собою начинаетъ распадаться, и для историковъ нѣкоторые предметы факультета признаются не столь необходимыми. Положительно можно, напримѣръ, сказать, что столь необходимая для классиковъ и славистовъ сравнительная грамматика индо-европейскихъ языковъ оказывается гораздо менѣе нужной, чѣмъ, напримѣръ, политическая экономія, преподаваемая совсѣмъ на другомъ факультетѣ.

Трудно предвидѣть, какъ раздѣлился бы въ будущемъ факультетъ соціальныхъ наукъ, но можно утвердительно сказать, что на первыхъ его курсахъ нашлп бы мѣсто предметы, которые оказываются уже теперь одинаково нужными и юристамъ, и филологамъ, къ чему и теперь приходятъ отдѣльные университеты, каждый по своему, заставляя, напримѣръ, первокурсниковъ юристовъ слушать съ филологами исторію, логику, психологію и исторію философіи, или привлекая филологовъ младшихъ курсовъ къ посѣщенію лекцій статистики и политической экономіи, читаемыхъ для юристовъ. Съ теченіемъ времени, новыя потребности науки еще болѣе могутъ сблизить оба факультета ¹⁾. Кое съ чѣмъ изъ высказываемыхъ мною взглядовъ спеціалісты дѣла, пожалуй, будутъ спорить, но едва ли кто можетъ сдѣлать серьезное возраженіе противъ основнаго положенія настоящей статьи: юриспруденція немаловажна безъ исторіи, а послѣдняя нуждается въ политической экономіи, а въ такомъ случаѣ не стануть спорить

¹⁾ И теперь можно провести нѣкоторую параллель между предметами историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ: философія и философія права, римская словесность съ древностями и римское право, славянская етнологія съ древностями и исторія славянскихъ законодательствъ, церковная исторія и каноническое право и т. п. Такихъ предметовъ одного факультета, которые не имѣли бы соответствующаго на другомъ, немного: лингвистика, теорія и исторія искусствъ и нѣкоторыя второстепенныя юридическія спеціальности. Большею частью между указанными параллельными предметами существуетъ болѣе тѣсная связь, чѣмъ съ предметами того же факультета.

и съ тѣмъ, что для развитія нашей исторической науки, для распространенія историческаго образованія въ обществѣ необходимо включеніе исторіи въ кругъ предметовъ юридическаго факультета и, по крайней мѣрѣ, политической экономіи (съ статистикою) въ число предметовъ, обязательныхъ для студента-историка.

Я сказалъ, что это уже и дѣлается въ нѣкоторыхъ университетсахъ; нужно только, чтобы это было общей мѣрой и не подвергалось различнымъ случайностямъ, какъ это бываетъ, къ сожалѣнію, очень и очень часто. Не беруся за рѣшеніе вопроса, какъ обезпечить преподаваніе политической экономіи филологамъ, и перехожу къ дальнѣйшему разсмотрѣнію того, какъ организовать историческіе курсы для юристовъ.

Въ частномъ разговорѣ съ однимъ изъ профессоровъ юридическаго факультета по интересующему насъ предмету мнѣ пришлось выслушать изложеніе такого взгляда на дѣло, съ которымъ я не могъ никакъ согласиться. Мой собесѣдникъ жаловался на плохую историческую подготовку студентовъ: читая довольно спеціальныя историческія курсы строго-юридическаго характера, онъ предполагалъ у своихъ слушателей слишкомъ много обще-историческихъ знаній по тѣмъ эпохамъ, о которыхъ ему приходилось говорить, и во время экзамена студентовъ онъ обнаружилъ недостаточность ихъ подготовки. По этому-то онъ и заговорилъ о необходимости преподаванія исторіи юристамъ, думая организовать его такъ, чтобы оно примѣнялось къ пзвѣстнымъ юридическимъ курсамъ и было строго спеціальнымъ. Но это вѣдь совершенно невозможно: во-первыхъ, тогда Богъ знаетъ сколько потребовалось бы такихъ вспомогательныхъ курсовъ, да они и изышны, такъ какъ самъ преподаватель каждой юридической науки можетъ восполнить пробѣлы въ подготовкѣ своихъ слушателей, взявъ на себя только трудъ справиться въ гимназическомъ учебникѣ, что могутъ знать студенты по данной эпохѣ или по данному предмету; во-вторыхъ, такіе вспомогательные курсы дали бы опять только историческіе обрывки, которыхъ и безъ того много у студентовъ-юристовъ, тогда какъ именно необходима нѣкоторая систематизация историческихъ знаній, связь частей въ одно цѣлое, общее представленіе о ходѣ исторіи; в-третьихъ, спеціальныя историческіе курсы были бы опять односторонни, такъ какъ касались бы только эпохъ и явленій, важныхъ для исторіи права того или

другаго народа. Вотъ почему я высказываюсь именно за общіе курсы, т. е. такіе, которые, не будучи повтореніемъ или распространеніемъ гимназическаго учебника, были бы изложеніемъ исторіи общества и его культуры у передовыхъ народовъ и въ собственномъ отечествѣ¹⁾. Необходимость такихъ курсовъ признается и историко-филологическими факультетами, особенно тамъ, гдѣ существуетъ строгое дѣленіе на общіе и спеціальные курсы.

На этомъ я и кончаю. Вопросъ о томъ, кто долженъ читать исторію юристамъ, профессора ли историко-филологическаго факультета или особые преподаватели, не особенно важенъ. Дѣло тутъ зависитъ отъ того, какъ преподается исторія филологамъ въ томъ или другомъ университетѣ, имѣетъ ли университетъ денежные средства для организаціи отдѣльнаго для юристовъ преподаванія и т. п. Но лучше всего было бы, еслибы юридическіе факультеты, обсудивъ вопросъ всесторонне, сами ходатайствовали передъ правительствомъ о включеніи исторіи въ число предметовъ, читаемыхъ студентамъ-юристамъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы такое преподаваніе, какое наиболѣе всего желательно въ данномъ случаѣ, было такъ или иначе обезпечено. Во всякомъ разѣ, препятствія, нынѣ мѣшающія преподаванію исторіи на юридическихъ факультетахъ, случайны и устранимы.

Н. Карѣвъ.

¹⁾ Занимая кафедру всеобщей исторіи въ Варшавскомъ Университетѣ, я читаю подобныя курсы студентамъ филологическаго и юридическаго факультетовъ въ первые два года ихъ пребыванія въ университетѣ. Программы ихъ печатались въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Кроме того, самому изложенію я предпосылаю введенія, съ обзоромъ предмета à vol d'oiseau. Ихъ было напечатано два: Введеніе въ курсъ исторіи новѣйшаго времени (Варшава 1881) и Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Варшава 1882).

Уголокъ раскольниковъго міра.

Въ послѣдніе два года наша свѣтская литература много потрудилась надъ раскольниковымъ вопросомъ. Само собою разумѣется, вопросъ этотъ былъ выдвинутъ на сцену самою жизнью, а не литературою, но литературѣ принадлежитъ заслуга всесторонней разработки его и выясненія настоящей необходимости дарованія раскольниковамъ права свободнаго вѣроисповѣданія и уравненія ихъ въ гражданскихъ правахъ съ православными. За соблюденіе полной вѣротерпимости по отношенію къ раскольниковамъ и сектантамъ и за освобожденіе ихъ отъ всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которыя тяготѣютъ надъ ихъ жизнью, высказался съ замѣчательнымъ единодушіемъ всѣ органы нашей свѣтской печати, исключая двухъ самыхъ заскоружившихъ. Не такъ отнеслась къ дѣлу клерикальная печать. Въ отвѣтъ на статьи, появившіяся въ свѣтскихъ органахъ и трактовавшія о раскольникахъ, клерикальные органы стали производить разслѣдованія объ авторахъ этихъ статей. Выводы, къ которымъ пришли журнальныя просвирни въ результатѣ своихъ разслѣдованій, превосходятъ своею оригинальностью даже все то, что въ-когда отпаивалъ въ своей «Домашней Бесѣдѣ» г-нъ Аскоочевскій. Помилуйте, завопили просвирни, — требуютъ правъ для раскольниковъ, а сами въ Бога не вѣруютъ! Однако, клерикаламъ нашимъ пришлось убѣдиться, что въ настоящее время разные «жулики» не пугаютъ даже московскихъ куличихъ, — и они перемѣнили фронтъ. Съ скромностью, достойною Тартюфа, они начали утверждать, что никакихъ преслѣдованій раскольниковъ въ Россіи не существуетъ, никакими стѣсненіями ихъ жизнь и дѣятельность не обставлены, что раскольниковамъ живется не только не хуже,

но даже еще лучше православныхъ, такъ какъ они пользуются даже болѣею свободою, чѣмъ послѣдніе. Посмотрите, говорятъ клерикалы, что дѣлается въ Москвѣ: раскольникъ архіерея торжественно хоронятъ, свободно собирается его паства для выбора преемника покойнику, свободно обсуждаются на раскольниковыхъ собраніяхъ всякіе вопросы общественнаго и полемическаго характера и т. д.; какой же еще вамъ свободы надо?..

И дѣйствительно, положеніе московскихъ послѣдователей нѣкоторыхъ старообрядческихъ толковъ сравнительно не дурно. Во первыхъ, во главѣ московскихъ старообрядцевъ стоятъ богачи-миліонеры, которые отлично знаютъ кому и какъ угодить: въ одну мѣстѣ жертвуютъ они на раненныхъ, въ другой примутъ участіе въ подпискѣ на устройство какого-нибудь пріюта, въ третьемъ соорудятъ православный соборъ. Понятное дѣло, что такіе богачи, на которыхъ можно всегда рассчитывать при начинаніи всякаго «общепользнаго» дѣла, лучше всякихъ законодательныхъ постановленій защищаютъ своихъ московскихъ единовѣрцевъ отъ всякихъ попятновеній и преслѣдованій. Во вторыхъ, Москва, какъ ни какъ, а все же «центръ», и, съ одной стороны, въ ней немного смѣшно устраивать облавы на людей, виновныхъ только въ томъ, что они крестятся двумя перстами, а съ другой стороны, много ужъ въ Москвѣ всякаго начальства, такъ что даже самымъ рьянымъ ревнителямъ пасаждевія православія съ помощью «вымоговъ и расточеній» приходится значительно умѣрять свой пылъ. Но, даже при такихъ благоприятныхъ для раскольниковъ условіяхъ, въ Москвѣ возможны «случаи», далеко не гармонирующие съ тѣмъ блаженнымъ положеніемъ, въ которомъ, по словамъ нашихъ клерикаловъ, находятся московскіе раскольники. Такъ напр., въ концѣ прошлаго года въ Москвѣ имѣлъ мѣсто слѣдующій «случай». «Помощникъ пристава 2-го участка Рогожской части произвелъ осмотръ старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ, расположенныхъ въ Дурновскомъ переулкѣ, на Таганкѣ. Сначала полиція заглянула въ противоокружническую моленную, и, не смотря на протестъ священника Іоанна Гутарева и прихожанъ, немедленно опечатала послѣднюю. Точно также помощникъ пристава намѣревался поступить и съ моленной, находящейся при домѣ Карпинкина; но здѣсь вышло какое-то препятствіе, и посѣщеніе полиціи ограничилось лишь

составленіемъ акта, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ принадлежностей молитвеннаго дома. Старообрядцы-противоокружники обратились немедленно къ г. оберъ-полицмейстеру съ жалобой на дѣйствія полиціи, вслѣдствіе чего печати были сняты съ дверей молельни ¹⁾.

Какъ видите, и московскіе раскольники не обезпечены отъ разныхъ «случасвъ»; по опп. по крайней мѣрѣ, имѣютъ возможность, такъ или иначе, возстанавливать свои нарушенныя права. Но въ такомъ счастливомъ положеніи находятся только раскольники немногихъ центровъ, вся же остальная раскольничья масса находится совсѣмъ въ иномъ положеніи. Обратите вниманіе на положеніе раскольниковъ въ какой-нибудь глуши, и даже не въ глуши, а въ одной изъ сосѣднихъ съ Московскою губерніей, или, наконецъ, въ селахъ самой московской губерніи, и вы увидите, насколько правы клерикалы, утверждая, что никакихъ преслѣдованій раскольниковъ и сектантовъ не существуетъ и что надъ ихъ жизнью не тяготеетъ никакихъ стѣсненій.

Въ настоящемъ очеркѣ я расскажу жизнь одного небольшого уголка раскольниковьяго міра за весьма небольшой срокъ — годовой. Я избралъ этотъ уголокъ, главнымъ образомъ, потому, что въ немъ въ теченіи описываемаго года не случилось никакихъ чрезвычайныхъ событій, въ родѣ разгрома архангельскихъ скитовъ мѣстною полиціею или поголовнаго сѣченія сектантовъ, имѣвшаго мѣсто по отношенію къ штундистамъ и шалапутамъ во многихъ мѣстностяхъ юга. Въ избранномъ мною уголкѣ, напротивъ, жизнь текла въ теченіи всего 1881 года, о которомъ я буду говорить, самымъ мирнымъ образомъ, нарушаясь только обычными проявленіями правоваго положенія раскольниковъ. Пусть читатель судитъ, насколько нормальна эта обычная, мирная жизнь раскольниковьяго массы.

Уголокъ, о которомъ я намѣренъ говорить ¹⁾, есть Будыши-

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», 1881 г. 5 декабря.

²⁾ Чтобъ не пестрить текста выносками, я здѣсь же укажу на источники, на основаніи которыхъ составленъ мой очеркъ. Источники эти — корреспонденціи «Московского Телеграфа», за 1881 г., № 30; «Новаго Времени», за 1880 г., № 1506; «Голоса», 1880 г., № 98, — 1881 г., № 32; 1882 г., № 12; «Порядка», 1851, № 356; «Русскаго Курьера», 1880, № 159 и 208; 1881, № 72, 118; «Русскихъ Вѣдомостей», 1881, № 254, 267, 307 и др.

ская волость Покровскаго уѣзда, Владимірскаго губерніи. Мѣстность эта издавна извѣсна подъ именемъ «Патріаршіны», каковое названіе усвоено ей потому, что она нѣкогда была патріаршею вотчиною. Населеніе волости — смѣшанное, изъ православныхъ и старообрядцевъ. Старообрядцы распадаются на два толка — поповцевъ, пріемлющихъ австрійское священство, и беспоповцевъ-поповцевъ. Поповцы живутъ преимущественно въ селеніяхъ Кудыкинѣ, Губинскомъ, Язвици и др.; беспоповцы заселяютъ Высоково, Новое, Ликино, Кабаново, Юново и др. Въ этой мѣстности расколъ существуетъ издавна, но особенно сильное распространеніе онъ получилъ въ послѣдніе 15 лѣтъ, такъ что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, напр., Губинскомъ и Язвици, гдѣ еще недавно населеніе было смѣшанное — и православные, и старообрядцы, и православныхъ было большинство, — въ настоящее время не осталось ни одной православной души. Причины утѣха раскола заключаются какъ во внутреннемъ строѣ раскольничьихъ общинъ, такъ и въ непохвальному поведенію православныхъ пастырей. Съ тѣхъ поръ, какъ въ этой мѣстности появился представитель австрійско-бѣлокриницкой іерархіи, избранный мѣстнымъ старообрядческимъ обществомъ изъ своей среды и, на основаніи этого избранія, посвященный въ священники старообрядческимъ архіереемъ Антоніемъ, православные присоединились къ старообрядцамъ-поповцамъ, находя, что «все едино», да къ тому же и попы «старой вѣры» ведутъ себя лучше. Распространенію беспоповщины особенно сильно содѣйствуютъ беспоповщинскіе богословы-начетчики, знатоки своего дѣла, съ которыми положительно не въ сплахъ бороться мѣстное православное духовенство. Вообще состояніе послѣдняго и его нетерпимость, враждебное отношеніе къ раскольникамъ играютъ не послѣднюю роль въ дѣлѣ распространенія раскола. Кудыкинское духовенство заботится только о собственныхъ доходахъ и смотритъ на вопросъ о распространеніи раскола исключительно съ точки зрѣнія увеличенія или уменьшенія доходовъ. Неудивительно, по этому, что вся борьба мѣстнаго духовенства ограничивается тѣмъ, что оно въ такъ называемыхъ «важныхъ» случаяхъ (напр., при починкѣ старообрядцами крыши на своей молебнѣ) обращается къ содѣйствію полиціи или прибѣгаетъ къ уловкамъ въ родѣ слѣдующей. «Въ деревню Кабаново, населенную преимущественно старообрядцами, наѣхалъ мѣстный пра-

вославный причтъ для служенія молебновъ. По окончаніи очереднаго подворнаго хожденія, священникъ приказалъ сельскому старостѣ собрать всѣхъ старообрядцевъ въ сборной избѣ для записи въ метрическія книги поворожденныхъ и умершихъ, при чемъ обпаружилось, что нѣкоторые изъ старообрядцевъ, будучи по рожденію православными, присоединились впоследствии къ старообрядчеству, соединились бракомъ и прижили дѣтей. Батюшка, не признавая подобныя браки законными, отказался занести въ метрики дѣтей, какъ незаконорожденныхъ. «При этомъ батюшка пояснялъ старообрядцамъ, что дѣти, не записанныя имъ въ метрики, должны будутъ поступать въ военную службу «безъ зачета». На заявленіе старообрядцевъ, что они вынуждены будутъ обратиться въ волостное правленіе съ просьбою о записи ихъ браковъ, батюшка высказалъ, что кромѣ него никто не имѣетъ права записывать. Единственный исходъ, по словамъ батюшки,—переходъ въ православіе. И вотъ, вслѣдствіе этого, два семейства рѣшились перейти въ православіе, хотя, разумѣется, переходъ ихъ будетъ фиктивный». *) Неудивительно, что, при такихъ оригинальныхъ приемахъ борьбы съ расколомъ, побѣда остается за расколомъ и число послѣдователей православія въ Кудыкинской волости все болѣе и болѣе уменьшается...

Эпизодовъ, характеризующихъ положеніе раскольниковъ, въ Кудыкинской волости въ прошломъ году было очень много; изъ нихъ мы возьмемъ только нѣсколько наиболѣе характерныхъ.

206-я статья Уложенія о наказаніяхъ, давно отжившая своей вѣкъ и нуждающаяся въ отмѣнѣ, гласитъ слѣдующее: «За заведеніе раскольниковскихъ скитовъ или иныхъ сего рода обиталищъ и за постройку новыхъ и за починку старыхъ какихъ-либо для службы и моленія по раскольниковскимъ обрядамъ зданій, подъ наименованіемъ церквей, часовенъ или молитвенныхъ домовъ, и за устройство престоловъ въ существующихъ уже часовняхъ, наковонецъ и за обращеніе крестьянскихъ избъ въ публичныя модельны, виновные приговариваются къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 8 мѣсяцевъ до одного года и 4 мѣсяцевъ. Все ими

*) «Русскій Курьеръ» 1881 г., № 118.

устроенное подвергается сломкѣ и матеріалы продаются въ пользу мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія».

Не смотря на то, что статья эта въ настоящее время представляетъ положительный анахронизмъ, она примѣняется къ дѣлу очень часто, причемъ подъ ея дѣйствіе подводятся самыя первыя вещи: стоитъ напр., раскольнику положить лубокъ на крышу молебни, чтобы спасти молящихся отъ дождя, свободно пропикающаго во внутрь молебни сквозь дырявую крышу, — и этимъ онъ подвергаетъ себя обвиненію въ пощипкѣ старой молебни и подлежитъ наказанію по 206 статьѣ. Подверглись дѣйствию этой статьи и «претерпѣли» въ 1881 году и жители одной деревни Кудыкинской волости.

Деревня Бутьково состоитъ изъ 36 дворовъ, изъ которыхъ только 6 принадлежатъ православнымъ, а въ остальныхъ 30 живутъ старообрядцы. Издавна въ Бутьковѣ существовала старообрядческая молебня, которая, оставленная въ виду 206 статьи безъ всякой поправки, стала дырява, какъ рѣшето, и, наконецъ, три года тому назадъ сгорѣла. Бутьковцамъ пришлось или оставаться безъ богослужебныхъ собраній или постропить новую молебню и такимъ образомъ подвергнуть себя опасности — быть привлеченными къ суду по 206 ст. Потребность въ религіозныхъ собраніяхъ оказалась, однако, настолько сильною, что бутьковцы превозмогли свой страхъ и построили молебню. При этомъ простодушные крестьяне пустились на хитрость: выстроили молебню изъ бревень стараго разобраннаго сарая, въ надеждѣ, что начальство приметъ новую молебню за старую. Само собою разумѣется, что наивная хитрость бутьковцевъ не обманула ни полицію, ни мѣстное православное духовенство, которое также принимаетъ на себя обязанности «предупрежденія и пресѣченія». Полиція посмотрѣла на постройку молебни, какъ говорится, сквозь пальцы; но совсѣмъ иначе отнеслось къ дѣлу православное духовенство, которое усмотрѣло въ постройкѣ молитвеннаго дома «оказательство раскола» и «соблазнъ» для православныхъ и потому послало объ этомъ куда слѣдуетъ донесеніе. Возникло сначала полицейское дознаніе, а затѣмъ и слѣдствіе, къ которому привлечены были, въ качествѣ обвиняемыхъ, все 30 бутьковскихъ домохозяевъ-старообрядцевъ. Дѣло разбиралось во владимірскомъ окружномъ судѣ, который призналъ подсудимыхъ виновными въ

постройкѣ молебни и приговорилъ всѣхъ обвиняемыхъ въ тюремному заключенію на мѣсяцъ (т. е. смягчилъ наказаніе, слѣдующее по 206). Самую молебню опредѣленіемъ суда рѣшено сложать, а найденныя въ ней иконы, книги и т. п. передать въ копенсторію, откуда обыкновенно иконы идутъ въ православныя церкви, а книгами пополняются библіотеки духовныхъ академій и семинарій, а иногда и частныхъ лицъ имѣющихъ «кума» въ копенсторіи. Главные бутьковцы, до тѣхъ поръ полагавшіе, что запрещеніе читать и строить молебни существуетъ только для того, чтобы у полиціи и православнаго духовенства былъ лишній предлогъ для производства поборовъ съ раскольниковъ, никакъ не могли понять, почему преступно собираться вмѣстѣ для общей молитвы въ бывшемъ сараѣ. Еще болѣе смутило бутьковцевъ то обстоятельство, что съ тѣхъ поръ, какъ ихъ молебня была опечатана судебнымъ слѣдователемъ, рядомъ съ нею заѣзжымъ кабатчикомъ открытъ кабакъ, который, возмущенъ «на законномъ основаніи», несколько не мозолитъ глаза православному духовенству, такъ горячо возставшему противъ «незаконной» постройки молебни. Бутьковцы рѣшили искать правды «выше» и перенесли дѣло въ московскую судебную палату, гдѣ ихъ жалобу поддерживалъ присяжный повѣренный Генертъ. Палата, однако, оставила рѣшеніе окружнаго суда въ силѣ. Бутьковцы рѣшились пройти всѣ судебныя инстанціи, и дѣло было перенесено въ сенатъ; но и сенатъ несколько не облегчилъ судьбу крестьянъ-старообрядцевъ. И вотъ, 25-го января 1881 года, въ Бутьково явился полицейскій урядникъ съ повѣсткою, приглашавшей всѣхъ домохозяевъ деревни (за исключеніемъ 6-ти, принадлежащихъ къ православной церкви) явиться въ городъ Покровъ, въ мѣстный тюремный замокъ для «отсидки». «Ждали все изъ Питера милости, а нѣ вотъ тебѣ и нѣ!» говорили старикки, собравшись въ сборной избѣ для выслушанія повѣстки. Но дѣлать было нечего, — и 30 бутьковскихъ старообрядцевъ—домохозяевъ, изъ которыхъ многимъ уже подлѣ 70 лѣтъ, отправились въ Покровъ; когда ихъ гнали изъ мѣстнаго полицейскаго управленія въ тюремный замокъ, собралась громадная толпа любопытныхъ изъ городскихъ жителей, которые никакъ не могли понять, что это за преступники. И действительно, группа сѣдовласыхъ стариковъ съ библейскими лицами, конволируемая нашими классическими городовыми,

представляла картину, достойную кисти великаго художника. Всѣхъ бутковцевъ не могли, однако, подвергнуть заключенію одновременно, а по очереди: сперва отсидитъ одна партія, потомъ другая. Говорили, что мѣстъ въ острогѣ не хватило, а по рассказамъ другихъ, арестовать всѣхъ разомъ нашли неудобнымъ, потому что, въ такомъ случаѣ, въ деревнѣ Бутковой не осталось бы въ наличности почти ни одного хозяина. Какъ бы то ни было, а бутковцы выспдѣли назначенный судомъ срокъ.

Разсказанная исторія очень обиденна и потому-то она и ужа-сна, что обиденна. Постоянно приходится читать и слышать о судебныхъ процессахъ и слѣдствіяхъ, въ которыхъ фигурируютъ обвиняемые въ починѣхъ или постройкѣхъ молебни. Противъ кого же или противъ чего совершаетъ преступленіе крестьянинъ, замѣняющій старую дверь молебни новою, или строящій новую молебню на мѣстѣ сгорѣвшей? Кто здѣсь потерпѣвшее лицо? Неужели православіе? Но, не говоря уже о нецѣлесообразности укрѣпленія православныхъ догматовъ въ сердцахъ человѣческихъ помощью сажанія въ тюрьму раскольниковъ, не ужели починка или постройка молебни представляетъ собою такой страшный «соблазнъ» для православныхъ, чтобы за него стоило сажать въ тюрьму на мѣсяць и болѣе? И если это такъ, то почему же не подвергаются такому же наказанію другаго рода «соблазны», которыхъ такъ много у насъ и которые не только терпятъ, но зачастую даже исходятъ отъ самаго сельскаго духовенства. И, наконецъ, достигается-ли этимъ цѣль, т. е. удержаніе православныхъ отъ «соблазна»?..

Одна изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ раскола есть стремленіе его адептовъ къ знанію, просвѣщенію, стремленіе, выражающееся на первыхъ порахъ, конечно, только въ примитивномъ стремленіи къ грамотности и къ приобрѣтенію богословско-полеми-ческихъ свѣдѣній. Старообрядцы Кудыкинской волости въ этомъ отношеніи не представляютъ исключенія: и среди ихъ, какъ и вообще среди раскольниковъ, мы видимъ всеобщее стремленіе родителей обучить своихъ дѣтей грамотѣ и начаткамъ раскольничьей учености, т. е. умѣнью читать и понимать «старныя» книги и книги св. писанія; замѣчаемъ мы также здѣсь среди взрослыхъ стремленіе приобрѣсть болѣе близкое знакомство съ исповѣдуемой ими религіей и провѣрить ея положенія путемъ критики: то и

другое достигается чтеніемъ отцевъ церкви, вообще старинныхъ книгъ и рукописныхъ раскольниковыхъ сочиненій съ одной стороны, а съ другой—путемъ свободной постоянной богословской полемики, устной и письменной, между начетчиками, знатоками св. писанія и раскольничьей богословской мудрости. Сочиненія виднѣйшихъ безноповскихъ начетчиковъ расходятся здѣсь въ значительномъ числѣ экземпляровъ (конечно, рукописныхъ) и жадно читаются. Когда въ Австріи начала выходить газета «Старообрядецъ», нынѣ прекратившаяся, здѣшніе старообрядцы отнеслись къ ней очень сочувственно и многіе подписались на нее. Одно время въ пользу этого изданія между здѣшними старообрядцами состоялась даже подписка, и собранная сумма была отослана по принадлежности.

Къ сожалѣнію, всѣ эти стремленія кудыкинскихъ старообрядцевъ къ свѣту знанія, до настоящаго времени должны удовлетворяться какъ-то крадучись, такъ сказать, нелегальнымъ путемъ. Даже такое простое дѣло, какъ обученіе дѣтей грамотѣ, до послѣдняго времени производилось только воровски, при помощи черничекъ и старцевъ, или въ самой семьѣ; болѣе или менѣе правильная организація этого дѣла стала возможна только въ самое послѣднее время. И замѣчательная вещь: какъ только эта возможность открылась, тотчасъ же явились и школы. Такъ въ селѣ Кудыклиѣ, благодаря стараніямъ крестьянина-старообрядца Повпкова, открыто двухклассное училище; въ деревнѣ Паривкахъ устроена школа грамотности на средства старообрядцевъ Жаровыхъ и, наконецъ, въ дер. Ионовой, стараніями крестьянина Зиновьева, основана специальная старообрядческая школа.

Казалось бы, стремленія кудыкинскихъ старообрядцевъ къ обученію не должны встрѣчать со стороны лицъ, власть имущихъ, ничего, кромѣ сочувствія и поддержки. Въ дѣйствительности же старообрядческіе школьные дѣятели не только не получаютъ такой поддержки, но еще встрѣчаютъ на своемъ пути всевозможныя затрудненія и препятствія. Возьмемъ, для примѣра, печальную исторію старообрядческой школы въ деревнѣ Ионовой.

Крестьянинъ Романъ Зиновьевъ, безноповщійскій книгоцѣль, одно изъ выдающихся лицъ мѣстнаго старообрядческаго міра, основываетъ въ деревнѣ Ионовой старообрядческую школу. Какъ помѣщеніе для школы, такъ и всѣ классныя приспособленія онъ

устраиваетъ на свой собственный счетъ и отъ себя же назначаетъ учителю жалованье,—25 рублей въ мѣсяць. Школа вызываетъ всеобщее сочувствіе какъ въ массѣ мѣстнаго старообрядческаго населенія, такъ и среди мѣстныхъ богачей фабрикантовъ. Благодаря помощи послѣднихъ, школа можетъ выдавать даромъ бѣднымъ ученикамъ все необходимое для ученья, какъ то: книги, бумагу, перья и проч. За обученіе платы не полагается. Дѣло пошло очень успѣшно, и число учениковъ быстро возрасло до 40, причѣмъ школу посѣщаютъ одинаково и мальчики и дѣвочки. Самое преподаваніе лишено крайностей сектанскаго духа: одни ученики обучаются по старопечатнымъ часослѣзамъ и псалтирямъ, другіе по изданіямъ едновѣрческой типографіи, третьи по учебникамъ Ушинскаго, Паульсона и др. Особенность школы составляетъ преподаваніе древне-церковнаго крюковаго пѣнія, которое, однако, не навязывается всѣмъ учащимся, а преподается только желающимъ. Основатель школы, Романъ Зиновьевъ, не ограничился однимъ устройствомъ школы, а является примѣрнымъ школьнымъ попечителемъ: очень часто посѣщаетъ школу, слѣдитъ за успѣхами обученія, присматривается къ нуждамъ школы и по мѣрѣ силъ заботится объ ихъ удовлетвореніи.

Казалось-бы, устройство іоновской школы—такое хорошее дѣло, которое заслуживаетъ только поддержки и поощренія. Казалось бы, можно только радоваться, видя, что въ средѣ, которую привыкли представлять мрачно-невѣжественною и тупо-фанатическою, является потребность въ просвѣщеніи и дѣлаются самостоятельныя попытки выйти изъ мрака и невѣжества. Но, какъ кажется, законы общечеловѣческой логики еще не скоро получатъ у насъ право гражданства.

Неожиданно въ іоновскую школу пріѣзжаетъ ревизоръ, и при томъ совершенно особенный—исправникъ, котораго, казалось бы, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать компетентнымъ экспертомъ по учебной части. Пріѣздъ исправника произвелъ страшный переполохъ какъ въ деревнѣ Іоновой, такъ и въ самой школѣ, откула дѣти чуть было не разбѣжались со страху. Ревизоръ осмотрѣлъ школу, перелистывалъ старообрядческія книги, служившія учебниками, подвергъ допросу учителя и, конечно, ничего «предосудительнаго» не открылъ. Вообще «тщательное» полицейское дознаніе не открыло ни малѣйшихъ признаковъ «крамолы». Іоновцы

вздвинули свободно и думали, что здѣсь и конецъ всему. Но оказалось, что тутъ-то и началось бѣдъ митарства. Исправникъ предложилъ іоновскому обществу «оформить» существованіе школы общественнымъ приговоромъ. Іоновцы тотчасъ же составили приговоръ, но когда отправились въ волость, волостной старшина Галкинъ (православный) отказался его засвидѣтельствовать. Нѣсколько разъ ходили іоновцы въ волостное правленіе съ приговоромъ, — и все съ тѣмъ же успѣхомъ. Затѣмъ приговоръ іоновскаго общества былъ переданъ въ мѣстный училищный совѣтъ, который не нашелъ какихъ-то «законныхъ основаній» для его утвержденія. Наконецъ, вся переписка по дѣлу іоновской школы въ настоящее время выслана въ министерство народнаго просвѣщенія. Какая судьба постигнетъ школу, неизвѣстно.

Исторія эта очень опять-таки обыденная и вся ея поучительность состоитъ именно въ ея обыденности. Съ іоновцами даже нѣсколько поцеремонились, тогда-какъ въ другихъ случаяхъ старообрядческія школы просто закрываютъ. Нѣмцы могутъ имѣть въ Россіи свои школы, еврей—тоже, даже магометанскій мулла можетъ собрать дѣтей своихъ прихожанъ и обучать ихъ арабскому языку и премудростямъ корана; только для существованія раскольниковыхъ школъ встрѣчаются непреодолимые препятствія и затрудненія.

Внутренній строй раскольниковыхъ общинъ не подавляетъ личности, а даетъ возможность нравственнымъ ея силамъ проявляться и развиваться. Здѣсь умъ ставится выше богатства, нравственные качества поднимаютъ человѣка въ обществѣ нѣмнѣе выше, чѣмъ всякіе атрибуты власти, доставшіеся на долю того или другого члена общины. Правда, въ большихъ центрахъ духъ времени даетъ себя знать, и тамъ наиболѣе богатые раскольники пользуются значительномъ вліяніемъ; но и здѣсь размѣры этого вліянія опредѣляются не столько самимъ богатствомъ, сколько тою пользою, которую приносятъ раскольничьему міру богачи-раскольники, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, созданнымъ и поддерживаемымъ ихъ милліонами. Что же касается раскольниковыхъ общинъ, находящихся въ сторонѣ отъ центровъ, то здѣсь значеніе человѣка опредѣляется исключительно его личными качествами, а не тѣмъ или другимъ общественнымъ положеніемъ. Благодаря такому порядку вещей, изъ среды раскола постоянно выдѣляются талантливыя личности, которыя, не смотря на всѣ

неблагоприятныя условія, стѣсняющія ихъ дѣятельность, успѣвають заявить о себѣ цѣлымъ рядомъ общественныхъ дѣяній. Одни изъ нихъ, такъ сказать, плутъ по ученой части и составляютъ интеллигентную силу раскола; это—книгоцѣи, начетчики. Другіе заявляютъ себя талантливыми организаторами и администраторами, благодаря дѣятельности которыхъ создается и поддерживается связь между раскольничьими общинами и достигается единство въ ихъ стремленіяхъ и дѣятельности. Тѣ и другіе составляютъ ту силу, благодаря которой расколъ не могъ быть уничтоженъ никакими преслѣдованіями и которою онъ живучъ и силенъ въ настоящее время.

Къ сожалѣнію, дѣятельность этой интеллигенціи, часто не заключающая въ себѣ ничего незаконнаго и весьма плодотворная, встрѣчаетъ на каждомъ шагу препятствія.

Въ Кудыкинской волости, наиримѣръ, выдающимися лицами раскола (крестьянами Новиковымъ, Зиновьевымъ и Зыковымъ) было сдѣлано много хорошаго.

Крестьянинъ Е. И. Новиковъ, обладая недюжинными административными способностями, года четыре тому назадъ, состоялъ старшиною Кудыкинской волости. Управление его ознаменовалось постройкою въ селѣ Кудыкинѣ обширной народной школы, которая, по его ходатайству, вслѣдъ за тѣмъ, преобразована была въ двухклассное училище. Но особенную дѣятельность Новиковъ проявилъ по искорененію кабаковъ, такъ что, подъ конецъ его управления, въ волости оказалось, вмѣсто 28-ми только 4 распивочныхъ заведенія. Но такъ, такъ у насъ, по выраженію Осипа Ивановича Дерунова (въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ»), «на счетъ вина свободно, а на счетъ чтеніевъ строго», то неудивительно, что дѣятельность г. Новикова весьма не понравилась нѣкоторымъ лицамъ уѣздной администраціи, тѣмъ болѣе, что всѣ кабаки волости снабжались водкою съ завода, принадлежащаго одному изъ уѣздныхъ воротилъ. Въ концѣ концовъ, Новикова устранили отъ должности и нарядили надъ нимъ слѣдствіе; ничего худого, однако, за г. Новиковымъ не оказалось, и за что онъ пострадалъ, осталось неизвѣстнымъ. Между тѣмъ, волостью, въ теченіи четырехъ лѣтъ, заправляли новые управители, допустившіе крайнюю распущенность: число кабаковъ увеличилось до 24. Въ концѣ 1881 года въ волости состоялись

новыя выборы и общество почти единогласно избрало въ старшины снова Новикова. Однако, для утверждения Новикова въ должности встрѣтились какія-то препятствія, обусловливаемые тѣмъ, что онъ—лицо, принадлежащее къ расколу.

Романъ Зиновьевъ и И. П. Зыковъ помимо частной дѣятельности и нравственного вліянія пользуются еще извѣстностію, какъ безпоповщійскіе богословы-пачетчики. Первый, впрочемъ, въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ Зыкову, о которомъ, въ виду краткости настоящаго очерка, мы и будемъ только говорить.

Зыковъ—крестьянинъ деревни Кабаковой. Слава его, однако распространилась далеко за предѣлы родной ему глуши, и онъ извѣстенъ всему безпоповщинскому міру. Такую извѣстность онъ приобрѣлъ, какъ искусный апологетъ раскола, собственно безпоповщины, знающій богословъ, ловкій полемистъ и писатель. Его знаніе священнаго писанія, твореній отцевъ церкви, старопечатныхъ книгъ, раскольничьей литературы и проч. просто изумительно. Мѣстное православное духовенство положительно не въ состояніи состязаться съ нимъ и даже такіе корифеи богословской полемики, какъ Павелъ Прусскій, бывшій безпоповщинскій пачетчикъ, принявшій еднновѣріе и нынѣ раздѣлжающій по всѣмъ закоулкамъ Россіи для состязаній съ старообрядцами, уступаютъ Зыкову. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Павелъ Прусскій пріѣзжалъ въ Кудыкинскую волость и бесѣдовалъ съ Зыкинымъ въ деревнѣ Ликино, при большомъ стеченіи народа. Какъ ни велика слава о Павла, какъ ловкаго діалектика, какъ ни обширны его познанія въ богословско-полемической литературѣ, оказалось, что и ему не подъ силу бороться съ такимъ противникомъ, какъ Зыковъ. Послѣ этой бесѣды, тѣ изъ присутствующихъ, которые раньше усумнились было въ расколѣ и хотѣли присоединиться къ православію на правахъ еднновѣрія, остались по прежнему въ расколѣ. Бесѣду съ о. Павломъ Зыковъ изложилъ въ особомъ сочиненіи, которое быстро распространилось, какъ среди мѣстныхъ старообрядцевъ, такъ и среди безпоповцевъ другихъ мѣстностей въ огромномъ числѣ рукописныхъ экземпляровъ. Вообще, Зыковъ пишетъ очень много и его сочиненія имѣютъ широкій сбытъ. Такъ, въ 1880 году онъ выпустилъ очень солидную книгу, состоящую изъ поученій, бесѣдъ, переписки съ православными миссіонерами и т. п.; не смотря на высокую стоимость этого сочи-

пенія (отъ 20 до 30 рублей за экземпляръ, смотря по красотѣ письма), требованіе на него было такъ велико, что писцы, находившіеся подъ рукою у Зыкова, не успѣвали готовить нужное число списковъ. При этомъ надо замѣтить, что требованія на книгу шли, какъ изъ центровъ Россіи, такъ и изъ самыхъ глухихъ уголковъ ея.

Вліяніе безпоповщическихъ начетчиковъ на массу безпоповцевъ громадно. Къ нимъ постоянно обращаются со всѣхъ концовъ Россіи за совѣтами и разъясненіями различныхъ религіозныхъ и житейско-нравственныхъ недоразумѣній и высоко цѣнятъ ихъ мнѣнія. Это вліяніе безпоповщическихъ начетчиковъ тѣмъ удивительнѣе, что дѣятельность ихъ обставлена всевозможными ограниченіями и стѣсненіями. Такъ ихъ произведенія никогда не могутъ попасть подъ печатный станокъ и должны всегда оставаться въ рукописи, чѣмъ, само собою разумѣется, значительно ограничивается кругъ ихъ распространенія; даже и самая ихъ личность ничемъ не ограждена отъ произвола мѣстной полиціи. Для примѣра приведу случай, бывшій въ прошломъ году съ Зыковымъ.

Въ первой половинѣ прошлаго года пріѣзжалъ въ Бердянскъ для собесѣдованій съ старообрядцами о. Павелъ Прусскій. Когда онъ уже уѣхалъ, прибыли въ Бердянскъ вызванные мѣстными безпоповцами начетки Зыковъ и Н. М. Цвѣтковъ (изъ Казани). Послѣдніе явились со старопечатными книгами и рукописями и цѣлый день диспутировали въ старообрядческой молебнѣ, при домѣ П. Л. Абрамова, въ присутствіи большого числа слушателей, съ ревнителями православія В. и Д. Соппинми, на поддержку которыхъ не явилось ни одного лица изъ мѣстнаго православнаго духовенства. Нечего и говорить, что старообрядческіе начетки побѣдили Соппинныхъ. На слѣдующій день диспутъ возобновился, но былъ прерванъ появленіемъ полиціи, которая, на основаніи письменнаго заявленія полицмейстеру отъ мѣстнаго протоіерея о. Апполона, извѣщавшаго о прибытіи въ городъ раскольниковъ пропагандистовъ, задержала Зыкова и Цвѣткова, какъ расколуучителей, и подъ конвоемъ отправила въ полицейское управленіе, гдѣ произведено тщательное о нихъ дознаніе. Къ вечеру въ тотъ же день, они были, впрочемъ, освобождены съ отобраніемъ отъ

нихъ подписокъ черезъ 2 часа оставитъ городъ и выѣхать на первомъ же отходящемъ въ Таганрогъ пароходѣ ¹⁾).

На этомъ мы и окончимъ нашъ очеркъ положенія старообрядцевъ Кудыкинской волости. Можно было бы привести еще много фактовъ, служащихъ иллюстрацію увѣреніямъ нашихъ клерикаловъ, что раскольники никакимъ преслѣдованіямъ и стѣсненіямъ не подвергаются, но, полагаю, достаточно и приведенныхъ, чтобы видѣть насколько эти увѣренія справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, мы взяли случайно попавшіеся намъ подъ руку уголокъ нашего отечества, уголокъ крайне ограниченныхъ размѣровъ (одна волость), просмотрѣли лѣтопись его жизни всего за одинъ годъ, и оказалось, что всѣ раскольники для того, чтобы пріобрѣсть право молиться вмѣстѣ, сообща, должны выспѣть поголовно мѣсячный срокъ въ тюрьмѣ, что стремленіе, ихъ къ знанію встрѣчаетъ не поощренія, а всевозможныя затрудненія и препятствія, что дѣятельность выдающихся лицъ мѣстнаго раскольникяго міра обставлена различными ограниченіями и самая личность дѣятелей ничѣмъ не гарантирована. Если мы возьмемъ всякій другой уголокъ старообрядческаго міра и прослѣдимъ его жизнь, то вѣроятно и тамъ найдемъ тѣ же самые факты.

Факты, приводимые въ нашемъ очеркѣ, даютъ право сдѣлать еще одинъ выводъ. Мы видимъ, что жизнь кудыкинскихъ раскольниковъ обставлена стѣсненіями съ цѣлью поддержки православія и борьбы съ расколомъ: дѣло бутковскихъ старообрядцевъ, напримѣръ, начато подъ тѣмъ предлогомъ, что построенная ими модельня составляетъ «соблазнъ» для православныхъ. А между тѣмъ, мы видѣли, что расколъ въ кудыкинской волости не только не падаетъ, а, напротивъ, растетъ и мѣстами увлекаетъ поголовно всѣхъ православныхъ. Для чего же, въ такомъ случаѣ, тяготеютъ надъ жизнью раскольниковъ всевозможныя путы? И кому онѣ нужны?

Я. Абрамовъ.

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», 1881, № 154.

Умственный поворотъ въ польскомъ обществѣ ¹⁾.

Zarys literatury polskiej z ostatnich lat szesnastu, przez D-ra Piotra Chmielowskiego. Wydawnictwa E. Orzeszkowej. Wilno. 1881.

Р. И. Сементковскій, Польская бібліотека. С.-Петербургъ. 1882 г., т. I.

(Окончаніе).

V.

Отреченіе отъ сословныхъ, вѣроисповѣдныхъ и національныхъ предразсудковъ, презрѣніе къ тунеядству и требованіе серьезнаго труда отъ всякаго честнаго гражданина, отверженіе прежняго католически-шляхетскаго мистицизма и уваженіе къ трезвой, научной мысли, въ сферѣ искусства — тѣсная связь его съ живой дѣйствительностью, — такова, какъ мы видѣли, умственная и нравственная фізіономія «Новой Польши», насколько она вырисовывается изъ книги г. Хмѣлевскаго.

Книга г. Сементковскаго вполне подтверждаетъ истинность этого изображенія. Въ pendant къ «Zarys» у г. Хмѣлевскаго, «польская бібліотека» очень интересна тѣмъ, что ею можно провѣрить свѣдѣнія молодого профессора, который, какъ ревностный членъ партіи, и по естественному чувству пристрастія ко всему родному, очень легко могъ-бы впасть въ преувеличеніе. Г-нъ же Сементковскій, какъ посторонній наблюдатель, понятнo, гораздо хладнокровнѣе долженъ смотрѣть на дѣло. Его изданіе, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, задумано «русскимъ для русскихъ» — слѣдовательно, гарантія въ безпристрастіи тутъ значительно больше.

¹⁾ См. «Устон» МЛЖ 3 и 4.

Кромѣ того, для русскаго читателя «Польская Библиотека» еще тѣмъ интересна, что, кромѣ разсужденій о Польшѣ и полякахъ, она содержитъ и непосредственный первоисточникъ для уясненія себѣ умственнаго движенія, происходящаго теперь въ Польшѣ, т. е. переводы выдающихся произведеній новѣйшихъ польскихъ писателей. «Польская Библиотека» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Разсказовъ современныхъ беллетристовъ и 2) Польскихъ писемъ. Въ первомъ отдѣлѣ, г. Сементковскій, для начала, помѣстилъ три разсказа Оконьскаго, три разсказа Сенкевича, два Болеслава Прусса и одинъ Элзы Оржешко. Нельзя сказать, чтобы выборъ г. Сементковскаго былъ всегда удаченъ (у Оржешко, напр., можно было бы найти что-нибудь болѣе замѣчательное, чѣмъ фантастическій разсказъ о «Могучемъ Самсонѣ»), но въ общемъ, все-таки, читатель, помимо интереснаго беллетристическаго чтенія (въ этомъ отношеніи особенно выдаются Сенкевичъ и Пруссъ, которые не затерялись-бы и въ любой европейской литературѣ), помимо эстетическаго удовольствія, выноситъ изъ произведеній молодой польской литературы убѣжденіе, что теплое демократическое чувство и симпатіи ко всему загнанному и угнетенному красною нитью проходятъ черезъ весь душевный строй современнаго мыслящаго поляка.

Что касается «польскихъ писемъ», — то это рядъ краткихъ характеристикъ разныхъ подробностей «польскаго вопроса», не особенно глубокихъ, но для ознакомленія русскои публики съ общественнымъ движеніемъ современной Польши вполне достаточныхъ.

Поворотъ польской общественной мысли, который мы выше старались выяснитъ на основаніи данныхъ г. Хилевскаго, г. Сементовскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ польскомъ обществѣ произошло нѣчто, съ точки зрѣнія католическаго духовенства, совершенно нежелательное. Крутая постановка польскаго вопроса, къ которой прибѣгла Россія послѣ возстанія, на ряду съ германизациею польскихъ провинцій, подавшихъ подъ власть Пруссіи, заставили польскую интеллигенцію серьезно призадуматься. Немедленное возстановленіе прежней Польши стало представляться самимъ полякамъ несбыточною и въ то же время, опасною мечтою. Слишкомъ ревностная погоня за прошедшимъ могла лишитъ Польшу будущаго, привести къ тому,

что польская национальность со временем исчезла бы из истории. Отказавшись от соглашения с польской интеллигенцией, так как все попытки подобного рода привели к весьма печальным, отрицательным результатам, Россия стала опираться на массу, которая не знала истории, которая не могла дорожить прошлым, потому что оно для нее было лишь длинной цепью страданий. Польское крестьянство взглянуло на 19 февраля, как на зарю лучшей будущности, как на первый день своей истории. Опасность была очевидна. Польской интеллигенции не оставалось ничего другого, как, с своей стороны, посвятить себя заботе о том же народе, который так жестоко был ею обижень. Таким образом, произошел коренной поворот в общественной мысли. Интеллигенция, еще недавно жившая исключительно мечтой о возстановлении прошлого, решилась на время забыть эту мечту и серьезно подумать о будущем. Раздался новый лозунг: внутреннее развитие страны. Под этим развитием подразумевалось установление солидарности всех общественных слоев для сохранения польской национальности или, иначе говоря, работа интеллигенции, направленная к поднятию материального и духовного благосостояния массы с целью создать объединенный общими социальными и экономическими интересами «польский народ» (стр. 328).

В общем это объяснение совпадает с объяснением г. Хмилевского. Разница только в русском отрывке г. Сементковского, чего, конечно, было бы странно требовать от г. Хмилевского. Мы видели выше, как г. Хмилевский относится к романтическому опозитизированию прошлого и связанным с этим «тоскливым нитьем». Но он настолько однако польский патриот, чтобы при всей своей умственной «трезвости» и «позитивности» не отказаться все-таки от некоторых «мечтаний», как бы они «несбыточны» ни были.

Не будем повторять других сведений, сообщаемых г. Сементковским об умственном повороте польской интеллигенции, так как опять-таки они вполне совпадают с тем, что подчеркнуто нами выше из книги г. Хмилевского. Но воспользуемся за то у г. Сементковского одним пунктом, совсем не затронутым у г. Хмилевского, очевидно из нежелания касаться щекотливых вопросов.

Мы говоримъ о такъ называемыхъ «польско-русскихъ отношеніяхъ», т. е. о томъ, какъ относятся къ намъ въ Польшѣ. Есть-ли надежда, чтобы теперешнее отношеніе измѣнилось?

«Искреннихъ друзей», прямо заявляетъ г. Сементковскій—«у насъ въ Польшѣ нѣтъ, и—transchons le mot—пока быть не можетъ. Не въ кабинетной тиши и не подъ влияніемъ увлекательныхъ грезъ объ облагодѣтельствованіи рода человѣческаго и привлеченіи всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ къ любящему и широкому своему сердцу рѣшаются вопросы въ родѣ польскаго. Они возникли на поляхъ битвъ, гдѣ пролились потоки человѣческой крови, и разрѣшатся только тогда, когда въ сердцахъ народовъ не останется и тѣни тѣхъ чувствъ, которыя вызвали эту кровавую вѣковую распрю» (стр. 329).

А до этого еще весьма далеко. Прочитайте любую статью о польскомъ вопросѣ не только г. Каткова, литературнаго сыщика, человѣка безъ всякихъ опредѣленныхъ убѣжденій и симпатій, которому только нужно что-нибудь такое, по поводу чего можно было-бы указать на «измѣну» трелятыхъ либераловъ. Нѣтъ, возьмите передовицы г. Аксакова о русско-польскихъ и польско-русскихъ отношеніяхъ и взгляните, какимъ образомъ въ этомъ «славянофилѣ» т. е. другѣ всѣхъ славянскихъ народностей, закипаетъ желчь, лишь только онъ коснется польскихъ интересовъ? Гдѣ-же тутъ разсчитывать на серьезное «забвеніе» старыхъ чувствъ? Вѣдь г. Аксаковъ—побѣдитель. Какія-же чувства должны питать побѣжденные?

Иллюстраціею этихъ чувствъ можетъ служить исторія съ русскимъ литератомъ, понавшимъ въ модную картинку одного варшавскаго моднаго журнала. Читатель, можетъ быть, вспомнить, что за буря поднялась изъ-за этого. Издательница моднаго журнала выписала изъ Берлина клише съ буквами для мѣтки; такъ какъ мода—вещь международная, то первоначальному собственнику клише—нѣмецкому издателю, заказывавшему рисунокъ, не могло придти на умъ исключить литеры русскаго алфавита. Варшавская издательница, «второпяхъ», какъ-то проглядѣла это обстоятельство и «спохватлась» только тогда, когда № журнала вышелъ изъ типографіи. «Оплошность» немедленно была замѣчена и чрезъ нѣсколько дней въ одномъ изъ «бурьеровъ» появляется письмо негодующаго подписчика, который рветъ и мечетъ по поводу

буквъ «чужаго» алфавита. Издательница смертельно перепугалась: ей угрожало потерять добрую половину своихъ подписчиковъ, которые могли-бы перейти къ другимъ, болѣе «патріотическимъ» моднымъ журналамъ. Поэтому она поспѣшила напечатать въ газетахъ, что она не «виновата», что вся исторія простая «оплошность», «педосмотръ» и т. д.

Если читатель вспомнитъ, «охранительная» печать наша спльно эксплуатировала только что рассказанный случай и, со свойственною ей логикой, вывела заключеніе, что поляковъ еще крѣпче надо прибрать къ рукамъ. Въ отвѣтъ на это въ «Голосѣ» появилось письмо Александра Гловацкаго (Болеслава Пруса), въ которомъ онъ объяснялъ, что еслибы языкъ, пзъ-за лнтеръ котораго загорѣлся сыръ-боръ, употреблялся только въ сочиненіяхъ Пушкина, Тургенева, Некрасова,— то въ Польшѣ не нашелся-бы ни одинъ человекъ, который питалъ-бы къ нимъ какую-либо вражду. Къ сожалѣнію, такое употребленіе дѣлается крайне рѣдко...

Одна крайность всегда вызываетъ другую. И нечего поэтому особенно удивляться враждебности даже къ такимъ невиннымъ предметамъ, какъ буквы русскаго алфавита. Это ничто иное, какъ отвѣтъ на подвиги тѣхъ «обрусителей», которые подъ прикрытіемъ защиты «русскихъ интересовъ» и при ободряющемъ тюбаніи московскихъ патріотовъ навсегда запятали въ глазахъ поляковъ честь русскаго имени и сдѣлали ихъ подозрительными ко всему тому, что имѣетъ какую-нибудь связь съ Россією.

«Капитальный фактъ, который было-бы ребячествомъ скрывать, то, что варшавская печать, какъ и вообще польское общество, насъ, русскихъ, не любитъ. Это нерасположеніе ко всему русскому проявляется во всемъ, нерѣдко даже въ мелочахъ. Оно проявляется, между прочимъ, въ той скромной рубричкѣ, которую варшавская печать удѣляетъ фактамъ изъ русской жизни и гдѣ она съ видимымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ отрицательныя стороны нашей общественной и государственной жизни. Оно обнаруживается также въ запальчивости тона польской прессы всякій разъ, когда возникаетъ вопросъ, въ которомъ полемика между нею и русскою печатью допускается и пр. и пр.» (стр. 371).

При такихъ условіяхъ всякія попытки къ «примиренію» Польши и Россіи, съ перваго взгляда, кажутся совершенно утопичными.

Такъ и смотрять многіе, и притомъ не только тѣ, которые во всякой примирительной политикѣ видятъ «преступную слабость» и «дискредитированіе власти», но и тѣ, которые смотрять на польскій патриотизмъ, какъ на явленіе вполне понятное и естественное. Но именно потому, что они считаютъ, что любовь къ родинѣ, желаніе ей величія и славы не есть исключительная монополія пророковъ Страшнаго Бульвара, именно потому, что они считаютъ, что если должно требовать патриотизма отъ русскаго, то смѣшно оспаривать право на него поляка, именно потому то они и не вѣрятъ въ примиреніе побѣжденнаго и побѣдителя.

Но если ближе всмотрѣться въ польско-русскія отношенія, то оказывается, что положеніе вовсе не такое безнадежное и что «примиреніе», не безусловное конечно, а такъ, на многихъ пунктахъ несомнѣнно возможно. И любопытно, что возможность эта, немислпмая при существованіи шляхетско-клерикальной Польши, является непосредственнымъ слѣдствіемъ народненія въ Польшѣ прогрессивной партіи.

Дѣло въ томъ, что «въ Варшавѣ мало знаютъ Россію и даютъ себѣ весьма поверхностный отчетъ въ слагающемся новомъ строѣ русской жизни. Поляки, вся политическая жизнь которыхъ была такъ долго исключительно поглощена завѣтною мечтою о возстановленіи Польши, привыкли смотрѣть на Россію, на все русское исключительно, какъ на силу, враждебную осуществленію этой мечты. Русское правительство, общество, народъ, съ собственными каждому изъ нихъ спеціальными стремленіями, традиціями, цѣлями и задачами, не раздѣляются въ ихъ понятіи, а составляютъ одно цѣлое, на сторонѣ котораго находится сила. Поэтому, когда русское общество протягиваетъ польскому руку примиренія, послѣднее мысленно отвѣчаетъ: «устраните, молъ, сперва несправедливости по отношенію къ намъ, а тамъ видѣе будетъ, и мы потолкуемъ!» Такимъ образомъ, со стороны глядя, выходитъ довольно комическое *qui pro quo*. То, что русское общество можетъ дать, отвергается, и отъ него требуютъ того, что оно ни въ какомъ случаѣ дать не въ состояніи. Прискорбно же во всемъ этомъ вопросъ то, что поляки, вслѣдствіе своего незнакомства съ Россією, слишкомъ низко цѣнятъ то, что русское общество могло бы имъ дать. Конечно, это—товаръ, который пока не котируется на биржѣ, но на политической биржѣ есть много такихъ бумагъ,

которыя въ данную минуту цѣны не имѣютъ, а между тѣмъ представляютъ громадную цѣнность въ будущемъ, и въ накладѣ останется тотъ, кто не приобрѣлъ ихъ въ пооря. Не характеристично-ли въ этомъ отношеніи, что варшавская печать, какъ будто, интересуется только тѣмъ, что происходитъ въ административныхъ сферахъ, и затѣмъ, считаетъ нужнымъ регистрировать всѣ отрицательныя стороны нашей общественной жизни? Всякое извѣстіе изъ Россіи принадлежитъ либо къ такъ называемымъ административнымъ новостямъ, либо къ крупнымъ скандаламъ, либо, наконецъ, къ сужденіямъ русской печати о Польшѣ и о польскихъ дѣлахъ. Все-же русское общественное движеніе игнорируется варшавскою печатью» (стр. 372).

Мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ, вполне аналогичнымъ тому, о которомъ шла рѣчь въ началѣ настоящей статьи. Все равно, какъ у огромнаго большинства русскаго общества слово «полякъ» является вполне однороднымъ понятіемъ, все равно какъ почти у всякаго русскаго, благодаря незнакомству съ новѣйшею жизнью Польши, при словѣ «полякъ» возникаетъ крайне несправедливое представленіе о чемъ-то узко-шляхетскомъ и обскурантно-клерикальномъ, такъ и у огромнаго большинства поляковъ при словѣ «русскій» происходитъ ассоціація идей крайне нежелательнаго свойства для русскаго самолюбія. «Русскій—а, это, значитъ одинъ изъ тѣхъ, которіе... и т. д.» И является въ умѣ цѣлый рядъ воспомнаній, которыя и на щеки всякаго порядочнаго русскаго вызываютъ краску стыда и негодованія. Ну, конечно, особенной симпатіи причастность къ такимъ воспомнаніямъ внушить не можетъ.

Если-же иному, очень уже добросовѣстному поляку, придетъ охота отрѣшиться отъ старыхъ воспомнаній и отдѣлать другъ отъ друга составные элементы понятія «Россія», то картина получится тоже не особенно располагающая поляковъ къ русскимъ. Такъ какъ всего естественнѣе человѣку обращать вниманіе на того, кто на него обращаетъ вниманіе, то неудивительно, что для поляка одновременно съ понятіемъ о «русскомъ общественномъ мѣншіи» вырисовывается грозная фигура Ивана Сергѣевича Аксакова, который требуетъ, чтобы въ католической странѣ было «правильно организовано» и «энергически защищено» православіе и притомъ требуетъ не отъ своего имени, а отъ имени «всей

Россіи». Иванъ Сергѣевичъ, какъ извѣстно, всегда говоритъ отъ имени всей Россіи: ему всегда вѣдомо, чего «вся Россія» желаетъ. И если свои-то люди знаютъ, что убѣренія эти въ большей или меньшей степени вздоръ, то откуда это знать чужимъ. Ну, поэтому поляки и вѣрятъ, что «общественное мнѣніе» Россіи и г. Аксаковъ одно и тоже.

Съ понятіемъ о русской журналистикѣ въ умѣ каждого поляка возникаютъ представленіе о гг. Катковѣ, Суворинѣ, Комаровѣ, съ понятіемъ о русскихъ ученыхъ—г. Кояловичъ. Въ великому несчастію, только эти господа и занимаютъ у насъ польскимъ вопросомъ. Оттого-то Польша ихъ и знаетъ.

Да, такова печальная истина — въ Польшѣ знаютъ Россію по «обрусителямъ», по Аксакову, Каткову, Суворину, Комарову и Кояловичу. Представленіе, понятно, получится блистательное.

Только два, три органа варшавской печати имѣютъ свѣдѣнія и о другихъ явленіяхъ русской жизни. Но, Боже, что это за свѣдѣнія! Вотъ вамъ для образца распредѣленіе органовъ русской прессы, сдѣланное въ «Przeglądъ Tygodniowy» однимъ «полякомъ», живущимъ въ предѣлахъ Россіи.

«Внимательно (!) читая русскія газеты и стараясь проникнуться вопросами, которые онѣ обсуждаютъ, мы отчасти начинаемъ понимать ихъ точку зрѣнія, оцѣниваемъ ихъ значеніе и уясняемъ себѣ, чѣмъ онѣ хотятъ быть. Мы знаемъ, почему слѣдуетъ придавать вѣсь тому, что «Голосъ» говоритъ о внѣшнихъ вопросахъ, и почему можно пройти безъ всякаго вниманія то, что проповѣдуетъ профессоръ Градовскій о вопросахъ внутреннихъ. Мы знаемъ, что «Молва», «Недѣля» и «Отечественныя Записки» служатъ такъ называемымъ «западникамъ», между тѣмъ, какъ «Московскія Вѣдомости», «Современныя Извѣстія», а отчасти и «Петербургскія Вѣдомости»,—представляютъ лагерь старыхъ панславистовъ, рѣзко отличающихся отъ нео-славянофиловъ, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи «Вѣстникъ Европы», «Русскую Старину» и «Русскія Вѣдомости». Мы знаемъ, кому и для какихъ цѣлей служатъ «Новое Время», каково отношеніе «Берега» къ остальной печати; мы знаемъ также, что «Новости» являются энергической и самостоятельной либеральной газетою» (стр. 354).

Если таковы свѣдѣнія человека, «внимательно» читавшаго русскія газеты и дѣйствительно слыхавшаго какой-то звонъ, то

читатель может себя представить, что такое знают о Россіи обыкновенные представители польскаго общества.

Цензурныя условія, которыя въ Варшавѣ строже, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, со своей стороны не мало содѣйствуютъ тому, чтобы изолированность польской жизни отъ русской осталась во всей своей силѣ. Дѣло въ томъ, что обсужденіе внутреннихъ вопросовъ сопровождается такими трудностями, что взнемогающій въ непосильной борьбѣ умъ журналиста поневолѣ обращается на вопросы иностранной жизни, относительно которой простору для обсужденія дано безконечно больше. Поэтому и получается въ результатъ крайне курьезное зрѣлище. Значительнѣйшая часть польской журналистики посвящена иностранному отдѣлу. «Послѣ политическаго обзрѣнія или передовой статьи, посвященной политическому вопросу, слѣдуютъ такъ называемыя политическія послѣднія извѣстія, а за ними обширныя корреспонденціи, опять-таки политическаго содержанія, изъ всевозможныхъ городовъ, начная съ главныхъ европейскихъ центровъ и кончая такими, которые приходится чуть-ли не отыскивать на картѣ.

«Послѣ такого потока статей, корреспонденцій, извѣстій, телеграммъ и записокъ, посвященныхъ чуждымъ краямъ, вы, можетъ быть думаете, что болѣе не встрѣтите ни одной строки иностраннаго матеріала? Какъ бы не такъ! Во первыхъ, вамъ угрожаетъ длинный фельетонъ, посвященный обзору иностранной жизни или какому-нибудь длиннѣйшему иностранному роману, а, во вторыхъ, въ концѣ газеты, по большей части, нѣсколько столбцовъ отводятся такъ называемымъ курьезамъ изъ иностранной жизни, т. е. трагическимъ или забавнымъ происшествіямъ, анекдотамъ, острымъ словамъ и проч. И, какъ будто, и этого еще не довольно: одна изъ газетъ, именно: «Польская Газета» (Gazeta Polska), считаетъ нужнымъ аккуратно помѣщать въ самомъ концѣ своихъ столбцовъ переводъ какой-нибудь статьи объ афганской политикѣ Англіи или объ услугахъ краснаго креста» (стр. 366).

Всякаго, кто хоть нѣсколько знакомъ съ нашей провинціальной прессой, не поразятъ только что сообщенныя свѣдѣнія. Однакошья условія порождаютъ однакошья слѣдствія, и одно и то же вынужденное «игнорированіе» насущнѣйшихъ потребностей жизни наблюдается по этому на берегахъ Вислы и гдѣ-нибудь въ Екатериниподарѣ. Недавно попался мнѣ № новой черноморской газеты

«Кубань». Боже, что это за комическое зрѣлище! Газета небольшая: маленькаго формата, въ 3 столбца. И вотъ, на скудномъ пространствѣ 12 столбцевъ, былъ помѣщенъ обстоятельныйшии сводъ «послѣднихъ политическихъ извѣстій», правительственными распоряженіями, производства, нѣсколько мелкихъ извѣстій о разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ въ отдѣлѣ «Смѣси» и наконецъ подробное «письмо изъ Петербурга»; трактующее о... Саррѣ Бернарѣ. «Мѣстному отдѣлу» было отведено изъ 12 столбцовъ никакъ не больше 3—4. И важныя все были свѣдѣнія въ этомъ мѣстномъ отдѣлѣ: въ одной страницѣ одного обокрали, въ другой гости на свадьбѣ веренились и подрались и т. д.

VI.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ тотъ капитальный фактъ, что съ одной стороны, благодаря цензурному стѣсненію, а съ другой, благодаря вѣкамъ установившейся племенной враждѣ, въ Польшѣ мало знаютъ Россію.

Не имѣемъ-ли мы по этому права надѣяться, что когда въ Польшѣ узнаютъ, что Россія и «обрусители» не одно и то же, что русское общественно-мнѣніе и малпновый звонъ передовицъ Ивана Сергѣевича Аксакова—явленія крайне враждебныя другъ другу, что Каткова на столько же презираютъ и ненавидятъ въ Россіи, несколько презираютъ и ненавидятъ его въ Польшѣ, словомъ, когда въ Польшѣ поймутъ, что Россія есть Россія и тогда, нѣтъ сомнѣнія, культурное примиреніе двухъ родственныхъ народностей будетъ въ значительной степени облегчено.

Что все это не розовыя фантазіи, можно доказать цѣлымъ рядомъ фактовъ.

Прежде всего нельзя не обратить вниманія на громадную популярность въ Польшѣ тѣхъ русскихъ газетъ и писателей, которые человѣческимъ образомъ относятся къ польскому вопросу. Еслибы «примиреніе» Россіи и Польши было дѣйствительно дѣломъ безнадежнымъ, въ такомъ случаѣ никакія задабриванія хорошимъ отношеніемъ не производили бы какого либо прочнаго впечатлѣнія.

Timeo Danaos, jam dona ferentes

есть дозупгъ того положенія, при которомъ примрненіе невозможно. Ирландія можетъ служить достаточно нагляднымъ примѣромъ этого.

Поляки же крайне благосклонны ко всякому «dona», ко всякому благоволенію русскаго общественнаго дѣятеля. Такъ, напримѣръ, г. Пилпнъ пользуется въ Польшѣ самыми обширными симпатіями только за то, что помѣстилъ въ «Вѣстникѣ Европы» нѣсколько статей о польскомъ вопросѣ, въ которыхъ нападалъ на публицистовъ Охотнаго Ряда за ихъ заскоружное отношеніе къ Польшѣ. Очень популяренъ также «Вѣстникъ Европы», который всегда отстаивалъ равноправіе различныхъ національностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи и потому не могъ сдѣлать исключенія для національности польской.

Изъ русскіхъ газетъ обширную популярность пользуются «Новости». Въ вышеприведенной характеристикѣ русской печати, сдѣланной въ Przeglądъ Tygodniow'омъ о «Новостяхъ» говорится съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ о всѣхъ другихъ органахъ нашей прессы. Все это въ награду за то, что «Новости» сильно интересуются польскимъ вопросомъ и разрѣшаютъ его въ благопріятномъ для поляковъ смыслѣ. Благодарность «Новостямъ» за ихъ теплое отношеніе къ полякамъ выражается не въ одной платонической признательности. Кто бывалъ въ западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, тотъ, нѣтъ сомнѣнія, замѣтилъ, какъ сильно тамъ распространены «Новости». Онѣ выписываются тамъ тѣмъ многочисленнымъ промежуточнымъ слоемъ, который во многихъ отношеніяхъ примкнулъ къ русской культурѣ, такъ что нуждается въ русской газетѣ, но въ душѣ все-таки крѣпко хранитъ польскія симпатіи и ужасно чутокъ ко всякой обидѣ, нанесенной польскому элементу. Вотъ у этого-то промежуточнаго слоя, у чиновниковъ польскаго происхожденія, у бѣлоруссовъ и литвинновъ стараго поколѣнія, воспитанныхъ въ польскихъ традиціяхъ, вы всегда найдете «Новости». Редакція половофильской газеты, конечно, отлично понимаетъ причину своего распространенія въ западныхъ и польскихъ губерніяхъ и потому болѣе другихъ нашихъ газетъ удѣляетъ вниманія польской жизни. Кромѣ передовыхъ статей по польскому вопросу, «Новости» помѣщаютъ подробности

свѣдѣнія о варшавскомъ общественномъ движеніи, о польской литературѣ, музыкѣ, искусствѣ театрѣ, «Польскія письма» г. Сементковскаго, такъ же какъ и вышедшая въ прошломъ году книжка г. Михневича «Варшава и Варшавяне» были первоначально помѣщены въ фельетонахъ «Новостей». Тамъ-же часто помѣщаются переводы польскихъ беллетристическихъ произведеній. Словомъ, взаимное угожденіе.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что «Новости» у себя-то домавѣды не Богъ вѣсть что такое собою представляютъ. Въ іерархіи русскихъ періодическихъ изданій «Новости» занимаютъ мѣсто второстепенное. И если тѣмъ не менѣе ихъ благоволеніе вызываетъ такую признательность, то какъ значить сильная потребность въ ласкѣ.

Впрочемъ, какъ-бы тамъ ни было, «Новости» все-таки газета очень распространенная, такъ что ея ласка что-нибудь да стоитъ. Но вотъ существуетъ на свѣтѣ нѣкій г. Шигаринъ, личности крайне темная, нравственная фпзіономія котораго достаточно характеризуется тѣмъ, что во время войны онъ былъ нанятъ товариществомъ Грегера, Горвица и Кагана для обѣдѣнія его дѣйствій. Въ настоящее время г. Шигаринъ поступилъ на службу къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» и уже успѣлъ отличиться на семь доблестномъ поприщѣ: во-время извѣстилъ своего патрона, что въ Ростовѣ-на-Дону производится розничная продажа № № «Московского Телеграфа», которому эта продажа воспрещена. Словомъ, литераторъ отмынный. Такъ вотъ этотъ самый г. Шигаринъ, за упраздненіемъ продовольственнаго товарищества оставшійся недѣль, затѣялъ года два тому назадъ «Библіотеку западной полосы Россіи», въ которой великодушно взялъ подъ свою защиту все чужія національности Россіи, въ томъ числѣ и поляковъ. Чтобы не затруднять подписчиковъ хлопотами въ почтовыхъ конторахъ, г. Шигаринъ самолично объѣзжалъ западныя губерніи, врвался въ домъ каждаго болѣе или менѣе состоятельнаго обывателя и предлагалъ подписываться. Конечно, не у всякаго хватало рѣшимости указать на дверь и г. Шигаринъ, поэтому, собралъ довольно большое количество десятипрублевокъ. Само собою понятно, что обѣщаннаго количества книжекъ г. Шигаринъ не выпустилъ, а далъ всего нѣсколько нумеровъ, замѣчательно убого составленныхъ.

И тѣмъ не менѣе, даже такому защитнику польская печать обрадовалась. Въ то время, когда русскіе рецензенты ограничились однимъ пренебрежительнымъ констатированіемъ факта, что вышла моль «Библіотека западной полосы Россіи» — единственное, что въ данномъ случаѣ можно было сдѣлать — польская печать очень серьезно занималась изданіемъ г. Шигарина. Оттиснутая оттуда отдѣльною брошюрою статья г. Шигарина: «что намъ дѣлать для сближенія съ поляками» — жалкая, бездарная вещь, но тепло относящаяся къ полякамъ, была подвергнута серьезному, благоволящему разбору въ лучшихъ польскихъ журналахъ и самъ г. Шигаринъ, спелулятивное полопофильство котораго просто рѣжетъ въ глаза своимъ непримчивымъ, своимъ продажнымъ пропешожденіемъ, удостоился самыхъ лестныхъ отзывовъ.

Это уже не простое желаніе «примиренія», а настоящій годъ.

Кромѣ благодарности къ тѣмъ русскимъ газетамъ и писателямъ, которые симпатично относятся къ Польшѣ, стремленіе къ сближенію выражается также очень рельефно въ томъ, что съ каждымъ годомъ увеличивается вниманіе, удѣляемое поляками русской жизни.

«Что въ польскомъ обществѣ чувствуется стремленіе ближе ознакомиться съ Россією — не можетъ подлежать сомнѣнію для всякого, кто слѣдитъ за варшавскою печатью. Стремленіе это проявляется не въ одинаковой степени въ органахъ различныхъ партій» (стр. 389).

Понятно, почему. Мы уже разъ подчеркнули то обстоятельство, что между Польшею Северина-Солицы и демократическимъ настроеніемъ русскаго общества не можетъ быть никакихъ точекъ соприкосновенія. Но между Польшею Сырокомли и Россією Некрасова, между «новою Польшею» и «новою Россією» этихъ точекъ соприкосновенія множество. Оттого мы и желаемъ поставить на видъ, что культурное примиреніе обѣихъ народностей, прежде находившихся въ непримиримой враждѣ, не только по причинамъ политическимъ, но и потому, что они являлись представителями двухъ діаметрально-противоположныхъ душевныхъ міровъ, что теперь это примиреніе возможно благодаря тому, что въ Польшѣ народилась прогрессивная партія, которая съ удовольствіемъ слѣдитъ за русской жизнью, тому что находитъ въ ней отзывъ своихъ собственныхъ стремленій.

И дѣйствительно:

«Средній польскій интеллигентный человекъ, упорнѣ всего придерживающійся традицій, менѣ всего интересуется Россіею. Поэтому, всё тѣ издавія, которыя служатъ ему, мало заппамаются Россіею; таковы: «иллюстрированныя издавія», курьерки ¹⁾, «Варшавская Газета» и «Варшавская Библиотека», Въ этихъ издавіяхъ вы рѣдко встрѣтите извѣстія изъ Россіи или замѣтки о ней». (стр. 389).

Больше интересуются Россіею издавія, направленія которыхъ можно было-бы назвать умѣренно-прогрессивнымъ: не совсемъ порвавшія съ старыми традиціями, но появившія, что на однихъ этихъ старыхъ традиціяхъ далеко не уѣдешь. Къ такимъ издавіямъ принадлежатъ: «Это», «Вѣкъ», «Польская Газета».

«Въ первыхъ двухъ вы иногда встрѣтите извлеченія изъ статей русскихъ газетъ, главнымъ образомъ, конечно, изъ такихъ статей, въ которыхъ обсуждаются вопросы, имѣющіе болѣе или менѣ близкое отношеніе къ Польшѣ. Въ «Польской Газетѣ» появляются постоянныя корреспонденціи изъ Москвы и Одессы, посвященныя всѣмъ выдающимся новостямъ нашей общественной жизни. Особенно обращаютъ на себя вниманіе московскія корреспонденціи, которыя представляютъ довольно талантливо излагаемую хроникку русской жизни, хотя авторъ и трактуетъ о нашихъ дѣлахъ съ снисходительною улыбкою на устахъ,—но это не бѣда, а можетъ быть даже и полнѣнно съ его стороны. Иначе его въ Варшавѣ, пожалуй, не стали-бы читать, а теперь польскій читатель говоритъ себѣ:—«Ну, посмотримъ, что дѣлаютъ эти варвары — «москамп» — и прочитываетъ корреспонденцію, при чемъ подчасъ оказывается, что «москамп» и не совсемъ варвары.

«Но самыя полныя и объективныя свѣдѣнія о Россіи встрѣчаются въ прогрессивныхъ органахъ, особенно въ «Новостяхъ» («Nowiny») и въ «Атенеумѣ». Издавія эти и ихъ читатели относятся реально къ жизни и сознаютъ, что такъ какъ Россія не отдѣлена отъ Польши китайскою стѣною, а напротивъ, между двумя странами существуетъ очень тѣсная связь, то...» (стр. 390).

¹⁾ «Kuryer Codzienny», «Kuryer Poranny» и «Kuryer Warszawsky» — соотвѣтствуютъ нашей «малой прессѣ» имѣютъ громадное количество подписчиковъ, большею частью изъ малообразованной публики.

То—нужно сближеніе.

И вотъ тутъ-то ясно выступаетъ впередъ огромное жизненное значеніе прогрессивной партіи. Въ то время, какъ всѣ остальные партіи должны создавать въ себѣ интересъ къ Россіи искусственнымъ образомъ и, въ сущности, только изучаютъ врага, прогрессисты, ни на одну іоту не измѣняя требчаніямаь самаго пламеннаго, самаго «исбыточнаго» патріотизма, могутъ съ самымъ искреннимъ благоволеніемъ слѣдить за общественною жизнью Россіи, не всей конечно Россіи, а той, которая соотвѣтствуетъ ихъ собственному душевному строю, той Россіи, которую теперь тѣкаютъ публицисты хлѣвной литературы, но которой несомнѣнно принадлежитъ будущее, той Россіи, которая не только живетъ, но и другимъ жить дастъ, которая уважаетъ права человѣка во всемъ разнообразіи его общественнаго, религіознаго и національнаго положенія.

Закончу настоящую статейку небольшимъ личнымъ воспоминаніемъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое производитъ на поляковъ всякій русскій, не поющій въ унисонъ съ Сувориными и Катковыми на мотивъ объ обузданіи.

Лѣтомъ прошлаго года мнѣ пришлось столкнуться за границею съ цѣлымъ обществомъ польскихъ журналистовъ. Вначалѣ отношенія были самыя натянутыя. Поляки держались отдѣльно, небольшой кружокъ русскихъ, къ которому я принадлежалъ — отдѣльно. Но потомъ ледъ какъ-то былъ сломенъ и мы разговорились. Сперва бесѣда шла на французскомъ языкѣ. Поневолѣ припоминались при этомъ остроты пѣмцевъ, злобно смѣющихся надъ тѣмъ, что нѣмецкій языкъ есть *Panslawistische Sprache*, что когда сходятся отдѣльные члены «славянской семьи», то переговариваются они по-нѣмецки, такъ какъ заговори они на своихъ «родственныхъ другъ другу языкахъ», то повторяются сцены у вавилонской башни.

Во взаимныхъ отношеніяхъ поляковъ и русскихъ роль панславистскаго языка, какъ извѣстно, играетъ французскій. Такъ это и въ нашей бесѣдѣ было. Но потомъ, когда мы сошлись ближе, французскій былъ замѣненъ русскимъ. Журналисты большею частью были молодые, получили они воспитаніе въ гимназіяхъ Царства Польскаго, гдѣ уже около 20 лѣтъ происходитъ преподаваніе на

русскомъ языкѣ; понятно, слѣдовательно, что они всѣ отлично знали по русски и только въ пику русскимъ не желали говорить съ ними на «официальномъ языкѣ».

Какъ всегда бываетъ при встрѣчѣ двухъ національностей, бесѣда, главнымъ образомъ, вертѣлась на взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши. Дѣло было заграницей и потому мои собесѣдники вольны были подносить намъ «горькія пилюли», не подозрѣвая, что они посылаются совершенно не по адресу. Что касается меня, то, подъ вліяніемъ только что прочтенной мною книги г. Хмѣлевскаго, я сталъ выказывать горячее сочувствіе новому теченію польской мысли, да и вообще всѣмъ честнымъ стремленіямъ польскаго общества. И нужно было видѣть, что случилось съ моими собесѣдниками. Они далеко не всѣ были прогрессисты, тутъ были между ними и завзятые консерваторы, очень враждебно относившіеся къ книгѣ г. Хмѣлевскаго; но сочувствіе, высказанное русскимъ чему-бы то ни было польскому до того умлило моихъ собесѣдниковъ, что просто неловко становилось. Всѣ поочередно подошли ко мнѣ и горячо пожали руку.

Ужасно больно и обидно было при этомъ то недовѣріе, съ которымъ собесѣдники наши отнеслись къ моему заявленію, что мало-мальски порядочная часть русской интеллигенціи ни въ какомъ случаѣ не причастна травлѣ на польскую народность, устриваемую Катковымъ и другими представителями клѣвной партіи. Они были убѣждены, что люди въ родѣ г. Пиппина, человѣчно относящіеся къ полякамъ, составляютъ крайне рѣдкое исключеніе.

Не измѣли я, поэтому, право вывести изъ своей бесѣды то убѣжденіе, что оттого и дичатся насъ поляки, что во всякомъ русскомъ видятъ своего врага. Пусть только накопятся у нихъ свѣдѣнія о томъ, что Пиппинныхъ много, и что Катковъ въ Россіи ругательное слово—и увидите, какое наступитъ сближеніе и примиреніе. Повторяю еще разъ—сближеніе и примиреніе культурное. О примиреніи политическомъ я не желаю говорить, по сто одной причинѣ. Но вѣдь и всякій политическій *modus vivendi* гораздо легче можетъ быть найденъ, если взаимное раздраженіе ослабѣваетъ.

С. Венгеровъ.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ прежде всего надлежитъ отмѣтить нѣсколько весьма важныхъ узаконеній, касающихся крестьянской жизни. 1-е мая было опубликовано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» Высочайше утвержденное 23 марта сего года постановленіе относительно порядка зачета особыхъ взносовъ, представляемыхъ въ уплату капитальныхъ долговъ крестьянъ по выкупнымъ ссудамъ. Въ Положеніи о выкупѣ бывшими помѣщичьими крестьянами земель, отведенныхъ имъ въ надѣлъ, было опредѣлено (ст. 115); что крестьяне, приобрѣвшіе надѣлы съ содѣйствіемъ правительства, могутъ, сверхъ установленныхъ годовыхъ платежей, дѣлать еще особые взносы менѣе 10 р. и непременно нѣбныхъ десятковъ рублей), которые зачитываются въ уплату числящагося за ними долга по выкупной ссудѣ. Нынѣ, вышеуказаннымъ постановленіемъ, подробно разъясняется, какъ долженъ производиться зачетъ этихъ особыхъ взносовъ и какъ должны уменьшаться вслѣдствіе этого выкупные платежи. Порядокъ зачета особыхъ взносовъ, дѣлаемыхъ дѣльнымъ крестьянскимъ обществомъ, не представляетъ ничего особеннаго: опредѣляется какую долю остающагося непогашеннаго долга составляетъ дѣлаемый взносъ, затѣмъ, весь числящійся на крестьянахъ выкупной долгъ уменьшается на эту долю и выкупные платежи рассчитываются уже не съ первоначальной суммы долга, а съ уменьшенной, въ размѣрѣ внесенной доли. Размѣръ процентовъ по погашенію остается, разумѣется, тотъ же самый, т. е. 6 проц., причѣмъ $\frac{1}{2}$ процента идутъ въ погашеніе долга, а $5\frac{1}{2}$ проц. взимаются какъ проценты за

долгъ; а сбавка въ годичныхъ выкупныхъ платежахъ будетъ дѣлаться только съ начала податнаго полугодія, т. е. если особый взносъ сдѣлать, напр., въ теченіи перваго полугодія, то сбавка будетъ считаться съ 1-го іюня, а если въ теченіи втораго полугодія, то съ 1-го января слѣдующаго года. Тотъ же самый порядокъ примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ надѣльной крестьянской земли, выкупаемой изъ содѣйствія правительства, будетъ отчуждена какая нибудь часть, по распоряженію правительства (какъ напр., для желѣзной дороги) или по желанію самихъ крестьянъ (если, напр., они пожелаютъ кому нибудь продать часть земли), причемъ по ст. 161 и 162 Положенія о выкупѣ, получающіеся деньги поступаютъ въ счетъ остающагося по выкупной ссудѣ долга. Гораздо болѣе интересно и важно, когда земля будетъ выкупаться не цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ, а отдѣльнымъ домохозяиномъ въ личную собственность, по статьѣ 165 Положенія о выкупѣ. По поводу этой статьи, создававшей весьма опасный юридическій прецедентъ для цѣлости нашей общины, столько писалось въ литературѣ, въ особенности писателями и органами печати, выдавшими въ нашей общинѣ основную, краеугольную форму русской жизни и залогъ будущаго экономическаго нашего прогресса, что намъ, какъ разъдѣляющимъ эти взгляды, остается только сказать, что теперь прецедентъ этотъ выступаетъ вновь, если не болѣе формулированнымъ, то еще разъ разъясненнымъ. Домохозяинъ, желающій выкупить свой участокъ, отдѣльно отъ остальной общинной земли, долженъ внести сперва ту сумму, которую ему оставалось еще погашать. Сумма эта складывается, съ выкупнаго долга, числящагося на обществѣ, а годовые платежи соотвѣтственно этому уменьшаются, что, конечно, на первый взглядъ, можетъ показаться обществу выгоднымъ, но затѣмъ, съ теченіемъ времени и при значительности случаевъ отдѣльныхъ выкуповъ, весьма легко можетъ создаваться такое положеніе, что наиболѣе сильные домохозяева уйдутъ изъ общества и возьмутъ себѣ лучшіе земельные участки, а крестьяне наиболѣе слабые останутся съ плохой землею, причемъ доведеніе ими выкупа до конца можетъ стать во многихъ случаяхъ сомнительнымъ. Дастъ ли имъ плохая земля возможность платить за нее и существовать --- еще вопросъ. Одни изъ нихъ, бѣднѣйшіе домохозяева, вѣроятно, передадутъ свои участки болѣе состоятельнымъ

домохозяйствамъ, а сами уйдутъ на сторону. — искать счастья въ волюнопаемномъ трудѣ; другіе, можетъ быть, продадутъ даже свои участки стороннимъ лицамъ: для этого имъ нужно заплатить только остатокъ выкупнаго долга, который, вѣроятно, согласится заплатить покупатель и который можно заплатить и путемъ частнаго займа (въ Москвѣ, напр., на Арбатѣ, въ Колоннискскомъ переулкѣ. д. Волкова, существуетъ контора Л. А. Горленко, которая выдастъ деньги подъ залогъ крестьянскихъ надѣловъ, о чемъ и публикуетъ, во всеобщее свѣденіе въ газетахъ); а третьи, можетъ быть, просто забросаютъ свои надѣлы и разбредутся, какъ этому и имѣется уже нѣсколько примѣровъ, напр.: въ Горбатовск. у., Нижегород. губ., гдѣ цѣлыя деревни стоятъ пустырями. Крѣпостныя сдѣлки на небольшія суммы (до 300 р.) въ настоящее время, какъ извѣстно, облегчены и упрощены до нельзя переходъ недвижимой собственности цѣлей не свыше 300 р. между крестьянами можетъ быть совершаемъ въ волостномъ управленіи той волости, въ предѣлахъ которой переходящее имущество находится, при чемъ ни гербоваго, ни другихъ сборовъ въ казну взиматься не будетъ. (Русь, № 16, 1882 г.).

Наблизаціи крестьянской земли пужно ждать не вслѣдствіе одного только облегченія формальностей продажи, а вслѣдствіе многихъ причинъ, лежащихъ не только въ условіяхъ выкупа, но и въ условіяхъ настоящаго экономическаго и аграрнаго положенія страны. выразившагося напр. хоть въ переселенческомъ движеніи, о которомъ недавно такъ много говорилось и въ печати. и въ засѣданіяхъ слѣдующихъ людей, и въ правительственныхъ сферахъ. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» теперь очень часто сообщаются свѣдѣнія о значительныхъ переселенскихъ партіяхъ. тянущихся изъ внутреннихъ губерній за Волгу; а «Сельскій Вѣстникъ» долженъ былъ не разъ обращаться къ разъясненію, что островъ Новую Землю, которую предположено колонизовать, никакъ нельзя смѣшивать съ новыми землями, на счетъ которыхъ къ архангельскому губернатору поступили «многочисленныя прошенія» (С. В. № 22). Будетъ ли соответствовать эта любилзаціи земли регулированію поземельныхъ отношеній и огражденіи страны отъ пролетаріата, не затруднитъ ли она правительство въ будущемъ и не создастъ ли цѣлой массы запутанныхъ сдѣлокъ и цѣлаго ряда процессовъ—покажетъ, конечно, только въ будущее.

Еслибы население, оставляющее по какимъ нибудь причинамъ надѣльную землю, сейчасъ же могло рассчитывать на приобретение земли на льготныхъ условіяхъ въ другомъ мѣстѣ, то, конечно, это было бы весьма не дурно. Положеніемъ, что этому до известной степени можетъ содѣйствовать вновь устроивающійся крестьянскій банкъ, по средствамъ этого банка, какъ увидимъ ниже, пока очень не велики и легко могутъ оказаться недостаточными, сравнительно со спросомъ ссудъ; кромѣ того, здѣсь есть много и другихъ условій, которыя, конечно, не останутся безъ противудѣйствія достиженію банкомъ его задачи, еслибы таковую онъ сталъ преслѣдовать послѣдовательно и неуклонно, имѣя въ виду высшій государственный интересъ. Банкъ во многихъ случаяхъ можетъ оказаться беспильнымъ и потому еще, что нуждаемая въ земельныхъ ссудахъ будетъ население самое бѣдное, которому не только нужно будетъ купить землю, но и устроиться на ней имѣть возможность преимущественно хоть до перваго урожая, не только устроиться на новомъ мѣстѣ, но и добраться до него, т. е. имѣть нѣкоторыя средства на передвиженіе. Потому то население больше всего и будетъ нужно содѣйствіе кредита, а банкъ можетъ выдавать только земельныя ссуды. Здѣсь можетъ быть, конечно, устроенъ дополнительный кредитъ... Но дѣло пока не въ этомъ, а въ томъ, чтобы предусмотрѣть во время, по возможности, всѣ отрицательныя случайности, которыя могутъ затруднить насъ въ будущемъ и могутъ такъ или иначе повредить не только интересамъ фиска, но и устойчивости того хозяйственнабытоваго института, который лучше всего гарантируетъ страну отъ пролетаріата. Лучшій исходъ здѣсь, разумѣется, тотъ, когда, вслѣдствіе земельной стѣсненности, крестьянинъ или часть крестьянъ оставляютъ свой надѣлъ въ распоряженіе остающагося общества; а сами приобретаютъ себѣ землю, тоже обществомъ, въ другомъ мѣстѣ. При этомъ они должны (для того, чтобы получить право на оставленіе надѣльной земли) внести половину выкупаго долга, причитающагося изъ общаго долга на ихъ долю, (старья 173), но и тутъ возможны нѣкоторыя недоразумѣнія, и имѣть которыхъ въ виду нельзя: будутъ ли уходящіе крестьяне получать что нибудь и сколько именно отъ своихъ обществъ за половину внесенныхъ ими въ скупныхъ платежей за ихъ участки, которые они будутъ оставлять; будутъ ли выходить они изъ обществъ добро-

вольню или подъ давленіемъ наиболѣе сильныхъ экономическихъ общественниковъ, которые всегда оказываютъ давленіе и на сельскую и волостную администрацію; не могутъ ли нѣсколько такихъ сильныхъ общественниковъ, при отсутствіи нормы и опредѣленныхъ размѣровъ для сельскаго общества, вымѣстить изъ общества всѣхъ слабыхъ крестьянъ, чтобы воспользоваться ихъ надѣлами для своихъ семействъ и затѣмъ подѣлить землю въ личное владѣніе. и т. д. Все это, говоримъ мы, вопросы, которой должны быть предусмотрены, а въ связи съ этимъ еще разъ возникаетъ настоятельная необходимость пересмотра въ законодательномъ порядкѣ статьи 165 Положенія о выкупѣ и другихъ касающихся коренной основы нашего быта—общины, которая спасла народъ отъ обѣдненія и деморализаціи въ прошломъ и можетъ, при благоприятныхъ условіяхъ, гарантировать ему болѣе свѣтлое будущее, а странѣ спокойствіе, котораго не имѣютъ страны, гдѣ аграрный вопросъ сталъ ребромъ и гдѣ трудъ и капиталъ находятся въ состояніи непримиримаго антагонизма.

Другимъ, заслуживающимъ вниманія и касающимся положенія крестьянъ, правительственнымъ актомъ былъ указъ правительствующему сенату о постепенной замѣнѣ подушной подати другими налогами. Замѣна подушной подати должна начаться съ 1883 года, а преобразование должно совершиться «постепенно» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по мѣрѣ изысканія новыхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. «Съ 1-го января 1883 года должны будутъ пока прекратиться только: а) подушные сборы въ пользу казны съ мѣщанъ, б) съ дворовыхъ и приписанныхъ къ волостямъ безземельныхъ крестьянъ, и в) съ крестьянъ, получившихъ отъ помѣщиковъ въ даръ четвертую часть высшаго или указнаго размѣра надѣла, на основаніи ст. 123 Вѣлкороссійскаго и ст. 116 Малороссійскаго мѣстныхъ Положеній. Относительно же другихъ разрядовъ плательщиковъ подушной подати министръ финансовъ долженъ будетъ представить въ будущемъ году особая соображенія о порядкѣ постепенной ихъ отмены и замѣны другими источниками доходовъ. Вопросъ объ отменѣ подушной подати стоялъ на очереди уже очень давно. Уже при самомъ обсужденіи крестьянской реформы, т. е. до 1861 г., признавалось, что освобожденіе крестьянъ, безъ измѣненія податной системы, будетъ неполнымъ и придастъ реформѣ незаконченный

видѣ. Такъ это и было, не смотря на относительную незначительность подушного сбора, благодаря связанной съ нимъ паспортной системѣ и фискальной круговой порукаѣ. Вопросъ объ этомъ поднимался изъ году въ годъ втеченіи всего прошлаго царствованія, а податная коммисія, все это время существовавшая, выработала не одинъ томъ разныхъ проектовъ и подготовительныхъ трудовъ, но дѣло, тѣмъ не менѣе, впередъ не двигалось, пока, наконецъ, въ 1879 г. не послѣдовало Высочайшее повелѣніе: приступить, вопреки мнѣнію податной коммисіи о несвоевременности реформы, нынѣ же къ обсужденію предложеній объ отмѣнѣ сборовъ взимаемыхъ въ пользу государственнаго казначейства по подушной системѣ и объ изысканіи, для замѣны ихъ, другихъ источниковъ государственныхъ доходовъ. «Въ силу этого повелѣнія и состоялось разсмотрѣніе вопроса въ государственномъ совѣтѣ. Изъ того, что отмѣна подушной подати происходитъ не сразу и министр финансовъ долженъ будетъ еще войти въ будущемъ году въ государственный совѣтъ съ своими предложеніями на этотъ счетъ, можно думать, что министерство финансовъ все еще затрудняется переложениемъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей на другія источники доходовъ, хотя, по всей вѣроятности, дефицитъ этотъ, вслѣдствіе столь необходимаго сокращенія нашего огромнаго бюджета, могъ бы быть уничтоженъ безъ установленія новыхъ налоговъ, что, конечно, было бы самое лучшее, такъ какъ уравнительности требуютъ и другіе налоги. Наконецъ, податная коммисія выработала, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проектъ подоходнаго налога, который, не смотря на свои несовершенства и недостатки, все таки лучше и справедливѣе податей податной системы, лежащей только на одно сословіи. До какой степени вся печать единодушно смотритъ на податную систему можно видѣть изъ того, что даже «Московскія Вѣдомости», имѣющія на все свой особенный взглядъ, обыкновенно противоположный либеральной прессѣ, и тѣ высказываются противъ нея: «Нельзя ли, говорятъ они, обойтись безъ разсрочки. разомъ отмѣнивъ всѣ подушные сборы со всѣхъ податныхъ сословій? Если дѣло пойдетъ путемъ постепеннаго уменьшенія податныхъ окладовъ, ало податной системы, заключающагося не столько въ размѣрахъ обложенія, сколько въ путяхъ налагаемыхъ ею на трудъ, будетъ оставаться въ силѣ еще цѣлый рядъ лѣтъ; тягость новыхъ налоговъ уста-

новляемых въ замѣнъ подушныхъ во весь этотъ періодъ не будетъ въ полной мѣрѣ выкупаться общенародною пользою освобожденія раскаго труда. Нельзя ли обойтись безъ этого неудобства? Нельзя ли совершить реформу не дожидаясь пока будутъ присканы новыя налоги на сумму, равную всема итогу подушныхъ сборовъ?»

Газета думаетъ, что это дѣло вовсе не невозможное или «несовсѣмъ невозможное»: «По численію комисіи для пересмотра системы податей и сборовъ (см. XVI томъ), государственная подушная подать доставляетъ казнѣ свыше 54 милліоновъ рублей. Вотъ на какую сумму должны быть присканы новыя налоги. Часть ихъ, долженствующая покрыть тѣ подушныя сборы которыя отмѣняются съ 1 января, какъ надобно полагать, уже прискана. Но затѣмъ 50 милліонная цифра все еще остается въ перспективѣ... «Есть возможность вычеркнуть пятьдесятъ милліоновъ изъ росписи государственныхъ доходовъ не нарушивъ бюджетнаго равновѣсія. Стоить только вычеркнуть равную пятидесятымилліонную цифру изъ росписи расходовъ. А въ нашемъ бюджетѣ значится въ 50 милліоновъ рублей который удобно можетъ быть совсѣмъ сокращенъ, или по крайней мѣрѣ отсроченъ на то число дѣтъ которое по предложеніямъ, нужно для присканія новыхъ источниковъ могущихъ дать казнѣ подобную сумму. Разумѣемъ ежегодныя уплаты казпой мнимаго долга Государственному Банку. Отъ этихъ уплатъ никто ничего не выиграетъ, отъ отсрочки ихъ никто ничего не потеряетъ. Между тѣмъ отсрочка ихъ дала бы возможность безотлагательно совсѣмъ отмѣнить подушныя сборы со всѣми ихъ неудобствами. Реформа немедленно стала бы приносить ожидаемые отъ нея добрыя результаты; и прогрессъ народнаго благосостоянія облегчилъ бы въ скоромъ времени исполненіе другихъ финансовыхъ задачъ требующихъ увеличенія государственныхъ доходовъ». Мнимый долгъ государственному банку, конечно, не настолько мнимъ, какъ думаетъ газета, и неуплата его можетъ вызвать неприятыя финансовыя осложненія, которыя болѣзненно отзовутся на нашей валютѣ, на нашемъ и безъ того невысоко-стоящемъ рублѣ, а другія финансовыя задачи, «требующія увеличенія государственныхъ доходовъ» также могутъ быть раздѣлены на дѣйствительныя и мнимыя, изъ которыхъ послѣднія могутъ подождать, въ виду настоятельной необходимости сокра-

щенія бюджета; но дѣло собственно въ томъ, что уничтожить податную подать крайне необходимо и такъ или иначе возможно.—
Время къ этому пріспѣло.

Познакомимъ теперь читателя съ положеніемъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, на устройство котораго и на покрытие первоначальныхъ расходовъ предоставлено министру финансовъ позаимствовать изъ оборотныхъ суммъ государственнаго банка только 500,000 р., съ тѣмъ, чтобы позаимствованіе это было возмѣщено изъ средствъ крестьянскаго банка.

1. Крестьянскій поземельный банкъ учреждается для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти оныя.

2. Крестьянскій поземельный банкъ есть правительственное учрежденіе, состоящее въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ.

3. Дѣйствія банка распространяются постепенно на тѣ мѣстности имперіи (за исключеніемъ Сибири, Закавказскаго края, губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ), въ которыхъ будутъ учреждены отдѣленія банка, по соглашенію Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ.

4. Управленіе банкомъ возлагается на совѣтъ, изъ управляющаго банкомъ и трехъ членовъ, назначаемыхъ Министромъ Финансовъ.

5. Производство операций банка на мѣстахъ возлагается на отдѣленія онаго, открываемыя, по усмотрѣнію Министра Финансовъ, при отдѣленіяхъ или конторахъ Государственнаго банка, а гдѣ таковыхъ нѣтъ — при казенныхъ палатахъ, или же отдѣльно отъ сихъ учрежденій. Отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка состоятъ подъ предсѣдательствомъ управляющаго, назначаемого Министромъ Финансовъ, изъ трехъ членовъ: одного, по назначенію мѣстнаго губернатора, и двухъ, по избранію губернскаго земскаго собранія, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, — по приглашенію губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

6. Министру Финансовъ предоставляется, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, открывать отдѣленія банка и въ уѣздныхъ городахъ, съ распространеніемъ круга дѣятельности такихъ отдѣленій на одинъ или на нѣсколько уѣздовъ той губерніи.

Въ составъ уѣздныхъ отдѣленій банка входятъ: предсѣдатель, назначаемый министромъ финансовъ; членъ по назначенію губернатора, и два члена, избираемые уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, или приглашаемые губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія.

Примѣчаніе. Если кругъ дѣятельности уѣзднаго отдѣленія банка будетъ обнимать болѣе одного уѣзда, то члены отдѣленія отъ земства назначаются по избранію губернскаго земскаго собранія.

7. Совѣтъ крестьянскаго поземельнаго банка вѣдаетъ слѣдующія дѣла:

- а) разрѣшаетъ выдачу ссудъ, если онѣ не превышаютъ опредѣленнаго для данной мѣстности размѣра (ст. 18);
- б) испрашиваетъ разрѣшеніе министра финансовъ на выдачу ссудъ, если ссуды выдаются по спеціальной оцѣнкѣ (ст. 20);
- в) ведетъ счета по каждой ссудѣ и по производимымъ заемщикамъ уплатамъ;
- г) выпускаетъ свидѣтельства крестьянскаго банка (ст. 9), и
- д) разрѣшаетъ льготы и разсрочки по взносу платежей и утверждаетъ распоряженія отдѣленій относительно продажи просроченныхъ имуществъ.

8. Отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка исполняютъ слѣдующія обязанности:

- а) принимаютъ заявленія о выдачѣ ссудъ и представляютъ объ утвержденіи оныхъ;
- б) содѣйствуютъ продавцамъ и покупателямъ, при совершеніи сдѣлокъ, сообщеніемъ нужныхъ свѣдѣній;
- в) выдаютъ разрѣшенныя ссуды;
- г) ходатайствуютъ о льготахъ и разсрочкахъ въ платежахъ по ссудамъ, въ случаѣ бѣдствій, постигшихъ заемщиковъ (ст. 29), и
- д) дѣлаютъ распоряженія по взысканію просроченныхъ ссудъ.

9. Ссуды изъ крестьянскаго поземельнаго банка производятся наличными деньгами, получаемыми банкомъ посредствомъ выпуска процентныхъ бумагъ, которыя именуется государственными свидѣтельствами крестьянскаго поземельнаго банка.

Примѣчаніе. Реализація спѣхъ свидѣтельствъ, а равно и погашеніе оныхъ, производится чрезъ посредство государственнаго банка.

10. Министру финансовъ предоставляется разрѣшать выпускъ свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка на сумму не свыше пяти милліоновъ рублей ежегодно. Если бы потребовалось прозвестн выпускн свыше сего размѣра, то министръ финансовъ испрашиваетъ на сіе, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее разрѣшеніе.

11. Наричательная цѣна свидѣтельствъ крестьянскаго поземельнаго банка назначается въ 100, 500 и 1,000 рублей.

12. Свидѣтельства крестьянскаго поземельнаго банка приносятъ 5 $\frac{1}{2}$ % годоваго дохода.

13. Свидѣтельства крестьянскаго поземельнаго банка погашаются посредствомъ годовыхъ тиражей, на сумму погасительныхъ взносовъ, поступившихъ отъ заемщиковъ, въ теченіи двухъ предъидущихъ полугодій (ст. 26 и 27).

14. Исправный платежъ процентовъ по свидѣтельствамъ и возвратъ капитала по опымъ обезпечиваются принятыми въ залогъ крестьянскаго поземельнаго банка землями, а также общими средствами правительства.

15. Свидѣтельства крестьянъ поземельнаго банка пользуются слѣдующими преимуществами:

1) они принимаются, по нарицательной цѣнѣ, въ платежи: а) по ссудамъ, выданнымъ изъ крестьянскаго поземельнаго банка, а равно изъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій (сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія), въ уплату капитальной части долга, а выросшіе за текущее полугодіе проценты—въ уплату слѣдующихъ съ заемщика процентовъ; б) въ погашеніе казенныхъ долговъ по платежу податей, по обязательствамъ съ казною, по начетамъ, штрафамъ и т. п.

2) Они принимаются въ залоги по подрядамъ, поставкамъ и вообще по обязательствамъ частныхъ лицъ съ казною, на томъ же основаніи, какъ билеты государственныхъ кредитныхъ установленій.

16. Ссуды для содѣлствія крестьянамъ въ покупки земли выдаются: а) цѣлому сельскому обществу (хотя бы оно состояло изъ нѣсколькихъ селеній, или, наоборотъ, составляло часть одного большаго селенія); б) товариществамъ, въ числѣ не менѣе трехъ крестьянъ, покупающимъ землю въ общее всѣхъ членовъ таког-товарищества или хотя и въ отдѣльное каждаго участника, вѣло

дѣліе, но съ взаимнымъ другъ за друга ручательствомъ въ исправномъ взносъ платежей по выданной ссудѣ и в) отдѣльнымъ крестьянамъ.

17. Размѣръ ссуды нечисляется: при общинномъ пользованіи — на наличную мужескаго пола душу, а при участковомъ — на отдѣльнаго домохозяина. Во всякомъ случаѣ, наибольшій размѣръ ссуды не долженъ ни въ одной мѣстности превышать: при общинномъ пользованіи — 125 руб. на каждую наличную въ сельскомъ обществѣ или товариществѣ крестьянъ душу мужескаго пола, а при подворномъ владѣніи — 500 руб. на каждого отдѣльнаго домохозяина (ст. 18).

18. Въ каждой данной мѣстности размѣръ ссудъ подъ земельные участники, покупаемые при содѣйствіи банка, въ предѣлахъ, указанныхъ въ ст. 17, опредѣляется министромъ финансовъ, по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ.

19. Крестьяне, просящіе ссуду изъ банка, обязаны представить проектъ условія съ продавцомъ земли, на приобрѣтеніе оной, подписанный обѣими сторонами, съ надлежащимъ засвидѣтельствомъ онаго нотаріусомъ, мировымъ судьей, или волостнымъ правленіемъ. Въ проектѣ сего условія должны быть съ точностью означены: число наличныхъ душъ крестьянъ, покупающихъ землю, количество покупаемыхъ десятинъ и покупная цѣна каждой десятины. Въ случаѣ, если бы обусловленная съ продавцомъ цѣна превышала могущую быть полученною изъ банка ссуду, въ означенномъ условіи должны быть указаны способъ и порядокъ уплаты продавцу земли недостающей части покупной суммы. Кроме того, при просьбѣ покупающихъ землю крестьянъ должны быть приложены: при покупкѣ земли цѣлымъ сельскимъ обществомъ — мірской о томъ приговоръ, составленный, согласно ст. 54 общаго положенія о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года, по крайней мѣрѣ двумя третями крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сельскомъ сходѣ, и засвидѣтельствованный волостнымъ правленіемъ; а при приобрѣтеніи земли товариществомъ крестьянъ — обязательство о взаимномъ ихъ другъ за друга ручательствѣ въ исправномъ взносъ слѣдующихъ въ уплату ссуды платежей, въ опредѣленные сроки. Такое обязательство должно быть подписано всѣми участвующими

въ ономъ и также, какъ и приговоръ, засвидѣтельствовано волостнымъ правленіемъ.

20. Въ особо уважительныхъ случаяхъ, а равно когда въ составѣ приобретаемаго съ содѣйствіемъ банка земельного участка будутъ заключаться угодья, имѣющія особенную цѣнность, какъ-то: залывные луга, огороды, конопляники, хмельники, и т. п., ссуда можетъ, по ходатайству мѣстной уѣздной земской управы, быть выдана въ увеличенномъ противъ указаннаго въ ст. 18, размѣрѣ. Такія ссуды разрѣшаются, однако, не иначе, какъ при слѣдующихъ условіяхъ: а) стоимость земельного участка, основанная на дѣйствительной, вполне обеспеченной, его доходности, должна быть приведена въ извѣстность посредствомъ специальной оцѣнки, произведенной мѣстною уѣздною земскою управою; б) размѣръ ссуды не долженъ превышать 70% съ сей оцѣнки, и в) каждая таковая ссуда выдается не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія министра финансовъ, по представленію совѣта банка.

21. Крѣпостные акты на земли, покупаемыя съ содѣйствіемъ крестьянскаго поземельнаго банка, подлежатъ оплатѣ простымъ гербовымъ сборомъ: а) въ 60 копѣекъ за каждый листъ—когда выдаются на сумму не менѣе 50 рублей, и б) въ 10 копѣекъ за каждый листъ—когда выдаются на сумму менѣе 50 рублей. Означенные крѣпостные акты освобождаются отъ платежа крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ. Всякія бумаги, составляемыя по поводу таковыхъ покупокъ (ст. 19), или подаваемыя какъ въ банкъ и его отдѣленія, такъ и въ судебныя, нотаріальныя и административныя установленія, освобождаются отъ платежа гербоваго сбора.

22. До окончательнаго погашенія долга, лежащаго на земельномъ участкѣ, купленномъ при содѣйствіи крестьянскаго поземельнаго банка, отчужденіе такого участка допускается не иначе, какъ съ согласія банка, и съ соблюденіемъ условій, постановленныхъ въ ст. 16—20.

23. При продажѣ участка, заложеннаго въ крестьянскомъ поземельномъ банкѣ, изъ вырученной продажей суммы, прежде всего, удерживается банковый долгъ, затѣмъ долгъ заемщика за землю прежнему ея владѣльцу, оставшіяся неуплаченнымъ при покупкѣ оной. Снѣмъ долгамъ отдается преимущество предъ казенными и частными взысканіями.

24. Въ случаѣ неисправности заемщиковъ по взносѣ платежей по выданной подъ залогъ земли ссудѣ, право банка обращать законное взысканіе на сію землю не стѣсняется ни условіями объ отдачѣ въ наемъ земли, заложенной въ банкѣ, ни другими обязательствами, заключенными заемщиками.

25. Ссуды изъ крестьянскаго поземельнаго банка выдаются, по желанію заемщиковъ, на 24½ и на 34½ года.

26. Сельскія общества, товарищества изъ крестьянъ и отдѣльные крестьяне, получившіе изъ банка ссуду, обязаны вносить, за каждое истекшее полугодіе, въ сроки, установленныя министромъ финансовъ: 1) роста—2½%; 2) на погашеніе ссуды, выданныхъ на 24½ года, 1%, а по ссудамъ на 34½ года—1½%, и 3) на расходы по управленію банка и на образованіе запаснаго капитала ½%.

27. Заемщики могутъ, по желанію, уплачивать свой долгъ и въ болѣе краткіе, нежели означенныя въ ст. 25, сроки, посредствомъ сверхсрочныхъ платежей. При каждой уплатѣ части капитальнаго долга, сверхъ положенныхъ въ ст. 26 на погашеніе ссуды взносовъ, дѣлается соотвѣтствующая скидка въ ежегодныхъ платежахъ.

28. Платежи, невнесенные заемщиками въ установленные сроки (ст. 26), считаются въ недоимкѣ, и съ этого срока взыскивается пеня по ½% съ неуплаченной суммы, за каждый просроченный мѣсяць.

29. Установленная въ ст. 28 пеня можетъ быть сложена по просьбѣ заемщиковъ, если будетъ удостовѣрено уѣздною земскою управою (а въ мѣстностяхъ, гдѣ земскія учрежденія не введены—уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ), что просрочка произошла вслѣдствіе постигшихъ заемщиковъ особыхъ бѣдствій какъ-то: пожара, наводненія, градобитія, падежа скота, уничтоженія посѣвовъ вредными насекомыми, совершеннаго неурожая, внезапной смерти или тяжелой болѣзни наемщика-домохозяина, и т. п.

30. Бѣдствія, упомянутыя въ ст. 29, смотря по значительности причиненнаго или крестьянскому хозяйству убытка, могутъ быть признаваемы основаніемъ для допущенія отсрочки въ уплатѣ недоимки, не далѣе, однако, какъ на четыре слѣдующія полугодія. При повтореніи бѣдствій два года сряду, можетъ быть разрѣ-

разсрочка уплаты отсроченной недоимки, но не даѣе какъ на три года, равными полугодовыми взносами, съ платежемъ 6% на остающуюся въ долгу недоимку.

31. Если льгота допущена не была и недоимка въ теченіи слѣдующаго за просрочкою полугодія пополнена не будетъ, то банкъ обращаетъ землю неисправнаго заемщика въ продажу съ публичныхъ торговъ.

32. Продажа земли неисправныхъ заемщиковъ можетъ быть, по усмотрѣнію банка, отмѣнена, если заемщики преставятъ банку доказательства возможности пополнить числящуюся на нихъ недоимку посредствомъ или отдачи заложенной земли въ аренду, или устройства общественной запашки, или вольной продажи части принадлежащей неисправнымъ заемщикамъ земли, или, наконецъ, инымъ способомъ, признаннымъ банкомъ достаточно обезпечивающимъ выданную имъ ссуду.

Въ слѣдующей книгѣ поговоримъ о народномъ банкѣ подобіе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ЧЕТВЕРТАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА

„ВѢКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворенія Бердяева и Андреева.—Романъ: «Станиславъ Пшебидскій» (продолженіе). Н. Шарченко—«Необыкновенное приключеніе» (окончаніе). Ирвинга.—Комедія въ 5 актахъ: «Не все то золото, что блеститъ» П. Щепкина.—Историческій, научный и славянскій отдѣлы: «Эпизоды изъ филантропическихъ подвиговъ россіянъ»—В. Никитина. «Великая тайна масоновъ» (окончаніе) Ф—фова. «Иванъ Подкова»—доктора П. «Объ англійскомъ радикализмѣ»—Моллока. «О пѣмецкихъ университетахъ»—соч. пѣмецкаго профессора, переводъ и примѣчанія русскаго профессора. «Гоголь, какъ націолистъ» (окончаніе)—Н. Аристова (профессора). «Составляютъ ли венгерцы націю?»—М. Филиппова. «Четыре разсказа Козмака» (съ чешскаго).—Внутреннее обозрѣніе: «Еврейскій вопросъ въ связи съ экономическимъ и финансовымъ положеніемъ Россіи». — Номо Sum.—Фельетонъ: «Замѣтки сомнѣвающагося человѣка» Н. Ватагина.—«Альва», романъ, перев. съ шведскаго, продолженіе.—«Библиографическій Листокъ: современная польская литература». Объявленія.

Подписка продолжается.

Главная контора и редакція на Офицерской, домъ № 15, кв. 18.

Редакторъ-издатель М. Филипповъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1882 ГОДУ ИЗДАНІЯ
СБОРНИКА РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И РАЗСКАЗОВЪ
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

„ИЗУМРУДЪ“.

Подписка цѣна за годовое изданіе «Изумруда», состоящее изъ 6 книгъ большаго формата, безъ доставки 5 р., съ доставкою 5 р. 50 к., а съ пересылкою 6 р. Подписка принимается только годовая.

Всѣмъ подписчикамъ, какъ московскимъ, такъ и иногороднымъ будетъ выдано въ концѣ года безплатно два хорошихъ приложенія.

Въ редакціи имѣются десять отдѣльных изданныхъ большихъ романовъ:

1. Тайна видійскихъ офицеровъ—М. Бродонъ. 2. Въ странѣ лавровъ и розъ. 3. Король Англо-Саксовъ—въ 12 частяхъ съ примѣчаніями—Э. Бульвера. 4. Подъ бичемъ чумной заразы—М. Лафонтъ. 5. Казнь королевы

Анны — М. Кроунъ. 6. Ввучка Людовика XIV — автора Луизы д'Аваро. 7. Книжница Кастель-Франко — въ 2 частяхъ. 8. Братоубійца — Э. Герта. 9. Драма въ улицѣ Страндъ — въ 5 частяхъ и 10. Фаворитъ Христіана VIII — изъ датской исторіи (1769—1772 г.).

Всѣ поименованные романы, заключающіе въ себѣ почти двѣ съ половиною тысяча страницъ большаго формата, отпечатанныхъ убористымъ шрифтомъ, стоятъ въ продажѣ 16 руб. 75 коп., но для подписчиковъ на «Изумрудъ» 1882 г., высылающихъ слѣдующія за нихъ деньги одновременно съ подписною суммою, редакция согласна уступить ихъ всего только за 9 руб. (то есть за сборникъ и за отдѣльные романы надо высылать деньги въ количестве 15 рублей).

Адресоваться надо такъ: въ г. Москву, Газетный переулокъ, домъ Цинцакова, издателю сборника «Изумрудъ», Михаилу Николаевичу Воронову.

Редакторъ-издатель Михаилъ Вороновъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОГО ВѢСТНИКА“

въ 1882 году.

Съ будущаго 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращается въ ПОЛУЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ и будутъ выходить аккуратно черезъ день, исключая времени скопления нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова. Увеличить число выпусковъ нашей газеты побудило насъ съ одной стороны желаніе сообщить газетѣ ту полноту и разнообразіе, которыя настойчиво требовались и обидѣемъ событій и массой матеріала, отовсюду поступающаго въ нашу редакцію, съ другой стороны, неоднократно выраженное нашими подписчиками желаніе такого увеличенія.

Задача нашего изданія — оти́мать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее его интересовать въ жизни церковно-общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ, и къ томъ-же объему, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго прорусія чело́вѣчества. Откровенно и съ полною независимостію сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнью вопросамъ, существеннымъ образомъ затрагивающимъ интересы общества и духовенства, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ вѣсто всякому честному голосу изъ среды общества и духовенства, особенно же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараюсь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 8 лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лиц, незнакомых съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» паранитъ съ другими газетами выходить безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 1882 г. будетъ изданъ въ видѣ безилатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, мы имѣемъ въ виду, помѣстить собраніе узаконеній, относящихся какъ къ организаціи центральнаго управленія духовнаго вѣдомства, такъ и къ разнообразнымъ правамъ и обязанностямъ духовенства, занимствуя ихъ, частію изъ «Полнаго собранія законовъ Россійской Имперіи», частію изъ дѣствующаго «Свода Законовъ», а равно и изъ другихъ источниковъ.

При «Календарѣ» будетъ приложенъ также подробный адресъ-календарь лицъ служащихъ по духовному вѣдомству преемственныхъ архіерсезъ, начальствующихъ и учащихъ въ духовныхъ заведеніяхъ и пр.

Условія подлинки на «Церк.-Общ. Вѣстн.» тѣ же какъ и въ предыдущіе годы, т. е. на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на три мѣсяца 2 р. 50 к., на мѣсяць 1 р. Годовая цѣна за границей 10 руб.—Отдѣльные №№ по 10 коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Общ. Вѣстника» въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., д. № 3, кв. 5.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются въ конторѣ редакціи въ размѣрѣ 10 к. за мѣсто, занимаемое строкой петица. За размыку отдѣльныхъ объявленій взимается по 5 руб. съ тысячи.

Редакторъ-издатель А. И. Поповичій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету

„СИБИРЬ“

на 1882 годъ.

Газета будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить въ тѣ же сроки.

Въ предѣлахъ возможнаго, редакція будетъ стараться сдѣлать газету отголоскомъ общественнаго мнѣнія, нуждъ и потребностей края и сборникомъ полезныхъ свѣдѣній и болѣе или менѣе интересныхъ сообщеній.

Гг. иногородныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ просимъ не отказываться въ своемъ содѣйствіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1882 ГОДЪ.

Съ пересылкою на годъ	7 р. — к.
На полгода	4 » — »
» 3 мѣсяца	2 » 25 »
» 2 »	1 » 50 »
» 1 »	— » 75 »

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просимъ обращаться прямо въ редакцію газеты, по Арсенальной улицѣ, д. Скуратова, по 2 части.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ ГАЗЕТЫ

„РАЗСВѢТЪ“

ОРГАНА РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

Газета «РАЗСВѢТЪ» будетъ издаваться и въ 1882 году, подъ тою же редакціей, по прежней программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	на 6 м.	на 3 м.
Съ доставкою и пересылкою въ Россіи . . .	7 р.	4 р.	2 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою за границую . . .	0 »	6 »	4 » — »

Разсрочка уплаты подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ условіяхъ: къ 1 Января—3 р., къ 1 Апрѣля—2 р., къ 1 Юля—2 р.

Съ требованіями на газету «РАЗСВѢТЪ» благоволятъ обращаться: въ Контору редакціи газеты «РАЗСВѢТЪ», С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 20. Для городскихъ подписчиковъ контора ежедневно, отъ 10—4 часовъ пополудни.

Редакторъ-издатель Я. Л. Розенфельдъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1882 годъ,

на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„ЭХО“

ПРОГРАММА КОТОРОЙ ЗАКЛЮЧАЕТЪ:

1) Передовыя статьи; 2) Телеграммы; 3) Новѣйшія политическія извѣстія; 4) Русская печать; 5) Иностранная печать; 6) Корреспонденціи изъ-за границы политическаго содержанія; 7) Внутреннія корреспонденціи; 8) Хроника; 9) Эхо (толки и слухи); 10) Очерки петербургской жизни; 11) Очерки русской жизни; 12) Судебная хроника; 13) Театральная и музыкальная хроника; 14) Телефонъ (разныя мелкія извѣстія); 15) Маленькое «Эхо»; 16) «Эхо» юмористика; 17) Листокъ; 1) Обзоры: а) русской журналистики; б) духовной журналистики; в) медицинской; г) промышленности; д) изобрѣтеній и извѣстій; 2) Воскресные фельетоны; 3) Иностранная хроника; 4) Романы, повѣсти и рассказы, русскіе и переводные съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; 18) Биржевыя извѣстія и курсы; 19) Прїѣхавшіе и выѣхавшіе; 20) Железныя дороги; 21) Театры; 22) Скорбный листокъ; 23) Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1882 Г.:

На годъ	10 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ	9 » 50 »
» полгода	6 » — »
» три мѣсяца	3 » 50 »
» одинъ мѣсяць	1 » — »

Для гг. подписчиковъ „Современности“ годовая цѣна 8 » — »
За границую: на годъ 16 руб., на 6 мѣсяцевъ 9 р., на 3 мѣсяца 5 р.

Подписавшіяся получаютъ всѣ вышедшіе номера газеты.

надо было желать, чтобы оно исчезло. Ей виллы маркиза были испуганы, а нужно было скрыть свои отношенія къ нему. Если поэтому вамъ угодно допскаться въ этомъ дѣлѣ правды, до того, что вы послали даже въ Венецію за мной... за мной, который до дѣла покойнаго маркиза никакъ касаться не можетъ, такъ что мнѣ даже смѣшно подумать о такомъ подозрѣнн... то пошлите арестовать графиню, и все дѣло объяснится, за это я ручаюсь, чѣмъ угодно. Въ моемъ положеніи я имѣю право требовать, чтобы графиня была вызвана въ Миланъ. За что же я буду отвѣчать за чужія проказы? Извините меня, ваше превосходительство, за эту вспышку; въ моемъ положеніи она простибельна.

Аудиторъ снова обратился къ капитану, который, помолчавъ, сказалъ:

— Отпустите его въ тюрьму; на сегодня довольно.

Галаитино увели. Судья остался одинъ.

— Точно во снѣ видны! воскликнулъ одинъ.

— Я какъ съ неба свалился! подтвердилъ другой.

V.

Событія располагаются въ нашемъ разсказѣ такъ, что мы, какъ кондукторы дилижанса, должны постоянно ѣздить изъ Милана въ Венецію и обратно. Пока въ Миланѣ допрашивали Галаитино, въ Венеціи Амореволи собралъ всѣ нужныя справки о графинѣ Келлин. Черезъ гондольеровъ онъ узналъ, гдѣ она живетъ, у кого, узналъ даже, что она каждый день катается по большому каналу и въ какіе именно часы, потому что ея гондольеръ, Біанки, стоявшій обыкновенно съ своей гондолой у оконечности острова Зуэка, говорилъ вечеромъ товарищамъ:

— Теперь поѣду катать ломбардскую красавицу.

Узнавъ все это, Амореволи тотчасъ отправился на Большой каналъ, рассчитывая встрѣтить графиню, но по странной случайности они какъ нарочно все разѣзжались, точно играя въ прятки. Возвратясь въ гостиницу, онъ разодѣлся въ пухъ и прахъ и отправился съ визитомъ къ корреджидору Пизани, имѣвшему сто лѣтъ.

главное заѣдываніе музыкальными сценами и съ которыми теноръ заключилъ условіе на часть представленій въ Салъ Моше, потому что самый большой тогдашній театръ, Санъ Касіано, былъ весной и лѣтомъ закрытъ. Амореволи былъ принятъ богатымъ патриціемъ, какъ могъ былъ принять знаменитый пѣвецъ въ то время, когда музыка считалась столь же необходимой для существованія, какъ воздухъ и вода. Теноръ извинился, что опоздалъ приѣздомъ, но венеціанецъ прервалъ его извиненія лукавой улыбкой и словами, что ему извѣстны уважительныя причины промедленія. Корреджидоръ прибавилъ, что надо подождать еще нѣсколько дней приѣзда танцовщицы Гауденци, которая пишетъ, что скоро будетъ.

— А теперъ я пмѣю къ вамъ большую просьбу, прибавилъ графъ Пизани.

— Приказывайте.

— Завтра въ честь приѣзда графа Альгаротти я даю музыкальный вечеръ, въ которомъ приметъ участіе все, что у васъ есть прекраснаго по этой части съ прибавленіемъ нѣсколькихъ иностранныхъ знаменитостей. Вамъ слѣдуетъ быть въ числѣ ихъ и спѣть намъ что нибудь; будетъ Лукино Фабрисъ, подражатель Эжиціело, которому хочется послушать васъ, будетъ жена Гассе, знаменитая Фаустина, приѣхавшая по семейнымъ дѣламъ изъ Германіи; она, правда, уже не молода, но голосъ у нея еще великолѣпный. Будетъ Туркоти, которую вы должны знать, потому что она говорила мнѣ о васъ съ восторгомъ, превосходящимъ всякую мѣру, — графъ улыбнулся. — И наконецъ, будетъ самый великій магъ, волшебникъ смычка, Тартини, который васъ слышалъ и хочетъ еще послушать. Поэтому, если бы у васъ хватило духу отказать, я счелъ бы васъ человѣкомъ совершенно безчувственнымъ...

— Ваше желаніе, графъ, для меня достаточно, чтобы заставить меня отступить отъ моего правила — не пѣть въ комнатахъ, пока меня не слыжали на театрѣ.

— Понимаю, и тѣмъ больше благодаренъ вамъ, хотя знаю, что такому художнику все равно, гдѣ пѣть, — въ комнатѣ или въ театрѣ. И такъ, я васъ жду завтра около четырехъ часовъ ночи.

Непремѣнно... и Амореволи расклапаясь, довольный предстоящей перспективой увидѣтся завтра съ донной Клеісіей. Въ этихъ

мыслях онъ вернулся въ свою гостиницу, гдѣ по его приказанію въ его комнату было поставлено піанно. Онъ извлекъ изъ чемодановъ свою походную музыкальную бібліотечку и сталъ рыться въ ней, выбирая что нибудь для завтрашняго концерта, и вмѣстѣ съ тѣмъ пробовать то то, то другое, въ полголоса, аккомпанируя себѣ на піанно. Но когда онъ принялся за речитативъ изъ Артаксеркса Виячи, музыка возбудила его, и онъ запылъ полной грудью, какъ на сценѣ.

Онъ въ третій разъ бралъ изумительный сі-бемоль, какъ вдругъ раздался сильный стукъ въ дверь. Вообще, неприятно быть прерваннымъ въ занятіи, въ которомъ полагаешь всю свою душу, и самый смѣрный человѣкъ можетъ разсердиться на это; Амореволи же отъ природы былъ довольно раздражителенъ, а частыя столкновенія съ дирекціями и импрессарио сдѣлали его еще болѣе чувствительнымъ; притомъ въ качествѣ римлянина изъ Транстевере онъ въ сердцахъ не обходился безъ энергическихъ выраженій, которыми этотъ народъ честитъ всѣ остальные народы свѣта. Прерванный на своемъ сі-бемолѣ, онъ разразился одной изъ подобныхъ фразъ и, вскочивъ, быстро отворилъ дверь. За ней стоялъ ливрейный слуга съ усами, что было въ то время рѣдкостью и свидѣтельствовало, что обладатель ихъ нѣкогда служилъ въ военной службѣ. Слуга этотъ заговорилъ съ сильнѣйшимъ ломбардскимъ акцентомъ.

— Мой господинъ усталъ съ дороги и хочетъ спать, а вы кричите. Смотрите, не накричите себѣ бѣды.

При этихъ дерзкихъ словахъ Амореволи сначала осмотрѣлъ съ ногъ до головы слугу и наконецъ сказалъ:

— Кто же эта тывенная башка, присылающая ко мнѣ съ подобными порученіями? Убирайся мигомъ, а то сосчитаешь у меня ступеньки лѣстницы.—И онъ захлопнулъ дверь передъ носомъ слуги, сѣлъ за піанно и рискнулъ такое до, отъ котораго задрожалъ потолокъ комнаты.

Читатель конечно догадался, что усатый слуга принадлежалъ графу В***, который остановился во Французскомъ Гербѣ, какъ въ лучшей изъ городскихъ гостиницъ. Онъ занялъ роскошный апартаментъ какъ разъ надъ комнатой Амореволи. Онъ все еще находился въ томъ расположеніи духа, въ которомъ выѣхалъ изъ Милана, все еще мечталъ себѣ въ утѣшеніе о томъ, какъ онъ

отколотить, выпореть, изувѣчать плебейскаго фигляра, какъ онъ его называлъ. Подобно Амореволи, онъ не терялъ времени по прїѣздѣ, платилъ щедро разсыльному, котораго послалъ на развѣдки, и успѣлъ поѣздить съ нимъ и освидѣтельствовать мѣстность, обозрѣть каналъ Санъ Поло, дворецъ Соломонъ, лѣстницу, окно, боковую дверь, все. Возвратясь въ гостиницу, онъ перероличивалъ въ головѣ различные планы дѣйствія, какъ вдругъ услышалъ вблизи звукъ піанино, потомъ тихое пѣніе и наконецъ громкіе раскаты мужскаго голоса. Голосъ показался ему знакомъ; но онъ себя не довѣрялъ и приказалъ лакею позвать слугу гостиницы.

— Кто это у васъ оретъ, какъ въ театрѣ?

Слуга не понималъ, какъ можно такъ выражаться и говорить съ такимъ презрительнымъ видомъ о такой знаменитости, какъ жилецъ нижняго этажа.

— Ваше сіятельство, это знаменитѣйшій пѣвецъ. Всѣ господа, стоящіе у насъ, вышли въ салонъ слушать его поближе, и всѣ въ восторгѣ, считаютъ счастіемъ, что попали сюда и могутъ послушать его прежде, чѣмъ онъ будетъ пѣть на театрѣ, потому что въ Венеціи онъ еще первый разъ.

— Да кто онъ?

— Теноръ Амореволи, ваше сіятельство.

Графъ, уже догадавшійся объ этомъ, не выразилъ ничего, но строго приказалъ своему отставному капралу:

— Ступай сейчасъ внизъ и скажи этому пѣвцу, что теперь люди спятъ и чтобы онъ не мѣшалъ имъ своими криками.

Слуга гостиницы выразилъ было удивленіе, но графъ заревѣлъ на капрала:

— Иди же, да смотри, не любезничай! Скажи прямо и рѣшительно, а не послушается... увидимъ!

Капралъ вернулся уже съ извѣстнымъ намъ отвѣтомъ. Пока графъ слушалъ его рапортъ, раздалось вышеупомянутое до; въ ту же секунду графъ, какъ медвѣдь, поднятый изъ берлоги, ринулся съ поспѣшностью по лѣстницѣ внизъ.

Онъ такъ застучалъ въ дверь, что Амореволи долженъ былъ открыть и къ своему удивленію очутился передъ громаднымъ, толстымъ и разъяреннымъ графомъ, котораго столько разъ видалъ въ Миланѣ въ его ложѣ рядомъ съ графиней.

VI.

Понятно, что подобный сюрприз не могъ быть пріятель те-
нору. Онъ поблѣднѣлъ, отступилъ въ замѣшательствѣ, однимъ
словомъ, выказалъ всѣ признаки испуга, хотя въ дѣйствительности
это происходило больше отъ неожиданности.

— Ну, что теперь дѣлать? сказалъ графъ.

Эти сами по себѣ невинныя слова были произнесены такимъ
ужаснымъ голосомъ, что слуги в пріѣзжіе, слушавшіе пѣнье за
дверями, невольно приблизились къ нимъ въ ожиданіи какой
нибудь катастрофы.

Но между тѣмъ Амореволя уже успѣлъ оправиться и отвѣ-
чать:

— Цѣть и играть.

— Грязь, вылѣзшая въ люди, съ кѣмъ ты говоришь?

— Съ субъектомъ, котораго стоитъ шлепнуть въ грязь.

Графъ бросился впередъ, но подскочившіе слуги удержали его.

— Скажите на милость, графъ, сказалъ Амореволя, что вамъ
отъ меня нужно? По какому праву вы посылаете вашего лакея
оскорблять порядочнаго человѣка? Я сижу въ своей комнатѣ, за-
нимаюсь моимъ дѣломъ, а если я вамъ помѣшалъ, то прошу васъ
принять въ соображеніе, что мы въ Венеціи и что нѣтъ еще
полночи, а здѣсь этотъ часъ все равно, что въ другомъ городѣ
полдень. Я не хуже другаго знаю обычаи и приличія. Если бы
вы прислали просить меня вѣжливо, я исполнилъ бы вашу просьбу,
но вашъ лакей такъ грубъ, что довольно того, что я не спустилъ
его съ лѣстницы. Впрочемъ, если вы считаете себя чѣмънибудь
оскорбленнымъ, я готовъ дать вамъ всякое удовлетвореніе.

— Какое удовлетвореніе можешь ты мнѣ дать?

— Какого можетъ требовать честный человѣкъ.

— Но если ты, какъ хвастался, знаешь обычаи и приличія,
то долженъ знать, подлый фигляръ, что съ тобой унизительно
драться.

— Что это за нахаль? воскликнулъ юноша лѣтъ двадцати, въ
мундирѣ моряка, внезапно появившійся въ комнатѣ въ числѣ

другихъ постороннихъ лицъ. Графъ повернулся къ нему съ яростью и спросилъ:

— Кто смѣетъ перебивать меня?

— Я, Анджело Эмо, флотскій офицеръ, дерзко отвѣчалъ юноша.

Это былъ дѣйствительно будущій герой Туниса, тотъ, который достойно закончился славный рядъ адмираловъ свѣтлѣйшей республики. Въ то время онъ только что вышелъ изъ школы и поступилъ гардемаринномъ во флотъ, и ему предстояло четыре года пробыть въ этомъ званіи. Онъ плавалъ на своемъ кораблѣ у береговъ Адриатическаго моря, когда узналъ о предстоящемъ приѣздѣ въ Венецію графа Альгаротти, котораго звалъ въ дѣтствѣ въ домъ отца, и выпросилъ у капитана корабля позволеніе съѣздить въ Венецію на свиданіе съ нимъ; такъ какъ его семья жила въ Падуѣ, гдѣ отецъ его былъ директоромъ училищъ, то онъ остановился во «Французскомъ Гербѣ».

— Чего вы лѣзете въ чужія дѣла? сказалъ графъ молодому моряку.

— Всякій имѣетъ право вмешиваться, когда одинъ безъ причины и дерзко оскорбляетъ другого. Что вамъ сдѣлалъ этотъ сеньоръ? Развѣ онъ могъ вообразить, что отъ музыки вы способны какъ собака залаять на луну? Одно изъ двухъ, или онъ васъ оскорбилъ, или вы его оскорбили. До сихъ поръ все очень просто. Но странно то, что онъ предлагаетъ вамъ удовлетвореніе, а вы отказываетесь. Чего же вамъ надо? Чтобы онъ зарѣзался изъ уваженія къ вашему графству?

— Смотря, мальчишка, чтобы я на тебѣ не выместилъ мой гнѣвъ!

— Теперь я у васъ требую удовлетворенія, слышите, графъ! Сослаться на неравенство вамъ теперь нельзя. Вы—графъ; такъ говорятъ, и я вѣрю, потому что мнѣ все равно. А я... мои предки управляли этимъ островомъ въ первыя времена его заселенія. Пьеро Эмо отличился въ сраженіи при Кюцца, другіе Эмо отличились въ дипломатіи и магистратурѣ. Многіе изъ присутствующихъ знаютъ, кто я, и могутъ засвидѣтельствовать... Поэтому, вотъ вамъ моя перчатка.

И снявъ съ руки замшевую перчатку, храбрый юноша бросилъ ее къ ногамъ графа, который поднялъ ее со словами:

— Хорошо. Позаботьтесь объ остальномъ, потому что я въ Венеціи никого не знаю и не могу найти секундантовъ.

Такимъ образомъ гроза благополучно пронеслась надъ головой Амореволи и свернула въ сторону въ ту самую минуту, когда, казалось, готова была разразить его.

Молодой Эмо обратился къ нему съ пысканной вѣжливостью со словами:

— Извините меня, сеньоръ, что я предупредилъ васъ, но можетъ быть, ваше время еще придетъ.

— Я всегда готовъ наверстать потерянное. Мое благородство въ моемъ искусствѣ и въ моей чести. Я буду ждать, что графъ одумается и приметъ мой вызовъ.

Графъ не сказалъ ничего. Анджело Эмо сказалъ еще нѣсколько любезныхъ словъ Амореволи и затѣмъ переговорилъ съ нѣсколькими молодыми людьми изъ присутствующихъ; двое изъ нихъ тотчасъ подошли къ графу.

— Нобиль Эмо, сказалъ одинъ изъ нихъ, избралъ насъ въ свои секунданты; вы же можете избрать себѣ кого угодно изъ этихъ четырехъ сеньоровъ, — онъ указалъ на остальныхъ, — которые всѣ къ вашимъ услугамъ; мы переговоримъ съ ними объ условіяхъ.

Послѣ этого всѣ разошлись, и Амореволи остался одинъ въ своей комнатѣ.

VII.

Въ Венеціи есть два дворца, оба знаменитые, носящіе имя Пизани: одинъ на Санъ-Паоло выходитъ фасадомъ на Большой Каналь, другой на Кампо Санъ-Стефано. Первый, принадлежащій по стилю къ переходной эпохѣ отъ средневѣковаго водчества къ архитектурѣ возрожденія, восхваляется за счастливое сочетаніе этихъ обонхъ стилей. За то второй осуждается новѣйшей критикой, которая называетъ его бессмысленной грудой камней. У всякаго свой вкусъ; мы же не можемъ не удивляться гигантскому величію этого зданія. Здѣсь все грандіозно и громадно, — дворы, лѣстницы, залы, — все поражаетъ величіемъ даже въ своемъ ни-

нѣшнемъ заустѣніи и свидѣтельствѣ о мнувшемъ великолѣніи, которое печезло даже въ преданіи. Начатый около 1500 г. архитекторомъ Сансовино и оконченный почти два вѣка спустя Вичентино Фриджимеликой, онъ представляетъ въ своихъ частяхъ всѣ судьбы венеціанскаго величія въ эти два вѣка и всѣ переходы архитектурнаго вкуса. Если и теперь еще въ своемъ заустѣніи онъ производитъ впечатлѣніе на посѣтителя, то можно себѣ представить, что это было во времена сего богатаго хозяина Альвиза Пизани, когда двери сего растворялись для пріема толпы патриціевъ и знатныхъ иностранцевъ. Такъ было на другой день послѣ описанныхъ событій, когда въ немъ праздновали пріѣздъ графа Альгароти, который по необыкновенному покровительству судьбы былъ въ то время признаннымъ царемъ во всѣхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ.

Было три часа ночи. Всѣ окна фасада, выходящаго на Кампо Санъ-Стефано, горѣли огнями. Двѣ праздныя статуи, стоящія по бокамъ главнаго входа, получили въ этотъ вечеръ должность поддерживать на головѣ по огромному фонарю; блистала огнями также боковая сторона дворца, выходящая на каналъ, и на двухъ лѣстницахъ, ведущихъ ко дворцу, стояло множество слугъ съ факелами; длинный переулокъ, черезъ который палаццо имѣетъ сообщеніе съ Большимъ Каналомъ, былъ весь иллюминированъ, и на лѣстницѣ Большого Канала стояли также слуги съ факелами, чтобы свѣтить подъѣзжающимъ гондоламъ и высаживающимся изъ нихъ гостямъ. Большой Каналъ на значительное разстояніе былъ покрытъ гондолами, старавшимися проложить себѣ путь къ переулку или въ боковой каналъ. Съ площади подходили группы гостей, предшествуемая слугами съ фонарями. Они встрѣчались у входа съ гостями, прибывавшими по каналу. Иностранцы останавливались передъ входомъ взглянуть на ползущаго льва—гербъ Пизани и на галерный фонарь, нѣкогда извѣщавшій побѣды знаменитаго Виттаре Пизани. Поднявшись по лѣстницѣ, гости черезъ многія пріемныя проходили въ главную залу, блиставшую тогда позолотой, съ ея безчисленными коринфскими колоннами и потолкомъ, расписаннымъ Гвараной. Такъ какъ концертъ долженъ былъ начаться позже, то гости ходили изъ залы въ залу, любясь ихъ роскошной отдѣлкой, останавливаясь передъ картинами Тьеполо, Тьеполетто, Канала, Рицца, Чиньяроли и засматриваясь особенно

на сокровища всякаго рода, блиставшія въ такъ-называемой загб Апполона, расписанной бергамцемъ Амигони.

Въ три часа явился и Амореволи и встрѣтился съ извѣстнымъ кастратомъ Луккино Фабрисомъ, счастливымъ наслѣдникомъ пресловутаго Эдрицило. Они нѣсколько разъ встрѣчались въ путешествіяхъ и были дружны, но имъ никогда не случалось пѣть другъ передъ другомъ, такъ что таланты ихъ были имъ извѣстны только по репутаціи.

— Я радъ тебя видѣть, сказалъ Фабрисъ наконецъ-то я услышу тебя!

— Но мнѣ непріятно, что ты услышишь меня въ дурную минуту; я не въ духѣ, и у меня множество непріятныхъ заботъ.

— Я все знаю, но это-то именно и должно придать особенный колоритъ твоему пѣнію. Ты увидишь графиню и...

Фабрисъ остановился, ожидая отвѣта, но Амореволи какъ будто не слыжалъ.

— Прекрасная ломбардка навѣрно будетъ здѣсь сегодня... Но ты погруженъ въ разсматриваніе Апполона въ его колесницѣ и не слушаешь. Молчи, пожалуй; за тебя говорятъ всѣ. Скажи мнѣ, правда ли, что мужъ ея здѣсь?

— Ужъ и это извѣстно?

— Еще бы! Ты думаешь, дуэль съ Эмо останется неизвѣстной, когда всѣ лакеи, повара и судомойки были свидѣтелями?

— Что же говорятъ?

— Будь покоенъ, твоя роль хорошая. Но интересно бы знать, чѣмъ кончилась дуэль. Ты не знаешь?

— Не знаю. Отправился на континентъ, за границу владѣній свѣтлѣйшей, чтобы убережеться отъ ея законовъ. Еще ничего неизвѣстно. Но оставимъ это... Скажи мнѣ, что это за глухая рожа, вонъ тотъ, худой и блѣдный, въ орденской цѣпи и съ крестомъ на груди? Ты два сезона пѣлъ въ Венеціи, теперь уже третій, и потому долженъ знать здѣсь всѣхъ и о каждомъ все,—не хуже любого цирюльника.

— Да, я дѣйствительно знаю городъ, какъ свой карманъ. Но этого господина не знаю, въ первый разъ вижу.

Фабрисъ обратился къ проходившему въ это время гостю и освѣдомился у него о пезнакомцѣ съ орденомъ.

— Какъ? Вы не знаете, кто это такой? сказалъ тотъ съ удивленіемъ. Возможно ли? Это самъ виновникъ торжества.

— Кто? Графъ Альгаротти?

— Альгаротти, да, онъ самый, венеціанскій плебей, прусскій графъ, камергеръ с. в. короля Фридриха, кавалеръ ордена Заслуги, тайный совѣтникъ короля польскаго, совѣтникъ папы, короля сардинскаго, герцога пармскаго, членъ всѣхъ университетовъ, всѣхъ академій, бывшихъ, настоящихъ и будущихъ, астрономъ, поэтъ, живописецъ, архитекторъ, скрипачъ... О многихъ людяхъ трудно сказать, что они такое. о немъ трудно прибрать что нибудь, чѣмъ бы онъ не былъ. Впрочемъ, настоящая цѣна ему будетъ опредѣлена лѣтъ черезъ пятьдесятъ или сто. Пока же у него кашель, и одно легкое отказывается служить. Имѣю честь кланяться.

— Это вѣроятно какой нибудь литераторъ или поэтъ, сказалъ кастратъ, когда собесѣдникъ исчезъ въ толпѣ:—завидущій и эхидный народъ!—Въ это время къ нему подошелъ высокій и худой человѣкъ, весь въ черномъ.

— Снѣборъ аббатъ, обратился къ нему Фабрисъ, не можете ли вы назвать мнѣ имя вонъ того сухопараго господина, съ которымъ я сейчасъ разговаривалъ и который теперь улыбается той дамѣ?

— Если вы не любите, чтобы на васъ упражнялся въ остроуміи, то совѣтую вамъ избѣгать его. Это графъ Карло Гогучи, у котораго желчь разлилась въ мозгу и брызжетъ при всякомъ словѣ. Прощайте, Луккино.

— Кто этотъ аббатъ? спросилъ Амореволи.

— Знаменитый аббатъ Кіари.

— Отчего ты меня не представилъ? Я поблагодарилъ бы его.

— За что?

— За услуги, которыя онъ оказываетъ мнѣ уже много лѣтъ каждую ночь. У меня у кровати всегда стоитъ чашка камедной воды и лежитъ книжка романовъ аббата. На сонъ грядущій я выпиваю два глотка воды и прочитываю двѣ страницы романа. Камедь смягчитъ горло, а романъ усыпляетъ. Если проснусь, выпью снова воды и еще почитаю и такимъ образомъ берегу голосъ и здоровье, избѣгая бессонницы. Пожалуста, представьте меня, если встрѣтятся. Это мой благодѣтель.

— Такъ по твоему его романы все равно, что комедь. Въ Венеціи не такъ разсуждаютъ, публика зачитывается его сочиненіями, на комедіи его сбѣгаются толпы, его осаждаютъ просьбами подарить что нибудь новенькое, и хотя аббатъ неисчерпаемъ, какъ фонтанъ, но его поклонники все жаждутъ.

Въ это время къ нимъ подошелъ майордомъ и доложилъ имъ, что хозяинъ дома проситъ ихъ къ себѣ. Они поѣхали въ главную залу, гдѣ графъ Альвизъ Пизани сидѣлъ подлѣ графа Альгаротти, окруженный многочисленнымъ кружкомъ.

Тутъ былъ Кавалетто, преданный Пизани, который особенно покровительствовалъ ему; онъ только что вернулся изъ Англіи, гдѣ собралъ много денегъ, и изъ Саксоніи, куда возилъ двѣ свои картины, выписанныя графомъ Альгаротти, который имѣлъ отъ польскаго короля порученіе приобрѣтать художественныя вещи для дрезденской галлерей. Съ нимъ былъ его другъ Тьепало, тоже недавно вернувшійся изъ Милана, куда ѣздилъ расписывать потолки залы въ палаццо Клеричи. Изъ литераторовъ тутъ были графъ Гаспаръ Гоцци и сенаторъ Сегеци, представлявшій Альгаротти одиннадцатилѣтняго мальчика, автора двухъ, трехъ стихотвореній на венеціанскомъ нарѣчій, ставшихъ извѣстными всему городу. Это былъ знаменитый впоследствии венеціанскій народный поэтъ Гритти. Недоставало только главнаго—Гольдони, который въ то время ставилъ въ Туринѣ на сцену своего Мольера. Альгаротти всѣмъ расточалъ любезности, но съ той натянутой вѣжливостью, которая выводила изъ терпѣнія не только желчнаго Карло Гацци, но и добродушнаго Гаспара; послѣдній отбивался отъ комплиментовъ, которые Альгаротти говорилъ ему по поводу основанія академіи Гранелески, основанной съ 1740 г. шутки ради и сохранявшей маску шуточного развлеченія, но ставшей истинной консерваторіей хорошаго италіанскаго языка.

— Ваши похвалы, графъ, не могутъ относиться ко мнѣ, говорилъ Гаспаръ Гоцци.—Вотъ истинный основатель академіи, ея столпъ, ея глава — и съ этими словами онъ взялъ подъ руку и вывелъ изъ кружка тщедушнаго попика.

— Представляю вамъ знаменитаго аббата Сакелари; если вамъ угодно поговорить съ нимъ, вы услышите истинную премудрость.

Сакелари былъ забавный чудакъ, необыкновенно тщеславный и надутый. Когда онъ говорилъ, трудно было удерживаться отъ

сѣтѣ, а еще трудѣе, когда онъ принялся декламировать свои нелѣпнѣйшія произведенія. Однако онъ именно далъ поводъ къ собранію лучшихъ умовъ Венеціи въ одинъ кружокъ. Началось съ шуточного соперничества въ восхваленіи его, и отсюда возникла знаменитая академія, въ которой блистала поэтической талантъ и сатирической умъ Гаспара Гоцци.

Въ это время Пизани, увидавъ Фабриса и Амореволи, представилъ ихъ Альгаротти, падре Валотти, знаменитому падуанскому органисту, и Тартини, и потомъ сказалъ:

— Сейчасъ прѣдетъ дождь съ прокураторомъ Фоскарини и съ сеньорами Десятю; тогда надо будетъ начать.

Маэстро Галуни, находившійся проездомъ въ Венеціи, почтительно обратился къ падре Валотти, величайшему тогдашнему авторитету въ музыкѣ, прося его пересмотрѣть пьесы, назначенныя къ исполненію въ этотъ вечеръ.

— Вы видѣли программу? спросилъ Валотти скрипача Тартини.

— Я знаю, что самъ буду играть, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ.

— Хорошо было-бы, сказалъ Валотти, не мѣшать театральную музыку съ комнатной.

— У меня нѣсколько мадригаловъ Клари и Стефани, сказалъ Амореволи.

— Вотъ это такъ.

— Позвольте, маэстро, это не все. Есть еще речитативъ Винчи и двѣ арии Перголеза и Джомелли. Надо же соображаться и со вкусомъ публики; если десятерымъ нравятся Клари и Стефани, то тысячи предпочитаютъ театральную музыку, хотя бы ужъ потому, что она знакома имъ.

— Это справедливо, сказалъ Альгаротти.

— Нисколько, рѣзко отвѣчалъ падре Валотти, ворчливый, какъ монахъ старикъ, и, какъ ученный, ненавидѣвшій поверхностныхъ людей и до сихъ поръ не переварившій трактата Альгаротти о музыкѣ.

Но Альгаротти нисколько не оскорбился этой рѣзкостью и сказалъ съ пріятной улыбкой:

— У всякаго свое мнѣніе, хотя мнѣ очень жаль, что я не схожусь во мнѣніяхъ съ такимъ великимъ человекомъ, какъ вы.

Альгаротти, какъ извѣстно, жилъ при дворѣ короля философа,

философія котораго не мѣшала ему любить лесть. Онъ служилъ и у польскаго короля, который конечно любилъ только ручныхъ литераторовъ. Во Франціи онъ былъ близокъ съ Вольтеромъ, Дидро и другими столпами новой Франціи и умѣлъ повести дѣла такъ, что эти великіе люди выдали ему патентъ на званіе великаго человѣка. Общество взаимнаго восхваленія изобрѣтено не въ наше время. Оно процвѣтало и въ прошломъ вѣкѣ, и Альгаротти имѣлъ право быть его президентомъ.

Между тѣмъ гг. виртуозы обонхъ половъ, гг. маэстры и гг. профессоры музыки направлялись въ большой залъ съ колоннами, гдѣ для нихъ было отведено особое мѣсто. Майордомъ и слуги обходили комнаты, приглашая гостей въ концертную залу.

Вскорѣ всѣ усѣлись рядами, расположенными полукружіемъ вокругъ кресель дожа и догарессы, какъ боги Олимпа вокругъ Юпитера на картинѣ Апіани. И дѣйствительно, это былъ Олимпъ, сіявшій богатствомъ, роскошью, молодостью и красотой.

Амореволи съ эстрады оркестра взглянулъ на этотъ блестящій млечный путь, усѣянный звѣздами глазъ венеціанскихъ красавицъ. Но самой блестящей пары звѣздъ, той, которой онъ искалъ, тутъ не было. Въ ту же минуту вошелъ дожъ, обвелъ глазами залу и, сѣвъ подлѣ графа Альвиза, озабоченно спросилъ:

— Не видали вы графиню Клецію В*** изъ Милана?

VIII.

Клеція печально сидѣла у окна своей комнаты, машинально устремивъ взоры въ небо и погруженная въ грустныя думы. Судьба поставила ее опять въ роковую близость съ мужемъ и любовникомъ, отъ которыхъ она бѣжала. Теперь она задумывала противъ себя вторичное насиліе. Мы должны сознаться, что она страстно, всѣми силами души своей желала увидѣть Амореволи, и не смотря на это страстное желаніе, сидѣла въ своей комнатѣ и твердо рѣшалась устоять противъ приглашенія графини Пизани. Она рѣшилась остаться дома, чтобы не встрѣтиться съ Амореволи, не увидѣть опять его глазъ, не услышать опять его голоса, не воз-

будить новых толковъ, не вызвать новыхъ скандаловъ. Страхъ мужа не вліялъ на это рѣшеніе. О мужѣ она совсѣмъ не думала да и страхъ никогда не имѣлъ надъ ней власти. Одна твердая рѣшимость не видѣть Амореволи удерживала ее дома. Сидя у окошка она слышала, какъ на колокольнѣ Санъ Поло пробыла два, три, четыре часа, какъ вдругъ вошедшій слуга доложилъ, что графъ Альвизъ Пизани проситъ позволенія войти.

— Извините, графиня, сказалъ онъ, входя, что я вынужденъ нарушить ваше уединеніе. Вы не желали исполнить наше живѣйшее желаніе видѣть васъ сегодня у насъ; но умоляю васъ не откажите на приглашеніе, которое я передаю вамъ отъ писни дожа.

— Дождь? Право, любезный графъ, я не чувствую себя сегодня расположенной бесѣдовать объ астрономіи.

Чтобы читатель могъ понять эти слова, надо сказать, что дождь Гримани былъ ученѣйшій человекъ и особенно свѣдущъ въ астрономіи; когда графиня Клелия была въ первый разъ представлена ему на другомъ музыкальномъ вечерѣ, онъ, зная ея свѣдѣнія въ этой наукѣ, вступилъ съ ней въ ученый разговоръ, продолжавшійся очень долго и изъ котораго онъ вынесъ о ней такое высокое мнѣніе, что больше всѣхъ способствовалъ прославленію въ Венеціи прекрасной ломбардки.

— Кажется, теперь рѣчь будетъ не объ астрономіи, сказалъ Пизани. Дождю надо переговорить съ вами о важномъ дѣлѣ.

Графиня встревоженно встала.

— Успокойтесь, графиня. Хотя дождь не говорилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, но былъ совершенно покоенъ; стало быть, страшнаго ничего нѣтъ. Быть можетъ, снѣдоры Десять хотятъ переговорить съ вами и для этого воспользоваться случайной встрѣчей въ обществѣ. Впрочемъ я одинъ знаю о желаніи дожа видѣть васъ. Вамъ остается только принять приглашеніе моей жены и почтить мой вечеръ вашимъ присутствіемъ, что вы конечно и такъ сдѣлали-бы, если бы были побольше расположены къ намъ.

Графиня подумала и проговорила:—Хорошо, я приѣду... И при этихъ словахъ радость охватила ее душу; она была въ восторгѣ, что вынуждена сдѣлать поступокъ, котораго такъ желала и на который сама ни за что не рѣшилась бы.

Графъ ухмыльнулся. Она позвала горничную и сказала:

— Мнѣ необходимо ѣхать къ Пизани; дайте мнѣ поскорѣе одѣться.

Она вся дрожала; лицо ея горѣло, глаза блпстали, радость сіяла на лбу. Ей казалось въ высшей степени предосудительно добровольно поѣхать на этотъ вечеръ, но послѣ словъ Пизани она считала это неизбежной необходимостью, — до такой степени желаніе ослѣпляло ее и позволяло ей обманывать самое себя, потому что въ сущности ей не было никакой необходимости слѣдовать приглашенію хотя бы и самого дожа. Она съ наслажденіемъ вмѣнила себѣ это въ обязанность, и въ ея воображеніи эта мнимая необходимость представлялась волей судьбы и счастливымъ предзнаменованіемъ. Второпихъ она одѣлась очень просто и, не имѣя времени соорудить изъ своихъ волосъ модный пучокъ, покрыла голову кружевнымъ уборомъ, на которомъ сверкала одинъ большой брилліантъ.

Подѣхавъ ко дворцу Пизани, она вышла изъ гондолы и стала всходить по лѣстницѣ, когда до слуха ея донеслось:

E soffriró che sia
Si barbara mercede
Premio della tua fide, anima miá?
Fanto amor, tanti doni!
Ah, pria ch'io t'abbandoni
Pera l'italia, il mondo ¹.

Первый слогъ знаменитаго речитатива изъ Дидоны Винчи вылетѣлъ изъ окна верхняго этажа въ томъ самомъ до, которое накануне такъ взбѣсило графа В***. Графиня чуть не упала, колѣни ея подогнулись, и она должна была схватиться за провозжавшаго ее слугу.

Восторженныя рукоплесканія покрыли драгодѣнное до, полное силы и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжности. Донна Клелія стояла трепетно въ сѣняхъ, а речитативъ продолжалъ разливаться въ воздухъ.

Le resto sul lido,
Le sciolgo le vele,

¹) Чтобы я потерялъ, чтобы столь жестокая награда была воздаваніемъ за твою вѣрность, душа моя? Такая любовь, такіа жертвы! Ахъ, прежде чѣмъ я тебя покину, погибнетъ Италия, погибнетъ міръ.

Infido, crudele
Mi sento chiamar.
E intanto, confuso
Nel dubbio funesto
Non parto, non resto,
Ma provo il martire
Che avrei nel partire,
Che avrei nel restar ¹⁾.

Снова затрепыхали рукоплесканія, и донна Клелія, собравшись съ духомъ, рѣшилась подняться на лѣствицу и войти въ залу.

Пизани выбѣжали ей на встрѣчу. Они вмѣстѣ вошли въ концертную залу. При появленіи ея, шумъ восторга, еще продолжавшійся, внезапно утихъ, и все смолкло. Всѣ взоры обратились на нее. Чтобы прекратить ея очевидное смущеніе, Пизани обратился къ графу Альгаротти:

— Вотъ графиня Клелія В***, о талантахъ которой вы такъ много слышали. Альгаротти тотчасъ подсѣлъ къ ней, а между тѣмъ старый дожъ улыбался ей издали пріятливо, какъ будто говоря:

— О дѣлахъ поговоримъ послѣ.

Графиня, отвѣчая на комплименты Альгаротти, исподтишка взглядывала на эстраду, гдѣ Амореволи выслушивалъ похвалы своихъ товарищей по искусству. Падре Валотти покровительственно похлопывалъ его по плечу, Тартини чуть не раздавилъ ему руку, сжимая ее; кастратъ Фабрисъ шепталъ ему на ухо, извѣщая о пріѣздѣ графини. Амореволи какъ будто не обратилъ вниманія на его слова. Сама донна Клелія была невозмутима, какъ мраморная, и присутствовавшіе, разсчитывавшіе при встрѣчѣ ихъ на какую нибудь катастрофу, разочарованно думали: Да что-же это? Они какъ будто не знаютъ другъ друга!

Между тѣмъ Альгаротти, отвѣчая на машинальные вопросы графини, разсказывалъ ей о своемъ знакомствѣ въ Дрезденѣ съ астрономомъ Либеркамомъ, который въ 1743 году изобрѣлъ солнечный микроскопъ, и о знаменитомъ Клерутѣ, который доказалъ

¹⁾ Останусь ли на берегу, распушу ли парусъ, меня назовутъ певѣрнымъ, жестокимъ. И пока въ смущеніи, въ роковомъ сомнѣніи, я не уѣзжаю и не остаюсь, ощущаю муку, которую ощущалъ бы и при отъѣздѣ и оставшись.

силущеніе земли отъ притяженія и центробѣжной силы. Графиня пошла въ вынужденной спросить его о Буже, изобрѣтателѣ астрометра, и сообщить ему о работѣ, предпринятой недавно въ Миланѣ падре Фризи о дневномъ движеніи земли, основываясь на геометрическомъ анализѣ Ньютона, чтобы доказать, что движенію этому не можетъ мѣшать морской приливъ. Но можно себя представить, насколько интересовали допну Клею въ эту минуту микроскопы, астрометры и центробѣжная сила.

IX.

Пока графиня бесѣдовала съ Альгаротти о точныхъ наукахъ, а прочіе гости нюхали табакъ, ѣли сорбеты и разговаривали, на эстрадѣ Тартини, переставъ давить руку Амореволи, говорилъ ему:

— Нашъ Лукино Фабрисъ,—это второе изданіе Эфиціело, разсказалъ мнѣ о твоихъ любовныхъ похожденияхъ, и я чрезвычайно доволенъ тобою. Вотъ какъ надо дѣйствовать! Я тоже въ двадцать лѣтъ гонялся за одной дѣвицей высшаго полета. Эти сіятельные господа такъ надменны и такъ убѣждены, что они нѣчто особенное, что необходимо отъ времени до времени образумливать ихъ и показывать имъ, что самый знатный тотъ, кто всѣхъ неможе, красивѣе и честнѣе; это три четверти истинной знатности, а четвертая четверть въ богатствѣ, приобрѣтениомъ по заслугамъ. Поэтому ты такъ знатенъ, что можешь претендовать на золотое руно. И отлично сдѣлалъ, что выбралъ себя звѣзду съ верхняго неба и одурачилъ ревниваго и угрюмаго мужа. Лукино говорилъ мнѣ, что ты хотѣлъ съ нимъ драться, но онъ отъ себя отказался, и за тебя вышелъ другой. Такъ не подобаетъ. Хотѣлъ бы я познакомиться съ этимъ ломбардскимъ сіятельствомъ. Ты знаешь, моею первой профессіей было фехтованіе, я хотѣлъ открыть фехтовальную школу, да теперь еще трудно найти болѣе вѣрный глазъ и болѣе твердую руку. Предоставъ же мнѣ перевѣдаться съ этимъ бариниомъ; если онъ откажется, я, не говоря худого слова, атакую его, и если жизнь ему мила, придется защищаться. Почему знать, другъ, можетъ быть, мнѣ суждено сослужить тебѣ сто лѣтъ.

службу, а графу найти могли въ венеціанскихъ каналахъ? Но гдѣ же эта графиня? Я пишу кое-что о началахъ музыкальной гармоніи и не могу обойтись въ этомъ дѣлѣ безъ математическихъ формулъ. Говорятъ, она великій математикъ; вотъ я даль бы ей просмотрѣть мою рукопись. Надо познакомиться. Тебѣ ревновать нечего, мнѣ 58 лѣтъ.

Въ это время маэстро Галутти прервалъ его болтовню.

— Ну, магъ, сказалъ онъ ему шутя,—пришло время вызвать вашего чорта и привести въ трепетъ всѣхъ этихъ красавицъ.

Дѣло въ томъ, что Тартини долженъ былъ исполнить въ этотъ вечеръ свою знаменитую сонату дьяволъ, мысль которой подало ему одно очень странное сновидѣніе.

Увидавъ, что Тартини берется за скрипку, графъ Альгаротти внезапно перескочилъ съ астрономіи на музыку; его специальное самолюбіе состояло въ томъ, чтобы въ разговорѣ съ новымъ лицомъ пробѣгать всѣ отрасли наукъ и искусствъ, изумляя слушателя своей всеобъемлющей многосторонностью.

— Вы еще не слышали этого необыкновеннаго скрипача?

— Нѣтъ еще; но я слышала Верачино, отъ котораго, говорятъ, онъ много заимствовалъ.

— А Джардини? У Джардини скрипка пѣла, а у него она дрожить, трепещетъ, рыдаетъ. Это точно одушевленное существо, ея звуки — слова, рѣчи. Въ Прагѣ, гдѣ я былъ съ наслѣднимъ принцемъ прусскимъ, выпѣшшимъ королемъ, на коронаціи Карла VI, никто понять не могъ, какъ можетъ простой инструментъ издавать такіе звуки. Одни объясняли это особеннымъ устройствомъ скрипки или особеннымъ качествомъ дерева, изъ котораго она сдѣлана; другіе — особенностью матеріала, изъ котораго сдѣланы струны. А никому въ голову не приходило, что вся тайна въ управленіи смычкомъ. Самъ Тартини говорилъ мнѣ, что долгое упражненіе въ фехтованіи въ молодости придало его рукѣ силу, чрезвычайно полезную для дѣйствія смычкомъ. Вотъ вы услышите его чорта. Въ немъ все странно и необыкновенно: его жизнь, походенія, даже заглавія его пьесъ. Назначался въ монахи и похитилъ знатную дѣвушку. Учился въ Падуѣ праву, и дено и ношно фехтовалъ, заводилъ ссоры, вызывалъ на дуэль, и убивалъ ради упражненія. Поѣхалъ во Флоренцію послушать Верачини и такъ увлекся имъ, что семь лѣтъ прожилъ отшельни-

комъ въ Анковѣ, учась игрѣ на скрипкѣ, старался выработать новый стиль игры, писалъ сонаты сотнями и дѣлалъ трактаты объ игрѣ. Наконецъ, сдѣлался канцельмейстеромъ въ соборѣ падуанскаго святаго, и здѣсь ему приснился сонъ, отъ котораго онъ чуть съ ума не сошелъ, и въ этомъ настроеніи написалъ своего чорта.

— Что же это былъ за сонъ?

— Будто онъ заключилъ договоръ съ чортомъ и будто чортъ служить ему; будто онъ далъ ему свою скрипку, чтобы посмотрѣть, что чортъ можетъ сдѣлать на ней, и услышалъ нѣчто, приведшее его въ трепеть. Проснувшись, онъ схватилъ скрипку, чтобы повторить слышанное, но могъ, по его увѣренію, воспроизвести только одну трель чорта; все остальное—его собственная фантазія и вариация на тѣму чорта; но во всякомъ случаѣ все вмѣстѣ—лучшая его вещь.

Въ это время маэстро Галутчи сѣлъ за фортепiano и взялъ нѣсколько аккордовъ, приглашая публику къ вниманію. Тартини явился передъ балюстрадаю съ скрипкой и смычкомъ.

Все смолкло. Только Альгаротти продолжалъ болтать, излагая графинѣ свои археологическія соображенія о происхожденіи скрипки. Болтовня эта была прекращена только первыми звуками сонаты Тартини; тутъ графу пришлось предоставить своей слушательницѣ погрузиться всей душой въ наслажденіе чудными звуками музыканта.

Никогда еще скрипка не издавала такихъ волшебныхъ звуковъ, какъ подъ смычкомъ Тартини. Кромѣ искусства и великаго музыкальнаго таланта, въ немъ была та нервная фибра, та буря страстей, которыя составляли тайну искусства Вютти, нѣсколько лѣтъ спустя, а въ еще высшей степени — Паганини, полвѣка спустя.

Послѣ Тартини, Лукино Фабрисъ спѣлъ арію изъ Эвридики, на которой всегда выѣзжалъ въ торжественныхъ случаяхъ, но послѣ восторга, возбужденнаго чортовой сонатой, его пѣніе не произвело никакого впечатлѣнія. Когда замолкъ голосъ кастрата, послѣдовалъ антрактъ, во время котораго дожъ Гримани всталъ съ своего мѣста и подсѣлъ къ донѣ Клеин.

— Я ждала, свѣтлѣйшій государь, окончанія концерта, чтобы узнать отъ васъ, по какой причинѣ вы вызвали меня сюда.

— Надѣюсь, вы извините меня, что я пригласилъ васъ про-

тивъ вашего желанія. Но мы рѣшили съ господами Десятью, что было бы неудобно приглашать васъ во дворецъ, хотя по настоящему такъ слѣдовало бы. Миланскій сенатъ писалъ нашему сенату, прося насъ дѣйствовать со всевозможной осторожностью во уваженіе вашего высокаго положенія и вашихъ личныхъ достоинствъ, но принять мѣры, какія мы заблагоразсудимъ, чтобы побудить васъ какъ можно скорѣе отправиться въ Миланъ.

— Не понимаю, ваша свѣтлость, кто можетъ помѣшать мнѣ жить въ Венеціи?

— Конечно, не мы; но миланскій сенатъ былъ безъ сомнѣнія вынужденъ къ этому какимъ нибудь особеннымъ, намъ неизвѣстнымъ, обстоятельствомъ, о которомъ и вы не можете догадываться. Скрывая отъ насъ это обстоятельство, хотя по правдѣ слѣдовало бы объяснить намъ сего, миланскій сенатъ даетъ намъ знать, что возникли важныя дѣла, требующія, чтобы вы были призваны къ допросу въ судѣ.

— Къ допросу? Меня?

— Изъ письма сената видно, что необходимость допросить васъ возникла вслѣдствіе ареста того лакея, который, какъ вы знаете, проживалъ нѣкоторое время въ Венеціи. Я не думаю, чтобы дѣло имѣло особенную важность. Во всякомъ случаѣ, лучше было бы, чтобы здѣсь это не разглашалось... Если бы мы пригласили васъ во дворецъ, весь городъ устремился бы въ цѣлое море предположеній и розсказней, что, я думаю, было бы вамъ неприятно. Поэтому вы извините насъ, что мы воспользовались этимъ вечеромъ для объясненія съ вами. Скажу вамъ, что вамъ необходимо завтра же отправиться въ Миланъ. Чтобы вполне выполнить желаніе миланскаго сената, намъ слѣдовало бы, — извините за неприятныя слова, — взять васъ подъ стражу. Но самъ же сенатъ проситъ насъ поступить относительно васъ со всевозможной осмотрительностью, и потому мы возлагаемъ на васъ полное довѣріе. Венеціанскій сенатъ столь убѣжденъ, графиня, въ вашей несомнѣнной добросовѣстности, что предоставляетъ вамъ вполне располагать собой.

Донна Клелія нѣсколько времени молчала, потрясенная словами дожа, и наконецъ отвѣчала:

— Мнѣ было бы нетрудно, ваша свѣтлость, угадать причину всего этого, если бы миланскій сенатъ обратился прямо ко мнѣ.

Арестъ лакея вызванъ вѣроятно письмомъ, которое я писала въ Миланъ; поэтому сенать, вѣроятно, желаетъ выслушать меня, чтобы собрать свѣдѣнiя по одному важному дѣлу, о которомъ я пока умолчу; но меня совершенно сбиваетъ съ толку, что сенать обратился къ вамъ, помимо меня. Мнѣ кажется, ваша свѣтлость, что я упала въ пропасть, не вѣдая, кто толкнулъ меня въ нее. Дадъ вамъ однако обѣщанiе, что буду въ Миланѣ въ возможно скорѣйшемъ времени.

Можетъ показаться страннымъ, что во всемъ этомъ разговорѣ ни дожъ, ни графиня не упомянули о графѣ, хотя обомъ было извѣстно, что онъ въ Венецiи. Но графиня совѣстилась произносить его имя, а дожъ, которому донесли о дуэли, былъ обязанъ игнорировать этотъ фактъ, потому что, если бы онъ сдѣлался извѣстенъ ему, то онъ долженъ былъ бы принять мѣры для преслѣдованiя нарушителя законовъ республики противъ дуэли. Дуэль въ то время, какъ теперь и какъ всегда, составляла явленiе исключительное; уголовный сводъ запрещалъ ее и наказывалъ дуэлиста, но въ тоже время общественное мнѣнiе наказывало того, кто отказывался отъ дуэли и не подчинился ея законамъ. Поэтому правительство, какъ любящая мать, закрывало глаза, когда кто нибудь изъ венецианцевъ нарушалъ въ этомъ отношенiи его законы и даже радовалось храбрости своего гражданина, а въ утѣшенiе себѣ усугубляло строгость законоположенiй противъ дуэлиста.

Читатели, привыкшие представлять себѣ венецианское правительство въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ, удивятся, быть можетъ, также тому, что дожъ такъ интимно говорилъ съ графиней. Но надо помнить, что свою ужасную инквизицію правительство Десяти пускало въ ходъ только въ важныхъ случаяхъ, касавшихся общаго интереса общества, а не въ простыхъ частныхъ дѣлахъ; съ другой же стороны, надо сознаться, что въ XVIII столѣтiи свѣтлѣйшая много измѣнилась сравнительно съ прошлыми вѣками. Буква законовъ оставалась таже, но нравы смягчили духъ ихъ. Она также облеклась въ пудру, и мостъ Вздоховъ и каналъ Орджано потеряли свой трагизмъ, сохранивши свой ужасъ только для отечественныхъ и иностранныхъ драматурговъ, сочиняющихъ мелодрамы.

Поздно ночью залы дворца Пизани стали мало по малу пу-

стѣтъ. Когда Тартини хватился Амореволи, послѣдній уже исчезъ, прежде, чѣмъ графиня вышла изъ концертной залы.

Х.

Между тѣмъ графъ В*** и Анджело Эмо въ сопровожденіи своихъ секундантовъ отправились на границу венеціанской области и тамъ готовились скрестить шпаги, какъ подобаешь настоящимъ дворянамъ, вмѣющимъ рѣзаться, сами не зная хорошенько за что и даже не имѣя опредѣленнаго понятія другъ о другѣ; дуэль должна была по обычаю продолжаться до первой крови, — обычай, который Руссо называетъ самымъ глупымъ родомъ дуэли, нелѣпѣе даже послѣдней крови. «Зачѣмъ до первой крови, говоритъ онъ, въ великодушномъ возмущеніи: Боже мой! на что тебѣ эта кровь? Пить, что ли, о свирѣное животное?» Эта первая кровь вытекла тонкой струйкой изъ лѣваго плеча графа В***, замаравъ его бѣлоспѣшную рубашку; присутствующій хирургъ нашелъ рану ничтожной царапиной.

Но тѣмъ глубже была рана, нанесенная самолюбію графа, и тѣмъ яростнѣе злоба его на судьбу, доставившую побѣду его юному противнику, несравненно менѣе его искусному во владѣніи шпагой. Ему пришлось однако сдерживать въ себѣ этотъ гнѣвъ, потому что законы рыцарства не позволяли выражать неудовольствія побѣдоносному противнику и предписывали даже дружески позвать ему руку.

Итакъ, графъ В***, Эмо и секунданты дружнымъ обществомъ вернулись въ Венецію.

Было три часа ночи, когда графъ вѣзжалъ въ лагуну. Въ волненіи чувствъ и безъ всякаго опредѣленнаго умысла въ головѣ, онъ заѣхалъ въ гостиницу и оттуда снова отправился, несмотря на поздній часъ, къ дому Соломонъ. Онъ рѣшительно самъ не зналъ, что будетъ дѣлать; но подъѣхавъ къ дому, далъ нѣсколько ударовъ молотка въ дверь, выходящую на улицу.

На стукъ явился швейцарь.

— Никого нѣтъ дома, сказалъ онъ, не дожидаясь вопроса.

— Никого?

— Говорю вамъ — никого.

— Я подожду.

— Когда никого нѣтъ, мнѣ приказано не приниматьъ.

— А графиня В*** изъ Милана у себя?

— Нѣтъ. Но когда она и бываетъ у себя, все равно, что ея нѣтъ. Она никого не принимаетъ, никого.

— Хорошо. Но я ея мужъ, нарочно пріѣхать къ ней изъ Милана, и мнѣ надо войти.

— Извините, ваше сіятельство, я долженъ исполнять приказанія моихъ господъ. И притомъ я не знаю, правда ли, что...

— Ты думаешь, я выдаю себя за другого? Смотри! Пусти меня, я самъ переговорю съ твоими господами и съ графиней. И съ этими словами, оттолкнувъ привратника, онъ вошелъ въ длинные сѣни, которые въ венеціанскихъ домахъ соединяютъ часть дома, выходящую на улицу, съ тою, которая выходитъ на каналъ.

— Синьоръ, мой господинъ сенаторъ, и такое насиліе...

— Молчать! Самъ дьяволъ не выгонитъ меня отсюда, не то что сенаторъ; у меня въ чемоданѣ и твой хозяинъ, и твоя республика, и сенатъ, и дождь, и его колнакъ.

Говоря это, онъ нахлобучивалъ себѣ на голову свою треугольную шляпу съ золотымъ шитьемъ и разстегивалъ свой дорожный синий кафтанъ, полы котораго доходили до отворотовъ сапоговъ, а воротникъ былъ также покрытъ золотымъ шитьемъ; онъ расхаживалъ по сѣнямъ большими шагами, останавливался по временамъ на первой ступенькѣ лѣстницы, ведшей отъ канала, заглядывалъ направо и влѣво, прислушивался, потомъ снова принимался ходить взадъ и впередъ, скрипя своими ботфортами.

Въ этотъ самый часъ самия знаменитыя аристократическія красавицы, покинувъ салоны дворца Пизани, разсаживались въ свои гондолы. Они остались на вечеръ до самаго поздняго часа по тайному соглашенію, чтобы помучить подольше своихъ поклонниковъ, ожидавшихъ ихъ у крыльца въ надеждѣ посадить въ гондолу и удостоиться за это милостиваго взгляда. Въ числѣ другихъ выходила изъ дворца и донна Клелія въ сопровожденіи Пизани и прокуратора Фоскарини. На крыльцѣ была тѣснота, а на пристани и на каналѣ происходила неописанная суматоха; гондолы тѣснились и раздавались голоса гондольеровъ, отвѣчавшихъ на оклики слугъ

съ факелами, вызывавшихъ ихъ по фамиліямъ господъ: Изъ дома Мочеллиго! Здѣсь! Графъ Эрццо! Сюда! Сенаторъ Барбаро! Пожалуйте! Зень! Графиня Вещонико! Графиня В***!

— Здѣсь! откликнулся поэтъ Біанки, протискиваясь между трехъ гондолъ. Графиня спустилась въ его гондолу съ помощью Пизани и сѣла подъ навѣсъ.

Амореволи уже больше получаса сидѣлъ въ своей гондолѣ на Большомъ Каналѣ, безпрестанно приставаая къ своему гондольеру.

— Смотри, не пропусти.

— Положитесь на меня.

— Кажется, прошелъ уже часъ.

— Полчаса только, сіоръ.

— Какъ ты узнаешь между столькими гондолами?

— Положитесь на меня. Отъ меня не уйдетъ. А вы пока спите.

— Гондолъ сорокъ уже проѣхало.

— Мало ли народу... Будьте покойны, патронъ. А вотъ и она... Утѣшьте, сіоръ... И повернувъ гондолу, онъ сперва послѣдовалъ за гондолой графини, а потомъ, улучивъ минуту, подѣхалъ къ ней и поѣхалъ рядомъ.

— Добраго дня, кумъ, сказалъ онъ Біанки. Окошечко навѣса Амореволи было рядомъ съ окошечкомъ графини.

— Донна Клелія, сказалъ Амореволи.

Она вздрогнула, услышавъ его голосъ, но не отвѣчала; онъ заговорилъ, она молчала.

Біанки, наблюдавшій за ней, замѣтилъ ея молчаніе и предположилъ, что ее нужно выручить изъ неприятности; тремя взмахами весель онъ очутился далеко впереди гондолы Амореволи, пославъ на прощаніе гондольеру колкое словцо; тотъ напрасно старался догнать его, осыпавшій проклятіями Амореволи. Гондола графини повернула въ каналъ Санъ-Поло. — Скорѣй, говорилъ Амореволи. Но пока онъ говорилъ это, Біанки былъ уже передъ домомъ Соломонъ. Но въ эту минуту Амореволи услышалъ крикъ графини, мужской голосъ и шумъ переналки. Онъ уже подѣхалъ къ лѣстницѣ, ведшей къ крыльцу дома; его гондола подѣхала къ гондолѣ Біанки. Тутъ онъ увидѣлъ Біанки, опускающаго съ размаха весло на треугольную шляпу високаго мужчины, въ кото-

рожь онъ узналъ графа. Треугольная шляпа полетѣла въ лагуну. Графъ обнажаетъ шпагу и кидается на гондольера, и оба падаютъ на дно гондолы, а графиня безъ чувствъ склоняется на корму. Все это случилось быстрѣе, чѣмъ мы рассказываемъ. Амореvoli хватается графиню и съ помощью гондольера переноситъ ее въ свою гондолу, которая быстро скрывается во мракѣ.

КНИГА ПЯТАЯ.

I.

Двадцать третьяго мая мостовая улицы N въ Миланѣ была покрыта густымъ слоемъ соломы на большомъ протяженіи. Шумъ каретъ, колясокъ и телегъ замолкалъ на этомъ пространствѣ. Это всегда и вездѣ означаетъ тяжелую болѣзнь какого нибудь любимаго фортуны. Эта послѣдняя соломенная выставка богатства, знатности и спѣси возбуждаетъ въ плебейской толпѣ, которая истратила все состраданіе на самое себя, не жалость, а злорадство и прохажіе привѣтствуютъ ее ядовитыми эпиграммами; поэтому, едва ли можно назвать остроумной мысль дѣлать предметомъ парадной выставки такія слабости человѣческой природы, какъ лихорадка, рвота и поносъ.

Жертвой этихъ слабостей былъ графъ Ф***, братъ недавно умершаго маркиза.

— Какъ здоровье графа? спрашивалъ прохожій швейцара, стоявшаго, переминаясь съ ноги на ногу, на порогѣ палатки.

— Плохо, все плохо, сегодня хуже; въ полдень будетъ консилиумъ синьоровъ докторовъ Бернардино Москати, Гильельмо Патрини и нашего домашняго врача, доктора Бартоломео Галлароли.

— Боже, спаси насъ отъ консилиумовъ! Но ужъ это судьба тѣхъ, для которыхъ разстиляется солома на улицѣ. Чѣмъ больше заботъ и ухода, тѣмъ больше опасности.

Въ это время подошелъ другой.

— Какъ здоровье графа?

— Будеть конспліумъ.

— Пора бы ему подумать поладить съ своей совѣстью, не оставлять въ нищетѣ своего племянника съ матерью.

— Говорите это кому угодно, только не мнѣ; я ѣмъ его хлѣбъ.

— Вы правы, но хозяинъ вашъ не правъ. Будьте покойны, если умереть, а на это очень похоже, многіе въ Миланѣ выпьютъ за здоровье его врачей!

Изъ этого читатель видитъ, что графъ Ф*** не пользовался лестной репутаціей между своими согражданами. Онъ былъ извѣстенъ скупостью и надменностью. Впрочемъ, дурная слава была наслѣдственна въ его родѣ со времени его прадѣда, который тиравилъ младшихъ сыновей, чтобы сосредоточить все богатство свое въ рукахъ старшаго. Какъ извѣстно, это было тогда обычный приемъ аристократической семейной экономіи; но и тутъ были разные способы проводить эту систему, а способы, къ которымъ прибѣгалъ графъ Ф***, были особенно непривлекательны. Одинъ его родственникъ, человекъ очень богатый и имѣвшій съ нимъ большія непріятности, чтобы досадить ему, оставилъ по завѣщанію все свое состояніе его второму сыну. Послѣдній не имѣлъ дѣтей и на старости лѣтъ составилъ духовное завѣщаніе, которымъ оставилъ свое состояніе младшему изъ своихъ двухъ внучатныхъ племянниковъ, тому самому графу Ф***, который лежалъ теперь больной. Такимъ образомъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ завистливой ненависти къ своему старшему брату, маркизу Ф***, а потомъ еще нѣсколько лѣтъ въ постоянномъ страхѣ, чтобы дядя не переимѣнилъ завѣщанія или не вздумалъ жениться, графъ Ф*** имѣлъ наконецъ удовольствіе узнать о кончинѣ старика и вступить во владѣніе его богатымъ наслѣдствомъ.

Повидному, это обстоятельство, уравнивъ положеніе братьевъ, должно бы было потушить непріязнь, которую онъ питалъ къ маркизу; но чувство это, продолжавшееся столько лѣтъ, укоренилось въ немъ, а съ другой стороны въ немъ съ богатствомъ пробудилась алчность, и онъ сталъ мечтать о томъ, что фамилія Ф*** сдѣлалась бы богатѣйшей патриціанской фамиліей всего герцогства, еслибы состояніе его брата слилось съ его собственнымъ. Мечты эти были вызваны и поддерживались развратной и безпорядочной жизнью маркиза, который, повидному, и не помнилъ

о законномъ бракѣ. Мы не будемъ подробно рассказывать, какъ трепеталъ и волновался графъ при всякомъ слухѣ о слишкомъ продолжительной связи маркиза, какъ радовался онъ при извѣстіяхъ, что братъ отправилъ наконецъ къ чорту слишкомъ зажившюся у него содержанку, какъ онъ былъ постигнутъ апоплексическимъ ударомъ, узнавъ, что у маркиза родился сынъ и что онъ сталъ открыто жить съ матерью послѣдняго, какъ онъ былъ вынужденъ извѣстіемъ, что по примѣру Авраама, братъ изгналъ свою Агарь съ Измаиломъ, какъ настали для него новыя тревоги, когда братъ опасно занемогъ, и онъ узналъ, что настоятель Санъ-Назаро, пользуясь болѣзнью, смягчившей нравъ маркиза, хлопочетъ объ обезпеченіи несчастной Бароджи и ея ребенка и что маркизъ даже написалъ подъ диктовку нотаріуса Маэки собственноручное завѣщаніе въ пользу сына.

Тогда-то графъ черезъ своего управляющаго прибѣгнулъ къ помощи и услугамъ лакея Суарди. Результатъ этого уже извѣстенъ читателю, но графъ не долго пользовался имъ. Вскорѣ по отъѣздѣ въ Венецію графа В*** онъ внезапно захворалъ, покушавъ плотнаго обѣда въ пятницу.

Приближался полдень, и слуги дома Ф*** поджидали у крыльца врачей. Вскорѣ вдаль послышался стукъ кареты, который вскорѣ замеръ на соломѣ, и экипажъ, медленно и величественно подкатившись къ крыльцу, остановился; это была карета доктора Галлароли; вскорѣ подѣхалъ и докторъ Бернардо Москати, а за нимъ и хирургъ Патрини. Прохожіе останавливались поглазѣть на эти медицинскія знаменитости. Докторъ Москати былъ старикъ высокій, сухой, угловатый, строгій. Зѣваки смотрѣли на него съ уваженіемъ и со страхомъ. Онъ былъ профессоръ анатоміи въ главномъ госпиталѣ и былъ приглашаемъ на консультаціи и въ другіе города, даже за предѣлы герцогства. Патрини былъ профессоръ практической хирургіи и имѣлъ также грозную репутацію; говорили, что, для удобства оперированія, онъ запугиваетъ своихъ пациентовъ до обморока. Докторъ Галлароли былъ краснощекій и веселый человекъ, имѣвшій большую практику въ знатныхъ домахъ; говорили, что одно его присутствіе излечиваетъ больныхъ и его веселость разгоняетъ болѣзненные міазмы. Когда доктора вошли въ палаццо, вниманіе мальчишекъ, глазѣвшихъ у крыльца, обратилось на ихъ экипажи и лошадей.

Странно, по несомѣнно, что на домашнихъ животныхъ отражается характеръ и профессія ихъ хозяевъ, особенно на лошадяхъ: послѣ долгой службы лошадь врача имѣетъ въ себѣ нѣчто внушительное, солидное, положительное и внушаетъ толпѣ такое же почтеніе, какъ лошадь соборнаго священника. Привычный глазъ отличить въ хаосѣ несущихся экипажей лошадь врача отъ лошади биржеваго маклера и отъ лошади титулованнаго аристократа. Три лошади, стоявшія передъ палаццо Ф***, были сыты, плотны, имѣли видъ важный, почтенный, нѣсколько задумчивый и, казалось, хотѣли сказать непросвѣщенной черни: уважайте насъ, мы служимъ наукѣ. Впрочемъ, теперь трудно уже дѣлать подобныя наблюденія надъ лошадьми медиковъ: не знаю почему, вся медицина ходитъ нынче пѣшкомъ. Остались только лошади сельскихъ врачей, но тѣ имѣютъ такой же загнанный видъ, какъ и ихъ хозяева. Но оставимъ лошадей и последуемъ за докторами.

II.

Въ комнатѣ больного было почти совершенно темно отъ запертыхъ ставней и спущенныхъ зеленыхъ шелковыхъ занавѣсокъ. Подойдя къ кровати, докторъ Москати знакомъ приказалъ старой служанкѣ, стоявшей у изголовья, открыть ставни и освѣтить комнату. Тогда врачи внимательно посмотрѣли въ лицо больному, голова котораго покоилась на четырехъ подушкахъ, обшитыхъ кружевами, и среди этихъ кружевъ еще рѣзче выступало это костлявое, желтое, морщинистое лицо.

Врачи переглянулись, не сказали ни слова, но поняли другъ друга; въ отвѣтъ на эту мысль Галлароли, лечившій до сихъ поръ больного, прибавилъ:

— А вѣдь только недѣля, какъ захворалъ.

Москати, старикъ циническій, причудливый и безцеремонный, покачалъ головой, пощупалъ пульсъ и опять покачалъ головой.

— Вы говорите, сказалъ онъ, что причина подобнаго состоянія больного — обремененіе желудка, и я вамъ вѣрю; но если

бы мнѣ сказать это мнѣ опытный врачъ, я отвѣчалъ бы ему, что онъ понятія не имѣеть о медицинѣ. Что же онъ ѣлъ?

— Угря изъ Комакіо, профессоръ, это любимое его кушанье. Онъ всегда ѣлъ его не въ мѣру, хотя я много разъ предупреждалъ его. Я обѣдаю здѣсь всегда по пятницамъ, и всякую пятницу я говорилъ ему: смотрите, много! не повредило бы! — и вотъ случилось, какъ я говорилъ. Нельзя, поэтому, отрицать, профессоръ, что это замѣчательный случай обремененія желудка. До обѣда графъ былъ совершенно здоровъ; не правда ли, графъ?

Большой утвердительно кивнулъ и, заставивъ доктора нагнуться, прошепталъ ему на ухо.

— Да, я съѣлъ лишнее... думалъ, ничего...

— Не говорите, графъ... Итакъ, до обѣда онъ былъ здоровъ, да и послѣ обѣда ничего; даже я помню, когда вошелъ слуга съ шампанскимъ и принесъ удивившее всѣхъ насъ извѣстіе, что лавей Галантино арестованъ въ Венеціи, привезенъ подъ стражей сюда и препровожденъ только что къ капитану юстиціи, графъ былъ еще такъ здоровъ, что всталъ и сказалъ: я очень радъ, теперь, когда эта каналья попалась въ руки правосудія, отъ нея Богъ знаетъ, что услышимъ. Для меня особенно важно, чтобы онъ заговорилъ или чтобы его заставили заговорить... Онъ выпилъ еще залпомъ два, три стакана шампанскаго одинъ за другимъ, и такъ шутилъ, былъ такъ веселъ, какъ я никогда его не видалъ. Какъ видите, стало быть, онъ былъ совершенно здоровъ. Потомъ онъ вышелъ, и черезъ нѣсколько минутъ эта старушка входитъ встревоженная и говоритъ мнѣ: докторъ, пойдите сюда, графу дурно, очень дурно, ему захватило дыханіе, онъ умираетъ. Прибѣгаю — лежитъ безъ движенія въ креслѣ, глаза закатились, пульсъ неслышенъ. Очевидно, это былъ не ударъ. Я ему далъ очень кислого теплаго лимонада, велѣлъ перенести въ постель и, хотя было тепло, накрыть потеплѣе; и затѣмъ, оставалось ждать благотельнаго дѣйствія сна и ночи.

— Хорошо, прекрасно, больше нечего было дѣлать, сказалъ Патрини.

— Хорошо-то, хорошо, но на другой день какъ вы его нашли? спросилъ Москати.

— Очень плохо. Правда, онъ пришелъ въ себя, но жаловался на сильную боль въ головѣ и желудкѣ. Пульсъ былъ жесткій и

неровный. Принялись за слабительныя — никакого дѣйствія! Теперь это продолжается восьмой день, и я начинаю подозрѣвать ужь какоенибудь механическое препятствіе. Во всей моей практикѣ не видалъ столь упорнаго случая; все, что можно было сдѣлать, сдѣлано. Что же вы думаете?

— Думаю, что слѣдовало бы узнать причину, почему угорь всталъ ему поперекъ желудка.

— Какая же причина? Излишекъ пищи.

— Хорошо; но эту причину ужь мы знаемъ, и она не можетъ быть такъ упорна. По моему, когда болѣзнь не поддается леченію и симптомы ея не измѣняются, это доказываетъ, что причина ея не открыта; наше дѣло — раскрыть ее, чтобы узнать, можетъ ли она быть устранена нашими средствами.

Въ это время больной слабымъ, задыхающимся, но раздраженнымъ голосомъ спросилъ:

— Ну что же, наконецъ? Могу я выздороветь или нѣтъ? Что это за болѣзнь?

— Докторъ Галлароли не ошибся, отвѣчалъ Москати: — Его леченіе было единственно возможное и рациональное. Но врачъ не можетъ дѣлать чудесъ, если организмъ больного не поддается леченію. Однако излеченіе возможно... и онъ опять сталъ щупать пульсъ. — Страшная лихорадка! Надо продолжать начатое леченіе. О механическомъ препятствіи не можетъ быть и рѣчи. Какъ вы полагаете, профессоръ?

— Никакихъ симптомовъ, ничего подобнаго. Надлежитъ держаться леченія выжидательнаго.

Докторъ Галлароли прописалъ рецептъ, пощупалъ пульсъ, потыкалъ больному въ желудокъ и, сказавъ: — Заѣду еще вечеромъ, — вышелъ съ товарищами.

Отворивъ двери въ слѣдующую комнату, они наткнулись на цѣлую группу подслушивающихъ слугъ, въ числѣ которыхъ былъ и управляющій, слѣбуръ Ротпью. Сынъ графа, донъ Альберико, молодой человекъ лѣтъ 20-ти, прохаживался по комнатѣ съ грустнымъ лицомъ, но въ блестящемъ нарядѣ; кромѣ этого наряда выраженію его лица страннымъ образомъ противорѣчило еще то обстоятельство, что онъ поминутно останавливался любоваться собою передъ двумя огромными зеркалами, украшавшими стѣны комнаты.

При появленіи врачей, Ротяньо бросился къ нимъ съ вопросомъ:

— Ну, что? Какъ вы находите?

— Плохо, очень плохо, отвѣчалъ Галлароли.

— Такъ плохо, что самое лучшее послать за священникомъ, прибавилъ Москати.

Донъ Альберико, погруженный въ разсматриваніе утренняго произведенія своего парикмахера, при словѣ священникъ обернулся и спросилъ:

— Какъ вы нашли отца?

— Мужайтесь, донъ Альберико, не напрасно докторъ Москати совѣтуетъ послать за священникомъ.

Когда врачи вышли на крыльцо и остались одни, Патрини сказалъ Москати:

— Объясните теперь, докторъ, на что вы намекали давеча, говоря о причинѣ болѣзни?

Докторъ Москати, покачавъ головой, отвѣчалъ:

— Я вижу, что только въ старости научаешься читать въ книгѣ жизни; я передъ вами старикъ и потому прочелъ то, чего вамъ не разобрать. Однако вамъ, дорогой докторъ Галлароли, какъ домашнему человѣку, слѣдовало бы догадаться. Когда вы мнѣ сказали, что болѣзнь постигла графа тотчасъ послѣ того, какъ онъ узналъ объ арестѣ лакея, я сейчасъ же смекнулъ.

Галлароли и Патрини посмотрѣли на него съ видомъ недоумѣнія.

— Конечно, анатомическое препарированіе, практическая хирургія и медицинская практика отвлекаютъ насъ отъ житейскихъ дѣлъ, продолжалъ Москати. Но солнце и луну видишь, жаръ и холодъ чувствуешь помимо своей воли, потому что они сами лѣзутъ въ глаза и даютъ себя чувствовать. Такъ и тутъ. Развѣ вы не знаете, что весь Миланъ говоритъ, будто лакей Суарди укралъ бумаги по наущенію графа?

— Что? Какъ?

— Ахъ, что вы?

— Чего: ахъ, что вы? Разсудите. Лакей обвиняется въ похищеніи важныхъ бумагъ покойнаго маркиза, въ томъ числѣ его духовнаго завѣщанія въ пользу незаконнаго сына. Кому мѣшало оно? Графу. Кому пропажа его выгодна? Графу. Что могъ лично

выиграть лакея отъ этого воровства? Ничего. Стало быть онъ дѣйствовалъ по чьему нибудь наущенію. По наущенію того, для кого это было выгодно. А кто же это, какъ не графъ? Вамъ это кажется невѣроятнымъ? Пожалуй, я не пойду къ капитану юстиціи объявлять мое мнѣніе, хотя это говоритъ весь городъ. Я не скажу, что угорь застрялъ въ графскомъ желудкѣ вслѣдствіе неожиданнаго пзвѣстія въ моментъ пищеваженія о поимкѣ лакея. Пусть завтра сенатъ отпуститъ лакея оправданнымъ, и я не буду отчаиваться въ выздоровленіи графа. Онъ можетъ быть спасенъ, если устранится причина болѣзни, не дающая ему покоя. Люди умираютъ на мѣстѣ отъ внезапнаго испуга, гнѣва или радости. Удивительно, что графъ еще живъ, потому что—дѣло серьезное! Если лакей назоветъ его имя, подумайте, каковъ будетъ скандалъ, каковъ позоръ! Но поѣдемъ въ госпиталь, это мѣсто все-таки повеселѣе дворца капитана юстиціи и сената, и скальпель часто менѣе страшенъ, чѣмъ уголовная статья.

Онъ сѣлъ въ карету и съ шумомъ захлопнулъ дверцы. Его товарищи послѣдовали его примѣру, и лошади тронулись солидной рысью.

III.

Теперь намъ надо разъяснить нѣкоторыя подробности участія графа Ф*** въ дѣлѣ похищенія бумагъ его брата. Онъ узналъ за нѣсколько дней до смерти маркиза, что настоятелю Санъ Назаро удалось уговорить его сдѣлать завѣщаніе въ пользу сына Бароджи; онъ узналъ также, что завѣщаніе нигдѣ не было еще заявлено и хранилось въ бюро въ кабинетѣ маркиза вмѣстѣ съ другими семейными бумагами. Въ день смерти брата, когда нотариусы Преторіи опечатывали его имущество, графъ имѣлъ разговоръ съ своимъ управляющимъ Ротиньо, который заслужилъ ему великую службу, увеличивъ своимъ искуснымъ управленіемъ доходы съ его имѣній на цѣлую треть. Въ заключеніе этого разговора Ротиньо предложилъ обратиться въ содѣйствію Суарди, который долго служилъ у маркиза, а послѣднее время былъ ви-

гнанъ и не имѣлъ пристанища и пропитанія и потому долженъ былъ безъ труда принять предложеніе. Имущество маркиза Ф***, состоявшее въ дворцахъ, виллахъ, земляхъ, капиталахъ, водяныхъ и другихъ сборахъ, простиралось стоимостью до десяти миллионскихъ лиръ. Графъ обѣщалъ Ратиньо въ случаѣ удачи предпріятія двѣсти тысячъ, а лакею предполагалось дать шестьдесятъ тысячъ за труды, изъ нихъ двѣ тысячи давалось въ задатокъ. 28 тысячъ тотчасъ по совершеніи покражи, а остальные 30 тысячъ черезъ шесть мѣсяцевъ, когда все будетъ кончено, и минуетъ всякая опасность уголовного преслѣдованія.

Все вышло, какъ по писанному. Бумаги были похищены, маркиза похоронили, съ лакеемъ расплатились, и графъ успокоился. Недоразумѣніе, возникшее изъ свиданія донны Клезинъ съ теноромъ, пришлось ему очень кстати, но графъ и его управляющій радовались успѣху своей продѣлки каждый про себя, потому что какъ бы по взаимному соглашенію они никогда не говорили между собой о случившемся. Мало того, они безъ всякой особенной причины начали тяготиться другъ другомъ и дошли до крайняго отвращенія одинъ къ другому, тѣмъ болѣе сильному, что въ ихъ положеніи одинъ долженъ былъ высказывать другому благосклонное расположеніе, а другой — глубокое почтеніе. Впрочемъ они были покойны. Ихъ не смущало даже то обстоятельство, что лакей показалъ Ратиньо завѣщаніе въ оригиналѣ, но отдать его не согласился, а выдалъ только собственную копию съ него. Оба онѣ знали Галантино только за гуляку, за отчаяннаго малаго, не дозрѣвая, какъ онъ былъ сметливъ, дальновиденъ и хитеръ. Какъ бы то ни было, графъ приобрѣлъ десять милліоновъ, и все случилось, какъ нельзя лучше. Лакей казался нестрашенъ; потому что былъ заинтересованъ столько-же, какъ и они, въ сохраненіи тайны.

Тѣмъ ужаснѣе поразила графа вѣсть о поимкѣ лакея. Хотя въ первую минуту по полученіи этого извѣстія онъ старался выказать равнодушіе и безпечность, но эти старанія не обманули никого, даже доктора Галлароли, человѣка хитраго и проницательнаго, до того, что онъ притворился изумленнымъ, когда грубоватый Москати сообщилъ ему свое соображеніе. И на управляющаго Котиньо извѣстіе подѣйствовало несприятнымъ образомъ. Это былъ мужчина крѣпкій и сильный, съ лицомъ, покрытымъ ка-

клямъ то темнымъ лакомъ, подъ которымъ нельзя было разобрать никакихъ отраженій душевныхъ впечатлѣній; поэтому онъ выдержалъ ударъ лучше, чѣмъ графъ, но съ тѣхъ поръ въ теченіе цѣлой недѣли существованіе его было не завидно, и онъ не могъ ни одной ночи уснуть спокойно.

Правда, онъ принялъ всевозможныя предосторожности, и Галантино не могъ назвать человѣка, даваго ему порученіе, потому что онъ не сообщилъ ему своего имени; но Котинно разсуждалъ, что если даже разговорится въ судѣ, чего слѣдовало ожидать, потому что судѣ располагалъ способами заставить его разговориться, то изъ разговоровъ его нетрудно будетъ добраться до истины. Болѣзнь графа нѣсколько обнадеживала его. — Если бы онъ умеръ, разсуждалъ онъ, прежде чѣмъ лакей запутаетъ насъ, мнѣ не трудно было бы извернуться. Онъ назоветъ графа, но графъ окажется умершимъ, — и все кончится возвращеніемъ завѣщанія; донну Альберлеку придется удовольствоваться отцовскимъ наслѣдствомъ, а я распрошаюсь съ этимъ домою. Поэтому онъ принималъ очень спокойно дурныя вѣсти о здоровьи своего патрона и почувствовалъ живѣйшую радость, узнавъ о предстоящемъ консилиумѣ, потому что имѣлъ свои понятія о значеніи консилиумовъ. Но вся эта радость была разрушена словами доктора Москати. Нуженъ священникъ! Онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду, думая о смерти графа, ея прелминарип, муки агоніи и исповѣдь! Передъ вѣчностью десять милліоновъ покажутся графу пустяками, и онъ не преминетъ для облегченія души выдать все священнику. Эта мысль такъ поразила его, что имѣя онъ также угря въ желудкѣ, его можетъ быть на мѣстѣ прихлопнула бы апоплексія. Изъ этого слѣдуетъ, что чистая совѣсть хороша и въ гигиеническомъ отношеніи.

IV.

По уходѣ докторовъ донъ Альберикъ сказалъ управляющему: — Итакъ, надо послать за донъ Джачинто. Донъ Джачинто былъ викарія церкви Санта Марія Подоне, принадлежавшей къ приходу Санта Марія Порта; это былъ домашній священникъ, т. е.

чаще другихъ приходилъ къ графу не ради спасенія души его, а по дѣламъ.

— Донъ Джачинто уже приходилъ вчера, отвѣчалъ Ротиньо, но я отослалъ его. Эти черныя рясы, дорогой донъ Альберикъ, отъ снѣ дурно дѣйствуютъ на больныхъ. Послѣ слабительныхъ и другихъ снадобій. выздоровленію больного больше всего способствуетъ веселый видъ врача и надежда. А къ чему всѣ слабительныя и крѣпительныя средства, если вѣдомъ пона до смерти пугать больного? Что сказали бы вы сами, если бы черезъ нѣсколько дней болѣзни слѣдомъ за докторомъ явился къ вамъ попъ?

— Не знаю... Но вѣдь докторъ совѣтовалъ.

— Докторъ Галлароли — плутъ, хочетъ придать себѣ важности и увѣрить весь Миланъ, что можетъ возвращать къ жизни соборованныхъ людей; а остальные двое его товарищи, рука руку мость, поддерживаютъ другъ друга; всегда такъ на консилиумахъ; докторъ, который лечитъ, поетъ свое, а приглашенные подтягиваютъ ему; поэтому не надо всему вѣрить, что они болтаютъ.

— Какъ хотите. Только смотрите, чтобы завтра докторъ Галлароли не разсердился, что его не послушались.

— Увидите, что онъ ничего не скажетъ. Да притомъ я увѣренъ, что графъ поправится.

— Какъ хотите, какъ хотите... Но вотъ что...

— Что?

— Прикажете кассиру выдать мнѣ сто имперскихъ талеровъ.

— Все также пѣсня, донъ Альберико.

— Я ихъ жду ужъ недѣлю.

— Графъ запретилъ мнѣ выдавать вамъ деньги до іюня.

— Іюнь на носу... дѣло въ нѣсколькихъ дняхъ.

— А потомъ?

— Потомъ! Ростовщиковъ не мало въ г. Миланѣ; мнѣ стоить топнуть, чтобы талеры со всѣхъ сторонъ повискакивали изъ земли. Не въ первой. Но что за проклятая фантазія заставлятъ меня брать по десяти, чтобы отдавать по двадцати? Въ мірѣ нѣтъ столь скупого и грязнаго человѣка, какъ мой отецъ, а вы ему пара. Пора кончить это. Мнѣ двадцать одинъ годъ и послѣ новаго наслѣдства я первый богачъ въ Ломбардіи. Двадцать мил-

ліоновъ... шутка сказать! И вѣчно нуждаться какъ нищему, выпрашивать у васъ по мелочамъ! У васъ! Кто вы-то!

— Я вашъ покорнѣйшій слуга, отвѣчалъ управляющій съ улыбкой, люблю величіе вашей фамиліи и желаю, чтобы единственный наслѣдникъ такого богатства пришелъ все въ цѣлости, когда сдѣлается его обладателемъ. Но если вамъ въ самомъ дѣлѣ такъ пужны 100 талеровъ, я вамъ выдамъ ихъ.

— Послушайте, дайте уже полтора ста; ста мнѣ мало.

Ротиньо отправился въ правленіе, гдѣ было много второстепенныхъ служащихъ, кассировъ, бухгалтеровъ и писцовъ, потому что управленіе фамильнымъ имуществомъ было сложно и обширно. Онъ взялъ у кассира 150 талеровъ, записалъ ихъ на счетъ донна Альберика приказалъ писцу приготовить росписку, которую хозяйскій сынъ долженъ былъ подписать, потому что такъ было разъ навсегда предписано графомъ.

Пока Ротиньо распорядился всѣмъ этимъ, вошелъ приващикъ въ сопровожденіи работника, нагруженнаго мѣшкомъ съ деньгами, и сказалъ:

— Новость!

— Что такое?

— Только что вернулась графиня В***.

— Вернулась? Зачѣмъ?

— Если хотѣла такъ скоро вернуться, не стоило и убѣгать.

— Натуральное дѣло: мужъ поѣхалъ къ ней туда, а она вернулась сюда, гдѣ его нѣтъ. Понятно!

— Что понятно? Вотъ и не угадали! сказалъ приващикъ: — Она вернулась, потому что ее вернули.

— Кто?

— Конечно, власти — сенатъ. А знаете отчего? Вотъ ужъ не угадаете.

— Говорите, говорите.

— Галантно выдалъ ее; сказалъ, что она подкупила его украсть завѣщаніе. И извѣстно теперь, что было въ завѣщаніи. Главное наслѣдство, нашему графу, а затѣмъ разные подарки и самый цѣнный графинѣ, въ воспоминаніе... понятно чего... Вотъ тебѣ и Урапія, и Миперва, и какъ тамъ еще величалъ ее донъ Джачинто. Ха, ха, ха!.. каково!

— Такъ она велѣла украсть завѣщаніе оттого, что пмъ было ей что то отказано? Есть ли смыслъ вѣрить этому?

— Еще бы! Указана не только награда, и родъ заслуги... Подумайте, скандалъ то! Ха, ха, ха... И кудабы же былъ сеньоръ маркизы! Не то что нашъ графъ.

Ротиньо слушалъ молча. Онъ отчасти зналъ, какъ идетъ процессъ Галааттино. слышалъ кое что и о подобномъ показаніи Лаккея и даже было возрадовался, но, разсудивъ получше, убѣдился, что подобное вранье не можетъ долго продолжаться. Однако теперь онъ рѣшился поговорить объ этомъ съ графомъ обстоятельно. Взявъ деньги, онъ вернулся къ дону Альбернку, вручилъ ихъ ему вмѣстѣ съ роспиской, которую тотъ подписалъ, и по уходѣ его хотѣлъ было войти въ спальню больного. Онъ уже взялся за ручку двери, какъ вдругъ въ головѣ его мелькнуло соображеніе:

— Утѣшительное извѣстіе, можетъ доставить облегченіе... отъ пустяковъ заболѣлъ, отъ пустяковъ выздоровѣть... Лучше не говорить. И вернувшись въ правленіе, онъ преспокойно засѣлъ за повѣрку счетовъ.

Приказчикъ не совралъ, объявивъ о возвращеніи графини Кле-ли. Она обѣщала у Пизани дождь на другой же день выѣхать изъ Венеціи. Дождь повѣрилъ ей и не считъ нужнымъ удостовѣряться въ исполненіи ея обѣщанія. Но непредвидѣнныя обстоятельства, свойство которыхъ читатель узнаетъ ниже, не позволили ей выѣхать изъ Венеціи ни на другой, ни въ слѣдующіе дни. Наконецъ, дождь узналъ съ удивленіемъ, что она все еще въ Венеціи и уже не повѣрилъ ея вторичному обѣщанію отправиться немедленно. Подъ предлогомъ оказать ей почетъ, онъ послалъ сопровождать ее до границы Мессира Зуане Пиззамано, камерлинга общины, съ супругою. А съ границы миланскаго герцогства до столицы, подъ тѣмъ же предлогомъ, сопровождалъ ее сеньоръ на-мѣстникъ преторіи, докторъ Рокко Орланди, который почтительно, но внушительно спросилъ ее, не желаетъ ли она по приѣздѣ въ Миланъ остановиться въ домѣ своей хорошей знакомой, донны Паолы Пьетра.

Дѣло въ томъ, что послѣ страннаго показанія Суарди, когда оказалось необходимымъ призвать къ допросу графиню В***, капитанъ юстиціи, посовѣтовавшись съ президентомъ сената и съ сенаторомъ Габріелемъ Верри, послалъ за донной Паолой и сооб-

щилъ ей о показаніи Галантино и о рѣшеніи сената просить венеціанское правительство о высылкѣ графини въ Миланъ.

Это былъ ужасный ударъ для донны Паолы. Ее, во-первыхъ, поразило гнусное обвиненіе противъ графини и смутило ее тѣмъ болѣе, что ко всякой любви въ людяхъ пожившихъ и умудренныхъ опытомъ примѣшивается сомнѣніе; но донна Паола рѣшительно отказалась повѣрить обвиненію. Она такъ горячо и краснорѣчиво стала опровергать его, что самъ маркизъ Рекалькати, слушая ее, пришелъ къ убѣжденію, что Галантино вретъ и что его клевета служитъ только лишнимъ доказательствомъ его собственной виновности. Во вторыхъ, донну Паолу заботило положеніе, въ которомъ графиня очутится въ Миланѣ, и она предложила тутъ же, чтобы она остановилась у нея, на что капитанъ юстиціи согласился и далъ въ этомъ смыслѣ инструкцію намѣстнику преторіи на границѣ. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, донна Паола, обвинявшая себя въ томъ, что будто бы своими совѣтами ухудшила положеніе графини, отправилась къ адвокату сына Бароджи посоветоваться съ нимъ, нельзя ли какъ нибудь доказать, что Галантино въ первые дни карнавала былъ еще въ Миланѣ. Адвокатъ припаялся за дѣло съ жаромъ и скоро попалъ на важные слѣды.

V.

Въ тотъ же день, когда въ домѣ графа Ф*** происходилъ консилиумъ, донна Паола получила отъ маркиза Рекалькати уведомленіе, что завтра къ ней прибудетъ графиня Клелія. Поэтому на другой день она осталась дома ожидать ее.

Тяжелыя мысли тѣснились въ ея головѣ. Не говоря уже о томъ, что она обвиняла себя во всемъ случившемся, хуже всего было возникшее въ ней сомнѣніе въ нравственныхъ качествахъ донны Клеліи. То, что она считала исключительнымъ страстнымъ увлеченіемъ, едва ли не оказывалось обычной привычкой развратной натуры. Донна Паола не ставила ей въ вину ея сильное чувство къ Амореволи; это чувство объяснялось и оправдывалось

обаяніемъ молодости, красоты, таланта; но связь съ покойнымъ маркизомъ, пожилымъ, развратнымъ, крайне непривлекательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, была бы непростительна. Въ подобныхъ мысляхъ засталъ донну Паолу пріѣздъ графини. Она встала ей на встрѣчу и довольно холодно, хотя любезно, привѣтствовала ее. Помимо ея воли лицо ея выразило сомнѣнія, волновавшія ея душу, такъ что графиня замѣтила это съ перваго взгляда, и первыя слова ея были:

— Боже мой, что случилось? Отчего эта пережѣна въ васъ ко мнѣ?

И съ этими словами она обняла донну Паолу и расплакалась. Первыя ея были въ высшей степени возбуждены тревогой, неприємностями путешествія подъ конвоемъ и воспоминаніями послѣднихъ дней пребыванія въ Венеціи. Донна Паола почувствовала въ ней жалость и обняла ее съ участіемъ:

— Ободритесь, сказала она, я для васъ все прежняя. Сядьте, успокойтесь... дай Богъ, чтобы...

Она остановилась, находя мнуту неудобной для разспросовъ. Но графиня сама заговорила:

— Желала бы я знать, по какой причинѣ сенатъ съ такимъ скандаломъ вытребовалъ меня изъ Венеціи; вѣдь меня привезли подъ конвоемъ, точно преступницу.

— Неужели вы не знаете? Неужели вамъ ничего неизвѣстно? спросила донна Паола, проникательно глядя на нее.

— Ничего не знаю, хотя теряюсь въ дѣломъ морѣ догадокъ. Да и самъ дожъ не зналъ и былъ недоволенъ этимъ дѣломъ. Камерлингъ общины, провожавшій меня съ женой до границы, тоже ничего не зналъ. Намѣстникъ же преторіи, проводившій меня почти до двери этой комнаты, кажется и зналъ, но избѣгалъ моихъ вопросовъ, когда я говорила ему, что подозрѣваю какую-нибудь клевету этого негоднаго лакея. Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что это штуки Гатантино, хотя не могу придумать, что могъ онъ сказать. Намѣстникъ, какъ я говорила ему это, отвѣчалъ уклончиво, что это возможно, но что онъ ничего не знаетъ, хотя было ясно, что онъ знаетъ, но ему вѣрно молчать. Доведа меня до вашего дома, онъ тотчасъ отправился къ капитану юстиціи доложить о моемъ пріѣздѣ, и скоро явится сюда. Скажите же мнѣ, въ чемъ состоятъ эта тайна?

Донна Паола еще разъ взглянула на графиню, взяла ее за руку и сказала ей дружески:

— Сядьте и выслушайте, но прежде дайте мнѣ одно объясненіе.

— Какое?

— Ничего не утаивать, не лгать, — извините за выраженіе, — хотя пришлось бы говорить о неприятныхъ вещахъ.

— Боже, какъ вы меня пугаете! Говорите, ради Бога! Въ чемъ дѣло? Я вообразить себѣ не могу...

Донна Паола рассказала ей о показаніи Галантино. Когда роковыя слова вышли изъ ея усть, графиня вскочила, и во взглядъ ея сверкнуло оскорбленное достоинство, негодованіе и даже какъ бы угроза. Донна Паола, наблюдавшая во время своего разсказа за выраженіемъ ея лица, почувствовала, какъ всѣ ея сомнѣнія разлетѣлись въ прахъ отъ этого гнѣвнаго взора; она тоже встала, обняла графиню, нѣсколько разъ поцѣловала ее и сказала: — Простите меня, дорогая моя, но я должна была откровенно сказать вамъ все.

Графиня въ изнеможеніи опустилась въ кресло. Послѣдовало долгое молчаніе. По блѣдному лицу донны Клеин текли слезы, которыя она не думала скрывать. Донна Паола машинально взяла книгу и, развернувъ, смотрѣла въ нее.

Раздался стукъ въ дверь, и, не дожидая позволенія, въ комнату вошелъ старичекъ въ старомодной прическѣ и въ камзолѣ, нѣкогда красномъ, но побурѣвшемъ отъ времени. Не снявъ треугольной шляпы и опираясь на трость, какъ будто стоялъ на улицѣ или на площади, онъ воскликнулъ:

— Добрыя вѣсти, донна Паола, отличныя вѣсти.

Это былъ адвокатъ Агудіо, официальный стряпчій по дѣламъ сына Бароджи, человекъ грубый, чудаковатый, но честный. Въ своихъ причудахъ онъ доходилъ до цинизма и нарушалъ всѣ общественныя приличія; одѣвался дурно, по старомодному; худой, но крѣпкій, онъ былъ точно выточенъ изъ краснаго дерева и отличался необыкновенной дѣятельностью; упрямый и одержимый духомъ противорѣчія, онъ былъ пугаломъ коллегіи юристовъ, преторіи, капитана юстиціи, самого сената, преслѣдуя ихъ неумышленно своимъ предпричивымъ контролемъ; при этомъ онъ обладалъ глу-

бокой юридической эрудіціей и былъ самымъ уважаемымъ представителемъ миланской адвокатуры.

При его внезапномъ появленіи донна Клеція встала; стыдясь своихъ скезъ, и ушла въ другую комнату, а донна Паола спросила его.

— Какія новости?

— Говорю—прекрасныя.

— Сядьте и рассказывайте.

— Времени нѣтъ, надо сейчасъ идти: одинъ изъ моихъ клерковъ, малый, ухитрившійся быть одновременно смысленнымъ и честнымъ, задалъ себѣ мысль вывести дѣло на чистоту, потому что вспомнилъ, что видѣлъ Галантно въ гостинницѣ Трехъ Королей на масляницѣ, хотя присягнуть въ этомъ не могъ бы. Вчера онъ пошелъ туда закусить и имѣлъ удовольствіе услышать отъ одного слуги подтвержденіе своего воспоминанія. Слуга этотъ былъ у меня сегодня и подтвердилъ сказанное клерку. Правда, когда я спросилъ его, повторитъ ли онъ все это капитану юстиціи, онъ пошелъ было на понятный... Но по счастью онъ назвалъ другого слугу, который съ тѣхъ поръ переселился въ Кремону; онъ сказалъ, что этотъ другой слуга игралъ на карнавалѣ съ Галантно въ карты и былъ съ нимъ пріятель, такъ что долженъ знать все его дѣла. Пока того разыщутъ, перваго сегодня же возьмутъ на допросъ къ капитану. Надѣюсь, онъ не отречется, потому что я напугалъ его, представивъ ему, какія могутъ быть послѣдствія сокрытія истины. Сегодня же я послалъ и въ Кремону моего клерка; надѣюсь, онъ привезетъ другого свидѣтеля. Если оба свидѣтельства окажутся согласными, лисица попалась, и сенатъ предпишетъ пытку. А до сихъ поръ, надо сознаться, законнаго основанія къ ней не было, и сенаторъ Верри, знающій право, заставилъ замолчать сенатора Морозини, которому все хотѣлось бы пытать; Верри перетянулъ на свою сторону и другихъ, потому что противъ его многоглаголанія устоять невозможно. Морозини ему привелъ цѣлую дюжину примѣровъ, гдѣ пытка употреблялась и безъ этихъ законныхъ основаній, о которыхъ онъ толкуетъ; но онъ твердитъ свое, что прошлыя ошибки должны не оправдывать новыя, а служить предостереженіемъ отъ нихъ. А тутъ еще происшествіе, о которомъ кричитъ весь городъ. Послушайте и судите. На всѣхъ углахъ города выставлено печатное объявленіе отъ управляющаго

дома Морозини: онъ приглашаетъ владѣльца свертка въ сто венеціанскихъ цекпновъ, присланнаго на имя сенатора, явиться за полученіемъ его. У этихъ объявленій народъ толпится... Морозини не Богъ знаетъ какой юрпсть, но хитрецъ порядочный.. онъ ненавидитъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ, особенно Верри... и вы понимаете, въ чемъ штука... Иду; вы же надѣйтесь и скажите той (онъ компчно моргнулъ на дверь, въ которую вышла графиня), что послѣ грозы бываетъ ведро. А кто это графиня В***? прибавилъ онъ внезапно.

— Да, только что изъ Венеціи.

— Бѣдняжка. Вотъ нелѣпый произволъ! Дѣло въ томъ, чтобы пустить пыль въ глаза и отвлечь вниманіе отъ другихъ. Но не удастся. Нѣтъ, не бывать этому! Насильно тащить человѣка, живущаго, гдѣ ему хочется, изъ-за того, что мошенникъ выдумалъ нелѣпую отговорку, и хоть бы еще этотъ мошенникъ утверждалъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, посредникомъ или чѣмъ тамъ, а то вѣдь и того нѣтъ... Ну, довольно... Истина обнаружится, а пока прощайте.

На дворѣ адвокатъ встрѣтился съ намѣстникомъ преторіи, возвращавшимся отъ капитана юстиціи.

— Сеньоръ адвокатъ, воскликнулъ полицейскій, почтительно кланяясь, мое почтеніе!

— А, здравствуй, не узналъ тебя... Гдѣ ты теперь служишь?

— Намѣстникомъ преторіи на границѣ.

— Славно! Что же ты дѣлаешь тамъ?

— Сопровождалъ въ Миланъ ея сіятельство графиню В***, а теперь несу ей письменный приказъ явиться завтра къ допросу. И сегодня же вечеромъ назадъ во свояси. Надѣюсь, что скоро переведутъ меня въ Миланъ. Вашей милости кланяюсь.

— Прощай. Адвокатъ пошелъ по улицамъ, безпрестанно раскланываясь съ знакомыми, многимъ не отвѣчая на поклонныя безъ умолку бормоча что-то сквозь зубы.

На площади Мерканти народъ толпился передъ одной колонной нынѣшняго архива, гдѣ было приклеено объявленіе управляющаго Морозини слѣдующаго содержанія:

«Нижеподписавшійся, по приказанію хозяина своего, его превосходительства сенатора Морозини, приглашаетъ владѣльца свертка въ 100 венеціанскихъ цекпновъ, присланнаго вѣроятно по ошибкѣ

на имя г. сенатора, пожаловать въ домовую контору за означеннымъ сверткомъ съ 12 до 3 часовъ.

Миланъ, домъ Морозини, 24 мая 1750».

Адвокатъ остановился послушать толки публики.

— Неужто по ошибкѣ? спрашивалъ одинъ юноша другого.

— Если это была ошибка, то навѣрно не единственная, скажешь другой.

— Можетъ быть, и единственная, да только вмѣсто управляющаго Морозини слѣдовало бы подписаться эзекутору сената, замѣнилъ третій.

— Не понимаю.

— Ну, вотъ! Неужто владѣтель свертка могъ думать, что достаточно заручиться однимъ сенаторомъ.

— Можетъ быть, и достаточно, если препятствіе было въ немъ.

— Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что другихъ объявленій не будетъ. Однако дѣло принимаетъ серьезный оборотъ; говорятъ, графъ Ф*** потерялъ голову...

— Чего! Онъ умираетъ! И нельзя утверждать...

— Какъ нельзя? Надо быть навнымъ или принадлежать къ числу тѣхъ, которые по службѣ обязаны быть проницательнѣе прочихъ... Дѣло ясно, другъ мой.

VI.

Такимъ образомъ публика составила себѣ свое понятіе объ этомъ дѣлѣ, основанное не на законныхъ теоріяхъ, а на здоровомъ смыслѣ. Она была убѣждена не только въ виновности Галантино, но и въ виновности графа Ф**, и если бы нужно было оказать которому нибудь изъ нихъ списхожденіе, она скорѣе оказала бы его первому. Обвиненіе лакея противъ графини нашло вѣру и въ сенаторахъ, и въ капитанѣ юстиціи, и въ викаріѣ его, и въ ассессорахъ, и въ аудиторахъ, и въ актуаріусахъ, такъ что они сочли нужнымъ требовать ее къ допросу; но публика ни на минуту не повѣрила ему; ся здравый смыслъ не могъ допустить любовной интриги при 30 годахъ разницы въ лѣтахъ, интриги изъ-за денегъ,

при равенствѣ богатства, грязной интриги при извѣстной репутаціи женщины, при ея извѣстномъ умственномъ развитіи. Напротивъ того, негодованіе, возбужденное гнуснымъ обвиненіемъ, произвело благоприятный для нея пересворотъ въ общественномъ мнѣніи. Даже тѣ, которые очень строго судили прежде ея отношеніе съ Амореволи, теперь стали отзываться о ней симпатично, какъ о жертвѣ клеветы и насилія.

Донна Паола сочла нужнымъ по прибытіи Клелиі къ ней отправиться съ визитомъ къ ея матери и предложить ей навѣстить дочь. Она застала у нея нѣсколько дамъ, которыя всѣ горячо приняли сторону графини; мать послѣ ея побѣга публично отреклась отъ нея и объявила, что никогда не признаетъ ее отнынѣ своей дочерью; теперь всѣ стали уговаривать ее склониться на убѣжденія донны Паолы, а нѣкоторыя выразили даже желаніе лично отправиться съ визитомъ къ возвратившейся бѣглецѣ. И дѣйствительно, мать явилась мириться. Въ тотъ же день графиня дель Грилло посѣтила донну Клелию и утѣшила ее, передавъ ей городскіе толки въ ея пользу. Донна Клелиа успокоилась, хорошо провела ночь, и только на другое утро, проснувшись, была неприятно поражена мыслью о предстоящемъ ей въ этотъ день допросѣ.

Лицо правосудія вообще такъ непривлекательно, что даже люди, вызываемые передъ него въ качествѣ простыхъ свидѣтелей, невольно коробятся при мысли объ этомъ свиданіи. Тѣмъ неприятнѣе было оно для Донны Клелиі, которой предстояло оправдываться въ гнусномъ обвиненіи. Но ободряемая матерью и донной Паолой, она постаралась принять спокойный и твердый видъ, чтобы внушить почтеніе судьямъ. Около полудня мать прислала за ней фамильную карету. Донна Паола по соглашенію съ маркизомъ Рекалькати должна была сопровождать ее и присутствовать при допросѣ. Капитанъ юстиціи съ викаріемъ и ассесорами принялъ ихъ на верху лѣстницы. Послѣ первыхъ привѣтствій, строго церемонныхъ, онъ ввелъ ихъ въ залу, куда вскорѣ явился самъ съ викаріемъ, актуаріусомъ, двумя аудиторами и двумя ассесорами; всѣ эти чиновники сѣли къ большому столу, покрытому зеленымъ сукномъ, съ большимъ распятіемъ изъ чернаго дерева и слоновой кости по срединѣ. Ассесоры подали дамамъ кресла и просили ихъ сѣсть.

Графиня, одѣтая съ строгою простотою, насколько это было

возможно при тогдашних модахъ, съ своимъ классическимъ лицомъ, съ своимъ гордымъ, а на этотъ разъ даже суровымъ выраженіемъ, казалась не обвиненной, призвавшею къ допросу, а самой богиней Оемидой, олицетвореніемъ неумолимаго правосудія.

Когда она сѣла, актуаріусъ, порывшись въ бумагахъ и вопросительно взглянувъ на капитана, какъ бы спрашивая: вачпнать? началъ допросъ обычнымъ вопросомъ, пзвѣстно ли ей, почему она приглашена въ судъ?

— Я узнала вчера причину отъ снъора Піетро, пэта причина такова, что никто въ здоровомъ умѣ не могъ бы вообразить подобной. Я прошу ваше превосходительство, прибавила она, обращаясь къ капитану юстиціи, позволить мнѣ говорить свободно.

Капитанъ любезно поклонился, а аудиторъ приготовился писать какъ бы подъ диктовку.

— Чѣмъ болѣе я думаю о причинѣ, приведшей меня сюда, сказала графиня, тѣмъ непонятнѣе для меня, какъ могъ судъ дать вѣру показаніямъ очевидно злонамѣреннымъ подсудимаго, который не заслуживаетъ никакого довѣрія...

Тутъ капитанъ прервалъ ее, сказавъ, что судъ не придавалъ вѣры этому показанію, но не могъ оставить его безъ вниманія, какъ бы оно нелѣпно ни было, потому что оно сдѣлано въ очень важномъ и щекотливомъ дѣлѣ.

— Я не на то жалуясь, отвѣчала донна Клеція, что судъ сдѣлалъ, а на то, что, пзслѣдуя подлинность этого нелѣпаго показанія, онъ началъ съ того, чѣмъ въ худшемъ случаѣ слѣдовало бы кончить. Я понимаю, что можетъ показаться очень дерзкимъ и неумѣстнымъ со стороны лица, приглашеннаго оправдываться передъ судомъ, если оно возьмется судить судъ и разбирать его дѣйствія; но бываютъ обвиненія до того оскорбительныя, что откуда бы они ни шли, честь заставляетъ безстрашно отвергать ихъ. Меня обвиняютъ въ такихъ вещахъ, которыя возмущаютъ всѣ чувства и не позволяютъ соблюдать благоразумія; оскорбленная честь возмущается во мнѣ не только противъ обвинителя, но и противъ тѣхъ, которые слушаютъ и принимаютъ подобное обвиненіе.

— Извините, графиня, сказалъ капитанъ, правосудіе ни для кого не можетъ отступать отъ общихъ правилъ, даже для очевидной невинности, если по исключительнымъ обстоятельствамъ она является передъ нимъ въ качествѣ обвиненной. Теперь по-

трудитесь отвѣчать на вопросы, которые вамъ предложитъ актуаріусъ; для этого то и было необходимо ваше присутствіе здѣсь; судебная власть не могла поступить иначе. И да послужитъ вамъ, графиня, доказательствомъ нашего уваженія къ вамъ, что власть сама оправдываетъ передъ вами свои распоряженія.

— Благодарю васъ, отвѣчала графиня болѣе спокойно.

Послѣ нѣкотораго молчанія актуаріусъ спросилъ ее: — знакомъ ли вамъ былъ покойный маркизъ Ф***?

— Я знала его почти только по имени и въ лицо .. Говорю почти, потому что года три тому назадъ на балу у Боромео онъ заговорилъ со мной, и я съ нимъ разговаривала, а съ тѣхъ поръ я отвѣчала ему на поклонны, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, но никогда больше не говорила и не встрѣчалась у знакомыхъ.

Послѣ того аудиторъ спросилъ ее, что побудило, по ея мнѣнію, подсудимаго Суарди обвинить ее въ преступленіи, въ которомъ его подозрѣваютъ.

— По моему, причина, почему Суарди назвалъ мое имя, очевидна изъ письма, которое я писала сеньорѣ Пьетра и которое, какъ мнѣ извѣстно, сообщено вамъ. Причина эта — месть. Онъ былъ арестованъ тотчасъ послѣ того, какъ мнѣ дерзость явиться ко мнѣ просить меня чуть не быть его сообщницей въ обманѣ одной молоденькой дѣвушки знатной фамиліи, которую мнѣ случайно удалось во время спасти отъ его плутней; онъ навѣрно вообразилъ, что обвиненіе вышло отъ меня, потому что растерялся и смутился, когда я въ разговорѣ съ нимъ выразила подозрѣніе, не онъ ли виновникъ покражи бумагъ у маркиза. Кто видѣлъ, какъ я, выраженіе его лица, когда я случайно высказала это подозрѣніе, тотъ не можетъ сомнѣваться въ его виновности. Въ увѣренности, что я виновница его ареста, онъ захотѣлъ отомстить мнѣ и при своей хитрости сумѣлъ сдѣлать это такъ ловко, что ввелъ въ заблужденіе даже васъ. Между тѣмъ, когда я писала это письмо сеньорѣ Пьетра, я простила ее никому этого не говорить, потому что не хотѣла никого обвинять, даже негодяевъ, но она, будучи благоразумнѣе меня, разсудила, что снисхожденіе къ преступнымъ дѣлается непростительнымъ, если обращается во вредъ невиновнымъ, и сообщила вамъ это письмо. Теперь я вынуждена повторить заключающееся въ немъ обвиненіе и просить судъ не упускать ничего для раскрытія истины, неотомимо изслѣ-

довать дѣло, такъ какъ отъ него зависить участь бѣднаго сиротки и несчастной женщины, покланутой въ нуждѣ. Завѣщаніе было продиктовано нотаріусомъ Макки и написано маркизомъ собственноручно и затѣмъ положено на храненіе вмѣстѣ съ другими важными бумагами; вчера графиня дель-Грилло сообщила мнѣ, что самъ нотаріусъ говорилъ ей это. Боязнь повредить репутаціи знатныхъ лицъ можетъ сбить правосудіе съ пути. Но ваше превосходительство справедливо сказали мнѣ, что сама невинность не можетъ претендовать на послабленія, если по особеннымъ обстоятельствамъ является передъ судомъ въ качествѣ обвиненной, доказательствомъ этому,—что я передъ вами. По этому я увѣрена, что судъ въ своей мудрости озаботится дать истинный ходъ правосудію. Для этой цѣли я всегда готова дать суду показанія. Скажу больше: такъ какъ я уже превозмогла разъ отвращеніе къ участию въ такомъ дѣлѣ и такъ какъ, можетъ быть, показанія мои могутъ быть полезны несчастнымъ, то я готова перенести и свиданіе съ этимъ лакеемъ. Я думаю, что мое присутствіе и мои слова собьютъ съ него его наглость, и онъ, можетъ быть, сознается.

Графиня умогла среди молчанія судей.

VII.

Видя, что аудиторъ положилъ перо, графиня ожидала новаго вопроса отъ актуариуса. Но онъ взялъ протоколъ и передалъ его капитану, который, внимательно прочитавъ его, всталъ и сказалъ графинѣ:

— Судъ исполнилъ дѣло, съ одной стороны, прискорбное, потому что причинило вамъ непріятно безпокойство, но съ другой стороны, утѣшительное, потому что ваша мужественная откровенность и ваши мудрыя разсужденія пролили свѣтъ на дѣло. Надѣюсь, вы убѣдились, что присутствіе ваше здѣсь было необходимо. Если благодаря вамъ, истина раскроется, вы сами будете благодарны венеціанскому правительству, что оно принудило васъ явиться сюда.

ЖУРНАЛЬ „УСТОИ“

Будеть выходить въ 1882 году ежемѣсячно, въ размѣрѣ около 20-ти печатныхъ листовъ, безъ предварительной цѣзуры.

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала, С.-Петербургъ, Пушкинская улица д. № 10, кв. № 45—и въ книжномъ магазинѣ Г. Цинзерлинга Невскій проспектъ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки	10 р.
съ доставкою въ С.-Петербургъ	11 р.
съ пересылкою въ другіе города	12 р.
съ разсрочкою на полгода безъ доставки	5 р.
съ доставкою въ С.-Петербургъ	5 р. 50 к.
съ пересылкою въ другіе города	6 р.

Деньги за второе полугодіе вносятся къ 15 мая.

Редакторъ-Издатель С. Венгеровъ.

У С Т О И

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

В

СОДЕРЖАНИЕ:

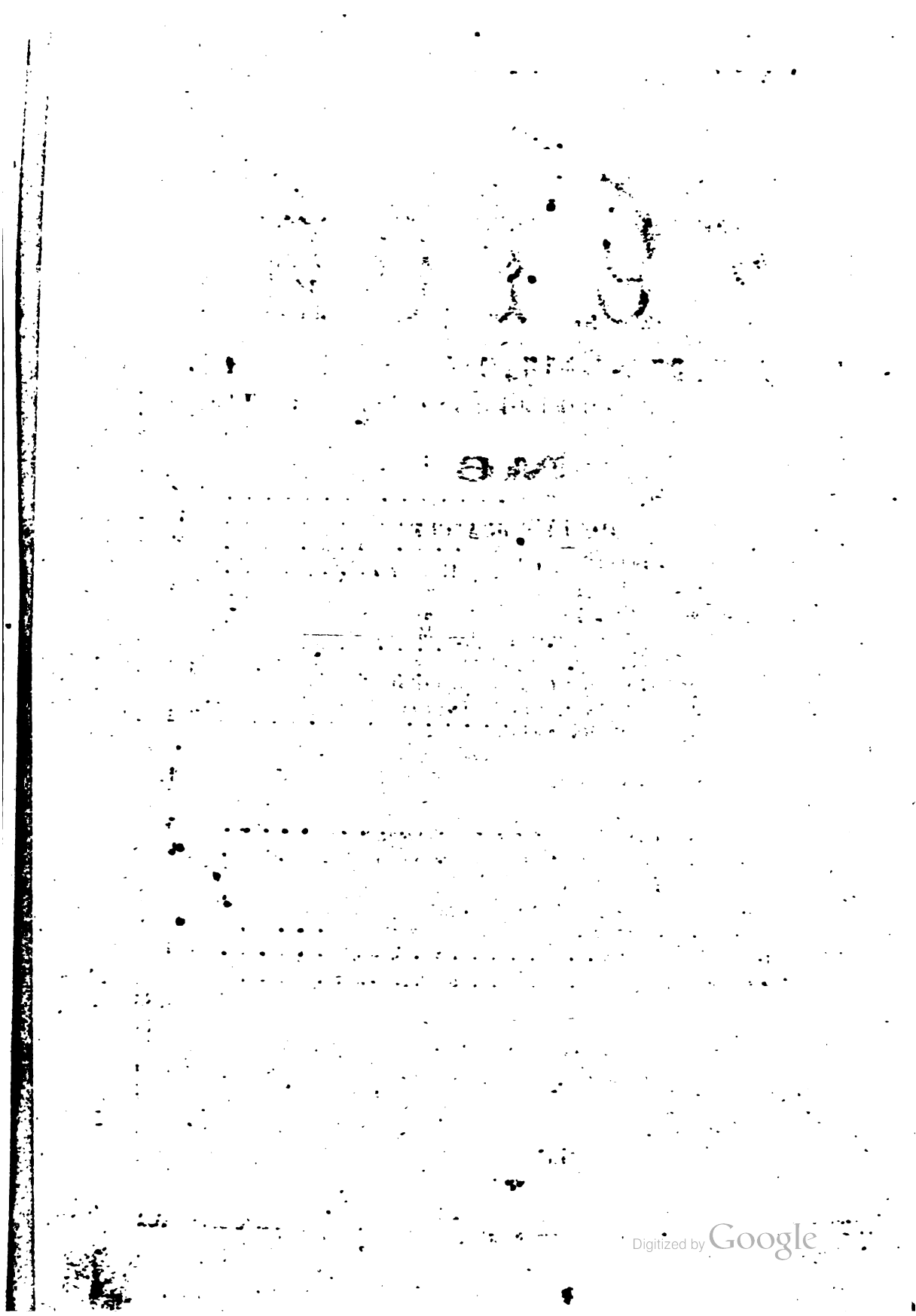
I. Американки различныхъ слоевъ	1
II. Стихотвореніе, В. С. Лихачева	40
III. Корова. (Очеркъ) Феодосѣевца	41
IV. Стихотвореніе Изъ Роберта Прутта. М. Р-го	62
V. Бракъ по любви (Изъ очерковъ военной жизни Рене Мезура)	64
VI. Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими? Изв. Янжула	79
VII. Изъ «Новеллетъ» Александра Мильянда	114
VIII. Митель (Очеркъ) К. Баранцевича	127
V. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго В. Заичева (приложеніе)	145—192
—	
X. Движеніе поземельной собственности во Франціи. Н. Лафарга	1
XI. Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. (Письма къ читателямъ). Алкандрова	45
XII. Сибирь, какъ колонія (Новая книга Н. М. Ядринцева). А.	69
XIII. Библиографія: 1) Исторія европейской философіи Альфреда Вебера. 2) Гербертъ Спенсеръ. Развѣтїе политическихъ учрежденій. 3) Л. К. Поповъ. Жизнь, какъ движеніе	82
XIV. Внутреннее обозрѣніе	383
XV. Объявленія	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Довродѣва, Троицкій пер., № 32

1882.

У С Т О И

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 6

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТР.
I. Американки различныхъ словъ	1
II. Стихотвореніе. В. С. Лихачева	40
III. Корова (очеркъ). Феофанова	41
IV. Стихотвореніе (изъ Роберта Прутта). М. Р—аго	62
V. Бракъ по любви (Изъ очерковъ военной жизни) Рене Мезруа	64
VI. Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими? Ив. Янжула	79
VII. Изъ «Новеллетъ» Александра Кильянда	114
VIII. Мать (очеркъ). К. Барандевича	127
IX. Сто лѣтъ. Романъ Джузеппе Ровани, переводъ съ итальянскаго В. Заичева (приложеніе)	145—192
—	
X. Движеніе поземельной собственности во Франціи. П. Лафарга	1
XI. Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ. (Письма къ читателей): Алкаandroва	45
XII. Сибирь, какъ колонія. (Новая книга Н. М. Ядринцева). Л.	68
XIII. Библиографія: 1) Исторія европейской философіи Альфреда Вебера. 2) Гербертъ Спенсеръ. Развите политическихъ учрежденій. 3) Л. К. Поповъ. Жизнь, какъ движеніе	89
XIV. Внутреннее обозрѣніе	102
XV. Объявленія	

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Дюродева, Троицкій выгладскъ, д. № 33

1882

Американки различных слоевъ.

(Личныя наблюденія русской).

I.

Въ 1872 г. я въ первый разъ увидѣла Новый Свѣтъ. Въ то время въ Нью-Йоркѣ зима стояла необыкновенно снѣжная и холодная; въ иные дни снѣгу выпадало такъ много, что конно-железные вагоны, которые обыкновенно ходятъ здѣсь каждые 3—4 минуты, появлялись только черезъ полтора и два часа. На улицахъ то и дѣло виднѣлись красныя сани и напоминали мнѣ матушку—Россію. Только вмѣсто ванекъ съ отмороженными ушами и синими носами здѣсь на козлахъ сидѣли здоровые, нарядные кучера, въ цилиндрахъ и часто даже—о демократія!— въ ливреяхъ; а вмѣсто едва ползущихъ клячъ, мчались сытыя и быстрыя лошади.

Въ снѣжные дни американскія люди особенно счастливы, потому что тогда самый дѣловой янки оставляетъ свой бизнесъ (занятіе), чтобы доставить удовольствіе своей жнѣ. Катаясь въ саняхъ, американки ведутъ себя и чувствуютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ обыкновенно. Садясь въ сани, что имъ удается въ такую зиму всего раза два—три, онѣ забываютъ о постороннихъ зрителяхъ, громко и весело смѣются и держать себя совершенно свободно и натурально.

Глядя на этотъ счастливый и веселый людъ, вновь пріѣхавшій эмигрантъ, пожалуй, могъ подумать, что вся Америка населена такими счастливыми. Особенно мнѣ, русской, легко было

сдѣлать такое ложное заключеніе, потому что, восемь лѣтъ тому назадъ, у насъ, въ Россіи, представляли Америкѣ только въ розовомъ свѣтѣ. Насъ увѣряли, что въ Америкѣ всѣ сыты, довольны и равны между собою; что тамъ уважають только работающій людъ; что всѣ янки высоко развиты и образованы; что каждая американка понимаетъ и защищаетъ равноправіе, стремится къ независимости, сама исполняетъ домашнія работы а если и держитъ прислугу, то помогаетъ ей во всемъ и обращается съ нею, какъ съ равной себѣ.

Но мнѣ не долго пришлось пожить въ Новомъ Свѣтѣ, какъ я уже пришла къ убѣжденію, что у насъ объ Америкѣ писали большею частью люди, которые навѣрно жили здѣсь на готовыя русскія деньги и вращались только въ кругу богатыхъ людей, не задаваясь цѣлью познакомиться съ разными слоями общества. Натурально, что они представляли только жизнь состоятельныхъ людей.

Тѣ-же русскіе, которымъ приходилось здѣсь зарабатывать свое существованіе, очень скоро разочаровывались въ своихъ иллюзіяхъ; они обыкновенно впадали въ обратную ошибку—ругали все американское; такіе люди спѣшили возвратиться въ Россію на готовый хлѣбъ.

Такимъ образомъ оказывается, что у насъ писали объ Америкѣ большею частью или оптимисты или пессимисты.

Предоставляю другимъ изобразить жизнь янки въ надлежащемъ свѣтѣ; я-же попробую представить жизнь американокъ различныхъ слоевъ по своимъ личнымъ восьми-лѣтнимъ наблюденіямъ.

Въ первое время моей жизни въ Америкѣ обстоятельства толкнули меня именно въ ту среду, которая мнѣ, какъ и русской публикѣ вообще, была менѣе всего извѣстна. Это—среда американокъ-работницъ.

Одна изъ самыхъ выдающихся особенностей настоящихъ американокъ та, что онѣ соглашаются только въ крайнемъ случаѣ занимать мѣсто домашней прислуги. Онѣ предпочитаютъ работать въ обществѣ равныхъ себѣ, по 10—12 часовъ въ день,

за меньшее вознагражденіе, въ многочисленныхъ душныхъ и сравнительно грязныхъ мастерскихъ и фабрикахъ, — лишь бы только имѣть возможность быть госпожей самой себя, хотя бы во время немногихъ часовъ, свободныхъ отъ работы.

Большинство работницъ занимаются въ швейныхъ и перчаточныхъ мастерскихъ, въ башмачныхъ, сигарныхъ, ткацкихъ, прядильныхъ, бумажныхъ и картонныхъ фабрикахъ, въ типографіяхъ и т. п.

Чтобы разрушить наши розовыя иллюзіи относительно высокаго благосостоянія американскихъ работницъ, стоитъ только пройтись въ 6 часовъ вечера по извѣстнымъ улицамъ Нью-Йорка или другаго мануфактурнаго города и внимательно всмотрѣться въ лица встрѣчающихся толпы. Не смотря на ихъ виѣшній достатокъ, онѣ представляютъ собою довольно жалкій и тяжелый видъ. Между ними трудно найти здоровую, краснощекую женщину; почти у всѣхъ блѣдное, худощавое, утомленное и старческое лицо; болѣе или менѣе согнутая спина и плоская, туго затянутая въ корсетъ, грудь. Красавицу же положительно не мыслимо найти между ними, потому что такія имѣютъ возможность выбрать себя болѣе чистый и пріятный трудъ.

Фабричныя женщины даже въ будни одѣваются очень прилично, хотя и не богато. Всѣ въ шляпкахъ. Платья, хотя изъ дешевой матеріи, тѣмъ не менѣе, спиты если не по послѣдней модѣ, то очень близко къ ней. На шеѣ поротничекъ съ бантикомъ или брошкой. Большинство изъ нихъ въ перчаткахъ. Въ воскресенье фабричную дѣвушку трудно отличить отъ дочери богача, потому что та и другая одѣты по послѣдней модѣ; только у первой платье дешевле и болѣе яркаго цвѣта, чѣмъ у послѣдней; у нея парижскіе брилльянты, вмѣсто настоящихъ, и первая ѣдетъ въ омнибусъ, а послѣдняя въ собственной каретѣ. Дѣвушки-работницы всегда одѣваются лучше замужнихъ работницъ, потому что первыя тратятъ все на себя, между тѣмъ какъ послѣднія берегутъ свой заработокъ для своего семейства.

Дѣвушки, не имѣющія родителей, живутъ въ меблированныхъ комнатахъ со столомъ (boarding house) и платять отъ трехъ до пяти дол. въ недѣлю. Въ дешевомъ бордингъ-хаузѣ полагается одна кровать на двухъ дѣвушекъ: въ одной большой комнатѣ такихъ кроватей двѣ-три. Если же дѣвушка живетъ въ семействѣ, то она отдаетъ родителямъ только такую часть, какую бы она платила въ бордингъ-хаузѣ. Очень немногія дѣвушки отдають родителямъ весь свой заработокъ. Дѣвушки проводятъ свободное время довольно весело. Возвратившись съ 10—12-ти часовой работы, онѣ ужинають, надѣвають болѣе нарядное платье и отправляются со своимъ кавалеромъ или, какъ американцы называютъ, „бо“ (beau) на балъ или въ театръ. Здѣсь почти у каждой дѣвушки есть молодой человекъ, который обязанъ сопровождать ее всюду, хотя онъ можетъ быть и не женихъ. На балѣ „бо“ считаетъ своимъ долгомъ угощать свою лэди сладостями или плодами, купить ей букетикъ въ 15-20 центовъ и вообще прислуживать ей. Онъ же платитъ за нее въ омнибусѣ. Рѣдкій вечеръ дѣвушки проводятъ дома.

Какъ бы поздно дѣвушка не возвратилась домой, на слѣдующее утро она обязана встать въ шесть часовъ, потому что большинство изъ нихъ начинаютъ работать въ семь часовъ. Не выпавшись толкомъ, она наскоро выпиваетъ чашку кофе съ булкой, захватываетъ съ собою обѣдъ и спѣшитъ на работу, гдѣ и остается до 6—7 часовъ вечера. Въ полдень она съѣдаетъ свой холодный и сухой обѣдъ, состоящій главнымъ образомъ изъ бѣлаго хлѣба съ масломъ, сыромъ, ветчиной или мясомъ, и сладкаго пирога. И такъ она проводитъ круглый годъ, за исключеніемъ лѣта.

Лѣтомъ, по воскресеньямъ, большинство дѣвушекъ, въ сопровожденіи своихъ бо, оставляють пыльный городъ и отправляются по желѣзной дорогѣ за городъ; или же катаются на пароходѣ, гдѣ обыкновенно играетъ музыка. Въ продолженіи лѣта многіе хозяева большихъ мастерскихъ и фабрикъ даютъ своимъ работницамъ два или три свободныхъ дня и даже нанимають для нихъ пароходъ, чтобы отправиться за городъ.

Въ десять часовъ утра можно видѣть разодѣтыхъ молодыхъ женщинъ въ сопровожденіи кавалеровъ, стремящихся со всѣхъ концовъ города къ пристани нанятаго парохода, разукрашеннаго флагами разныхъ націй. Часъ спустя онѣ уже веселятся и танцуютъ подь звуки музыки. Онѣ, повидимому, забываютъ о существованіи своихъ душныхъ мастерскихъ и фабрикъ, весело кричатъ—ура! и машутъ бѣлыми платками пассажирамъ встрѣчающихся пароходовъ, или пѣшеходамъ на берегу. Въ полдень онѣ пристають къ берегу и отправляются въ гѣлнстую рощу, по близости которой обыкновенно находится гостиница. Тамъ онѣ обѣдаютъ, пьютъ лимонадъ и другіе прохладительные напитки и жуютъ что нибудь сладкое. Онѣ продолжаютъ плясать и веселиться до вечера и уже поздно, усталыя и счастливыя, возвращаются домой.

Лѣтомъ дѣвушки имѣють возможность хоть разъ въ недѣлю, оставить пыльный городъ и подышать свѣжимъ, чистымъ воздухомъ. Зимой же онѣ только переходятъ изъ вонючихъ фабрикъ въ свои душныя комнаты, а оттуда въ переполненную большую залу или театр.

Какъ ни тяжело положеніе рабочихъ дѣвушки, тѣмъ не менѣе она кажется довольной, потому что она можетъ гратить весь свой заработокъ на свои личныя прихоти и потребности и все свободное время—на свои удовольствія.

Но можетъ ли быть довольна и счастлива мать семейства, которая должна оставлять на 10—12 часовъ своихъ дѣтей, подь надзоромъ малолѣтней нянюшки-дочки, и идти зарабатывать на недостающій кусокъ хлѣба? А такихъ матерей здѣсь не мало, потому что нерѣдко случается, что заработка мужа не достаетъ даже на скромное содержаніе громаднаго семейства.

Большинство замужнихъ женщинъ работаютъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Проработавши 10—12 часовъ, работница-мать, придя домой, должна успокоить плачущихъ дѣтей и накормить ихъ, и затѣмъ только она имѣетъ возможность подумать объ отдыхѣ; на ней же лежитъ обязанность шить и стирать на себя, дѣтей и мужа. Она только по воскресеньямъ

имѣть право быть нѣжной и ласковой матерью, и затѣмъ на всю недѣлю должна превратиться въ безсердечную рабочую машину.

Всѣ женщины работаютъ по 10—12 часовъ въ день, а въ извѣстное время года даже по 14 час. и это—безъ прибавочной платы. Большинство имѣть одинъ часъ на обѣдъ; но продавщицамъ и нѣкоторымъ другимъ работницамъ полагается только 20—30 минутъ.

Женщины зарабатываютъ отъ 4 до 12 дол. въ недѣлю. Многія работаютъ поштучно, хотя большинство получаютъ по недѣлю. На всѣхъ фабрикахъ и въ большихъ мастерскихъ и магазинахъ работницы подвергаются штрафу, если пропустятъ даже пять минутъ.

II.

Болѣе красивыя дѣвушки идутъ въ продавщицы модныхъ, суровскихъ и галантерейныхъ лавокъ. Это чистое занятіе привлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ до того сильно, что блѣдныя и худощавыя прибѣгаютъ къ опаснымъ средствамъ, лишь бы только получить желаемое мѣсто. Здѣсь всѣмъ извѣстенъ фактъ, что многія дѣвушки принимаютъ мышьякъ для того, чтобы имѣть болѣе здоровый цвѣтъ лица. Даже здоровыя и красивыя дѣвушки черезъ нѣкоторое время должны прибѣгать къ этому средству, потому что трудно сохранить здоровье и цвѣтущую молодость при такой изнурительной работѣ, какая выпадаетъ на долю продавщицы. Въ большихъ лавкахъ находится отъ 150 до 200 продавщицъ; главныя изъ нихъ продаютъ товару на 80,000 дол. въ годъ; помощницы же продаютъ на сумму отъ 10,000 до 50,000 дол. Во всѣхъ лавкахъ и магазинахъ большихъ городовъ, исключая нѣсколькихъ лавокъ Филадельфіи, продавщицы обязаны стоять отъ восьми часовъ утра до 6—7 час. вечера; а по субботахъ до 10 часовъ вечера. Онѣ не имѣютъ

права садиться даже въ отсутствіе покупателей. Въ большинствѣ случаевъ женщины не выносятъ такой работы болѣе 2—3 лѣтъ. Онѣ обыкновенно получаютъ болѣзни спиннаго хребта и различныя женскія болѣзни; тогда, конечно, имъ не помогаетъ и мышьякъ: онѣ блѣднѣютъ, худѣютъ и въ концѣ концовъ теряютъ мѣсто. Большинство изъ нихъ принимаются за какую нибудь черную работу; но нѣкоторыя въ отчаяніи совершаютъ самоубійство. Не смотря на то, что сами дѣвушки вполне сознаютъ весь вредъ такой работы, не смотря на то, что ихъ число въ большихъ городахъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ; тѣмъ не менѣе онѣ сами такъ безсильны, что не могутъ выхлопотать себѣ право садиться въ свободныя минуты.

Это правило недавно обратило вниманіе нѣкоторыхъ женскихъ благотворительныхъ обществъ, которыя обратились къ хозяевамъ лавокъ, съ просьбою позволить дѣвушкамъ садиться. Въ Филадельфій нашлось нѣсколько либеральныхъ хозяевъ, которые согласились на это; они выдали стулья и позволили продавщицамъ садиться въ свободное время, но съ условіемъ, если кто нибудь изъ нихъ не поднимется тотчасъ же, когда подходятъ покупатели, то имъ откажутъ отъ мѣста. Оказалось, что дѣвушки успѣваютъ отдыхать и ихъ здоровье замѣтно лучше, чѣмъ тѣхъ, которымъ приходится стоять все время. Но за то хозяева потеряли многихъ богатыхъ покупательницъ, потому что, по понятіямъ этихъ аристократическихъ демократокъ, продавщицы оскорбляютъ ихъ достоинство, если не стоять все время на вытяжку. Поэтому большинство хозяевъ Нью-Йорка и другихъ городовъ не соглашаются подвергаться участи либеральныхъ хозяевъ города „братской любви“. Нѣкоторыя нью-іорскія газеты лично критиковали какъ хозяевъ, такъ и сумасбродныхъ покупательницъ и даже предлагали основать общество для предупрежденія жестокаго обращенія съ работницами. Но изъ всего этого пока не вышло никакого толку.

III.

Умственное и нравственное состояніе большинства американскихъ работницъ далеко не такъ удовлетворительно, какъ ихъ матеріальное положеніе. Въ первые дни моей работы въ американскихъ мастерскихъ, я внимательно прислушивалась къ разговорамъ окружающихъ меня женщинъ, ожидая услышать мнѣнія и сужденія о серьезныхъ предметахъ; главнымъ образомъ я надѣялась встрѣтить ярыхъ защитницъ женскихъ правъ и посягательницъ разныхъ митинговъ. Представьте же себѣ мое удивленіе, когда я узнала, что такія женщины составляютъ рѣдкое исключеніе въ средѣ работницъ. Обыкновенно онѣ ограничивались разговорами о погодѣ (любимый предметъ американцевъ), о нарядахъ, танцахъ, кавалерахъ, знакомыхъ и родныхъ, и о какомъ нибудь странномъ несчастіи, описанномъ въ газетахъ. Когда же я заводила разговоръ о томъ, что ихъ прямо не касалось, или же объ ихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ, то онѣ отдѣлывались отвѣтами „да“ или „нѣтъ“; а если дѣло заходило о политическихъ правахъ женщинъ, то иногда даже насмѣхались надъ защитницами и представительницами этихъ правъ.

Почти всѣ работницы грамотны, потому что здѣсь ученіе во многихъ штатахъ обязательно. Большинство дѣвочекъ учатся въ публичныхъ школахъ; но въ большихъ городахъ многія учатся въ церковныхъ школахъ. Последнія обыкновенно менѣе образованы и развиты, чѣмъ первыя. Громадное большинство работницъ ограничиваются чтеніемъ повѣстей, романовъ и легкихъ газетныхъ статей. Очень многія; впрочемъ, совсѣмъ не читаютъ газетъ: замужнія работницы—потому, что у нихъ положительно нѣтъ времени для этого, а дѣвушки—потому, что находятъ больше удовольствія проводить время гдѣ нибудь въ обществѣ. Во многихъ большихъ городахъ есть бібліотеки спеціально для рабочихъ женщинъ; но, къ сожалѣнію, работницы еще слишкомъ мало пользуются ими, и потому большинство

посѣтительницъ такихъ библиотекъ обыкновенно женщины—не работницы.

Входя въ мастерскія и фабрики, гдѣ женщины работаютъ вмѣстѣ съ мужчинами, можно услышать тѣ же неприличные шутки и увидѣть тѣ же грубыя замашки, какими отличается и напѣ мастеровой людъ. Но, не смотря на ихъ свободное обращеніе, незаконныя связи между ними сравнительно рѣдки, потому что здѣсь каждая дѣвушка имѣетъ въ виду выдти за мужъ. Дѣвушки—продавицы обыкновенно мечтаютъ выдти за клерка или купца и сдѣлаться лэди; онѣ вообще неохотно выходятъ за мастеровыхъ.

Женщины, занимающіяся ремесломъ, требующимъ болѣе спеціальныхъ знаній, или приводящимъ ихъ въ соприкосновеніе съ работниками (напримѣръ: въ типографіяхъ, прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, въ башмачныхъ мастерскихъ и пр.), устраиваютъ стачки и хорошо ихъ выдерживаютъ. Швен же, модистки и продавицы смиренно выносятъ какъ всякія прибавленія рабочихъ часовъ, такъ и убавленія платы.

На политическихъ и соціальныхъ митингахъ почти совсѣмъ нельзя встрѣтить рабочихъ женщинъ. Очень немногія изъ нихъ посѣщаютъ даже лекціи, устраиваемыя спеціально для рабочихъ женщинъ, или, вообще, рабочаго класса. Рабочія дѣвушки всего охотнѣе посѣщаютъ театры и въ особенности любятъ страшныя сцены. Поэтому онѣ обыкновенно посѣщаютъ дешевые театры, гдѣ почти всегда представляютъ кровавыя сцены. Онѣ также съ удовольствіемъ посѣщаютъ балаганы, въ которыхъ показываютъ разныя диковинки, какъ напримѣръ: женщинъ съ рыбьимъ хвостомъ или бородой, ребенка съ двумя головами, лошадь на двухъ ногахъ и т. п. Вообще и въ этой демократической странѣ существуютъ спеціально для рабочаго люда театры, балаганы и другія увеселительныя заведенія, а также церкви, улицы и дома, гдѣ нельзя встрѣтить ни одной настоящей лэди. Последнія почти во всемъ отдѣлены отъ первыхъ, какъ бы китайской стѣной.

IV.

Во всѣхъ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ цѣ-
 лья тысячи матерей бѣдныхъ семействъ берутъ работу на домъ.
 Онѣ шьютъ женскія капоты и пальто, дѣтскія платья и бѣлье,
 спииваютъ вязаныя кофты и душегрѣйки, пришиваютъ карманы
 и пуговицы къ жилеткамъ и брюкамъ и дѣлаютъ сигары и па-
 пирасы. Въ такихъ случаяхъ, хотя семейству немного и лучше,
 чѣмъ еслибы мать уходила на работу, но за то сами работ-
 ницы имѣютъ больше хлопотъ, потому что какая мать не бро-
 сить въ сторону работу, когда услышитъ плачь своего ребенка?
 Понятно, что ей приходится работать урывками; она тратитъ
 больше времени на приготовленіе обѣда и ужина и на устрой-
 ство порядка въ квартирѣ. Но, не смотря на всѣ эти домаш-
 нія обязанности, она должна непременно просидѣть извѣстное
 число часовъ за посторонней работой. Ей приходится отнимать
 время отъ своего сна и отдыха. Поэтому и въ пять часовъ
 утра, и въ одинадцать часовъ вечера, можно видѣть за рабо-
чимъ столомъ, при свѣтѣ лампы утомленное и полусонное лицо
 пожилой женщины-работницы.

Тяжелѣй всего приходится работать женщинамъ, берущимъ
 на домъ „кончать“ брюки и жилетки, потому что за всю руч-
 ную работу платятъ только отъ 6 до 10 центовъ за жилетку и
 отъ 10 до 18 центовъ за брюки. При такой ничтожной платѣ
 нужно умѣть очень быстро работать иглой, чтобы заработать
 одинъ долларъ въ день. Приведу примѣръ изъ личнаго опыта.
 Не желая идти въ мастерскую, я рѣшила съ одной русской
 семейной барыней брать на домъ шить женскія осеннія пальто.
 За дюжину такихъ пальто платили пять долларовъ. Мы надѣя-
 лись сдѣлать по крайней мѣрѣ двѣ дюжины въ недѣлю. Не-
 дѣля прошла, но мы, не смотря на довольно усердную работу,
 успѣли сдѣлать только полдюжины. Когда мы отнесли работу,
 хозяинъ заявилъ, что онъ дастъ намъ работу только въ томъ
 случаѣ, если мы успѣемъ сдѣлать не менѣе двухъ дюжинъ въ

недѣлю. Намъ пришлось отказаться отъ этой работы. Затѣмъ, мы взяли женскіе некроенные капоты, за которые платили два съ половиною доллара за дюжину. Но и тутъ мы почти ничего не заработали. Убѣдившись, что мы не можемъ существовать при такомъ заработкѣ, я отправилась работать въ мастерскую, гдѣ мнѣ платили въ первую недѣлю четыре доллара, а затѣмъ пять долларовъ.

Сигарная работа на дому оплачивается лучше, чѣмъ швейная; но при этомъ заражается вся квартира табачнымъ запахомъ до такой степени, что большинство домовладѣльцевъ отказываются принимать къ себѣ въ домъ такихъ жильцовъ. Это привело къ тому, что теперь табачные рабочіе селятся въ отдѣльныхъ домахъ, образующихъ отдѣльные кварталы. Уже издали можно узнать такой кварталъ по сильному табачному запаху; подойдя же ближе къ домамъ, можно видѣть худыхъ и желтолицыхъ женщинъ, работающихъ у оконъ. Настоящія американки почти вовсе не дѣлаютъ сигаръ и папирось. Онѣ настолько благоразумны, что отказались отъ такой вредной работы и предоставили ее эмигрантамъ. Больше всего этимъ занимаются чехи. Обыкновенно они работаютъ въ жилыхъ комнатахъ, причѣмъ одно семейство, состоящее большею частью изъ 6—7 человекъ, занимаетъ не болѣе одной или двухъ свѣтлыхъ и столько же темныхъ комнатъ. При этомъ не только мать, но даже 5-ти и 6-ти лѣтнія дѣти помогаютъ въ работѣ. Легко себѣ представить, каково должно быть здоровье такихъ семействъ, которыя должны все время дышать воздухомъ, насыщенномъ табачной пылью и запахомъ. Не только всѣ ихъ вещи, но даже они сами пропитываются табачнымъ ядомъ. Последній фактъ обратилъ на себя вниманіе комитета здравія и другихъ благотворительныхъ обществъ, которыя хлопотали передъ городскими властями о воспрещеніи дѣлать сигары въ жилыхъ комнатахъ. Но они не успѣли въ этомъ. Рабочіе будутъ заражать свои квартиры до тѣхъ поръ, пока сами не убѣдятся, что, выигрывая долларъ, они переплачиваютъ докторамъ больше и кромѣ того сокращаютъ жизнь своего семейства

Женщины, дѣлающія ситары у себя на дому, работают не много меньше часовъ и зарабатываютъ больше, чѣмъ женщины, берущія на домъ другія работы. У нихъ квартиры приличныя, и онѣ проводятъ веселѣй воскресные дни.

Не мало бѣдныхъ матерей семействъ берутъ на домъ стирку бѣлья или же уходятъ изъ дому стирать. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ получаютъ отъ 1 доллара до 1 доллара 20 центовъ въ день за 12-ти часовую работу. Не смотря на то, что стирка бѣлья оплачивается лучше, тѣмъ не менѣе прачки не зарабатываютъ больше работницъ, берущихъ другія работы на домъ, потому что у нихъ нѣтъ постоянной работы. Во всякомъ случаѣ, напримѣръ, при болѣзни мужа, или если у него нѣтъ работы, прачка-мать можетъ содержать цѣлое семейство.

Меня сильно удивило то довѣріе, которое здѣшніе капиталисты оказываютъ бѣднымъ людямъ. Всѣ хозяева даютъ работу на домъ безъ всякаго залога и многіе даже безъ рекомендаціи; они только записываютъ адресъ работницъ; мнѣ лично приходилось получать изъ магазина работу по газетамъ. Однажды мнѣ дали некроенаго матеріала на дюжину капотовъ безъ залога и ручательства. Здѣсь можно также получить швейную машину на прокатъ безъ залога. Этимъ довѣріемъ хозяева лавокъ и мастерскихъ сильно помогаютъ бѣднымъ людямъ зарабатывать на свое существованіе.

Меня поразили тотъ фактъ, что въ Америкѣ, такъ-же какъ въ Европѣ, матери семействъ вынуждены зарабатывать деньги. Американское общество не хочетъ обратить вниманіе на то, что семейства этихъ матерей не только не выигрываютъ, но очевидно теряютъ отъ этого. Если мать обязана уходить изъ дому работать, то она окончателно теряетъ возможность и способность исполнять свои главныя обязанности по отношенію къ своему семейству. Ей некогда заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи своихъ дѣтей. Ей некогда думать о томъ, чтобы доставить больше удобствъ и удовольствій мужу-работнику, потому что она, какъ болѣе слабая, устаетъ за день

больше его и, следовательно, должна подумать о себѣ. Она помогаетъ мужу только въ матеріальномъ отношеніи.

Если жена беретъ работу на домъ, то она тратитъ немного болѣе времени на матеріальныя удобства семьи, но она довольна, когда дѣти оставляютъ домъ и бѣгаютъ по улицѣ. Она счастлива, если они достаточно велики, чтобы ходить въ школу; а гдѣ и какъ они проводятъ остальное время—ей мало нужды. Все, что она можетъ дѣлать для семьи, это держать ее чище и кормить лучше, чѣмъ это можетъ дѣлать мать, уходящая изъ дому работать.

Кто лично знакомъ съ жизнью всѣхъ этихъ бѣдныхъ труженицъ, тотъ не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что ихъ жизнь очень тяжела и однообразна. Все ихъ удовольствіе состоитъ въ томъ, что онѣ видятъ своихъ дѣтей сытыми и одѣтыми и имѣютъ возможность доставить себѣ и семейству нѣкоторыя удобства. Не смотря на ихъ бѣдную обстановку, у нихъ полъ покрытъ ковромъ, хотя и дешевымъ; у нихъ есть качальное кресло, дешевенькое зеркало и нѣсколько хромолитографированныхъ картинъ въ рамкахъ. По утрамъ онѣ пьютъ кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ, къ обѣду почти всегда есть мясо, а по воскресеньямъ два — три блюда. За все это онѣ готовы работать почти безъ отдыха цѣлый годъ.

Положеніе работницъ, описанныхъ мною до сихъ поръ, нужно считать блестящимъ въ сравненіи съ положеніемъ женщинъ-тряпичницъ. Ихъ можно встрѣтить ежедневно на улицахъ большихъ городовъ, въ грязныхъ лохмотьяхъ, съ мѣшкомъ на спинѣ, съ корзиной и крючкомъ въ рукѣ. Въ Нью-Йоркѣ мнѣ часто приходилось видѣть, какъ эти женщины вынимали изъ мусорныхъ бочекъ, выставленныхъ передъ домами, грязные куски мяса или хлѣба и тутъ же съ жадностью съѣдали ихъ. Не разъ я видала, какъ мальчишки забрасывали тряпичницъ грязью и гнилымъ картофелемъ. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось проходить по тѣмъ улицамъ, гдѣ эти женщины проводятъ цѣлыя дни: въ сырыхъ, полутемныхъ подвалахъ, среди грудъ грязныхъ и вонючихъ тряпокъ и бумагъ, онѣ сортировали всякій

мусоръ для разныхъ фабрикъ. Не легко смотрѣть на такую жалкую жизнь, но каково выносить ее? А мнѣ приходилось читать, что въ этотъ омутъ попадали иногда даже завядшія красавицы—дочери бывшихъ капиталистовъ. Не смотря на такіе факты, благотворительныя американки утѣшаютъ себя тѣмъ, что этимъ ремесломъ занимаются только итальянки; но мнѣ лично приходилось встрѣчать между ними нѣмокъ и женщинъ, говорящихъ по-англійски.

V.

Теперь намъ слѣдуетъ посмотреть, какъ живутъ жены тѣхъ счастливыхъ мужей, которые зарабатываютъ достаточно на содержание своего семейства. Положеніе жены рабочаго, имѣющаго большое семейство и получающаго крутой годъ отъ 6 до 10 дол. въ недѣлю, немного отличается отъ положенія работницы. Хотя ей и не приходится работать на чужихъ, тѣмъ не менѣе, она изнуряетъ себя постоянными заботами о томъ, чтобы расходы не превышали доходовъ и чтобы сберечь долларъ на случай болѣзни мужа или безработицы. Она тратитъ много времени на починку и штопанье бѣлья и платья, и на приготовленіе вкуснаго, хотя дешеваго обѣда. Но, несмотря на все ея старанье, ей, конечно, не удастся приготовить хорошиі обѣдъ на нѣсколько центовъ. И вотъ ей на помощь спѣшаютъ богатые и сытныя благотворительныя барыни. Онѣ устраиваютъ спеціальныя кухни, гдѣ бѣдныя жены могутъ бесплатно учиться готовить вкусныя и дешевыя обѣды, даже безъ куска мяса! Легко себѣ представить, какъ питательны такіе обѣды для людей, работающихъ по 10—12 часовъ въ день. Эти благотворительныя барыни даже печатаютъ въ ежедневныхъ газетахъ свои остроумные рецепты. Но до сихъ поръ онѣ имѣютъ очень мало какъ ученицъ, такъ и желающихъ воспользоваться ихъ рецептами.

Жены бѣдныхъ рабочихъ живутъ, какъ и работницы, въ

переполненных домах (tenement house) и занимают также не болѣе двухъ-трехъ маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ одна или двѣ темныя. Плата за квартиру обыкновенно отъ пяти до десяти дол. въ мѣсяцъ. Обстановка не много богаче, но значительно чище и опрятнѣй. Дѣти, хотя тоже бѣгаютъ по улицѣ, но одѣты гораздо приличнѣй.

Въ лѣтнее время эти, сравнительно счастливыя матери, имѣютъ возможность выходить изъ своихъ душныхъ комнатъ, чтобы посидѣть на крыльцѣ, погулять на улицѣ, или даже въ ближайшемъ скверѣ. При этомъ ихъ всегда собирается нѣсколько вмѣстѣ. Всѣ онѣ одѣты въ чистыя платья и часто съ бѣлыми передниками. Большинство изъ нихъ обыкновенно вывозятъ своихъ ребятъ въ дѣтской коляскѣ, и только у немногихъ дѣти на рукахъ. Передъ ними бѣгаетъ и играетъ толпа рѣзвыхъ беззаботныхъ дѣтей.

По субботамъ эти матери вполне счастливы, потому что тогда онѣ имѣютъ возможность наполнять свои ручныя корзины сладостями, а также бездѣлушками для своихъ дѣтей. На себя самихъ онѣ тратятъ меньше всего, потому что онѣ даже по воскресеньямъ одѣваются очень просто и скромно; но на воскресные наряды своихъ дѣтей онѣ тратятъ послѣдній грошъ и одѣваютъ ихъ даже роскошно. По воскресеньямъ все семейство счастливо, и не трудно сказать—кто больше всего: мать видитъ сіяющія лица своихъ дѣтей, и это вполне вознаграждаетъ ее за всѣ хлопоты. Конечно, такое счастье можетъ быть только въ томъ случаѣ, если отецъ приносить домой весь свой заработокъ. Впрочемъ рѣдко случается, чтобы отцы пропивали большую часть своего ничтожнаго заработка, поэтому не стоитъ объ этомъ распространяться. Но иногда и трезвый отецъ семейства не въ состояніи спасти свою семью отъ страшной бѣдности. Мнѣ лично приходилось видѣть женщинъ съ новорожденными младенцами, лежащими на полу, въ нетопленной подвальной комнатѣ, безъ лекарствъ и даже безъ пищи, по цѣлымъ днямъ. Крутомъ больной матери тутъ же сидятъ трое—четверо дѣтей, плачущихъ отъ голода и холода. Конечно, такія сцены

бываютъ только въ томъ случаѣ (далеко неисключительномъ), если мужъ заболѣетъ или потеряетъ работу, а жена не въ состояніи помочь ему своей работойъ.

Ловкія жены иногда успѣваютъ даже и при маленькомъ заработкѣ мужа сберечь долларъ, который пускаютъ въ оборотъ: онѣ устраиваютъ маленькую мелочную, газетную или суровскую лавочку. Между этими женщинами можно найти отличные образцы американки: онѣ сами ведутъ все дѣло; сами исполняютъ всѣ работы; ничуть не стѣняясь, даже при покупателяхъ, онѣ стоятъ на колѣнахъ, съ засученными рукавами и моютъ полъ въ лавкѣ. Иногда жена ведетъ свое дѣло такъ успѣшно, что мужъ предпочитаетъ оставить постороннюю работу и помогаетъ ей въ лавкѣ. Тогда на немъ лежитъ обязанность разносить уголь, дрова и проч., что мелкимъ торговкамъ обыкновенно приходится дѣлать самимъ.

Умственное развитіе женъ бѣдныхъ рабочихъ не отличается ничѣмъ отъ развитія работницъ. Онѣ также интересуются только тѣмъ, что непосредственно касается ихъ личнаго существованія.

Женъ рабочихъ, получающихъ отъ 12 до 18 долларовъ въ недѣлю, можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ первой принадлежатъ довольствующіяся своимъ скромнымъ положеніемъ; а ко второй—стремящіяся быть лэди.

Первыя, хотя и живутъ въ сравнительно чистыхъ квартирахъ, но не платятъ болѣе 12—18 дол. въ мѣсяцъ. Многія изъ нихъ предпочитаютъ жить въ окрестностяхъ большого города, гдѣ онѣ могутъ имѣть за 10—15 дол. въ мѣсяцъ небольшой отличный домъ, съ водопроводомъ и ванной. Гдѣ бы онѣ ни жили, у нихъ въ квартирѣ всегда все очень прилично, хотя далеко не роскошно. Онѣ сами исполняютъ всѣ домашнія работы, исключая иногда стирки бѣлья; только по воскресеньямъ онѣ одѣваются богато. Ихъ дѣти учатся въ школахъ до 14—15 лѣтъ; а въ свободное время приучаются къ домашнимъ работамъ; достигнувъ 15—16-ти-лѣтняго возраста, они изучаютъ

какое-нибудь ремесло или профессию: двупки же часто идут въ учительницы.

Жены второй категоріи не довольствуются такою скромною жизнью. Онѣ желаютъ во всемъ подражать женамъ богатыхъ мужей и походить на лэди. Но для этого, конечно, недостаточно имѣть 18 дол. въ недѣлю. Поэтому онѣ сами пускаются на разныя средства, чтобы увеличить доходъ: одиѣ нанимаютъ большую, роскошную квартиру и отдаютъ меблированныя комнаты; другія нанимаютъ работницъ и берутъ на домъ какую нибудь работу, напр. модныя, позументныя работы и т. п. Нѣкоторыя даже соглашаются занимать мѣсто закройщицы или надсмотрщицы надъ работницами. Такимъ образомъ многимъ, изъ нихъ удается получить отъ 20 до 25 дол. въ недѣлю. Такой экстренный заработокъ даетъ имъ возможность имѣть квартиру въ 25—30 дол. и держать прислугу, которая избавляетъ ихъ отъ домашней работы; какъ сами, такъ и ихъ дѣти, даже и въ будни, ходятъ въ шелку и бархатѣ. Такія барыни обыкновенно не имѣютъ болѣе 3—4 дѣтей, которыхъ имъ часто приходится оставлять подъ надзоромъ прислуги.

По образованію большинство этихъ женщинъ не отличаются отъ женъ бѣдныхъ рабочихъ. Не смотря на это, онѣ крайне не охотно продолжаютъ знакомство съ бѣдными людьми и часто совсѣмъ отказываются даже отъ своихъ болѣе бѣдныхъ родственниковъ. Онѣ тратятъ всѣ свои средства, что бы имѣть доступъ въ кругъ богатыхъ людей. Но это удается немногимъ.

Мнѣ часто приходилось слышать, какъ такія женщины пересчитывали передъ своими бѣдными знакомыми число богатыхъ гостей, посѣтившихъ ихъ въ продолженіе дня, причемъ онѣ замѣтно старались довести это число до дюжины и болѣе. Онѣ хвастливо рассказывали, куда онѣ приглашены и почему онѣ не считаютъ удобнымъ принять то или другое приглашеніе. Онѣ повторяютъ по нѣсколько разъ: „какъ вамъ нравится мой нарядъ?“ или: „не правда ли, моя квартира очень красива?“ и т. п. Не рѣдко фортуна измѣняетъ такимъ женщинамъ; имъ приходится переселяться въ болѣе бѣдный кварталъ и снова знако-

митися съ тѣми, которыми онѣ прежде гнушались. Но не всякая изъ нихъ мирится съ такой переменой. Очень часто роскошь развращаетъ этихъ женщинъ до того, что онѣ скорѣе соглашаются на всевозможныя средства, лишь бы избѣжать бѣдности.

Матерьяльная обстановка женъ клерковъ зависитъ отъ жалованья мужа; въ Америкѣ клерки получаютъ отъ 500 до 5,000 дол. въ годъ. Но у всѣхъ этихъ женщинъ есть одно общее свойство, это—желаніе быть или казаться лэдн. Поэтому всѣ онѣ одѣваются роскошно. Большинство изъ нихъ болѣе образованы, чѣмъ жены рабочихъ. Многія знаютъ музыку и умѣютъ рисовать.

Вообще, нужно сказать, что здѣсь музыка и рисованіе сильно въ ходу; игра на фортопіано есть одинъ изъ необходимыхъ предметовъ образованія. Проходя вечеромъ даже по небогатымъ улицамъ, можно убѣдиться въ томъ, что черезъ каждые 2—3 дома есть піано. Непремѣнно можно найти піано у дочерей мясниковъ, булочниковъ и кабатчиковъ даже самыхъ бѣдныхъ кварталовъ.

VI.

По цензу 1880 г. въ Соединенныхъ Штатахъ женъ фермеровъ было болѣе шести миліоновъ и около 250,000 женщинъ, самостоятельно занимающихся агрикультурой. Жизнь большинства этихъ женщинъ повсюду болѣе или менѣе одинакова. Но, чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ менѣе онѣ имѣютъ удобствъ и роскоши. Повсюду имъ приходится работать одинаково тяжело.

Какъ ни странно можетъ показаться, тѣмъ не менѣе доказанъ фактъ, что средняя жизнь фермерскаго населенія короче жизни горожанъ. Американцы объясняютъ это, во первыхъ, тѣмъ, что первые работаютъ тяжелѣй, чѣмъ вторые; во вторыхъ, тѣмъ, что жители фермъ питаются хуже, чѣмъ большинство горожанъ; громадное большинство фермеровъ ѣдятъ обыкновенно солонину,

слоеные пироги и кукурузную кашу; только по воскресеньям у них бывает свиное мясо. А недолговечность фермерских женщин американцы больше всего приписывают их раннему замужеству, которое, будучи часто соединено с бедностью, разрушает их здоровье, дѣлает их преждевременно старыми и часто даже доводит до желтого дома.

На фермах дѣвушки выходятъ замужъ 15—16 лѣтъ, а иногда даже 13—14 лѣтъ, и въ большинствѣ случаевъ принимаются за свое хозяйство. Онѣ обыкновенно получаютъ въ приданое корову и постельныя принадлежности. Выборъ жениховъ у нихъ очень ограниченъ; богатые женихи встрѣчаются очень рѣдко. На западѣ при родителяхъ остается младшій, а на востока старшій сынъ. Если дѣвушка выберетъ фермерскаго сына, остающагося при родителяхъ, и если она поладитъ со стариками, то ея жизнь можетъ быть не только сносна, но даже пріятна, потому что она поселяется на готовой фермѣ со всѣми ея удобствами. Но если женихъ не остается съ родителями, то онъ получаетъ пару воловъ и малую сумму денегъ на первое обзаведеніе, и затѣмъ долженъ устраниваться самостоятельно. Въ такомъ случаѣ новая жизнь молодыхъ не особенно привлекательна. Имъ приходится тяжело работать долгіе, долгіе годы, пока они устроятся сносно. Не смотря на изобиліе даровой земли въ Соединенныхъ Штатахъ, молодые фермеры не рѣдко предпочитаютъ арендовать готовую ферму, получая за свой трудъ всего только одну треть продуктовъ. Но очень часто они рѣшаются оставлять своихъ родныхъ и знакомыхъ и переселяются въ болѣе отдаленные и малонаселенные западные штаты.

Переселеніе этихъ молодыхъ пионеровъ представляетъ собою иногда очень интересную картину. Не смотря на громадное число желѣзныхъ дорогъ, они часто предпочитаютъ переселяться на своихъ волахъ. Они странствуютъ въ громадной кибиткѣ, изъ которой любопытно выглядываетъ почти совсѣмъ дѣтское лицо молодой жены. Можно себѣ представить, съ какимъ интересомъ эта молодая пара, быть можетъ, въ первый разъ вы-

ѣзжая въ свѣтъ, разсматриваетъ все, что ей попадаетъ на глаза. До сихъ поръ ихъ мѣръ ограничивался какимъ нибудь десяткомъ миль; теперь же имъ однимъ приходится проѣзжать нѣсколько сотъ миль. У нихъ въ кибиткѣ все ихъ имѣніе, а сзади привязана корова. Ночь они проводятъ среди степей, у разведеннаго костра. Въ такой моментъ эти мирные пионеры напоминаютъ собою краснокожихъ, бывшихъ обитателей этихъ обширныхъ прерій.

Очень часто фермеры даже съ большимъ семействомъ бросаютъ свои невыгодныя земли на востокѣ и переселяются на плодородную почву далекаго запада.

Положеніе женъ всѣхъ этихъ пионеровъ особенно тяжело въ первое время. Онѣ страдаютъ лихорадкой; имъ приходится жить въ землянкѣ или же въ домѣ, сбитомъ на скорую руку и пропускающемъ и вѣтеръ, и дождь. Въ первое время переселенцы питаются очень плохо, потому что своихъ овощей еще нѣтъ, а покупать не на что. Сначала у этихъ фермершъ не можетъ быть никакихъ удобствъ. У нихъ не бываетъ даже сухихъ дровъ, потому что мужу некогда сбить дровяной сарай; ему некогда думать объ удобствахъ своего семейства, потому что онъ спѣшитъ обработать клочекъ земли для посѣва; онъ можетъ только съ годами улучшить и увеличить домъ, вырыть хорошій колодезь, построить сарай и постепенно приобрести для себя и жены разныя хозяйственныя принадлежности. Только чрезъ нѣсколько лѣтъ жена можетъ надѣяться имѣть удобства и достатокъ, которыми пользуются большинство хозяекъ старыхъ восточныхъ фермъ. Только чрезъ 8—10 лѣтъ у нея можетъ быть, какъ у послѣднихъ, достаточное количество телятъ, поросятъ, цыплятъ и утятъ, а также огородъ со всевозможными овощами, небольшой виноградникъ и нѣсколько плодовыхъ деревьевъ. Хотя у немногихъ полъ устланъ ковромъ, но у каждой есть швейная, выжимальная и часто даже стиральная машина. Наконецъ она со своей семьей не только обезпечена, но во всемъ проглядываетъ матерьяльный достатокъ. Если жизнь ея въ первое время переселенія и была значительно тяжелѣй жизни жены город-

скаго рабочаго, за то теперь она навсегда избавлена отъ заботы о насущномъ хлѣбѣ. Ея дѣти не задыхаются на грязныхъ вонючихъ улицахъ большаго города, но дышать чистымъ воздухомъ широкихъ полей.

Если разсматривать положеніе фермершъ только со стороны матерьяльнаго достатка, то можно сказать, что большинство изъ нихъ счастливы. Но, глядя глубже на эту счастливую жизнь, нельзя не замѣтить въ ней много мрачныхъ сторонъ. Въ последнее время американцы обратили особенное вниманіе на эти стороны и много толкуютъ о томъ, какъ бы улучшить положеніе фермершъ. Американцы даже склонны признать, что, не смотря на матерьяльное благосостояніе, большинство женъ фермеровъ далеко менѣе счастливы, чѣмъ городскія женщины. Они говорятъ, что жены даже богатыхъ фермеровъ работаютъ значительно больше и тяжелѣй, чѣмъ жены городскихъ рабочихъ; что, по мѣрѣ того какъ ферма растетъ и улучшается, у жены фермера работа тоже увеличивается. Она должна не только варить и шить на большую семью, но должна смотрѣть за коровами и огородомъ, должна варить мыло и солить мясо, и, кромѣ всего этого, часто помогать мужу въ полевыхъ работахъ. Если мужъ нанимаетъ рабочихъ, то у нея больше работы на кухнѣ, потому что рабочимъ полагается приличный столъ и комната. Она избавлена только отъ дойки коровъ и иногда отъ стирки бѣлья рабочихъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ можно встрѣтить на фермѣ женскую прислугу. Жена и дочери исполняютъ всѣ работы сами.

Американцы говорятъ, что этотъ тяжелый трудъ, вѣчно однообразная жизнь, отсутствіе общества и частые роды быстро превращаютъ веселыхъ и краснощекихъ дѣвушекъ въ нелюдимыхъ, истощенныхъ и старыхъ женщинъ. Большинство изъ нихъ скоро перестаютъ обращать вниманіе на свой внѣшній видъ, дѣлаются равнодушными ко всему окружающему, исключая богатства своей фермы. У нихъ нѣтъ даже тѣхъ немногихъ развлеченій, какими пользуется всякая, даже бѣдная, городская женщина. Онѣ принимаютъ гостей и сами ѣздятъ въ гости

только по большимъ праздникамъ. Онѣ слишкомъ устаютъ отъ тяжелой работы; кромѣ того, даже ближайшій сосѣдь иногда не ближе десяти миль; и тѣмъ менѣе штатъ населенъ, тѣмъ уединеннѣй ихъ жизнь. Многія женщины ѣздятъ въ городъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ. Онѣ даже не покупаютъ сами себѣ платья и нарядовъ, а предоставляютъ это мужьямъ. Да и вообще онѣ мало тратятъ какъ на свои наряды, такъ и на наряды своихъ дочерей невѣсть. Жизнь дѣвушки на фермѣ вообще не многимъ отличается отъ жизни матери.

Американцы необходимо должны были обратить особенное вниманіе на фермерскую жизнь, потому что въ послѣдніе годы отцы и матери стали особенно часто жаловаться на то, что взрослые дѣти скучаютъ на фермѣ и уходятъ въ города, увлекаясь болѣе веселой и бурной жизнью. Не рѣдко старики остаются совершенно одни; послѣ ихъ смерти дѣти не возвращаются на ферму, а продаютъ ее и устраниваются въ городѣ навсегда. И то сказать, вѣдь дочь можетъ понять, что на фермѣ ее ждетъ та же неприглядная участь, какая выпала на долю ея преждевременно состарѣвшейся матери. Съ замужествомъ у нея не представляется никакихъ розовыхъ мечтаній, а только вѣчный трудъ безъ наслажденій. Къ ней вполне приложима наша русская народная пѣсня:

Вы гуляйте, красны дѣвцы,
Вы покудова у батюшки.

Только не многія счастливицы—дочери богатыхъ фермеровъ могутъ мечтать о болѣе пріятной жизни; онѣ и на фермѣ имѣютъ piano, ѣздятъ часто въ городъ на собранія и балы. Такія получаютъ большое приданое и выходятъ замужъ, на примѣръ, за врача, адвоката, политика и т. п.

Часто, послѣ смерти мужа—фермера, жена продолжаетъ вести хозяйство; конечно, она нанимаетъ работника, но и сама помогаетъ ему въ полевыхъ работахъ.

Здѣсь многія незамужнія женщины самостоятельно занимаются фермерствомъ. Иногда онѣ получаютъ отцовскую ферму

въ наслѣдство, но нерѣдко онѣ берутъ 160 акровъ на свое имя и успѣваютъ содержать себя, а также своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ или другихъ беспомощныхъ родственниковъ. Жизнь этихъ женщинъ сильно отличается отъ жизни женъ фермеровъ. Несмотря на свою тяжелую работу, онѣ очень живы и энергичны. Онѣ принимаютъ близко къ сердцу общественные интересы; онѣ разсуждаютъ съ мужчинами-фермерами о политикѣ, о землѣ, о цѣнѣ и перевозкѣ продуктовъ; онѣ сами ѣздятъ въ городъ продавать продукты и закупать все необходимое для хозяйства. Многія сами разчищаютъ землю, пахутъ, сѣютъ и убираютъ. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ успѣваютъ еще занимать мѣсто учительницы или почтмейстера. Такое независимое положеніе имъ иногда до того нравится, что онѣ отказываются отъ замужества. Эти женщины защищаютъ равноправіе и очень энергично отстаиваютъ свои права. Между ними находились такія, которыя отказывались платить подати на томъ основаніи, что у нихъ нѣтъ представителей. Онѣ принимаютъ дѣятельное участіе въ фермерскомъ движеніи (*gran- gers*).

Общество гренджеровъ очень прогрессивно и имѣетъ очень хорошее вліяніе на женъ фермеровъ. Оно принимаетъ ихъ въ члены и даетъ имъ равныя права съ мужчинами. Во всѣхъ тѣхъ штатахъ, гдѣ это общество существуетъ, жены фермеровъ не такъ уединены отъ общества и интересуются общественными вопросами. Онѣ ѣздятъ на ежемѣсячные митинги, гдѣ проводятъ время очень весело. Покончивши дѣла, молодежь танцуетъ, а старики наслаждаются музыкой и бесѣдой. Къ сожалѣнію, это общество пока существуетъ только въ нѣкоторыхъ густо населенныхъ штатахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это общество можетъ значительно улучшить умственное и нравственное состояніе женъ и дочерей фермеровъ.

VII.

Жизнь женщинъ, извѣстныхъ подъ именемъ „лэди“, представляетъ собою крайнюю противоположность трудовой и уеди-

ненной жизни фермершъ. Лэди проводятъ большую часть времени въ обществѣ. Весь ея трудъ и всё ея заботы ограничиваются, главнымъ образомъ, украшеніемъ своей собственной персоны. Перецеголять своихъ знакомыхъ лэди—вотъ задача, на которую она тратитъ всё свои силы и средства. Мужъ доставляетъ ей не только необходимое, но и роскошь. Такихъ женщинъ не мало во всѣхъ большихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ. Напримѣръ, въ Нью-Йоркѣ, по крайней мѣрѣ одна четвертая часть города состоитъ изъ домовъ, въ которыхъ живутъ лэди.

Многія изъ нихъ живутъ въ собственномъ, обыкновенно четырехъ-этажномъ домѣ и занимаютъ отъ 15 до 20 комнатъ. Другія нанимаютъ четырехъ-этажный меблированный домъ и платятъ отъ трехъ до десяти тысячъ долл. въ годъ. У тѣхъ и другихъ не менѣе 2—3 прислугъ. Лэди почти никогда не имѣютъ болѣе 2—3 дѣтей, которыхъ они отдаютъ подъ надзоръ нянюшки и гувернантки.

Дома, въ которыхъ живутъ лэди, устроены необыкновенно удобно. Въ каждомъ домѣ есть ванная съ горячей и холодной водой и газъ. Кухня на одномъ этажѣ со столовой и такъ устроена, что чадъ и запахъ не достигаютъ до жилыхъ комнатъ. Всѣ полы устланы дорогими коврами. Часто коверъ на одну приемную комнату (parlor) стоитъ отъ пяти до десяти тысячъ долларовъ. Въ парлорѣ шпано, статуи и бархатная или шелковая мебель. Всѣ другія комнаты устроены роскошно и снабжены всевозможными удобствами. Во многихъ домахъ устроены телефоны.

Хозяйка дома встаетъ поздно, одѣвается и приходитъ къ готовому завтраку. Да и зачѣмъ ей спѣшить? Вѣдь прислуга и безъ нея все приготовить; а мужу тоже нѣтъ надобности спѣшить, потому что онъ не отправляется на свой бизнесъ раньше 10—11 часовъ. Послѣ завтрака, лэди заказываетъ обѣдъ, затѣмъ одѣвается и отправляется къ кому нибудь съ визитомъ, или къ модисткѣ, или же просто гулять. Нѣкоторыя изъ нихъ мимоходомъ заходятъ въ богатую мясную, чтобы заказать про-

визію. Онѣ обыкновенно возвращаются домой только къ обѣду около четырехъ часовъ. Послѣ обѣда люди отдыхаютъ, лѣниво качаясь въ креслѣ, или же за піано. Вечеромъ она выѣзетъ съ мужемъ отправляется въ концертъ, театръ или на балъ.

Въ продолженіи дня эта женщина увидѣтъ раза четыре переодѣться, сдѣлать 5—6 визитовъ или же принять у себя столько же гостей; пройдетъ по фешенебельнымъ улицамъ и посетитъ двухъ—трехъ модистокъ. Конечно, она тратитъ очень много времени на туалеты: она даже къ завтраку не выходитъ безъ локоновъ, бантиковъ и разныхъ бездѣлушекъ.

Въ хорошій день, въ извѣстные часы, на фешенебельныхъ торговыхъ улицахъ можно встрѣтить тысячи люди, одѣтыхъ въ шелкъ и бархатъ, по послѣдней парижской модѣ. Тогда эти улицы заняты исключительно женщинами.

Въ Нью-Йоркѣ, въ хорошую погоду, въ 2—3 часа по полудни, по дорогѣ къ общественному центральному парку, можно видѣть тысячи блестящихъ каретъ и колясокъ; посеребренная сбруя сверкаетъ на быстрыхъ и красивыхъ лошадахъ; на козлахъ или сзади сидятъ лакеи въ роскошныхъ дивреяхъ. Въ коляскѣ чинно сидитъ богато одѣтая леди съ своимъ мужемъ и иногда съ своими дѣтьми, которыя тѣже модные джентльмены и леди въ миниатюрѣ. Возлѣ маленькихъ дѣтей сидитъ бонна въ бѣломъ, изящномъ чепцѣ. Большинство люди выѣзжаютъ въ паркъ только за тѣмъ, чтобы показать свои наряды. Съ этой же цѣлью онѣ ѣдутъ въ театръ или другія собранія.

Но оказывается, что не всегда бываетъ безопасно показывать свое богатство, особенно брильянты, и потому нѣкоторые богачи нанимаютъ сторожей, которые повсюду сопровождаютъ ихъ женъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный милліонеръ Асторъ содержитъ великолѣпно одѣтаго господина, обязаннаго охранять брильянты «на его женѣ, стоящіе 80 тысячъ долларовъ? Конечно, этого сторожа нельзя отличить отъ другихъ джентльменовъ, но воры уже знаютъ его. Недавно, среди дня, на лучшей улицѣ Нью-Йорка, одинъ смѣлый воръ вырвалъ брильянтовые серьги у одной леди, причемъ разорвалъ уши.

Здѣсь кстати сказать, что американскія люди страстныя охотники до брильянтовъ и другихъ ювелирныхъ бездѣлушекъ. У каждой можно видѣть по нѣскольку колець и перстней почти на каждомъ пальцѣ, на рукахъ браслеты, въ ушахъ серьги всевозможной величины, на шеѣ брошка, медальонъ, цѣпочка, ожерелье и т. д. Подражая имъ, и бѣдныя женщины нацѣпливаютъ на себя всевозможныя бездѣлушки, только болѣе дешеваго достоинства. Вообще нужно сказать, что американскія женщины (мужчины—тоже), по своей любви къ блестящимъ бездѣлушкамъ, живо напоминаютъ собою дикарей.

Многія замужнія люди не заводятъ своего хозяйства, а живутъ въ бордингъ-хаузѣ. Во всѣхъ большихъ городахъ громадное число домовъ заняты такими жильцами. Цѣна за столъ и квартиру зависитъ отъ мѣстности, дома, роскоши квартиры и числа комнатъ. Иногда одно семейство имѣетъ не болѣе 3—4 комнатъ специально для себя; но они всегда пользуются роскошной пріемной и столовой. Плата отъ 25 до 50 дол. въ недѣлю за каждого взрослого человѣка. Жить въ бордингъ-хаузѣ для многихъ люди выгоднѣй и даже пріятнѣй. Онѣ имѣютъ ту же роскошь и удобства безъ затраты капитала на хозяйство, и избавлены отъ всякихъ хлопотъ. Многимъ люди нравятся то, что въ бордингъ-хаузѣ всегда есть пріятное общество. Онѣ имѣютъ общій столъ и проводятъ вечера въ танцахъ и пѣніи. Между жильцами всегда находятся хорошіе музыканты или музыкантши, хорошіе голоса и любители танцевъ. Не рѣдко жена предпочитаетъ жить въ бордингъ-хаузѣ еще потому, что мужъ, боясь общественного мнѣнія, обращается съ женою лучше и позволяетъ ей больше тратить на наряды, чѣмъ если-бы они жили своимъ хозяйствомъ. По понятіямъ американцевъ, каждый мужъ долженъ заботиться о томъ, чтобы его жена была одѣта не хуже, если не лучше другихъ. Поэтому жена, подъ предлогомъ угодить мужу, тратитъ все на то, чтобы перещеголять другихъ люди въ бордингъ-хаузѣ. Жены, занимающіяся своимъ хозяйствомъ, не рѣдко грозятъ мужьямъ, что если они не дадутъ имъ до-

статочно на наряды, то онѣ бросаютъ хозяйство и перейдутъ въ бордингъ-хаузы.

Бордингъ-хаузы обыкновенно содержатся обѣднѣвшими, но principally вдовами съ своими взрослыми дочерьми. Этимъ путемъ онѣ имѣютъ возможность богато содержать себя и свои семьи и могутъ надѣяться выгодно выдать замужъ своихъ дочерей. Дочери всегда одѣты роскошно, отлично играютъ на пиано и вообще ведутъ себя какъ хозяйки—лэди. Конечно, онѣ не исполняютъ никакой черной работы по хозяйству, потому что у нихъ всегда достаточно прислуги. Бордингъ-хаузы настолько въ ходу здѣсь, что они, можно сказать, составляютъ одну изъ національныхъ чертъ жизни янки. „Нашъ бордингъ-хаузы“ есть одна изъ любимѣйшихъ пьесъ здѣшнихъ театровъ.

Лѣтомъ лэди вмѣстѣ съ ихъ семействами оставляютъ города и поселяются гдѣ-нибудь на водахъ. Въ послѣдніе года американцы стали охотно ѣздить на лѣто въ Европу. Но не всѣ могутъ оставлять свои дѣла; такіе отправляютъ свои семьи въ Саратогу (американскій Баденъ-Баденъ), Лонгъ-Бранчъ, Нью-Портъ и т. п. По словамъ самихъ-же американцевъ, даже морской воздухъ освѣжаетъ и одушевляетъ только немногихъ лэди. Большинство же проводятъ цѣлые часы на верандѣ роскошнаго отеля безмолвно и неподвижно; лѣтниво опахиваясь вѣтромъ, онѣ бездушно глядятъ на морскія волны или на толпу дѣтей, играющихъ на пескѣ. Нѣкоторыя, отъ нечего дѣлать, мѣняютъ по 15—20 костюмовъ въ недѣлю. На водахъ лэди еще больше тратятъ на наряды, чѣмъ живя въ городѣ; у рѣдкой одно платье стоитъ менѣе 400 долларовъ. И только очень молодыя и менѣе испорченныя забываютъ искусственный блескъ и роскошь и искренно наслаждаются всеми прелестями окружающей ихъ природы. Многія матери ѣздить на воды только затѣмъ, чтобы выгоднѣй выдать замужъ своихъ дочерей. Находятся, впрочемъ, и такія лэди, которыя забываютъ о городскихъ приличіяхъ и принимаютъ дѣятельное участіе въ конскихъ бѣгахъ, азартныхъ играхъ и другихъ безшабашныхъ удовольствіяхъ. Нѣкоторыя пріѣзжаютъ специально затѣмъ, чтобы сдѣлать себѣ со-

стояніе на бѣгахъ. Однѣ изъ нихъ проигрываютъ послѣдній долларъ; другія выигрываютъ достаточно на роскошное житье на всю зиму. Въ послѣднемъ году, на одномъ изъ этихъ мѣсть одновременно происходили двѣ противоположныя сцены. Одна молодая, красивая и роскошно одѣтая лэди въ слухъ восклицала: „Ахъ, что съ нами теперь будетъ? Я проиграла все наше состояніе“. Недалеко отъ этой несчастной, другая лэди весело говорила своимъ друзьямъ, что теперь она можетъ купить себѣ брильянтоваыя серьги въ 14 тысячъ дол. Такія сцены не рѣдки. Говорятъ, что есть женщины которыя умѣютъ цѣнить достоинства лошадей лучше, чѣмъ многіе мужчины. Переѣзжая въ городъ, лэди-игроки дѣлаются опять приличными, солидными лэди.

Быть лэди есть высшій идеалъ почти всякой американской женщины. Но нужно сказать, что между этими воображаемыми счастливицами рѣдко увидишь здоровое и веселое лицо и еще рѣже услышишь свободный и искренній смѣхъ. Онѣ скорѣй походятъ на наряженныхъ куколъ, чѣмъ на живыхъ людей. Даже у молодыхъ обыкновенно блѣдный и истощенный видъ. Если же и встрѣчается румянецъ на щекахъ, то это, въ большинствѣ случаевъ, дѣло не природы, а искусства. Здѣсь всѣмъ извѣстно, что даже самая приличная замужняя лэди не стѣсняется употреблять румяны. И то сказать, вѣдь не мыслимо быть здоровой при такой жизни. Имъ часто приходится прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы предупредить увеличение семейства. Кромѣ того, вся ихъ жизнь представляетъ собою безконечную выставку шелка, бархата, мѣховъ, кружевъ, брильянтовъ. Но чтобы поддерживать эту безконечную выставку въ наилучшемъ видѣ, для этого требуется много нервной силы и энергій. Вотъ почему, не смотря на весь свой достатокъ, лэди не могутъ быть здоровы и, пожалуй, счастливы.

Американскія лэди, не смотря на свое демократическое происхожденіе, уже съ дѣтства приучаются во всемъ отдѣлять себя отъ бѣднаго и даже средняго слоя. Не смотря на хорошія публичныя школы, онѣ учатся въ пансіонахъ (boarding school),

доступныхъ только богатымъ людямъ. Когда онѣ гуляютъ въ общественныхъ садахъ съ нянюшкой или гувернанткой, имъ не позволяютъ играть и даже подходить близко къ бѣдно одѣтымъ дѣтямъ. Разъ мнѣ пришлось слышать, какъ 15-ти-лѣтнія дѣвочки рабочаго слоя удивились, когда онѣ увидали двухъ дѣвочекъ изъ богатаго общества, пришедшихъ кататься на конькахъ на призъ, гдѣ обыкновенно катались только дѣти бѣдныхъ родителей. Многимъ лэди во всю ихъ жизнь ни разу не приходится видѣть бѣдные кварталы своего же города.

VIII.

Въ Америкѣ только женщины-эмигрантки занимаютъ мѣста домашней прислуги. Ирландки и французенки болѣе всего идутъ въ кухарки и горничныя, а нѣмки и швейцарки въ нянюшки. Кухарки получаютъ отъ 18 до 30 дол. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ; а нянюшки и горничныя отъ 12 до 30 дол. Кухарки обыкновенно не стираютъ, для этого еженедѣльно нанимаютъ прачекъ. На горничныхъ лежитъ обязанность гладить бѣлье, въ чемъ помогаютъ имъ и кухарки. Здѣшнія лэди признаютъ ирландокъ за лучшихъ работницъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ ихъ не любятъ за ихъ непокорность и своеволие: ирландки меньше всѣхъ подчиняются всякимъ правиламъ, которыя имъ предписываютъ, и тотчасъ-же уходятъ, какъ только хозяйка вздумаетъ ихъ регулировать.

Здѣсь прислуга имѣетъ право выходить только въ опредѣленные дни, обыкновенно не болѣе двухъ—трехъ разъ въ мѣсяцъ, и должна возвращаться въ назначенный часъ. Своихъ гостей прислуга обязана принимать только въ кухнѣ, а не въ своей комнатѣ. Но это, какъ и другія правила, очень часто нарушается. Это возмущаетъ здѣшнихъ лэди дотого, что онѣ даже устроили общество и открыли школу съ цѣлью воспитать покорныхъ и искусныхъ слугъ. Кромѣ того, онѣ постепенно вводятъ европейскіе обычаи. За послѣдніе года имъ уда-

лось заставить нянюшек и горничных носить бѣлые кисейные чепчики. Нянюшкамъ онѣ не позволяютъ вовсе носить шляпки, ни въ жаркіе лѣтніе дни, ни въ зимніе холода. Въ очень холодные дни имъ разрѣшаютъ только повязывать голову косынкой, но такъ, чтобы половина чепца была видна. Введеніе косынки тоже новизна для американцевъ, потому что здѣсь прежде всѣ женщины, безъ различія занятій, носили шляпки. Здѣсь прислугу, какъ и въ Европѣ, называютъ просто по имени: Мэри, Магги и т. д. Она обѣдаетъ, конечно, въ кухнѣ, послѣ господъ, и въ большинствѣ случаевъ имѣетъ даже отдѣльную пищу. Вообще здѣшнія лэди въ своихъ отношеніяхъ къ прислугѣ едва ли чѣмъ отличаются отъ барынь Старога Свѣта: онѣ какъ будто стараются показать и напомнить эмигранткамъ, что и въ Новомъ свѣтѣ ихъ обязанность—покорно служить господамъ, хотя бы то и демократамъ.

Х.

Американцы занимаются различными профессіями далеко больше, чѣмъ женщины Европы. Больше всего онѣ занимаютъ мѣста учительницъ. Въ штатѣ Нью-Йоркъ, напримѣръ, въ прошломъ году общее число учителей было 31.000, изъ нихъ 22.000 были учительницы. Въ учительскихъ семинаріяхъ страны ежегодно учатся до 16.000 женщинъ, изъ которыхъ, конечно, громаднѣйшее большинство идетъ въ учительницы.

Американцы съ гордостью указываютъ на программу, по которой у нихъ готовятъ учительницъ; имъ преподаютъ латинскій, нѣмецкій и французскій языки; физиологію, зоологію и ботанику; высшую математику, физику и геологію; реторику и философію; рисованіе и музыку; исторію и педагогику. Несмотря, впрочемъ, на такую подготовку, большинство учительницъ, по мнѣнію передовыхъ американцевъ, плохо понимаютъ свое дѣло. Бѣда въ томъ, что учительницы, не достаточно развиты умственно; что большинство изъ нихъ слишкомъ молоды

и занимаются такимъ важнымъ дѣломъ только по необходимости и обыкновенно до замужества. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что въ школахъ этой передовой страны до сихъ поръ не могутъ обходиться безъ розогъ или линейки: даже тамъ, гдѣ наказаніе запрещено, учительницы часто подаютъ прощенія о томъ, чтобы имъ разрѣшили употреблять палку. Такъ, напримѣръ, въ 1872 г. въ Нью-Йоркѣ 2,000 учительницъ подали прошеніе о позволеніи употреблять линейку. Даже въ такомъ ученomъ городѣ, какъ Бостонъ, учительницы до сихъ поръ имѣютъ право употреблять—и употребляютъ—тростниковую палочку; онѣ наказываютъ по рукамъ—дѣвочекъ въ первыхъ классахъ, а мальчиковъ даже въ высшихъ классахъ. По ихъ собственному отчету, онѣ наказали въ продолженіи 1879—80 школьнаго года 10,983 разъ или 84½ процента всѣхъ учениковъ. Въ прошломъ году, по вопросу о наказаніи, мнѣніе бостонскихъ ученыхъ членовъ школьнаго комитета раздѣлилось: большинство стояло за отмену наказанія для дѣвочекъ, оставляя его для мальчиковъ. Многіе изъ нихъ хотѣли отнять у учительницъ право наказывать и передать его въ руки принципалу школы. И только нѣкоторые передовые члены заявили желаніе совершенно отменить наказаніе. По ихъ мнѣнію, палка употребляется въ школахъ только потому, что учительницы некомпетентныи.

Въ здѣшней прессѣ не рѣдко описываются случаи варварскаго обращенія учительницъ съ учениками. Особенно часты такіе случаи въ католическихъ школахъ. Не рѣдко случается, что ребенка переносятъ со школьной скамьи въ госпиталь. Бывали даже случаи, что ученики умирали подъ ударами розогъ. Американцы сами иногда признаются въ томъ, что ихъ учительницы больше походятъ на фельдфебелей, чѣмъ на воспитательницъ; а ученики—на солдатъ. Въ американскихъ школахъ дисциплина доведена до безобразія или, по мнѣнію янки, до совершенства. Между уроками и даже на лѣстницѣ ученики говорятъ только шопотомъ и ходятъ на цыпочкахъ. Во время

урока они не смѣютъ безъ позволенія поднять, напримѣръ, карандашъ, который они уронили на полъ.

Учительницы получаютъ отъ 300 до 1200 долларовъ въ годъ и преподаютъ тѣ же предметы, какъ и учителя. Во многихъ Штатахъ женщины могутъ быть избираемы въ суперинтенденты школъ (директоры).

По умственному развитію американскія учительницы почти ничѣмъ не отличаются отъ менѣе образованныхъ женщинъ. Громадное большинство изъ нихъ не раздѣляютъ передовыхъ идей. Такъ, напримѣръ, онѣ не признаютъ научныхъ теорій, уже принятыхъ въ Европѣ (Милля, Спенсера, Дарвина и т. п.); не признаютъ даже политическаго равноправія женщинъ съ мужчинами и т. п.

Съ каждымъ годомъ здѣсь увеличивается число женщинъ-докторовъ. Но до сихъ поръ только немногимъ удалось приобрести нѣкоторую извѣстность и обширную практику. Въ послѣдніе года многіе мужскіе медицинскіе колледжи открыли двери женщинамъ. Такъ, напримѣръ, въ Аннъ-Арборѣ, въ штатѣ Мичиганъ, женщины учатся въ мужскомъ колледжѣ и слушаютъ нѣкоторые предметы вмѣстѣ съ студентами. Въ Нью-Йоркѣ и Бостонѣ только гомеопатическіе и эклектрическіе мужскіе колледжи допускаютъ женщинъ. Поэтому пришлось устроить специально женскіе (аллопатическіе) колледжи. Колледжъ, устроенный въ Нью-Йоркѣ Елизаветой Блакуэлтъ, считается самымъ лучшимъ женскимъ колледжемъ. Г-жа Блакуэлтъ до сихъ поръ состоитъ президентомъ этаго колледжа и пользуется извѣстностію болѣе другихъ женщинъ-докторовъ. Ея сестра считается хорошимъ хирургомъ. Въ Нью-Йоркѣ женщины-доктора Пу-тнамъ-Якоби и Ложье имѣютъ громадную практику. Г-жа Пу-тнамъ училась въ Парижѣ; она состоитъ профессоромъ фармакологіи и химіи въ колледжѣ Блакуэлтъ; не смотря на громадную практику мужа (Д-ръ Якоби) и на то, что она мать четырехъ дѣтей, она занимается практикой. Докторъ Ложье принимаетъ дѣятельное участіе въ женскомъ движеніи; каждую зиму она читаетъ женщинамъ даровыя лекціи по гигиенѣ.

Женщины—доктора не пользуются здѣсь равными правами съ мужчинами—докторами; онѣ не могутъ занимать мѣсть въ общественныхъ больницахъ, полиціи, тюрьмахъ и не могутъ быть санитарными врачами.

Въ Нью-Йоркѣ, Филадельфій и Бостонѣ есть нѣсколько частныхъ больницъ, въ которыхъ всѣ врачи—женщины. Теперь уже нѣсколько женщинъ состоятъ членами нью-іоркскаго медицинскаго общества. Въ женскихъ колледжахъ программа и курсъ тѣ же, что и въ мужскихъ.

По умственному развитію и образованію, большинство женщинъ—докторовъ стоятъ наравнѣ съ мужчинами—докторами. Обыкновенно женщины—врачи и медицинскія студентки—явля защитницы равноправія. Онѣ принимаютъ дѣятельное участіе въ школьныхъ вопросахъ; непременно дѣлаются членами все во возможныхъ женскихъ обществъ, какъ напримѣръ: общества воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ, гигиеническаго платья и т. д. Но онѣ почти никогда не поступаютъ въ члены социалистическихъ и рабочихъ обществъ и очень рѣдко посѣщаютъ подобныя собранія. Последнее обстоятельство меня сильно удивило. Я ожидала, что въ этой свободной странѣ образованныя женщины непременно принимаютъ участіе во всякихъ политическихъ движеніяхъ; но скоро убѣдилась, что жестоко ошибалась.

Мнѣ лично пришлось проводить въ продолженіи трехъ лѣтъ, по пяти часовъ въ день, между студентками одного нью-іоркскаго медицинскаго колледжа. Въ этомъ колледжѣ было 50—60 студентокъ. Большинство изъ нихъ были депстки, пять спиритуалистокъ и двѣ матеріалистки; нѣкоторыя принадлежали къ разнымъ религіознымъ сектамъ. Громадное большинство изъ нихъ не придерживались передовыхъ научныхъ взглядовъ, и только немногія читали сочиненія новѣйшихъ ученыхъ. Почти всѣ посѣщали женскіе митинги. Нѣкоторыя одѣвались очень просто, но костюмъ большинства ничуть не отличался отъ костюма другихъ женщинъ. Впрочемъ, онѣ вообще мало занимались сплетнями и терпѣть не могли шпионовъ. У нихъ товарищество силь-

но развито. Обыкновенно онѣ жили по-двое и даже по-четверо въ одной комнатѣ. Нѣкоторыя сами себѣ готовили столъ. Онѣ учились очень охотно и усердно и энергично добивались своей цѣли—быть самостоятельными.

Студентки другихъ колледжей ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, съ которыми мнѣ пришлось такъ близко познакомиться. Вообще, я должна сказать, что, хотя эти женщины далеко не оправдали моихъ ожиданій, тѣмъ не менѣе, я нашла въ нихъ много хорошихъ сторонъ, за которыя ихъ нельзя не уважать: я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ товарищахъ—студенткахъ.

Въ 1875 г. въ Нью-Йоркѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ были открыты спеціальныя курсы для ученыхъ сидѣлокъ. Курсъ—двухлѣтній. Нѣкоторыя сидѣлки еще во время ученія получаютъ мѣсто въ госпиталяхъ. Программа курса сидѣлокъ очень близка къ программѣ нашихъ фельдшерскихъ школъ.

Въ Америкѣ до сихъ поръ немногія женщины занимаются адвокатурой. Но эти немногія очень удачно разрушаютъ предразсудокъ—о неспособности женщинъ заниматься этой профессіей. Онѣ очень успѣшно ведутъ свои дѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ берутся защищать даже мужчинъ, обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ. Такъ, напримѣръ, недавно въ Санъ-Франциско женщина въ первый разъ выступила передъ судомъ присяжныхъ защищать человѣка, обвиняемаго въ убійствѣ. Появленіе этой женщины (г-жа Гордонъ) произвело общее волненіе въ судѣ. Громкіе аплодисменты и свистки оглушили этого храбраго пионера женскихъ правъ въ судѣ. Но это не смутило ее. Она твердо выступила впередъ и громкимъ, отчетливымъ и пріятнымъ голосомъ провнесла защитительную рѣчь. Можно себѣ представить ея торжество и радость всѣхъ ея друзей, когда присяжные вынесли оправдательный приговоръ, не смотря на сильнѣйшія улики противъ подсудимаго. Г-жа Гордонъ была одѣта въ черное платье, и единственнымъ украшеніемъ у нея была роза на груди.

Г-жа Локвудъ была первымъ женщиной-адвокатомъ въ Ва-

шингтонѣ. У нея очень много кліентовъ и ей очень часто приходится выступатьъ въ судѣ. Она больше всего занимается дѣлами о наслѣдствѣ, разводахъ и спорахъ объ имуществѣ. У нея двѣ помощницы.

Женщины-адвокаты такъ хорошо повели дѣло, что недавно въ конгрессѣ возбужденъ былъ вопросъ о разрѣшеніи женщинамъ-адвокатамъ защищать дѣла въ верховномъ судѣ. Надѣются, что этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ въ пользу женщинъ, потому что многіе члены конгресса стоятъ за него. Генераль и Прокторъ Бнотъ выступили въ конгрессѣ ярыми защитниками женскихъ правъ.

Женщины-священники сравнительно недавно выступили на сцену. Онѣ ведутъ себя далеко лучше, чѣмъ большинство здѣшнихъ священниковъ, и потому пользуются общимъ уваженіемъ. Но ихъ пока еще очень немного. Въ 1879 г. въ Бруклинѣ одна молодая и очень красивая женщина-священникъ (миссъ Оливеръ) купила церковь съ аукціона и заплатила за нее 14 тысячъ дол. изъ своихъ собственныхъ денегъ. Она устроила методистскую епископальную церковь. Ея церковь отличается отъ другихъ тѣмъ, что она не устраиваетъ въ пользу церкви базаровъ и театровъ и не беретъ ренты за мѣста въ церкви, а каждый даетъ столько, сколько желаетъ; она устроила изъ своихъ прихожанокъ общество для чистки и мытья церкви. Нерѣдко можно видѣть, какъ она сама, засучивши рукава, моетъ полъ въ церкви вмѣстѣ съ другими женщинами. Ей теперь 26 лѣтъ. Она всегда одѣвается въ черное платье безъ отдѣлки, только на шеѣ и рукавахъ бѣлая рюшъ; она не носитъ никакихъ украшеній, кромѣ черной брошки. Она очень краснорѣчива и очень предана своему дѣлу. Въ эти два года къ ней возвратились всѣ старые члены этой церкви, и, кромѣ того, къ ней перешли многіе изъ другихъ церквей. Теперь всѣ издержки ея церкви оплачиваются пожертвованіями прихожанъ. Миссъ Оливеръ пришлось сражаться со многими трудностями. Она воспиталась въ строгомъ религіозномъ семействѣ, по понятіямъ котораго женщина не должна высту-

пять публично передъ обществомъ. Когда она объявила родителямъ о своемъ желаніи сдѣлаться священникомъ, то ея мать отказалась принимать ее въ домъ и не говорила съ нею въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Она должна была перемѣнить свое имя, потому что ея родители считали, что она своимъ поступкомъ роняла ихъ имя. Но ея успѣхъ и общесуваженіе, которое она завоевала, заставили ея родителей помириться съ нею. Они теперь даже гордятся ею и желаютъ, чтобы она приняла ихъ имя; но теперь она отказывается отъ этого. Однако ея трудности еще не кончились. Несмотря на безукоризненное поведеніе и на всю преданность дѣлу, она не въ состояніи заставить епископальную конференцію официально признать ее священникомъ, потому что, по уставу этой конференціи, женщина не можетъ занимать мѣсто священника. Это сильно огорчаетъ ее, но она не теряетъ надежды побѣдить и эту трудность. Говорятъ, что она не желаетъ выходить замужъ, хотя не разъ ей дѣлали выгодное предложеніе.

Между тѣмъ какъ болѣе смѣлыя и энергичныя женщины борются со всѣми вѣковыми предрасудками на новыхъ путяхъ, громадное число женщинъ смиренно сидятъ по 8—10 часовъ въ день на телеграфныхъ станціяхъ, въ банкирскихъ конторахъ и т. п. Здѣсь женщины-телеграфистки предпочитаютъ мужчинамъ, потому что у нихъ слухъ лучше развитъ.

Женщины—бухгалтеры до того удачно исполняютъ свои обязанности, что даже американское правительство довѣряетъ имъ свои дѣла. Въ Вашингтонѣ нѣсколько сотъ женщинъ занимаютъ въ различныхъ департаментахъ.

Женщины-бухгалтеры учатся въ мужскихъ коммерческихъ училищахъ. Въ Нью-Йоркѣ самый лучший коммерческій колледжъ допускаетъ женщинъ. Онѣ должны знать не только бухгалтерію, но и всѣ правила, касающіяся пошлинъ и таможенъ; онѣ должны изучать иностранные языки, заниматься фонографіей, стенографіей и телеграфнымъ дѣломъ. Несмотря на то, что женщины исполняютъ свои обязанности не хуже мужчинъ, имъ платятъ меньше. Это сильно возмущаетъ защитницъ

равноправія. Онѣ говорятъ, что если женщина вполнѣ замѣняетъ мужчину, то она должна получать и ту же плату. Онѣ требуютъ этого на томъ основаніи, что женщины платятъ за все, что потребляютъ, одинаковую цѣну съ мужчинами, и что у первыхъ не меньше потребностей, чѣмъ у послѣднихъ.

Многія американки съ успѣхомъ занимаются фотографіей, скульптурой, музыкой и другими искусствами. Многія женщины скульптуры увлекаются своимъ дѣломъ до того, что живутъ въ своихъ студіяхъ отшельницами. Въ Нью-Йоркѣ одна молодая и красивая женщина-скульпторъ живетъ уже нѣсколько лѣтъ въ обществѣ кошки и сверчковъ. Послѣднихъ она приручаетъ и разводитъ.

Здѣсь во всѣхъ художественныхъ школахъ и обществахъ женщины составляютъ громадный процентъ. Въ Нью-Йоркской „Академіи художествъ“ больше половины студентовъ—женщины; въ „Студенческой лигѣ искусства“ находится много членовъ-женщинъ; въ „Школѣ искусствъ для женщинъ“ считается до нѣсколькихъ сотъ студентокъ. Женщины-скульпторы обыкновенно учатся въ Италіи.

Кромѣ регулярныхъ актрисъ, здѣсь часто приглашаютъ женщинъ на сцену, для нѣмыхъ ролей. Каждый разъ, когда въ газетахъ появляется объявленіе о томъ, что требуется, напримѣръ, 50 молодыхъ дѣвушекъ отъ 12 до 18 лѣтъ, ихъ обыкновенно набирается болѣе 200, начиная съ 8 до 50 лѣтъ. При этомъ происходятъ иногда очень смѣшныя, а иногда и трогательныя сцены. Каждая проситъ и умоляетъ быть принятой. Нерѣдко матери приводятъ своихъ дочерей, прося принять ихъ. Многія принимаютъ за это неопредѣленное занятіе потому, что не въ состояніи работать 10 часовъ на фабрикѣ или въ мастерской, а это сравнительно легкій трудъ; но нѣкоторыя серьезно воображаютъ, что у нихъ есть сценическій талантъ. Недавно одна пожилая женщина просила, чтобы ее приняли на сцену. Ей заявили, что она слишкомъ стара для этого. Но она утверждала, что короткое платье придастъ ей молодой видъ. Другая пожилая женщина умоляла, чтобы ее при-

няли; она говорила: „я готова исполнять у васъ всякую работу; я знаю, что многія знаменитыя актрисы начинали свою карьеру съ черной работы; поэтому и я желаю начать—хотя бы съ помойки“.

Здѣсь почти въ каждой редакціи есть женщины—репортеры, которыя слѣдятъ за женскимъ движеніемъ и модами. Женщины издають журналы. Напримѣръ въ Бостонѣ женское общество издаетъ „Женскій журналъ“.

Многія женщины занимаются гравированіемъ. Въ Вашингтонѣ нѣсколько сотъ женщинъ гравируютъ кредитныя билеты и другія государственныя бумаги.

Американки—сыщицы служатъ при полиціи, а также находятся на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, въ большихъ магазинахъ и другихъ общественныхъ мѣстахъ. Это занятіе очень хорошо оплачивается. За шести часовую работу въ день платятъ отъ 12 до 18 долл. въ недѣлю. Всѣ адвокаты, занимающіеся бракоразводными дѣлами, держатъ сыщицъ, которыя должны слѣдить за поведеніемъ жены или мужа. Часто этимъ позорнымъ ремесломъ занимаются молодыя дѣвушки.

Но не всѣхъ американокъ удовлетворяють описанныя мною болѣе или менѣе обыкновенныя занятія, и потому нѣкоторыя выдумываютъ себѣ новое поприще. Однѣ, напримѣръ, открываютъ цирюльни и начинаютъ брить мужчинъ; другія открываютъ кузницы и слесарныя мастерскія и сами работаютъ въ нихъ; третьи дѣлаются боксерами, ходоками, охотниками на дикихъ звѣрей и т. п. Недавно, женщина-охотникъ, миссъ Мерриль, въ штатѣ Пенсильванія, отправилась на охоту, захвативши, какъ обыкновенно, винтовку, пару пистолетовъ и охотничій ножъ. Въ одномъ мѣстѣ она увидала слѣды медвѣдя; по нимъ она нашла въ пещерѣ двухъ медвѣжатъ, которыхъ рѣшилась взять. На ихъ крикъ прибѣжала мать, которая бросилась защищать своихъ дѣтей. Но охотница мѣткимъ выстрѣломъ сразу убила медвѣдицу. Затѣмъ, она взяла медвѣжатъ и направилась домой. Но по дорогѣ, на горѣ, она встрѣтила громаднаго чернаго медвѣдя, который съ страшною яростью

бросился на нее. Ей пришлось бороться съ нимъ на жизнь и смерть; она вышла побѣдительницей только благодаря тому, что во время борьбы, они оба упали съ высоты ста футовъ: падая, медвѣдь ударился о дерево и убится, а Миссъ Мерриль нашли въ безчувственномъ состояніи; у нея были переломлены два ребра и вывихнута рука. Во время охоты жизнь этой женщины была уже три раза въ опасности.

Два года тому назадъ, въ Бостонѣ, женщины въ первый разъ открыли женскій сберегательный банкъ. Главную роль въ этомъ новомъ для женщинъ предпріятіи играли миссъ Хау и миссъ Гульдъ. Этотъ банкъ объявилъ, что только незамужнія женщины могутъ дѣлать вклады, и что вкладчицы будутъ получать восемь процентовъ въ мѣсяць—вещь, неслыханная до сихъ поръ въ Америкѣ. Это до того удивило янки, что они открыто заговорили о надувательствѣ. Несмотря на это, банкъ успѣлъ получить около полумилліона долларовъ; нѣкоторымъ женщинамъ дѣйствительно было выдано 48 дол. на сто за полгода. Затѣмъ этотъ банкъ объявилъ себя несостоятельнымъ. Тотчасъ же послѣ этого, главныя дѣятельницы этого предпріятія были арестованы.

(Продолженіе будетъ).

* * *

— Женщинѣ дорогу!—

И, рабой—царицей,
 Безмятежно пла ты яркой вереницей
 Выспреннихъ восторговъ, робкихъ воздыханій,
 Сладкозвучныхъ пѣсень, пламенныхъ желаній
 И безумныхъ всышекъ доблести спѣсивой —
 Шла на жертву страсти, въ храмъ любви ревнивой.

Но разбиты мощнымъ духомъ обновленья
 Обветшалою цѣпи вѣковыя звенья.
 Труженицей скромной, съ доброю душою,
 Брани и лишеній тяжкою стезею
 Шествуешь ты нынѣ къ чудному чертогу
 Знанія и свѣта...

— Женщинѣ дорогу!

Б. С. Лихачевъ.

К о р о в а.

(Очеркъ).

I.

На самомъ краю Желубянки стоитъ домикъ „мѣщанина и гражданина города N—ска“, Петра Андреевича Власова, съ покосившимися стѣнами, съ крышей изъ камыша, прогнувшаго во многихъ мѣстахъ, и съ небольшимъ итальянскимъ окномъ на улицу. Домикъ настолько наклоненъ въ одну сторону, что, кажется, каждую минуту готовъ упасть въ громадный яръ, начинающійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Но Петръ Андреевичъ не даромъ слыветъ человѣкомъ изобрѣтательнымъ: цѣлымъ рядомъ подпорокъ укрѣпилъ онъ одну изъ палающихъ стѣнъ; около другой вбилъ глубоко въ землю нѣсколько толстыхъ кольевъ и за нихъ привязалъ ненадежную стѣну; наконецъ, самый плохой уголъ былъ прикованъ желѣзною цѣпью къ толстому, стоявшему около домика, грушевому дереву. Не такъ счастливъ былъ Петръ Андреевичъ въ своихъ попыткахъ хотя нѣсколько поправить крышу: несмотря на то, что онъ щедрою рукою наложилъ на всѣ сомнительныя мѣста крыши—навозу, единственнаго доступнаго ему строительнаго матеріала, дождь свободно проникалъ на чердакъ и образовывалъ на потолкѣ громадныя лужи воды, которая, просачиваясь сквозь потолокъ, ручьями падала внутрь домика.

Несмотря на последнее неудобство, внутренность домика представляла вообще очень уютный видъ: все было чисто, прибрано, во всемъ была видна руга заботливой хозяйки. Стѣны всегда выбѣлены на чисто, полы подметены. Два стола и столикъ, стоявшіе въ большой комнатѣ, покрыты всегда вязаными скатертями; стѣны увѣшаны разнообразными литографіями и фотографіями, большею частью въ рамкахъ; уголь занятъ нѣсколькими большими образами, блиставшими позолотою и украшенными множествомъ искусственныхъ цвѣтовъ. Въ маленькой комнатѣ, служившей и кухней и спальней, главное мѣсто занимаютъ печь и постель, и на нихъ отражается всего лучше заботливость хозяйки: печь всегда необыкновенной бѣлизны, такъ-какъ всѣ сомнительныя мѣста ежедневно забѣливаются; постель представляетъ собою гору подушекъ и покрыта живописнымъ одѣяломъ, составленнымъ изъ разноцвѣтныхъ, симметрично расположенныхъ доскутьевъ.

Обитаютъ въ этомъ уютномъ домикѣ Петръ Андреевичъ, жена его Татьяна Васильевна и дочь Саша.

Самъ Петръ Андреевичъ пользуется славою человека умнаго и честнаго. И дѣйствительно, это человекъ съ необыкновенными способностями и феноминально честный. Вырости онъ при другихъ условіяхъ, получилъ образованіе, — изъ него, навѣрно, вышелъ бы замѣчательный ученый или, по крайней мѣрѣ, замѣчательный изобрѣтатель. Теперь же его способностямъ приходилось проявляться въ мелочахъ, и такихъ проявленій было безчисленное множество. Будучи до двадцатилѣтняго возраста безграмотнымъ, онъ выучился читать и писать самъ, съ крайне незначительною помощью полуграмотнаго солдата, жившаго у него въ работникахъ. Будучи городскимъ повѣреннымъ по землѣ, онъ, наблюдая работы землемѣра, научился чертить планы и высчитывать пространства, занимаемые самыми неправильными и многосторонними многоугольниками. Онъ зналъ множество ремеслъ, былъ сапожникъ и портной, каменщикъ и плотникъ, столяръ и токарь, кузнецъ и слесарь, огородникъ и садовникъ, и т. д. Чтобы полезное онъ ни ви-

дѣль, онъ всегда старался переицать, и всегда съ успѣхомъ. Разъ у него стоялъ на квартирѣ казачій офицеръ, умѣвшій ловко прострачивать золотомъ баплыки, папахи и черкески. Петръ Андреевичъ рѣшился тотчасъ же научиться этой работѣ и чрезъ нѣсколько дней превзошелъ въ ней учителя. Дворъ и огородъ были полны свидѣтельствъ его изобрѣтательности. Надъ колодцомъ былъ устроенъ какой-то необыкновенный воротъ, съ помощью котораго даже малый ребенокъ могъ легко вытащить ведро воды, не смотря на то, что глубина колодца была болѣе десяти сажени. Отъ колодца въ разные мѣста огорода были проведены желоба, такъ что не было необходимости таскать воду для поливки капусты и другихъ огородныхъ растений, а можно было поливать весь огородъ прямо отъ колодца. Двери какъ въ домѣ, такъ и въ сараѣ и погребѣ затворялись сами. На огородѣ были расположены какіе-то особенные парники, благодаря которымъ у Петра Андреевича овощи поспѣвала раньше всѣхъ въ городѣ. Все, что было на дворѣ Петра Андреевича, въ сараѣ, въ домѣ, все это было сдѣлано его руками. Онъ самъ дѣлалъ новую ось къ повозкѣ, взаиѣнъ старой, испортившейся; самъ чинилъ оконныя рамы, самъ шилъ себѣ сапоги, а женѣ и дочери башмаки и т. д.

Но способности Петра Андреевича проявлялись не въ однихъ только механическихъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ. Онъ отлично понималъ положеніе своихъ согражданъ, ясно сознавалъ причины ихъ бѣдствій, много проектировалъ мѣръ для поднятія ихъ благосостоянія, хотя почти ни одной изъ нихъ не провелъ въ дѣйствительность, благодаря противо-дѣйствию богатой части горожанъ. Къ нему постоянно приходили его сограждане за совѣтами по разнымъ вопросамъ: то просили прійти и сдѣлать прививку молодымъ деревьямъ, то спрашивали совѣта, какъ поступить съ пьяницей—сыномъ, то просили указать, куда надо обратиться съ просьбою о томъ-то. И Петръ Андреевичъ дѣлалъ, что могъ, указывалъ, давалъ совѣты. Особенно часто обращались къ нему за юридическими совѣтами, такъ какъ онъ имѣлъ судебныя уставы и хорошо

знать ихъ. Нерѣдко къ нему обращались какъ къ третейскому судѣ въ случаѣ споровъ по поводу границъ усадебной земли или полевыхъ участковъ: онъ измѣрялъ участки и указывалъ спорящимъ границы ихъ владѣній, каковому рѣшенію спорящіе безпрекословно подчинялись.

Благодаря своему уму и необыкновенной честности, Петръ Андреевичъ много лѣтъ несъ трудныя и щекотливныя обязанности повѣреннаго по землѣ, дѣло котораго заключалось, главнымъ образомъ, въ правильномъ распредѣленіи между жителями пахотной земли и покосныхъ угодій. Это было еще до введенія у насъ Городового Положенія, когда наши горожане пользовались землею на общинныхъ началахъ. Со введеніемъ Городового Положенія, земля сдѣлалась собственностью города, а не горожанъ, и городъ сталъ отдавать ее въ аренду своимъ же жителямъ. Выѣстъ съ этимъ уничтожилась и должность повѣреннаго по землѣ; такъ что Петръ Андреевичъ былъ послѣднимъ повѣреннымъ, чѣмъ онъ очень гордился и любилъ, когда его, по старой привычкѣ, называли повѣреннымъ. „Повѣренный—человѣкъ непотерянный“, говорилъ онъ, и не безъ основанія: несмотря на всю трудность обязанностей повѣреннаго и на то, что распредѣленіе земель затрагивало самыя существенныя интересы горожанъ, онъ съ честью прошелъ свою должность и никогда никакихъ нареканій на него не было.

Но несмотря на всѣ свои способности, Петръ Андреевичъ былъ, какъ у насъ говорится, человѣкъ простой, т. е. непрактичный. Простотою его пользовались многіе изъ его согражданъ, а одинъ даже совершенно разорилъ его. Петръ Андреевичъ былъ прежде человѣкъ довольно зажиточный и получилъ отъ отца въ наслѣдство большой домъ съ нѣсколькими флигелями. Одинъ изъ его друзей попросилъ его оказать ему услугу — заложить свой домъ въ банкъ, взять денегъ и передать ихъ ему, другу, въ замѣнъ чего другъ предлагалъ Петру Андреевичу свой вексель на соответствующую сумму. Петръ Андреевичъ исполнилъ дружескую просьбу. Но когда пришелъ срокъ

вносить въ банкъ деньги, другъ оказался несостоятельнымъ и дома Петра Андреевича пошли въ продажу съ аукціона, а самъ онъ остался съ ничего нестоющимъ векселемъ друга.

Благодаря простотѣ-же, Петръ Андреевичъ не съ безвозмездно много лѣтъ обязанности различныхъ общественныхъ должностей — депутата въ квартирной комисіи, члена магистрата, повѣреннаго по землѣ и т. п.; а когда, съ введеніемъ Городового Положенія, общественныя должности стали оплачиваться, онъ не попалъ ни на одну изъ нихъ. Простогою-же Петра Андреевича объясняли его сограждане и то обстоятельство, что онъ „знаетъ законы, а не хочетъ адвокатствовать: много, говорить, мошенства нужно на душу принимать“.

Таковъ былъ Петръ Андреевичъ. Жена его во многомъ уступала ему, но, тѣмъ не менѣе, была женщина замѣчательная. Татьяна Васильевна была очень трудолюбива, знала толкъ въ домашнемъ хозяйствѣ и вела его въ совершенствѣ. Но главное ея достоинство состояло въ томъ, что она умѣла сплетничать. Скука захолустной жизни неволью заставляетъ нашихъ горожанокъ прибѣгать къ этому средству развлеченія. Но ихъ сплетня груба, нелѣпа и даже отчасти скучновата: ни передающая сплетню, ни выслушивающая ее не вѣрятъ ни одному слову своего разговора и потому онъ часто прерывается обоюдными зѣвками. Не такова сплетня Татьяны Васильевны: она всегда проста, изящна и, главное, правдоподобна. То, что Татьяна Васильевна выдумаетъ про какого-нибудь Тить-Титыча, про „благородную вдову изъ чиновницъ“ или про захолустнаго денди, прикащика купца Васильева, до того похоже на этихъ лицъ, такъ вяжется съ ихъ, известнымъ всѣмъ, характеромъ, что сплетня Татьяны Васильевны всегда кажется правдою. Несмотря на то, что всѣ знали Татьяну Васильевну, какъ злѣйшую сплетницу, слушающіе ее неволью подчинялись ея таланту и вѣрили. При другихъ условіяхъ жизни, изъ Татьяны Васильевны вышелъ бы беллетристъ, а теперь она была только сплетницей.

Наконецъ, дочь Петра Андреевича и Татьяны Васильевны,

Саша, представляла изъ себя полную, краснощекую семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Она, какъ и всѣ дѣвушки-мѣщанки, умѣла кое-какъ читать и писать, умѣла шить, варить, доить корову, и понимала кое-что въ огородномъ хозяйствѣ. Сверхъ того, она была мастерица, умѣла искусно вязать крючкомъ и въ теченіи зимы исполняла на нѣсколько рублей заказовъ по этой части.

Я былъ довольно близко знакомъ съ семейю Власовыхъ и любилъ бывать у нихъ. Какъ-то отраднo чувствовалось мнѣ въ этомъ уютномъ домикѣ послѣ дня, проведеннаго въ канцеляріи съ подоѣвшими хуже горькой рѣдьки товарищами-канцеляристами, съ опротивѣвшими вереницами столовъ и стульевъ, съ безконечными кипами бумагъ, съ раздражавшимъ нервы скрипомъ перьевъ и шелестомъ листовъ. Обыкновенно я приходилъ къ Власовымъ по вечерамъ, напившись въ своей холодной, холостой квартирѣ чаю. Петра Андреевича я всегда заставлялъ за какою-нибудь работою: то сапогъ шьетъ, то сюртукъ свой чинить, то поправляетъ свои стѣнные часы, то дѣлаетъ еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Татьяна Васильевна перебираетъ какіе-то лоскуты и все что-то шьетъ. Саша постоянно сидитъ за безконечнымъ вязаньемъ. Меня принимали всегда радушно, весело встрѣчали, сажали въ почетный уголь, подъ образа, — и тутъ начинались у насъ безконечныя бесѣды.

Любилъ я слушать, когда Петръ Андреевичъ рассказывалъ про городскія дѣла, про нашихъ именитыхъ купцовъ, про подвиги администраціи и т. п. Особенно любимую темою его было неумѣлое и часто недобросовѣстное отношеніе городской управы къ своимъ обязанностямъ.

— Вѣдь вотъ у меня половина помѣстья упала въ ярь, да и домъ того гляди упадетъ, говорилъ онъ, беря самый близкій примѣръ. Да что! я тутъ хоть одинъ страдаю, а вонъ въ Подгорномъ цѣлая улица полетѣла въ ярь... А все черезъ кого? Черезъ нихъ, черезъ идоловъ-то нашихъ!.. Вѣдь тутъ у насъ никогда яровъ не было; а это, извольте видѣть, они дождевую воду, что изъ верхней части города течетъ, къ намъ напра-

вли. Прежде эта вода черезъ Большую улицу текла, и вреда никому никакого не было, потому что Большая улица плитами выстлана. Такъ имъ, видите-ли, грязно черезъ воду ходить... А пасъ теперь эта вода совсѣмъ разоряетъ—это ничего; потому мы—мелюзга, дрянъ...

Другую любимую темою Петра Андреевича были именитые купцы.

— Вѣдь, вотъ Семенкинъ, говорилъ онъ про самага богатаго N—скаго купца:—милліонщикъ, а какія грошовыя плутни выкидываетъ! Торгуетъ онъ, между прочимъ, кожами. И больше всего у него этихъ кожъ покупаютъ пріѣзжіе изъ сель, мелкіе торговцы. Ну, выберетъ челоуѣкъ кожу, какую получше, сторгуется, заплатитъ деньги и говоритъ: „пусть у васъ пока полежить, а я пойду куплю кой-чего по мелочи“. И что же вы думаете? Семенкинъ не утерпитъ,—непремѣнно перемѣнитъ кожу, положить похуже... Разъ какой случай былъ. Узналъ одинъ торговецъ про этакій обычай Семенкина, да не будь плохъ—пока торговался, и помѣтъ кожу карандашемъ, свою фамилію написалъ. Заплатилъ деньги и пошелъ, куда ему нужно было. А Семенкинъ, конечно, перемѣнилъ. Ворочается торговецъ, видитъ—не та кожа, началъ кричать, хочетъ посылать за полиціей. Семенкинъ видитъ, что дѣло плохо—такой именитый купецъ и вдругъ такое мошенство откроется,—мириться предлагаетъ. И заплатилъ сто рублей... Такъ вотъ они какіе, купцы-то наши именитые!..

Разказы Татьяны Васильевны были въ другомъ родѣ. Это были или пересуды всего случившагося въ околосѣ или жалобы на бѣдность, на неудачи попытокъ выбраться изъ этой бѣдности. Зная все рѣшительно, что дѣлается на всей Желубянкѣ: когда кто и на комъ женится, сколько у кого зарыто денегъ, сколько получаетъ барышей лавочникъ и кабатчикъ, какой мужъ бьетъ жену и какой нѣтъ, сколько приданнаго даютъ за Машей Серпуховой, сколько за Лизой Петровой,—зная все это, Татьяна Васильевна была положительно нестошима: разказы такъ и сыпались изъ ея усть, и она,

наивѣрное, не дала-бы намъ съ Петромъ Андреевичемъ перекинуться словечкомъ, еслибы время отъ времени Петръ Андреевичъ не удерживалъ свою расходившуюся супругу полусердитымъ замѣчаніемъ:

— Ну, привяжи мочалку на языкъ! Ишь затараторила!..

Сама представляла полную противоположность матери: она почти всегда молчала, изрѣдка только предлагая какой-нибудь вопросъ или вставляя свое замѣчаніе въ рассказы матери.

Въ свою очередь приходилось рассказывать и мнѣ; а иногда я приносилъ съ собою газеты и читалъ. Петръ Андреевичъ очень интересовался газетными извѣстіями, и всякій разъ, когда я приходилъ, онъ задавалъ мнѣ вопросъ или въ общей формѣ: „не пишутъ-ли чего хорошаго въ газетахъ?“ или въ болѣе частной, напр.: „правда-ли, что вышелъ указъ, чтобъ вѣкъ холостымъ отрѣзать по семи десятинъ, а женатымъ — по пятнадцати?“

Всего болѣе интересовали Петра Андреевича газетныя извѣстія, относящіяся до земли. Потребность въ землѣ очень сильно чувствовалась жителями нашего города, издавна жившаго почти исключительно земледѣльческимъ трудомъ и не имѣющаго ни одного мало-мальски замѣтнаго промышленнаго заведенія. Въ старину, „при прежнихъ порядкахъ“, земля каждому давалась даромъ; теперь же, когда появились „новые“ порядки, достать землю становилось труднымъ дѣломъ, такъ-какъ, отдаваемая въ аренду крупными участками, она попадала въ руки скупщиковъ, которые раздавали ее по мелочамъ уже за баснословно-высокія цѣны. Неудивительно, что наши мѣщане чутко воспринимали всѣ періодически распространяющіеся слухи, передѣлывали ихъ сообразно съ своимъ положеніемъ и необузданно предавались по этому поводу мечтамъ. Петръ Андреевичъ зло смѣялся надъ этими мечтами, но, тѣмъ не менѣе, передавалъ мнѣ всѣ слухи и всякій разъ спрашивалъ,—нѣтъ-ли чего въ газетахъ по этому поводу.

Татьяну Васильевну и Сашу интересовали въ газетахъ новости другаго рода. Извѣстіе о морскомъ змѣѣ, сообщеніе о

двуглавома ребенкѣ, разсказъ о сорокадневномъ постѣ Таниера—вотъ что любили онѣ послушать. Перѣдко чтенія о подобныхъ диковникахъ сопровождалась веселыми замѣчаніями въ родѣ того, что „это еще не удивительно, что онѣ сорокъ дней голодать, а вотъ у насъ, на Желубникѣ, есть такіе, что всю жизнь сидятъ въ проголодь, никогда до сыта не ѣли“. Иногда, выслушавъ разсказъ о какомъ-нибудь необыкновенномъ происшествіи, Татьяна Васильевна впадала въ меланхолію и томно произносила: „какъ это все премудро устроено на свѣтѣ“. Въ такихъ случаяхъ, Петръ Андреевичъ обыкновенно хохоталъ до упаду и при томъ такъ заразительно, что мы съ Сашей тоже не могли удержаться отъ смѣха, а скоро къ намъ присоединялась и сама Татьяна Васильевна, несмотря на то, что сначала она старалась казаться обиженною хохотомъ Петра Андреевича.

Вообще, пріятные вечера проводилъ я въ уютномъ домикѣ.

II.

Въ то время, къ которому относится мой разсказъ, въ уютномъ домикѣ царила сильная нужда. Были тутъ руки, способныя и готовыя къ работѣ, да не къ чему было приложить ни рукъ, ни способностей. Городъ N—скъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, многочисленныхъ на Руси, жалкихъ городовъ, которые существуютъ только потому, что въ нихъ находятся присутственныя мѣста, да потому, что обывателямъ жалко и боязно разстаться съ насиженными мѣстами и разбѣжаться въ разныя стороны, куда глаза глядятъ. Никакихъ вѣрныхъ и постоянныхъ источниковъ доходовъ N—скіе обыватели не имѣютъ, а перебиваются „кое-какъ“, „какъ Богъ дастъ“, „какъ случится“ и т. п. Одни изъ нихъ берутъ пахлѣбниковъ изъ числа гимназистовъ и семинаристовъ или мелкотравчатыхъ холостяковъ-чиновниковъ и „пропитываются около

квартирантовъ“. Другіе поставляютъ чиновникамъ капусту, картофель, бураки и прочую овощь. Иногда удастся выручить „малую толку“ съ случайнаго проѣзжаго, Богъ вѣсть зачѣмъ забравшагося въ нашу глушь. Словомъ, способовъ добытія средствъ къ жизни существуетъ очень мало, да и тѣ шатки и не надежны. Пржеде хотъ земля была даровая и каждый обыватель запасался на цѣлый годъ собственнымъ картофелемъ, которымъ и питался попреимуществу, въ ущербъ всѣмъ другимъ суррогатамъ: хлѣбу, мясу и проч., какъ недоступнымъ по своей цѣнѣ. Нѣкоторые изъ обывателей въ это блаженное время ѣздили даже по сосѣднимъ селамъ и вымѣнивали на картофель хлѣбъ. Теперь же, когда и за землю приходится платить, да еще необыкновенно высокія цѣны,— и картофель бываетъ далеко не у всякаго обывателя.

Не удивительно, поэтому, что мнѣ приходилось часто слышать въ уютномъ домицѣ сѣтованія на нужду. Больше всѣхъ сѣтовала Татьяна Васильевна.

— Что наша жизнь, говорила она: бьемся, колотимся, а поѣсть даже сытно не приходится. Только и знаемъ, что картошку: и утромъ картошка, и въ обѣдъ картошка, и вечеромъ картошка. Такъ всю жизнь, и въ праздникъ, и въ будни—все картошка... Вы не повѣрите, обращается она ко мнѣ:—сколько разныхъ хитростей дѣлаешь, чтобъ обмануть себя. Вотъ послушайте, сколько мы разныхъ кушаньевъ готовимъ изъ картошки: картошку крошимъ въ щи, изъ картошки варимъ супъ; дѣлаемъ изъ нея котлеты, приготавливаемъ винигретъ; ѣдимъ просто вареную картошку цѣлую; потомъ толченая картошка съ солью да съ перцемъ, толченая съ квасомъ; потомъ пироги съ картошкой двухъ сортовъ: большіе печемъ почти безъ масла, маленькіе жаримъ въ постномъ маслѣ; потомъ просто жаримъ картошку, печемъ въ золѣ; потомъ толченая картошка, вареная въ бурашномъ сокѣ... да всего и не перечесть!

— Вѣдь вотъ горе-то! говорила она въ другой разъ:—одежонки совсѣмъ нѣтъ. Платьишки-то чинишь, чинишь—латокъ больше, чѣмъ живаго мѣста... А на счетъ верхней одежды

и не спрашивай: у меня пальтишко, а у Саши только кофточка, да и тѣ такъ истрепаны, будто рѣшето... Миѣ-то еще съ полагоря, а вотъ Сашѣ — бѣда, шубки нѣтъ: семнадцати лѣтъ дѣвка, а безъ шубки! Просто хотъ ложись да помирай...

Мало-по-малу въ жалобахъ Татьяны Васильевны стали время отъ времени появляться выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „Эхъ, кабы у насъ была корова!“ „Кабы корова—была бъ и шубка!“ „Петровымъ хорошо — у нихъ двѣ коровы“. „Куда намъ до Семеновыхъ—у нихъ корова!“ И т. д.

Словомъ, корова оказывалась какимъ-то могучимъ рычагомъ, съ помощью котораго можно было моментально измѣнить печальную обстановку уютнаго домика. Видимо, молоко было въ большомъ требованіи и давало хорошій доходъ.

Петръ Андреевичъ, которому страшно надоѣли всѣ эти причитанья Татьяны Васильевны о коровѣ, наконецъ не вытерпѣлъ и какъ-то разъ сказалъ ей:

— И чего ты зубы точишь про то, чему не быть!

— А можетъ, и быть? отгрызнулась она.

— Ополоумѣла ты что-ли? гдѣ жъ ты денегъ на корову возьмешь?

Татьяна Васильевна молчала. Я полюбопытствовалъ узнать, сколько стоитъ корова.

— Да дойная стоитъ рублей сорокъ, отвѣтилъ Петръ Андреевичъ: — ну, гдѣ намъ такихъ денегъ взять? А она все стрекочеть: корова, да корова! Страсть не люблю, какъ если кто зря болтаетъ...

— А почему ты знаешь, что я болтаю зря? вступилась за себя Татьяна Васильевна. Я буду собирать деньги...

Петръ Андреевичъ расхохотался.

— Да съ чего собирать-то? съ чего экономить?

— Не съ чего? А я вотъ ужъ десять рублей собрала!..

Татьяна Васильевна произнесла эти слова необыкновенно важно и торжественно, въ полномъ сознаніи, что они произведутъ чрезвычайный эффектъ. И дѣйствительно, Петръ Ан-

древячъ даже сапогъ, который онъ чинилъ, отложилъ въ сторону отъ удивленія и спросилъ:

— Да гдѣ-жь ты ихъ взяла?

— Гдѣ? по копѣчкѣ набирала: за мясомъ къ празднику пойду—четверть фунта не доберу,—вотъ двѣ копѣйки и сберегла; масло покупаю—копѣчку выторгую у лавочника; да вотъ Саша что заработаетъ — не все на себя истратитъ, а и мнѣ что нибудь дастъ. Вотъ и набирала.

— Ну, баба! произнесъ въ удивленіи Петръ Андреевичъ.

Но скоро онъ оправился отъ неожиданнаго изумленія и началъ трунить надъ женою.

— Ну, чтожь, говорилъ онъ:—небось года три собирала? Ничего, старайся: авось, дѣтъ черезъ десять и у насъ будетъ корова!

— Ладно, смѣйся! А вотъ посмотримъ, какъ ты другое запоешь! говорила Татьяна Васильевна, но такимъ неувереннымъ тономъ, что ясно было, что и она не особенно довѣряетъ своимъ мечтамъ на счетъ коровы.

И дѣйствительно, врядъ ли была бы у Власовыхъ корова, еслибъ имъ не помогло одно счастливое обстоятельство.

Однажды, только что я вошелъ въ уютный домикъ, Саша, не давъ мнѣ ни съ кѣмъ поздороваться, закричала:

— А у насъ будетъ корова!

— Какъ-такъ? удивился я, пожимая три протянутыя мнѣ руки.

— Да, намъ счастье! подтвердили въ одинъ голосъ Андрей Петровичъ и Татьяна Васильевна.

Оказалось, что купецъ Семенкинъ, намѣреваясь выдать замужъ свою дочь, заказалъ Сашѣ цѣлый ворохъ скатертей, поддониковь, кружевъ для простынь и т. п. Всю эту массу вещей Саша должна была связать въ теченіи зимы, такъ чтобы къ Пасхѣ все было готово, такъ какъ свадьба дочери Семенкина была назначена на Красную Горку. Матеріаль для вязанья Семенкинъ давалъ свой, а за трудъ обѣщавъ Сашѣ цѣлыхъ двадцать пять рублей!

— Теперь только дай Богъ силъ Сашѣ! закончила разсказъ Татьяна Васильевна.

— Да еще дай Богъ, чтобъ Семенкинъ отдалъ деньги, не смошенничаль, добавилъ Петръ Андреевичъ.

— Ну, мы трудовыя-то денежки изъ глотки вырвемъ! рѣшительно произнесла Татьяна Васильевна.

— Вырвешь! смотри, держи шире карманъ!

Какъ бы то ни было, Саша принялась за вязаніе. Цѣлые дни сидѣла она, не разгибая спины, пестреля цѣлые вороха „бумаги“ и производя взамѣнъ кучу кружевъ. По мѣрѣ того, какъ запасы „бумаги“ истощались, она бѣгала въ лавку Семенкина и брала тамъ новые запасы; а по мѣрѣ накопленія кружевъ, она относила ихъ къ заказчицѣ-невѣстѣ. Много тяжелаго труда пришлось Сашѣ вынести за это время. Не разъ она увлекалась до того въ своемъ желаніи непремѣнно окончить заказъ къ сроку, что просиживала за работой на пролетѣ цѣлыя ночи, т. е. работала безъ отдыха цѣлыя сутки. Послѣ такихъ бессонныхъ ночей, у ней кружилась голова, болѣла до невозможности поясница, ныли буквально всѣ кости, она шаталась какъ пьяная. Кромѣ физическаго труда и физическихъ страданій, не мало выпало на ея долю за это время горя, страданій нравственныхъ. Семенкинъ упрекалъ ее, что она „слишкомъ часто бѣгаетъ за бумагой“, и безцеремонно выражалъ подозрѣніе, что она крадетъ „бумагу“, т. е. употребляетъ въ свою пользу. Дочь Семенкина не разъ браковала привнесенное Сашею вязаніе, заставляла распускать и вязать снова. Много наплакалась за это время Саша. Не разъ Петръ Андреевичъ, видя ее слезы, требовалъ, чтобы она „бросила все это къ чорту“, не разъ грозилъ онъ, что выброситъ куда-нибудь въ грязь и „бумагу“, и кружева, если она не откажется отъ заказа. Все это вынесла Саша, и наконецъ въ срединѣ великаго поста отнесла послѣднія кружева и получила деньги, всѣ полностью: Семенкинъ остался доволенъ и не обмануль.

Я какъ разъ въ это время долго не былъ въ уютномъ до-

михъ. Сперва было некогда, — канцелярскія занятія увеличились, такъ что приходилось работать и дома по вечерамъ; на Страстной недѣлѣ не пошелъ, потому что зналъ, что въ уютномъ домикѣ идутъ въ это время приготовленія къ празднику: все скребется, чистится, моется, бѣлится, и я могъ только мѣшать: на Пасху время уходило на официальные и неофициальные визиты, вечеринки, гулянья и т. п. Собрался я къ Власовымъ уже наканунѣ Красной Горки.

Петра Андреевича не было дома. Татьяна Васильевна и Сапа, лишь только увидѣли въ окно, что я вошелъ на дворъ, выскочили изъ комнаты и, едва успѣвши произнести: „Христосъ воскрес!“ сообщили мнѣ, обѣ вмѣстѣ, поребивая другъ друга, — что они купили корову. Ихъ радость была такъ искренна, онѣ такъ всецѣло предавались ей, совершенно забывши о прежнихъ лишенияхъ и о тѣхъ трудахъ, которыхъ стоила купленная корова, что я невольно былъ увлеченъ этимъ радостнымъ настроеніемъ и съ величайшимъ интересомъ сталъ спрашивать, когда, у кого и за сколько куплена корова. Едва отвѣчая на мои вопросы, онѣ потащили меня въ сарай смотрѣть виновницу ихъ радости. Корова была — какъ корова, а теленокъ — просто дрянь. Но онѣ находили въ той и другомъ безчисленное множество достоинствъ, указывали мнѣ на нихъ и спрашивали мое мнѣніе. Я поддакивалъ, старался давать отвѣты что называется „въ тонъ“ и насилу уговорилъ перейти изъ сарая въ комнату.

Въ это время пришелъ Петръ Андреевичъ и, похристосовавшись со мною, началъ подтрунивать надъ женою.

— Ну, что, говорилъ онъ: — обновку-то вамъ показали?

— Показывали, отвѣчаю.

— Ну, а планы-то свои не расписывали? тутъ у насъ отъ коровы просто горы золотыя ожидаются: и шубка, и приданное...

— Э, да будетъ тебѣ издѣваться! сердито перебила его Татьяна Васильевна. — Ну, вотъ посудите сами, обратилась ко мнѣ она: — какъ же безъ шубки дѣвушка быть? Ужъ она

на томъ возрастѣ, что и женихамъ пора быть: а кто ее безъ шубки посватаетъ?.. И насчетъ приданнаго тоже: кто ее безъ него возьметъ? Развѣ такой же голякъ, какъ она сама. А человекъ мало-мальски съ хозяйствомъ, попроситъ приданнаго... хоть маленькое, хоть рублей пятьдесятъ, а нужно...

И въ самомъ дѣлѣ, думалъ я, нельзя безъ шубки и безъ приданнаго. Вѣдь вотъ никто же не сватается за Дашу Луханину, за Евгешу Меркулову и за многое множество другихъ Дашъ, Евгешъ и Наташъ, и все потому только, что у нихъ нѣтъ шубокъ. Шубка, сама по себѣ, конечно, мало значить; но она обличаетъ нѣкоторое довольство, хотя тоже, по правдѣ сказать, въ большинствѣ случаевъ обманчивое. Тѣмъ не менѣе, бѣда тѣмъ дѣвушкамъ, у которыхъ нѣтъ шубокъ: онѣ, навѣрное, навсегда останутся въ дѣвушкахъ. А участь мѣщанской старой дѣвы — ужасная участь. И вообще-то нашимъ мѣщанамъ живется не сладко; но жизнь старой дѣвы-мѣщанки въ десятеро тяжелѣе. Хорошо еще, если она мастерица — умѣетъ шить барскія платья, искусно вязать, вышивать золотомъ и т. п. Какъ ни жалокъ заработокъ такой мастерицы, все же она-хоть кое-какъ проживетъ свой вѣкъ. Но бѣда той старой дѣвѣ, которая знаетъ только то, что знаютъ и всѣ: умѣетъ варить, доить коровъ, шить домашнее платье и т. п. Волей неволей ей придется жить у одного изъ братьевъ, всячески угождать ему и его женѣ, постоянно слышать отъ нихъ упреки въ томъ, что она объѣдаетъ ихъ, переносить тысячи незаслуженныхъ оскорбленій и ежеминутно дрожать, боясь быть выгнаною на улицу. А то приходится идти за рубль за два въ няньки, въ горничныя, переносить всѣ прелести жизни прислуги у самодурки-чиновницы, попавшей въ это званіе изъ кухарокъ, подвергаться всякаго рода оскорбленіямъ, а иногда и насилію. А нерѣдко приходится идти на улицу, продавать себя и тонуть въ омутѣ разврата...

Подумавъ все это, я невольно начиналъ сочувствовать Татьянѣ Васильевнѣ, развивавшей предо мною свои мечты на счетъ шубки и приданнаго.

— Теперь какіе деньги соберу за молоко.—все сберегу; къ осени, я думаю, рублей тридцать соберу—вотъ Сашѣ и будетъ шубка... А будущей весной продадимъ телка—ужь онъ большой будетъ,—эго отложимъ Сашѣ на приданное... Авось, и пась Господь вспомнить.

И, говоря это, Татьяна Васильевна набожно перекрестилась.

— Дай Богъ! замѣчалъ въ свою очередь Петръ Андреевичъ:—только на мой взглядъ лучше было бы на эти деньги, чѣмъ на корову пошли, прямо шубку купить. А то деньги-то вы затратили, а будетъ ли доходъ отъ коровы,—еще неизвѣстно...

Но разочаровать Татьяну Васильевну и Сашу въ ихъ надеждахъ не было никакой возможности: онѣ въ это время были, что называется, на седьмомъ небѣ.

Съ этого дня, всякій разъ, когда я приходилъ къ Власовымъ, Петръ Андреевичъ считалъ своею обязанностью рассказать мнѣ въ проиническомъ тонѣ о томъ, какъ Татьяна Васильевна и Саша ухаживаютъ за коровой.

— Утромъ, чуть свѣтъ, говорилъ онъ,—еще пастухъ спитъ, а онѣ уже на ногахъ и хлопочатъ вокругъ коровы: вмѣстѣ подоятъ, обмоютъ, вычистятъ, покормятъ солью, напоятъ и ждутъ пастуха. Только что услышатъ, что пастухъ гонитъ стадо, сейчасъ выгонять корову и сами выходятъ на улицу,—и стоять до тѣхъ поръ, пока все стадо скроется за косогоромъ: это они любятъ, какъ ихъ корова бѣжить... Потомъ принимаютъ за телка: чистятъ его, купаютъ, гоняютъ для маціона по огороду, кормятъ молокомъ съ мукой. И такъ до самаго вечера. А вечеромъ придетъ пзъ стада корова, опять начинаютъ хлопотать вокругъ коровы... Такъ цѣлый день и пропадаетъ. Хозяйство все позапустили; варятъ такъ, что ѣсть нельзя, потому все наускоряхъ, лишь бы было сварено...

Татьяна Васильевна и Саша слушаютъ и блаженно улыбаются.

— Ври, ври, замѣчаетъ Татьяна Васильевна:—а за коровой ходить нужно: она намъ все предоставитъ...

Однажды корова заболѣла. Сколько горя было Татьянѣ Васильевнѣ и Сашѣ!

Лишь только я пришелъ, какъ онѣ бросились ко мнѣ и стали спрашивать, не знаю-ли я кого-нибудь, кто умѣлъ бы лечить скотскія болѣзни. Я, конечно, не зналъ. Онѣ чуть не расплакались. Оказалось, что дня два тому назадъ Татьяна Васильевна замѣтила, что у коровы распухло вымя. „Неприменно змѣя укусила!“ заключила Татьяна Васильевна и бросилась искать человѣка, знающаго по этой части. Къ несчастью, все отказывалось и даже самъ коновальъ сказалъ, что онъ не знаетъ такой болѣзни; а опухоль между тѣмъ усиливалась и сдѣлалась, наконецъ, такую большою, что на нее стало „страшно смотрѣть“. „Что дѣлать теперь, что дѣлать?“ закончила Татьяна Васильевна свой рассказъ и заплакала.

Въ слѣдующіе дни болѣзнь все усиливалась. И Татьяна Васильевна, и Саша все это время не спали ночей, почти не ѣли и проводили большую часть дня, смотря на свою больную любимицу и придумывая, какъ бы ей помочь. Сюда къ нимъ приходили сосѣдки, ахали, горевали вмѣстѣ съ ними, но ничего путнаго посоветовать не могли. Наконецъ, Татьяна Васильевна отъ кого-то изъ сосѣдей прослышала, что на другомъ концѣ города, на форштадтѣ, есть старичекъ, который „чаркуетъ по этимъ дѣламъ“. Татьяна Васильевна бросилась за старичкомъ и привела его къ себѣ. Старичекъ осмотрѣлъ корову, потребовалъ ножъ и однимъ взмахомъ глубоко прорѣзалъ ей вымя. Изъ раны брызнулъ цѣлый фонтанъ гною. Корова взвыла отъ боли, шарахнулась и сбила съ ногъ Татьяну Васильевну. Старичекъ сказалъ, что такіе надрѣзы нужно дѣлать каждый день, а потомъ промывать ранки чистою водою. Жаль было Татьянѣ Васильевнѣ корову да дѣлать было нечего, и она въ теченіе двухъ недѣль усердно рѣзала свою любимицу. Обзвѣвшая отъ боли корова брыкала ногами, нарывала поднять на рога и вообще всячески старалась не подпускать къ себѣ никого. Приходилось пускаться на хитрости: Татьяна Васильевна подходила къ коровѣ съ кускомъ хлѣба, густо посолен-

нымъ, въ одной рукѣ и съ ножомъ—въ другой. Подошедши близко, она быстро вонзала ножъ въ вымя коровы и еще быстрее отскакивала отъ нея, боясь, что корова подыметъ ее на рога. Случалось, что разевирѣвшее животное бросалось въ догонку за Татьяной Васильевной... Вообще, много горя перенесли за это время Татьяна Васильевна и Сапа. А если къ этому присоединить еще постоянныя опасенія, что корова падеть,—и тогда прощай всѣ надежды!—то нисколько не удивительно, что Татьяна Васильевна и Сапа сильно похудали за время болѣзни коровы или, какъ у насъ говорятъ, спали съ лица.

Наконецъ, корова стала поправляться: опухоль опала и гной исчезъ. А чрезъ нѣкоторое время она уже ходила въ стадо.

Татьяна Васильевна и Сапа ожили и опять начали предаваться фантазіямъ. Разъ какъ-то я ихъ засталъ за счетомъ выручки отъ продажи молока.

— Ну, что, спросилъ я: много выручаете каждый день?

— Да, благодаря Богу, довольно: копѣекъ тридцать, либо сорокъ. Въдъ это рублей десять въ мѣсяцъ... Если дѣло такъ пойдетъ до конца лѣта, такъ у насъ не только шубка, а и еще кой-что будетъ.

И онѣ весело смѣялись. Смѣялся и Петръ Андреевичъ, хотя онѣ время отъ времени и трунили надъ увлеченіями жены и дочери; смѣялся и я, глядя на ихъ общее веселье. Вообще, всѣ были счастливы.

Такъ продолжалось почти до конца лѣта.

III.

Пришедши на Успенье въ уютный домикъ, я засталъ одного Петра Андреевича. Онѣ былъ необыкновенно пасмуренъ.

— Гдѣ же ваши? спросилъ я.

— Пошли искать корову: вотъ ужъ четвертый деи: пропала...

— Какъ пропала? удивился я.

— Да такъ—не пришла изъ стада... Спросили пастуха, а онъ говоритъ: я почему знаю, гдѣ она пропадаетъ...

— Какъ же такъ: развѣ онъ не отвѣчаетъ за пропавшихъ.

— Нечѣмъ ему отвѣчать-то. Вѣдь у насъ какъ? еслибъ былъ какой-нибудь порядокъ, выбрали-бъ старосту, собрали-бъ за коровъ деньги, да ему и отдали-бы, — ну, тогда можно было-бы изъ этихъ денегъ за пропавшихъ коровъ вычитать. А то у насъ каждый дворъ отдѣльно за свою корову полтинникъ отдаетъ пастуху... А у него самаго нѣтъ ничего: онъ голъ, какъ соколъ. Ну чѣмъ онъ будетъ отвѣчать?.. Нѣтъ у насъ съ нимъ ни контрактовъ, ни записи, все на словахъ... Теперь онъ хотъ полстада растеряетъ,— ему нельзя ничего сдѣлать. Еще хорошій человѣкъ, не пользуется этимъ: другой на его мѣстѣ ужъ сколько скотны ворами спустилъ-бы...

И Петръ Андреевичъ сердито замолчалъ. Молчалъ и я. Да и что-бы я могъ сказать ему въ утѣшеніе?

Молчаніе продолжалось довольно долго, пока не пришли Татьяна Васильевна и Саша.

Онѣ имѣли совершенно убитый видъ. Красныя глаза и опухшія вѣки у обѣихъ ясно свидѣтельствовали о томъ, что они проводятъ безсонныя ночи и много плачутъ.

— Вотъ горе-то у насъ какое! произнесла Татьяна Васильевна, поздоровавшись со мною: пропали наши головушки!..

И она расплакалась. Я попробовалъ утѣшить ее и сказать:

— Не плачьте, Татьяна Васильевна, можетъ быть, корова еще найдется...

— Нѣтъ ужъ, гдѣ найдется! произнесла она съ отчаяньемъ и махнула рукой:—что съ возу упало, то пропало!..

Снова воцарилось молчаніе, тягостное, щемящее за сердце.

— Вышла я утромъ нынче за ворота, начала снова Татьяна Васильевна:— всѣ-то хозяйки выгнали коровушекъ да

стоять, смотреть на нихъ. Одна я, какъ оглашенная, стою столбъ столбомъ... Такъ у меня руки и опустились... Пришла я въ комнату, — все мнѣ противно, ни за что браться не хочется. Попадись мнѣ на глаза веревка, — сейчасъ-бы, кажется, повѣсилась!..

И она зарыдала.

— Тутъ не веревка нужна, а умъ, раздраженно замѣтилъ Петръ Андреевичъ: — говорилъ я тебѣ: не покупай коровы, а купи прямо шубку. Такъ нѣтъ: доходъ, да доходъ! Вотъ теперь и безъ коровы, и безъ шубки...

— Да ты чего тираннись?! закричала вдругъ Татьяна Васильевна съ такою злобою, какой я отъ ней никакъ не ожидалъ:—какое тебѣ-то дѣло? Твои что-ли эти были деньги? наши съ Сашей, наши трудовые! И не лѣзь ты не въ свое дѣло! А то туда же: умъ нуженъ!.. Да вотъ у тебя и умъ, да чортъ-ли изъ тебя толку!..

— Какъ чортъ-ли толку? закричалъ въ свою очередь Петръ Андреевичъ:—а кто же васъ-то, пдоловъ, содержать?..

— Что какъ собаки проголодь живемъ, такъ ужъ, значить, содержишь!..

— Да гдѣ жъ мнѣ взять денегъ на разносолъ вамъ?

— А гдѣ хочешь! на то ты умный человѣкъ... А то сейчасъ ужъ: я содержу!.. А ты посмотри на дочь-то, вѣдь ее замужь пора отдавать!.. Вонъ Ванька Галкинъ ходилъ, ходилъ, совсѣмъ хотѣлъ посвататься, —а какъ узнать, что корова пропала, нынче встрѣчается съ нами, такъ не то, чтобы поклониться, а прямо отворотилъ рыло въ сторону отъ насъ. „Что-же ты это, говорю, Ваня“? А онъ: „пробѣжай, говоритъ, мимо“!.. Ты, умный человѣкъ, что объ этомъ думаешь?.. Или тебѣ нѣкогда объ этомъ подумать? газетами занять?.. Какой-же ты отецъ послѣ этого?!..

Мое положеніе, положеніе невольнаго свидѣтеля семейной ссоры, было очень неловкое. Неловкость увеличивалась еще отъ того, что я, постоянно видя семью Власовыхъ дружною, никакъ не ожидалъ, что въ уютномъ домикѣ когда-нибудь,

даже при большемъ несчастии, можетъ разыгратися подобная сцена. Я попробовалъ вмѣшаться.

— Успокойтесь, Татьяна Васильевна, началь, было, я, но тотчасъ же принужденъ былъ раскаяться въ своей попыткѣ.

Расходившаяся Татьяна Васильевна не дала спуску и мнѣ.

— А вы, батюшка, не въ свое дѣло не мѣшайтесь! рѣшительно заявила она: — коли вы пришли въ гости, такъ и сидите смирно, а въ наши дразги не лѣзьте. Свои собаки грызутся, чужая не встрѣвай!..

Мнѣ оставалось распрощаться и уйти.

Уходя, я взглянулъ на Сашу: она сидѣла, упавъ лицомъ на столъ, и горько рыдала...

Грустно и тоскливо чувствовалось мнѣ, когда я возвращался домой...

Федосѣевъ.

Изъ Роберта Прутта.

Пусть безжалостна-сурова
 Ты, судьба, ко мнѣ была, —
 Молодая сила снова
 Въ старомъ тѣлѣ ожила.
 Крылья смятыя грозою
 Снова я могу поднять,
 И изъ сердца такъ и рвутся
 Пѣсни прежнія опять!

* *

Пусть отъ времени и горя
 Голова моя сѣда,
 Но по прежнему струится
 Въ жилахъ кровь, а не вода.
 Пусть я долго былъ безсиленъ,
 Но теперь опять крѣпка
 И за мечъ готова взяться
 Эта грозная рука!

* *

Тѣмъ-же пламенемъ сверкаетъ,
 Какъ и встарь, мой зоркій взглядъ,
 Тотъ же смѣхъ и тѣ же слезы
 На душѣ моей кипятъ!

И пускай побѣдныхъ лавровъ
Не дождусь я до конца,
Я погибну славной смертью,
Смертью—честнаго бойца.

М. Р—я.

Бракъ по любви.

(Изъ очерковъ военной жизни Рене Мезруа).

I.

Каждый день, когда раздавался благовѣстъ къ поздней обѣднѣ, она проходила по Кардинальской улицѣ подъ руку съ матерью. Вдоль тротуара черныя одежды обѣихъ женщинъ оставляли за собой будто слѣдъ траура похоронь. Всѣ лавочники знали ихъ; и, съ глазами еще опухшими отъ сна, открывая ставни своихъ лавокъ, они говорили другъ другу въ полголоса, съ отгѣнкомъ какого-то безотчетнаго почтенія: „Вотъ госпожи д'Оссюэ отправляются въ церковь“.

Въ тоже самое время на гласисѣ начиналось ученье. Сигналы солдатъ, глухой звонъ колоколовъ, рѣзкіе крики стрижей—все это несло въ тѣсныя улицы, пробуждая заспавшихся. Тогда у нѣкоторыхъ дверей показывались офицеры, торопливо застегивая свои портупей. По направленію къ казармамъ, черепичная крыша которыхъ рисовалась на горизонтѣ, звучали тяжелые шаги, привѣтствія, усталые зѣвки и прерывистый звонъ сабель по мостовой;—затѣмъ всѣ эти звуки терялись въ возрастающемъ шумѣ хлопотливаго города.

Въ большинствѣ случаевъ подпоручикъ Моранжисъ однимъ изъ послѣднихъ являлся на призывъ. Обѣ женщины въ траурѣ служили ему вмѣсто часовъ его, которые обыкновенно въ концѣ

длинного тридцати-однодневного мѣсяца отправлялись къ закладчику.

Каждое утро обѣ женщины слышали за собой звонъ сабли по лѣстницѣ, затѣмъ показывалась высокая, худощавая, торопливо шагающая фигура.

Молодая дѣвушка тихонько посмѣивалась. Она, наконецъ привыкла къ этой ежедневной встрѣчѣ и, когда на лѣстницѣ ничего не было слышно, когда окна оставались закрытыми, она обращалась къ матери и тревожно шептала: „Ужъ не боленъ ли онъ?..“

Кто-то разсказалъ однажды за столомъ исторію m-me d'Оссюэ. То была обыкновенная исторія вдовства, вся содержащаяся въ траурной рамкѣ пзвѣщенія о смерти. Что-бы утѣшиться она стала сама воспитывать свою дочь.

Обѣ женщины никогда не разставались и вечеромъ, проходя мимо ихъ закрытыхъ оконъ, можно было слышать меланхолическіе звуки классическихъ сонатъ, которыя онѣ разыгрывали въ четыре руки.

На другой день Моранжисъ опоздалъ на ученіе. Въ первый разъ онъ посмотрѣлъ на M-me d'Оссюэ. И во время трехъ отдыховъ, не слушая болѣе лѣнивой команды капраловъ, не видя деревянныхъ фizioномій рекрутъ, онъ мечталъ объ этомъ бѣломъ личикѣ, окруженномъ сіяніемъ золотистыхъ волосъ, о тихой нѣжности этихъ небеспо-голубыхъ глазъ. Ему припомнилась картина Мемлинга, видѣнная имъ когда-то въ музеѣ и представляющая Благовѣщеніе, гдѣ на блѣдномъ зеленовато-голубомъ фонѣ выдѣлялась Дѣва Марія, таинственно-притягательная, съ лиліей на ирямыхъ складкахъ платья. И эта лилія преслѣдовала его, какъ будто ея длинный стебелекъ и чистые лепестки были само дѣвственное чѣло этой дѣвушки, которой онъ еще никогда не касался желаніемъ.

Его представили, онъ былъ принятъ въ ихъ уединенномъ жилищѣ и вотъ романъ начался. Въ любви Моранжиса было горячее обожаніе священнослужителя, колѣноприклоненіе всѣхъ его желаній передъ иконою, которой онъ съ этихъ поръ по-

святить свою жизнь. Она сіяла для него одного, какъ въ глубинѣ иконостаса, за синеватымъ туманомъ и вялымъ запахомъ кадила на ладана и онъ желалъ быть подобнымъ пасхальной свѣчѣ, тихо таящей передъ алтаремъ. Они ни минуты не думали о суровыхъ нуждахъ жизни. Они играли въ бракъ съ безумной безопасностью дѣтей, играющихъ „въ мужа и жену“. Въ приданое за собой она приносила не болѣе какъ кусокъ хлѣба, къ которому онъ присоединялъ 197 франковъ своего мѣсячнаго жалованья. Вотъ и все. Но какъ только подымался этотъ вопросъ, они раздражались звонкимъ смѣхомъ на весь домъ. Иногда Моранжисъ отвѣчалъ чувствительнымъ четверостишіемъ, а m-me d'Оссюэ, видя ихъ такими восторженными, полными надеждъ на свое личное счастье, качала головой и говорила: „Развѣ самъ Богъ не заботится о влюбленныхъ!“

Они повѣнчались на Вознесеніе.

Вся Кардинальская улица смотрѣла, когда проѣзжала свадьба, и сосѣди повторяли по старой привычкѣ: „Вотъ г-жи d'Оссюэ отправляются въ церковь“. Казалось бѣлая одежда невесты улыбалась каждому дому, какъ бы желая заставить его позабыть то черное, траурное платье, которое такъ долго наводило на него грусть.

Когда карета проѣзжала мимо маленькой холостой квартиры Моранжиса, онъ весело показалъ женѣ на болтающуюся вывѣску: „отдается комната съ мебелью“ и тихо прошепталъ:

— Помнишь ли ты то время, когда я бывало такъ скоро бѣжалъ, не замѣчая тебя.

Она взяла его руку и смѣясь отвѣчала:

— Какой же ты былъ смѣшной!

Какая милая свадебная обѣдня! Полковая музыка позади алтаря заиграла во время дароприношенія свадебный маршъ изъ Лозенгриана; словно тонкіе дѣтскіе голоса перекликались подъ сводами церкви, украшенными гирляндами, сливаясь въ какой-то хвалебный гимнъ любви. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь расписанныя стекла, разсыпались по мундирамъ

толпившихся военныхъ. Золотое солнце ласкало, какъ бы цѣ-
луя блестящее золото новыхъ эполетъ, свѣжіе туалеты жен-
щинъ, цвѣты на шляпкахъ и букеты чайныхъ розъ.

Тяжелые, томящіе запахи отдѣлялись, окружая легкимъ
туманомъ потухающій огонь свѣчей. Послѣ евангелія Мо-
ранжисъ разсѣянно положилъ молитвенникъ на бархатъ ана-
лоя и, закрывъ лицо руками, воображалъ уже себя ѣдущимъ
въ Парижъ, пзбавившимся отъ поздравленій друзей и родныхъ
которые всѣ соберутся послѣ обѣдни въ ризницѣ. Вотъ они
пріѣхали. Они ждутъ своего багажа въ большой залѣ вокзала
Орлеанской дороги, полной нумерованныхъ людей, дремя-
щихъ на скамейкахъ. Ему слышалось уже не бормотанье ла-
тинскихъ молитвъ, не отвѣты клирошанъ, не весь этотъ шумъ
наполненной народомъ церкви, а нетерпѣливый стукъ каблуч-
ковъ его жены, охваченной уже соблазномъ Парижа, грохотъ
взваливаемыхъ сундуковъ; затѣмъ шумъ фіакровъ по набереж-
ной, грустный, протяжный голосъ Сены рыдающей подъ ар-
ками мостовъ, и надъ всѣмъ этимъ тяжелое дыханіе спящаго
города.

— О чемъ ты думаешь? шепотомъ спросила его невѣста,
наклонясь къ нему.

— Любопытная! отвѣчалъ онъ очнувшись. И онъ успѣлъ
только шпроко перекреститься, пока священникъ старался вы-
водить громкимъ голосомъ.

„Benedicat vos Deus omnipotens et Filius et Spiritus
sanctus!“

II.

Возвратясь изъ Парижа, молодая чета наняла на набереж-
ной Пуасонъ скромную квартирку во второмъ этажѣ стараго,
заново выбѣленнаго дома. Солнце глядѣло во всѣ окна.

Причудливые цвѣты тропическихъ растений, которыми ус-
тавленъ былъ балконъ, отражались въ зеркалѣ рѣки. Этотъ

зеленый уголок был полонъ жужжащихъ пчелъ и бабочекъ, опьяненныхъ цвѣтами резеды и герани. Воробей также прлетать поболтать вечеркомъ, когда огромные плашкоты привязываются къ толстымъ кольцамъ набережной.

Влюбленные заперлись у себя. Ключъ всегда былъ вынутъ изъ замка и денщикъ Моранжиса получилъ приказаніе отвѣчать гостямъ: „Барина и барыни дома нѣтъ!“ Дверь отворялась только для m-me д'Оссюэн. Каждый понедѣльникъ бѣдная покинутая мать приходила къ нимъ обѣдать и уходила менѣе грустной, унося съ собою, на всю недѣлю, запасъ радости, прогонявшей ея вѣчно черныя думы. Время отъ времени, по дѣламъ службы или чтобы провѣднть своего капитана, Моранжисъ принужденъ былъ зайти въ клубъ, но онъ какъ будто, задыхался въ этой вонючей атмосферѣ, казалось, что стаканъ его наполненъ купоросомъ, такъ онъ былъ скученъ, такъ онъ часто и отчаянно взглядывалъ на полуотворенную дверь, а товарищи, между тѣмъ, подсмѣивались надъ нимъ.

— Да бѣги же домой, Моранжисъ! бѣги скорѣй! вѣдь у тебя пожаръ!

— Тогда онъ отвѣчалъ имъ чрезвычайно спокойно, надѣвая кэпи.

— Посмотримъ, что вы скажете, когда сами женитесь!..

И когда дверь затворялась за нимъ, одни пожимали плечами, другіе задумчиво бормотали:

— Экій счастливецъ!

Однажды вечеромъ, въ концѣ октября, послѣ обѣда, молодые супруги сидѣли на балконѣ передъ дымящимся, въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ, кофе.

Ночь наступала. Въ улицахъ верхняго города замигали первые фонари. Сырой вѣтеръ проводилъ длинныя бѣлыя полосы по рѣкѣ. Вода плескала вокругъ барокъ. Листья, оторвавшись отъ зябнувшихъ растеній, падали, тихо кружась въ воздухѣ. Внизу, передъ массивною домовою дверью, дровосѣкъ доканчивалъ свою работу широкими ударами топора. Однообразный звукъ полѣлъ, падающихъ одно за другимъ, какъ

то грустно раздавался по влажной отъ вечерняго тумана мостовой. Моранжись обнялъ жену обѣими руками. Глубокая грусть поздней осени по какому-то таинственному средству проникала въ его душу и въ долгихъ, болѣе горячихъ и страстныхъ, чѣмъ въ другіе дни, поцѣлуютъ его—были слезы и какое-то болѣзненное безпокойство.

— Любишь ли ты меня, Жанна? вдругъ страстно спросилъ онъ, какъ будто еще никогда не слышалъ этого желаннаго признанія, этого самаго вѣжнаго слова на всѣхъ человѣческихъ языкахъ.

— Люблю ли! отвѣчала она съ очаровательной улыбкой; потомъ, вся покрасившись и опрокинувъ бѣлокурую головку на плечо мужа, продолжала:

— А вы, сударь, любите ли меня немножко, очень, безумно; потому что теперь, знаете ли, меня надо любить за двоихъ...

Онъ вздрогнулъ при этихъ словахъ, какъ при дурномъ извѣстіи. Онъ грустно смотрѣлъ на это прекрасное тѣло, изящныя формы котораго начинали уже измѣняться подъ священнымъ бременемъ материнства, на эти томные, влажные глаза, окруженные синеватыми кругами, и онъ думалъ о близкихъ мученіяхъ дорогаго, любимаго существа: она же, между тѣмъ, устремивъ взоръ въ пространство, мечтала о розовой колыбелькѣ съ легкими занавѣсками, трепещущими подъ слабымъ дыханіемъ ребенка, и о томъ благословенномъ днѣ, когда едва открытыя губки ея малютки будутъ лепетать: мама! мама!

Она почувствовала первыя боли въ среду, нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Моранжись былъ на ученіи. Онъ бѣгомъ прибѣжалъ съ укрѣпленія, расталкивая прохожихъ. Сердце его ужасно билось; онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ въ своемъ лихорадочномъ безуміи. Но когда онъ хотѣлъ войти въ комнату больной, ему энергично загородили дверь: и когда онъ умолялъ доктора, то предлагая ему денегъ, то угрожая, тотъ наконецъ грубо отвѣтилъ ему:

— Такъ вы хотите убить вашу жену!

И тотчасъ, подобно собакѣ, которой дали пинка, онъ отошелъ и сѣлъ въ уголь на кресло; его трясла лихорадка; онъ вздрагивалъ, какъ отъ жестокого удара, при каждомъ раздрающемъ крикѣ, вылетавшемъ изъ комнаты, гдѣ мучилась молодая женщина. Четыре часа прошли въ столь же ужасномъ для него ожиданіи, какъ для приговореннаго къ смерти ожиданіе его послѣдняго часа. Затѣмъ настала глубокая тишина, нарушаемая лишь жужжаніемъ мукъ и рѣзкими криками барочниковъ. Дверь отворилась и м-те Оссюэн прерывающимся голосомъ закричала ему:

— Идите, идите скорѣй!

Докторъ завертывалъ въ пеленки малютку, а мать умирала въ судорожныхъ схваткахъ. Тяжелыя занавѣски оконъ были отдернуты, едва пропуская блѣдный свѣтъ утра между своими складками. Влажная тепличная атмосфера наполняла комнату. Передъ окошкомъ сидѣлка перебирала чотки, засаленныя зерна которыхъ стучали одно объ другое. Всѣ предметы были пропитаны испареніями кипятящейся на угольяхъ тизани, тряпокъ, развѣшенныхъ для просушки на стульяхъ, компрессовъ, брошенныхъ на ковры. Наполовину вылитая чашка, бинты, тазъ, въ которомъ застывало что-то красное, покрывали столъ. И, на блѣломъ фонѣ нагроможденныхъ подушекъ, исхудавшее лицо молодой женщины выдѣлялась подобно восковой фигурѣ, съ красными пятнами на щекахъ, съ расширенными отъ страданія глазами и съ легкими морщинками на лбу, котораго смерть, казалось, уже коснулась своимъ мрачнымъ крыломъ.

Моранжисъ упалъ на колѣни передъ кроватью и рыдалъ, прижавшись губами къ холодной рукѣ, которую она при видѣ его протянула къ нему—съ такой покорной кротостью, отъ которой становилось больно. Докторъ и м-те д'Оссюэн молчали:

Сидѣлка перестала перебирать чотки и возилась съ новорожденнымъ.

— Похожь-ли онъ на тебя, другъ мой? спросила умирающая, я была бы такъ счастлива!

Она была такъ слаба, въ ней было такъ мало жизни, что голосъ ея какъ бы доносился издалека...

— Ты его будешь любить? да? также, какъ если бы я была здѣсь...

Она прошептала еще:

— Не плачь же. Мнѣ теперь совѣтъ, совѣтъ не больно! Въ церквахъ колокола звонили полуденный Angelus. Блаженный свѣтъ озарилъ ея черты.

— Помнишь, какъ они звонили въ день нашей свадьбы?

Губы ея зашевелились, рука задрожала и сдѣлалась холодной, какъ ледъ. Во время схватки, чепчикъ ея развязался и можно было подумать, что она спитъ съ полуоткрытыми глазами, съ прядями золотистыхъ волосъ, рассыпавшихся вокругъ блѣднаго лица подобно ореолу святой мученицы...

Моранжисъ не двигался. М-ше д'Оссюэнъ подошла и хотѣла увести его, оторвать его отъ созерцанія обожаемаго, но уже мертваго существа.

— Оставьте меня! оставьте меня! яростно завопилъ несчастный. Оставьте меня и унесите этого ребенка куда нибудь, чтобъ я его не видалъ!

И онъ, вскочивъ какъ сумасшедшій, кулаками вытолкалъ изъ комнаты тещу, доктора и сидѣлку, которая, согнувшись отъ страха, сжимала младенца въ своихъ дрожащихъ рукахъ.

Затѣмъ онъ заперъ дверь и снова сталъ на колѣни, уткнувшись въ постель и стараясь вдохнуть въ себя что нибудь отъ нея, отъ ея тѣла, отъ ея жизни, навсегда улетѣвшей.

Всю ночь онъ провелъ въ этомъ безумно безпомощномъ состояннн, не отвѣчая на робкія мольбы за дверями. Никто не посмѣлъ взойти. Но гробовщики, принесшіе гробъ, разломали дверь на другой день къ вечеру. Вонь была такъ сильна, что они затыкали себѣ носы своими грязными платками. И они наткнулись на тѣло Моранжиса, темная и сухая фигура котораго выдѣлялась на сѣровой массѣ постелп. Какъ бывало прежде, утромъ, возвратившись съ ученья, онъ приходилъ будить ея своими нѣжными ласками, такъ и теперь онъ привлекалъ

къ себѣ въ безумно горячемъ объятіи трупъ своей жены и безъ чувствъ упалъ, впившись губами въ ея уже разлагавшіяся губы.

III.

Онъ пролежалъ три мѣсяца въ больницѣ и, едва оправившись, захотѣлъ возвратиться въ эту квартиру, гдѣ онъ узналъ въ такое короткое время все радости и все горести жизни. Медленно, закутанный въ свою длинную военную шинель, покашливая отъ слабости, онъ прошелся по всемъ комнатамъ, поддерживаемый съ одной стороны м-те д'Оссюэ, съ другой денщикомъ.

Какъ и въ былое время, солнце глядѣло въ окна. Маленькія кофейныя чашечки по прежнему стояли врядь на столикѣ въ столовой. На балконѣ между листьями слышно было порханіе крыльевъ. Въ гостиной фортепiano было открыто и надъ черными и бѣлыми клавишами, какъ бы ожидавшими прикосновенія знакомой руки, разстилалась на юпитрѣ Весенняя пѣсня Мендельсона. Все въ этой обстановкѣ говорило объ ней и вызывало ея тѣнь. Все эти вещи говорили неутѣшную жалобу:—и столикъ съ неоконченнымъ питьемъ, и рабочая корзинка съ иголками, въ которой вдѣты были голубыя шерстинки, и жардиньерка съ увядающими розовыми и бѣлыми акаціями, которыя она каждое утро, въ пеньюарѣ, поливала сама. И вотъ Моранжисъ остановился передъ послѣднею дверью, передъ дверью той комнаты, гдѣ прозвучали послѣднія слова умирающей, гдѣ заколотили ея гробъ. Силы оставили его. Подавленные рыданія снова стѣснили его грудь и онъ отступалъ, онъ отворачивался, чтобы не увидать этой большой кровати, отъ которой вѣяло запахомъ могилы.

Вдругъ она снова придетъ, встанетъ передъ нимъ и будетъ упрекать его за то, что онъ не умеръ, какъ она, въ своей долгой болѣзни. Наконецъ, не выдержавъ, онъ толкнулъ дверь

ногой и глазами, которые застилали слезы, ошипуль комнату. Здѣсь также ничто не измѣнилось; лишь ситцевыя занавѣси закрывали съ обѣихъ сторонъ кровать какъ неприкосновенное святѣлище. Подъ портретомъ Жанны огромный букетъ розъ, тихо испуская дыханіе умирающихъ цвѣтовъ, стоялъ въ вазѣ съ водой. Бѣлыя розы открывали свои сердца, приподымали лепестки, какъ бы желая смѣшати свой аромать съ влюбленной душой, носящейся въ воздухѣ. И облитая цѣлымъ потокомъ свѣта, стояла колыбелька и чуть чуть колыбалась. М-те д'Оссюэ раздвинула легкія кисейныя занавѣски и показала зятю миленькое личико малютки, который спокойно спалъ въ чепчикѣ съ протянутыми поверхъ одѣяла руками.

— Онъ спитъ! прошептала она: какъ бы не разбудить...

Лицо Моранжиса потемнѣло. Какое-то жестоко-непоколебимое рѣшеніе показалось на его губахъ, какъ бы зажимая ихъ на вѣки отъ поцѣлуевъ. Онъ смотрѣлъ на портретъ въ розахъ, смотрѣлъ на колыбельку, которую ребенокъ освѣщала своей чистой наготой.

Сильная борьба происходила въ его душѣ. Что ему дѣлать? Могъ ли онъ не повиноваться послѣднему желанію умирающей, этой надеждѣ, высказанной тихимъ голосомъ, какъ завѣщаніе? Портретъ оживлялся. Онъ тихо повторялъ:

— Ты будешь любить его, да? ты будешь любить его, какъ еслибы я все еще была здѣсь?

Но въ тоже время Моранжисъ вспоминалъ агонію. Все снова вставало передъ нимъ: отчаянные крики бѣдной женщины въ возрастающихъ мукахъ родовъ, страшныя содроганія ея тѣла, которое, казалось, ежеминутно готово было разбитися отъ грубаго толчка, и потомъ взглядъ покойницы, взглядъ этихъ большихъ потухшихъ уже глазъ, и ея лилейная кожа, которая часъ отъ часу все болѣе покрывалась темными пятнами въ ту ужасную ночь, проведенную у трупа, когда онъ сто разъ надѣялся умереть. И все то, что должно бы быть любовью, обожаніемъ, обращалось въ его сердцѣ въ непреодолимое отвращеніе, въ горько ненавистную злобу къ невинному существу,

которое, проснувшись, лепетало такими звонко-пѣвучими звуками, точно цѣлая стая птичекъ щебечеть весною въ кустахъ. Бабушка снова принялась за свое дѣло: она тихонько прилекала Моранжиса къ колыбели и улыбалась смѣющемуся ребенку.

— Да поцѣлуйте же его, сказала она вдругъ. Но тотчасъ же поблѣднѣла отъ печали, увидѣвъ, что отецъ отвернулся.

— Она умерла изъ за этого ребенка, отвѣчалъ онъ рѣзкимъ, какъ приговоръ судьи, голосомъ, и я не могу этого забыть!

Потомъ онъ большими шагами вышелъ изъ комнаты, опираясь на мебель.

Но, несмотря на это, бабушка не унывала. Она, какъ миссисъ, посвятила себя возрожденію этой несчастно разбитой привязанности. А между тѣмъ, эта привязанность могла застыть въ ней, самой какъ это часто случается съ людьми, много страдавшими, которые запираются въ сонномъ эгоизмѣ отъ всѣхъ внѣшнихъ проявленій жизни и забываютъ, что есть еще на свѣтѣ существа, которыхъ надо любить и которымъ надо помогать. Всѣ семейныя горести одна за другой обрушились на ея мирное и честное жилище: сначала смерть мужа, потомъ смерть единственной дочери, этого воплощенія ея самой. И теперь еще новый крестъ — этотъ ребенокъ такой же покинутый въ своей колыбелькѣ, какъ будто бы мусорщикъ поднялъ его гдѣ-нибудь на улицѣ. Ея природная доброта возмущалась при этой мысли. Она поняла, что издали, даже при частыхъ посѣщеніяхъ, она никогда не будетъ въ состояніи смягчить, излечить припадки отчаянія Моранжиса; и вотъ, однажды, онъ самъ, чувствуя себя тоже слишкомъ одинокимъ въ своей пустой, какъ будто трауромъ одѣтой, квартирѣ, робко предложилъ тещѣ жить съ нимъ вмѣстѣ. Она согласилась съ тайной радостью. Какъ много, однакоже, она оставляла въ своей квартиркѣ, въ Кардинальской улицѣ! Свои единственныя счастливыя воспоминанія, свои привычки, почти свою жизнь, ибо старые люди подъ конецъ совершенно сживаются съ своей об-

становкой, среди которой они потихоньку разрушаются и спокойно-лѣнливо доживаютъ свой вѣкъ. Мебель m-me d'Оссюэ была перевезена и старушка поселилась у зятя.

Онъ былъ очень добръ къ ней, окружалъ ее заботами и старался исполнять всѣ ея старческія причуды. Она всегда находила по утрамъ свѣжіе цвѣты въ вазахъ; постель ея была каждый вечеръ согрѣта. Они обѣдали вдвоемъ, не зѣвая; онъ слушалъ ея нескончаемыя исторіи о реставраціи и никогда не заходила у нихъ рѣчь о ребенкѣ, котораго отдали къ кормилицѣ. Бабушка занимала телѣжку и ѣздила навѣщать его на ферму, гдѣ онъ прекрасно росъ, упитанный свѣжимъ молокомъ и живительнымъ воздухомъ обширныхъ пространствъ. Посѣщенія эти сдѣлались болѣе частыми, когда ребенокъ началъ ходить. Онъ лепеталъ цѣлый Божій день, какъ сорока, въ виноградникахъ. Ноги его всѣ были исцарапаны колючками и онъ хохоталъ, падая на каждомъ шагу. M-me d'Оссюэ не спускала его съ колѣнъ и съ наслажденіемъ слушала его болтовню. Она продолжала свое дѣло съ непоколебимою страстностью. И вотъ, однажды, возвращаясь со службы, первое лицо, которое Моранжисъ встрѣтилъ въ передней, былъ его сынъ. У малютки была добрая улыбочка и уморительная рожица мальчишки, котораго заставляютъ говорить басню въ семейномъ кругу. И онъ робко повторялъ:

— Здѣястуй папа! здѣястуй папа! сопровождая свои слова очаровательнымъ жестомъ дѣтей, которыя посылаютъ воздушные поцѣлун.

Отецъ вздрогнулъ противъ воли. Малютка повторялъ свое привѣтствіе и свои милые поцѣлун, заученные наизусть, точно кукла, движимая невидимыми нитками. Моранжисъ засмѣялся злымъ смѣхомъ. Онъ сердито пожалъ плечами и прошелъ въ свою комнату, бормоча сквозь зубы:

— Какой глупый фарсъ!

Малютка, оставленный одинъ въ потемкахъ, заплакалъ и, когда m-me d'Оссюэ унесла его съ разрывающимся отъ жа-

лости сердцемъ, онъ не переставалъ говорить ей плаксивымъ голосомъ:

— Назви́ это не папа? .

Бабушка не могла отвѣчать. Наивная логика ребенка уничтожила, давила ее.—Она чувствовала себя словно подъ тяжестью обрушившихся развалинъ.

IV.

Съ этого дня ихъ всеневная жизнь совершенно измѣнилась. Моранжисъ сухо сказалъ тещѣ: „Избавьте меня впредь отъ подобныхъ сценъ, а то жизнь сдѣлается для меня невыносимой!“

М-ше д'Оссиюз затворялась въ своей комнатѣ съ внукомъ; Моранжисъ все свободное время проводилъ въ военномъ кафе.

Онъ приходилъ туда всегда одинъ изъ первыхъ и уходилъ лишь при послѣднемъ предупрежденіи гарсоновъ, когда стулья ставились на мраморные доски столовъ и когда тушили послѣдній газовый рожокъ. Онъ начиналъ безконечныя партіи, прерываемыя не менѣе безконечными, ни къ чему не ведущими, спорами, и пока онъ ораторствовалъ, цѣлый столбъ блюдцевъ выросталъ около него. Онъ залпомъ выпивалъ все, что ему подавали, мѣшая кружки пива съ рюмками ликера или водки. Однажды, нѣсколько друзей, видя его въ безсознательномъ состояніи, хотѣли запретить гарсону подавать ему; но онъ вошелъ въ такую ярость, что сломалъ стулъ и непременно убилъ бы кого-нибудь, если бы сильные руки не удержали его во время. Съ тѣхъ поръ его оставляли пить. Когда онъ въ безчувствіи сваливался подъ бархатныя диванчики, засыпая среди плевковъ и окурковъ сигарь, его не будили. Иногда прохожіе поднимали его у его двери, которую онъ не въ состояніи былъ отворить.

Онъ съ страннымъ наслажденіемъ чувствовалъ все увеличиваю-

щееся разстройство своего мозга и внутренній огонь сожигающій ему грудь. Онъ наконецъ сталъ глотать чистый абсентъ, который отуплялъ его скорѣе, нежели медленная отравка алкоголя. На днѣ всѣхъ напитковъ онъ искалъ забвенія, грубаго сна, среди котораго не живутъ и не думаютъ. Но опьяненіе не отгоняло ненавистныхъ призраковъ, а напротивъ продолжало порождать ихъ еще съ большею силою, среди страшныхъ кошмаровъ. Онъ на яву бредилъ покойницей: она преслѣдовала его, какъ тѣнь. И въ своей квартирѣ, на набережной Пуасонь, онъ корчился иногда въ припадкѣ эпилепсін, крича то безсвязныя слова, то ругательства, то зова кого-то, и будилъ заснувшихъ горожанъ. Фантазія его представляла ему странныя видѣнія. Ему казалось, что покойница страдаетъ въ своемъ гробу отъ роста этого полнаго жизни тѣла, что эти развивающіяся силы, этотъ пробуждающійся умъ ребенка святотатственно отняты у обожаемаго трупa, гнѣющаго въ землѣ. Умершая говорила ему все это въ его галлюцинаціяхъ. Она жаловалась на свое возмущающееся страданіе. Она молила о помилованіи и безпощадно обвиняла свое дѣтище.

Въ концѣ іюля, однажды, ночью, онъ вернулся болѣе пьянымъ, болѣе возбужденнымъ, нежели обыкновенно. Было удупливо жарко. Рои мошекъ кружились въ роскошномъ воздухѣ. Онъ отворилъ балконъ въ столовой и облокотился на перила.

Взоръ его машинально приковывался къ рѣлкѣ, которая какъ будто застыла, уснувъ между зеленѣвшими рѣшетками набережной. Въ ней были прозрачныя, влекущія къ себѣ мѣста, и желтые языки газовыхъ рожковъ отражались куда-то въ невидимую глубину. Онъ нѣсколько часовъ неподвижно простоялъ, словно поглощенный страннымъ видѣніемъ. Потомъ онъ скрестилъ руки на груди, какъ будто что-то придумывалъ, затѣмъ, снявши сапоги, тихонько, какъ воръ, пробрался въ комнату, гдѣ спалъ его сынъ. Въ дикомъ порывѣ онъ схватилъ полуобнаженнаго ребенка, который отбивался въ широкихъ складкахъ длинной ночной рубашки, и побѣжалъ съ своей ношей на балконъ. Мальчикъ дрожалъ, съ расширен-

ными отъ ужаса глазами, съ открытымъ ртомъ, какъ будто при видѣ того страшнаго Буки, которымъ его иногда пугали. Онъ отчаянно цѣплялся за мундиръ отца, котораго не узнавалъ съ просонковъ. Моранжисъ не сказалъ ни слова. Онъ сильнымъ движеніемъ высвободился отъ маленькихъ ручекъ, сжавшихъ его шею, потомъ, опершись на рѣшетку и нагнувшись въ пространство, швырнулъ ребенка, какъ узелъ, въ рѣку. Вода глухо плеснула, большой бѣлый кругъ расплылся по неподвижной поверхности—и все смолкло.

Набережная была пустыня и нѣма, фонари блестѣли, какъ любопытные взоры. Слышны были лишь мѣрные шаги часового, расхаживавшаго взадъ и впередъ передъ епископскимъ дворцомъ, чтобы не заснуть. Пьяница хохоталъ во все горло. Черты его освѣтились какой-то животной радостью, онъ свернулъ папироску, и глубоко вздохнулъ, точно выдаравливающій, который послѣ тяжелой болѣзни, чувствуетъ возвращеніе силъ и вливаетъ въ себя новую жизнь.

Въ дѣтской откинутыя простыни кровати висѣли подобно савану и своими бѣлыми складками покрывали горбъ и ноги огромнаго полишинеля, котораго ребенокъ, засыпая, уронилъ на коверъ.

Кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими?

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось извѣстie, весьма важное для интересовъ нашего фабричнаго рабочаго люда. „Торгующіе при московской биржѣ фабриканты и заводчики“, сообщаетъ газета, „считая необходимымъ безотлагательное принятіе со стороны промышленнаго сословія мѣръ къ обезпеченію достаточнымъ вспомоществованіемъ рабочихъ, получившихъ увѣчые при работахъ на фабрикахъ и заводахъ, равно какъ семействъ оставшихся послѣ рабочихъ, которымъ причинена смерть,—въ собраніи, бывшемъ 13 октября 1881 года, признали въ этихъ видахъ должнымъ: во-первыхъ, установить съ фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ лицамъ и товариществамъ, производящимъ въ Москвѣ дѣла, ежегодный сборъ по числу рабочихъ, съ раздѣленіемъ облагаемыхъ заведеній по степени представляемой производствомъ опасности, и во-вторыхъ, независимо отъ сего, для составленія основнаго фонда, собрать капиталъ по подпискѣ въ средѣ промышленнаго сословія“. Далѣе газета сообщаетъ, что для завѣдыванія и распредѣленія пособій, собранныхъ такимъ образомъ, проектъ предполагаетъ постоянный комитетъ изъ фабрикантовъ и заводчиковъ: ему будетъ поручена выработка подробной организаціи всего дѣла и установленіе размѣра обложенія промышленныхъ заведеній для этой цѣли. Затѣмъ, проектъ, „по одобреніи его со сто-

роны фабрикантов“, будетъ представленъ въ биржевой комитетъ для исходатайствованія надлежащаго утвержденія („Моск. Вѣд.“ № 37, 1882 г.).

Итакъ, *alea jacta est*. Жребіи брошенъ, и наши гг. заводчики и фабриканты, не дожидаясь даже призыва со стороны правительства, первые спѣшатъ съ предложеніемъ матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для облегченія участи несчастныхъ, потерявшихъ у нихъ на работѣ, а также ихъ вдовыхъ и сирыхъ. Предложеніе съ перваго взгляда безспорно похвальное, которому каждый, конечно, не откажетъ въ своемъ сочувствіи, и лишь пожелаетъ, чтобы примѣръ московскихъ промышленниковъ нашелъ себѣ достойное подражаніе и между промышленниками другихъ мѣстностей обширной Россіи.

Но отдавая должную дань благой цѣли означеннаго проекта, нельзя въ то же время и отказаться отъ критическаго къ нему отношенія. Предположенія гг. московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ невольно вызываютъ длинный рядъ вопросовъ и сомнѣній, которыя во всякомъ случаѣ не разрѣшатся даже и тогда, когда будутъ выработаны обѣщанныя подробныя правила организациі всего дѣла и самый проектъ перейдетъ въ дѣйствительность. Въ самомъ дѣлѣ, „никто себѣ не врагъ“, гласитъ русская поговорка и, конечно, нѣтъ основанія не примѣнять ея и къ гг. московскимъ промышленникамъ. Они предлагаютъ, добровольно повидимому, деньги, необходимыя для обезпеченія участи рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастій и ихъ семействъ. Но если разъ допустить, что эти пожертвованія будутъ фактически идти изъ кармана самихъ гг. фабрикантовъ и заводчиковъ, то могутъ-ли онѣ, при добровольномъ характерѣ этихъ предполагаемыхъ сборовъ, быть настолько значительны, чтобы дѣйствительно удовлетворить своей цѣли и обезпечить пострадавшихъ рабочихъ?

Какъ увидитъ читатель далѣе, число несчастій у насъ на фабрикахъ и заводахъ ежегодно измѣряется тысячами и слѣдовательно потребныя средства для помощи пострадавшимъ каждый годъ должны составлять многіе десятки, если не сотни

тысячъ. Опытъ всѣхъ странъ показываетъ, что никакое обширное и серьезное финансовое предприятие нельзя дострѣить на добровольныхъ дарахъ или пожертвованiяхъ. Добровольные сборы по существу своему всегда отличаются скромными размѣрами и, ослабѣвая съ одушевленiемъ, которое ихъ вызвало, весьма быстро спускаются до нуля. Стоитъ припомнить сборы на добровольный флотъ въ послѣднюю войну, которые совершались при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, какiя можно себѣ представить, и тѣмъ не менѣе въ результатѣ дали сумму во много разъ меньшую, чѣмъ почти любой принудительный сборъ, напр., подушная подать, даетъ каждый годъ. Разъ предполагаемый въ сказанномъ московскомъ проектѣ сборъ совершается „съ одобренiя гг. фабрикантовъ и заводчиковъ“, онъ не можетъ быть настолько значителенъ, чтобы серьезно удовлетворить своей цѣли. „Никто себѣ не врагъ“, повторимъ опять русскую пословицу.

Вотъ первое, но далеко не единственное сомнѣнiе, которое возбуждается этимъ проектомъ обезпеченiя рабочихъ отъ несчастiй. Въ самомъ дѣлѣ, сборъ этотъ предполагается съ фабрикъ по числу рабочихъ: кто-же поручится, что онъ не будетъ совершаться съ самихъ рабочихъ, прямо или косвенно, и что хозяева лишь будутъ передаточными инстанциями или сборщиками налога, который они добровольно (!!) наложатъ на своихъ рабочихъ, но будутъ собирать съ нихъ привудительно?! Всѣмъ извѣстно, какъ разнообразны на нашихъ фабрикахъ способы эксплуатацiи заработка рабочихъ. И если, при существующихъ по закону сравнительно съ западомъ ничтожныхъ сборахъ съ промышленныхъ заведенiй, предприниматели наши жалуются и стремятся переложить ихъ на рабочихъ, то вѣтъ основанiя не ожидать того-же самаго при сколько-нибудь серьезномъ новомъ сборѣ, съ какою бы цѣлью онъ ни былъ вводимъ.

Кромѣ того, съ кого-бы этотъ сборъ на обезпеченiе рабочихъ, пострадавшихъ отъ несчастiй ни взимался,—съ самихъ-ли рабочихъ или уплачивался изъ собственныхъ средствъ промыш-

ленниковъ, во всякомъ случаѣ онъ не можетъ быть достаточенъ для предполагаемой цѣли и по другой причинѣ. Какъ мы видѣли въ проектѣ, ежегодный сборъ предполагается осуществить съ промышленниковъ „по степени представляемой ихъ производствомъ опасности“. Дѣйствительно, различныя отрасли промышленности до крайности различаются степенью опасности ихъ для жизни и здоровья работниковъ, рискъ несчастія для рабочаго въ рудокопнѣ или на желѣзной дорогѣ гораздо сильнѣе, нежели напр. въ бумажной мануфактурѣ или лѣсопильнѣ, а въ этихъ послѣднихъ рискъ болѣе сильный, чѣмъ въ большинствѣ ремеслъ или такихъ фабрикахъ, въ которыхъ сложныя и большія машины мало употребительны. На этомъ основывается въ страховыхъ обществахъ, между прочимъ, и расчетъ самой преміи. Напримѣръ, въ одномъ изъ англійскихъ страховыхъ обществъ, появившихся на свѣтъ послѣ новаго закона отъ 7-го сентября 1880 года объ отвѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими, преміи распределены по шести классамъ, по степени опасности производства, и въ то время, какъ хозяинъ за каждые 100 фунтовъ стерлинговъ вознагражденія за всякаго рода несчастія въ прядильныхъ мануфактурахъ, составляющихъ первый классъ, уплачиваетъ всего лишь 4 шиллинга въ годъ, въ классѣ четвертомъ — гончарные заводы, желѣзные, стале-литейные, доки и т. д. — онъ платитъ 12½ шиллинговъ, и наконецъ въ классѣ шестомъ — желѣзно-дорожные служащіе и каменно-угольные копи — платитъ 20 шиллинговъ въ годъ, т. е. въ пять разъ больше, чѣмъ въ первомъ классѣ¹⁾). Такимъ образомъ, слѣдовательно, если проектъ московскихъ фабрикантовъ осуществится по сказанному плану и притомъ сколько нибудь рациональнымъ образомъ, то нѣкоторымъ изъ болѣе опасныхъ производствъ придется выплачивать такой высокій сборъ, который разумѣется никоимъ образомъ не можетъ явиться, вслѣд-

¹⁾ См. проспектъ Employers Liability Assurance Corporation, Limited. 84 & 85 King William Street London. E. C.

ствіе своей выскы, актомъ добровольнаго пожертвованія изъ собственнаго кармана промышленника, а у рабочаго (еслибъ совершался на его счетъ) вызвалъ бы непремѣнно рѣшительный ропотъ и протестъ. Волей неволей, слѣдовательно, при добровольномъ характерѣ организаціи помощи рабочимъ, сборъ будетъ назначенъ въ слишкомъ малыхъ размѣрахъ и не можетъ привести ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ въ дѣлѣ обезпеченія пострадавшихъ рабочихъ.

Наконецъ, допуская даже, что проектъ московскихъ фабрикантовъ осуществится и притомъ въ наилучшихъ и желательныхъ формахъ, т. е. пособія пострадавшимъ будутъ выдаваться изъ средствъ самихъ промышленниковъ и притомъ въ достаточныхъ размѣрахъ, то и тогда даже, — какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, — нельзя еще признавать его желательнымъ и своевременнымъ. Дѣло въ томъ, что промышленники, разъ гарантировавши себя такимъ добровольнымъ сборомъ отъ отвѣтственности, и при отсутствіи у насъ правильно-организованнаго фабричнаго законодательства и надзора, не будутъ болѣе имѣть никакого побужденія заботиться о принятіи мѣръ предосторожности противъ несчастій; страна-же, конечно, заинтересована прежде всего не въ томъ только, чтобы увѣчные калѣки труженники, ихъ вдовы и сироты получали пособія, а въ томъ, чтобы такихъ калѣкъ по возможности совсѣмъ не было, чтобы несчастія на фабрикахъ и нездоровыя условія работы тамъ сдѣлались рѣдкимъ исключеніемъ, а не обычнымъ условіемъ, какъ нынѣ, фабричнаго труда по всей Россіи. Очевидно, что для этого необходимо нѣчто большее, нежели добровольный даръ предпринимателей; необходимо точное и строгое опредѣленіе закономъ всѣхъ ихъ обязанностей къ рабочимъ и специально законодательное разрѣшеніе вопроса, кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими?

До тѣхъ поръ, пока въ нашемъ представленіи самыя причины несчастій на фабрикахъ не достаточно выяснены, до тѣхъ поръ, пока специальнымъ закономъ не возложена на фабрикантовъ и заводчиковъ отвѣтственность въ тѣхъ или иныхъ

случаяхъ за эти несчастія, какъ результатъ ихъ небрежности или непринятія мѣръ предосторожности, до тѣхъ поръ скептики могутъ съ полнымъ основаніемъ относиться безъ должнаго довѣрія къ добровольнымъ приношеніямъ предпринимателей, памятуя мудрый совѣтъ классической древности: *timeo Danaos et dona ferentes!* *)

Однимъ словомъ, прежде нежели рѣшать организацію вопроса о пособіи рабочимъ, пострадавшимъ отъ несчастій, и ихъ семействамъ, необходимо позаботиться у насъ, по-первыхъ, объ установленіи сколько-нибудь правильнаго фабричнаго законодательства и надзора за фабриками и, во-вторыхъ, специальнаго закона объ отвѣтственности за несчастія; эти законы должны бы точно опредѣлить обязанности предпринимателей по отношенію къ принятію мѣръ предосторожности и предусмотрѣть всѣ тѣ случаи, гдѣ предприниматель отвѣчаетъ за несчастія, отсюда происходящія. Матеріаломъ для этой цѣли можетъ послужить богатый запасъ опыта западной Европы. Она пережила раньше насъ все зло правительственнаго бездѣйствія по вопросу объ отвѣтственности за несчастія съ рабочимъ и въ различныхъ странахъ съ разной полнотой вырабатала законодательство, опредѣляющее во всѣхъ случаяхъ, кто отвѣчаетъ за эти несчастія и что нужно сдѣлать для ихъ предотвращенія. Познакомить читателя съ этимъ опытомъ Европы въ данномъ отношеніи и указать, что изъ него можетъ

*) Въ публикѣ ходитъ упорный слухъ, что будто бы въ циркулярѣ, разосланномъ московскимъ биржевымъ комитетомъ къ гг. фабрикантамъ съ предложеніемъ сдѣлать пожертвованія для составленія фонда въ цѣляхъ проекта, упоминается, что разъ такой фондъ будетъ составленъ—на будущее время фабриканты же гарантируются отъ всякихъ сборовъ въ пользу рабочихъ!?! Если такой циркуляръ дѣйствительно существуетъ, то спрашивается, неужели гг. фабриканты серьезно полагаютъ, что разъ сдѣланнымъ пожертвованіемъ они покончатъ всѣ свои счеты и обязательства передъ русскими рабочими, и неужели они думаютъ, что правительство не можетъ, въ скоромъ же пожелай времени, измѣнить постановленное рѣшеніе?!

быть полезно для Россіи, и составляет задачу настоящей статьи.

Несчастія съ рабочими въ разнаго рода промышленныхъ заведеніяхъ происходятъ отъ трехъ главныхъ причинъ: отъ пожаровъ, отъ машинъ, отъ взрыва паровиковъ; помимо этого существуютъ спеціальныя причины для разнаго рода рудокопень. Первая изъ названныхъ причинъ предусматривается строительными уставами разныхъ государствъ, нарушение которыхъ во многихъ случаяхъ влечетъ за собой уголовную отвѣтственность и, не составляя въ тѣсномъ смыслѣ несчастія, которое имѣло бы мѣсто только въ промышленныхъ заведеніяхъ, не подлежитъ нашему обсужденію. Но и остальные упомянутыя причины влекутъ за собой ежегодно массу смертей и увѣчий, гораздо болѣе значительную, нежели, можетъ быть, читатели предполагаютъ. Приведемъ немногія данныя по этому вопросу. По отчетамъ британскихъ фабричныхъ инспекторовъ, число несчастій на фабрикахъ Англіи, подлежащихъ только ихъ надзору (а оны далеко не обнимаютъ всѣхъ промышленныхъ заведеній), простирается среднимъ числомъ до пяти тысячъ человѣкъ въ годъ. На желѣзныхъ дорогахъ жизнь человѣческая подвергается еще большому риску. На англійскихъ дорогахъ на каждые десять тысячъ человѣкъ желѣзнодорожныхъ служащихъ 843 человѣка ежегодно терпятъ увѣчье, а 35 — встрѣчаютъ преждевременную смерть. На каменноугольныхъ копяхъ въ той-же странѣ увѣчныхъ приходилось 1900 въ годъ на каждыя десять тысячъ работающихъ, или почти одна пятая всего числа рабочихъ этой категоріи ежегодно терпитъ несчастіе, а 23 человѣка на десять тысячъ — лишается жизни. Однихъ убитыхъ ежегодно за послѣдніе десять лѣтъ насчитывается примѣрно 1135 человѣка. По мнѣнію Гауэля, 80 проц. изъ всѣхъ рудокоповъ терпятъ несчастіе въ тотъ или другой періодъ своей жизни, т. е. одна лишь пятая умираетъ спокойно, естественной смертью, не встрѣтивши въ жизни лично

никакого несчастнаго случая ¹⁾. Въ Пруссіи, терпятъ несчастіе около трехъ тысячъ человѣкъ ежегодно. По Адольфу Гельду, число несчастныхъ случаевъ только въ Берлинѣ составляетъ 500, или 1 проц. всѣхъ фабричныхъ рабочихъ города ²⁾. Наконецъ, въ Россіи никакихъ статистическихъ данныхъ сколько-нибудь точныхъ, при отсутствіи фабричнаго надзора и правильного законодательства объ отвѣтственности за несчастія, не существуетъ; но считая, даже несмотря на это неблагоприятное условіе, что у насъ несчастія на фабрикахъ случаются не чаще, чѣмъ въ Берлинѣ (гдѣ есть правильный надзоръ), т. е. 1 проц. всѣхъ работающихъ, и что всѣхъ постоянныхъ рабочихъ на русскихъ фабрикахъ не больше 500,000 (что, опять, гораздо ниже дѣйствительнаго), то и тогда всетаки число потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ на нашихъ фабрикахъ должно составлять не менѣе 5000 въ годъ. По наблюденіямъ проф. Эрисмана, на нѣкоторыхъ фабрикахъ московскаго уѣзда, процентъ несчастій въ дѣйствительности выше, и при этомъ, разумѣется, псключаются несчастія огульнаго характера, имѣющія особенно часто мѣсто при пожарахъ, въ родѣ случившихся на фабрикахъ Гивартовскаго, Хлудова, Шапшала и Морозова.

Въ виду этихъ частыхъ человѣческихъ гекатомбъ приносимыхъ промышленностію, нѣтъ сомнѣнія, существенно важно подумать, что можно сдѣлать, чтобы противодѣйствовать этому страшному злу, гдѣ лежатъ тѣ способы, которыми можно устранить бѣдствія, отсюда происходящія??...

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать критическую оцѣнку одного мнѣнія, сильно распространеннаго въ нашемъ обществѣ, особенно въ кружкѣ самихъ промышленниковъ. Существуетъ убѣжденіе, особенно между

¹⁾ National Industrial Insurance and Employers' Liabilitv. By G e o r g e H o w e l l, 1880.

См. также. On the Number of Deaths from Accident Negligence, Violence and Misadventure etc. by Cornelius Wálford. Изъ Журнала Лондонскаго Статистическаго Общества, 1881.

²⁾ Die Stadtpflichtfrage. Verein für Socialpolitik, 1880, Стр. 141.

промышленниками, что главнѣйшая причина всѣхъ этихъ несчастій заключается, во-первыхъ, въ собственной-де неосторожности рабочихъ и, во-вторыхъ, въ высшихъ непредвидимыхъ и непреодолимыхъ силахъ природы и что поэтому, слѣдовательно, осторожнее вмѣшательство, въ видѣ specialнаго законодательства по этому вопросу, не можетъ будто бы существенно улучшить дѣло и уменьшить количество жертвъ.

Къ счастью, опытъ того же Запада показываетъ съ достаточною убѣдительною неосновательность такихъ пессимистическихъ утверждений, основанныхъ исключительно на словесномъ интересѣ. По словамъ нѣмецкаго фабричнаго инспектора Штюльпнагеля, изъ всего числа фабричныхъ несчастій, имѣющихъ мѣсто въ Германіи, лишь 14% въ дѣйствительности непреодолимы ¹⁾, а по даннымъ, приводимымъ англичаниномъ Гауэлемъ, 80% всѣхъ несчастій въ рудоконьяхъ возможно устранить, чему косвенно доказательствомъ служить, что этотъ именно процентъ всѣхъ несчастій постановленіями обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ приписывается беззаботности или ошибкамъ хозяевъ, управляющихъ или другихъ лицъ, облеченныхъ властью въ рудникахъ. То-же самое утверждаютъ и авторитеты самыя высокія относительно несчастій, происходящихъ отъ взрыва паровиковъ. По мнѣнію Вилл. Макуота (Macwaught), правильная инспекція паровыхъ котловъ могла-бы предупредить три четверти всѣхъ взрывовъ, а знаменитый инженеръ Вил. Фербернъ полагаетъ, что тщательный осмотръ котловъ во всѣхъ ихъ частяхъ, т. е. внутри, разъ въ годъ и осмотръ болѣе подробный наружныхъ частей каждые три мѣсяца почти прекратилъ-бы всѣ случаи взрыва. Наконецъ, тому, что не личная только небрежность рабочаго является важной причиною несчастія, доказательствомъ служить ихъ уменьшеніе, когда принимается законодательная мѣра съ цѣлью предотвращенія несчастія. По словамъ почтеннаго англійскаго статистика Корнелиуса Вальфорда, уже черезъ годъ послѣ того, какъ

¹⁾ См. Jahresberichte der Fabrikinspektoren für das Jahr 1878. Berlin.

юшелъ въ силу въ Англии фабричный актъ 1861 года объ обязательномъ огражденіи опасныхъ частей машинъ и механизмовъ, съ ясностью обнаружились благодѣтельные его результаты въ видѣ значительнаго уменьшенія несчастныхъ случаевъ въ мануфактурахъ ¹⁾. Очевидно, что еслибы главная вина несчастія заключалась въ небрежности рабочихъ, то серьезнаго уменьшенія ихъ не могло-бы послѣдовать. Но подтверженіе этому можно найдти и въ русскихъ данныхъ. Д-ръ Михайловъ, въ апрѣлѣ вышшняго года, на съѣздѣ московскихъ земскихъ врачей представилъ крайне любопытный рефератъ о положеніи рабочихъ на пресловутой Ярцевской мануфактурѣ Хлудова и, между инымъ, точное наблюденіе за нѣсколькими лѣтъ о несчастныхъ случаяхъ. Онъ раздѣлилъ періодъ работы на двѣ половинны, и оказалось, что во вторую изъ нихъ, когда рабочіи уже утомленъ, число несчастій несравненно выше, чѣмъ въ первую (днемъ вдвое чаще, а ночью даже въ три раза) ²⁾, т. е. причина несчастій и здѣсь опять таки лежитъ, слѣдовательно, не въ личной небрежности, а въ недостаткѣ мѣръ огражденія опасныхъ механизмовъ,—недостаткѣ, который приобретаетъ особенную важность именно къ концу продолжительной и утомительной работы. Само собой разумѣется, что если бы были приняты надлежащія мѣры огражденія машинъ и другія нужныя предосторожности, на что, напримѣръ, обращаютъ такое усиленное вниманіе фабричные инспектора въ Англии, то утомленіе не имѣло бы почти никакого вліянія на увеличеніе несчастій.

Всѣ приведенные до сихъ поръ данныя (а ихъ число легко можно было бы увеличить) доказываютъ несомнѣнно, что „вышнія непреодолимая силы“ и „собственная неосторожность“ не только не являются главной причиной несчастій въ промышленныхъ заведеніяхъ, но играютъ роль даже весьма скромную, и что центръ тяжести всего вопроса, такъ сказать, за-

¹⁾ On the Number of Deaths etc....by Cogn. Walford, стр. 24.

²⁾ См. «Земство» 1882 г. № 20.

ключается въ предупредительныхъ мѣрахъ, къ принятію которыхъ промышленники обязываются правительственной властью.

Теперь, читатель, нашему разрѣшенію подлежитъ новый вопросъ: какія именно предупредительная мѣры нужны, чтобы уменьшить несчастія, и какія средства требуются, чтобы эти мѣры цѣлесообразно примѣнялись къ дѣлу. Что касается первой части вопроса, то она разрѣшается техникой и получаетъ форму законодательныхъ предписаній, болѣе или менѣе строго соблюдаемыхъ вездѣ, гдѣ существуетъ правильный фабричный надзоръ. Опытъ Европы и здѣсь можетъ дать намъ готовыя указанія на эти мѣры относительно огражденій и устраненій вредныхъ вліяній производства, времени и свойствъ испекцій паровыхъ котловъ. Съ каждымъ годомъ наука изобрѣтаетъ новые способы предотвращеніе не только несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ, но и развитія профессиональныхъ болѣзней, присущихъ многимъ производствамъ. Притомъ-же важную роль можетъ играть и частная инициатива, гдѣ она развита, для борьбы противъ несчастныхъ случаевъ, какъ на это указываютъ многочисленныя общества въ Западной Европѣ для надзора за паровиками и дѣятельность Мюльгаузенской ассоціаціи для предупрежденія несчастій съ машинами (*Association pour prévenir les accidents de machines*). Если оправдаются газетные слухи, и у насъ предстоитъ скорое введеніе новаго фабричнаго законодательства и правильнаго фабричнаго надзора и вопросъ о несчастіяхъ будетъ принятъ во вниманіе, то эта часть вопроса, т. е. изысканіе мѣръ къ ихъ прегражденію получить и у насъ скоро сколько-нибудь правильную постановку. Но этимъ однимъ, къ сожалѣнію, отнюдь еще не разрѣшится вполне все затрудненіе и несчастія на фабрикахъ не будутъ еще значительно уменьшены. Въ самомъ дѣлѣ, какъ заставить владѣльца промышленнаго заведенія строго выполнять эти правила, столь важныя для безопасности и здоровья рабочихъ? Системой штрафовъ? Но штрафы, падая на самый фактъ небрежности или ошибки промышленника часто невыяс-

ненной, а не на явный результат ея, при неизмѣннй надежной руководящей нити, по самому существу своему—будутъ-ли они назначаться судомъ или администраціей—должны всегда быть произвольны по своимъ размѣрамъ, въ одномъ случаѣ составляя сильное отягощеніе промышленника, въ другомъ, можетъ быть, незаслуженную поблажку; самые предѣлы ихъ, поэтому, вездѣ назначены весьма невысоко, такъ что въ образцовомъ англійскомъ законодательствѣ даже въ случаѣ смертельнаго поврежденія штрафъ не превосходитъ 100 фунтовъ, что бываетъ въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Наконецъ, всѣ мѣры предосторожности владѣльцемъ промышленнаго заведенія могутъ быть приняты, и тѣмъ не менѣе крупныя несчастія тамъ могутъ имѣть зачастую мѣсто, вслѣдствіе ошибки или небрежности управляющаго, кого-либо изъ завѣдующихъ работою или простого рабочаго, завѣдующаго отдѣльнымъ механизмомъ, промахи какого-нибудь машиниста или злоупотребленіе десятника можетъ взорвать цѣлую фабрику на воздухъ или произвести крушеніе желѣзнодорожнаго поѣзда съ тысячею пассажировъ. Отсюда очевидно, что какъ ни важны всѣ указанныя мѣры для уменьшенія несчастій, но они не въ состояніи однѣмъ ни уничтожить, ни даже значительно уменьшить ихъ безъ соблюденія одного важнаго условія. Необходимо отыскать новый, болѣе значительный стимулъ для всѣхъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній и лицъ имъ непосредственно подчиненныхъ, который бы ихъ заставилъ строго соблюдать всѣ предписанныя правила предосторожности и даже самимъ изыскивать новыя мѣры предохраненія отъ несчастій. Такимъ важнѣйшимъ способомъ борьбы противъ зла является въ различной степени и въ различныхъ формахъ въ Европѣ установленія строго определеннаго и точно соблюдаемаго спеціальнаго закона о матеріальной отвѣтственности хозяевъ всѣхъ промышленныхъ предприятий, будь это физическія или юридическія лица, за несчастія, имѣющія мѣсто при ихъ производствѣ. Однимъ словомъ, прямо или косвенно, въ указанныхъ закономъ случаяхъ виновные въ несчастіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ

ихъ заведеніяхъ, владѣльцы, кромѣ уголовной отвѣтственности, если данный случай подходитъ подъ нарушеніе какого-либо закона, обязаны вознаграждать за весь ущербъ, происшедшій отъ несчастія, обезпечивши приличнымъ образомъ участь лица, пострадавшего, или его семейства въ случаѣ его смерти.

Такое разрѣшеніе вопроса о несчастіяхъ, принятое въ томъ или другомъ видѣ во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ, является вдвойнѣ цѣлесообразнымъ и гуманнымъ. Рабочій, занимаемый промышленникомъ, есть то лицо, которое создаетъ все его богатство и двигаетъ производство страны. Является, поэтому, вполне справедливой обязанностью промышленника заботиться объ его или его семейства участи, когда онъ потерялъ здоровье или жизнь на его службѣ; здѣсь промышленникъ возвратить рабочимъ, въ видѣ обезпеченія, лишь часть того, что онъ самъ получилъ какъ результатъ ихъ работы, и наконецъ избавить государство и общины отъ обязанности издерживать средства, собираемые со всѣхъ плательщиковъ налоговъ, на такую затрату, всю тяжесть которой справедливо должны нести одни промышленники. Но сказанная отвѣтственность промышленниковъ въ видѣ обезпеченія ихъ рабочихъ еще важнѣе въ другомъ отношеніи. Она составляетъ единственную дѣйствительную узду, которая можетъ, представляя собой весьма тяжелую денежную жертву, заставить промышленника отказаться отъ небрежнаго отношенія къ имѣющейся опасности для жизни и здоровья работающихъ. Только установленіе такой отвѣтственности можетъ если не прекратить совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшить массу несчастій, численность которыхъ для всей Европы составляетъ ежегодно многія десятки тысячъ.

По всей Европѣ общіе законы устанавливаютъ правила объ отвѣтственности одного лица за вредъ и убытки, нанесенные другому; но тѣмъ не менѣе въ послѣдніе годы повсюду приходятъ къ сознанію необходимости установленія специальныхъ законовъ для несчастій, происходящихъ въ разныхъ промышленныхъ заведеніяхъ. Это вынуждается особыми условіями

несчастій, имѣющихъ здѣсь мѣсто, и самымъ характеромъ некоею чю такимъ дѣламъ. Во первыхъ найти и доказать виновность какого-либо лица, какъ причинившаго данный вредъ или убытокъ при несчастіи, напр. на фабрикахъ, желѣзныхъ дорогахъ, рудокопняхъ и т. п., чрезвычайно трудно и если, по общему юридическому положенію, предоставить эту обязанность искать доказательства, *onus probandi*, истцу, то масса несчастій въ промышленныхъ предпріятіяхъ не получитъ никакого вознагражденія, не говоря уже о томъ, что непосредственнымъ виновникомъ несчастія является очень часто простой-же рабочій, т. е. лицо, которое не можетъ дать никакого матеріальнаго обезпеченія пострадавшему. Обыкновенное судопроизводство во многихъ странахъ, наконецъ, слишкомъ сложно, требуетъ большихъ предварительныхъ затратъ или знанія закона, т. е. помощи, слѣдовательно, ходатаевъ, и уже потому конечно для массы бѣдныхъ истцовъ, какими являются пострадавшіе рабочіе или ихъ семьи, существованіе общихъ только гражданскихъ законовъ объ отвѣтственности было-бы слишкомъ недостаточно и равнялось-бы, можетъ быть, отказу въ правосудіи.

Вотъ тѣ причины и соображенія, по которымъ повсюду приходятъ нынѣ къ убѣжденію о необходимости именно спеціального закона объ отвѣтственности хозяевъ промышленныхъ заведеній за несчастія съ ихъ рабочими.

Обратимся теперь къ законодательству западной Европы и посмотримъ, что сдѣлано въ ней въ данномъ отношеніи. Изъ всѣхъ великихъ державъ почти лишь въ одной Франціи не существуетъ еще указаннаго спеціального закона объ отвѣтственности хозяевъ, что, впрочемъ, можетъ быть объясняется точностью и достоинствомъ ея общихъ гражданскихъ узаконеній по этой части. Французскій гражданскій кодексъ, между прочимъ, содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленіе: „Граждане отвѣтственны не только за вредъ, причиняемый ихъ собственными дѣйствіями, но и лицами, за которыхъ они отвѣчаютъ или вещами находящимися въ ихъ распоряженіи. Отецъ

и мать — въ случаѣ смерти ея мужа — отвѣчаютъ за вредъ причиняемый ихъ малолѣтними дѣтьми, живущими вмѣстѣ съ ними. Хозяева и ихъ представители — за вредъ, причиняемый ихъ слугами и надсмотрщиками при исполненіи обязанностей, къ которымъ они приставлены. Учителя и ремесленники — за вредъ, причиняемый ихъ учениками въ теченіи времени, когда они находятся подъ ихъ попеченіемъ. Отвѣтственность эта лежитъ на отцѣ, на матери, на хозяевахъ, на учителяхъ и ремесленникахъ, пока они не докажутъ, что не въ состояніи были предупредить дѣйствіе, дающее поводъ къ такой отвѣтственности“ (Code Civil, Art. 1384).

Согласно этой статьѣ закона, хозяева промышленныхъ заведеній во Франціи и ихъ представители отвѣчаютъ за вредъ, причиняемый ихъ слугами, управляющими или надсмотрщиками при исполненіи ихъ обязанностей. Но является вопросъ, кто подлежитъ отвѣтственности въ случаѣ несчастія, причиняемаго рабочему другимъ рабочимъ при исполненіи работы? Весьма долго законъ въ этомъ отношеніи толковался различно. Такъ, изъ сборника Сирэ (Sirey) узнаемъ, что въ одномъ случаѣ Лионскій судъ въ 1836 году въ дѣлѣ объ отвѣтственности хозяина за несчастіе, причинное рабочему по небрежности другаго рабочаго, возложилъ отвѣтственность на хозяина; но всего нѣсколько лѣтъ спустя, по аналогичному-же дѣлу, Тулузскій судъ постановилъ рѣшеніе противоположнаго характера, и это рѣшеніе привело къ весьма важнымъ послѣдствіямъ, а именно въ 1841 году кассационный судъ произнесъ по поводу этого дѣла сужденіе, имѣющее по своему существу характеръ рекомендаціи судьямъ въ дѣлахъ того-же рода: „хозяинъ отвѣтственъ“, гласитъ это кассационное рѣшеніе, „за вредъ, который одинъ изъ его слугъ или рабочихъ причинилъ по небрежности другому слугѣ или рабочему, съ которымъ вмѣстѣ работалъ“¹⁾.

Вообще, согласно французскому законодательству, владѣ-

¹⁾ См. Dalloz: Jurisprudence Générale du Royaume. 1841. стр. 271.

лецъ отвѣтственъ за всѣ несчастія, производимыя машинами, мѣры о безопасности которыхъ предоставлены его заботамъ; такъ напримѣръ по другому рѣшенію французскаго кассационнаго суда: „всякій взрывъ паровой машины предполагается результатомъ вины владѣльца, и онъ отвѣтственъ за всѣ ущербы, причиненные третѣмъ лицамъ ¹⁾).

Германское законодательство представляетъ собой во многихъ отношеніяхъ шагъ впередъ передъ французскимъ. По закону тамъ дѣйствующему, отъ 7 іюня 1871 года, владѣльцы всякаго рода промышленныхъ заведеній (въ томъ числѣ и желѣзныя дороги) отпѣтственны за всякое несчастіе, которое случится при производствѣ, если только несчастіе не произошло по собственной винѣ потерпѣвшаго. Превосходство передъ французскимъ закономъ состоитъ уже въ томъ, что это—законъ спеціальнѣйшій. Судъ не стѣсняется многими формами судопроизводства относительно, напр., выбора способовъ при оцѣнкѣ доказательствъ, относительно способовъ и видовъ вознагражденія; вообще судопроизводство для этого рода дѣлъ значительно упрощено и формальности уменьшены. Въ случаѣ признанія отвѣтственности, предприниматель обязанъ заплатить стоимость леченія или погребенія даннаго лица, а также всякій ущербъ, который оно понесетъ вслѣдствіе своей болѣзни, а въ случаѣ неспособности къ труду,—ежегодное содержаніе ему или семейству въ размѣрѣ, опредѣляемомъ судомъ соотвѣтственно его послѣднему заработку ²⁾).

Но и нѣмецкое законодательство отличается весьма значительными недостатками: во-первыхъ, нѣкоторою двойственностью. Въ случаѣ несчастій на желѣзныхъ дорогахъ, обязанность доказательства, *onus probandi*, лежитъ на управленіи дороги, которое предполагается виновнымъ до тѣхъ поръ, пока

¹⁾ См. Louis Delaunay: Etudes sur les générateurs à vapeur à haute pression. Paris, 1878. Стр. 14.

²⁾ См. Das Reichs-Haftpflicht-Gesetz. Vom 7 Juni 1871. Von St. Genzmer. Berlin u. Leipzig. 1882.

не опровергнетъ этого. Напротивъ, въ остальныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ *onus probandi* лежитъ на рабочемъ; а такъ какъ, при сложности устройства и организациі теперешнихъ фабрикъ и заводовъ и крайнемъ раздѣленіи труда, доказать виновность хозяина, или кого-либо изъ лицъ, завѣдующихъ дѣломъ, весьма трудно,—то въ огромномъ числѣ случаевъ иски рабочихъ, потерпѣвшихъ несчастіе, отвергаются судомъ и не подлежатъ удовлетворенію. Другой недостатокъ германскаго закона лежитъ въ томъ, что страхование рабочихъ отъ несчастій, непосредственно явившееся на свѣтъ вслѣдъ за этимъ закономъ, будучи само по себѣ мѣрой весьма полезной, тѣмъ не менѣе привело къ нежелательному результату, благодаря одному важному пропуску. Именно, какъ это видно изъ сообщеній фабричныхъ инспекторовъ, многіе фабриканты, застраховавши своихъ рабочихъ, считаютъ всѣ свои счеты съ закономъ и совѣстью поконченными и отличаются крайней небрежностью въ принятіи и соблюденіи предупредительныхъ мѣръ противъ несчастій. Очевидно, что законодательство, кромѣ матеріальной отвѣтственности за ущербъ, должно требовать и серьезной уголовной—за небрежность, такъ какъ естественно страна заинтересована не только въ томъ, чтобы потерпѣвшій несчастіе былъ обезпеченъ, но и въ томъ, чтобы несчастій совсѣмъ не было.

Всѣ эти указанные недостатки нѣмецкаго законодательства уже давно сознаются и, нѣтъ сомнѣнія, лишь благодаря этому, могъ третьяго года явиться на свѣтъ знаменитый и грандіозный проектъ Бисмарка о государственномъ страхованіи рабочихъ, отвергнутый рейхстагомъ, и недавній проектъ по тому же поводу, составленный либеральной партіей и теперь разсматриваемый. Вообще Германія въ настоящее время находится наканунѣ новаго законодательства объ отвѣтственности за несчастія, и, судя по обоимъ проектамъ, во всякомъ случаѣ весьма радикальнаго характера.

Большой своеобразностью и оригинальностью отличается ходъ англійскаго законодательства объ отвѣтственности хозяевъ

за несчастія. Исторія его настолько любопытна и поучительна по усиліямъ, которыя употребляли заинтересованные классы сначала для произвольнаго толкованія принциповъ отвѣтственности въ свою пользу, а позднѣе—для воспрепятствованія дальнѣйшему прогрессу законодательства, что изложеніе этого вопроса въ Англій заслуживаетъ большей подробности.

До сентября прошлаго года (1880), когда прошелъ, наконецъ, долго ожидаемый новый актъ по этому предмету, Англія совсѣмъ не имѣла писаннаго закона, опредѣляющаго отвѣтственность хозяевъ за несчастія съ рабочими во время ихъ занятій. Мѣсто его замѣнялъ столь сильный доселѣ въ Англій обычный законъ, который основывается частью на нѣкоторыхъ общихъ юридическихъ положеніяхъ, а главное—на предшествовавшихъ рѣшеніяхъ и постановленіяхъ бывшихъ судей, почему нерѣдко обычный законъ (common law) въ Англій называется въ насмѣшку „судейскимъ“ закономъ (judge-made law). Такимъ именно путемъ сдѣланъ и образовался тамъ до крайности несовершенный и неполный писанный законъ, которымъ до сихъ поръ руководствовались англійскіе суды, рассматривая искъ рабочихъ, потерпѣвшихъ несчастія, противъ ихъ хозяевъ. По общему юридическому правилу, каждый человекъ отвѣчаетъ только за свои собственныя дѣйствія. Поэтому лицо, потерпѣвшее несчастіе отъ чьего либо дѣйствія, имѣетъ право требовать вознагражденія лишь непосредственно отъ лица, причинившаго такое несчастіе. Изъ этого общаго правила, однако, въ Англій, какъ и въ другихъ странахъ, сдѣлано много исключеній. Въ числѣ ихъ является и отвѣтственность хозяина передъ какимъ нибудь постороннимъ лицомъ за несчастіе, причиненное этому лицу неосторожностью или небрежностью его подчиненнаго или рабочаго. Англійскій юридическій авторитетъ, лордъ—судья Бреттъ, приводитъ по этому случаю такой примѣръ: если хозяинъ правитъ самъ своимъ экипажемъ, и, отъ недостатка искусства, нанесетъ поврежденіе какому нибудь прохожему, то, конечно, онъ отвѣчаетъ за результатъ своего неискуства; но, положимъ, онъ

поручить править лошадьми вмѣсто себя своему слугѣ, и слуга конечно явится въ этомъ случаѣ лишь инструментомъ, приводимымъ въ движеніе мастеромъ: онъ дѣлаетъ только то, что ему прикажутъ, и его дѣйствія принимаются другими, какъ дѣйствія хозяина. За несчастіе съ прохожимъ, въ этомъ случаѣ, остается попрежнему виновнымъ хозяинъ. *Qui facit per alium facit per se* (Кто дѣлаетъ черезъ другаго, дѣлаетъ черезъ себя, или самъ) ¹⁾.

Таково одно изъ мудрыхъ положеній англійскаго обычнаго права, давнымъ давно имѣющее практическое примѣненіе. Въ силу его, всякій хозяинъ отвѣчаетъ передъ постороннимъ лицомъ за несчастіе, съ нимъ пропшедшее по вниѣ его рабочаго: желѣзная дорога отвѣчаетъ передъ пассажиромъ за несчастіе ему причиненное вслѣдствіе, положимъ, небрежности стрѣлочника; какой-нибудь заводчикъ отвѣчаетъ передъ своимъ сосѣдомъ за несчастіе съ нимъ отъ лопнувшаго на его заводѣ паровика, вслѣдствіе небрежности машиниста и т. д. и т. д.

Англійскіе юристы, впрочемъ, весьма любятъ многія положенія права облекать въ коротенькія сентенціи, имѣющія для нихъ характеръ формулъ; и вотъ, въ данномъ случаѣ долгое время для многихъ изъ нихъ служила вышеупомянутая сентенція: *qui facit per alium facit per se*. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, такая формула оказалась очень невыгодной и даже опасной по возможнымъ изъ нея толкованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я отвѣчаю передъ постороннимъ лицомъ потому только, что мой кучеръ, машинистъ или рабочий, или другой непосредственный виновникъ несчастія является лишь, согласно этому положенію, слѣпымъ инструментомъ, которымъ я дѣйствую, и вся отвѣтственность въ его управленіи лежитъ на мнѣ, то нѣтъ, разумѣется, никакого основанія освободить меня отъ отвѣтственности и въ томъ случаѣ, если

¹⁾ См. объ этомъ: 'Reports: Employers' Liability for Injuries to their Servants 21 июля 1876 года и 25 июня 1877 (Blue Books), а также Short Notes on the Reports etc. by Thomas J. C. L. Bodrman, London, 1878.

пострадавшимъ явится другой мой рабочій вмѣсто посторонняго лица. Англійскіе судьи, избираемые исключительно изъ лицъ средняго класса, къ которому принадлежать предприниматели, скоро поняли неудобство этой формулы, и на допросахъ парламентскихъ комиссій 1876 и 1877 года, подготовлявшихъ законы объ отвѣтственности за несчастія, почтенные юристы начали заи́рять, что выше-сказанная формула совсѣмъ-де къ дѣлу не относится, и что рѣшенія обычнаго права, возлагавшіе отвѣтственность за несчастія съ посторонними лицами на хозяевъ, ихъ непосредственныхъ виновниковъ, опираются на другое юридическое положеніе, освященное вѣками: „*respondeat superior*“ („отвѣчаетъ старшій“); лордъ-судья Брамвель, судья Браунъ и другіе твердо стояли на этомъ объясненіи причины отвѣтственности предпринимателей за несчастія съ посторонними лицами, но не съ своими рабочими. Но увы! и это казуистическое объясненіе оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, крайне слабымъ: формула эта взята юристами изъ временъ отдаленныхъ, заимствована у римлянъ, гдѣ *pater familias* или глава дома, какъ старшій, являлся отвѣтственнымъ за своихъ рабовъ и дѣтей передъ третьими лицами, не отвѣчая въ то же время, конечно, за несчастія причиненныя этими послѣдними другъ другу. Поэтому и англійскіе судьи, при отсутствіи писаннаго закона, приняли за правило, котораго и держались вплоть до настоящаго времени, отрицать всякую отвѣтственность предпринимателей за несчастія лицъ, находящихся „при общемъ занятіи или дѣлѣ“ (*common employment*), т. е. несчастія съ рабочими по винѣ одного же изъ рабочихъ, или вообще лицъ, подчиненныхъ хозяину. Такимъ образомъ, напримѣръ, если, по винѣ стрѣлочника, начальника станціи или другого какого-нибудь лица, поѣздъ потерпѣлъ крушеніе, то всѣ пострадавшіе пассажиры имѣютъ право на вознагражденіе отъ желѣзной дороги, всѣ же потерпѣвшіе желѣзнодорожные служащіе и рабочіе не имѣютъ никакого, ибо они находятся въ общемъ занятіи съ виновниками крушенія. Точно также, если по винѣ, положимъ, ма-

пльнста на фабрикѣ машина изуродовала какое нибудь лицо постороннее, случайно находившееся тамъ, то оно или его наследники имѣли право на вознагражденіе; если же потерпѣвшій былъ рабочій, то—никакого, по сказанному резону.

Фальшь и несостоятельность такого толкованія формулы *respondeat superior* настолько очевидна, что остается удивляться, какимъ образомъ всего лишь въ 1880 году, основываясь на ней, нѣкоторые англійскіе судьи являлись рѣшительными противниками новаго писаннаго закона, имѣющаго своею цѣлью расширить отвѣтственность хозяевъ за несчастія и распространить ее по отношенію къ рабочимъ. То, что было приложено когда-то къ рабамъ и дѣтямъ, не можетъ примѣняться, конечно, къ взрослымъ и лично свободнымъ рабочимъ, имѣющимъ, помимо прямыхъ условій найма, тѣ же права и то же отношеніе къ хозяину, какъ и всякое постороннее лицо. Нѣтъ сомнѣнія, такимъ казуистическимъ толкованіямъ англійскихъ юристовъ нельзя придавать серьезнаго значенія, и истинной причины ограниченной отвѣтственности хозяевъ нужно искать не въ мертвыхъ юридическихъ формулахъ, давно потерявшихъ всякій смыслъ, а въ характерѣ экономическаго и общественнаго строя и въ составѣ самаго судебного персонала въ Англии. Въ самомъ дѣлѣ, почему, напримѣръ, нарушено, и уже такъ давно, общее юридическое положеніе, что каждый отвѣчаетъ только за свои собственные поступки, и допущена отвѣтственность хозяина передъ постороннимъ лицомъ за несчастіе, причиненное не имъ самимъ, а его рабочимъ. Лордъ-судья Брамвелъ проговаривается по этому поводу въ одной своей книгѣ: „хозяинъ отвѣтственъ за несчастіе потому, что онъ состоятельный плательщикъ въ смыслѣ вознагражденія, а рабочій—нѣтъ“^{*)}. Итакъ, ларчикъ открывается просто: хозяинъ платитъ постороннему лицу потому, что имѣетъ чѣмъ заплатить, а съ рабочаго взять нечего.

^{*)} *Employers Liability. Letter from Lord Justice Bramwell to Sir Henry Jackson. London, 1880.*

Становится понятным также, послѣ этого опроверженнаго заявленія судьи, отчего въ Англіи, путемъ обычая, сложилось, безъ всякаго писаннаго закона, правило, лишающее рабочаго права всякаго вознагражденія за несчастіе, если только его непосредственный виновникъ не самъ хозяинъ. Въ послѣднемъ случаѣ, при современномъ характерѣ производства и экономическихъ отношеній и благодаря также строгимъ фабричнымъ законамъ, весьма рѣдки и мало возможны случаи, когда хозяинъ какого нибудь предпріятія или даже главный управляющій, на примѣръ, въ акціонерномъ предпріятіи является прямымъ виновникомъ и когда есть возможность это доказать, хотя бы, въ концѣ-концовъ, какъ утверждаетъ опытъ Англіи и другихъ странъ, до 80% несчастій возможно было бы избѣжать устройствомъ болѣе строгаго (и слѣдовательно дорожее стоящаго) надзора, лучшаго качества машинъ и т. д. Съ другой стороны, кромѣ желѣзныхъ дорогъ и немногихъ другихъ предпріятій, вѣроятность несчастія съ посторонними лицами весьма ничтожна, тогда какъ въ то же время съ рабочими вѣроятность несчастія весьма значительна, и въ каждой странѣ ежегодно равняется многимъ тысячамъ. Если бы, слѣдовательно, во всѣхъ этихъ многочисленныхъ случаяхъ несчастій съ рабочимъ классомъ, пришлось, за исключеніемъ развѣ личной, грубой неосторожности, хозяевамъ вознаграждать рабочихъ за несчастія наравнѣ съ посторонними лицами, то это увеличло бы ихъ расходы на этотъ предметъ во много, можетъ быть въ десятки разъ, противъ настоящаго; и въ этомъ-то обстоятельстве, нѣтъ сомнѣній, т. е. въ нежеланіи расходовать на этотъ предметъ деньги, и лежитъ причина упорства, съ которымъ англійскіе предприниматели противятся распространенію закона объ отвѣтственности, а также и причина той казуистической лжи, съ помощью которой ихъ отстаиваютъ нѣкоторые юристы, выходящіе изъ рядовъ одного съ ними класса.

Какъ бы то ни было, несмотря на ихъ оппозицію, огромная цифра несчастій ежегодно возрастающихъ и недовольство общественнаго мнѣнія сдѣлали, наконецъ, возможнымъ при-

внате парламентомъ, 7 сентября 1880 года, новаго и перваго писаннаго закона объ отвѣтственности предпринимателей за несчастія, и не смотря па всѣ усилія, съ которыми они старались затормозить законъ и ослабить его силу, законъ этотъ имѣеть большое значеніе въ принципѣ и весьма не маловажное — на практикѣ. Главная заслуга новаго закона въ томъ, что онъ уничтожаетъ обветшалый и крайне несправедливый принципъ безотвѣтственности хозяевъ за несчастія съ лицомъ при „общемъ занятіи“, т. е. съ рабочими и по винѣ рабочихъ же.

Вотъ главнѣйшія положенія закона. Хозяинъ подвергается отвѣтственности за несчастія съ рабочими, во-первыхъ, въ случаѣ недостатка или неудовлетворительности въ способахъ постановки или дѣйствія машинъ; во-вторыхъ, въ случаѣ небрежности какого нибудь изъ служащихъ хозяина, которому порученъ надзоръ за работой; въ-третьихъ, въ случаѣ небрежности лица, приказаніямъ котораго рабочій обязанъ повиноваться, когда несчастіе произошло именно отъ соблюденія его приказаній; въ-четвертыхъ, вслѣдствіе дѣйствія или упущенія какого-либо лица при исполненіи распоряженія или правилъ, установленныхъ предпринимателемъ, и наконецъ, въ-пятыхъ, специально относительно желѣзныхъ дорогъ: предприниматель, т. е. желѣзнодорожное управленіе отвѣчаетъ за несчастіе съ каждымъ рабочимъ, если оно произошло вслѣдствіе небрежности лица, состоящаго на службѣ въ должности сигнальщика, стрѣлочника, машиниста, кондуктора и т. д. Размѣръ вознагражденія за несчастіе имѣеть максимумъ, равный трехгодичному заработку рабочаго соотвѣтствующей профессіи. Заявленіе о вознагражденіи должно быть сдѣлано въ теченіи шести недѣль послѣ несчастія, а искъ предъявленъ въ судъ графства (въ окружномъ судѣ) въ теченіи шести мѣсяцевъ, въ случаѣ пораненіе и двѣнадцати мѣсяцевъ—смерти пораненнаго лица ¹⁾.

¹⁾ The Employers' Liability Act 1880 (43 & 44 Vict. c. 42). Два лучшихъ изданія, съ примѣчаніями, Горасъ-Смига. (H. Smith), и другое—R. Rose-Jones'a.

Всѣ старанія предпринимателей были направлены во время прохожденія этого закона къ тому, чтобы ослабить и измѣнить его къ своей выгодѣ различнаго рода оговорками и вставками. При всей краткости акта, напримѣръ, цѣлый § 2 съ тремя подраздѣленіями спеціально предназначенъ къ изысканію способовъ и случаевъ къ возможному ограниченію отвѣтственности хозяевъ. То же стремленіе замѣчается даже въ такой мелочи, какъ техническія опредѣленія закона (напр. понятіе о томъ, кого надо разумѣть подъ пменемъ „лица, вмѣющаго надзоръ,“ причемъ оставлена весьма ловкая лазейка изъ подъ дѣйствія закона). Кромѣ того, какъ справедливо замѣчаетъ извѣстный юристъ Горасъ Смитъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ вставокъ и дополненій всѣ положенія новаго закона отличаются отчасти противорѣчіями и значительною неопредѣленностью.

Не входя здѣсь въ разборъ болѣе точной и болѣе подробный всѣхъ недостатковъ новаго закона, который, по объясненнымъ выше уже причинамъ, остается крайне важнымъ тѣмъ не менѣе памятникомъ англійскаго рабочаго законодательства, мы укажемъ лишь на одну крупную и наиболѣе прискорбную по своимъ послѣдствіямъ прорѣху. Этотъ важный недостатокъ заключается въ томъ, что новый законъ не содержитъ въ себѣ никакого запрещенія предпринимателямъ уклоняться и избѣгать его послѣдствій частными договорами съ рабочими. Еще во время парламентскихъ дебатовъ по поводу закона, многіе лица какъ въ палатѣ общинъ, такъ и въ прессѣ (напр. тотъ-же юристъ Брамвелъ), указывали изъ тѣхъ или иныхъ мотивовъ возможность обходить законъ или, точнѣе, обходиться безъ него. Нѣкоторые предприниматели довольно цинично сами заявляли, что новый законъ де бесполезенъ, ибо у нихъ есть простое средство его не соблюдать: стоитъ лишь отобрать у рабочихъ подписки, что они снимаютъ съ хозяина всякую отвѣтственность за несчастіе какого бы то ни было рода, за что тотъ, то есть хозяинъ, дѣлаетъ нѣкоторую прибавку къ страховой суммѣ при обязательномъ для нихъ страхованіи противъ несчастій. Желаютъ рабочіе согласиться, хо-

заявлять предлагаетъ имъ одинъ размѣръ заработной платы, положимъ напр. 5 шиллинговъ въ день, а не желаютъ, — онъ даетъ имъ лишь 4½ шиллинга, а 6 пенсовъ отдаетъ въ страховое общество, которое, опять таки, избавляетъ хозяина отъ всѣхъ хлопотъ, гарантируя расплату съ рабочимъ въ случаѣ несчастія. Если-же, наконецъ, послѣднее на практикѣ окажется невыгоднымъ (для нѣкоторыхъ наиболее опасныхъ отраслей промышленности), то хозяева де могутъ прямо сговориться и условиться между собой и огнюдь, никоимъ образомъ, не принимать на службу рабочихъ, которые отказались бы страховаться на свой коштъ съ хозяйской прибавкой и давать подпску въ объясненномъ выше смыслѣ.

Съ перваго января прошлаго года новый законъ вступилъ въ силу, и немедленно обнаружлись вредныя послѣдствія только что упомянутаго недосмотра. Во всѣхъ концахъ страны и во всевозможныхъ отрасляхъ промышленности, начиная съ желѣзныхъ дорогъ, предприниматели начали дѣлать рабочимъ предложенія страховать свою жизнь со снятіемъ съ нихъ всякой отвѣтственности. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существовали благотворительные фонды для рабочихъ, получавшіе отчасти поддержку отъ предпринимателей, многіе изъ хозяевъ немедленно заявили о своемъ прекращеніи взносов до тѣхъ поръ, пока рабочіе не согласятся на ихъ предложенія. Результаты, понятно, были весьма различны. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности и тѣхъ мѣстностяхъ страны, гдѣ рабочіе были мѣнѣ сплочены и хуже организованы, нужда заставила ихъ скоро подчиняться требованію предпринимателей и принять ихъ условія, доставившія все-таки имъ нѣкоторое облегченіе сравнительно съ прежнимъ положеніемъ, когда никакого писаннаго закона объ отвѣтственности не было.

Во многихъ случаяхъ, однако, мирнаго соглашенія между предпринимателями и рабочими не состоялось, и началась обыкновенная въ этихъ случаяхъ борьба, т. е. или хозяева заявляли, что отпускаютъ рабочихъ, пока они не освободятъ ихъ съ помощью страхованія отъ дѣйствія новаго закона, или

рабочіе первые заявляли предпринимателямъ, что они не на-мѣрены „выконтрактовываться“ и хотятъ непременно легаль-ной отвѣтственности хозяевъ, оставляя страхование на свое личное и независимое усмотрѣніе.

Самая опасная профессія по количеству несчастій, при- томъ большею частью смертельныхъ, это — трудъ рудоко-повъ, и съ ихъ то стороны предприниматели встрѣтили наибольшее сопротивленіе своего стремленія освободить себя отъ дѣйствія новаго закона. Въ Манчестерѣ, въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года, собралась специальная конферен-ція рудокоповъ со всего соединеннаго королевства, при- чемъ делегаты представляли собой 300,000 рабочихъ этой профессіи. Въ засѣданіяхъ, весьма оживленныхъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней прошло единодушное постановле-ніе — не соглашаться на предложеніе хозяевъ и настаивать на легальной отвѣтственности за несчастія. Какъ послѣдствіе этой конференціи начались немедленныя стачки, изъ которыхъ многія продолжаются и до нынѣ. Въ каменноугольныхъ ко- пяхъ Гориджуатеръ 6,000 рабочихъ стакнулись, объявивши хозяину, что они отнюдь не желаютъ „выконтрактовываться;“ то же самое и немедленно за ними сдѣлали 6000 рудокоповъ въ Пендельбюри. Ихъ примѣру послѣдовали до 20000 рудо- коповъ въ Бальтонѣ и Втонѣ, причемъ они послали петицію въ парламентъ, чтобы онъ сдѣлалъ новый законъ обязательнымъ для хозяевъ и запретилъ уклоненіе отъ него, и т. д.

И дѣйствительно, по послѣднимъ газетнымъ слухамъ, въ парламентъ вскорѣ предполагается внести новый билль, из- мѣняющій указанныя недостатки означеннаго закона. До тѣхъ поръ-же существуетъ движеніе въ одномъ направленіи: все болѣе и болѣе усиливается страхование рабочихъ и для этой цѣли основываются даже новыя страховыя общества, не го- воря о расширеніи старыхъ.

Но болѣе полнымъ и совершеннымъ закономъ объ от- вѣтственности хозяевъ за несчастія съ рабочими въ Европѣ является и самый новый изъ нихъ—швейцарскій, принятый

союзнымъ совѣтомъ всего лишь 25 іюня прошлаго года¹⁾). Законъ этотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подходитъ къ извѣстному намъ германскому, въ другихъ—къ англійскому, но во многихъ отношеніяхъ, какъ мы увидимъ, выше того и другого. Вотъ его сущность: хозяинъ отвѣчаетъ за несчастіе во первыхъ, если онъ самъ, его представитель или надсмотрщикъ были виновниками несчастія, во вторыхъ хозяинъ отвѣчаетъ и за всякое иное несчастіе въ помѣщеніи фабрики, если не докажетъ, что несчастіе произошло отъ высшей силы или лица здѣсь не указанного или самаго лица потерпѣвшаго. Такимъ образомъ, обязанность доказывать вину, *onus probandi*, лежитъ здѣсь, въ противоположность германскому законодательству, на самомъ хозяинѣ, а не на потерпѣвшемъ рабочемъ.

Совершенно новой чертой, вносимой въ законодательство швейцарскимъ постановленіемъ, является то, что владѣлецъ промышленнаго заведенія отвѣчаетъ одинаково съ несчастіями также и за болѣзнь рабочаго, происшедшую отъ промышленнаго занятія, если можно прослѣдить, что заболѣваніе произошло именно отъ данной фабричной работы. Слѣдовательно, новый швейцарскій законъ не только имѣетъ цѣлью уменьшить число несчастій, но также улучшить и общее санитарное положеніе промышленныхъ заведеній и особенно-же принудить предпринимателей къ изысканію всякихъ способовъ и средствъ къ уничтоженію специфическихъ болѣзней, столь свойственныхъ многимъ производствамъ, какъ грудныя болѣзни чесальщиковъ льна и литейщиковъ металла, свинцовое отравленіе у рабочихъ во многихъ химическихъ производствахъ и т. д.

Вознагражденіе потерпѣвшему со стороны фабриканта заключается, кромѣ расходовъ леченія или погребенія, въ выдачѣ потерпѣвшему или его семейству, на случай его смерти, большей или меньшей денежной суммы по опредѣленію суда.

¹⁾ Bundesgesetz betreffend die Haftpflicht für Unglücksfälle beim Fabrikbetrieb (Vom 25 Brachmonat 1881).

Вознаграждение это имѣеть свой максимумъ, равный заработку потерпѣвшаго за шесть лѣтъ работы или шесть тысячъ франковъ за человека въ наиболѣе тяжелыхъ случаяхъ вины. Но и этотъ максимумъ, столь высокій, имѣеть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если проступокъ хозяина, повлекшій за собой несчастіе, не влечетъ за собой уголовной отвѣтственности; въ противномъ же случаѣ, максимумъ не ограниченъ никакими предѣлами, и вознаграждение потерпѣвшему можетъ быть еще выше. По согласію обѣихъ сторонъ, одновременное вознаграждение можетъ быть замѣнено соотвѣтственныхъ размѣровъ пенсій. Государство здѣсь такъ заботится объ интересахъ рабочихъ, что старается даже гарантировать потерпѣвшаго отъ возможнаго банкротства промышленника или легкомыслія его самого, а именно, по этому закону претензіи на вознаграждение не могутъ быть ни отчуждаемы, ни переводимы на другое лицо, а суммы, назначенныя для вознаграждения, не подлежатъ ни аресту, ни запрещенію, и не поступаютъ въ конкурсную массу. Лишь въ немногихъ случаяхъ, предусмотренныхъ закономъ, допускается со стороны судьи уменьшеніе вознаграждения по жалобѣ промышленника, на примѣръ, если онъ докажетъ, что потерпѣвшій рабочій былъ отчасти виноватъ и самъ, напр., замѣтилъ какой-нибудь недостатокъ въ устройствѣ машинъ и не далъ знать, или если на несчастіе съ нимъ или болѣзнь имѣло вліяніе прежнее поврежденіе тѣла или здовья.

Такъ какъ законъ объ отвѣтственности вездѣ ведетъ за собой страхованіе отъ несчастій, какъ средство уменьшить для предпринимателя рискъ слишкомъ крупнаго размѣра вознаграждения (въ случаѣ напр. огульныхъ несчастій или частаго повторенія ихъ), то новое швейцарское законодательство весьма мудро предусматриваетъ этотъ случай и стремится по возможности и здѣсь оградить интересы рабочихъ. Если рабочій былъ застрахованъ и притомъ фабрикантъ платилъ въ вспомогательную кассу или страховое общество не менѣе половины всей преміи, то сумма, уплачиваемая кассой или обще-

ствомъ въ случаѣ болѣзни или несчастія съ рабочими цѣлкомъ вычитается изъ суммы вознагражденія, къ которой приговоренъ владѣлецъ, но не иначе, какъ при существованіи другого непремѣннаго условія, а именно если рабочій былъ имъ застрахованъ отъ всякихъ несчастій и болѣзней, т. е. и отъ такихъ несчастій, которыя произошли по винѣ самого потерпѣвшаго или болѣзней не профессиональныхъ. Срокомъ давности для иска вознагражденія назначенъ одинъ годъ, а въ немногихъ, строго опредѣленныхъ, случаяхъ дозволяется въ интересахъ обѣихъ сторонъ (когда, напр. результатъ поврежденія или болѣзни не выяснился) — отсрочка окончательнаго назначенія суммы вознагражденія. Всѣ споры, возникающіе по поводу требованія по этому закону вознагражденій, разрѣшаются кантональнымъ судьей съ апелляціей въ Союзный Судъ.

Наконецъ, весьма важное постановленіе въ новомъ швейцарскомъ законѣ, отъ 25 іюня 1881 года, заключается въ ст. 10 его, которая категорически объявляетъ, что владѣлецъ фабрики не имѣетъ права напередъ ограничивать или исключать имѣющіяся въ этомъ законѣ постановленія объ отвѣтственности посредствомъ собственныхъ фабричныхъ правилъ, публикацій или черезъ особое соглашеніе съ рабочими и служащими. Всѣ договоры, противорѣчащія этому предписанію, не имѣютъ законной силы.

Вотъ сущность этого замѣчательнаго швейцарскаго закона: безспорно—онъ самый выгодный и справедливый для рабочихъ и обладаетъ серьезными преимуществами передъ законодательствами по этому вопросу всѣхъ другихъ странъ, что вполнѣ и понятно: онъ самый новый по времени, слѣдовательно при его составленіи можно было воспользоваться чужимъ опытомъ, особенно Германіи и Англій, и взять многія черты ихъ постановленій по этой части, устранивши притомъ замѣченныя тамъ на практикѣ и достаточно выяснившіеся промахи и недостатки. Такимъ образомъ, не гоняясь непремѣнно за самостоятельностью и самобытностью во всякомъ частномъ случаѣ, Швейцарія сумѣла, тѣмъ не менѣе, получить законъ безспорно.

лучшій, чѣмъ у всѣхъ ея сосѣдей, и по своему достоинству могущій въ свою очередь служить предметомъ подражанія.

Швейцарскій законъ, одинаково съ германскимъ и англійскимъ, имѣетъ ту общую черту, что обнимаетъ собой всякаго рода промышленныя предприятия, какъ фабрики и заводы, такъ одинаково рудокопни и желѣзныя дороги, не считая нужнымъ, какъ это сдѣлало наше русское законодательство, выдѣлнить послѣдній родъ промышленныхъ предприятий. Но передъ германскимъ законодательствомъ швейцарское имѣетъ два важныя преимущества. Въ то время, какъ въ первомъ доказательство виновности (*onus probandi*), исключая желѣзно-дорожныя несчастія, лежатъ на потерпѣвшемъ, вслѣдствіе чего, какъ мы говорили, значительная часть ихъ остается безъ вознагражденія, въ швейцарскомъ законѣ вину противной стороны доказываетъ во всякомъ случаѣ промышленникъ, что несравненно чаще, конечно, гарантируетъ потерпѣвшему или его семейству обезпеченіе въ случаѣ несчастія. Затѣмъ, при германскомъ законѣ, промышленнику предоставляется на его добрую волю застраховывать рабочихъ или отъ всѣхъ несчастій, или только отъ тѣхъ, которыя влекутъ за собой вознагражденіе (*gegen die Folgen der Haftpflicht*), что большинство изъ нихъ и дѣлаетъ, такъ какъ это имъ удобнѣе; — при швейцарскомъ-же законѣ, промышленникъ побуждается собственнымъ интересомъ застраховывать рабочихъ отъ всякаго рода несчастій, т. е. одинаково происшедшихъ какъ по личной винѣ рабочаго, такъ и вслѣдствіе высшихъ силъ, и кромѣ того, побуждается также платить изъ собственного кармана неменѣе половины всей суммы преміи.

Сравнительно съ Англіей, новый швейцарскій законъ имѣетъ меньшія выгоды въ свою пользу. Во первыхъ, размѣръ максимума вознагражденія вдвое больше (заработокъ шести лѣтъ вмѣсто трехъ), во вторыхъ, всякія сдѣлки съ цѣлью выгородить промышленнику себя отъ отвѣтственности, „выконтраговываться“, что составляетъ, какъ уже обнаружилъ опытъ, существенный недостатокъ англійскаго закона 7 сент. 1880 го-

да,—швейцарскимъ закономъ безусловно запрещены, ибо такого рода сдѣлки объявлены недействительными.

Наконецъ, новый швейцарскій законъ имѣетъ одинаково серьезныя преимущества и передъ обоими упомянутыми законами, во-первыхъ, въ томъ, что сила его распространяется не только на травматическія поврежденія, т. е. несчастія отъ машинъ и увѣчья, но и на профессиональныя болѣзни, на что до сихъ поръ ни одно европейское законодательство не обращало должнаго вниманія, поддерживая черезъ это страшную болѣзненность и сильную смертность между рабочими классами. Второе высокое достоинство швейцарскаго закона состоитъ, сравнительно съ законами другихъ странъ, въ томъ, что вознагражденіе во всякомъ случаѣ гарантировано потерпѣвшему, такъ какъ сумма его, мы видѣли, отдѣлена отъ всякихъ случайностей въ ходѣ промышленныхъ предпріятій и не можетъ быть утрачена, напр., вслѣдствіе банкротства предпринимателей.

Мы ограничимся сообщеннымъ матеріаломъ по законодательству лишь перечисленныхъ государствъ: одного его вполне достаточно, чтобы оцѣнить по достоинству проектъ московскихъ фабрикантовъ, съ сообщенія котораго мы начали статью, и извлечь нѣсколько полезныхъ уроковъ по отношенію къ вопросу о несчастіяхъ на русскихъ фабрикахъ и заводахъ.

Какъ видимъ, во всѣхъ приведенныхъ странахъ Европы правительство нашло необходимымъ, съ цѣлью уменьшенія несчастій и обезпеченія лицъ пострадавшихъ, установить специальное законодательство объ отвѣтственности хозяевъ, не дожидаясь яко бы добровольныхъ пожертвованій и предложеній со стороны самихъ предпринимателей. Разумѣется, всѣ правительства указанныхъ странъ поступали такъ вовсе не оттого, чтобы туземные промышленники были, сравнительно съ русскими, настолько несообразительны и нерасчетливы, что не пожелали бы разстаться разъ на всегда съ болѣе или менѣе значительными денежными суммами, дабы гарантировать себя черезъ это въ будущемъ безотвѣтственность, благое и мирное житіе, а потому, что находили такую сдѣлку съ промышленниками,

во-первыхъ — крайне вредной для данной цѣли вообще, ибо она не можетъ уменьшить числа несчастій; во-вторыхъ — крайне невыгодной для рабочихъ классовъ, ибо не можетъ, какъ мы показали раньше, доставить послѣднимъ достаточнаго обезпеченія, и въ-третьихъ, потому, что такія преждевременныя добровольныя (!?) пожертвованія — совершенно бесполезны для данной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, опытъ всѣхъ трехъ странъ, гдѣ установлено специальное законодательство объ отвѣтственности, — Германіи, Англіи и Швейцаріи, показываетъ, что едва тамъ введены были эти законы, какъ немедленно промышленники, побуждаемые личнымъ интересомъ, поспѣшили сдѣлать крупныя и притомъ постоянныя денежныя взносы для организаціи страховыхъ обществъ, которыя бы частію сняли съ нихъ тягость отвѣтственности. Поэтому, во всѣхъ сказанныхъ странахъ, почти одновременно съ прохожденіемъ законовъ объ отвѣтственности, начали основываться многочисленныя общества, какъ акціонерныя, такъ и взаимнаго страхованія противъ несчастій на всякаго рода промышленныхъ заведеніяхъ. Личная выгода и собственный интересъ оказались гораздо лучшими стимулами для обезпеченія пострадавшихъ рабочихъ, нежели благотворительность, форму которой имѣетъ проектъ московскихъ фабрикантовъ. Но, конечно, и при существованіи такого специального и строгаго закона объ отвѣтственности, заставляющаго промышленниковъ Германіи, Англіи и Швейцаріи затрачивать для этой цѣли значительныя суммы, эта принудительность отнюдь не исключаетъ и благихъ порывовъ филантропіи немногихъ лицъ. Такъ, въ Германіи и Англіи, гдѣ законы (въ противоположность швейцарскимъ) объ отвѣтственности вовсе не вынуждаютъ промышленниковъ заботиться о послѣдствіяхъ другихъ несчастій, кромѣ тѣхъ, вина которыхъ, предусмотрѣнная закономъ, падаетъ лично на нихъ самихъ, тѣмъ не менѣе иные фабриканты застраховываютъ своихъ рабочихъ, уплачивая само собою разумѣется возвышенныя преміи, противъ всякихъ несчастій, по чьей бы винѣ они ни произошли.

Главнѣйшій выводъ, слѣдовательно, который мы можемъ

въ примѣненіи къ Россіи извлечь изъ сдѣланнаго обзора иностранныхъ законодательствъ, состоитъ въ томъ, что никакія пожертванія гг. фабрикантовъ и никакое фабричное законодательство имѣющее у насъ вскорѣ быть введеннымъ, не уменьшитъ значительно числа несчастій и не обезпечитъ участь потерпѣвшихъ отъ нихъ, пока и у насъ не будетъ, по примѣру Запада, установлено специальное и по образцу его организованное законодательство объ отвѣтственности хозяевъ. Опытъ западной Европы, которой пришлось въ этомъ отношеніи прокладывать путь не имѣя прецедентовъ, можетъ въ значительной степени облегчить нашу задачу и мы, съ ея помощью, въ состояніи будемъ избѣгать и многихъ ошибокъ. Много лѣтъ, чуть не съ Петра I, мы, по образцу той же Европы, ходимъ и леземъ нашу крупную промышленность, снабжаемъ ее казенными субсидіями, льготами, монопольными правами и, что еще дороже, — охраняемъ многолѣтнимъ таможеннымъ покровительствомъ, которое обходится всему народу ежегодно многіе милліоны рублей, перераспредѣляемые изъ кармановъ каждаго изъ насъ въ карманъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Теперь, когда въ виду грандіозной всероссійской выставки и опять такъ по камертону даваемому западной Европой, крики объ усиленіи покровительственной системы все болѣе и болѣе усиливаются, почему же намъ не воспользоваться еще разъ примѣромъ того же Запада, какъ для уменьшенія болѣзненности и смертности, такъ и обезпеченія пострадавшихъ лицъ между нашими рабочими, создавшими своими руками не только эту выставку, но и всю нашу промышленность? Матеріальныя жертвы, навлекаемая такимъ образомъ на промышленниковъ, будутъ, по объясненнымъ причинамъ, лишь простымъ актомъ справедливости, какъ передъ фабричными рабочими, такъ и предъ всѣмъ русскимъ народомъ.

Первый урокъ, который мы можемъ получить на основаніи чужаго опыта, заключается въ томъ, чтобы избѣгать нами указанной ошибки германскаго законодательства, исправленной новымъ швейцарскимъ закономъ. Мы разумѣемъ важный

вопросъ о томъ, кто доказываетъ вину въ случаѣ несчастія. Въ Германіи, какъ мы знаемъ, относительно желѣзныхъ дорогъ виновной стороной всегда предполагается управление дороги, пока оно не докажетъ противнаго; относительно же другихъ несчастій—общій порядокъ, т. е. истецъ-рабочій обязанъ доказывать вину хозяина, чтобы получить удовлетвореніе, вслѣдствіе чего масса исковъ лицъ, пострадавшихъ отъ несчастій, на судѣ проигрываются. Швейцарскій законъ измѣнилъ этотъ пунктъ и возлагаетъ обязанность доказывать вину (*onus probandi*) всегда на хозяина, почему потерпѣвшему и становится гораздо легче выиграть искъ. Такимъ образомъ, согласно этому принципу, положенному въ основаніе швейцарскаго закона, хозяинъ всегда отвѣчаетъ за несчастіе съ его рабочимъ, до тѣхъ поръ, пока не докажетъ свою невинность.

Второй важный пунктъ закона объ отвѣтственности долженъ состоять въ невозможности для хозяевъ особыми договорами или сдѣлками съ самими рабочими слагать съ себя отвѣтственность, что имѣетъ мѣсто въ англійскомъ законѣ и повело къ большимъ злоупотребленіямъ, но мудро предусмотрѣно и воспрещено въ Швейцаріи. Понятно, что отсутствіе объ этомъ особой оговорки можетъ уничтожить почти всякое значеніе самой законодательной мѣры.

Третій важный пунктъ заключается въ томъ, что отвѣтственность должна падать на хозяевъ не только за смертные случаи, поврежденія и увѣчья, но и за профессиональныя болѣзни, имѣвшія мѣсто въ ихъ заведеніяхъ, какъ это мы видѣли признается тѣмъ-же швейцарскимъ закономъ 1881 года. Лишь съ помощью этой законодательной мѣры возможно серьезно улучшить санитарное положеніе нашихъ промышленныхъ заведеній, находящееся въ самомъ безобразномъ видѣ. Лишь черезъ эту мѣру можно надѣяться предохранить и подрастающее поколѣніе, работающее на фабрикахъ, отъ преждевременной смерти и сберечь его силы на пользу государства. Всякое ограниченіе дѣтскаго труда опредѣленнымъ терминномъ

времени, предполагаемое у насъ, окажется, безъ принятія этой мѣры, недостаточнымъ и безсильнымъ палліативомъ.

Вотъ тѣ три наибаважнѣйшія стороны законодательства относительно несчастныхъ случаевъ, на которыя должно быть обращено особое вниманіе, если когда-нибудь намъ суждено видѣть серьезную реформу нашего фабричнаго законодательства. Затѣмъ, какъ-бы остальные стороны его ни были даже образцово выработаны и, притомъ, будемъ-ли мы имѣть одно общее законодательство объ отвѣтственности для всѣхъ видовъ промышленныхъ предпріятій, какъ на Западѣ, или отдѣльныя самостоятельныя узаконенія, но если только упомянутые три пункта не будутъ положены въ основаніе его, то во всякомъ случаѣ все рѣшеніе вопроса, кто отвѣчаетъ за несчастія съ рабочими, какъ бы оно у насъ ни состоялось, и даже все будущее фабричное законодательство потеряетъ на три четверти свою цѣну и значеніе.

Ив. Янкуль.

Изъ „Новеллетъ“ Александра Кильланда ¹⁾.

I.

Вальное настроеніе.

Она легко и ни разу не оступившись поднялась вверхъ по гладкой мраморной лѣстницѣ, не имѣя ничего для опоры, кромѣ своей красоты и своего отъ природы добраго нрава. И она заняла свое мѣсто въ салонахъ богачей и знати, не заплатившись за доступъ въ нихъ ни своей честью, ни своимъ добрымъ пменемъ, хотя никто не былъ въ состояніи сказать, откуда она явилась. Говорилось только въ тихомолку, что она пришла на верхъ съ самыхъ нижнихъ ступенекъ.

Въ одномъ изъ парижскихъ предмѣстій найденышемъ про-

¹⁾ Кильландъ—молодой норвежскій беллетристъ, уже обратившій на себя вниманіе европейской читающей публики. По своей манерѣ писать онъ представляетъ нѣчто среднее между Альфонсомъ Додэ (въ его мелкихъ рассказахъ) и Бретъ-Гартомъ: съ рѣзкими контурами, чуждыми кропотливой детальности послѣдняго, онъ соединяетъ поэтическое изящество перваго. Отъ читателя, конечно, не ускользнуть въ переведенныхъ нами миниатюрныхъ рассказахъ Кильланда, въ первомъ—изящная рисовка фигуры аристократической плебейки, героини рассказа, и тонкій юморъ, съ которымъ двумя штрихами очерчена особа ея обожателя изъ дипломатическаго корпуса; во второмъ же—глубокое чувство поэзии, разлитой въ окружающую насъ мертвой природѣ, у которой неутомимое человечество съ каждымъ днемъ отвоевываетъ все новыя и новыя области.

голодала она все свое дѣтство, проводя жизнь между порокомъ и нищетою,—жизнь, о которой могутъ имѣть понятіе только знающіе ее по опыту. Мы же, привыкшіе пріобрѣтать наши знанія пзъ книгъ и съ чужихъ словъ, должны обратиться за помощью къ нашей фантазіи, чтобы представить себѣ, что такое наследственная нужда въ большомъ городѣ, и, можетъ быть, даже самыя ужасныя картины, какія намъ удастся нарисовать, окажутся всетаки блѣдными въ сравненіи съ дѣйствительностью.

Строго говоря, было только вопросомъ времени, когда ее захватитъ порокъ, (подобно тому, какъ зубчатое колесо захватываетъ слишкомъ близко подошедшаго къ машинѣ) съ тѣмъ, чтобы послѣ непродолжительнаго круженія среди жизни, исполненной позора и униженія, швырнуть ее съ безжалостною пунктуальностью машины въ уголь, гдѣ, никому неизвѣстная и до неузнаваемости измѣнившись, она прекратила бы эту жалкую пародію на человѣческое существованіе.

Но однажды, благодаря случайности, на ней остановился взглядъ одного богатаго и высокопоставленнаго лица, когда она, четырнадцатилѣтній подростокъ, перебѣгала одну изъ лучшихъ въ городѣ улицъ. Она шла тогда въ темную мастерскую въ улицѣ „de Quatre Vents,“ гдѣ она работала у женщины, торговавшей искусственными цвѣтами.

Не одна необыкновенная красота ея приковала къ ней вниманіе упомянутаго богача, но и ея движенія, все ея существо, выраженіе еще неопредѣлившихся чертъ ея лица—все, казалось, говорило ему о борьбѣ, которая шла здѣсь между добрымъ отъ природы характеромъ и зарождающимся безстыдствомъ. И такъ какъ ему не были чужды эксцентричныя капризы, создаваемые чрезмѣрнымъ богатствомъ, то онъ и рѣшилъ попытаться спасти бѣдняжку.

Не принадлежа ни къ чьей семьѣ, она безъ затрудненій перешла въ его руки. Ей была дана фамилія и ее помѣстили въ одинъ изъ лучшихъ монастырскихъ пансіоновъ. Ея благодѣтель съ радостью замѣчалъ, какъ дурныя задатки въ ней

пропадали и вымирали. Воспитаніе превратило ее въ существо тихое и чуждое недостатковъ, съ милымъ, хотя нѣсколько безопаснымъ характеромъ, не говоря уже объ ея ослѣпительной красотѣ.

Поэтому, когда она выросла, онъ женился на ней. Они жили другъ съ другомъ какъ нельзя лучше, въ мирѣ и согласіи. Несмотря на огромную разницу въ лѣтахъ, онъ питалъ къ ней безграничное довѣріе и она вполне заслуживала его.

Во Франціи супруги живутъ не въ столь тѣсной взаимности, какъ у насъ; отъ того и требованія ихъ не такъ велики и испытываемыя ими разочарованія огорчаютъ ихъ въ гораздо меньшей степени.

Не будучи счастливой, она чувствовала себя вполне довольной. Ея характеръ какъ будто былъ созданъ для благодарности. Богатство не прискучивало ей, —напротивъ, она радовалась ему иногда, совершенно какъ ребенокъ. Но объ этомъ никто и не догадывался, настолько все ея существо было исполнено самообладанія и достоинства. Подозрѣвали что-то неладное въ ея происхожденіи, но за отсутствіемъ всякаго отвѣта и самые вопросы объ этомъ наконецъ прекратились: въ Парижѣ и безъ того есть много надъ чѣмъ задуматься.

Свое прошлое она позабыла. Оно было забыто ею точно также, какъ нами забываются розы, шелковые бантики и пожелтѣвшія записочки изъ поры нашей юности, потому что мы никогда о нихъ не думаемъ. Они хранятся у насъ въ шкапулкѣ, которой мы никогда не открываемъ. И, однакожь, случись намъ заглянуть въ эту заповѣдную шкапулку, мы тотчасъ же замѣтили бы, еслибъ изъ нея исчезли хоть одна роза или самый крошечный бантикъ. Вѣдь, въ сущности, мы помнимъ все до мельчайшихъ подробностей: воспоминанія сохраняются тамъ съ неизмѣнною свѣжестью—одинаково для насъ радостныя, одинаково горестныя. Такъ и она позабыла свое прошлое—заперла его и забросила ключикъ.

Но по ночамъ иногда ей видѣлись ужасные сны. Она снова

чувствовала, какъ старая вѣдьма, у которой она жила, старалась, хватая и тряся ее за плечо, разбудить ее и выгнать на утренній холодъ, къ продавщицѣ искусственныхъ цвѣтовъ.

Тогда она вдругъ садилась на своей постели и, въ смертельномъ страхѣ, пристально глядѣла во мракъ. Но затѣмъ она ощупывала шелковое одѣяло и мягкія подушки; ея пальцы прикасались къ богатой рѣзьбѣ на ея роскошной кровати. И между тѣмъ, какъ полусонныя маленькіе ангелы опускали тяжелый занавѣсъ надъ ея сновидѣніемъ, она всецѣло отдавалась тому своеобразному чувству наслажденія, которое мы испытываемъ, убѣдившись, что видѣнный нами дурной, безобразный сонъ былъ ничто иное, какъ только сонъ.

* * *

Развалившись на мягкихъ подушкахъ своего роскошнаго экипажа, она ѣхала на большой балъ къ русскому посланнику. Чѣмъ болѣе она приближалась къ цѣли, тѣмъ ѣзда становилась медленнѣе, пока карета наконецъ не примкнула къ непрерывной вереницѣ экипажей, гдѣ приходилось ѣхать уже шагомъ.

На большой площади передъ домою посольства, ярко освѣщенной факелами и газомъ, собралась огромная толпа народа. Не только пріостановившіеся прохожіе, но въ особенности рабочіе, праздношатающіеся, разнаго сорта бѣдныя женщины и сомнительнаго свойства дамы стояли, плотно притиснувшись другъ къ другу, по обѣимъ сторонамъ ряда каретъ. Шутливыя замѣчанія и грубыя остроты на вульгарнѣйшемъ парижскомъ жаргонѣ градомъ сыпались на изящное барство, сидѣвшее въ экипажахъ.

До нея долетали слова, которыхъ она не слышала уже много лѣтъ, и она краснѣла при мысли, что во всемъ этомъ рядѣ каретъ, можетъ быть, ей одной были понятны низкія выраженія поддонковъ парижскаго населенія.

Она стала всматриваться въ окружавшія ее лица, и ей показалось, какъ будто всѣ они были ей знакомы; она знала, о чемъ они думали, что занимало всѣ эти прислонившіеся одна

къ другой головы, и мало по малу на нее нахлынуль цѣлый рой воспоминаній. На сколько могла, она пробовала отогнать ихъ, но тѣмъ не менѣе она не узнавала сама себя въ этотъ вечеръ.

Итакъ, ключикъ отъ ея шкатулки не былъ затерянъ! Противъ собственной воли она достала его, и воспоминанія ее одолѣли.

Она думала о томъ, какъ она сама, еще полуребенкомъ, готова была съѣсть своимъ алчными взглядами пязцныхъ и расфранченныхъ барынь, отправлявшихся на балъ или въ театръ, и какъ часто она сама съ жгучею завистью плакала надъ цвѣтами, которые съ такимъ трудомъ выдѣлывала по заказу другихъ для ихъ уборовъ. Теперь она видѣла точно такіе же алчные взгляды, такую же неуголимую, смѣшанную съ ненавистью, зависть.

И эти смутные, серьезные мушкетеры, оглядывавшіе полупрезрительнымъ, полуугрожающимъ взоромъ медленно двигавшіеся мимо нихъ экипажи,—всѣ они были словно знакомы ей.

Развѣ, еще маленькой дѣвочкой, приютившись гдѣ-нибудь въ уголкѣ и глядя широко-раскрытыми глазами, не вслушивалась она въ ихъ разговоры о житейской несправедливости, о тиранствѣ капиталистовъ и о правахъ рабочаго, которому стоитъ только протянуть руку, чтобы все сдѣлалось его достояніемъ?

Она знала, что все возбуждало въ нихъ ненависть—начиная съ выхолощенныхъ лошадей и параднаго кучера и кончая крытою лакомъ, блестящей каретой; но всего болѣе ненавидѣли они сидящихъ въ ней: о, эти ненасытные вампиры и эти барыни, наряды и уборы которыхъ стояли больше золота, чѣмъ сколько любой изъ нихъ приобрѣлъ бы трудомъ всей своей жизни!

И между тѣмъ, какъ она разсѣянно смотрѣла вслѣдъ за рядомъ каретъ, медленно двигавшихся среди толпы, въ ней проснулось иное воспоминаніе, полузабытая страница изъ ея школьной жизни въ монастырѣ.

Ей вдругъ припомнился разсказъ о томъ, какъ фараонъ хотѣлъ съ своими колесницами пуститься въ погоню за израильтянами чрезъ Черное море. Она, казалось, видѣла, какъ съ обѣихъ сторонъ тѣснятъ египтянъ вздымающіяся, на подобіе стѣнъ, волны, которыя она всегда представляла себѣ кроваво-краснаго цвѣта.

Но вотъ раздался голосъ Моисея; онъ простеръ свой жезлъ надъ водами, и волны Краснаго моря слились и поглотили фараона вмѣстѣ съ его колесницами. Она сознавала, что стѣна, стоявшая съ обѣихъ сторонъ около нея, была хищнице и неукротимце морскихъ волнъ; она знала, что стоитъ раздаться голосу новаго Моисея, и это человеческое море придетъ въ движеніе и, катя свои разрушительныя кроваво-красныя волны, схоронитъ подъ ними весь блескъ богатства и власти.

Усиленно билось ея сердце и она, въ трепетѣ, прижалась въ уголь кареты. Но не изъ страха, а чтобы не могли ее видѣть стоявшіе вокругъ, потому что ей было стыдно за себя передъ ними.

Первый разъ въ жизни ея счастье предстало передъ ней, какъ какая-то несправедливость, какъ что-то такое, чего она стыдилась.

Развѣ здѣсь было ея мѣсто, въ этомъ влгантномъ, съ мягкой обивкой экипажѣ, посреди этихъ тирановъ и кровопійцъ? Не принадлежала ли она скорѣе къ тѣмъ дѣтицамъ ненависти, не было ли ея мѣсто тамъ, въ рядахъ колышущейся толпы?

На половину уже забытыя мысли и чувства вдругъ подняли голову, подобно хищнымъ звѣрямъ, которые долго оставались прикованными. Она чувствовала себя чужой и безродной въ своей блестящей жизни и съ какимъ-то демоническимъ томленіемъ вспоминала объ ужасномъ мѣстѣ, изъ котораго она вышла.

Она схватилась за свою дорогую кружевную шаль, и ею овладѣлъ дикій порывъ желанія что-нибудь уничтожить, разо-

рвать въ куски, — по карета какъ разъ въѣзжала уже въ ворота посольскаго дома.

Лакей распахнулъ дверцы, и она, съ свойственной ей аристократически-спокойной осанкой и привѣтливою улыбкой, медленно вышла изъ кареты.

Молодое *attaché*-образное существо, кинувшееся ей на встрѣчу, почувствовало себя безмѣрно счастливымъ, когда она оперлась на его руку, и еще болѣе пришло въ восторгъ, замѣтивъ въ ея взорѣ какой-то необыкновенный блескъ, и наконецъ, оно было рѣшительно на седьмомъ небѣ, когда ему показалось, что ея рука слегка дрожала.

Преполненный гордости и надеждъ, онъ съ изысканною граціей вель се вверхъ по гладкимъ мраморнымъ ступенямъ.

* * *

— Скажите пожалуйста, какая добрая фея принесла вамъ еще въ колыбель этотъ чудный даръ, что все, къ чему вы ни прикоснетесь, носить какой-то необыкновенный, своеобразный отпечатокъ? Простой цвѣтокъ, укращающій вашу прическу, становится какъ-то особенно очарователенъ, словно освѣженный утреннею росю. Начинаете ли вы танцевать, и самый полъ, кажется, волнообразно колыхается, какъ будто не въ силахъ будучи оторваться отъ вашихъ ногъ.

Графъ самъ не мало удивился такому длинному и удачному своему комплименту, такъ какъ связность въ выраженіяхъ, вообще, давалась ему не легко. Поэтому онъ и ожидалъ, что красавица выразитъ ему свою признательность.

Но онъ обманулся въ этомъ. Слегка перегнувшись черезъ перила балкона, куда она вышла послѣ танцевъ подышать мягкимъ, вечернимъ воздухомъ, она пристально смотрѣла на толпу народа и на продолжавшіе подъѣзжать экипажи.

Казалось, она вовсе не замѣтила неожиданной развязности графа; онъ только слышалъ, какъ она прошептала оставшееся для него непонятнымъ слово „фаранъ“.

Онъ хотѣлъ уже разсыпаться въ жалобахъ, какъ вдругъ она обернулась. Сдѣлавши шагъ по направленію къ залѣ, она

остановилась передъ нимъ и посмогрѣла на него большими, странными глазами, съ выраженіемъ, какого ему никогда не удавалось еще замѣчать у ней.

— Графъ, сказала она, я не думаю, чтобъ при моемъ рожденіи присутствовала какая нибудь добрая фея или даже няблась колыбель. Но въ томъ, что вы сказали о моихъ цвѣтахъ и о моемъ танцѣ, вы обнаружили замѣчательную проницательность, и я объясню вамъ тайну, связанную съ свѣжею утреннею рососою, покрывающею мои цвѣты. Это, графъ, слезы, уроненныя на нихъ завистью, обманутою надеждой и раскаяніемъ. А когда вамъ представляется, что полъ волною колышется подъ нами, пока мы танцуемъ, то это оттого, что онъ содрогается подъ тяжестью ненависти миліоновъ людей.

Она проговорила это съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ и, привѣтливо кивнувши, исчезла въ залу.

Графъ былъ совершенно озадаченъ. Онъ взглянулъ внизъ на массы народа. Это было зрѣлище, виданное имъ безчисленное множество разъ, и по поводу этого многоголоватаго чудовища имъ даже было сказано не мало плохихъ и нѣсколько удачныхъ остротъ; но только въ этотъ вечеръ пришло ему на мысль, что подобное чудовище составляетъ самое неподходящее сосѣдство, какое только можно придумать для аристократическаго палаца.

Странныя и тревожныя мысли восписались въ головѣ графа, гдѣ для нихъ было раздолье. Онъ же чувствовалъ себя до такой степени растеряннымъ, что все время, пока не кончили польку, не могъ вполне овладѣть собою.

II.

На торфяникѣ.

Высоко надъ равниной пролеталъ старыи, смышленный воронъ.

Ему предстояло летѣть еще нѣсколько миль на западъ, до самаго берега моря, гдѣ онъ рассчитывалъ вырыть свиное ухо,

припрятанное имъ тамъ въ счастливые дни. Теперь стояла поздняя осень и кормъ былъ до крайности скуденъ.

По словамъ народа, завидѣвъ одного ворона стоять только оглядѣться, какъ сейчасъ же запримѣтишь и другаго. Но на этотъ разъ, сколько бы ни слѣдить за полетомъ стараго, умпаго ворона, онъ оказывался совершенно одинокимъ. Не обращая ни на что вниманія, онъ плавно разсѣкалъ своими сильными и какъ уголь черными крыльями туманный, ненастный воздухъ, направляя полетъ свой прямо на западъ и не издавая ни малѣйшаго звука.

Но между тѣмъ, какъ онъ тихо и осторожно продолжалъ свой путь, пронзительный взоръ его пристально всматривался въ раскинувшуюся внизу мѣстность, и досада овладѣла старой птицей.

Все это пространство покрывали, словно заплаты, разныхъ размѣровъ желтыя полосы, становившіяся съ каждымъ годомъ все многочисленнѣе и крупнѣе; одна доля за другою отрѣзывалась отъ равнины, и на нихъ появлялись домики съ красными черепичными крышами, низкія трубы съ торфянымъ, полнымъ копотн дымомъ, на каждомъ шагу приходилось наталкиваться на человѣка и дѣла его рукъ!

Онъ вспомнилъ дни своей юности, тому назадъ уже много зимъ, когда тутъ было самое настоящее мѣсто для порядочнаго, семейнаго ворона: во всѣ стороны разстилались длинныя ровныя пространства, изобиловавшія зайчатами и мелкою дичью, а по берегамъ водились гаги, гнѣзда которыхъ были полны прекрасныхъ крупныхъ яицъ, да и вообще всякаго рода лакомствъ было тутъ вдоволь.

Теперь, напротивъ, здѣсь повсюду виднѣлись человѣческія жилища, желтыя нивы и зеленѣющіе луга, и при всемъ томъ была такая скудость въ кормѣ, что честному старому ворону приходилось летать за цѣлыя мили ради какого-нибудь негоднаго свиного уха!

О, люди, люди! вы были хорошо извѣстны старому ворону! Старый воронъ хорошо зналъ васъ! Онъ выросъ въ обществѣ

людей и при томъ людей лучшаго круга. Въ большомъ барскомъ имѣніи, неподалеку отъ города, провелъ онъ свое дѣтство и юность.

Но теперь каждый разъ, какъ ему приходилось пролетать надъ господскою усадьбой, онъ поднимался какъ можно выше, изъ опасенія быть узнаннымъ. Это происходило отъ того, что, замѣтивъ въ саду женскую фигуру, онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что это сама молодая барышня, напудренная и съ бантомъ на головѣ, тогда какъ въ дѣйствительности это была ея дочь въ сѣдыхъ локонахъ и вдовьемъ чепцѣ.

Хорошо ли жилось ему у людей высшаго круга? Если хотите, — да: корму было вдоволь и можно было многому научиться; но всежь-таки это была неволя. Въ первый же годъ ему подрѣзали лѣвое крыло, и за тѣмъ—на „ragole d'honneur“, какъ говаривалъ старый баринъ.

Честнаго то слова воронъ и не сдержалъ. Это случилось въ одинъ изъ весеннихъ дней, когда надъ садомъ пролетала молодая и точно лоскомъ покрытая черная ворона.

Черезъ нѣсколько времени—спустя двѣ-три зимы—онъ возвратился было въ усадьбу, но какіе-то чужіе мальчишки стали швырять въ него камнями, а стараго барина съ молодой барышней не было дома.

„Они вѣрно въ городѣ“, подумалъ воронъ и, переждавъ нѣкоторое время, прилетѣлъ снова; однако-жь и на этотъ разъ оказанный ему приѣмъ былъ не лучше.

Тогда честная старая птица—воронъ за это время успѣлъ ужъ состариться—почувствовала себя въ глубинѣ души оскорбленной и всегда съ тѣхъ поръ стала пролетать надъ помещичьимъ домомъ на значительной высотѣ. Предоставляя старому барину и молодой барышнѣ высматривать его въ воздухѣ, сколько имъ угодно,—онъ былъ убѣжденъ, что они дѣлаютъ это,—воронъ рѣшительно не хотѣлъ знаться съ людьми.

И онъ позабылъ все, чему среди нихъ научился—и трудныя французскія слова, которымъ его выучила въ салонѣ ба-

рышья, и гораздо легче давшіяся ему энергическія выраженія, которыя онъ самоучкой усвоилъ себѣ въ людской.

Только два человѣческихъ звука сохранилось у него въ памяти, образуя какъ бы два конечные пункта его испарившейся учености. Когда онъ бывалъ въ хорошемъ настроеніи, то иногда выговаривалъ слова: *Bonjour, Madame!*—и напротивъ, будучи не въ духѣ, онъ вскрикивалъ: „чортъ съ вами!“

Быстрымъ, увѣреннымъ полетомъ скользилъ онъ въ сырость и туманомъ воздухѣ. Онъ могъ уже разглядѣть приборъ морскихъ волнъ, словно бѣлая опушка, сверкавшій вдоль берега; но вдругъ онъ замѣтилъ тянущуюся внизу подъ нимъ обширную, чернаго цвѣта площадь,—это былъ торфяникъ.

По возвышенностямъ кругообразно располагалось нѣкоторое число дворовъ; но въ неизменной равнинѣ, протянувшейся по крайней мѣрѣ на цѣлую милю, вовсе не было замѣтно какихъ-либо признаковъ присутствія человѣка; только на окраинѣ видѣлись торфяная куча, да черноватые холмики и мелькавшія между ними лужи воды.

Bonjour, Madame! прокричалъ старый воронъ, принимаясь описывать большіе круги надъ болотистою равниной. Здѣсь все казалось ему пастолько роднымъ, что онъ медленно и осторожно опустился на землю и усѣлся на древесномъ корнѣ посредиѣ болота.

Почти, какъ въ старые годы, здѣсь все было пустынно и безмолвно. Мѣстами, гдѣ почва была посуше, скудно росла болотная трава, да видѣлся разбросанными пучками камышъ; болотный пухъ уже отцвѣлъ, но на его жесткихъ стебляхъ висѣли еще кое-гдѣ почервѣвшіе и слипшіеся отъ осенняго дождя хлопья,—и затѣмъ повсюду только нѣжная, темная, рыхлая земля, сырая и почти сплошь покрытая пнями; изъ-подъ нея торчали наружу сѣроватые, разорванные корни деревьевъ, узловатою сѣтью сплетшіеся между собою.

Старый воронъ отлично понималъ, что находилось передъ его глазами. Здѣсь, очевидно, нѣкогда росли деревья, когда его еще и на свѣтѣ не было. Теперь отъ лѣсу ничего не оста-

лось—ни вѣтвей, ни листьвы, все стгнуло: уцѣлили одни корни, которые, тѣсно переплетаясь другъ съ другомъ, глубоко проникали внутрь мягкой черной массы, состоявшей изъ воды и растительныхъ волоконъ.

Но далѣе, повидимому, тутъ уже было нечему измѣняться, и все должно было остаться какъ оно есть,—такъ что, по крайней мѣрѣ, это мѣсто люди вынуждены были оставить въ покоѣ.

Старая птица вытянула шею: въ дальнемъ разстояніи стояли дворы, а кругомъ на бездонной трясинѣ все казалось такъ уютно и безопасно. Все-таки, значить, люди должны были кое-что оставить постарому. Воронъ почистилъ клювомъ свои лоснящіяся черныя перья и нѣсколько разъ пропнесь: *Bonjour, Madame!*

Но другъ изъ ближайшаго двора показалось нѣсколько человекъ съ лошадыю и телѣгой; за ними слѣдовали два мальчугана. Всѣ они двинулись по извилистой дорогѣ черезъ холмы, но въ прямомъ направленіи къ торфянику.

Ну, они конечно сейчасъ остановятся, подумалъ воронъ.

Однакожь они подходили все ближе и ближе, старый воронъ съ безпокойствомъ повертывалъ голову, — даже странно было видѣть, какъ далеко рѣшаются они заходить въ трясину.

Наконецъ, они остановились и мушны взялись за лопаты и топоры. Воронъ смотрѣлъ, какъ они трудились надъ огромнымъ древеснымъ пнемъ, стараясь выворотить его изъ-подъ почвы.

„Скоро эта работа придется имъ не по вкусу“, подумалъ воронъ.

Но они работали безъ усталы, то рубя топорами, — такими острыми воронъ еще и не видывалъ, — то выкапывая лопатами землю, пока, наконецъ, благодаря ихъ дружнымъ усиліямъ не посчастливилось имъ опрокинуть на сторону тяжелый стволъ, такъ что теперь вся неуклюжая сѣть корней торчала кверху.

Когда мальчуганамъ надоѣло прокапывать канавки между лужами, одинъ изъ нихъ замѣтилъ: — Гляди-ка, какая большая

ворона!" Они набрали каменьевъ въ обѣ руки и стали подкрадываться изъ-за пригорковъ.

Воронъ хорошо это видѣлъ, но въ то же время онъ видѣлъ еще и вѣчто гораздо худшее. Выходило, что даже здѣсь, на торфяникѣ, не было отъ людей мира и покоя. Воронъ видѣлъ теперь, что даже сѣрые корни деревьевъ, которые были старше самого старата ворона и такъ тѣсно переплетались между собой въ глубокой, бездонной трясинѣ,—даже и они должны были уступить топору. Но едва мальчюки приблизились настолько, чтобы швырнуть въ ворона камень, какъ онъ расправилъ свои тяжелыя крылья и улетѣлъ.

Однакоже пока онъ поднимался въ воздухѣ, глядя внизъ на прилежно работавшихъ мужиковъ и на глупыхъ ребятъ, которые, съ камнями въ рукахъ, глазѣли вслѣдъ за нимъ,—старый честный воронъ вдругъ обозлился.

Подобно орлу, стремглавъ налетѣлъ онъ на мальчугановъ и, хлопая ихъ по ушамъ своими огромными крыльями, страшныхъ голосомъ прокричалъ: „чортъ съ вами!“

Ребята съ громкимъ крикомъ повалились на землю. Когда же, черезъ нѣсколько мгновений, они рѣшились приподнять голову, то все кругомъ уже было попрежнему тихо и пустынно,—только далеко-далеко видѣлась одиноко летѣвшая на западъ черная птица.

И все время потомъ, когда они стали уже взрослыми людьми и даже до самой смерти, они сохраняли убѣжденіе, что тамъ, на черномъ торфяникѣ, имъ однажды явился нечистый въ видѣ необычайно огромной птицы съ огненными глазами.

И, однакожь, въ дѣйствительности это былъ просто старый воронъ, летѣвшій на западъ, чтобы вырыть свиное ухо, за-благовременно припрятанное имъ на черный день.

И Т Е Л Ъ.

(Очеркъ).

I.

Въ замерзшее, узкое окошко сырой и мрачной кухни чуть проглянуть лучъ солнца, отразился какъ въ призмѣ всѣми цвѣтами радуги въ ледяныхъ узорахъ, скользнулъ по заиндевелымъ стѣнамъ, у которыхъ лѣпились грязныя койки съ видѣвшимися на нихъ фигурами постояльцевъ, и заигралъ на зеленовато-блѣдномъ лицѣ молодаго человѣка, лежавшаго съ закинутыми назадъ руками. Сѣрые, задумчивые глаза его были упорно устремлены въ пространство; онъ какъ бы тревожно прислушивался къ чему, и по временамъ лицо его то ярко вспыхивало румянцемъ, словно подъ наплывомъ тяжелыхъ думъ, то моментально гасло.

Крошечные, засиженные мухами часы неумолчно тикали, съ нѣкоторыхъ коекъ доносился тяжелый, прерывистый храпъ, голодный котенокъ гдѣ-то мяукалъ...

Вдругъ, въ темномъ углу закопошилась какая то массивная, всклокоченная фигура.

Молодой человѣкъ насторожился.

Онъ даже словно дышать пересталъ, и сомкнулъ вѣки; на лицѣ ясно отпечаталось чувство недовольства и раздраженія.

Фигура выдвинулась на свѣтъ, и предстала во всемъ своемъ величественномъ безобразіи. Это былъ мушпа громаднаго роста, геркулесовскаго сложенія; шапка густыхъ, давно незнавшихъ гребня волосъ низко спускалась на вытаращенные, безмысленные отъ безпросыпнаго пьянства глаза, немного ниже которыхъ, за огромнымъ, фіолетоваго цвѣта носомъ, начиналась густая, рыжая борода.

Геркулесъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ койкѣ молодаго человѣка, и, почесываясь, грузно опустился на табуретъ.

— Спишь, что-ли? пробасилъ онъ.

Молодой человѣкъ открылъ глаза.

На этотъ разъ что-то вродѣ непримиримой ненависти къ своему мучителю отразилось въ нихъ.

— Спишь, говорю, что-ли?

— Нѣтъ, не сплю.

— Опохмѣлится-то есть?

— Нѣтъ.

Гигантъ развелъ руками.

— Никакъ не возможно безъ эстаго! Добудь!

— Гдѣ я добуду! прошенталъ молодой человѣкъ.

— Добудь! Миѣ что за дѣло!

— Оставь, меня Бога ради!

— Добудь, говорю. Держать задарма не стану! Околѣешь еще, гдѣ миѣ съ тобой возжаться!

— Гдѣ добыть-то! И безъ того ужъ вездѣ исходилъ... никто не дастъ.

— А миѣ что за пріятство валандаться съ тобой? Еще безпачпортный! Надьсь и то фараонъ заходилъ... Учужали, черти!

— Что же миѣ дѣлать-то! Попытаю сегодня... Можетъ быть достану...

— Гдѣ доставешь-то?

— Гдѣ нибудь... Попрошу! прошенталъ молодой человѣкъ.

Хозяинъ досадливо махнулъ рукой и отвернулся.

— Пустое брешешь! „Попрошу“. Кто тебѣ дастъ? Нашель дураковъ!

— Господи! Такъ что же мнѣ дѣлать?

— Уворуй!

— Что?

— Уворуй, говорю. Аль не съумѣешь? Эхъ ты, овечья душа! Баринъ!

Настала томительная тишина. Котенокъ полѣзъ было на столъ; хоз. инъ смахнулъ его на полъ, — тотъ только пискнулъ. Молодой человѣкъ опять закрылъ глаза, но вдругъ снова открылъ, и съ рѣшительнымъ видомъ приподнялся.

— Я пойду! Принесу денегъ...

— Надумался? То-то вотъ оно!.. Такъ то лучше. Да, смотри, безпремѣнно какой ни какой начпортъ предоставь!.. Такъ держать не стану... Много васъ такихъ-то... Вонъ, надьсь, фараонъ....

Молодой человѣкъ сталъ одѣваться, лихорадочно хватаясь то за одну, то за другую принадлежность своего жалкаго гардероба. Хозяинъ съ торжествующимъ видомъ посматривалъ на него. Наконецъ, обмотавъ шею грязнымъ шерстянымъ шарфомъ и надѣвъ засаленную фуражку, молодой человѣкъ вышелъ за порогъ.

Несмотря на двадцать градусовъ мороза, его сразу охватили мѣзмы грязнаго, какъ сточная труба, двора. Изъ домовыхъ щелей, изъ низенькихъ, вросшихъ въ землю оконъ, съ деревянныхъ ветхихъ „галдарей“, снизу, сверху, отъсюду несло нуждою, петербургскою, удушающею нуждою, чахоткой и тифами...

Последній совѣтъ хозяйна все еще звучалъ въ его ушахъ.

— Ну что-жъ, — размышлялъ онъ, проходя въ ворота, — видно нѣтъ исхода, нужно украсть, ничего больше не остается! А попадусь, такъ тѣмъ лучше, — казенную квартиру дадутъ, небось не хуже моего угла!

II.

Дѣйствительно никакого, другаго исхода ему почти не представлялось...

Онъ былъ изъ далекой южной губерніи, и пріѣхалъ въ столицу учиться, полный юношескихъ силъ и горделивыхъ порывовъ. На округлыхъ щекахъ горѣлъ румянецъ здоровья, смѣлые, живые глаза смотрѣли самоувѣренно, въ памяти такъ свѣжи, такъ отрадны еще были впечатлѣнія привольной сельской жизни, оснащенной варениками и галушками, приготовляемыми заботливой рукой матери... Но сразу же онъ окунулся въ колею студенческой жизни, сразу познакомился съ нуждою. Отецъ, бѣдный сельскій дьячекъ, не могъ помогать сыну, и молодому человѣку пришлось бороться одному. Первое время, покуда оставалось еще немного изъ привезенныхъ денегъ и не изсякъ запасъ свѣжихъ деревенскихъ силъ, онъ публиковался въ газетахъ, бѣгать по тридцатикопеечнымъ урокамъ, переписывать, за гроши бумаги, но вдругъ заболѣлъ, и все рушилось, и онъ очутился у Меркулыча. Тамъ онъ сразу увидѣлъ себя въ обществѣ людей, доведенныхъ нищетой до потери почти всякихъ человѣческихъ чувствъ, тамъ пришлось ему въ холодную зимнюю пору поневолѣ подолгу пребывать среди этихъ подонковъ рода человѣческаго, поневолѣ быть свидѣтелемъ такихъ сценъ и слушателемъ такихъ рѣчей, отъ которыхъ, въ концѣ концовъ, неминуемо должно было загрубѣть и очерствѣть человѣческое сердце. Это было стадо волковъ, вполне исповѣдывавшее принципъ волчьего общежитія: „урвать, чтобы быть сытымъ“. Темныя, небритыя личности являлись сюда по ночамъ дѣлать добычу... Дѣлежки эти, сопровождавшіяся крѣпкой руганью и зачастую драками, обыкновенно кончались всеобщей пьяной оргіей съ гетерами самаго низшаго разряда

Обстановка была ужасная, но вырваться изъ нея не представлялось никакой возможности. Всѣ невзгоды разомъ хлынули на него, закружили, отуманили...

Нужда показала свои когти! На него, неутратившаго еще воспоминаній о теплой хатѣ, о близкихъ сердцу, — она дѣйствовала особенно подавляющимъ образомъ. Словно въ какомъ желѣзномъ, постепенно стягивавшемся кругѣ очутился онъ. Исключеніе изъ университета за невзность платы 'довершило ударъ. Онъ бросился искать занятій; бѣгалъ съ утра до вечера по улицамъ, просилъ, кланялся, но выпадавшая по временамъ работа носила чисто случайный характеръ и отличалась замѣчательной непродолжительностью. Большинство лицъ, дававшихъ ему занятія, были аферисты, стремившіеся „на обухъ рожь молотить.“ Дѣло не шло, аферистъ прогоралъ, и ему, только что начинавшему отдыхать отъ лишеній, снова приходилось отправляться къ Меркулычу. Онъ махнулъ рукой, не сталъ хлопотать, просить, въ немъ развилась какая то особенная мнительность, — въ каждомъ онъ предвидѣлъ своего врага.

Мало по малу, тѣ маленькія связи и знакомства, которыя у него еще были, начали рваться, какъ рвался и разлѣзалъ по всѣмъ швамъ его послѣдній пиджакъ (купленный подержаннымъ на рынкѣ). Товарищи, заходившіе прежде къ нему, прекратили свои посѣщенія, — онъ не понялъ причины и въ отместку тоже почти пересталъ показываться. Да и не въ чемъ было, а появляться въ отрепьяхъ мѣшала гордость, особенная гордость нищаго. Лишенный товарищества, преслѣдуемый досаждающими мелочами, вродѣ требованій платы за уголь и борьбы съ Меркулычемъ, онъ незамѣтно для самого себя сталъ дичать и озлобляться. А исхода все не было...

Онъ уже присмотрѣлся къ окружавшей его обстановкѣ, притерпѣлся, незамѣтно для самого себя какъ бы втянулся въ нее, и уже не покушался переимѣнить на другую. Да ничего другаго и не имѣлось въ виду. Онъ зналъ отлично, что многіе изъ его товарищей живутъ нисколько не лучше. Меркулычъ, не смотря на свой звѣриный образъ, какъ будто даже добрѣе

былъ другихъ, подобныхъ себѣ: онъ вѣрилъ въ долгъ, довольствовался малымъ и не гналъ, тогда какъ не-Меркулычи ограничивались участливымъ пожиманьемъ плечъ и дешевыми совѣтами „сходить“ и „попробовать“... О, сколько онъ ходилъ и пробовать!..

Гдѣ то, какой то сытый человѣкъ сказалъ, что „голодь есть двигатель прогресса.“ Врядъ ли кто станетъ съ нимъ спорить, по по какимъ ужаснымъ рельсамъ людскихъ болѣзней, сграданій и преступленій катится этотъ торжественный поѣздъ прогресса!

Въ послѣднее время еще одно обстоятельство какъ бы вынуждало его оставаться у Меркулыча: съ тоской и ужасомъ онъ сталъ замѣчать на себѣ вліяніе своего хозяина. Онъ былъ слабъ, съ разбитыми нервами, постоянно тревожился, постоянно чего то боялся; Меркулычъ, при атлетическомъ сложеніи, обладалъ замѣчательнымъ спокойствіемъ, держалъ всѣхъ постояльцевъ въ строгомъ повинновеніи и послушаніи и, чуть ли не руководилъ ихъ поступками. Всѣ слушались его, потому что всѣ отъ него зависѣли. Этотъ человѣкъ былъ какимъ то мрачнымъ олицетвореніемъ нужды, также неумолимъ, также непреклоненъ, какъ сама нужда. Что ему стоило подчинить себѣ такого слабаго, больнаго человѣка? И онъ подчинилъ... Когда вышли послѣдніе гроши и тотъ лежалъ полубольной, доглядывая сухую корку хлѣба, Меркулычъ, смотря на него, изрекъ свой суровый приговоръ въ короткомъ словѣ: **проси!**

— Какъ просить? всполошился онъ. Густая краска стыда залила его щеки.

— Очень просто! Какъ люди просятъ! „Подайте, моль, Христа ради, больному!“

— Я ни за что, ни за что не стану просить! вскричалъ онъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Ну и дуракъ будешь, коли не станешь, съ обычнымъ спокойствіемъ замѣтилъ Меркулычъ, и прибавилъ: брюхо подведетъ, такъ станешь. Небось, не такіе да просятъ!

Слѣдующій день онъ не ѣлъ ничего, только воду пилъ... Меркулычъ все время подозрительно на него поглядывалъ. Но на третій день онъ не выдержалъ, черезъ сплу выползъ на улицу и дотащился до квартиры одного бывшаго товарища.

Въ этотъ день онъ былъ накормленъ и товарищъ далъ даже сколько то копѣекъ, „до лучшихъ дней“, какъ онъ выразился.

Но онъ отлично зналъ, что „лучшихъ дней“ больше не бывать, что этотъ день есть первый, позорный день его нищенства!..

Дѣйствительно, за этимъ днемъ потянулся цѣлый рядъ такихъ же, отличавшихся, между прочимъ, тѣмъ, что „подачки“, какъ онъ ихъ внутренно называлъ, становились все меньше и меньше. Въ это время состояніе его духа было невыносимое: онъ мучился сознаниемъ своего нищенства, какъ ребенокъ плакалъ по ночамъ, и упорно помышлялъ о самоубійствѣ, въ тоже время проклиная свою позорную слабость, свое малодушіе, удерживавшія его покончить съ собою разъ навсегда. Теперь онъ ясно сознавалъ, что съ неудержимой силой скользнуть въ вырытую подъ его ногами пропасть, и весь вопросъ его существованія заключался въ дилеммѣ: „просить“, или какъ посоветывалъ Меркулычъ,—украсть!

III.

— Чего ты толкаешься, хамъ!

Онъ остановился, и осмотрѣлся. Какая то большая улица. Вечерѣетъ, сыплется снѣгъ и вѣтеръ сильный... Вонъ какъ запорошило, а около забора намело порядочною кучу. „Мятедь!“ опредѣляетъ онъ, и съ тупымъ вниманіемъ всматривается въ стоящаго напротивъ извозчика. Извозчикъ, здоровый, краснощекій малый, апатично стоитъ у саней и жуетъ сайку.

И ему захотѣлось ѣсть, даже слюнки потекли... Онъ оглядывается по сторонамъ. Вонъ какой то тучный господинъ въ шубѣ обернулся въ его сторону. Онъ идетъ за господиномъ.

— Позвольте... попросить... на сайку... бормочеть онъ.

— Ахъ ты, каналья! вскрикиваетъ господинъ тоненькимъ фальцетомъ,—самъ толкается, да еще христарадничаетъ! Я вотъ тебя гороховому!

Онъ отходитъ всторону, соображая въ тоже время, какъ у такого тучнаго человѣка, вмѣсто баса или по крайней мѣрѣ баритона, оказался фальцетъ, но вдругъ ощущаетъ въ правой рукѣ что то твердое. Смотритъ,—три копѣйки, и все копѣйками, одна даже стараго чекана попалась. Значить онъ „раньше просилъ“? Ну не все ли равно! А гдѣ же сачникъ? Да вонъ онъ стоитъ на углу и кричитъ: „сайки горячія, вотъ горячченкія!“ Онъ спрашиваетъ сайку, непременно горячую, и получаетъ чуть ли не черствую.

— Что-жъ ты обманывашь? возмущается онъ.

— Эхъ, милый,—возражаетъ сачникъ,—не обманешь, не проживешь. Кушай на здоровье! Сайки скусныя!

— Добрый мужикъ,—рѣшаетъ онъ,—и жалкій какой! Подико прозябъ, цѣлый день стоя на улицѣ?—Да, не обманешь, не проживешь,—вотъ житейская аксіома! Однако, въ самомъ дѣлѣ вечеръ, вонъ и фонари зажгли!

Онъ останавливается подъ навѣсомъ какого-то крыльца, и старается сообразить: какъ же это такъ случилось, что вдругъ наступилъ вечеръ? Но голова плохо работаетъ. По всему тѣлу пробѣгаетъ ознобъ, ноги и руки заоченѣли, мысли путаются, словно мятежь, продолжавшаяся въ теченіи цѣлаго дня, закружила и его, лишила способности соображенія...

Да, дѣйствительно, теперь онъ припоминаетъ, что проходилъ цѣлый день, къ кому-то заходилъ, о чемъ-то просить, чухъ какую-то пчель, говорилъ что-то о „пустынѣ биткомъ набитой людьми“ и вотъ эта „пустыня“ только одна и запомнилась... Кажется, его принимали за сумасшедшаго, и гдѣ-то даже хотѣли отправить въ участокъ. Странно только, почему не отправили? Ясно, впрочемъ, одно,—онъ боленъ... Меркулыть не далъ поправиться, выгналъ на улицу. Да еще ведѣлъ денегъ принести! А гдѣ ихъ взять, денегъ-то? Вонъ послѣднія

три копейки проѣлъ, сбитню не на что выпить. А холодно-то какъ! Нѣтъ, идти лучше чѣмъ стоять!

Онъ сорвался съ мѣста, и спѣшно зашагалъ въ глубь улицы.

Мятезь бушевала. Загнѣвленные снѣжными хлопьями тускло мигали фонари. Прохожихъ почти не было; изрѣдка показывался запорошенный „ванька“ и тотчасъ же скрывался въ снѣжномъ вихрѣ. Вѣтеръ свободно разгуливалъ по улицамъ, навѣвая цѣлые сугробы по угламъ заборовъ и неистово размахивая худо прикрѣпленными вывѣсками.

Вдругъ въ глаза бросились освѣщенные окна. Взвѣжа на блокахъ безпрестанно раскрывалась дверь и входили и выходили люди, распространяя вокругъ себя букетъ полугара. Онъ вошелъ тоже. Спертый воздухъ, пропитанный запахомъ сивухи, впереди группа лицъ, по большей части въ отрешьяхъ, съ опухшими физиономіями, съ слезящимися глазами, дальше, за стойкой, молодцоватый сидѣлецъ съ серьгой въ одномъ ухѣ, въ красной рубахѣ. Одинъ за другимъ въ воздухъ поднимаются стаканчики и вливаютъ содержимое въ желудки потребителей. Стоятъ непрерывный галдежъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ.

— Горе мое, горе пить! кричитъ какой-то мужичишко, постоянно передвигая шапку съ одного уха на другое, съ затылка на лобъ.

— Смирно, черти! гремитъ изъ угла колоссальная фигура въ солдатской шинели.

Онъ отходить въ уголъ, прислоняется плечомъ къ стѣнѣ, и зажмуривъ глаза остается въ такомъ положеніи. Приятная теплота разливается по тѣлу, ему очень хорошо такъ стоять, онъ почти спитъ... Представленія реального міра странно перемишиваются съ грезами полусна. Громкій окрикъ возвращаетъ его къ дѣйствительности. Это кричитъ сидѣлецъ изъ-за стойки.

— Эй ты! Чего тамъ задремалъ? Пошелъ прочь!

Онъ открываетъ глаза, дѣлаетъ шагъ впередъ, и попадаетъ

прямо въ объятія мужичишки. Послѣдній уже совершенно пьянъ и, очевидно, находится въ періодѣ благодушнаго настроенія: физиономія его разцвѣла, маленькія глазки горятъ весельемъ и ухарствомъ.

— Милый, выпьемъ! шепчетъ почему-то мужичишко.

— У меня денегъ нѣтъ.

— У меня есть! Во! хвастается мужичишко, хлопая по карману штановъ, въ которомъ звенятъ мѣдныя деньги, и притащивъ новаго пріятеля къ стойкѣ, заказываетъ пару стаканчиковъ.

Водка бросилась ему въ голову. Онъ словно другимъ человекомъ почувствовалъ себя; все, что пережито было имъ втеченіи этого дня и раньше; какъ-бы отошло на задній планъ, позабылось, и онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимую жажду новыхъ впечатлѣній, почувствовалъ потребность въ дружбѣ, въ душевной бесѣдѣ и пзліяніяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему ужасно гадко стало оставаться въ кабацѣ, и рука объ руку съ новымъ пріателемъ онъ вышелъ на улицу.

IV.

На улицѣ все еще крутила мятель. Мокрая хлопья такъ и лѣзли въ глаза; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ доходилъ до колѣнъ. Мужикъ оказался очень разговорчивымъ: объявилъ, что его зовутъ Егоромъ Петровымъ, что онъ „камотесь“, и „теперича вотъ загулялъ“, — „да, загулялъ“, — прибавилъ онъ, сдвинувъ шапку со лба на затылокъ, и восторженно смотря въ темноту улицы.

— А почему загулялъ? обратился онъ съ вопросомъ къ собесѣднику и, не ожидая отвѣта, продолжалъ; потому что прпона вышла! Вотъ оно что! Ты знаешь Кукушкина?

Онъ воззрился на собесѣдника, и опять не получивъ отвѣта, продолжалъ:

— Не знаешь Кукушкина? Плитника Кукушкина не знаешь? Богатѣй, добавилъ онъ какъ-бы въ скобкахъ, со вздохомъ;—такъ... не знаешь, значить... Кукушкина... Ну... Вотъ я у него и жилъ, съ Вознесенья, значить, до Покрова за двѣсти рублей... Такъ! А съ Покрова, хозяинъ-то, Кукушкинъ значить, и говоритъ: „хочешь,—говорить, Егоръ работать ступени на Гороховой“. Хорошо. Отчего, говорю, не работать, давай! Ну, сталъ я безъ ряды... вотъ видить Богъ, безъ ряды... я мужикъ простой... Я думать цѣна-то прежняя, за ступени-то, анъ пришелъ за расчетомъ, и—ихъ, Боже ты мой милостивый,—совсѣмъ значить другая... цѣна-то... а потомъ прогуловъ понаписалъ въ книжкѣ страсть, да за струментъ, значить, поставилъ... совсѣмъ зарѣзъ, выходитъ—въ деревню-то и не съ чѣмъ! Какъ такъ? По какому, значить, праву? Вышелъ у насъ съ нимъ большой разговоръ, да! Онъ мужчина крупный, здоровый, Кукушкинъ-то,—ну, извѣстно, осатанѣлъ,—рразъ меня въ ухо. А мнѣ обидно стало, ей Богу обидно! „За что, говорю, Семень Павлычъ, дерешься“. А онъ еще: рразъ! (Замѣчательно, что мужиченко эти „рразы“ отсчитывалъ чуть-ли не съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ). Хорошо! Остервенѣлъ и я, полѣзъ драться, попаралалсъ мы съ нимъ! Вотъ тебѣ и расчетъ! Изъ за этого самого препона и вышла, загулялъ я, вотъ ужъ пятый день гуляю. Обидно вѣдь, братецъ! Онъ хоть и хозяинъ, Кукушкинъ-то, а все обидно! Аль не обидно? закончилъ мужикъ, заглядывая въ лицо собесѣднику, съ видимой цѣлью вызвать сочувствіе къ своему горю.

Но лицо того было мрачно-сосредоточенно. Съ самаго начала рассказа мужика, измѣнилось настроеніе его духа, исчезло желаніе изливаться и бесѣдовать по душѣ, а вмѣстѣ его явилось какое то безпричинное раздраженіе. Теперь это раздраженіе перешло въ озлобленность.

— Скотъ твой Кукушкинъ! пробурчалъ онъ въ отвѣтъ.

— Скотъ, вѣрное слово скотъ! согласился и мужикъ,—а, и богатѣй же, я тебѣ скажу! Въ деревнѣ два дома большу-

щипъ съ балконами, въ одномъ домѣ трактиръ... Дворъ то плитный звона какой! Одного мартиріалу можетъ на сколько тысячъ! Уважительный мужикъ! Всѣ то, значить, къ нему съ почтеніемъ.

— И ты къ нему съ почтеніемъ!

— А какже, братъ! Мужикъ богатый, уважительный! Нельзя!

— Ну такъ ты крокодилъ, грубо отрѣзалъ онъ. Ему вдругъ противно стало видѣть этого мужика, такъ глупо преклонявшагося передъ своимъ обидчикомъ, обобравшимъ да еще поколотившимъ его. Что то давнишнее, начинавшее уже исчезать подъ давленіемъ нищеты и безпомощности, вдругъ пробудилось въ немъ, и онъ просто возненавидѣлъ Егора Петрова за его самоуничиженіе.

— Ха, ха, ха! расхохотался мужиченко,—коркодилъ! Это что же такое обозначаетъ?

— А то и обозначаетъ, что крокодилъ!

— Ха, ха, ха, окончательно уже развеселился мужиченко,—вотъ такъ слово: коркодилъ! Это что нибудь, значить, касательно рабочаго человѣка?

— Ну, хоть бы такъ.

— Такъ, такъ, вѣрно братъ, вѣрно! Съ измальства, значить, съ киркой... Такая ужъ планида наша! А мы вотъ что: выпьемъ по этому случаю. Ась? Выпьемъ милый человѣкъ!

— Не хочу я!

— Эхъ полно, братъ, выпьемъ. Больно ужъ ты мнѣ по праву припелся. Не мы пьемъ, горе наше пить! Ась? Вѣрно я говорю! Выпьемъ! А вотъ и питейный, зайдемъ, что ли! Да ну!..

Мужиченко почти силой втащилъ его въ кабакъ. Когда они выпили, веселое расположеніе духа не покидало Егора Петрова. Онъ даже сталъ что то напѣвать, приплясывая на снѣгу, и пытаясь обнять пріятеля. Вдругъ онъ остановился.

— Знаешь, братъ, что? Пойдемъ на Фонталку! Я тамъ живу, въ артели, значить. Да наплевать! А мы зайдемъ въ одно мѣсто, такое я тебѣ скажу мѣсто: разлюли малпна!

Все равно, пропадай моя головушка! А денег у меня во еще сколько, хватить, братъ, не сумлѣвайся! Ась? Пойдемъ на Фонталку?!

Но тотъ молчалъ. Выпитый стаканчикъ оказалъ свое дѣйствіе. Словно какимъ туманомъ застлало его мозгъ, онъ какъ бы пересталъ думать, соображать, и совершенно безсознательно, не стараясь даже отдавать себѣ отчета, готовъ былъ слѣдовать за мужиченкой, куда бы тотъ его ни повелъ.

Вотъ они остановились у какого то освѣщеннаго подъѣзда. Егоръ Петровъ полѣзъ за пазуху, вытащилъ кошель, и шелеститъ при свѣгѣ фонаря кредитками, а онъ стоитъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и чрезвычайно внимательно слѣдитъ, какъ падающія съ неба снѣжныя пушинки сверкаютъ въ столбѣ газоваго свѣта. Идутъ дальше. Онъ даже нисколько не интересуется знать, куда ведетъ его Егоръ Петровъ, и съ тѣмъ же тупымъ вниманіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на давишняго извожника,—смотреть вдаль по темной улицѣ, на которой бушуетъ мятель и тускло мигаетъ двойной рядъ фонарей. Вотъ прошли мимо кабака, да кажется, чуть ли не зашли въ него и выпили должно быть; все это помнится очень смутно; во всякомъ случаѣ они идутъ довольно долго, даже снѣгомъ ихъ запоросило, причемъ Егоръ Петровъ удивительно похожъ на того рождественскаго кнехта, что выставляется къ празднику на окнахъ булочныхъ. На углу какой то площади они зачѣмъ то останавливаются, и стоятъ долго, упорно смотря другъ другу въ лицо.

— А вѣдь я тебя обругалъ! говорить онъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ,—крокиломъ тебя назвалъ!

— Ну и ладно! добродушно замѣчаетъ Егоръ Петровъ, — обругалъ и ладно. Коркодиль, такъ коркодиль! Меня завсегда можно обругать, потому—что я? Пропашій человекъ, больше ничего!.. Червь капустная, вотъ что я!..

Въ голосѣ его слышны слезы. Идутъ дальше, но не проходятъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ мужиченко, какъ ни въ чемъ не бывало, начинаетъ опять пѣть и приплясывать.

Совершенная темень, только впереди что-то чуть-чуть бѣлѣется. Кажется, мостъ? Такъ и есть, мостъ! Каменные парапеты, чугуинныя цѣпи и перила сплошь залѣплены снѣгомъ. На мосту ни души. Онъ останавливается по серединѣ, облокачивается на перила, и смотритъ внизъ. Видна бѣлая поверхность рѣки, покрытой льдомъ и занорошенной снѣгомъ. Въ сторонѣ чернѣется садокъ съ однимъ освѣщеннымъ окномъ. Ему становится тяжело. Грустное чувство давить его. Нѣтъ, худо жить на свѣтѣ! И водка даже не помогаетъ!

„Что если броситься внизъ? Конечно, не утонешь, а выйдетъ смѣшная штука и больше ничего! Попадешь на ледъ, разобьешься. Пожалуй, еще закричишь отъ боли. О, чортъ! Но подъ мостомъ должна быть полынья. Спуститься, пройти по льду, — и въ полынью! И отлично! Подъ мостомъ и крика не слышать...

Онъ доходитъ до спуска, и готовъ вступить на ледъ, но Егоръ Петровъ удерживаетъ его сзади.

— Ты куда?

— Нужно! Пусти!

— Пойдемъ вмѣстѣ!

— Пусти, я одинъ пойду!

— Анъ не пусти! Очунѣлъ ты что ли, куда лѣзешь!

— Мнѣ жить тяжело!

— Топиться, что ли, вздумать.

— Да! Ты знаешь Меркулыча?

— Ну!

— Знаешь?

— Ну, хоть бы не знаю! Все едино!

— Меркулычъ меня съ квартиры прогналъ. Велѣлъ украсть.

А я не могу... И паспорта у меня нѣтъ, украли, у него же, у Меркулыча украли. Что мнѣ... Пусти, я пойду!

— Убирайся ты къ ляду! Ошалѣлъ, совсѣмъ ошалѣлъ! Я его евопа куда веду, а онъ... Да ну, двигайся, что ли, а не то и подъ микитки попадетъ!

И Егоръ Петровъ, напрягнувъ силы, вытаскиваетъ его на на-

бережную. Ему ужасно обидно, какъ онъ это позволилъ вытаскивать себя на набережную? Но ничего не подѣлаешь: мужичашка хоть и невзраченъ на видъ, но силенъ. Ну что-жь, онъ покорится! Видно, не судьба теперь; все равно, вѣдь останется же онъ одинъ когда-нибудь, и тогда... Вѣдь и что за жизнь тоже! Боже мой, что за жизнь! А главное нѣтъ никакого исхода: словно катишься по наклонной плоскости! Когда же конецъ?!

Онъ становится мраченъ, и весь погруженный въ свои безотрадныя думы, не замѣчаетъ, какъ они очутились въ подъѣздѣ, надъ которымъ, вся облѣпленная снѣгомъ, торчитъ красная вывѣска съ надписью: „трактиръ Константинополь“.

— Видишь ли, другъ, принимается объяснять Егоръ Петровъ, строя почему-то хитрую рожу и продѣлывая какія-то таинственныя манипуляци, — видишь ли, тутъ, значить, трактиръ, а повыше вотъ это самое и будетъ, о чемъ говорилъ-то... во второмъ, значить, этажѣ... Такъ ты туточка постой, малость обожди, а я войду, меня-то знаютъ, впустятъ, не въ первой вѣдь. А тебя-то, пожалуй, сряду не впустятъ, потому ты незнакомый человѣкъ, да и одѣтъ не важно. А я, значить, пройду, слова два перемолвлю, ну и покажутъ тебѣ тогда, милости просимъ!..

Егоръ Петровъ даже развелъ руками, какъ бы приглашая войти, и сталъ подниматься по лѣстницѣ, постоянно оглядываясь и прося обождать...

Онъ одинъ, совершенно одинъ. Лѣстница плохо освѣщена керосиновыми лампочками. За стеклянной дверью, въ трактиръ, шмыгаютъ половые съ грязными салфетками черезъ плечо, играетъ органъ (въ немъ въ особенности отличаются барабанъ и флейта) и слышно, какъ щелкаютъ бильярдныя шары...

Онъ садится на ступеньку лѣстницы и пускается въ размышленія.

Зачѣмъ онъ пришелъ сюда? Зачѣмъ онъ связался съ Егоромъ Петровымъ? И куда это онъ его привелъ? Егоръ Петровъ бесспорно достойный человѣкъ (а онъ его обругать, крокодиломъ

назвать!); но развѣ ему Егоръ Петровъ нуженъ! Ему нуженъ человѣкъ, передъ которымъ онъ могъ бы излить душу, высказать все, что накопилось тяжелаго въ жизни, услышать слово участія... Егоръ Петровъ вѣдь ничего этого не понимаетъ, и въ душѣ можетъ быть думаетъ: „вотъ чортъ послать прощальную“. И онъ правъ, конечно, потому, что же онъ такое какъ не прощальна? Егоръ Петровъ рабочій человѣкъ, онъ сегодня гуляетъ, завтра гуляетъ, а потомъ возьметъ и поѣдетъ въ деревню, къ женѣ, къ дѣтямъ, начнетъ работать, остепенится, даже, можетъ быть, разживется, сдѣлается тѣмъ же Кукушкинымъ, недаромъ у него такая зависть къ этому „богачю“. А онъ-то что! Куда онъ поѣдетъ, что онъ станетъ работать, когда слабъ, безсиленъ, ничего не умѣетъ, ничему не наученъ? Нѣтъ, Егоръ Петровъ ему не пара, и Богъ съ нимъ, съ Егоромъ Петровымъ! Ему нуженъ другой человѣкъ, такой же какъ онъ бѣднякъ, пролетарій... Впрочемъ, ему никого не нужно! Онъ уже рѣшилъ быть одинъ, совсѣмъ, совсѣмъ одинъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, ни съ кѣмъ не сообщаться, не говорить... Да нѣтъ же, опять не то! Тяжело такъ жить, невозможно такъ жить; ужъ лучше тогда умереть, а такъ нельзя! И развѣ онъ не пробовалъ? Все время такъ жилъ, одиночалъ совсѣмъ, людей стазь бояться, и кончилъ все-таки тѣмъ, что привязался къ первому попавшемуся мужику, и вотъ таскался съ нимъ по улицамъ. Но гдѣ же, Господи, гдѣ же найти такого человѣка, которому можно бы было все высказать, все свое горе повѣдать, передъ которымъ можно было бы хоть поплакать не стыдась!

Вдругъ онъ вспомнилъ: есть такой человѣкъ! Это Василій Ивановичъ, бывшій товарищъ, даже другъ, съ которымъ онъ какъ-то разошелся, какъ расходился тогда, впрочемъ, со всѣми. А между тѣмъ, что за золотой человѣкъ былъ Василій Ивановичъ!

V.

И тутъ же, на ступенькѣ лѣстницы, подъ неумолкаемую трескотню трактирнаго органа и щелканье шаровъ, какъ живая обрисовалась въ его воображеніи одна изъ картинокъ минувшаго времени...

...Душная, тѣсная каморка съ низкимъ потолкомъ. Осенній, крупный дождь уныло барабанить въ единственное окно. Василий Ивановичъ въ сильно потертомъ мундирѣ медицинскаго студента сидитъ противъ хозяина этой комнаты. Лицо его какое-то исхудалое, блѣдное, съ страшно истомленными, лихорадочно сверкающими глазами. А между тѣмъ, Василий Ивановичъ смѣется...

— ...Ну вотъ и пала, рассказываетъ онъ, — и поднялся, я тебѣ скажу, вопль по всему дому! Отецъ, ужъ на что кремень, и тотъ, смотрю, заморгаль, заморгаль своими подслѣповатыми глазами, того и гляди разрыдается. Потѣха, право! Старуха-бабка, она у насъ совсѣмъ изъ ума выжила, бросилась на мертвую корову-то, обняла ее за шею, да какъ закричитъ не своимъ голосомъ: „кормилица ты наша, одна-то и была подпоруха!“ Смѣхъ!

— Ничего я тутъ смѣшнаго не вижу.

— У тебя, братъ, нѣтъ юмористической жилки, а ты представь только: Лыска идетъ со стадомъ, рожокъ тамъ играетъ, плеть щелкаетъ. Поэзія! Хозяева выходятъ навстрѣчу; пріемъ, конечно, ей самый радушный, меня съ тобою нигдѣ такъ не принимаютъ, потому мы что же? А она, корова-то, всетаки рублей сто стоитъ!

— Полно тебѣ язвить!

— Чего и кого тамъ язвить? А ты слушай дальше. Лыска скучна, Лыскѣ нездоровится. Всѣхъ это, конечно, чрезвычайно тревожить. Однако, черезъ часъ, старуха-бабка идетъ въ хлѣвъ доить, и видитъ: корова на боку, брюхо вздуто, языкъ высу-

нуть, изъ ушей и изъ носу кровь. Пострѣлъ это у нихъ называется... Но какова пронія судьбы! Вѣдь въ такой, братъ, многочисленной и бѣдной семьѣ лишиться коровы, пожалуй, почувствительнѣе будетъ лишенія какого либо члена семьи, и если бы я, напримѣръ, подохъ...

— Брось, ради Бога! Ну скажи, пожалуйста, къ чему ты это говоришь.

— Ну хотя къ тому, чтобы доказать, что иногда чело-вѣкъ бываетъ вовсе не вѣщомъ созданія, а просто... ну хоть бы лишнимъ ртомъ, что ли.

— Это не ты ли ужъ лишній ротъ?

— А что бы ты думалъ? Вѣдь я денегъ жду оттуда! Вотъ вѣдь штука какая! И при всемъ этомъ я вовсе не хочу повѣсить сапоги за плечи, и идти въ деревню свиной пасти, какъ бы оно слѣдовало въ моемъ настоящемъ положеніи... Ну, однако, я засидѣлся... Прощай!

Василій Ивановичъ беретъ со стула принесенный имъ узелокъ, и направляется къ двери.

— Ты куда же? Смотри-ка дождь какой!

— А тутъ, по дѣламъ.

— А въ узелкѣ-то что?

— Разные пустяки: чай, сахаръ, носки, напримѣръ, теплые.

— Кому же все это?

— Несу кое кому изъ нашихъ... Такая возня съ этими пустяками! Едва собралъ. Да вотъ что, скажи пожалуйста своимъ, что они! дрянъ! Такъ таки отъ меня и скажи, что дрянъ! Нужно сплотиться, соединиться въ одно, а они врозь лѣзутъ... Ну что же это за товарищество! Эхъ, даже злость разбираетъ! Прощай!

Онъ все сидѣлъ на ступенькѣ, скрывъ лицо между ладо-нями, въ какомъ-то странномъ полузабытѣ отдавшисъ весь воспоминаніямъ о товарищѣ. Зачѣмъ онъ не пришелъ къ нему, не попросилъ у него помощи, зачѣмъ онъ порвалъ съ нимъ

всѣ связи? Онъ не хотѣлъ одолжаться, гордость помѣшала ему. Но не помѣшала же она просить сегодня на улицѣ... Разсчитывала на собственные силы, не искала унижительнаго сочувствія? И однако привязался къ совершенно незнакому человеку и пытался даже изливаться передъ нимъ. Пѣтъ, онъ пойдетъ, онъ долженъ идти къ нему, потому что это единственный человекъ, который еще можетъ спасти его. Ахъ, зачѣмъ онъ не подумалъ объ этомъ раньше! Но, всеравно, онъ пойдетъ сейчасъ, онъ помнитъ его адресъ: Выборгская сторона, какая-то улица... все равно, онъ ее узнаетъ... Онъ придетъ, и скажетъ: „братъ“... Братъ, братъ, о, непременно братъ!

Онъ всталъ со ступеньки, прислушался. Щелкали бильярдные шары, метались половые... Егоръ Петровъ не показывался.

„Раздумалъ!“ усмѣхнулся онъ про себя, — „дескать вотъ связался съ оборванцемъ!“

Онъ спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу. Мятель утихала, но снѣгу намело цѣлые сугробы; въ нихъ съ трудомъ ныряли немногіе извозничьи сани. Кое гдѣ дворники принимались за работу, сгребая снѣгъ съ тротуаровъ. Онъ старается идти шибко, но не можетъ, чувствуя слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ только и думаетъ о Василіѣ Ивановичѣ, какъ онъ придетъ, что скажетъ... Мимо него мелькаютъ разныя лица, но онъ не обращаетъ ни на что вниманія, погруженный въ свои думы. Вонъ собралась кучка народа. Шумять, кричатъ городского. Кого нибудь спибъ извозчикъ... Онъ безучастно проходитъ мимо, стараясь какъ можно скорѣе достигнуть цѣли своего путешествія. Не безъ умысла такъ торопится онъ; можетъ случиться, что онъ вдругъ раздумаетъ и вернется или къ Меркулычу или даже туда, на лѣстницу. Съ нимъ бывало это, и онъ боится, чтобы не повторилось теперь, потому что въ немъ уже начинаютъ выростать сомнѣнія, является нерѣшительность...

Но вотъ и Выборгская. Маленькіе, деревянные домики, полузанесенные снѣгомъ. Въ окнахъ свѣтъ. Это семья собралась вмѣстѣ и мирно бесѣдуютъ за самоварчикомъ. Да, у всякаго есть свой теплый уголь! Онъ поворачиваетъ въ одну

улицу. Тамъ совсѣмъ глухо. Слабо мигаютъ далеко отстоящіе одинъ отъ другаго фонари. Онъ входитъ въ калитку одного домика, проходитъ черезъ дворъ, и подымается по ветхой, деревянной лѣсенкѣ.

Дверь отворяется. Свѣтъ бросается ему въ глаза и онъ невольно зажмуривается, потомъ всматривается и видитъ передъ собой Оеклу Ильинишну, квартирную хозяйку Василя Ивановича. Это уже пожилая женщина, довольно полная, съ добродушнымъ морщинистымъ лицомъ, въ большихъ, круглыхъ очкахъ... Онъ ее помнитъ отлично; Василій Ивановичъ постоянно квартировалъ у ней. И она его тотчасъ узнала.

— Батюшка, да вы ли это? Господи, сколько времени не бывалъ,—я ужъ думала, не померъ ли? Да что это съ вами?

— Что такое?

— Странный какой-то! Боленъ нешто?

— Да, нездоровится. Василій Ивановичъ дома?

— Какое дома! махнула рукой хозяйка. Нынче Василій Ивановичъ... Богъ его знаетъ, что съ нимъ дѣлается! По недѣлямъ дома не бываетъ. Вотъ и теперь! Какъ съ четверга ушелъ и глазъ не показываетъ. Сегодня безпремѣнно жду, дворникъ то, вонъ, и то спрашиваетъ: „что, говоритъ, Оекла Ильинишна, вашъ жилецъ ровно бы и дома не живетъ. Нынче, говоритъ, знаете порядки то какіе“. Я ужъ и то все на экзамены сворачиваю: онъ, говорю, человекъ занятой, въ нынѣшнемъ году ученье кончаетъ, ну... да что вы, батюшка, не сядете!

— Спасибо...

— И похудали же вы! Изъ себя даже страшный какой-то сдѣлались. Живется, что-ль, худо?

— Худо.

— О хо, хо, голубчикъ вы мой. Вотъ и Василій-то Ивановичъ мой такъ бѣдствуетъ, такъ бѣдствуетъ, не приведи Богъ. И характеръ-то у него словно какъ бы перемѣнился: сердитый такой, молчаливый сталъ, чего ужъ, запирается началъ, батюшка! Я ужъ и то, грѣшная, думаю... времена то нынѣ какія... Богъ вѣдь его знаетъ, что у него на умѣ!

— Послушайте, Фекла Ильинишна, могу я переночевать въ его комнатѣ!

— Ночуйте, ночуйте чтожь такое! Тамъ диванчикъ есть, а я вамъ подушку принесу... А не придетъ Василій Ивановичъ, такъ на его кровать ляжете. Только бы вотъ дворникъ чего... Ну да наплевать, песь съ нимъ, ночуйте! Да вы кушали ли? Нѣтъ? Такъ я сейчасъ!.. Ахъ вы, голубчикъ мой, да какъ же это такъ?

Хозяйка суетится около печки, а онъ входитъ въ комнату Василія Ивановича. Маленькая комнатка въ одно окно выглядит мрачно. Въ углу самодѣльная кровать изъ досокъ и полѣньевъ, напротивъ пстрепанный клеенчатый диванчикъ, у окна столъ заваленный записками, на окопкѣ какія то банки.

— Ну ужъ не взыщите; что Богъ послалъ! возвращается хозяйка, ставя на край стола тарелку шей,—комнату-то протопить бы надо, да дрова всѣ вышли. Кушайте, однако, кушайте да усните! Ишь вы какой заморенный! Натѣ, вотъ вамъ подушка.

Хозяйка уходитъ. Онъ остается одинъ. Совсѣмъ темно. Неловко какъ то спросить свѣчу, да и не зачѣмъ. Онъ дѣйствительно усталъ, и ноги должно быть промочилъ, вотъ почему ему и нездоровится, и самое лучшее, конечно, лечь спать. Онъ добирается до диванчика и ложится, не раздѣваясь.

VI.

Тишина. Хозяйка должно быть тоже утомилась.. Добрая женщина, эта Фекла Ильинишна! Какъ стучать часы! Совершенно также какъ тамъ, у Меркулыча, и должно быть на кухнѣ, потому что... Да это, впрочемъ, все пустяки, а вотъ нужно подумать о серьезномъ. Удивительно, какъ его занимаютъ всякія мелочи! Какъ еще встрѣтить его Василій Ивановичъ? Сколько времени не видались, а тутъ пришелъ и развалился безъ стѣсненія! Все это довольно подло, т. е. то, что

вотъ онъ навязался ночевать. Хозяйка, добрая женщина, не могла отказать, но видно ей не понравилось. Оно и понятно, если такія строгія правила... А онъ еще безъ паспорта, и этого то онъ ей не сказалъ, что непременно, непременно слѣдовало сдѣлать. Легко можетъ случиться, что придуть, и все обнаружится. Изъ за чего же пострадать бѣдная женщина? Положительно ему не слѣдуетъ здѣсь оставаться, не слѣдуетъ злоупотреблять гостепріимствомъ старухи, тѣмъ болѣе, что какъ еще на все это взглянетъ Василій Ивановичъ. Но какъ же уйти? Фекла Ильинишна, вѣроятно, спитъ. Хорошо, если дверь не закрыта, но этого быть не можетъ: она женщина аккуратная и боязливая, воровъ боится, это онъ навѣрное знаетъ... Не мѣшаетъ, все такъ, попробовать... Но какъ же такъ просто уйти? Хоть бы записку оставить, что-ли? Ну да все равно, онъ завтра придетъ и разъяснитъ. Только бы уйти незамѣтно.

Онъ встаетъ съ дивана, и тихонько, на цыпочкахъ, направляется въ кухню. Тамъ темно и ни души; видно Фекла Ильинишна спитъ въ другой комнатѣ. Но вотъ что поражаетъ его: наружная дверь открыта настежь. Удивительно, какъ это могло случиться! Словно Фекла Ильинишна угадывала его намѣреніе, и нарочно не закрыла дверь! Крайне довольный, ощупью, спускается онъ по лѣстницѣ, сходить во дворъ, и вотъ уже онъ на улицѣ. Мятель все еще продолжается. Ни зги не видно; фонари совсѣмъ занесло снѣгомъ. Прохожихъ нѣтъ.

Онъ идетъ не къ Меркулычу, онъ совсѣмъ даже забыть объ немъ думать. Но ему куда-то непременно нужно придти. Объ этомъ онъ думать даже тамъ, лежа на диванѣ, и это неизбежно какъ судьба, хотя беспокоитъ его чрезвычайно.

И вотъ онъ торопится, чуть не бѣжитъ даже, одну за другой минуя темныя, безмолвныя улицы. Скоро, скоро будетъ конечная цѣль.. Вотъ и мостъ! Онъ также занесенъ снѣгомъ, какъ и тогда, когда онъ шелъ по немъ, и опять нѣтъ никого, только въ самомъ концѣ стоитъ какая то фигура. Онъ подходитъ ближе, всматривается, и узнаетъ давшняго мужиченку.

— Егоръ Петровъ! радостно окликаетъ онъ.

Фигура оборачивается къ нему лицомъ, и онъ узнаетъ...
Меркулыча.

— А вотъ ты гдѣ! неистово вскрикиваетъ Меркулычъ, — а деньги принеси? Давай деньги!

Въ ужасѣ онъ бѣжитъ отъ него, Меркулычъ за нимъ. Онъ бѣжитъ долго, чувствуя страшную тяжесть въ ногахъ, начиная задыхаться. Но вотъ онъ на набережной, сбѣгаетъ по спуску къ рѣкѣ, и бѣжитъ подъ мостъ. Меркулычъ преслѣдуетъ его по пятамъ.. Онъ слышитъ за спиной его тяжелое дыханіе. Меркулычъ уже совсѣмъ близко, растопырилъ руки, готовится схватить его за плечи... и вдругъ онъ видитъ, что передъ нимъ полынья.

— Спасите! кричитъ онъ, и бросается въ воду.....

„Что это?“ Онъ моментально открылъ глаза, и при свѣтѣ нагорѣвшей свѣчи, видитъ стоящаго къ нему спиною Василя Ивановича. На столѣ какія то стеклянки, чашка съ водой, мокрое полотенце.

— Вася! слабымъ, дрожащимъ голосомъ окликаетъ онъ, и ему кажется, что это не его голосъ, а чей-то другой, какой-то глухой, замогильный, — Вася!

Василій Ивановичъ оборачивается. Какъ онъ худъ и серьезень! Длинная борода еще болѣе отгѣняетъ его блѣдное лицо съ впалыми щеками...

— Вася! Что это? Гдѣ я? Я не утонулъ? Это ты, Вася?

— Я. Спи пожалуйста. Самое главное теперь, — сонъ.

— Постой, Вася, объясни мнѣ.. Я бредилъ, да? Я не былъ на мосту? Полынья, помнишь, подъ мостомъ полынья? И потомъ Егоръ Петровъ, Меркулычъ.. Вася, да отвѣчай же ради Бога!

— Нечего отвѣчать! Спи лучше!

— Вася, ради Бога, скажи мнѣ только, я бредилъ, да?

— Ну, конечно, бредилъ. Нигдѣ ты не былъ! Пришелъ ко мнѣ, заснулъ, ну и больше ничего. А вотъ что ты боленъ, это вѣрно!

— А теперь? Это не бредъ? Это ты, точно?

— Фу, какія глупости! Будешь ли ты спать наконецъ!

— Буду, буду!

— Ну смогри же, а то я и лечить не стану:

— Эхъ, Вася, развѣ такъ нужно меня лечить?

— Нужно. Ты долженъ быть здоровъ.. Дѣло есть.

— Дѣло? Что ты, Вася. Какое дѣло? А?

— Потомъ, потомъ; ради Бога потомъ! Теперь спи! Я тушу свѣчку!

Василій Ивановичъ дѣйствительно тушитъ свѣчку и они остаются въ темнотѣ.

„Дѣло!“ размышляетъ онъ,—какое же это можетъ быть дѣло? Ну все равно, Василій Ивановичъ скажетъ потомъ... Онъ радъ, что можетъ быть на что нибудь полезень... И кому еще,—своему спасителю! Однако покуда—спать, спать!

Онъ лежитъ на кровати товарища; ему тепло, мягко, словно онъ опять среди родныхъ, тамъ далеко, въ бѣлой чистенькой хаткѣ... „Добрые, добрые“, шепчетъ онъ. Мысли путаются, глаза смыкаются, и онъ засыпаетъ глубокимъ, благодатнымъ сномъ.

К. Баранцевичъ.

Движеніе поземельной собственности во Франціи.

II

Крупная собственность.

Въ концѣ прошлаго столѣтія крупная поземельная собственность достигла такого момента своего развитія, когда она должна была вступить въ борьбу со всѣмъ соціальнымъ и политическимъ строемъ стараго порядка, такъ какъ этотъ порядокъ стѣснялъ ее и препятствовалъ ея развитію. Крупная собственность возстала для того, чтобы сбросить феодальную форму и принять форму буржуазную, слѣдовательно, для того, чтобы замѣнить феодальнаго господина буржуазнымъ собственникомъ, крѣпостнаго работніка пролетаріемъ, самодержавную власть короля,—конституціонною властью буржуазіи. Такъ какъ и промышленная и финансовая собственность достигли такого-же момента развитія, то революція XVIII вѣка мгновенно передала политическую диктатуру изъ рукъ аристократіи въ руки буржуазіи. Историки революціи какъ буржуазные, такъ и аристократическіе были поражены только ея драматической стороною, которую единственно и могли постигнуть ихъ предубѣжденные умы, исключительно занятые сословными и личными интересами. Экономическія явленія, которыя произвели революцію и придали ей ея форму, совершенно ускользнули отъ ихъ вниманія. Мы попытаемся рассмотреть здѣсь эти явленія, по крайней мѣрѣ, постольку, поскольку они касаются поземельной собственности.

Вторая половина XVIII столѣтія была ознаменована значительнымъ повышеніемъ цѣнъ на сѣятные припасы, что «привело къ расширенію площади пахатныхъ земель и къ уменьшенію пастбищъ для скота. Однако, воплнѣ вѣроятно, что количество скота увеличилось въ такой-же пропорціи, какъ и пахатныя земли»¹⁾. Экономическія явленія, которыя произвели такое повышеніе цѣнъ, имѣвшее могущественное вліяніе на судьбу поземельной собственности, не были ни мѣстными, ни временными, но всеобщими и постоянными. Развтіе этихъ экономическихъ явленій и вліяніе, которое они произвели на все общество, должно было существенно измѣнить весь политическій и экономическій строй этого общества и обончательно водворить въ немъ капиталистическій порядокъ.

Мануфактурная промышленность, благодаря правительственнымъ льготамъ и поощреніямъ, которыя она не переставала получать, начиная съ XVI столѣтія, достигла въ XVIII вѣкѣ значительнаго развтія. Обособленіе труда промышленнаго и труда

¹⁾ «Средства къ изученію бѣдствій Беррійской провинціи»—докладъ, представленный въ беррійское провинціальное собраніе въ 1783 г. Доклады и пренія провинціальныхъ собраній Беррійской провинціи 1781, 1783 и 1786 гг. очень любопытны. Въ нихъ содержится ясное изложеніе требованій поземельной собственности и поэтому намъ часто придется возвращаться къ нимъ.

Чтобы дать понятіе о томъ возвышеніи цѣнъ, которое охватило собой всю Францію, приведено нѣсколько цѣфровыхъ данныхъ изъ «Картинъ Туренской провинціи въ 1762—1766 г.» «Необходимымъ послѣдствіемъ поощренія вывоза зерноваго хлѣба естественно явилось возвышеніе цѣнъ, которое, такимъ образомъ, должно быть всецѣло приписываемо свободѣ вывоза, сдѣлавшейся всеобщей и немедленно повывсившей цѣну хлѣба до размѣровъ ранѣе невозможныхъ, по недостатку сбыта и отсутствію спроса:

Въ концѣ 1763 г. сетьерь *) пшеницы стоилъ 12 ливр. 13 су 1 д.

»	»	1764	»	»	»	»	»	15	»	4	»	—
»	»	1766	»	»	»	»	»	20	»	7	»	4

Цѣна ржи поднялась съ 8 ливр. 16 су въ 1764 до 14 ливр. 11 су въ 1766.

Нѣтъ сомнѣній, что это послужило величайшимъ благомъ для всѣхъ поземельныхъ собственниковъ и что, при другомъ ходѣ дѣла, земледѣліе пришло бы въ упадокъ, такъ какъ при отсутствіи сбыта не зачѣмъ было бы стремиться къ увеличенію продуктовъ», говоритъ даже докладъ.

*) Сетьерь равняется 12 четвертямъ.

земледѣльческаго дѣлалось все болѣе и болѣе рѣзкимъ. Средневѣковые ремесленники, нѣкогда соединявшіе въ одномъ лицѣ оба рода занятій, принуждены были окончательно оставить земледѣліе, заняться исключительно мануфактурнымъ трудомъ и водвориться въ промышленныхъ городахъ. Земледѣльческіе работники должны были такимъ образомъ производить пищу какъ для себя, такъ и для городскихъ рабочихъ и эта необходимость въ прибавочномъ земледѣльческомъ продуктѣ все возрастала по мѣрѣ того, какъ города расширялись и привлекали къ себѣ новыхъ рабочихъ. Между тѣмъ, вывозная торговля сельскими произведеніями росла точно также, какъ и внутренній спросъ на пищу, такъ что въ концѣ XVI столѣтія вывозъ хлѣба уже принялъ такіе размѣры, что сдѣлался необходимымъ мѣры къ его ограниченію¹⁾. Южныя провинціи, производившія вино (Лангедокъ, Русильонъ, Гасконъ и пр.) отправляли въ колоніи свои вина, въ особенности-же свои воды; провинціи, занимавшіяся преимущественно скотоводствомъ—свой сыръ. Поземельная собственность, которой приходилось удовлетворять какъ внутреннему, такъ и внѣшнему спросу, нетерпѣливо переносила тяжесть феодальныхъ стѣсненій и несовершенство путей сообщенія. Она должна была увеличить производство своихъ продуктовъ до соответствія со спросомъ, а слѣдовательно, освободить обращеніе земледѣльческихъ произведеній какъ отъ всякихъ физическихъ препятствій (несовершенство и отсутствіе путей сообщенія), такъ и отъ политическихъ стѣсненій (феодалныя привилегіи). Для достиженія этихъ двухъ цѣлей необходимо было уничтожить окаменѣлый феодальный строй тогдашней Франціи.

Въ концѣ XVIII вѣка агрономическія знанія только начали зарождаться во Франціи. «Печально, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, говоритъ Жильберъ, что земледѣліе со временъ римлянъ

¹⁾ Судьба вывозной торговли хлѣбомъ была очень измѣнчива. Царствованіе Людовика XIV началось предоставленіемъ свободы вывозу хлѣба, «такъ какъ жители провинцій, принужденные продавать свои продукты по дешевымъ цѣнамъ, не въ состояніи платить податей и налоговъ, лежащихъ на нихъ», говоритъ постановленіе, вышедшее въ управленіе Фуке.

Во время управленія Кольбера вышло 29 постановленій, то позволявшихъ вывозъ, то воспрепятствовавшихъ его.

дѣлало успѣхи очень медленно¹⁾. Припятились за изученіе латинскихъ писателей, какъ наиболѣе свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ; стали подражать англичанамъ, разводя ихъ породы рогатаго скота и овецъ, ихъ кормовыя травы, какъ это дѣлають еще до сихъ поръ; пробовали разводить картофель, а Добентонъ развелъ въ Бургундіи и въ сосѣднихъ провинціяхъ платаны и тополи; производили множество лабораторныхъ опытовъ²⁾ и повторяли ихъ въ большихъ размѣрахъ; распространяли агропомпческія знанія въ городахъ и деревняхъ, основывали общества, учреждали конкурсы и земледѣльческія преміи, вводили усовершенствованныя земледѣльческія орудія: такъ, соху³⁾—единственное орудіе, употреблявшееся на югѣ для пашни, замѣстили плугомъ, дѣлали испытанія надъ механической сѣялкой, надъ бороной съ желѣзными зубьями. Энтузіазмъ къ земледѣлію въ этотъ удивительный вѣкъ, который сво-

¹⁾ Жильберъ. «Изсѣдованіе объ искусственныхъ лугахъ». 1788 г. —

²⁾ Эта страсть къ опытамъ доходила до смѣшнаго. Въ одномъ изъ томовъ Записокъ Королевскаго Общества земледѣлія по Сенѣ помѣщена статья нѣкоего маркиза, который совершенно серьезно описываетъ свои безплодныя попытки заставить растеніе расти въ ртути. Онъ видимо былъ убежденъ, что ртуть такъ же успѣшно дѣйствуетъ на растенія, какъ и на человека.

³⁾ «Соха, описанная еще латинскимъ поэтомъ (Виргилій, Георгикъ ст. 170—175) довольно хорошо разрѣзываетъ землю, но совершенно не поднимаетъ ея, а такъ какъ она проникаетъ вглубь только на 12 сантиметровъ, то необходимо до 9 разъ перепашивать поле, чтобы приготовить ее къ посѣву. Въ промежутокъ 30 или 40 лѣтъ былъ введенъ въ употребленіе плугъ, который проникаетъ въ землю значительно глубже и прекрасно его поднимаетъ. Въ окрестностяхъ Арля въ 30 лѣтъ произошло замѣщеніе быковъ мулами. Передъ этимъ во многихъ мѣстахъ для полевыхъ работъ употреблялись исключительно ослы. По этому одному можно судить, какой шагъ впередъ сдѣлало хлѣбонашество». М. Пари: «Сельское хозяйство въ Тарасконскомъ округѣ» (при устьяхъ Роны) 1809 г. «Землю пахуть теперь, точно также, какъ ее пахали въ самой глубокой древности. Употребляемая теперь соха по причинѣ своей незатѣйливости составляетъ почти непреодолимое препятствіе къ введенію болѣе новаго плуга. Самый невѣжественный крестьянинъ и тотъ самъ сдѣлаетъ ее, самъ оправитъ и пуститъ въ дѣло безъ всякихъ другихъ издержекъ, кромѣ покупки сошника». «Сельское хозяйство въ департаментѣ Верхнихъ Альпъ». Фарно, 1810.

лмъ почти безумнымъ воодушевленіемъ сразу привелъ въ движеніе весь міръ идей, всѣ науки, всю промышленность—не нѣтъ границъ. Энциклопедисты такъ даже заявили, что выростить дерево равносильно совершенію добродѣтельнаго поступка.

Исходная мысль и цѣль современнаго земледѣлія состоитъ въ томъ, чтобы не оставлять землю пезанитою, а прежнія залежи подъ паромъ замѣнять какой либо годичной или двухгодичной культурой. Эта безостановочная обработка вопреки старому предразсудку превосходно приготовляетъ землю для пшеницы. Она разрыхляетъ почву, уничтожаетъ сорныя травы и при разумномъ сѣвооборотѣ позволяетъ извлекать изъ почвы все годное вещество удобренія, которое въ нее вложено. Но не говоря уже о такихъ препятствіяхъ къ ея введенію, какъ рутинерство, невѣжество и нежеланіе крестьянъ, ей приходится на своемъ пути встрѣчать и такія препятствія, какъ особня поземельныя права крестьянъ, этотъ послѣдній остатокъ общинной собственности. Изъ всѣхъ этихъ правъ наиболѣе значительнымъ препятствіемъ служило право пастбы скота по незанятому хлѣбомъ полю. Оно заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться: предоставимъ слово писателямъ XVIII столѣтія.

«Въ мѣстахъ, гдѣ право пастбы составляетъ обычай, всѣ поля безъ различія тотчасъ же послѣ жатвы открыты для скота: начинающая съ того времени, когда снопы свезены и вплоть до посѣва каждый имѣетъ право посылать туда свой скотъ. Благодаря этому праву, крестьянскій скотъ уничтожаетъ все, что только находится на полѣ, такъ что разводить напр. гороховъ, не говоря уже объ искусственныхъ лугахъ, нѣтъ никакой возможности. Вслѣдствіе существованія такого права, крестьяне до того убѣждены, что продуктъ земли принадлежитъ скоту, что женщины, не обращая вниманія на собственниковъ, въ концѣ мая ужъ срѣзываютъ хлѣба, дѣлая изъ нихъ кормъ скоту. Къ этому нужно еще прибавить, что пастухи водятъ своихъ барановъ по зеленымъ хлѣбамъ, а свиньи и коровы производятъ не меньшія опустошенія; однако, мѣстные судьи, привыкшіе уважать право пастбы, вовсе не расположены преслѣдовать подобныя злоупотребленія. Съ трудомъ вѣрится, что права, до такой степени варварскія и несогласныя съ прогрессомъ сельскаго хозяйства, освящены между тѣмъ обычаями и даже покровительствуемы или, по крайней мѣрѣ, тер-

ними мѣстными судьями... Однако, такъ какъ я думаю, что вмѣстѣ съ тѣмъ старые обычай должны быть уважаемы, то, по моему мнѣнію, единственнымъ средствомъ поставить сельское хозяйство на правильный путь развитія является предоставленіе собственнику права освобождать отъ пастбы по незанятому полю треть «своихъ земель»¹⁾. Двадцать лѣтъ послѣ Дюгамеля, дворяне, епископы, каноники и крупные землевладѣльцы, составлявшіе Беррійское провинціальное собраніе въ 1783 г., объявили, что вслѣдствіе права пастбы въ Беррійской провинціи нѣтъ ни одного полного собственника. «Если у меня есть лугъ, то изгородь, которой я его окружаю, является посягательствомъ на это право... она будетъ сломана, сколько бы разъ я ее ни чинилъ, лугъ потравленъ, а то, что спасется отъ скота, я не буду имѣть возможности спасти отъ своихъ сосѣдей. Если я сдѣлаю посѣвъ клевера, люцерны или дятлины, то я долженъ ожидать, что мнѣ останется только такая часть его, какою заблагоразсудится оставить моимъ сосѣдямъ»²⁾. Дюгамель былъ ученымъ, который разсматривалъ право пастбы только какъ препятствіе къ введенію новой улучшенной культуры, а членами Беррійскаго провинціального собранія были собственники, приходившіе въ бѣшенство при одномъ воспоминаніи о коровѣ бѣдняка, пасущейся на ихъ лугу. «Беррійскій обычай, говорятъ они, въ цитированномъ выше докладѣ, былъ установленъ людьми привязанными къ стариннымъ обычаямъ, обычаямъ народовъ варварскихъ, которымъ не было извѣстно что либо лучшее» и безапелляціонно требуютъ полнѣйшей отмѣны такихъ обычаевъ. Буржуазія, которая заводила рѣчь о неприкосновенности правъ, приобрѣтенныхъ законнымъ образомъ, когда дѣло касалось одной изъ ея привилегій, требовала уничтоженія крестьянскихъ правъ и притомъ безъ вознагражденія. несмотря на то, что эти права были очень давни, освящены обычаемъ и закономъ и необходимы для работника, доставляя ему часть средствъ къ существованію. Нашлось однако нѣсколько защитниковъ права пастбы, указывавшихъ на его пользу для крестьянъ. Эти де Новеанъ, съ одобренія безансонской академіи, отвѣчалъ имъ слѣдующее: «Нѣ-

¹⁾ Дюгамель де Монсо, «Основы земледѣлія» 1762.

²⁾ Докладъ о причинахъ бѣдности Беррійской провинціи.

которые говорят, что право пастбы необходимо для рабочего класса и для бѣдняковъ вообще, такъ какъ, не имѣя полей, они не могутъ безъ этого права содержать свои скотъ, дающій имъ часть средствъ къ существованію. Но развѣ для нихъ невыгодно быть окруженными высокою земледѣльческою культурою. Изгороди вызовутъ возвышеніе культуры и земли безъ сомнѣнія будутъ имѣть нужду въ рабочихъ, которые такимъ образомъ найдутъ себѣ средства къ существованію. (Друзья земледѣлія и человѣчества въ XVIII столѣтіи требуютъ не болѣе ни менѣе, какъ замѣненія крестьянскихъ правъ вынужденной работой на крупнаго землевладѣльца. Вотъ такъ вознагражденіе!) «Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ Новеанъ, можно ли колебаться въ выборѣ между выгодами нѣсколькихъ частныхъ лицъ и ихъ ропотомъ и необходимостью ограничить и уничтожить право пастбы. Жертвовать частными интересами для общихъ, содѣйствовать только общему благу составляетъ законъ для патріота, обязанность для гражданина и неизмѣнное правило для правительства *)». У этого апостола буржуазной собственности на устахъ уже всѣ громкія слова революціонеровъ 1789 и 1793 г., которые во имя отечества отняли у крестьянъ ихъ права, а ради общаго блага предавали расхищенію національныя имущества и спекулировали ассигнаціями.

Кампанія противъ права пастбы была поведена такъ энергично, что задолго до революціи оно было уничтожено въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ современная культура сдѣлала наиболѣе успѣхъ, какъ въ Нормандіи и Пикардіи :). Парижскій парламентъ столь реакціонный и консервативный по отношенію къ старымъ обычаямъ, однако 23-го іюня 1785 г. издалъ постановленіе, отмѣнявшее право пастбы въ нѣкоторыхъ приходахъ его округа.

*) «Записка о правѣ пастбы по незанятому полю», получившая премію отъ Безансонской Академіи, напечатана въ Газетѣ Земледѣлія, Торговли и Финансовъ въ 1767 г.

:) «Уже прошло 60 лѣтъ, какъ въ странѣ отъ Гавра до Дьенна съ одной стороны, и до Руана съ другою перестали оставлять землю подъ паромъ. Отъ Дьенна до Э (Еи), который находится на границѣ провинціи Ко (Саук) часто встрѣчаются посѣвы полевой рьпы и льна». Маркизь де Герши. «Земледѣльческое Путешествіе по Нормандіи и Пикардіи». 1788.

Но честь повсемѣстной отчужды этого права и притомъ безъ всякаго вознагражденія принадлежитъ буржуазной революціи.

Право пасти свой скотъ на пахотныхъ земляхъ, общинномъ выгонѣ и въ лѣсахъ въ соединеніи съ другими феодальными правами, принадлежавшими еще крестьянамъ, не только составляло препятствіе всякому измѣненію земледѣльческой культуры, но кромѣ того, доставляя крестьянамъ часть средствъ къ существованію, придавало имъ извѣстную независимость, тѣмъ болѣе, что эта независимость находила себѣ поддержку въ общинахъ, братствахъ и другихъ сельскихъ ассоціаціяхъ того времени: эти крестьянскія ассоціаціи, обуздывавшія алчность землевладѣльцевъ, подверглись съ ихъ стороны такимъ же нападеніямъ, какъ и право пастьбы. Докладъ Беррійскому собранію, цитированный выше, касаясь крестьянскихъ ассоціацій, постоянно обрушивается на нихъ всей силой своего негодованія. «Каждый имѣетъ желаніе получать выгоды ассоціацій, состоящія въ пользованіи помещеніемъ, пищей, одеждой и обувью на общій счетъ, нерѣдко на счетъ землевладѣльца, каждый старается извлечь изъ нея какъ можно болѣе пользы для себя, но въ тоже самое время старается свалить на другаго свою долю общихъ тягостей. Главная и наиболѣе тяжелая изъ нихъ— трудъ; поэтому каждый старается работать какъ можно менѣе: кто напр. сдѣлалъ урокъ, никогда не дѣлаетъ ничего другаго, сколько бы свободнаго времени у него не осталось... вслѣдствіе чего получается, что землевладѣлецъ кормитъ массу народа, а земли не улучшаются и, при большомъ количествѣ рукъ, получается мало работы. Наконецъ, такъ какъ остается много свободнаго времени, то нужно времяпровожденіе для наполненія досуга значительной части дня: кому правится рыбная ловля, тотъ дѣлается рыбакомъ общины; кому правится охота, тотъ дѣлается ея охотникомъ; кому наконецъ болѣе приятно разставлять силки и западни, тотъ четыре или пять часовъ въ день занимается ихъ установкой и осматриваніемъ: община охотно позволяетъ ему это, лишь бы онъ доставлялъ ей хорошій столъ. Если присоединить къ этимъ лѣвивымъ работникамъ кучу лишнихъ ртовъ, которые являются всегда тамъ, гдѣ только есть три или четыре женщины, способныя рожать дѣтей, то нетрудно понять, почему земля, не смотря на плодородіе и значительное протаженіе пахотныхъ земель, часто даетъ хлѣба недостаточно для

прокормленія семьи крестьянина и почему цѣна урожая, собраннаго съ участка, должна равняться 4 или 5 тысячамъ ливровъ, для того чтобы собственникъ могъ получить 500,400 и даже меньше ливровъ чистаго дохода. «Несчастные собственники дореволюціонной эпохи принуждены были получать только десятую часть изъ того дохода, который ихъ крестьяне своимъ трудомъ добывали изъ земли. Послѣ революціи, наоборотъ, землевладѣлецъ получаетъ $\frac{1}{10}$ и благо крестьянину, если онъ получаетъ хоть $\frac{1}{10}$. Безъ сомнѣнія, французскіе демократы подѣ утверженіемъ, что революція освободила землю и народъ, подразумеваютъ, что она освободила его отъ всѣхъ правъ, всѣхъ удовольствій, всего досуга.

Жалобы землевладѣльцевъ на крестьянскія ассоціаціи начались не съ XVIII вѣка; есть множество постановленій провинціальныхъ парламентовъ, устанавливающихъ таксу на задѣльную плату, чтобы составить противовѣсъ стремленіямъ крестьянскихъ ассоціацій къ повышенію ея. Въ 1613 г. вышло постановленіе, запрещающее ежегодныя собранія сельскихъ рабочихъ въ день святого Іоанна, такъ называемыя собранія наймитовъ (они занимались договорами о наймѣ), такъ какъ, благодаря удачному выбору времени, совпадающаго съ самымъ разгаромъ полевыхъ работъ и установленію соглашенія между рабочими, земледѣльцамъ не удавалось устанавливать по своему усмотрѣнію условія договора. 4 сентября 1657 г. Людовикъ XIV издалъ постановленіе, воспрещающее Оуассонскимъ пастухамъ, составлявшимъ могущественную ассоціацію, собираться вѣтѣтъ подѣ страхомъ изгнанія. Эти крестьянскія ассоціаціи, уничтожаемыя юрстами пменемъ закона и правосудія, какъ до, такъ и послѣ революціи были поддерживаемы феодальными учрежденіями. Въ средніе вѣка сеньеры даже отказывались заключать условія относительно земли съ работникомъ, изолированнымъ и невходящимъ въ ассоціацію, такъ какъ ассоціаціи представлялись имъ надежныѣе. Когда земледѣльческое производство приняло буржуазную форму и промышленный характеръ, и продукты земли должны были не только удовлетворять потребностямъ воздѣлывающихъ ее рабочихъ и господской семьи, а видѣлять изъ себя часть въ видѣ товара на вывозъ, эти организаціи мѣшали собственникамъ и ихъ фермерамъ выжимать изъ крестьянъ максимумъ прибавочнаго труда, какъ требуетъ того увеличеніе земледѣльческой производительности. Поэтому явилась необ-

ходимость въ нихъ уничтоженіи, какъ это было сдѣлано съ ремесленными корпораціями, доставлявшими поддержку ремесленникамъ. Революціонеры XVIII вѣка и демократы винѣшняго уничтоженіе этихъ обществъ, которыя защищали рабочихъ противъ эксплуатаціи поземельныхъ собственниковъ и фабрикантовъ называютъ установленіемъ свободы.

Но крупная собственность стремилась и должна была достигнуть не только уничтоженія крестьянскихъ правъ и низведенія ихъ на степень рабочихъ машинъ, но и полнѣйшей ихъ экспроприаціи. Вся исторія образованія феодальной собственности есть ни что иное, какъ сплошной грабежъ, болѣе или менѣе открытый. болѣе или менѣе наглый. Часто даже королевская власть должна была вмѣшиваться, какъ вслѣдствіе того, что сеньеры были ужъ чрезчуръ предприимчивы, такъ въ особенности въ интересахъ государственной казны: дѣло въ томъ что земли, захваченныя сеньерами, не платили податей. Революція 1789 г., повидному направленная противъ феодальной знати, оказала въ дѣйствительности сеньерамъ значительное содѣйствіе въ дѣлѣ экспроприаціи. То, что произошло въ Бретани, достаточно уясняетъ эту роль революціи.

До 1789 г. поземельныя зависящія отношенія имѣли въ Бретани четыре формы: 1) *quevaise*, 2) *convenant franсh* или *convenant à domaine congeable*, 3) *Contrat baillé à assurance* и 4) Фермерство и половничество. Эти четыре формы соотвѣтствовали различнымъ степенямъ экспроприаціи земледѣльца.

1) *Quevaise*. Феодальный собственникъ считается владѣльцемъ нечвы, т. е. всего того, что находится подъ поверхностью земли, въ ея нѣдрахъ; это владѣніе было совершенно прозрачнымъ, такъ какъ сеньеръ для разработки рудника на своей собственной землѣ долженъ былъ испрашивать королевскаго разрѣшенія, которое постоянно было временнымъ. Земледѣльцу—*domanier* принадлежала поверхность, т. е. все то, что находится на поверхности земли—жатва, деревня, постройки; онъ обязанъ былъ только платить сеньеру годовой оброкъ, очень невысокій и неизмѣнный. Въ началѣ среднихъ вѣковъ оброкъ этотъ платился крестьяниномъ сеньеру, за то, что тотъ защищалъ его; когда же защита сдѣлалась прозрачной, сеньеръ превратилъ этотъ бывшій налогъ платой за услуги, оказанныя имъ *domanier*у. Поземельный *quevaise*

была всеобщей формой поземельной зависимости до XVI вѣка; съ этого же времени она становится исключеніемъ.

2) *Conventant à domaine congéable*. Если въ первой формѣ земледѣлецъ нѣкогда образъ не могъ быть экспропрированъ, то здѣсь сеньеръ за неуплату оброка, слѣдовавшаго ему, какъ собственнику, могъ захватить все, находившееся на поверхности земли, движимое и недвижимое, естественное и искусственное, а сдѣлавъ оцѣнку зданіямъ и урожаю и уплативъ остатокъ за недоплаткой несостоятельному крестьянину, могъ согнать его съ участка. Такимъ образомъ въ сравненіи съ *chevaise* роли переменялись. Тамъ крестьянинъ платя оброкъ, доставлявшій средства къ существованію сеньора и его вольновъ, оплачивалъ ихъ услуги и сеньоръ въ случаѣ неуплаты не имѣлъ никакихъ законныхъ средствъ принудить его къ внесенію оброка; здѣсь же, напротивъ, крестьянинъ платилъ за пользованіе землей и въ случаѣ неплательщика могъ быть согнанъ.

3) *Contrat baillé à assurance*. Крестьянинъ еще считается владѣющимъ всѣмъ тѣмъ, что находится на поверхности земли, но владѣніе его срочное, большей частью на срокъ въ 9 лѣтъ. По истеченіи срока, собственникъ можетъ выдворить его, даже и при исправности платежа, но обязанъ всетаки вознаградить его за все, находящееся на поверхности земли.

4) Фермерство и половничество.— Развитие закончено сеньеръ, владѣющій какъ почвой, такъ и поверхностью, не имѣетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ крестьянину. Онъ можетъ согнать его по истеченіи срока, не платя никакого вознагражденія, кромѣ тѣхъ работъ, вознагражденіе за которыя было напередъ обусловлено. Первоначальная фикція превратилась въ отрядную дѣйствительность для сеньера, который сдѣлался полнымъ собственникомъ какъ почвы, такъ и поверхности. Достигши этого, феодальная собственность принимаетъ буржуазную форму, къ которой она постоянно стремилась.

Политическая революція 1789 года позволила собственности быстро завершить свое экономическое развитіе; она позволила ей освободиться отъ того, что членъ конвента Невшато называлъ «пятнами феодальной ржавчины». Буржуазные революціонеры, вмѣсто того, чтобы разсматривать различныя формы владѣнія, какъ различныя степени посягательства на собственность земледѣльца,

вмѣсто того, чтобы возстановить крестьянина въ отнятыхъ у него правахъ, дали повую санкцію узурпаторскимъ правамъ сеньера. Извѣстный законъ 18 марта 1790 года объ уничтоженіи феодальныхъ правъ упнчтожилъ *quevaise*, которая впрочемъ, послѣ XVI вѣка, была исключеніемъ, сохранивъ вторую форму «до спеціальнаго закона относительно нея» и не упомянулъ даже о третьей формѣ такъ какъ она почти ничѣмъ ни отличалась отъ буржуазной формы — фермерства и половничества. Дворянство, вмѣсто того, чтобы понять, что революція преслѣдуетъ исключительно интересы собственниковъ, воспротивилось ей и революціонеры для того, чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, позволили закономъ 1792 года земледѣльцамъ, сидѣвшимъ на земляхъ втораго рода, выкупать свои оброчные участки, что всетаки было въ нѣкоторомъ родѣ признаніемъ за сеньеромъ права собственности и на почву и на поверхность, но Брюмерскій законъ IV г. отмѣнилъ законъ 1792 года, возстановилъ сеньера въ его старыхъ правахъ и даже далъ ему право выдворять крестьянъ по уплатѣ вознагражденія. Когда дворянство возвратилось вмѣстѣ съ Людовикомъ XVIII и получило миллиардъ за свои предполагаемыя потери, то оно употребило эти деньги для того, чтобы упрочить свои земли, какъ говорили тогда, т. е. выдворить крестьянъ, владѣвшихъ поверхностью земли и замѣнить ихъ фермерами и половниками. Такимъ-то образомъ закончилась революціонная комедія.

Передъ революціоннымъ кризисомъ, крупная собственность, совершая въ деревенской тиши всѣ эти метаморфозы, въ тоже самое время вела въ городѣ упорную борьбу за свободную торговлю хлѣбомъ противъ государства, финансистовъ, обладавшихъ монополіей, провинціальныхъ, городскихъ и дворянскихъ привилегій. Не нужно рыться въ старыхъ забытыхъ книгахъ, чтобы узнать, какія страсти воодушевляли борцовъ, достаточно заглянуть въ сочиненія такихъ талантовъ, какъ Тюрго, Неккеръ, Кондорсе, Галліани, Мореле, Вольтеръ.

Изъ всѣхъ видовъ торговли, торговля хлѣбомъ была наиболее стѣснена. Голода, столь частые въ теченіе среднихъ вѣковъ, принудили государство принять строгія мѣры противъ хлѣбныхъ тор-

говцевъ, во всѣ времена злѣйшихъ праговъ какъ производителей, такъ и потребителей, хотя они и получаютъ отъ тѣхъ и другихъ средства къ существованію. Чтобы воспрепятствовать перекупной торговлѣ хлѣбомъ, были опредѣлены самымъ точнымъ образомъ условія его покупки и продажи: онѣ должны были производиться только на рынкѣ; купленный хлѣбъ нельзя было вывозить изъ провинціи и даже города безъ разрѣшенія; эдиктъ 1587 года воспрещаетъ земледѣльцамъ, дворянамъ, правительственнымъ и муниципальнымъ чиновникамъ вести торговлю хлѣбомъ и повелеваетъ лицамъ, занимающимся ею, записаться въ городскіе регистры подъ страхомъ штрафа и конфискаціи ихъ товаровъ. Во время неурожаевъ, государство устанавливало максимальныя цѣны, принимало на себя снабженіе хлѣбомъ цѣлыхъ мѣстностей; такъ въ 1662 г. король купилъ въ балтійскихъ портахъ на два милліона фр. хлѣба, который и былъ проданъ бѣднымъ семьямъ по сетьеру ¹⁾ на каждую, по 26 ливровъ за сетьерь, тогда какъ по рыночной цѣнѣ сетьерь стоилъ 50 ливровъ. Но всѣ эти мѣры, принимаемыя наиболѣе энергичными и умными королями и министрами старой Франціи, и въ огромныхъ размѣрахъ и съ большимъ успѣхомъ повторявшіяся во время революціоннаго періода, если и могли иногда ослабить бѣдствія голодовъ, то уничтожить ихъ были бессильны. Главными причинами этихъ періодическихъ голодовъ и неурожаевъ, причинами, на которыя не дѣйствовали ни законодательныя, ни торговныя мѣропріятія, были во-первыхъ то, что каждая провинція, каждый городъ, каждая деревня производили почти столько же хлѣба, сколько необходимо было для ихъ немедленнаго потребленія, а запасы его были крайне незначительны, вторыхъ, отсутствіе путей сообщенія, дѣлавшее почти невозможною всякую доставку хлѣба изъ одной провинціи въ другую, такъ что Парижъ, напр., могъ испытывать ужасы голода, между тѣмъ какъ южныя провинціи утопали въ изобиліи. Эта трудность сообщенія въ настоящее время составляетъ одну изъ причинъ голодовъ въ Индіи. Эти двѣ основныя причины, дѣлавшія бессильными всѣ даже самыя мудрыя мѣропріятія, въ тоже самое время способствовали перекупкѣ хлѣба и монополіи въ промышленныхъ

¹⁾ Сетьерь равняется 1 гектолитру, 56 центнерамъ.

центрахъ; такъ, въ Лионѣ корпорація булочниковъ воспретила продажу хлѣба, испеченнаго внѣ города, чтобы поддержать высокую цѣну печеннаго хлѣба; въ Руанѣ общество изъ 112 торговцевъ одно имѣло право покупать хлѣбъ, привозимый въ городъ; его монополія распространялась на рынки наиболѣе значительныхъ городовъ всей провинціи. Барыши, получаемыя отъ торговли хлѣбомъ, были такъ велики, что Людовикъ XIV — король солнце, принужденный однако для совершенія займа унижаться передъ евреями Бернаромъ, не постыдился сдѣлаться хлѣбнымъ торговцемъ, вопреки указу 1587 года, воспрещавшему дворянамъ и правительственнымъ чиновникамъ заниматься хлѣбной торговлей. Онъ основалъ королевское хлѣбное управленіе, которое нарушило всѣ постановленія прежнихъ лѣтъ о торговлѣ хлѣбомъ и, скупая хлѣбъ массами на казенныя деньги, производило искусственные голода. Эти позорныя спекуляціи, заклеяныя названіемъ голодныхъ спекуляцій, приводили въ ужасъ и негодованіе все парижское населеніе и подготовляли его къ революціонному движенію.

Физіократы и монополисты съ ожесточеніемъ напали на эти привилегіи, разорявшія собственниковъ и подрывавшія народное благосостояніе тѣми замѣшательствами, которое они производили, но обогащавшія финансистовъ и мошенниковъ; монополисты же выступили на защиту ихъ. Банкиръ Неккеръ, награвившій свои милліоны при помощи правительственной монополіи, сдѣлался передовымъ бойцомъ этой шайки живодеровъ, которая грабила города и села. Чтобы защитить эти грабежи, женевакій финансистъ запасся шумихой модныхъ гуманно-филантропическихъ фразъ. Этотъ мягко-сердечный человѣкъ, забывшій о тѣхъ огромныхъ барышахъ, которые онъ нажилъ въ индійской торговлѣ, этой «торговлѣ грабителей», какъ ее окрестилъ Кондорсе, говорилъ исключительно о народной нуждѣ, производимой поземельными собственниками, «которые думаютъ, что принесли свою землю съ какой-либо другой планеты, и могутъ ее туда унести съ собою¹⁾»... «которые, подѣливъ между собой землю, тотчасъ же составили

¹⁾ Неккеръ. «И о х в а л а К о л ъ б е р у», удостоена преміи отъ парижской академіи.

союзъ и издали законы, охраняющіе ихъ отъ массы, какъ если бы они жили между двумя звѣрами».

«Землевладельцы и бѣдняки, это — львы и совершенно беззащитныя, животныя живущія вмѣстѣ. Никогда участь людей, неимѣющихъ собственности, не улучшается отъ богатства, ихъ окружающаго, потому что землевладельцы постоянно стараются продать свои товары какъ можно дороже, а купить трудъ какъ можно дешевле¹⁾. Этотъ чувствительный витія, пріобрѣтшій себѣ своими красивыми фразами славу реформатора-филантропа, издалъ въ свое управленіе эдиктъ, позволявшій собственникамъ въ Булони унчужить право пастыби на своей землѣ. Этотъ другъ человѣчества, столь революціонный, когда дѣло идетъ о поземельной собственности, въ своей похвалѣ Кольберу говоритъ, что нѣтъ «собственности болѣе достойной уваженія, чѣмъ собственность, заключающаяся въ государственныхъ бумагахъ», т. е. собственность банкировъ, подобныхъ Неккеру. Кондорсе, вдохновленный Турго, возразилъ Неккеру слѣдующее: «Деньги финансиста также не свалились ему съ неба, какъ и земли землевладельца. Банкиры всегда становятся тѣмъ богаче, чѣмъ бѣднѣе становится общество и чѣмъ въ болшій упадокъ приходитъ государство... Банкиры, которые живутъ въ городахъ, пріобрѣтаютъ любовь къ излѣженности, распущенности, лѣни и равнодушію къ общественнымъ дѣламъ и находятъ поэтому очень удобнымъ помѣщать свои деньги въ государственныхъ фондахъ... При помощи одной банковской операціи, собственникъ денегъ можетъ сдѣлаться англичаниномъ, голландцемъ, русскимъ. Поземельные собственники, напротивъ, кормятъ страну, сражаются за нее и проливаютъ для нея потъ и кровь²⁾ и пр. и пр.». Здѣсь Кондорсе слагаетъ днѣпрамбъ въ честь поземельныхъ собственниковъ и ихъ собственности, «которые должны быть уважаемы до излѣшества. Кто нарушаетъ права поземельной собственности, тотъ грабитель, и если онъ прикрывается общимъ благомъ, то это наглая ложь». Неккеръ — банкиръ и Кондорсе — физиократъ даже не подумали о рабочемъ классѣ — о земледѣльцахъ и о ремесленникахъ. Неккеръ стоялъ за правительственное вмѣшательство, при которомъ возможны были моно-

¹⁾ Неккеръ «Хлѣбная торговля и законы о ней».

²⁾ Кондорсе «Размышленія о хлѣбной торговлѣ».

нолія, барышничество и быстрое обогащеніе торговцевъ, а Кондорсе требовалъ полной свободы торговли хлѣбомъ, чтобы освободить поземельныхъ собственниковъ отъ гнета правительства и монополистовъ и дать имъ возможность самимъ воспользоваться тѣми огромными барышами, которые монополисты наживали съ нихъ и съ городскихъ рабочихъ. За Кондорсе и Неккеромъ множество знаменитыхъ писателей выходило на арену борьбы. Вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ теченіе многихъ лѣтъ волновалъ общество XVIII столѣтія и вызывалъ возстанія въ Парижѣ и провинціи. Жаркая полемика подготовила умы къ уничтоженію феодальныхъ правъ и привилегій, и свобода внѣшней и внутренней торговли хлѣбомъ явилась плодомъ революціонной бури.

До революціи поземельные собственники были приверженцами свободы торговли, послѣ же 1816 г. они сдѣлались яркими протекціонистами и вотъ по какимъ причинамъ. Въ прошломъ столѣтіи поземельные собственники чувствовали, что внутренній рынокъ слишкомъ тѣсенъ и не боялись иностраннаго ввоза. Только нѣкоторыя части побережья въ Лангедокѣ и Провансѣ потребляли хлѣбъ, ввозимый изъ Египта и другихъ странъ, лежащихъ по Средиземному морю. Марсель вывозила въ колоніи значительное количество муки, такъ что иностранный хлѣбъ ввозился во Францію только для помола. Вывозъ и ввозъ были равны: такъ въ 1778—1790 ввозъ превысилъ вывозъ только на 394,000 гектолитровъ. Но послѣ низверженія Наполеона и спятія континентальной блокады, обстоятельства измѣнились. Пути сообщенія какъ морскіе, такъ и сухопутные улучшились и увеличилась и конкуренція иностраннаго хлѣба и не замедлила принять угрожающій характеръ. Крымскій и одесскій хлѣбъ, почти неизвѣстные до сихъ поръ, явились на наши рынки и притомъ по очень низкимъ цѣнамъ. Реставраціонное правительство, воплія преданное интересамъ поземельной собственности, незамедлило наложить на него ввозную пошлину въ $2\frac{1}{2}\%$, но совпавшій съ этимъ неурожай принудилъ отменить на время эту пошлину и ввозъ получилъ новую силу. Ввозъ былъ свободенъ до 1819 г. Во все время, когда французскія гавани были закрыты для ввоза войнами республики и имперіи, поземельные собственники получали огромные барыши. Цѣна хлѣба во время имперіи не падала ниже 29 фр. за гектолитръ, а въ 1812 г. достигла 50 фр. Если Наполеонъ въ своихъ

сраженіяхъ и посылалъ массы крестьянъ на уборъ, то онъ давалъ имъ за то возможность брать хорошую цѣну за свои произведенія—это объясняетъ отчасти любовь крестьянъ къ Наполеону. Площадь хлѣбныхъ посѣвовъ увеличивалась изъ года въ годъ; когда это увеличеніе туземнаго хлѣба встрѣтилось съ также возрастающимъ ввозомъ иностраннаго, то при первомъ урожаѣ неминуемо должно было произойти переизбытокъ рынка, что и случилось въ 1818 г.; цѣны сразу упали съ 30 и 50 фр. за гектолитръ до 19. Паника охватила поземельныхъ собственниковъ. Восточные и южные департаменты завалили палаты петпціями, указывая на поваго врага — русскій хлѣбъ, врага болѣе ужаснаго, чѣмъ солдаты священнаго союза и требуя, чтобы французскому земледѣльцу было оказано такое же покровительство противъ вторженія иностраннаго хлѣба, какое оказывалось желѣзнымъ заводчикамъ противъ шведскаго, англійскаго и русскаго желѣза. Правительство Людовика XVIII, боявшееся навлечь на себя неудовольствіе всей націи, если оно удовлетворитъ требованіямъ удѣлѣвшихъ обломковъ стараго порядка, попыталось воспротивиться, но принуждено было въ концѣ концовъ уступить и подчиниться требованіямъ поземельной собственности. Отъ паденія Наполеона въ 1815 г. до паденія Карла X, въ 1830 правленіе Франціей находилось въ рукахъ поземельныхъ собственниковъ и они воспользовались этимъ для того, чтобы ограбить государственную казну: такъ они вынудили у нея миллиардъ вознагражденія, такъ, въ 1817 г., когда правительство въ виду неурожая рѣшилось купить на 70 милліоновъ хлѣба, то вмѣсто того, чтобы купить хлѣбъ за границей, оно употребило треть этой суммы на покупку его у поземельныхъ собственниковъ по такимъ фантастическимъ цѣнамъ, какія только вздумалось имъ назначить въ виду неурожая. По окончаніи покупокъ, цѣны, напомнившія было собственникамъ блаженныя времена имперіи, пали съ неимоверной быстротой, какъ только было сдѣлано оповѣщеніе о ввозѣ хлѣба изъ черноземныхъ странъ.

Пурсопьяки поземельной собственности, чтобы воротить цѣны неурожайныхъ годовъ имперіи, требовали у правительства воспрещенія ввоза иностраннаго хлѣба. Правительство, всегда покорное капризамъ собственниковъ, руководствуясь примѣромъ Англіи, предложило на обсужденіе палатъ новую систему тарифовъ — под-

вижную шкалу (sliding scale), по которой съ иностраннаго хлѣба должна была взиматься пошлина въ франкъ съ гектолитра, какъ только цѣна хлѣба падала до 24 франковъ; пошлина эта увеличилась почти въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ падали цѣны; она равнялась 2 фр. при цѣнѣ въ 23 фр., 3 при цѣнѣ въ 22 и т. д., пока цѣна не падала до 20 фр., когда ввозъ совершенно запрещался. Это было восстановленіемъ революціоннаго закона о максимумѣ, но восстановленіемъ на выворотъ: голодавшіе рабочіе имѣли право на потребленіе иностраннаго хлѣба только тогда, когда французскій достигалъ той высшей цѣны, которую за благо-разсудилось назначить поземельнымъ собственникамъ. Но и эти уступки, позволявшія поземельнымъ собственникамъ взимать со всей націи налогъ, по крайней мѣрѣ, въ 4 или 6 фр. на гектолитръ, казались имъ недостаточными. «Запретительная система, такъ успѣшно примѣняемая въ Англіи, говоришь въ 1819 году въ палатѣ Гюмбло-Конте, должна быть усилена при введеніи ея во Франціи. Только запретительная система можетъ предотвратить недостатокъ въ хлѣбѣ, такъ какъ только запрещеніями можно увеличить хлѣбную торговлю». Запрещеніе ввоза способствуетъ увеличенію хлѣбной торговли и предотвращаетъ недостатокъ въ хлѣбѣ! И это было сказано въ французской палатѣ при рукоплесканіяхъ собственниковъ, изъ которыхъ она состояла. Рѣшительно поземельная собственность потеряла голову. Приведемъ другое доказательство этого.

Физиократы создали теорію заработной платы, соотвѣтствовавшую интересамъ поземельной собственности, теоретическими представителями которой они были. Заработная плата, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ за измѣненіемъ стоимости средствъ къ существованію, поднимаясь, когда они становятся дороже, и падая, когда они становятся дешевле. Неккеръ поддѣржалъ эту теорію извѣстной иллюстраціей. «Положимъ, что была бы найдена пицца, хотя и менѣе вкусная, чѣмъ хлѣбъ, но одного приѣма которой достаточно для поддержанія человѣческаго существованія въ теченіе 48 часовъ; въ такомъ случаѣ, рабочіе классы были бы немедленно вынуждены ѣсть 1 разъ въ два дня, хотя бы имъ болѣе нравились ихъ прежнія привычки по отношенію къ ѣдѣ¹⁾». Въ XVIII столѣтіи поземельные собственники говорили:

¹⁾ Неккеръ. «Хлѣбная торговля и законы о ней».

если еще и не открыто такой чудесной пищи, но есть за то картофель, который дешевле хлѣба: для того, чтобы уменьшить стоимость средствъ къ существованію, а стало быть и заработную плату, стоить только дать свободу вывоза нашему хлѣбу и другимъ продуктамъ. Это было очень ловкимъ маневромъ, такъ какъ такимъ образомъ поземельные собственники привлекали на свою сторону фабрикантовъ, которые только и думали, что о пониженіи заработной платы. Въ 1820 году, когда поземельные собственники требовали наложенія пошлины на иностранный хлѣбъ, чтобы имѣть возможность продавать свой какъ можно дороже, теорія физиократовъ относительно заработной платы была обращена противъ нихъ. Промышленники, бывшіе съ ними за одно, когда дѣло шло о пониженіи заработной платы, жаловались, что поземельные собственники только и стремятся, что къ повышенію стоимости средствъ къ существованію. Тогда Шальонъ де Барръ сообразно съ новыми потребностями и интересами поземельной собственности сочинилъ другую теорію заработной платы; земледѣльческое королевское общество пришло въ восторгъ и присудило автору золотую медаль. «Нѣкоторые писатели ошибаются, видя въ низкой стоимости средствъ къ существованію лучшую гарантію умеренности заработной платы. При густомъ населеніи заработная плата должна постоянно падать, когда цѣна хлѣба возвышается. Наблюденіе, основанное на массѣ фактовъ, всегда подтверждаетъ, то положеніе что при дороговизнѣ хлѣба конкуренція между рабочими сильнѣе. Во время кризиса, рабочіе, побуждаемый голодомъ, соглашались работать за всякую цѣну. (Отсюда слѣдуетъ, что состояніе кризиса нужно сдѣлать постояннымъ, посредствомъ поднятія цѣны хлѣба). Я утверждаю, что такой ходъ дѣла будетъ выгоднѣе для промышленности, мануфактуры и земледѣлія, чѣмъ низкія цѣны, которыя распространяютъ не довольство, а праздность и развиваютъ въ рабочемъ лѣнь. Къ чему въ самомъ дѣлѣ, подумаютъ многіе рабочіе, работать цѣлую недѣлю, когда трехдневная работа доставляетъ средства къ существованію на 7 дней. Пониженіе стоимости средствъ къ существованію губительно такимъ образомъ для промышленности, такъ какъ требованія рабочихъ растутъ пропорціонально этому пониженію и нужно увеличить заработную плату, чтобы добиться отъ рабочаго непрерывнаго тру-

да ')». Эта теорія вмѣстѣ съ теоріей фізіократовъ представляетъ прекрасный образчикъ теорій систематическаго ограбленія и державія виноголодь рабочихъ массъ. Въ нашъ вѣкъ либеральнаго лицемерія и гуманнаго іезуитизма, мы должны быть глубоко благодарными поземельной собственности за то, что она имѣла смѣлость формулировать эту теорію. Протекціонистическая кампанія встрѣтила много противниковъ, съ интересами которыхъ она шла въ разрѣзъ. Марсельскій депутатъ Страфорелло, возражая г. Копте, указывалъ, какой вредъ принесутъ запретительные законы всей французской вишней торговли. «Въ черноморскіе порты, говорилъ онъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Одесса объявлена *port franc*, мы вывозимъ значительное количество вина изъ Прованса, Лангедока, Шампанни и Бургундіи, различныхъ маселъ, ликеровъ, водокъ, пряностей, москательныхъ товаровъ, драгоценностей, металлическихъ издѣлій и множества другихъ товаровъ, причемъ стоимость незначительнаго количества нашихъ товаровъ равняется стоимости значительнаго количества хлѣба. Надѣяться на патриотизмъ поземельныхъ собственниковъ, думать, что они примутъ во вниманіе интересы всей Франціи, было бы конечно заблужденіемъ; Бенжаменъ Констанъ понялъ это и старался поэтому подѣйствовать на ихъ эгоистическое чувство; онъ указывалъ имъ, какая гроза можетъ разразиться надъ ихъ головой, вслѣдствіе ихъ алчности. «Послѣдите воспользоваться послѣдней возможностью, воспользуйтесь онъ въ порывѣ краснорѣчія, которая представляется вамъ, для того, чтобы обуздать свое стремленіе къ повышенію цѣны». (На правой: Гнусное обвиненіе!). Въ своихъ же собственныхъ интересахъ вы не должны допускать, чтобы въ случаѣ какого либо частнаго голода, вамъ были приписаны тѣ мѣры, которые хотятъ навязать вамъ крупные землевладѣльцы, находящіеся въ палатѣ... (Шумъ)... Я бы могъ войти въ подробности, но такъ какъ возбужденіе, овладѣвшее землевладѣльцами, постоянно прерываетъ меня, то я, не имѣя возможности сказать всего, что хотѣлъ бы, ограничусь замѣчаніемъ, что очень при-

1) Шайонъ де Барръ. «Историческое и критическое изслѣдованіе хлѣбныхъ законовъ. Докладъ, представленный въ королевское земледѣльское общество въ конкурсѣ на тему: какииъ образомъ возможно предотвратить недостатокъ въ хлѣбѣ собственными силами Франціи?»

скорбно видѣть, какъ вы стремитесь къ повышенію цѣнъ на хлѣбъ, который производятъ ваши земли и которымъ полны ваши житницы». (Къ порядку! Это возмутительно! восклицаетъ правая). Манюэль, депутатъ Вандей, такъ же, какъ и Б. Констанъ, одинъ изъ вождей либеральной партіи взошелъ на трибуну, чтобы защитить предложенный законъ; его рѣчь любопытна, какъ доказательство, что вскорѣ послѣ революціи дворянство для ограбленія націи дѣйствовало за одно съ мелкими собственниками буржуа, которые, какъ оно утверждало, украли у него часть его земель: «Само правительство подтвердило, говоритъ Манюэль, тотъ фактъ, что земледѣліе пришло въ упадокъ: думать, что предлагаемый законъ преслѣдуетъ интересы крупныхъ собственниковъ, значитъ упускать изъ виду, сколько собственниковъ насчитывается всего во Франціи. Число ихъ доходитъ до 6-ти милліоновъ, а гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ 6-ти милліоновъ, нельзя говорить, что преслѣдуются интересы исключительно поземельныхъ собственниковъ». «Не забывайте о событіяхъ, которыя могутъ совершиться, возразилъ Констанъ. Не вѣряйте участъ Франціи непредвидѣннымъ случайностямъ. Подумайте, какое значеніе имѣетъ голодъ даже въ теченіе одной только недѣли. Неужели вы хотите, чтобы такое несчастіе, если оно случится, было приписано вашему распоряженію?» Но поземельные собственники не понимали своихъ выгодъ — узкій эгонизмъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ собственниковъ уничтожилъ это пониманіе и законъ былъ принятъ большинствомъ 282 противъ 54. Старое королевство и революція принимали жѣрн общественной безопасности, чтобы воспрепятствовать искусственному повышенію цѣнъ, а поземельные собственники, имѣя въ рукахъ верховную власть, издали законы съ цѣлью воспрепятствовать естественному паденію цѣнъ и сохранить поземельную ренту на прежней высотѣ. Это на языкѣ буржуазіи называется выйти изъ мрака варварства и вступить на путь прогресса.

Законъ 1821 года закрылъ доступъ одесскому хлѣбу въ французскіе порты, лежащіе по средиземному морю на 1826—1830 гг. Цѣна на хлѣбъ пала въ Одессѣ до 6 фр. 50 с. и даже 4 фр. или лучше сказать хлѣбъ потерялъ всякую цѣну, такъ какъ вовсе не было спроса на него. Аристократически-конституціонное правительство, которое установлено было во Франціи стараніями императора Александра I-го, воздало ему замедленіемъ развитія русской

торговли. Но если крупные собственники черноземных полей получали меньше дохода с своих владений, если одесские торговцы разорились, то у русских крестьян было, по крайней мере, достаточно хлеба, так как он оставался в стране. Во Франции, подвижная шкала привела к иным результатам. Земли, принадлежавшие поземельным собственникам, удвоились и утроились в цене, и доход их рос, пропорционально возвышению стоимости земель. Но всему этому скоро был положен конец. Урожай в 1828 и 1829 гг. был плох, народ сделал правительство ответственным за недостаток хлеба и июльская революция 1830 года осуществила предсказания Бешамена Константа. Легитимистское королевство было навсегда изгнано из Франции и 1830 год был концом политического верховенства поземельной собственности.

20-го октября 1830 года, Луи Филипп, «король-гражданин», едва успев сѣсть на престолъ, приостановилъ дѣйствіе закона 1821 года, чтобы привлечь къ себѣ городское населеніе, давшее ему корону. Черноморскій хлебъ снова получилъ доступъ въ Марсель, цены въ Одессѣ немедленно поднялись до 12 и 14 франковъ. Но окончательно отмѣнить подвижную шкалу король и его министры были беспомощны; въ 1846 и 1847 гг. были опять неурожай и дороговизна хлеба и 24-го февраля 1848 года Луи Филипп отправился «ѣсть черствый хлебъ изгнанія»; правда, онъ очень предусмотрительно помѣстилъ свои деньги въ иностранныхъ фондахъ, такъ что его «черствый хлебъ изгнанія» былъ очень мягкимъ хлебцемъ.

Съ начала настоящаго столѣтія, промышленная буржуазія непрерывно развивалась и ея политическое значеніе росло пропорционально ея экономическому развитію. Железныя дороги и крупное машинное производство создали классъ крупныхъ фабрикантовъ и финансистовъ, которые и захватили въ свои руки власть съ Наполеономъ III во главѣ. Тотчасъ же послѣ переворота, совершеннаго при помощи крупныхъ промышленниковъ и финансистовъ, которые видѣли въ немъ отличное орудіе для своихъ цѣлей, Луи Бонапартъ вознаграждалъ ихъ. — Когда въ 1853 году опасались неурожая, то не только былъ открытъ иностранному хлебу свободный доступъ въ страну, но такъ какъ морскихъ торговыхъ кораблей не хватило для перевозки хлеба изъ Египта и

Чернаго моря, то были посланы на помощь марсельскимъ торговцамъ военные пароходы, которые направлялись къ Босфору для встрѣчи торговыхъ судовъ и буксировали ихъ до французскихъ портовъ по Средиземному морю. Въ 1861 году, Наполеонъ III, называвшій себя «крестьянскимъ королемъ», на самомъ же дѣлѣ бывшій смиреннымъ слугою финансистовъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія со стороны поземельныхъ собственниковъ, приказалъ своему законодательному корпусу отмѣнить подвижную шкалу; съ тѣхъ поръ, иностранный хлѣбъ свободно ввозится во Францію съ уплатой 0,50 проц. пошлины на гектолитръ. Въ Англіи торійское миппстерство было вынуждено отмѣнить Sliding scale, такъ что даже въ то время, когда въ рукахъ поземельной собственности была политическая власть, она вынуждена была удовлетворить требованіямъ промышленной и финансовой буржуазіи.

Во второй половинѣ XIX столѣтія экономическій строй Франціи претерпѣлъ существенныя измѣненія. — Машини и раздѣленіе труда проникли во всѣ отрасли промышленности, паръ замѣнилъ движущую силу человѣка и животнаго, а механически дѣйствующая машина ловкость ремесленника; мелкая промышленность пришла въ упадокъ, а крупная развилась и окрѣпла. Промышленные города, незначительные въ началѣ столѣтія, приобрѣли населеніе въ 20, 30, 100 тысячъ и даже болѣе; мужчины, женщины, дѣти рабочаго класса были привлечены огромными фабриками; созданъ пролетаріатъ, который въ іюнь 1848 года вторично началъ борьбу. — Сѣть желѣзныхъ дорогъ покрыла сушу, пароходы разсѣялись по морю, а внѣшній вывозъ, ничтожный въ началѣ столѣтія, достигалъ: въ 1830 г. — 450 мил. фр.

1850 > — 1,195 >

1860 > — 2,724 >

1877 > — 4,371 >

Крупная промышленность измѣняетъ весь экономическій и политическій строй страны, гдѣ она появляется, такъ какъ она создаетъ всемірный рынокъ. Крупная промышленность нуждается во всемірномъ рынкѣ, какъ для доставленія себѣ сырыхъ матеріаловъ, такъ и для сбыта своихъ продуктовъ. Такъ, шерсть и хло-

покъ, обрабатываемые на фабрикахъ Руанъ, Ельбефа и Мюльгаузена. вывозятся изъ Азіи, Африки, Америки и Австраліи, а сукна и бумажныя ткани этихъ городовъ также расходятся по всему свѣту. Всемирный рынокъ создастъ международную конкуренцію: каждая страна, желающая имѣть значеніе на всемирномъ рынкѣ, должна по отношенію къ орудіямъ стоять на уровнѣ послѣднихъ усовершенствованій промышленной механики: такого развитія крупная промышленность достигла только въ Англіи, отъ которой въ этомъ отношеніи другія страны далеко отстали. Французская промышленность, орудія производства которой хуже англійскихъ, могла вести борьбу съ англійскою, только выеузя несовершенства своихъ машинъ удлинненіемъ рабочаго дня и пониженіемъ заработной платы; она не могла поэтому дозволить поземельной собственности взимать 20 и 30 процентную пошлину съ пшцы рабочаго.

Въ протекціонистической кампаніи 1820 года землевладѣльцевъ поддержали фабриканты, которые, ограничиваясь внутреннимъ рынкомъ, стремились только къ закрытію доступа внутрь иностраннымъ произведеніямъ. Желѣзодѣлательная промышленность, первая въ настоящемъ столѣтіи, подняла вопль о покровительствѣ въ 1814 году. Желѣзные издѣлія Франціи со слезами на глазахъ просили сожалѣнія. «Неужели мы услышимъ съ этой трибуны, плакаль Дамимартенъ, этотъ представитель желѣзныхъ заводчиковъ, — предложеніе закона бездушнаго и жестокаго, изгоняющаго всякое чувство изъ обсужденія государственныхъ дѣлъ? Нѣтъ! прочь отъ этой мысли! Жалобы несчастныхъ будутъ приняты и утѣшены съ отеческою благосклонностію, тронъ и обѣ палаты всегда будутъ оказывать защиту невинности и покровительство несчастію, жалобы и стоны желѣзныхъ заводчиковъ получатъ благосклонный пріемъ и кто нибудь изъ нихъ, почтенныхъ гражданъ, отцовъ многочисленныхъ семей, кормильцевъ массы рабочихъ, скажетъ съ болѣю въ сердцѣ его величеству, что, дозволія ввозъ иностранныхъ желѣзныхъ издѣлій, нужно уничтожить также наемъ печей и кузницъ и расторгнуть условія, заключенныя съ рабочими». Эти забавныя іереміады имѣли однако серьезное значеніе. Людовикъ XVIII, сѣвшій на престолъ при помощи иностранныхъ штыковъ, сгарался предать забвенію это щекогливое обстоятельство и опасался, чтобы въ случаѣ, если онъ

дозволить свободу ввоза, не сказали, что онъ расширяется съ англичанами на счетъ поземельныхъ собственниковъ и фабрикантовъ. Въ интересахъ землевладѣльцевъ также было поддерживать несчастныхъ желѣзныхъ заводчиковъ, такъ какъ желѣзные заводы, употреблявшіе для топлива дерево (только такіе тогда существовали) на каждую часть желѣза потребляли 20 частей дерева, которое въ своемъ естественномъ видѣ не могло бы выдержать отдаленной перевозки. Обработка желѣза была, такимъ образомъ, для поземельныхъ собственниковъ ничѣмъ инымъ, какъ удобнымъ способомъ доставленія ихъ дереву возможности сбыта; — точно также въ настоящее время фермеры западныхъ Штатовъ Сѣверной Америки находятъ для себя болѣе выгоднымъ вывозить свой мансъ въ видѣ откормленныхъ свиней.

Считаютъ, что законъ 1822 года, наложившій запретительную пошлину на англійское желѣзо, увеличилъ почти на 30 проц. доходъ владѣльцевъ лѣсовъ. Запретительныя пошлины на продукты маслобень, крахмальныхъ и сахарныхъ заводовъ были точно также выгодны владѣльцамъ земель, засѣянныхъ полевой рѣпой, свекловичей и картофелемъ и т. п....

Но какъ только французская промышленность достигла такой степени развитія, что внутренній рынокъ оказался тѣснымъ для нея и она должна была вступить въ борьбу съ Англіей за обладаніе рынкомъ всемірнымъ, она почувствовала, что интересы ея противоположны интересамъ поземельной собственности: хотя она и не переставала требовать запретительныхъ тарифовъ для мануфактурныхъ произведеній, но по отношенію къ земледѣльческимъ продуктамъ она придерживалась свободы торговли. Не только интересы промышленной и поземельной собственности не совпадали болѣе, когда комп-воажеръ Бастіа написалъ свои экономическія гармоніи, но даже интересы различныхъ земледѣльческихъ группъ не были болѣе однородными. Если владѣльцы лѣсовъ, земель, засѣянныхъ хлѣбомъ, полевой рѣпой, мареной, были яркими протекціонистами, то впрочемъ, неопасавшіеся еще конкуренціи испанскихъ и итальянскихъ винъ, вмѣстѣ съ фабрикантами были приверженцами свободной торговли.

Мы видим, что когда капиталистическое ¹⁾ производство обособило земледельческий труд от промышленного, соединило въ мануфактурахъ ремесленниковъ, создаю промышленные города, поземельная собственность должна была доставлять пищу какъ земледѣльцамъ, такъ и ремесленникамъ. Эта необходимость въ прибавочномъ земледѣльческомъ продуктѣ въ странахъ съ высокимъ развитіемъ капиталистическаго производства достигаетъ такихъ размѣровъ, что собственное ихъ земледѣліе не можетъ болѣе удовлетворить потребленію рабочаго класса и они принуждены въ этомъ отношеніи разчитывать на другія страны. Англія, хотя она и обезлюдила Ирландію и превратила ее въ огромный лугъ, доставляющій ей мясо, своихъ собственныхъ продуктовъ не хватило бы и на полгода: такъ въ 1879 году въ ней было собрано 320 милліоновъ килограммовъ хлѣба, а ввезено 3,005 милліоновъ килограммовъ хлѣба, 540 милл. килограммовъ муки, 208,000 быковъ, 39,000 телятъ, 944,000 барановъ, 54,000 свиней, 7 милліоновъ килограммовъ битаго мяса (свѣжаго и заготовленнаго въ провъ), 25 милліоновъ килограммовъ солиныны и свиного сала. Франція еще не достигла такого недостатка въ земледѣльческомъ продуктѣ, но она идетъ въ этому быстрыми шагами. Обособленіе земледѣльческаго труда отъ промышленнаго, произведенное капиталистическимъ производствомъ, нарушило равновѣсіе между земледѣльческою производительностью страны и ея потребленіемъ и произвело, во-первыхъ, увеличеніе агрономическихъ знаній, а во-вторыхъ, непрерывное ухудшеніе почвы.

Чтобы доставить пищу промышленнымъ рабочимъ, все увеличивающимся въ числѣ, нужно было прежде всего расширить площадь пахатныхъ земель; — земли не воздѣланныя до сихъ поръ вспахиваются, болота осушаются, лѣса вырубаются ²⁾. Прежде,

¹⁾ Подъ капиталистическимъ производствомъ нужно понимать такое, въ которомъ рабочій термаетъ владѣніе какъ продуктомъ своего труда, такъ и орудіями производства, и они временно переходятъ къ промышленнику, владѣющему извѣстнаго рода капиталомъ.

²⁾ Вездѣ можно найти численныя данныя, относящіяся къ этому расширенію земледѣльческой культуры. Приведемъ одинъ примѣръ: сравненіе количества воздѣлываемой земли въ департаментѣ Верхней Іоны въ 1774 и 1805 гг.

чѣмъ сдѣлаться интенсивнымъ, земледѣіе становится экстенсивнымъ. Уничтоженіе лѣсовъ уже въ XVII вѣкѣ приняло такіе размѣры, что правительство вынуждено было вѣшать и ограничить его, но въ концѣ восемнадцатаго вѣка, особенно въ революціонный періодъ и въ началѣ девятнадцатаго — лѣса уничтожались еще безумнѣе; ихъ вырубали не только для расширенія площади пахатныхъ земель и пастбищъ, но и для удовлетворенія спроса промышленности на дерево для топлива и построекъ. Последствія были ужасны. Ничтожные ручьи, вслѣдствіе обнаженія горъ превращаемые дождями въ бурные потоки, заваливали камнями воздѣлываемыя земли, запосели посѣвы на своемъ пути, заваливали долины щебнемъ, производили наводненія ¹⁾. Г. Ру, лѣсной субъ-инспекторъ въ Греноблѣ, въ своемъ оффиціальному рапортѣ за 1880 годъ говоритъ: «Площадь земли, снова засаженой лѣсомъ въ Альпахъ, равняется 16,000 гектарамъ, а остается засадить еще 200,000. Если продолжать вести дѣло такимъ же образомъ, то нужно 3 столѣтія, чтобы засадить лѣсомъ все это пространство... Въ Дофинѣ лѣса все болѣе и болѣе спускаются съ горъ, такъ какъ горные жители вырубаютъ столѣтнія деревья, а

Родъ посѣва.	Число гектаровъ.	
	1774	1805.
Хлѣбъ	77,715	112,928
Растенія употр. промысл. (дикая рѣпа, полевая рѣпа, ленъ, табакъ)	3,389	5,069
Естеств. луга	30,128	34,063
Искусственные луга	0	180

Сравнивая количество хлѣба получаемого съ гектара, находимъ, что въ 1774 г. на гектаръ получалось 1090 килограммовъ, а въ 1805 — 905 килограммовъ. Однимъ изъ ближайшихъ послѣдствій экстенсивной культуры является относительное уменьшеніе количества производимаго хлѣба. (Цифры заимствованы изъ Записокъ Земледѣльческаго Общества 1810 г.).

¹⁾ «Расчищеніе земель, вообще вредно повліявшее на развитіе земледѣльской культуры лишило насъ всякой защиты противъ сѣвернаго вѣтра, обезлѣсивъ горныя вершины. Это составляетъ причину суровости вѣтровъ и зимнихъ холодовъ, вымиранія оливковыхъ деревьевъ и того, что горные ручьи вничтожные каючи, превращаясь въ горные потоки, заливаютъ наши поля». Энжобри. «Сельское хозяйство въ варбонскомъ округѣ» 1812 г.

ихъ козы и овцы объѣдаютъ молодія поросли. Гренобль составилъ планы предохраненія себя отъ наводненій, осуществленіе которыхъ будетъ стоить милліоны». Вотъ печальныя послѣдствія, къ которымъ привело буржуазное право собственности, которое гражданскій кодексъ—это евангеліе революціи—опредѣляетъ какъ «право неограниченнаго распоряженія и пользованія объектомъ владѣнія». Неограниченное пользованіе правомъ собственности привело собственниковъ къ уничтоженію объекта собственности.

Разрушительное дѣйствіе капитализма имѣетъ другую форму, хотя и не столь рѣзко проявляющуюся, но не менѣе вредную и болѣе всеобщую. Когда рабочіе, воздѣлывающіе землю, требуютъ отъ нея только пищи для собственнаго потребленія и находятся въ непосредственномъ соприкосновеніи съ землей, то она, несмотря на несложныя приемы первобытнаго земледѣлія, легко производитъ нужный продуктъ и остается по прежнему плодородной. Продукты, потребляемые на мѣстѣ, возвращаются землѣ въ видѣ удобренія и происходитъ полный круговоротъ матеріи между землей съ одной стороны и челомѣкомъ и животными съ другой, а трехгодовой отдыхъ, даваемый землѣ, позволяетъ ей накоплять производительныя силы. Но при капиталистическомъ производствѣ произведенія земли постоянно вывозятся и, потребляясь вдали, не возвращаются ей болѣе, круговоротъ матеріи нарушается, и у земли постоянно отнимается часть ея производительныхъ силъ. Еще въ XVII столѣтіи Вобанъ въ своей «Королевской Десятигѣ» констатировалъ это истощеніе почвы. «Замѣчено, что сборы съ земли становятся все менѣе и менѣе, очень немногіе взяли на себя трудъ изслѣдовать причины этого уменьшенія, которое будетъ все увеличиваться, если не будутъ найдены средства къ его устраненію». Послѣ Вобана, зло дѣйствительно постоянно увеличивалось, но агрономы-химики открыли причины его и средства къ его устраненію. «Въ Нормандіи, самой плодородной французской провинціи, жалуются на убыль яблокъ и на дурное качество сѣдра, происходящее отъ ухудшенія яблокъ. Если яблоки и травы ухудшаются и качественно и количественно, то это происходитъ отъ постояннаго истощенія почвы, такъ какъ ей не возвращаютъ того, что извлекаютъ изъ нея въ видѣ яблокъ, хлѣба и молока¹⁾». Агрономы

¹⁾ Журналъ практическаго земледѣлія. 30 декабря 1880 г.

пришли къ убѣжденію, что болѣзни винограда, гнилюстый грибокъ и филоксеры, явились причиной уменьшенія въ ночвѣ содержанія минеральныхъ солей, преимущественно солей калия. «Если принять во вниманіе, говоритъ г. Потелль, что органическія кислоты представляютъ наиболѣе благоприятную среду для развитія и размноженія низшихъ организмовъ, то ясно, что виноградный сокъ, лишенный нормальнаго содержанія щелочей, представляетъ въ высшей степени благоприятныя условія для развитія филоксеры»¹⁾).

Скотъ, всегда разсматриваемый, какъ необходимая принадлежность рациональной культуры, какъ наиболѣе выгодное средство утилизовать всѣ произведенія почвы, сохраняя въ то же самое время ея плодородіе, также сдѣлался орудіемъ ея истощенія. Всѣ минеральныя и органическія вещества были извлекаемы изъ почвы въ видѣ молока, а самый скотъ отправлялся въ городъ. «Вмѣсто того, чтобы самому производить тукъ, скотъ уничтожаетъ ихъ»,

¹⁾ Журналъ Практическаго Земледѣлія, 5 февраля 1880 г. Промышленная химія открыла средство дѣлать вино изъ воды, виннокислоты и турецкаго, крымскаго, итальянскаго или испанскаго изюма. Это вызвало несчастныхъ владѣльцевъ виноградниковъ, пораженныхъ или угрожаемыхъ филоксерой. Они составили петицію, прося правительство воспретить производство искусственнаго вина или, по крайней мѣрѣ, продажу его подъ именемъ вина, хотя оно и дѣлается изъ винограда. Это новое открытіе, если и успѣетъ разорить винодѣльцовъ, то въ тоже самое время ускоритъ истощеніе почвы виноградниковъ. Мадридская Газета Промышленности отъ 10 сентября 1880 г. говоритъ слѣдующее:

Свидѣтельство относительно дѣятельности г-на Одибера, изобрѣвшаго и распространяющаго искусственное вино, можно найти въ официальныхъ данныхъ, опубликованныхъ министерствомъ торговли, изъ которыхъ видно, что въ 1879 году въ Парижъ было введено 51 милліоновъ килограммовъ изюма, а въ теченіе первой половины 1880 года 48 милліоновъ килограммовъ слишкомъ; изъ одного килограмма изюма выдѣлывается 1 литръ вина, котораго было произведено 2,972,821 гектолитровъ. Если единственной выгодой, которую мы извлечемъ изъ этого изобрѣтенія, продолжаетъ испанскій писатель, будетъ увеличеніе вывоза изюма, то принимая во вниманіе истощеніе нашей почвы и невѣжество нашего общества относительно этого предмета нужно будетъ признать это зломъ. При вывозѣ изюма почва теряетъ болѣе вещества, чѣмъ при вывозѣ вина; если это не сдѣлается всѣмъ извѣстнымъ, если въ цѣну изюма не войдетъ стоимость удобрительнаго вещества подлежащаго возвращенію въ почву, то вывозъ изюма будетъ не выгодой, а бѣдствіемъ для Испаніи.

говоритъ Буссипголь, одинъ изъ отцовъ агрономіи. Ни для кого болѣе не составляетъ тайны, что почва Франціи истощается со дня на день. Финансисты изъ-за своихъ эгоистическихъ интересовъ закрываютъ глаза передъ этимъ фактомъ, который извѣстенъ всему обществу. Объявленіе сѣверо-американскаго общества землевладѣнія и земледѣія гласитъ: «Налоги, заработная плата и разныя издержки все увеличиваются во Франціи, между тѣмъ, какъ плодородіе земли уменьшается. Земледѣіе имѣетъ блестящую будущность въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ дѣйственная земля сохранила все свои туки, тогда какъ французская истощена». Почва Франціи истощена, примемся же за истощеніе почвы американской! Истощеніе народа, истощеніе почвы — вотъ лозунгъ капиталистическаго производства.

При старомъ способѣ обработки, земля сама восстанавливала свое плодородіе, теперь же сдѣлалось необходимымъ восстанавливать его искусственнымъ путемъ. Сельскому хозяйству теперь недостаточно собственнаго удобренія и нужно пополнять его приемлемымъ изъ городовъ, какъ природнымъ (гуано, пудреть и т. п.) такъ и искусственнымъ (соли кали, натрія, фосфаты). Около 1830 г. англійскіе сельскіе хозяева стали перебивать у земледѣльцевъ Прованса изболну и выжимки маслосемян Марсели и Э; они даже пробовали употреблять въ дѣло землю, собранную на поляхъ сраженій республики и имперіи, удобренную трупами павшихъ.

Такимъ образомъ, для удовлетворенія требованій капиталистическаго производства, земледѣіе должно сначала расширить площадь культивированныхъ земель, и истощить почву, а потомъ, чтобы имѣть возможность доставлять земледѣльческой продуктъ все въ большихъ и большихъ количествахъ, какъ отъ него требуется, оно принуждено поддерживать искусственными средствами плодородіе земли. Эта двойная необходимость (въ возрастаніи земледѣльческаго продукта и въ искусственномъ поддержаніи плодородія почвы) послужила причиною появленія научнаго земледѣлія; разумно употребляя удобреніе въ значительныхъ размѣрахъ, вводя плодоперемѣнную систему, не щадя труда человека и животныхъ и замѣняя его машиннымъ, научная культура земель въ Шотландіи, своимъ истиннымъ отечествѣ, въ Англійи и въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи дала намъ понятіе о томъ, какихъ результатовъ можетъ достигнуть истинно народное прави-

тельство, замѣстивъ капиталстовъ-собственниковъ и предпринятъ правильную культуру земель всего края. Сравнивая по десятилѣтіямъ прогрессъ культуры хлѣба во Франціи и въ Сѣверномъ департаментѣ, гдѣ распространена интензивная обработка, можно составить понятіе о степенѣ ея превосходства. Средній урожай равнялся:

	Во Франціи вообще.	Въ Сѣверномъ департаментѣ.
1820—29	11,86	17,96 гектолитровъ на гектарь.
1830—39	12,36	20,2 > > >
1840—49	13,67	21,59 > > >
1850—59	13,37	22,07 > > >
1860—69	14,38	23,18 > > >
1872—80 ¹⁾	15,06	23,53 > > >

Въ томъ же Сѣверномъ департаментѣ въ крупныхъ хозяйствахъ, гдѣ введена въ сѣвооборотъ свекловича, урожай доходилъ до 32, 34 и даже 37 гектолитровъ на гектарь.

Когда торійское министерство Роберта Пля, уступая давленію манчестерскихъ приверженцевъ свободной торговли, отмиѣнило хлѣбные законы и открыло свободный доступъ иностранному хлѣбу въ англійскіе порты, землевладѣльцы и фермеры пришли въ отчаяніе: свобода торговли, разоривъ ихъ, приведетъ къ разоренію и Англію, говорили они. Фабриканты, пародируя слова Яго, отвѣчали имъ: Put money an the land (вкладывайте деньги въ земледѣліе). Деньги сдѣлались первою системою земледѣлія, какъ и любви и войны. Физиократы исчисляли въ 27,000 ливровъ (26,675 фр.) сумму, необходимую для исполнѣя достаточнаго снабженія участка въ 500 арпантовъ (171 гектарь) скотомъ, орудіями, удобреніемъ, трудомъ и пр. ²⁾, а вотъ слова современнаго агронома: «Вложивъ въ землю капиталъ въ 1,000 франковъ, можно даже при небольшомъ благоразуміи получать 10 проц. дохода; вложивъ 500 франковъ на гектарь, нужно рассчитывать только на 5 проц.; если же вложить только 200 франковъ на гектарь,

¹⁾ Урожай 1870 и 1871 гг. представлялъ большія отклоненія вслѣдствіе прусской войны.

²⁾ Энциклопедія Дидро. Статья о сѣриѣ де-Руа.

то не воротились и затраченного капитала». Ферма Марли, «заслужившая пальму первенства въ французскомъ земледѣліи», въ теченіе 11 лѣтъ 1852—1863 послѣдовательно увеличивала затраченный ею капиталъ съ 806—1601 франка на гектаръ; сообразно съ этимъ доходы ея возрастали съ 18—42 проц., урожанъ въ 39 и 40 гектолитровъ на гектаръ были заурядъ. Современное земледѣіе не можетъ существовать безъ капитала, поэтому вопросъ о кредитѣ для него вопросъ жизни и смерти.

Мы видѣли, что капиталистическая промышленность, увеличивая спросъ на земледѣльческіе продукты, увеличила стоимость земель и побудила поземельную собственность сбросить съ себя феодальную форму, въ которой она родилась и окрѣпла, и принять форму буржуазную; но въ тоже самое время капиталистическая промышленность, развиваясь сама, лишила поземельную собственность политическаго верховенства, такъ какъ, вслѣдствіе измѣненія способовъ обработки, поземельная собственность для того, чтобы быть въ состояніи вести правильнымъ образомъ культуру земли, должна стать въ зависимость отъ денежнаго капитализма.

Достигнувъ этого фазиса развитія, поземельная собственность должна пройти черезъ тяжелый пскусъ, который до сихъ поръ еще не вполне оконченъ. Этотъ пскусъ крупной поземельной собственности во Франціи имѣлъ другой характеръ, чѣмъ въ Англіи. При старой системѣ обработки, феодальный господннъ пстпнннтивно слѣдовалъ совѣтамъ римскихъ агрономовъ: онъ существовалъ произведеніями своихъ крѣпостныхъ ¹⁾. Пока онъ жилъ въ своемъ замкѣ, все обстояло благополучно, но лишь только онъ вбодворялся въ городѣ, обстоятельства мѣнялись: издержки увеличивались, а чтобы покрыть ихъ, производительность земли на-

¹⁾ Оливеръ де Серръ, знаменитый агрономъ XII столѣтія, совѣтуетъ поземельнымъ собственникамъ не покупать нужныхъ имъ мануфактурныхъ произведеній на сторонѣ, а производить собственными средствами, и деньги, употребляемыми ими на покупку этихъ произведеній, употребить на устройство мастерскихъ ткацкой, прядильной, каретной, вообще мастерскихъ по всѣмъ отраслямъ земледѣлія и мануфактуры. Это соединеніе двухъ отраслей производства было характеристической чертой феодальной собственности и на долю капиталистической промышленности вышло его уничтоженіе.

пряглась до послѣдней возможности. Собственники во всё время полагали, что по отношенію къ крестьянамъ, обрабатывающимъ ихъ земли, они имѣютъ только одну обязанность — тратить беззаботно на уборы лошадей и женщпнъ тѣ доходы, которые ихъ крестьяне извлекали изъ земл. Они захотѣли также безцеремонно обращаться и съ землей, но она оказалась менѣе терпѣливой, чѣмъ крестьяне. Скудостью своихъ урожаевъ она скоро показала, что не намѣрена долѣе находиться въ глупомъ положеніи постоянно дающаго и никогда не получающаго обратно. Англійскіе землевладѣльцы, сохранившіе свои феодальныя владѣнія закрѣпленіемъ земель, keep the land out of the market — по англійскому выраженію (препятствуя землѣ являться на рынкѣ), были настолько счастливы, что находили фермеровъ, часто владѣвшихъ капиталомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, которые, не имѣя возможности сами пріобрѣсти земли, соглашались затратить свои капиталы на возстановленіе плодородія дворянскихъ земель, на ихъ дренажъ, очистку и огораживаніе, безъ всякаго вознагражденія со стороны собственниковъ. Ландлорды, не желая показаться равнодушными ко всѣмъ этимъ улучшеніямъ, повышали поземельную ренту, что было только актомъ справедливости, такъ какъ нѣтъ класса столь низкопоклоннаго, какъ англійскіе и шотландскіе фермеры. Во Франціи дѣло шло иначе, — революція уничтожила закрѣпленіе земель и облегчила ихъ продажу, такъ что крестьянинъ, едва скопивъ нѣсколько сотъ франковъ, тотчасъ же старался купить хоть небольшой участокъ земли, чтобы не обрабатывать болѣе чужаго. Его упорный трудъ, незнавшій отдыха, значительно улучшилъ обработку принадлежавшей ему земли: всѣ агрономы согласны, что культура крестьянскихъ земель въ началѣ настоящаго столѣтія была значительно выше культуры крупныхъ имѣній. Французскій крупный землевладѣлецъ былъ менѣе счастливъ, чѣмъ его англійскій или шотландскій собратъ; за обработку его земель брались лишь половники, неимѣвшіе ни гроша ни фермеры, владѣвшіе ничтожнымъ капиталомъ. Эта трудность достать капиталъ, необходимый для правильной культуры земель, была постояннымъ предметомъ жалобъ со стороны землевладѣльцевъ и служила причиною, почему такіе люди, какъ Леонъ Лавернь, восхищавшіеся крупными англійскими хозяйствами, high farming, во Франціи отдавалъ предпочтеніе мелкому землевладѣнію

передъ крупнымъ. Такое положеніе дѣлъ не могло долѣ продолжаться, иначе всѣ земли перешли бы въ руки крестьянъ. Во время революціи, они покупали національныя имущества, на сколько хватало средствъ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія общество спекуляторовъ—черная шапка—покупало крупныя пѣвнія и распродавало ихъ крестьянамъ небольшими участками, чтобы сдѣлать эти земли доступными для нихъ. Французскій землевладѣлецъ, небудучи въ состояніи добыть этого рѣдкаго звѣря—фермера—капиталиста, задумалъ самъ достать капиталъ, необходимый для обработки. Кредитъ легко получаемый, дешевый и даже даровой, былъ любимой мечтой поземельныхъ собственниковъ въ теченіе болѣе 40 лѣтъ. Чтобы отличить его отъ обыкновеннаго кредита по 5 и по 6 проц. ему дали названіе сельскохозяйственнаго.

«Вашъ кредитъ будетъ сельскохозяйственнымъ только по имени», замѣтилъ Дюпенъ простакамъ, разглагольствовавшимъ объ удобствахъ такого кредита на съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ 1844 г.

Землевладѣльцы полагали, что если Богъ далъ имъ землю, то государство обязано снабдить ихъ фермеровъ капиталомъ для воздѣлыванія этой земли—всѣ проекты сельскохозяйственнаго кредита рассчитаны на государственную поддержку. Съѣздъ 1845 г., подъ предсѣдательствомъ герцога Деказа, составилъ проектъ сельскохозяйственнаго кредитнаго банка, капиталъ котораго на двѣ трети долженъ былъ быть доставленъ «обществомъ поземельнаго кредита», а на одну треть состоятъ изъ вкладовъ на храненіе съ правительственной гарантіей, хотя правительство и оставалось чуждымъ управленію банкомъ. Поземельные собственники, составляя этотъ проектъ, руководствовались воспоминаніями о грабежахъ, произведенныхъ ими въ государственной казнѣ, и о политической власти, принадлежавшей имъ, при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X; но съ 1830 г. времена измѣнились: «Правительство и богатые промышленные бароны чувствуютъ величайшее презрѣніе ко всему, что относится къ бѣднымъ неграмъ нашихъ деревень и ихъ промыслу», жаловался «Журналъ сельскаго хозяйства» за февраль 1845 г. Въ проектѣ сельскохозяйственнаго банка народныя сбереженія, положенныя на храненіе, причислялись къ капиталу банка и служили для удовлетворенія требованій вкладчиковъ, не какъ прежде — непосредственно, а путемъ погашенія. Правительство на отрѣзъ отказало въ этой просьбѣ обратитъ сбе-

реженія бѣдниковъ въ основной капиталъ сельскохозяйственнаго банка, а президентъ Дюпенъ, продававшійся всеѣмъ правительствомъ, смѣнявшимъ другъ друга послѣ революціи, имѣлъ наглость назвать эту просьбу посягательствомъ на право собственности. Обвинять въ посягательствѣ на право собственности и кого же?... Собственниковъ!.. Ихъ, которые только и думали объ улучшеніи земель, принадлежавшихъ имъ, которые желали защитить народныя сбереженія отъ дурнаго употребленія, которое изъ нихъ сдѣлали-бы рабочіе, если-бы предоставитъ эти сбереженія въ ихъ руки! Это значило усугублять отказъ обидой, онъ землевла дѣльцамъ пришлось перенести еще не мало другихъ отказовъ и обидъ.

Французскіе землевладѣльцы были тѣмъ болѣе взволнованы крушеніемъ ихъ сельскохозяйственнаго банка, что нѣсколько лѣтъ спустя сэръ Робертъ Пиль представилъ въ распоряженіе ихъ англійскихъ собратій сумму въ 200 милліоновъ франковъ для дренажа и улучшенія земель. Погашеніе ссуды должно было быть произведено въ 22 года по 6½ проц. въ годъ, такъ что правительствомъ такимъ образомъ ссудило 200 милліоновъ по 3½ проц. ландлордамъ или, лучше сказать, ихъ фермерамъ, такъ какъ «во многихъ случаяхъ, говоритъ сэръ Джемсъ Кердъ, оклеветавшій, конечно, англійскую аристократію, — фермеры несли всю тяжесть этого платежа помимо платы за наемъ земли, и по истеченіи, 22-хъ лѣтняго срока, собственникъ безъ всякихъ пожертвованій со своей стороны получалъ землю и улучшенную, и свободную отъ долга. Впрочемъ, иногда собственникъ бралъ на себя уплату 1½ проц., оставляя на долю фермеровъ только остальные 5 проц. »). Кроме того образовались общества поземельнаго кредита, выдавшія въ ссуду болѣе 175 милліоновъ фр. Такимъ образомъ, въ теченіе 30 лѣтъ на улучшеніе великобританской поземельной собственности было затрачено болѣе 375 милліоновъ фр., не считая огромныхъ капиталовъ, принадлежавшихъ фермерамъ. Насколько возрасла цѣнность земель, можно получить понятіе, сравнивая ихъ стоимость, опредѣленную по суммѣ подоходнаго налога съ поземельной собственности за 1857 г. для Англии и Шотландіи и за 1862 для Ирландіи и за 1877 для всѣхъ трехъ странъ.

*) James Caird *British Agriculture*, published in *The Journal of Royal Agricultural Society*. 1878. Tome XIV.

	1857 г.	1877 г.	Увеличеніе.
Англія.	1.029,315,000 ф.	1.395,275,000 ф.	365,960,000 ф.
Шотландія	148,300,000 »	192,250,000 »	43,950,000 »
Ирландія (1862).	218,675,000 »	258,456,000 »	39,761,000 »
	1.396,290,000 ф.	1.845,981,000 ф.	449,671,000 ф.

Въ теченіи ^{тридцати} лѣтъ стоимость земель, принадлежавшихъ ланлордамъ, увеличилась почти на полмилліарда и это безъ малѣйшаго успія, безъ малѣйшей поддержки съ ихъ стороны. Такое феноменальное счастье англійскихъ ланлордовъ возбудило алчность и французскихъ землевладѣльцевъ.

Революція 1848 года разразилась и прогнала Луи Филиппа, «короля лавочниковъ», который былъ злымъ гениемъ поземельныхъ собственниковъ; они думали, что съ революціей для нихъ открывається новая эра и снова принялись мечтать о поземельномъ кредитѣ: явилось множество проектовъ одинъ другаго безумнѣе.

Лефуръ, сдѣлавшійся позднѣе инспекторомъ земледѣлія, предложилъ проектъ учрежденія системы мѣстнаго кредита, гарантированнаго общинными имуществами, и государствомъ—тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ имуществъ. Дѣятельность ея должна была состоять въ выдачѣ ссудъ хозяе вамъ, разводящимъ кормовыя травы, откармливающимъ скотъ, воздѣлывающимъ хлѣбъ и вино. Мѣстныя отдѣленія должны были опредѣлять состоятельность заемщиковъ. Данблей предлагалъ, чтобы было основано большое финансовое учрежденіе подъ покровительствомъ государства, но безъ его непосредственнаго содѣйствія, выпускающее бумаги, гарантированныя недвижимою собственностью. Цѣнность бумагъ, выдаваемыхъ землевладѣльцу, который прибѣгалъ къ займу, должна была равняться суммѣ, за которую заложена его земля. Гарантированныя такимъ образомъ, бумаги эти имѣли принудительное обращеніе и должны были быть принимаемы при всѣхъ платежахъ, какъ банковые билеты. Проценты, взимаемые съ заемщиковъ, въ размѣрѣ 3¹/₂ проц., должны были идти частью казнѣ (2 проц.), частью на издержки по управленію (1¹/₂ проц.) остальное (1 проц.) было предназначено на погашеніе. «Мнѣ кажется, прибавляетъ онъ въ заключеніе, не будетъ преувеличеніемъ допустить, что немедленно будетъ заложено земель

на 10 миллиардов; следовательно, доход государства будет достигать 200 миллионов, на которые можно будет скоро окончить сеть железных дорог и каналов».

Журналъ Сельскаго Хозяйства предлагалъ, чтобы государство подъ залогъ земель выдавало всѣмъ желающимъ бумажныя деньги съ принудительнымъ обращеніемъ, гарантированныя недвижимыми имуществами. Государство должно было получать трехпроцентный доходъ, часть котораго предназначена на погашеніе въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ государственныхъ долговъ и на издержки по управленію. Бумажныхъ денегъ! кричали землевладѣльцы; они явились поборниками новой вѣры, вѣры въ чудесное дѣйствіе бумажныхъ денегъ, выданныхъ подъ обезпеченіе ихъ истощенныхъ земель, цѣнность которыхъ значительно упала.

Въ палатѣ Фландренъ отъ имени Сельскохозяйственнаго Комитета потребовалъ немедленно выпуска на 2 миллиарда гипотечныхъ бумагъ съ принудительнымъ обращеніемъ и распространенія ихъ по департаментамъ, соразмѣрно съ количествомъ платимой ими поземельной подати. Доходъ отъ этой операціи государство должно было употребить на погашеніе государственныхъ долговъ. Министръ Финансовъ, еврей Гудшо—банкпръ, посадилъ на мель это предложеніе. Но землевладѣльцы не уступили безъ борьбы: генералъ Грамонъ ограничился требованіемъ основанія поземельнаго банка, выпуска бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ обращеніемъ на 600 миллионов и выдачи ихъ подъ залогъ сельскихъ недвижимостей изъ 3 проц. и городскихъ изъ 4%; еще менѣе требовательный Матье, Дромскій депутатъ, требовалъ только выпуска въ 50 миллионов. «Это будетъ нарушеніемъ правилъ финансовой политики» вопіялъ Гудшо. Флуре, еще болѣе умѣренный, удовольствовался требованіемъ открытія кредита въ 10 миллионов поземельнымъ собственникамъ подъ залогъ имѣній, но финансы остались непоколебимыми. «Оказать какой либо отрасли промышленности государственный кредитъ значитъ преградить всякому возможность быть банкиромъ. Справедливо ли со стороны землевладѣльцевъ требовать кредита изъ 3 проц., когда рыночный денежный кредитъ достигаетъ 7 и 8 проц.?... Государство не капиталистъ, имѣющій возможность дѣлать выборъ между своими заемщиками; средства, которыми оно располагаетъ, составлены изъ налоговъ, собранныхъ со всего населенія: имѣетъ ли оно право брать у

одинъ и давать въ займы другимъ? Оно не можетъ истратить и савтима для чьей либо выгоды, помимо выгоды общественной. не отнимая этого савтима у плательщиковъ податей... Собственники, желающіе сдѣлать государство банкротомъ, приведуть насъ къ коммунизму, къ потрясенію основъ». Въ 1845 г. Президентъ Дюенъ назвалъ землевладѣльцевъ ворами, а теперь они были названы коммунистами, революціонерами, потрясателями основъ... Однако!

Финансисты только потому не допустили осуществленія проектовъ поземельныхъ собственниковъ о сельскохозяйственномъ кредитѣ, что сами намѣрены были построить его для нихъ на истинныхъ началахъ экономической и финансовой науки. Вотъ эти начала: «каждый человѣкъ, каждый торговый домъ имѣетъ у себя для текущихъ расходовъ извѣстную сумму денегъ въ золотѣ или банковыхъ билетахъ, лежащую совершенно непродизводительную; не выгодно ли будетъ для нихъ обмѣнять эти деньги на цѣнности, приносящія доходъ и могущія быть реализованными по первому востребованію. Благодаря билетамъ въ 100 франковъ, масса мелкихъ собственниковъ и крестьянъ, закапывающихъ теперь свои деньги въ землю, бесплодную для такихъ посявовъ, придетъ наконецъ къ сознанію, что для нея выгоднѣе отдать свои сбереженія въ ростъ». ¹⁾ «Сколько эку, сколько лундоровъ, скрытыхъ теперь въ глубинѣ тайниковъ, появился бы на свѣтъ Божій, пишутъ съ отчаяніемъ Борп, если бы собственникъ питалъ довѣріе къ банковымъ операціямъ и относилъ свои сбереженія въ сельскохозяйственныя банки... И онъ былъ бы достойнымъ образомъ вознагражденъ за это... Но, къ несчастью, мы далеки въ настоящее время отъ подобнаго идеала ²⁾. Въ докладѣ за 1853 г. Дирекція Общества Кредита подъ залогъ движимостей, этого *chef d'oeuvre* французской спекуляціи, развивааетъ мысль, высказанную въ Мониторѣ, ставшемъ ея официальнымъ органомъ. Облигаціи Общества Кредита подъ залогъ движимостей должны» утилизировать значительную массу вкладовъ на храненіе, капиталовъ, лежащихъ въ теченіе короткаго времени безъ употребленія, которые въ настоящее

¹⁾ Мониторъ, 9-го марта 1853 г.

²⁾ Де Борп. Исслѣдованіе о сельскохозяйственномъ и земельномъ кредитѣ. 1877.

время потеряны для общества... Раздѣленные на части, могущія удовлетворять всѣмъ цѣлямъ обращенія, онѣ замѣняютъ для огромнаго количества людей деньги, оставляемые на текущіе расходы. Финансисты, въ свою очередь, схватились за мысль утѣлизированія народныхъ сбереженій. Однимъ изъ ихъ идеаловъ сдѣлалось пустить въ обращеніе эти сбереженія, до сихъ поръ ускользавшія отъ ихъ алчности. Деньги, появившіяся такъ сказать изъ подъ земли и покупавшія національныя имущества во времена революціи и участки земли у черной шапки, были предметомъ удивленія для спекуляторовъ, которые были убѣждены, что въ глубинѣ тайниковъ и теперь лежатъ безъ употребленія значительныя количества золота и серебра, представляющія собой мертвый капиталъ. Но добравшись до этого сокровища, вдохнуть въ него жизнь, пустить его въ обращеніе можно было развѣ при помощи чуда, не менѣе труднаго, чѣмъ воскресеніе Лазаря. И однако, это чудо совершилось въ наши дни. Правительство Наполеона III, поддерживаемаго крестьянскимъ плебисцитомъ, совершило это чудо и дало возможность финансистамъ ограбить деревню.

Прежде всего нужно было приучить крестьянъ къ банковымъ операціямъ, чтобы вмѣсто закапыванія денегъ въ землю они отдавали ихъ въ ростъ. Внутренніе займы начали это прирученіе. До Имперіи внутренніе займы были сдѣлкой съ банкирами, которые брали на себя и барыши и убытки,—убытковъ не было, а барыши были огромны. Правительство Наполеона III-го, вмѣсто того, чтобы обратиться къ банкирамъ, обратилось непосредственно къ частнымъ лицамъ для того, чтобы «демократизировать государственныя бумаги», по словамъ министра Бино. Успѣхъ увѣнчалъ попытку сверхъ ожиданія Ротшльда и другихъ банкировъ, которые никогда не могли простить Имперіи того, что она у нихъ отняла этотъ неисчерпаемый источникъ барышей. Первый заемъ былъ произведенъ въ 1854 г. Во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ департаментовъ и округовъ была открыта подписка:

Въ Парижѣ	получилось	26,000	подписч.	на	214	миліоновъ
въ провинціи		72,000			253	

Требовалось 250 миліоновъ, а получено 467! Ротшльдъ и его собраты потерпѣли фіаско. Когда шесть мѣсяцевъ спустя, въ

январѣ 1855 г., былъ сдѣланъ второй заемъ въ 500 миліоновъ, биржа подъ давленіемъ банкпровъ встрѣтила его пониженіемъ курса государственныхъ процентныхъ бумагъ на 1 фр. 10 сантимовъ. Не смотря на это въ

Парижѣ	оказалось	51,000	подписч.	на	1,395	млліоновъ
въ Провинціи	>	126,000	>	>	777	>
					<u>2.272</u>	

Подписная сумма болѣе чѣмъ въ четыре раза превосходила требовавшуюся. Успѣхъ былъ подавляющій:—государственныя бумаги сразу поднялись на 3 ф. 30 сантимовъ. При третьемъ займѣ, произведенномъ въ юлѣ 1855 г.

въ Парижѣ	получилось	80,000	подписч.	на	2,350	млліон.
въ провинціи	>	230,000	>	>	1,250	>
					<u>3,600</u>	

тогда какъ требовалось только 780 миліоновъ. Чтобы предоставить возможность и небогатымъ людямъ подписываться, платежи были разсрочены на 18 мѣсяцевъ. За каждымъ новымъ займомъ слѣдовалъ блестящій успѣхъ, число мелкихъ подписчиковъ удваивалось и въ Парижѣ и провинціи. Этотъ новозобрѣтенный способъ сосредоточенія мелкихъ капиталовъ сначала въ рукахъ государства, а потомъ въ рукахъ финансовыхъ обществъ былъ третьей и послѣдней «великой императорской мыслью» Наполеона III-го. Мелкіе буржуа и крестьяне, народъ все недоувѣрчивый, прежде предпочитали держать непронизводительно свои деньги подъ замкомъ, чѣмъ ввѣрять ихъ человѣку, имъ неизвѣстному, или надъ дѣятельностью котораго они не могли имѣть контроля; теперь же, увѣрившись въ вѣрности платежей, они мало по малу привыкли отдавать свои сбереженія финансовымъ обществамъ, прельщавшимъ ихъ большими процентами.

Первымъ финансовымъ обществомъ, принявшимся за эксплуатацію крестьянскихъ денегъ, было Общество Поземельнаго Кредита. Финансисты, когда нужно было отвергнуть проекты сельскохозяйственнаго банка, представленные землевладѣльцами, утверждали, что взять у государства хоть сантимъ на основаніе банка значить обворовать націю и вводить въ практическое примѣненіе коммунизмъ. Теперь же, когда проекты землевладѣльцевъ были

похоронены, и Наполеонъ III, которому финансты помогли сѣсть на престоль, вручилъ имъ ключи отъ государственной казны, они забыли съ какимъ благороднымъ негодованіемъ отвергли проэкты землевладѣльцевъ и изъ всѣхъ силъ старались вымогать у правительства какъ можно больше денегъ на свои финансовыя и промышленныя предпріятія. Одно Общество Поземельнаго Кредита поглотило 10 милліоновъ и это было не единственной милостію, которую оно получило отъ государства. Въ его распоряженіе очень любезно были предоставлены сборщики податей, которые получали отъ Общества Поземельнаго Кредита награды, если имъ удавалось убѣдить крестьянъ, полныхъ уваженія и довѣрія къ нимъ, какъ къ государственнымъ чиновникамъ, подписаться на билеты Поземельнаго Кредита. Это значило привести Общество Поземельнаго Кредита въ непосредственное соприкосновеніе со всѣми округами. Въ видѣ вознагражденія за эти львыя привилегіи процентъ за ссуды, выдаваемыя землевладѣльцамъ, былъ ограниченъ 5 проц., но декретомъ 21 декабря 1853 г. онъ былъ возвышенъ до 5,95 проц., а декретомъ 6 іюля 1854 г. было уничтожено всякое ограниченіе. Добившись привилегій, Общество Поземельнаго Кредита безъ всякихъ церемоній сбросило съ себя всѣ обязательства, наложенныя на него въ вознагражденіе за привилегіи. Французскій Банкъ сдѣлалъ тоже самое. Касса общества скоро наполнилась деньгами мелкихъ собственниковъ и въ 1866 г. г. Фреми, управляющій Общества Поземельнаго Кредита, могъ воскликнуть въ полномъ собраніи палаты:

«Я имѣю право говорить о томъ, что такое сбереженія нашего народа—мнѣ достаточно таки приходится имѣть съ нимъ дѣло; они даже притѣвуютъ въ мои руки въ количествѣ большемъ, чѣмъ мнѣ нужно».

По слѣдамъ Поземельнаго Кредита, и другія финансовыя общества явились принять участіе въ грабежѣ. Леонъ Лавривъ съ грустью пишетъ въ *Revue des deux mondes*, отъ 16 Апрѣля 1866 г.: «Очевидно, что капиталы уходятъ изъ земледѣлія. Мелкіе собственники понимаютъ, что было бы безуміемъ затрачивать деньги на земледѣліе, когда есть возможность обійти ихъ безъ труда и хлопотъ на удобоподвижныя процентныя бумаги, приносящія 5, 6, 8 и даже 10 процентовъ дохода и кромѣ того представляющія примажку въ видѣ премій и лотерейныхъ

выигрышей. Не попраляютъ болѣе построекъ, не заботятся объ исправномъ содержаніи скота, не расширяютъ культуру кормовыхъ травъ, а покупаютъ мексиканскія и итальянскія бумаги. Цѣнность поземельной собственности упала и многія продающіяся земли не находятъ покупателей».

Общество Поземельнаго Кредита, какъ показываетъ его названіе, было покровительствуемо правительствомъ, такъ какъ оно рассчитывало, что Общество будетъ выдавать ссуды преимущественно землевладѣльцамъ; однако капиталы, собранные имъ въ деревнѣ, были почти исключительно затрачены въ Парижѣ и Египтѣ. Предполагали повидимому, что слово поземельный принесло несчастье и отвратило деньги деревень отъ ихъ истиннаго назначенія, поэтому было основано Общество Сельскохозяйственнаго Кредита, получившее отъ правительства ссуду въ 15 милліоновъ; первой операціей этого общества была выдача ссуды подъ залогъ товаровъ, сложенныхъ въ парижскихъ кладовыхъ. Оно утверждало, что выдавая ссуды подъ мануфактурныя произведенія, сырымъ матеріаломъ для которыхъ служатъ земледѣльческіе продукты, оно тѣмъ самымъ оказываетъ поддержку земледѣлію; вѣроятно на этомъ основаніи оно въ 1866 г. выдало поручительство за директора оперы, такъ какъ артисты труппы ѣли сахарный горошекъ, взрощенный въ деревнѣ.

Когда поземельные собственники являлись къ этимъ Перейра, Мпресамъ, Воловскимъ, Ротшильдамъ, ростовщикамъ, родившимся на свѣтъ съ загребистыми лапами и акульимъ аппетитомъ, просить хоть небольшую часть изъ собранныхъ ими крестьянскихъ денегъ, то негодаяи, потрясая кошельками, набитыми крестьянскимъ золотомъ, говорили: «Вы хотите займа? Хорошо. Гдѣ же ваши обезпеченія? Не думаете ли вы, что мы «снабдимъ капиталами собственниковъ, у которыхъ ничего нѣтъ для повседневнаго улучшенія ихъ необработанныхъ земель»¹⁾). Министръ финансовъ объяснялъ графу Экстерно, что нужны финансовыя учрежденія для сосредоточенія въ Парижѣ денегъ, находящихся въ провинціи, а не для распространенія по провинціи денегъ, находящихся въ Па-

¹⁾ Фраза историческая, приведенная Бари въ его «Исследованіи о поземельномъ кредитѣ» и пр.

рляжъ '). Въ 1856 г. была назначена коммисія для разсмотрѣнія проекта сельскохозяйственнаго кредита, представленнаго крупными собственниками, но собственно задачей этой коммисіи, какъ нагло заявили о томъ государственный совѣтникъ, было похоронить этотъ проектъ. Чтобы успокоить собственниковъ, неперестававшихъ жаловаться, что все общества сельскохозяйственнаго кредита только отнимаютъ капиталы у деревни, законодательный корпусъ предоставилъ въ ихъ распоряженіи 100 милліоновъ франковъ для улучшенія земель. Но опредѣленіе возможности займа было возложено на общество поземельнаго кредита, которое было такъ строго, что до паденія имперіи имъ было выдано въ заемъ только одинъ милліонъ франковъ. Финансисты имперіи подвергли землевладѣльцевъ мученіямъ Танталя посредствомъ этихъ ста милліоновъ. Землевладѣльцы съ радостью встрѣтили паденіе имперіи, такъ какъ они ненавидѣли ее всеми силами своей души, хотя ихъ ненависть и ихъ гнѣвъ и не выражались въ салонныхъ разговорахъ. Но съ паденіемъ имперіи ничто не измѣнилось для поземельной собственности; могущество финансистовъ даже возросло во время республики.

Финансисты имперіи подразумѣвали подъ сельскохозяйственнымъ кредитомъ сосредоточеніе въ своихъ рукахъ денегъ деревни съ цѣлью употребить ихъ на биржевыя спекуляціи и на промышленныя предпріятія; финансисты республики подъ сельскохозяйственнымъ кредитомъ подразумѣваютъ сосредоточеніе въ своихъ рукахъ капиталовъ деревни съ цѣлью употребить ихъ на экспроприацію поземельныхъ собственниковъ. Прогрессъ значительный!

Финансисты республики предлагаютъ землевладѣльцамъ уже не поземельный или сельскохозяйственный кредитъ, а кредитъ подъ залогъ движимостей, т. е. сельскихъ продуктовъ, какъ это практикуется въ Соединенныхъ Штатахъ. Само собой разумѣется, что кредитъ этотъ не представляетъ фантастическихъ свойствъ кредита дароваго или дешеваго; землевладѣльцы уже давно разстались съ своими радужными мечтами о такомъ кредитѣ и ихъ притязанія

') Графъ Экстерно «О привилегированныхъ» 1867. Т. I. Привилегированными для графа Экстерно являются финансисты и промышленники, а землевладѣльцы эксплуатируемые.

ограничиваются кредитомъ по обыкновеннымъ рыночнымъ процентамъ. «Хорошо! отвѣчаетъ имъ французскій банкъ — я согласенъ оказывать вамъ кредитъ на тѣхъ же условіяхъ, что и финансистамъ и промышленникамъ, но прежде необходимо вычеркнуть изъ гражданскаго кодекса нелѣпныя формальности, которыми оставлена экспроприація поземельной собственности. Мнѣ нуженъ особый судъ по торговымъ предпріятіямъ, относящимся къ земледѣлю, и по банкротствамъ. Мнѣ нужно сокращеніе и упрощеніе процедуры экспроприаціи. Безъ этого — нѣтъ кредита!»¹⁾ Финансисты открыто сознаются въ стремленіи экспроприровать землевладельцевъ, какъ тѣ экспроприовали крестьянъ

Поземельная собственность, въ рукахъ которой въ началѣ XIX столѣтія находилась политическая власть, находится теперь въ позорномъ подчиненіи у финансистовъ. Современное земледѣліе далеко разнится отъ стариннаго, которое нуждалось только въ благоприятной погодѣ и крестьянскомъ трудѣ; въ настоящее время ему необходимъ капиталъ: только владѣльцамъ капиталовъ земля приноситъ доходъ — вотъ естественный законъ капиталистическаго производства. Многіе поземельные собственники поняли эту роковую истину и не хуже пстаго банкира принялись за банковыя операціи и за другія финансовыя предпріятія.

Между тѣмъ какъ во Франціи поземельная собственность претерпѣвала всѣ эти перемѣны, въ Америкѣ произошли экономическія явленія огромной важности; явились хлѣбныя поля Манитобы, Красной Рѣки, всего огромнаго Запада, пастбища Невады, Колорадо, Орегона. Земледѣльческая конкуренція Америкн, до сихъ поръ незначительная, сдѣлалась замѣтной въ 1877 году, а въ 1879 году обрушилась на европейское земледѣліе ударомъ молота.

П. Лафаргъ.

¹⁾ Ильяно г. Дануретта, члена правленія французскаго банка, напечатаннаго въ Журналѣ Практическаго Земледѣлія, отъ 29 марта 1879 года.

Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ¹⁾.

(Письма къ читателямъ).

III.

Въ лицѣ Андрея Осиповича Новодворскаго (А. Осиповича) русская жизнь потеряла одного изъ своихъ литературныхъ младенцевъ. Правда, младенецъ этотъ появился на свѣтъ въ 1877 году, 24 лѣтъ отъ роду, и существовалъ затѣмъ пять лѣтъ безъ малаго, но печатался онъ такъ рѣдко, и талантъ его, хотя и обратилъ на себя вниманіе съ первой повѣсти, все таки такъ мало еще опредѣлился, что до конца дней онъ оставался младенцемъ, главная дѣятельность, значеніе и слава котораго скрывались еще въ будущемъ. Но онъ—не расцвѣлъ и отцвѣлъ въ утрѣ пасмурныхъ дней. А случилось это потому, что онъ родился не въ сорочкѣ и былъ младенцемъ не какимъ либо государственнымъ, а именно литературнымъ. Извѣстно вѣдь, что русская жизнь далеко не во всѣмъ своимъ дѣтищамъ чадолюбивая мать; къ инымъ она относится какъ самая суровая мачиха; у нея есть свои любимцы, которыхъ она сама кормитъ, поитъ, не жалѣя молока, сама целенаетъ, обмываетъ, и пѣсенки надъ колибелькою распѣваетъ, въ родѣ того, что «будешь въ золотѣ ходить, чисто серебро носить»; но за то другихъ она только и надѣлаетъ, что одними шлепками,—и

¹⁾ См. «Устон» №№ 1 и 2.

къ числу самихъ нелюбимыхъ, самыхъ заброшенныхъ, безспорно, принадлежать младенцы литературные. «Ахъ, чтобъ васъ черти забрали; принесла васъ пелегкая на свѣтъ!» Подобною фразою вполне опредѣляются всѣ отношенія суровой мачихи къ своимъ нежеланнымъ и негладшимъ пасынкамъ. Одна часть русской жизни, представителями которой являются Катковы, Суворины, Буренины и тому подобный гадъ, при рожденіи каждаго новаго литературнаго младенца приходитъ обыкновенно въ такое остервененіе, что такъ вамъ и кажется, что она его сейчасъ же схватить за ноги, да головою объ уголъ. Другая часть русской жизни, правда, очень сочувствуетъ рожденію новыхъ литературныхъ чадъ и очень хлопочетъ о томъ, чтобы ихъ нарождалось какъ можно болѣе, но въ свою очередь все это болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. По крайней мѣрѣ прочтите коротенькій некрологъ Новодворскаго, г. Яспискаго, напечатанный въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», и вы увидите, что вся жизнь сошедшаго въ преждевременную могилу литературнаго младенца ничѣмъ не отличалась отъ жизни тѣхъ покинутыхъ птенцовъ, которые отдаются въ воспитательный домъ, и затѣмъ умерщвляются въ глуши чухонскихъ деревень. До вступленія на литературное поприще, пока Новодворскій еще не родился на свѣтъ въ качествѣ литературнаго младенца, а находился еще въ эмбриональномъ состояніи, онъ существовалъ въ качествѣ молодаго разночинца, борюшагося за свое существованіе; это существованіе, вполне соотвѣтствуя эмбриональному періоду, представляло собою чистый мракъ кромѣшный безпріютнаго скитальчества, голода, холода или учительской каторги, исполненной всякаго рода униженій, въ нѣдрахъ барскихъ семей. Изъ этого мрака только и долетаютъ до насъ одни раздрающіе душу стоны въ родѣ слѣдующихъ:

«Скверно! Когда это все кончится? Такъ какъ я обязался быть религіознымъ, то на дняхъ былъ въ церкви. Бѣдная деревенская церковь, обычный священникъ, поучающій паству, усердствующій народный учитель, завывающій съ своимъ хоромъ на клиросѣ и приводящій въ восторгъ поселянъ, все это, при холодной погодѣ и пасмурномъ днѣ, произвело на меня впечатлѣніе чего-то очень безпріютнаго, горемычнаго, сѣраго... Крестьянки причащали грудныхъ и годовалыхъ ребятъ и кормили ихъ послѣ церемоніи кра-

юхой хлѣба. Мнѣ стало какъ-то очень тяжело. Я ясно почувствовалъ, что я теперь дальше отъ народа, чѣмъ когда бы то ни было; что я теперь не только не могу быть чернорабочимъ, какъ мечталъ когда-то, но что даже положеніе народнаго учителя едва ли было бы мнѣ подь силу... А между тѣмъ почти всѣ крестьяне и крестьянки были въ шубахъ, тогда какъ на мнѣ было плохенькое пальтишко — единственное мое теплое одѣяніе; между тѣмъ какъ девять десятыхъ всѣхъ этихъ мужиковъ никогда не голодали такъ, какъ голодалъ я, и ни одинъ такъ, какъ постоянно голодаютъ мать и сестренки... Дѣло, значитъ, ясно: мнѣ опротивѣла та обстановка безпріютности, которою пахнетъ при словѣ мужикъ, опротивѣла потому, что я слабѣю, тогда какъ онъ не пережвывается, что я измучился, усталъ отъ нравственныхъ мученій (каковы бы они ни были; они всегда бываютъ глуши), которыя ему меньше знакомы... А между тѣмъ я себя воспитываю, чтобы слиться съ народомъ! Да это просто насмѣшка! Насмѣшка надъ логикой съ моей стороны и горькая иронія обстоятельства надо мной!»

Или еще того проще, и тѣмъ ужаснѣе:

«Голодъ! Когда ты оставишь меня? Вѣчный физическій или душевный голодъ!.. Да будь хоть семи пядей во лбу, а если тебя бросить въ бездонное болото, ты также прекрасно потонешь, какъ самый слабый смертный! Вши также преспокойно могутъ заѣсть нищаго рабочаго, какъ заѣли бы Гете, если бы у него не было бѣлья, платья и жратвы... Грязь! «Это злѣйшій врагъ моей жизни!» Это моя фраза, но она произнесена въ другое время; она вырвалась у меня, какъ стонъ больной души, а потому поставилъ ее въ ковычки, какъ изреченіе. Это было шесть лѣтъ тому назадъ. Я путешествовалъ изъ Москвы; не ѣлъ двое сутокъ, и въ такомъ видѣ пріѣхалъ въ Винницу. До дому оставалось 45 верстъ, которыя надлежало пройти пѣшкомъ. Дѣло было въ октябрѣ. Дождь, грязь, слякоть. Со мной не было вещей, но за то, можно сказать, и штановъ не было, потому что тѣ жалчайшіе лѣтніе панталонки, что были на мнѣ, въ смыслѣ удобства, смѣло можно было признать равными нулю; кромѣ того, ботинки (тоненькія, помню, ботинки), шинелишка и башлыкъ. Безъ отдыха, по этой дорогѣ, я прошелъ тридцать верстъ, а за то потомъ чуть не падалъ на каждой верстѣ...»

Насколько улучшилась его положеніе послѣ рожденія въ качествѣ литературнаго младенчества и какъ русская жизнь въ роли вѣжной матери пѣствовала свое талантливое и многообѣщающее чадо, вотъ что повѣствуетъ объ этомъ г. Яспскій:

«1878—1880 гг. были особенно губельны для здоровья Андрея Осиповича. Онъ перенесъ два тифа и сталъ кашлять. Жилъ онъ въ послѣднее время «роскошно», какъ онъ выражался. Уроками онъ добывалъ рублей 30—40 въ мѣсяць, которые и издерживалъ на себя, а литературный заработокъ отсылалъ роднымъ. Комната у него была крошечная (отъ 10 до 15 р. въ мѣсяць), и онъ часто перемѣнялъ квартиру, въ надеждѣ найти что нибудь поудобнѣе, обѣдалъ въ кухмистерскихъ, за 40 к., одѣвался «весьма прилично», такъ что, по вѣнности, производилъ впечатленіе человека «благоденствующаго». Бѣдность научила его относиться къ каждой заработанной копейкѣ съ уваженіемъ и жить съ изумительной аккуратностью...

«Зловѣщіе признаки исхода незамѣтной болѣзни Андрея Осиповича, которую онъ считалъ «легонькимъ бронхитомъ», появилась въ среднѣмъ лѣта прошлаго года, когда онъ пожилъ на дачѣ въ крошечной комнаткѣ съ сквознымъ вѣтромъ и течью. Онъ поѣхалъ на югъ, въ Влнинду, но тамъ дождь (фигурирующій въ предсмертномъ разсказѣ его: «Исторія») промочилъ его до костей и онъ уже серьезно простудился, такъ что, снова появившись, въ августѣ, въ Петербургѣ, испугалъ меня своимъ чахоточнымъ видомъ. Въ ноябрѣ онъ уѣхалъ за границу, увы! съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться на родину, которую такъ страстно любилъ и муками которой болѣлъ и терзался...»

Къ этому всему остается только прибавить, что онъ умеръ въ крайней нищетѣ въ казенной больницѣ, и это было не въ какомъ нибудь захолустѣ, а въ Ниццѣ, гдѣ такъ много русскихъ, и притомъ среди массы нашихъ соотечественниковъ, конечно, были такіе, которые знали, что такое былъ Новодворскій, читали его, можетъ быть хвалили и питали, относительно его, благія надежды... Скажи мнѣ, читатель, возможное ли дѣло, чтобы въ Петербургѣ умеръ какой нибудь нѣмецъ съ самымъ маленькимъ литературнымъ именемъ, и чтобы его соотечественники, нѣмцы, павбуржуазнѣйшіе булочники и колбасники, оставили бы его умирать безъ всякихъ средствъ

гдѣ нибудь въ Обуховской больницѣ!.. У тебя не стиснуть кровь въ жилахъ, читатель?

А между тѣмъ этотъ ненакормленный, непригнѣтый и загубленный литературный младенецъ, какъ ни мало существовалъ онъ, успѣлъ оставить замѣтный слѣдокъ въ литературѣ. Очень можетъ быть, что его младенческій лепетъ и не дойдетъ до потомства, будетъ заглушенъ шумными рѣчами, болѣе мужественными, громкими и блестящими, но современники его не забудутъ, такъ какъ рассказы его въ свое время произвели на нихъ глубокое впечатлѣніе и кое-что освѣтили имъ въ пониманіи окружающей ихъ неизменной сутолоки, заставили ихъ кое-о-чемъ задуматься и кое-чѣмъ встревожиться такимъ, что они безъ этихъ произведеній пропустили бы безъ всякаго вниманія. Уже одно то обратило всеобщее вниманіе, что въ лицѣ Новодворскаго выступала на литературное поприще первая художественная сила изъ рядовъ молодого поколѣнія 70-хъ годовъ, и надо отдать справедливость, выступила блистательно. Отъ перваго произведенія Новодворскаго «Ни пава, ни ворона», сразу повѣяло на всѣхъ чѣмъ-то молодымъ, свѣжимъ, и, главное дѣло, совершенно новымъ. Самая форма произведенія этого поражала своею оригинальностью и полнымъ разрывомъ съ завѣщанными традиціями; покрайней мѣрѣ, она настолько же отступала отъ прилизанной, прикрашенной и припомаженной беллетристической формы, созданной 40-ми годами, насколько произведенія новыхъ французскихъ романтиковъ 20-хъ годовъ разнились отъ ложно-классической рутинны. Бездна южно-русскаго юмора, смѣлое введеніе въ рассказъ не только классическихъ литературныхъ типовъ (Печорина, Рудина, Базарова и проч.), но и самаго г. Тургенева, котораго авторъ заставилъ разговаривать съ героемъ его «Нови», Соломнымъ, безпрестаннаго то лирическаго, то юмористическаго отступленія, и необузданное прихотливое изложеніе, слѣдующее болѣе полету фантазіи и игрѣ сдѣляющихся мыслей, чѣмъ влѣшнему развитію сюжета, все это напоминаетъ гейнсовскую прозу, и читатель отдыхалъ отъ монотонной рутинны пріѣвшагося ему стараго беллетристическаго изложенія, расположеннаго обыкновенно по разъ установленному порядку: глава I—встрѣча героя съ героиней, глава II—біографія героя съ рожденія до встрѣчи съ героиней, глава III—біографія героини съ рожденія до встрѣчи съ героемъ, глава IV—объясне-

«Устой» № 6, отд. II.

ніе въ любви, глава V—паденіе, глава VI—пачало пзмѣвъ, разлугъ и всякихъ мукъ и т. д. Здѣсь ничего этого не было; пачпная читать страницу, читатель не зналъ, что встрѣтитъ неожиданно въ концѣ ея, и ему было весело.

Но форма формой, а главное, что всѣхъ интриговало, это содержаніе: всѣмъ и каждому было интересно узпуть, что думаетъ, чувствуетъ и чѣмъ живетъ юная формація людей 70-хъ годовъ. До той поры эта юная формація изображалась или съ предвзятою каррикатурностью и съ зубоннымъ скрежетомъ Авѣенкамп и Незлюбимыми, или-же, если и съ желаніемъ отнестись безпристрастно и правдиво, то людьми зрѣлаго и даже болѣе, чѣмъ зрѣлаго возраста, которымъ приходилось ограничиваться наблюденіями со стороны и которые волею неволею припмѣшпвали къ свдпмъ наблюденіямъ воспоминапія своей собственной юности, протекшей въ иную эпоху, при пвыхъ обстоятельствахъ и вѣяніяхъ. Здѣсь же къ наблюденіямъ присоединялся опытъ, и само юное поколѣніе, устами лучшаго своего представителя вѣщало намъ, чѣмъ оно живетъ и къ чему стремится.

Къ величайшему сожалѣнію, какъ преждевременная смерть, такъ и различныя внѣшнія обстоятельства, незавпсѣвшія отъ автора конечно, мѣшали ему развернуть полную картину жизни современной намъ молодежи, и представить послѣднюю во всѣхъ ея разнообразныхъ типахъ. Ему удалось отдернуть передъ нами лишь одпнъ кончикъ занавѣски, но и то, что показалъ онъ за этимъ кончикомъ, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ, конечно, полного вниманія, и мы остановимся на этомъ, для того, чтобы опредѣлпть значенія того слѣдка, который оставилъ въ нашей литературѣ покойный писатель.

Повѣсти Новодворскаго очень рѣзко раздѣляются на два рода. Къ первому роду принадлежатъ: «Ни цава, ни ворона», «Карьера», «Романъ», а затѣмъ слѣдуютъ рассказы въ родѣ «Мечтатели» и «Исторія». Въ послѣднихъ рассказахъ авторъ пѣсколько отступилъ отъ того пути, по которому шелъ спачала; вмѣсто обрисовки типовъ людей молодого поколѣпія и раскрытія передъ нами внутренней ихъ жизни, что только и возможно въ нашей современной литературѣ при всѣхъ ея тягостныхъ условіяхъ, онъ увлекся тою, особеннаго сорта, беллетристикою, которая, въ два, три послѣдніе года создалась подъ вліяніемъ событий, и время отъ

времени причивляет не мало тревожных мук многимъ редакторамъ, которые обыкновенно только руками разводять, не зная, что имъ дѣлать и какъ быть при вопросѣ о помѣщеніи того или другого разсказа въ этомъ родѣ. Я признаю всю неизбежность подобной беллетристичекой и очень хорошо понимаю всю естественность того факта, что злоба дня, волнуня и угнетая всѣ сердца, не можетъ не употреблять всѣхъ успій, чтобы такъ или иначе не вторгнуться въ литературу. Но надо сказать правду,—не известно къ чему привести всѣ эти условія въ будущемъ, въ настоящемъ же они представляютъ собою ничего болѣе, какъ «шопоть, робкое дыханье». Это—беллетристичекая, не въ какомъ-либо метафизическомъ, но въ буквальномъ смыслѣ—призрачная, потому что здѣсь вы не найдете ни типовъ, ни характеровъ, ни объясненій мотивовъ, поступковъ, ни психическаго анализа, а одни призраки, мелькающіе передъ вами въ густомъ, непроницаемомъ туманѣ. Герои этихъ разсказовъ, мало того, что совершаютъ свои главные поступки гдѣ-то за кулисами и авторъ ни словечка не молвитъ о томъ, что они тамъ такое дѣлаютъ, но иногда они и совсѣмъ не выходятъ на сцену (какъ на примѣръ въ «Мечтателяхъ» Новодворскаго главный герой Псевдонимовъ).

Совсѣмъ другое дѣло первые три разсказа Новодворскаго. Въ нихъ повѣствуется не о какихъ-либо внѣшнихъ событіяхъ съ героями и такихъ происшествіяхъ, о которыхъ-бы писатель представлялъ-бы вамъ самимъ догадываться, какъ знаете; конечно, и здѣсь неизбежно встрѣчается кое-гдѣ нѣчто подобное; но суть здѣсь не въ этомъ, а въ самомъ нутрѣ героевъ, въ ихъ нравственной конструкціи и типическихъ особенностяхъ. Этими разсказами мы и ограничимся.

Въ двухъ первыхъ разсказахъ, въ «Эпизодѣ изъ жизни ни павы ни вороны», и въ «Карьерѣ», передъ нами рисуется одинъ и тотъ-же герой, отъ лица котораго ведутся оба разсказа. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что во второмъ разсказѣ герой этотъ мало того, что въ художественномъ отношеніи обрисованъ гораздо рельефнѣе, но въ тоже время и освѣщенъ гораздо правильнѣе и сознательнѣе. Видно, что когда Новодворскій писалъ «Эпизодъ», онъ хотя и вѣрно представлялъ себѣ типъ своего героя, какъ художникъ, но, какъ мыслитель, не успѣлъ еще осмыслить его вполне и неясно сознавалъ, какое мѣсто занимаетъ

герой его въ нашей жизни. Вслѣдствіе этой смутности сознанія онъ создалъ цѣлую теорію «ни—павства—ни—воронства», подъ которую подвелъ всѣхъ и вся. и своего героя, и самого себя, и другаго героя изъ народа—Печерицу, и даже самого Бѣлинскаго.

«Что такое Бѣлинскій, какъ типъ?» заставляетъ авторъ Соломина объяснять г. Тургеневу, съ которымъ онъ разговариваетъ въ Баденъ-Баденѣ: «это—«алчущая правды», вѣчно страдающая, вѣчно рвущаяся къ свѣту ни павъ, ни ворона... Онъ родился между воронами, въ вороньей обстановкѣ; родился впечатлительнымъ, сердечнымъ, добрымъ и сразу сталъ чувствовать себя не ладно въ вороньей средѣ. Онъ задыхается, ищетъ воздуха. А тамъ, у подножья божества, спокойно расположились павы... Неотъемлемая особенность его характера—неудовлетворимость и стремленіе къ идеалу. Ни вороны, ни павы этого не испытываютъ. У первыхъ ничего подобнаго не зарождалось въ головѣ, а вторыя успокоились на лонѣ какой-нибудь до того широкой (или узкой) идеѣ или на такомъ громадномъ запасѣ силы, что предъ нею всѣ сомнѣнія, всѣ терзанія—нуль! Бѣлинскому завидно это олимпийское спокойствіе. Онъ такъ энергично рвется къ богинѣ, что, наконецъ, можетъ достать до нея рукой и съ восторгомъ смотреть внизъ, на громадный вороній міръ, копошашійся тамъ, далеко. Но тутъ-то оказывается, что павой ему никогда не бывать, не потому, чтобы его оцпиали, а просто потому, что въ немъ само много вороньяго; онъ страстно любитъ воронь... Вотъ и начинаеть чудить Бѣлинскій. Онъ протягиваетъ руку внизъ, зоветъ воронь, не смотря на то, что павамъ это, можетъ быть, вовсе нежелательно; потомъ, видя, что вороны не обнаруживаютъ ни малѣйшаго поползновенія летѣть такъ высоко, онъ схватываетъ богиню за подолю платья и тянетъ ее внизъ, къ воронамъ; когда и эти желанія ни къ чему не приводятъ, онъ, больной, измученный, проклинаетъ и божество, и воронь, и умираетъ... ни павой, ни вороной».

Все это очень и художественно, и остроумно; подобнаго рода аллегоріи можно развивать до безконечности, нагромождая одну на другую, и изъ нихъ могутъ нѣкоторыя блистать не только остроуміемъ, но и глубокомысліемъ. Но если вы, отрѣшившись на время отъ этихъ аллегорій, взглянете на знакомыя вамъ черты Бѣлинскаго, какъ они рисуются передъ вами въ его статьяхъ,

писеммахъ, фактахъ жизни, и затѣмъ сравните съ ними типическія черты героя разсказа Новодворскаго, сообразно тому, какъ эти черты рисуются въ его дѣйствіяхъ и помыслахъ, вы немедленно-же убѣдитесь, что между Бѣлинскимъ и героемъ Новодворскаго ничего нѣтъ общаго, что если «ни-патство—ни-воронство» понимать въ томъ смыслѣ, какъ авторъ прилагаетъ это къ Бѣлинскому, то герой разсказа его къ подобному понятію совсѣмъ не подходитъ, и наоборотъ, если ни—патство—ни—воронство олицетворяетъ въ типическихъ чертахъ героя, то Бѣлинскій тутъ останется совсѣмъ въ сторонѣ, или, если хотите правильнѣе сказать, Бѣлинскій по отношенію къ герою долженъ пародировать чистокровною павою.

Все это недоразумѣніе произошло изъ того, что авторъ, когда задумалъ писать свой эпизодъ, хотя художественно и вѣрно постигалъ своего героя, но такъ мало еще понималъ его; что вообразилъ его и въ самомъ дѣлѣ заправскимъ героемъ; вслѣдствіи этого поставилъ его на пьедесталъ. и мало того, что приравнивалъ его къ Бѣлинскому, но сверхъ того придалъ ему очень лестную генеалогію, по которой вышло, что дѣдъ его былъ Демонъ, отецъ Печоринъ, а Рудинъ и Базаровъ—старшіе братья. Въ концѣ концовъ, Новодворскій приравнивалъ своего героя и къ себѣ самому въ своемъ дневникѣ, а за нимъ и біографъ его, г. Ясинскій, въ свою очередь, отождествляетъ покойнаго писателя съ его героемъ. Я никогда не видалъ Новодворскаго и не знаю его; г. Ясинскому, конечно, лучше судить объ этомъ. Но во всякомъ случаѣ подобное тождество, если-бы оно существовало, было-бы очень прискорбно, хотя мнѣ сдается, что если Новодворскій и находилъ въ себѣ черты, сходныя съ его героемъ, то конечно на самомъ дѣлѣ подобное сходство простиралось до такой лишь степени, въ какой Пушкинъ походилъ на Владиміра Ленскаго или Лермонтовъ на Грушницкаго. Вѣдь увѣрялъ-же Гоголь, что, смѣясь надъ своими героями, онъ въ нихъ (не исключая Хлестакова и Плюшкина) осмѣиваетъ свои собственные недостатки.

Чтоже такое представляетъ собою герой разсказовъ Новодворскаго, если мы отстранимъ всѣ аллегоріи и авторскія объясненія, а посмотримъ на него непосредственно, какъ онъ проявляетъ себя въ жизни? А вотъ что:

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ литература наша начала изо-

бразить, такъ называемыхъ, героевъ своего времени, она постоянно изображала ихъ въ парномъ видѣ, т. е. вмѣсто одного выродила паралельно двухъ героевъ. Оба эти героя являлись обыкновенно помазанными однимъ и тѣмъ же елеемъ и поклоняющимся одному и тому-же богу ихъ эпохи, но въ то же время между ними замѣчалась существенная разница. Одинъ изъ нихъ представлялъ изъ себя настоящаго героя, служилъ дѣйствительнымъ и полнымъ воплощеніемъ духа своего времени. Натура не только воспримчивая, но и глубокая, страстная энергія, незнающая покоя, желѣзная воля—являлись постоянными качествами этого героя. Иногда, подъ влияніемъ какой-нибудь мрачной эпохи, въ подобномъ героѣ отрицательные элементы развивались насчетъ положительныхъ, и тогда онъ рпсовался въ видѣ демона, въ которомъ преобладали хищническіе и разрушительные элементы; но и въ такомъ печальномъ видѣ героѣ заключалъ въ себѣ нѣчто чарующее и обаятельное, что влекло къ нему всѣхъ, мало мальскп увлеченныхъ движеніемъ вѣка.

Что же касается втораго героя, то онъ былъ или отраженіемъ перваго, или его блѣдною тѣнью и жалкою пародіею. Въ то время, какъ первый представлялъ собою силу, второй былъ олицетвореніемъ слабости: безхарактерность, нерѣшительность, апатія, слабодушіе были преобладающими качествами его. Онъ и увлекался-то духомъ времени совсѣмъ иначе: идеи вѣка отражались въ немъ плоско, мелко; онъ придавалъ большее значеніе формальной сторонѣ ихъ, чѣмъ углублялся въ ихъ суть. Во то время, какъ первый былъ отрицаніемъ пороковъ и недуговъ своего вѣка, второй напротивъ былъ весь проникнутъ ими. Это не мешало ему порою быть очень симпатичнымъ своею кротостью, прямодушіемъ и голубинымъ незлобіемъ,—но тѣмъ не менѣе онъ носилъ на себѣ всѣ грѣхи отцовъ и дѣдовъ, былъ до мозга костей зараженъ разными наследственными худосочіями и подъ блестящей виѣшностью передовика скрывать въ себѣ вполне ветхаго человѣка, полагаться на котораго было опасно. Различіе его отъ пошлой толпы въ этомъ отношеніи заключалось лишь въ томъ, что онъ сознавалъ миазмы и язвы, которые разъѣдали его организмъ, но избавиться отъ нихъ не имѣлъ ни силъ, ни воли и ограничивался лишь тѣмъ, что стучалъ до боли себѣ въ грудь и разражался самообличительными тирадами.

И дѣйствительно, вы не назовете мнѣ ни одного изъ выдающихся героевъ времени, рядомъ съ которымъ не стоялъ-бы его антиподъ: такъ рядомъ съ Чацкимъ парадируетъ передъ нами произведеніе того-же духа времени—Репетиловъ, рядомъ съ Онегинымъ—Владиміръ Лескій, рядомъ съ Печоринимъ—Грушницкій, рядомъ съ Руднымъ и Бельтовымъ рисуются Круциферскіе, Чулкатурны и разныя Гамлеты Щигровскаго уѣзда, рядомъ съ Базаровымъ—Николай Кирсановъ, рядомъ съ Грязновымъ (герой повѣсти Слѣпцова «Трудное время») Щетининъ. И если мы теперь спросимъ, къ какому-же разряду относится герой рассказовъ Новодворскаго, то я полагаю, что каждый безъ малѣйшихъ колебаній скажетъ намъ, что конечно ко второму, а никакъ не къ первому. Такимъ образомъ генеалогія нашего героя совершенно измѣняется: прадѣдушкой его является Репетиловъ, дѣдушкой Владимиръ Лескій со своею «душою чисто геттингенскою», отцомъ Чулкатуринъ, а Кирсановъ и Щетининъ старшими братьями. Взглянемъ на нравственныя черты нашего героя, и мы въ этомъ убѣдимся.

Репетиловъ—и вдругъ герой рассказовъ Новодворскаго, что можетъ быть тутъ общаго, помилуйте! Репетиловъ—богачъ, строящій каменные дома съ колоннами на Фонтанкѣ, купца, прокъ, волокита, шатающійся почи на пролетъ то по великосвѣтскимъ баламъ и раутамъ, то по разнымъ вертепамъ разврата. Репетиловъ, который

... бредилъ дѣлми вѣкъ объѣдомъ или балами;
 Объ дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену;
 Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
 Танцовщицу держалъ, да не одну—
 Трехъ разомъ;
 Пилъ жертвую, не спалъ ночей по девяти;
 Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру...

и вдругъ—тщедушный, лепитой отъ голода и нищеты юноша, весь оборванный, почти безъ штанишекъ, шлепающій въ бурю и дождь по грязи въ топенькихъ ботиночкахъ безъ подошвъ и пробирающійся на пристань работать вмѣстѣ съ мужиками, таскать бревны. Есть-ли тутъ хоть тѣнь какого-либо подобія?

Но вѣдь и ты—читатель, каковъ бы ты ни былъ и чтобы изъ

себя ни представлялъ. навѣрное не имѣешь ни малѣйшаго подобія со своимъ прадедомъ, несмотря на то, что навѣрное многое отъ него наследовалъ и кровь у тебя въ жилахъ течетъ, зараженная тѣми же миазмами. Репетлову съ пола горя было строить дома на Фонтанкѣ, держать танцовщицъ, задавать роскошные обѣды и проигрывать десятки тысячъ, такъ какъ ему досталась отъ родителей масса населенныхъ имѣній, и къ тому же, вмѣстѣ съ несмѣтными богатствами, онъ наследовалъ отъ предковъ остатки богатыхъ физическихъ силъ: дѣдъ его ломалъ подковы, какъ бисквиты, и одинъ выходилъ чуть не на трехъ сразу медвѣдей; не мудро, что и Репетлову ни почему сходили и безсонныя ночи, и безумныя кутежи. Но сынокъ Репетлова — Владимиръ Ленскій былъ далеко уже не то; онъ могъ еще считаться въ деревенскомъ захолустьѣ богатымъ женихомъ, но уже ни домовъ каменныхъ съ колоннами, ни несмѣтныхъ тысячъ въ банкѣ, ни необозримыхъ земель, ничего этого уже не было: все батюшка успѣлъ спустить на цыганочекъ, да въ картишки. Да и физическими силами Ленскій былъ уже не то. Здоровье его только и сохранялось, что при умѣренной жизни среди деревенскаго воздуха. Его «геттингенская душа» не жаждала уже того широкаго разгула и размаха, какъ безпардонная душа папеньки: онъ всю жизнь свою наполнялъ единственно тѣмъ, что писалъ стихи въ альбомы провинціальныхъ барышень и воспѣвалъ Ольгу Ларину, и былъ этимъ вполне доволенъ. А сынъ его Чулкатуринъ опустился еще ниже. Онъ является мелкопомѣстнымъ, ничтожнымъ дворянчикомъ. Жалкій остатокъ дѣдовскихъ богатствъ уже не прокармливаетъ его, и онъ, чтобы не умереть съ голоду, принужденъ приняться за мелкую службу или учительство. Маленькое дѣло, за которое онъ берется единственно ради прокормленія, его не занимаетъ, бѣдность и униженное положеніе его гнетутъ, а вырваться изъ «забѣдающей среды» у него нѣтъ ни силъ, ни воли. На сердцѣ у него скребутся кошки сознанія своей дрянности и дряблости; зараженный грѣхамъ отцовъ и развнчанный ихъ безпутствомъ организмъ носитъ въ себѣ зародыши всевозможныхъ хроническихъ недуговъ, — и онъ сходитъ въ преждевременную могилу, съѣдаемый злою чахоткою.

А далѣе, — пошло еще того хуже: крестьянъ отобрали; послѣднія крохи въ видѣ выкупиныхъ свидѣтельствъ были скоро про-

жизни; поля начали заростать бѣлоусомъ, усадьба ветшать, службы разваливаться, сады обратились въ непролазныя чащи; наконецъ, всѣмъ этимъ завладѣлъ Деруновъ, — и семья Чулкатуринныхъ быстро дошла до послѣдней степени нищеты. «Мы, повѣствуемъ герои «Карьеры», прожили послѣднія крохи, оставшіяся послѣ отца, и быстро скатились по наклонной плоскости раззоренія. Новая квартира обходилась намъ по рублю въ мѣсяць. Это была половина пзбы какого-то отставнаго ундера, представлявшая двѣ крошечныя горницы, соединенныя не дверью, а промежуткомъ между кухонною печью и выступомъ противоположной стѣны. Первая отъ входа поступила въ мое владѣніе, вторую заняли мать съ сестрами. У меня было оконце, и у нихъ оконце»...

И это была нищета гораздо горше и ужаснѣе той нищеты, которую терпятъ обыкновенно люди низшихъ слоевъ общества. Тутъ хоть что нибудь умѣють, на что-нибудь годны, и потому для нихъ больше представляется возможности найти хоть какой ни на есть скудный кусокъ хлѣба. А здѣсь вы видите полную растерянность, неумѣнье ни за что взяться, ни въ чемъ найтись, и въ концѣ концовъ безвыходное отчаянье. Люди простаго класса способны хоть съ собою-то распорядиться самими, обшить, обить и т. п., а здѣсь привыкли, чтобы за нихъ все дѣлали другіе, и потому теперь по шею тонуть въ грязи, не въ состояніи будучи палецъ о палецъ ударить, чтобы хоть соръ-то вымести съ половъ или вещи привести въ порядокъ. Но за то попадаютъ имъ случайно въ руки лишній грошъ въ видѣ какой нибудь подачки или заложеной у еврея оставшейся еще отъ Ольги Ларинной брилѣантовой брошки, сейчасъ же этотъ послѣдній грошъ ставится ребромъ, и въ то время, какъ забывается о томъ, что необходимо было бы заштопать безобразную и бросающуюся въ глаза прорѣху, на столѣ являются конфеты и всякія финтифлюшки...

А что же дѣлаетъ въ это время представитель рода Репетиловыхъ-Чулкатуринныхъ? Онъ занимается въ это время благороднымъ дѣломъ: лежитъ на диванѣ и мечтаетъ о широкой дѣятельности. Замѣчательно, что несмотря на то, что малый кончили уже курсъ гимназій, онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго призванія къ какому-нибудь дѣлу, и для него рѣшительно все равно, за что бы ни приняты, и въ тоже время въ мечтахъ о какомъ-нибудь дѣлѣ его занимаетъ не самое дѣло, а его собственная фигура, блистаю-

шая на героическомъ pedestalъ. Но послушаемъ, что самъ онъ говоритъ объ этомъ предметѣ:

«Въ инженернѣ... на медицинскій... куда, въ самомъ дѣлѣ, дѣваться? Ну, хорошо — инженернѣ. Ну, построилъ дорогу, мостъ построилъ... Развѣ трудно построить дорогу, когда деньги есть? Но, положимъ, трудно. Еще чтонибудь построитъ; наконецъ, все, все построитъ, что только возможно. Что-же потомъ? Чинить и поддерживать старое? Гм... Или вотъ: медикъ. Прописалъ одному лекарство, другому лекарство, а черезъ мѣсяцъ они снова заболѣли. А умирать надо, — такъ ужъ ни одинъ медикъ не поможетъ. Развѣ вылечили моего отца? Умеръ вѣдь... А сестренка Вѣра? Коли банмаки дыривыя, такъ никакое лекарство не поможетъ. Чповникъ? Но мой отецъ былъ чповникомъ. Приѣдетъ какой-нибудь ревизоръ, такъ жаль смотрѣть: суетится, ничего не помнитъ, дрожитъ... Эхъ ма!...

«А между тѣмъ, меня такъ и подмывало, такъ и тянуло «куда-то». Замѣчательно, что для меня не существовало математики, юриспруденціи, медицины и т. д., а былъ учитель математики, задающій задачи и пускающій ученикамъ пыль въ глаза; былъ инженеръ; былъ чповникъ, пишущій за номерами какія-то бумаги страннымъ языкомъ, играющій въ карты, ѣздящій съ колокольчикомъ и боящійся ревизора; былъ медикъ, прописывающій рпциновое масло и совѣтующій остерегаться его собрата, другаго медика, тоже прописывающаго рпциновое масло.

«Я началъ подробнѣе представлять себѣ всевозможнаго рода дѣятельности, потомъ соединялъ ихъ вмѣстѣ, и тогда получалось нѣчто гармоническое. Непріятные представители разныхъ профессій замѣнились, мало-по-малу, пылящими молодыми людьми, съ благородными порывами въ сердцахъ, съ огнемъ въ глазахъ, съ жаркимъ румянцемъ ожгленія на щекахъ. Между прочимъ, было много женщинъ. Взошло яркое солнце, замутили рощи, заструились прозрачныя ручьи, явились тучныя нивы, деревья погнулись подъ тяжестью плодовъ, словомъ, вышла такая прелестная картина, я такъ увлекся обработкою подробностей, что не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ, и въ комнатѣ стемнѣло. Легкій ударъ по плечу вывелъ меня изъ области грёзъ.

— О чемъ ты задумался, голубчикъ?

«То была моя старшая старшая сестра и любимца Надя. Она

пришла ко мнѣ, склонила на плечо голову, и мы нѣсколько минутъ молчали. Я не отвѣтилъ на ея вопросъ: она сама приблизительно знала, о чемъ я задумался.

— А у насъ почти совсѣмъ денегъ нѣтъ... ты знаешь? спросила она, словно отвѣчая на новое направленіе моихъ мыслей.

«Я епвнуль головою.

— Право это ужасно! Я не знаю, что съ нами будетъ... Когда у насъ еще было триста рублей, я взяла тихонько двѣсти и спрятала. Они у мамы подъ подушкой лежали. Думаю, тебѣ дамъ; она вѣдь все равно растратитъ. Но она такъ убивалась, плакала, что я назадъ положила. Теперь очень жалѣю, что не выдержала характера.

«Мы снова помолчали, и т. д.»

Что представляютъ собою подобныя мечты, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ обыкновенно не самое дѣло въ его сути и благихъ послѣдствіяхъ, а герой на пьедесталѣ? А это ничто иное, какъ одинъ изъ существенныхъ мѣзмовъ, которые бродятъ по завѣщанію отъ отцовъ и дѣдовъ въ крови всѣхъ Репетлювыхъ, Чулкатурныхъ. Въ «эпизодѣ» подобное отношеніе къ дѣлу выставлено еще рельефнѣе, во всемъ его циническомъ безобразіи Героння обозвала нашего героя филистеромъ:

«А! филистеръ! воскликнулъ онъ: такъ вотъ же тебѣ?» Подъ покровительство сильнаго баса, съ аккомпонементомъ самоотверженнаго тепого dolce, я сразу погружаюсь въ грязь по колѣни и начинаю что-то расчищать, во главѣ цѣлой арміи рабочихъ...

«Филистеръ? Смотри же теперь: видишь эти мозолистыя руки? видишь, какъ моему голосу повинуются тысячи народа? Да какого народа! Всѣ мрачны, и силачи, словно изъ бронзы вылиты; а какъ говорятъ! Хочешь, любой изъ нихъ заговоритъ тѣмъ образцовымъ мужицкимъ нарѣчіемъ, что какую угодно книжку за поля затопеть?.. А я расчищаю, команду, работаю... Каждая изъ этихъ бронзовыхъ фигуръ обладаетъ бабой, которая не упрекаетъ, а только любитъ его, а я одинокъ... Ничего; мнѣ это, можно сказать, незамѣтно: другая идея у меня въ головѣ... И все команду, команду; покурю и снова команду».

Да, подобнаго рода герои никакъ не могутъ себѣ вообразить ни такого порядка вещей, ни такого дѣла, чтобы собрались люди

изъ любви къ самому дѣлу, а не къ пьедесталу, чтобы они затѣмъ уважали и любили другъ въ другѣ товарищей, братьевъ, а не пресмыкающихся передъ ними рабовъ, чтобы дѣйствовалъ любовно, сообща, по взаимному совѣту, настолько же подчиняя своей волѣ товарища брата, на сколько сами подчиняясь ему.

Имъ и въ голову не приходитъ ничего подобнаго. Для нихъ непремѣнно нужно, чтобы они гордо возвышались надъ толпой и тысячи народа повиновались ихъ голосу, а на нихъ съ восторгомъ, въ это время, любовались бы женскія очи. Вы только подумайте, что это за смрадная гангрена! Вы представьте себѣ, что все человѣчество заразилось бы ею, и каждый смертный только о томъ и мечталъ бы, чтобы командовать и командовать, покурить и командовать? Что бы могло изъ этого выйти пнаго, какъ не то, что всѣ поголовно взаимно другъ друга переѣли бы, и родъ человѣчскій долженъ былъ бы прекратиться. Оттого же у насъ и рушатся многія хорошія дѣла раньше своего возникновенія, что соберутся пять шесть Репетловыхъ-Чулкатуриныхъ, и не столько занимаетъ ихъ дѣло, сколько стремленіе во что бы ни стало преобладать надъ компаньонами и командовать; и въ результатѣ получается рядъ интригъ, пререканій, и, перегрызшись другъ съ другомъ, люди расходятся заклатыми врагами... Да будь ты на вѣки вѣчные проклять старозавѣтный идеаль командования!..

Но одною этою гангреною не ограничивается дѣло. Репетловъ завѣщалъ своимъ потомкамъ еще одну миазму, преобладающую въ ихъ организмѣ и сѣѣдающую ихъ, а именно: необузданное сластолюбіе и чревоугодіе. Есть люди, у которыхъ главнымъ стимуломъ всѣхъ мыслей и дѣлъ является юбка. Куда бы ни забросила ихъ судьба, они тотчасъ же первымъ дѣломъ оглядываются вокругъ себя, иѣтъ ли гдѣ, вблизи, подходящаго сюжета для романа, если возможно то и для нѣсколькихъ романовъ. Чтобы они ни предприняли, повидному совершенно постороннее и нейтральное, въ концѣ концовъ оказывается, что или это дѣлается ради побѣды надъ какимъ-нибудь непреклоннымъ сердцемъ, или же роковымъ путемъ сводится все къ той же неизмѣнной любовной интрижкѣ. Такъ, на примѣръ, герой «Эппзода», сознавши наконецъ всю неблаговидность лежанія на диванѣ и мечтаній о широкой дѣятельности въ то время, какъ родные его чуть не

умирають съ голоду, пошелъ на уроки, приготовить мальчика въ заведеніе. У насъ съ вамп, конечно, подобнаго рода дѣло такъ бы и ограничилось вполне прозаическимъ учительствомъ ради снисканія куска хлѣба. У героя же сейчасъ же расцвѣтъ цѣлый романъ, героиней котораго сдѣлалась сама хозяйка дома, — дана лѣтъ 30, но не безъ пикантности; и какая еще любовь, самая возвышенная! Это у насъ съ тобой, читатель, можетъ быть, выходитъ такъ, что дѣло такъ дѣло, а любовь, такъ любовь, каждому необходимому элементу мы опредѣляемъ свое мѣсто въ жизни и повторяемъ вслѣдъ за Чацкимъ:

Когда дѣла, я отъ веселья прячусь;
 Когда дурачиться — дурачусь,
 Но смѣшивать два эти ремесла
 Есть тьма искуственниковъ, я не изъ нихъ числа.

У этихъ же людей все выходитъ какъ-то наоборотъ: у нихъ дѣло, какъ мы говорили выше, представляется только видимости дѣломъ, а подъ этою видимостью непремѣнно скрывается какая нибудь клубничка; такъ и наоборотъ—любовь принимаетъ въ ихъ глазахъ характеръ какого-то, мало сказать—возвышеннаго дѣла, священнодѣйствія. Благородная героиня никогда не спустится до того, чтобы признаться вамъ, что она жаждетъ ничего болѣе, какъ любви; нѣтъ, она жаждетъ дѣла, жертвы. А у героя, конечно, и помышленія нѣтъ о томъ, чтобы срывать цвѣты удовольствія: о нѣтъ, онъ подвиговъ, подвиговъ жаждетъ! «Она склонилась ко мнѣ на грудь, говоритъ героиня «Эпизода» и тихонько всхлипывала... Она не можетъ жить такъ; она мечтала о дѣятельности, о самоотверженіи и рѣшилась посвятить себя человѣку, казавшемуся ей великимъ; она ошиблась... Т. е. онъ, конечно, прекрасный, добрый, благородный... но она ему не нужна... а онъ такъ привѣтливъ, предупредителенъ къ ней... Ей это не по силамъ, она пойдетъ за мною. Такое мелодическое жужжаніе, прерываемое слезами и ласками. Я нѣжно поддерживалъ ее, не прерывалъ, далъ выплакаться въволю. Наконецъ, она успокоилась, выпрямилась и проговорила, улыбаясь юмористически, т. е. сквозь слезы:

— Не правда ли, какая я слабая?.. О, отчего у меня нѣтъ твоей силы! Но вѣдь ты—скала! прибавила она черезъ минуту. Какъ она на меня посмотрѣла!..

Послѣ подобной риторикѣ чувства, выступать на сцену обыкновенно риторика дѣла. Надо же героямъ показывать другъ другу, что они и въ самомъ дѣлѣ жаждутъ не однихъ только срываній цвѣтовъ удовольствія, а подвиговъ, жертвъ... и вотъ въ какомъ видѣ являются эти подвиги:

«Мы нарядились очень мило и просто. Я надѣлъ красную рубаху и смазные сапоги; Анна Михайловна—сарафанъ съ пышными рукавами, заплела въ двѣ тяжелыя косы свои прекрасныя волосы, воткнула какой-то простенькій цвѣтокъ и даже не взглянула въ зеркало; въ моихъ глазахъ она видѣла, что восхитительнѣе этого костюма ничего и выдумать невозможно. Мы вышли въ поле—не вечеромъ и не гулять, а въ жаркій полдень—«валать тяжелые снопы». У воротъ намъ встрѣтилась Марья Андреевна (племянница героини). Не знаю почему, я покраснѣлъ. На этотъ разъ не было никакого сомнѣнія: «она» вся превратилась въ насмѣшливый взглядъ; но интересно, что я покраснѣлъ еще до этого взгляда. Замѣтно было, что Анна Михайловна тоже какъ будто сконфузилась.

— Что это за маскарадъ?

Это было сказано про себя, но какъ ядовито сказано! Такого было начало; конецъ вышелъ еще хуже. Противный маскарадъ!

«Въ полѣ кипѣла работа. Бабы въ однихъ рубахахъ, какъ бѣлые грибы, выглядывали изъ высокой ржи; парни и мужики съ потными, загорѣлыми лицами, клали снопы за снопомъ и куда-то ужасно торопились. На жнивѣ стояла телѣга, подъ которою, въ тѣни, лежала мохнатая собака, высунувъ языкъ и ребенокъ съ соскою въ рукѣ и цѣлымъ роемъ мухъ на глазахъ. Тощая лошаденка, со спутанными ногами, паслась тутъ-же.

«Понятно, что пейзаны приняли насъ съ распростертыми объятіями. Нужно было видѣть ихъ улыбки! Анна Михайловна жала болѣе граціозна, чѣмъ хорошо, я—ни граціозно, ни хорошо; мы съ удовольствіемъ оставили серпы, чтобы присоединиться къ пейзанамъ, которыя скоро расположились поддвигать. Милый, простодушный народъ! Какъ они уставились на насъ, въ особенности бабы и дѣвки на Анну Михайловну! Какъ они вслушивались въ каждое наше слово! Не помню, о чемъ мы говорили, но очень хорошо и приятно говорили».

Маскарадъ,—какое это глубокое и меткое слово для вы-

раженія не только вышеприведенной комической сцены, но и всей жизни этих героев: да, вся жизнь ихъ есть ничто иное, какъ маскарадъ, и до гробовой доски приходится имъ парадировать шутами въ разныхъ дурацкихъ костюмахъ.

Но до какой степени надо всю эту риторикою словъ и маскараромъ дѣла у этихъ господъ разиращено и изгажено обыкновенно бываетъ воображеніе, объ этомъ мы можемъ судить по герою «Карьеры». Онъ былъ въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ учиться, голодалъ и искалъ уроковъ. Случайно на улицѣ онъ познакомился съ дѣвушкой, которая была въ такомъ-же положеніи, какъ и онъ: то же пріѣхала учиться, голодала и тщетно искала уроковъ. Бѣдняжка нѣсколько дней уже не ѣла и находилась въ такомъ изнеможеніи, что герой съ трудомъ дотащилъ ее до своей коморкѣ и уложилъ на свою постель. Она начала метаться, бредить, и у нея очевидно, начался голодный тифъ. И вотъ мы читаемъ: «Она забормотала какую-то бессмыслицу, стала метаться на постели и рвать платье. Я разстегнулъ ей юбку, снялъ башмаки, чулки, сильно заштопаные на пяткахъ и съ влажными, желтыми пятнами на подошвахъ, вытеръ до суха худыя, почти дѣтскія ноги и прикрылъ ихъ одѣяломъ»... Ну и что-жъ далѣе? Далѣе мы съ тобой читатель поставили-бы, конечно, точку. Сдѣлалъ герой то, что былъ обязанъ сдѣлать каждый человѣкъ, у котораго сердце не обратилось еще въ камень, ну и честь ему, что-жъ можетъ быть далѣе? Но герой и тутъ у постели умирающей не забылъ своихъ клубничныхъ грезъ, и заключивъ вдругъ вышеприведенную фразу заятою, прибавилъ къ ней слѣдующія слова. «т. е. продѣлалъ все то, что, при другихъ обстоятельствахъ могло-бы составить весьма нивантную страничку романа».

Какъ тебѣ нравится это, читатель? Вѣдь это уже, мало сказать,—цинизмъ, а чистое кощунство. Послѣ этого отъ героя можно ожидать, что онъ въ такихъ-же выраженіяхъ сталъ-бы надругиваться и надъ трупомъ этой самой дѣвушки, вздумалъ-бы описывать, напримеръ, какъ онъ обмывалъ похолодѣвшіе члены только-что скончавшейся, и вдругъ-бы разразился чѣмъ-нибудь въ такомъ-же родѣ: «т. е. продѣлалъ все то» и т. д. О, Репетиловъ, Репетиловъ, что ты завѣщалъ своимъ потомкамъ!..

И вотъ этотъ-то пснакощенный всяческими и физическими, и

правственными мазмами, завѣщенными отъ отцовъ и дѣдовъ, выродившейся правнукъ Репетилова, рѣшается наконецъ, повинуясь духу времени, отъ риторикки перейти къ самому дѣлу, и даже не какому-нибудь хитрому дѣлу, а лишь азбукѣ дѣла, дерзаетъ впрягаться въ трудовую лямку рабочаго человѣка. Но тутъ комедія превращается уже въ трагедію. Здѣсь подводится передъ нами роковой, окончательный итогъ всей жизни героя со всѣми его настоящимъ и прошлымъ. Какъ герой, онъ не могъ избрать какую-нибудь легкую и сообразную его истощеннымъ силамъ работу, а сразу рѣшился взяться за самую тяжелую, пошелъ на пристань таскать бревна... Но послушаемъ какъ самъ онъ описываетъ свое горестное тѣло:

«Въ какомъ-то сладострастномъ опьяненіи подошелъ и я къ полѣну, но... въ этой мигнутѣ, казалось, сосредоточились, какъ въ фокусѣ, всѣ предшествовавшіе, разннныя элементы скандала: полѣно было очень тяжело, такъ что, при попыткѣ поднять его, меня всего бросило въ жаръ.

«Задержанное движеніе всегда превращается въ теплоту, плаксиво притворился я, якобы хладнокровно размышляю, но собственно никакихъ мыслей въ головѣ не было: было только одно чувство...

«Ахъ какое это было чувство. «прекрасная читательница!..» Еслибы съ молодой дѣвушкой, въ первый разъ выѣхавшей въ свѣтъ, въ самый разгаръ бала свалилось платье; еслибы только что обвинявшійся, страстно влюбленный юноша, выводя изъ церкви новобрачную, вдругъ почувствовалъ, что на ласки любимой женщины можетъ отвѣчать только слезами отчаянія—ни та, ни другой, навѣрное, не испытали-бы такого жгучаго стыда, такого пламеннаго желанія провалиться сквозь землю.

— Ну, ну!.. раздавались ободрительныя голоса. Я употребилъ нечеловѣческое усиліе и поднялъ. Въ спинѣ что-то хрустнуло. Согнувшись въ три погибели, едва не провалившись съ доски, дотащилъ я бревно до берега и принялся за другое. Оно, это другое, было еще тяжелѣе. У меня не хватило силъ донести его; я пошатнулся, выпустилъ свою ношу и самъ повалился на скользкія доски барки...

— Э, да что ты!..

— Ха! ха! Не сладко? слышался голоса товарищей.

«Я смутно сознавалъ все, происходившее вокругъ. Миѣ было невыносимо жутко.

— Ну, парень, серьезно проговорилъ старикъ-рабочій, тотъ самый сѣденкій мужичекъ, въ красной рубахѣ, что сидѣлъ у мачты:—это, видно—не твое дѣло; тебѣ-бы сюда не соваться... Дай помогу, что-ли!

«Но миѣ не пужна была его помощь. Я всталъ, молча поднялъ упавшую съ головы шапку и тихо, шатаясь, пошелъ прочь...

— Утѣкъ, хлопцы, ей Богу... ха, ха, ха! слышалось сзади.

— Ишь, щелкоперы!

— Чего зубы скалѣшь? Ну, извѣстно, парень хворый.. Изъ лакеевъ, должно быть.

«Полнѣйшій хаосъ въ головѣ. Я брелъ наудачу, едва различая предметы: въ глазахъ дрожали слезы, въ ушахъ раздавалось: «хворый, хворый...» «Бѣдный, несчастный, тряпка!» Мною вдругъ овладѣло бѣшенство. «Отдайте же миѣ мое здоровье, варвары!» крикнулъ я, сжавъ кулаки. Къ кому я обращался? Кого винилъ? Я самъ не сознавалъ. Голосъ мой, т. е. не мой, а какое-то тончайшее сопрано, прозвучалъ весьма минорно и заставилъ меня опомниться. Проходившая мимо баба съ корзиною въ рукахъ остановилась и сосредоточенно уставилась на меня удивленными глазами; пепельный салопъ, сѣрый платокъ, вся какая-то сѣрая, лицо морщинистое, доброе, съ выраженіемъ: «хворый, бѣдняжка!»... Пробѣжала куца собака, съ глазами, говорившими какъ нельзя болѣе ясно: «проходи, знай, проходи, не трону: найдемъ и лучше, если зубы почистить захочется». Проѣхалъ ломовой извозчикъ; у лошади узда была мочалкой перевязана—надо полагать, колечко потерялъ; какая-то кобарда, какой-то красный кушакъ, шляпка...

«Я очутился на мосту, оперся о перила и сталъ глядѣть внизъ. «Ты—скала... придешь за мною? Я вѣдь ничего не боюсь... Нѣтъ, лучше не приходи, несчастный: куда тебѣ!»

«Пропеслась лодка, проплыла доска, отъ барки должно быть: гвозди торчали, щепка какая-то... Я тупо смотрѣлъ на все это. «А что, ежелибъ такъ шарахнуться?» Какая-то сладострастная судорога, послѣднее ясное ощущеніе и послѣдняя ясная мысль»...

Вотъ она, передъ вами разгадка столь многихъ удивленныхъ выстрѣловъ, такъ чисто раздававшихся въ послѣднее время. Вис-

трѣли эти объясняются обыкновенно тяжкими условіями и смутными обстоятельствами нашего времени. Но сильные и цѣльные люди борются съ этими условіями и обстоятельствами. Другое дѣло Репетиловы-Чулкатурины: здѣсь послѣднимъ словомъ жизни является отрезвленіе отъ самообольщенія пьедесталомъ, отчаянное сознание полной несостоятельности. Герой усилялъ постыдно убѣжать отъ всего, что призывало его: убѣжалъ отъ родныхъ, которые звали къ нему о помощи, убѣжалъ отъ женщины, которая полюбила его, убѣжалъ отъ ученья, убѣжалъ и отъ дѣла, которое оказалось ему не по силамъ, и что же ему остается, какъ не убѣжать и отъ самой жизни? Такъ скажи мнѣ теперь, читатель, что же тутъ общаго съ Бѣлинскимъ, этимъ въ своемъ родѣ цѣльнымъ и спланнымъ человѣкомъ, который всю жизнь стремился къ одной благой и высокой цѣли, и палъ вовсе не вслѣдствіи своей несостоятельности, а напротивъ однимъ изъ самыхъ мужественныхъ и непреклонныхъ борцовъ русской мысли?.. Вотъ въ этомъ отношеніи «Карьера» и отличается отъ «Эпизода», что здѣсь тотъ-же самый герой не ставится ни на какой пьедесталъ, а является въ своемъ настоящемъ видѣ, во всемъ своемъ нравственномъ убожествѣ, съ клячкою кислятины, вполне къ нему подходящей. А главное дѣло въ томъ, что здѣсь герой этотъ отбѣняется выведеннымъ рядомъ съ нимъ типомъ совсѣмъ иного закала. Таковъ Страмплинъ, съ его характерною клячкою зючеп. Но, къ сожалѣнію, типъ этотъ далеко не такъ всесторонне развитъ и очерченъ, какъ его товарищъ. Онъ выясняется нѣсколько лишь въ концѣ разсказа и тамъ вы видите вполне опредѣленно всю ту разницу, какая существуетъ между нимъ и героемъ разсказа. Когда герой, послѣ всѣхъ своихъ мытарствъ и постыдныхъ fiasco, возвращается снова домой, онъ вдругъ съ ужасомъ узнаетъ, что нищета семьи его дошла до такой крайней степени, что младшая сестра его, Катя дошла до проституціи.

«Нѣтъ, разсказываетъ онъ: не могу передать въ точности безобразной драмы этого дня. Катя была, представьте себѣ... у офицера!.. То есть, она прежде была у офицера, а потомъ узнала, что я приѣду, и пропала... Что было дальше, представляется мнѣ теперь, какъ во снѣ. Я выбѣжалъ, помню, безъ шапки, и направился прямо къ квартирѣ «офицера». Небольшая комната, табачный дымъ, нѣсколько мужчинъ безъ сюртуковъ—за карточнымъ столомъ. Я дрожалъ,

задыхался; я не могъ произнести ясно ни одного слова... Недоумѣвающіе взгляды, потомъ громкій смѣхъ и — «пошелъ вонъ!» Я вышелъ на улицу и наткнулся на злючку. Въ первый разъ, послѣ лѣтъ дѣтства, я ему обрадовался; въ первый разъ онъ встрѣтилъ меня безъ насмѣшки. Онъ былъ блѣденъ и страшенъ.

— Отдай мнѣ эту дѣвушку! Я ее любилъ!.. Онъ схватилъ меня за плечо, но сейчасъ-же опомнился.

— Ты его убилъ.

Онъ не получилъ отвѣта, взялъ меня, какъ ребенка, за руку и мы вошли въ его комнату. Не помню, рѣшительно не помню... Это былъ какой-то тяжелый кошмаръ. Крикъ и гамъ — все покрывало голосъ злючки. Онъ разломалъ стулъ и махалъ имъ во всѣ стороны. Что-то потомъ блеснуло... Кто-то крикнулъ: «кровь!.. доктора!..»

Въ разсказѣ «Романъ» подобный-же типъ въ лицѣ Алешки очерченъ болѣе полно; въ то время, какъ злючка представляется въ одномъ отрицательномъ видѣ мстителя, здѣсь тотъ-же герой является передъ вами и съ положительной стороны, въ качествѣ спасителя молодой и неопытной дѣвушки отъ губельнаго увлеченія пошлякомъ. Но и здѣсь этотъ типъ лишь отмѣченъ и далеко не является передъ вами во весь ростъ, въ полномъ и всестороннемъ изображеніи, подобно тому какъ рисуются передъ вами, словно до сихъ поръ живые — Чацкій, Онегинъ, Печоринъ, Рудинъ, Базаровъ. Смерть помѣшала Новодворскому исполнить эту задачу и оставила на его долю лишь Репетловыхъ-Чулкатуриныхъ. Впрочемъ, вообще нужно замѣтить, что до сихъ поръ и вся наша современная беллетристика страдаетъ тѣмъ-же весьма существеннымъ пробѣломъ. Въ «Запискахъ Темкина», въ «Золотыхъ сердцахъ» г. Златовратскаго, въ нѣкоторыхъ разсказахъ г. Гл. Успенскаго (напр. «Три письма»), вы встрѣтите много отдѣльныхъ чертъ и намековъ на типъ героя нашего времени, но до сихъ поръ еще полнаго образа беллетристика наша не представила. Возможно-ли въ настоящее время выполненіе этой важной и трудной задачи; когда и къ-мъ она будетъ выполнена, и будетъ-ли, — это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Александровъ.

Сибирь, какъ колонія.

(Новая книга Н. М. Ядринцева).

«Забитая страна» «забитый край» — вотъ эпитеты, которые всё пишущіе о Сибири начинаютъ прилагать къ ней. Журналистъ ли пишетъ передовую о сибирскихъ вопросахъ, или сибирякъ изъ своего отдаленнаго угла посылаетъ корреспонденцію, для обоихъ это слово стало обиходнымъ; само собою напрашивающимся на бумагу. Даже ученый геологъ, трактующій о сибирскомъ черноземѣ, кончаетъ свое сочиненіе указаніемъ на печальную участь нашей сѣверовосточной окраины. Всегда ли эта фраза принимается сознательно, не будемъ разсматривать; но кто первый пустилъ ее въ оборотъ, пустилъ не безъ основанія. Въ самомъ дѣлѣ, при всякомъ большомъ предпріятіи, ученомъ или административномъ, касающемся цѣлой Россіи, всегда дѣло идетъ только о Европейской Россіи. Правительство ли предпринимаетъ реформу, ученое ли общество затѣваетъ изслѣдованіе, собираются ли свѣдѣнія о какомъ нибудь промыслѣ, наприм. о состояніи сельскаго хозяйства, о льняной промышленности, о кустарной, или собираются свѣдѣнія о народномъ бытѣ, о волостномъ судѣ и т. п. — всегда дѣло ограничивается Европейской Россіей. Никогда Сибирь въ кругъ подобныхъ изслѣдованій не входитъ. Правда, такія общественныя ученія работы обыкновенно вызываются народившимися въ общественной жизни вопросами, которыхъ не задастъ еще общественная жизнь Сибири, и потому распространеніе этихъ изслѣдованій за Уралъ не оправдывалось бы потребностями за-

уральскаго общества. Это такъ. Но если безцѣльно всякій разъ, когда что нибудь подобное совершается для Европейской Россіи, продѣлывать то же самое и въ Сибири, то нельзя сказать, чтобы сибирская жизнь не возбуждала своихъ собственныхъ вопросовъ, которые также нуждались бы въ ученомъ изслѣдованіи ихъ. Вынить ли тѣхъ, отъ которыхъ зависятъ почти и организація этихъ изслѣдованій? Есть русская пословица, которую знаютъ и въ Сибири: «дѣтя не плачеть, мать не разумѣеть». Ее справедливо можно примѣнить въ данномъ случаѣ; дѣйствительно, заявленій о сибирскихъ нуждахъ мало слышно въ печати; вообще книги о Сибири рѣдки, а такія, какъ только-что появившаяся книга г. Ядринцева «Сибирь, какъ колонія», представляющая обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ мѣстныхъ общественныхъ вопросовъ, есть первое по времени явленіе въ литературѣ о Сибири. Молчаніе это отчасти невольное, отчасти произвольное; впрочемъ, послѣднее если хорошенько задуматься надъ нимъ, тоже выйдетъ невольное. Сибирь страна чисто мужицкая; есть въ ней кромѣ крестьянскаго сословія, еще военное, преимущественно въ видѣ казачества, чиновническое, духовное и купеческое; по послѣднія три сословія немногочисленны: половину сибирскихъ чиновниковъ, духовныхъ и купцовъ нельзя считать туземцами, такъ какъ эти сословія особенно въ высшихъ своихъ членахъ постоянно пополняются изъ Европейской Россіи. Мужикъ, какъ извѣстно, безгласенъ по своей неграмотности, слѣдовательно адвокатомъ его въ литературѣ при такомъ устройствѣ общества долженъ выступить священникъ, купецъ, чиновникъ; но все это люди зависимые, напр., они обыкновенно или состоятъ на службѣ, или вообще связаны такими условіями, при которыхъ неудобно являться явнымъ заступникомъ простонародья. Вслѣдствіе этого, въ Сибири число людей, занимающихся общественными вопросами своей области, такъ ничтожно, что дѣятельность ихъ вовсе не видна и если есть литература о Сибири, то литературы сибирской вовсе нѣтъ.

Въ книгѣ г. Ядринцева намѣчены слѣдующіе мѣстные вопросы: о заселеніи края, ссылкѣ, разработкѣ мѣстнаго богатства, образованіи и администраціи.

Одно лицо, занимавшее высокое административное положеніе, говорило, что у Сибири нѣтъ своихъ мѣстныхъ вопросовъ, что вопросы ея тѣже, что вопросы Европейской Россіи; но стоитъ про-

читать книгу г. Ядрищева, чтобы убедиться, что каждый изъ упомянутыхъ вопросовъ имѣетъ своеобразный видъ и отъ вопросовъ Европейской Россіи соответствующихъ рубрикъ всѣ сибирскіе вопросы отличаются своими особенностями.

Возьмемъ хотя первый вопросъ о заселеніи края, т. е. о привлеченіи осѣдлыхъ жителей на незанятые пустыя земли; такого вопроса въ Европейской Россіи—кроме ея южной окраины—нѣтъ вовсе. И по мѣрѣ того, какъ мы будемъ разсматривать другіе вопросы, мы убедимся, что всѣ они въ такой же или почти въ такой же степени особенны.

Заселеніе Сибири производится тремя путями: путемъ свободной колонизаціи, путемъ колонизаціи казенной и наконецъ, путемъ ссылки. Крестьянскія переселенія въ Сибирь удовлетворяютъ, во первыхъ, потребностямъ самихъ выселяющихся крестьянъ, во вторыхъ, облегчаютъ земельныя условія тѣхъ крестьянъ, которые остаются на мѣстѣ, откуда переселенцы выселились, въ третьихъ, они удовлетворяютъ интересы области, новой ихъ родины, которая страдаетъ отъ малой населенности своихъ земель. Последнее обстоятельство признается самой администраціей; она сама иногда предпринимаетъ заселеніе пзвѣстныхъ мѣстностей. Ссылка въ Сибирь также отчасти мотивируется интересами колонизаціи. Итакъ, переселеніе крестьянъ на востокъ совпадаетъ съ интересами администраціи и самихъ крестьянъ; иначе бы свободны переселеніи относились землевладѣльцы, которые видятъ въ переселеніяхъ причину пониженія арендной платы за землю и боятся повышенія рабочей платы. Следовательно, интересы Сибири сталкиваются съ интересами землевладѣльческаго сословія имперіи. Авторъ разсматриваемой книги подозрѣваетъ, что боязнь эта происходитъ изъ одного заблужденія, но на случай, если заблужденіе не окажется заблужденіемъ и боязнь будетъ справедливою, онъ выражается такъ: «во всякомъ случаѣ, колонизація не можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія интересовъ лицъ, заинтересованныхъ въ конкуренціи рабочихъ, она не можетъ быть подчинена также частнымъ интересамъ губерній; она есть дѣло самихъ лицъ, чувствующихъ потребность въ выселеніи и дѣло государства, которое отъ этого не проигрываетъ, а напротивъ выигрываетъ, получая вмѣсто раззоренныхъ пролетаріевъ зажиточныхъ производителей. Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ государства, которое бы задерживало пе-

расселенія насильственно, такъ какъ право человѣка искать лучшихъ условій существованія весьма естественно. «Право переселенія есть право жизни», говоритъ одинъ изслѣдователь европейской колонизаціи. Нельзя не согласиться съ словами автора, что колонизація есть дѣло самихъ людей, чувствующихъ потребность въ выселеніи; ни политика задерживанія переселеній, ни политика принудительнаго выселенія не можетъ быть одобрена. Отсюда прямое заключеніе, что рѣшеніе сибирскихъ вопросовъ должно облегчаться, когда въ имперіи, вообще, устанавливается внутренняя политика соотвѣтственно видамъ благосостоянія крестьянства, и напротивъ оно будетъ затягиваться съ установленіемъ политики, наклонной въ пользу небольшой группы землевладѣльцевъ.

Изъ трехъ видовъ заселенія Сибири: казенной, путемъ ссылки и вольнонародной колонизаціи, послѣдній видъ безспорно самый нормальный и плодотворный. Ни ссылка, ни казенная колонизація не могутъ дать такихъ блестящихъ результатовъ, какіе даетъ вольная колонизація. Какъ свидѣтельство неспособности ссылки служить тѣмъ селеніямъ по большому сибирскому тракту съ заколоченными окнами, о которыхъ писали прежніе путешественники. О казенной колонизаціи не менѣе краснорѣчиво свидѣлствуютъ разныя захудалыя амурскія Буссевки и Радевки. А вотъ въ какихъ условіяхъ совершается наиболѣе плодотворный видъ переселеній. Колонисты-крестьяне не только идутъ безъ всякихъ пособій со стороны правительства, не только имъ не строятъ на мѣстахъ готовыхъ зданій, не снабжаютъ скотомъ, земледѣльческими орудіями и сѣменами, какъ это дѣлается иногда при двухъ другихъ родахъ колонизаціи, но часто имъ приходится бороться съ затрудненіями съ стороны администраціи, такъ что колонизація принимаетъ иногда видъ «побѣга», какъ выражается авторъ разсматриваемой книги.

Слѣдующими словами авторъ описываетъ картину, которую чаще всего представляетъ переселеніе нашихъ крестьянъ: «цѣлыя караваны повозокъ во сто и болѣе семей, человѣкъ въ триста и четыреста душъ, заравъ двигаются по сибирскимъ дорогамъ; переселенцы не имѣютъ нигдѣ крова, они останавливаются подъ открытымъ небомъ въ полѣ. Здѣсь располагаются цѣлыя семьи подъ телѣгами; больные и дѣти находятся тутъ же. Нерѣдко приращеніе семей, какъ и смерть, застаютъ людей во время путеше-

ствія тоже среди поля. Положеніе значительной части переселенцев пищенское. Входя въ Сибирь, они уже начинаютъ, пытаются подаяніями по деревнямъ и пищенство составляетъ профессію переселенца, иначе дойти до мѣста у него не достало бы средствъ. На главной трактовой дорогѣ Сибири крестьяне-старожилы сообщили намъ, какъ фактъ, что изъ всего числа обозовъ, они помнятъ только двѣ партіи переселенцевъ пеннобравшихся, и это была большая рѣдкость. Весь налогъ по части пропитанія переселенца падаетъ, такимъ образомъ, цѣлкомъ на сибирскаго крестьянина; по помощь эта, исходящая изъ добровольной благотворительности, весьма случайная».

Выселеніе обставлено такими затрудненіями, связанными съ поземельными обязанностями и со всею сущностію податной и паспортной системы что перечисленіе никогда почти не начинается съ мѣста, оно совершается, по наблюденіямъ автора, въ концѣ процесса переселенія. На это есть много причинъ. Обыкновенно, переселенцы не могутъ просить о перечисленіи заранее, не видя мѣсть, куда намѣрены переселиться; часто они не знаютъ даже, гдѣ найдутъ ихъ. Отыскиваніе этихъ мѣсть черезъ ходоконъ не всегда является возможнымъ, потому что снаряженіе этихъ ходоконъ и довѣренныхъ лицъ требуетъ предварительныхъ затратъ; притомъ земледѣлецъ, слишкомъ ревнивый въ выборѣ почвы, не можетъ ни на кого положиться, кромѣ себя. Вслѣдствіе этого хлопоты о перечисленіи являются тогда, когда переселенецъ порядочно постранствовалъ, нашелъ мѣсто и обжился на немъ. Множество лицъ поэтому живетъ долго по паспортамъ, мрясь съ своимъ шаткимъ положеніемъ, встрѣчаются люди, по 12 лѣтъ живущіе въ Сибири по паспортамъ, безъ перечисленія. Въ это время переселенецъ какъ бы ни принадлежитъ ни къ тому, ни къ другому обществу; подати онъ несетъ по старому мѣсту жительства, повинности по новому. Очень вѣроятно, что онъ при такихъ условіяхъ перѣдко переплачиваетъ вдвойнѣ и ужъ конечно не обходится безъ особаго обложенія въ пользу мелкихъ земскихъ властей.

Культурная важность этой вольнонародной колонизаціи для Сибири несомнѣнна, какъ это обнаруживается и изъ книги г. Ядринцева. Эти почтенные колонисты вносятъ въ бытъ малосвѣдующаго сибирскаго крестьянства новые промыслы и улучшенныя сно-

собы уже знакомых промысловъ; недавно она ввели въ Томской губерніи бахчеводство, пшъ обязаны своимъ быстрымъ развитіемъ ваяльннй промыселъ и шмокатство; новые ульп, новые ткаціе станен, новые орудія уборки хлѣба стали появляться вмѣстѣ съ новоселами.

Другими чертами обставляется обыкновенно такъ называемая казенная колонизація. Ей предшествуютъ канцелярскіе проекты, ее сопровождаютъ депешныя ассигновки, создается иногда должность надзирателя надъ колонизаціей, съ хорошимъ конечно окладомъ, и въ результатѣ являются Буссевки, Радевки, Сергіополи, Кокпектински и т. п., иногда на оффиціальному языкѣ именуемыя городами, но въ дѣйствительности заслуживающія только названіе собранія лачугъ. Какихъ курьезовъ не представляетъ исторія этой казенной колонизаціи! Тутъ мы встрѣчаемся съ проектомъ вооруженныхъ гуменъ, съ проектомъ форменныхъ церквей, даже съ составленнымъ однимъ военнымъ генераломъ проектомъ религіи, которая должна служить переходной ступенью отъ мусульманства къ христіанству. Иногда эти проекты были смѣшны до безвредности, но иногда угрожали губельными послѣдствіями для той массы, которая должна была бы послужить матеріаломъ для генеральскихъ экспериментовъ.

Такъ, недавно «въ Омскѣ сочинялся уродливый проектъ заселенія киргизской степи, съ цѣлью понужденія киргизъ къ переходу отъ кочеваго быта къ осѣдлой жизни и отъ скотоводства къ земледѣлію. Предполагалось покрыть киргизскую степь линиями, заселенными русскими крестьянами; линии должны были идти въ разныхъ направленіяхъ, такъ чтобы, пересѣкаясь взаимно, они образовали клѣтки; кочевое населеніе попавшее внутрь одной такой клѣтки должно было получить строжайшее приказаніе изъ этой клѣтки отнюдь вонъ не выходить, а кочевать только въ ея предѣлахъ. Запертые въ эти клѣтки, киргизы должны, по расчету прожектора, перейти къ осѣдлой жизни—потому что пшъ больше ничего не останется, какъ или браться за соху, бросивъ пастушескій образъ жизни, или умирать съ голоду. Многіе селенія этого бюрократическаго проекта пришлись на солонцахъ, а одно возлѣ соленаго озера, гдѣ никакого земледѣлія быть не можетъ. Въ подобныхъ мѣстахъ, по мнѣнію хитраго составителя проекта, крестьяне могутъ спискивать себѣ пропитаніе отъ продажи яицъ,

молока и куръ тѣмъ лѣтнимъ посѣтителемъ, которые будутъ приѣзжать сюда лечиться солеными грязями. Чиновнику, составившему этотъ проектъ и читавшему можетъ быть Сэя и Бэнтама, не пришло въ голову спросить себя, что за обжоры должны быть эти какіе нибудь пять, шесть годичныхъ пациентовъ, которые должны истребить за лѣто столько яицъ, куръ и молока, чтобы доставить этимъ средства къ жизни двадцати крестьянскимъ семействамъ!

Эта казенная, искусственная, сопровождаемая канцелярскими фантазіями о яйцахъ и курахъ, съѣдаемыхъ на грязяхъ, колонизация имѣетъ въ Сибири два района: въ Западной она примѣняется къ киргизской степи въ Восточной—на Амурѣ. Въ первую крестьянское вольное переселеніе долго не направлялось потому, что этотъ край преимущественно состоитъ изъ солончаковыхъ степей; на Амуръ же его не тянетъ пока, по отдаленности этого края. Вольное переселеніе, насколько это по даннымъ собраннымъ г. Ядринцевымъ обнаруживается, намѣтило слѣдующіе районы: сѣверная часть барабинской степи между рр. Тартасомъ и Омью, Алтай, Семирѣченскій край, сѣверная часть киргизской степи (собственно Кокчетавскій округъ) и восточная половина Минусинскаго округа. Почти всѣ эти районы подавали поводъ мѣстной администраціи строить разные колонизаціонные планы; на мѣстность лежащую, въ вершинахъ рр. Тартаса и Омь, указывалось въ одномъ изъ Томскихъ проектовъ новой гужевої дороги между Тюменью и Томскомъ; въ южномъ Алтай въ самое послѣднее время администрація начертала сѣть дорогъ, которые предполагалось заселить деревнями. Въ сѣверной части киргизской степи нѣкоторые пункты уже давно заселены посредствомъ казенной колонизаціи, тоже самое слѣдуетъ сказать и о Семирѣченской области. И здѣсь сначала было основано нѣсколько казачьихъ поселеній, а теперь въ этотъ же край потянулось вольное переселеніе. Исторія колонизаціи послѣдняго времени слагается такимъ образомъ: сначала мужику полное запрещеніе проникать за извѣстную черту, какъ напримѣръ въ Алтай или Киргизской степи; за тѣмъ администрація сочиняетъ свои проекты, назначаетъ пункты заселенія и заселяетъ ихъ исключительно казаками; если нѣтъ между ними добровольныхъ переселенцевъ, то заселеніе совершается принужденіемъ, по жребію. Затѣмъ туда начинаютъ проскальзы-

вать тайкомъ, самовольно мужики переселенцы. Изъ этого видно, что направленіе и виды колонизаціи по административнымъ видамъ и вольной легко бы примирить; тутъ все дѣло какъ будто во времени и въ устраненіи какихъ-то препятствій, которые можетъ быть лежать даже не столько въ экономическихъ условіяхъ, сколько въ устарѣломъ законодательствѣ.

Отчего бы, вмѣсто того, чтобы проектировать крестьянскія деревни на грязяхъ для производства яицъ и куръ, просто дозволить самимъ крестьянамъ избирать себѣ мѣста для поселенія въ тѣхъ районахъ, которые они сами себѣ выберутъ; наполнивъ до известной степени одинъ край, переселеніе двинется въ другой, болѣе отдаленный, и такимъ образомъ очередь дойдетъ и до пустыхъ киргизскихъ степей и до отдаленнаго Амура.

Жаль, что г. Ядринцевъ не сопоставилъ результатовъ вольной колонизаціи съ тѣми результатами, которые дала административная, т. е. казачья колонизація. Въ литературѣ онъ нашелъ бы свѣдѣнія объ амурскихъ поселеніяхъ, а также о и поселеніяхъ въ киргизской степи, въ родѣ народій на города, каковы Сергіюполь, Кокбекты и друг.; о заселеніяхъ въ киргизской степи онъ могъ много характернаго собрать и во время своего пребыванія въ край.

Третій родъ сибирской колонизаціи, ссылка, представляетъ самый существенный вопросъ въ жизни Сибири и ей совершенно правильно отведено значительное мѣсто въ книгѣ, обнимающей всѣ сибирскіе вопросы. Это самый особенный мѣстный вопросъ, болѣе всего выдѣляющій Сибирь изъ ряда другихъ областей или окраинъ имперіи, потому что никакая другая область не имѣетъ такого вопроса. Ссылка еще болѣе противопоставляетъ интересы Сибири интересамъ метрополи, чѣмъ вольное переселеніе крестьянъ. Здѣсь возникающая сибирская публицистика сталкивается съ мнѣніями, вырабатываемыми гуманистической фракціей русскихъ криминалистовъ. Сибирякамъ естественно желать прекращенія ссылки; они говорятъ: у насъ дѣйствительно въ землѣ просторъ и мы желаемъ преселенія, дайте намъ вашихъ лишнихъ людей, но людей трудолюбивыхъ и честныхъ, а вы даете намъ испорченныхъ, пріученныхъ къ праздности и преступленіямъ. Мы имъ отвѣчаемъ на это: значить, вы хотите, чтобы ссылка была прекращена; но куда же тогда дѣваться съ преступниками? не-

уже ли запретить ихъ въ пенитенціарныя тюрьмы и подвергнуть ихъ всѣмъ тѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ такого заключенія, противъ которыхъ вѣжѣ возмущается человѣческое сердце? Возраженія съ обѣихъ сторонъ трудно устранить и примирить спорящихъ очевидно можетъ или только заселеніе всѣхъ пустопорожнихъ мѣстъ въ Сибири, такъ что противникамъ ея нельзя будетъ ссылаться на просторъ въ землѣ, или такое улучшеніе быта въ Европейской Россіи, что преступленія прекратятся и ссылать станетъ не за что. Последнее относится къ области желаній, въ исполненіе которыхъ трудно вѣрится; первое же, если и совершится когда нибудь, то только въ отдаленномъ будущемъ, если надежду возлагать придется только на одну колонизацію посредствомъ ссылки.

На 2000 душъ вольной колонизаціи въ годъ, за то же пространство времени, ссылка вливаетъ въ Сибирь почти 20,000 душъ народу испорченнаго. По расчету, который дѣлаетъ авторъ, такой ежегодной притоку народонаселенія долженъ бы дать за послѣдній періодъ къ сибирскому природному населенію прибавокъ въ полмилліона, но на самомъ дѣлѣ такого прибавка не оказывается. Собранными сибирской администраціей свѣдѣніями обнаружено, что на мѣстахъ переселенія находится изъ ссыльнаго контингента только одна треть, а мѣстами и одна пятая, остальная же часть главнѣйшимъ образомъ находится въ бѣгахъ, или числится въ отлучкѣ по паспортамъ, но и изъ этой послѣдней части вѣроятно нѣкоторую долю нужно перевести въ предъидущую рубрику, т. е. въ число находящихся въ бѣгахъ. Затѣмъ изъ наличнаго числа только четвертая часть оказывается имѣющими дворовое хозяйство, о три четверти бездомовны; затѣмъ изъ имѣющихъ дворовое хозяйство занимающихся сельскимъ хозяйствомъ самостоятельно, какъ хозяева, насчитывается только половина, остальные занимаются въ рабочіе. Слѣдовательно, изъ годичнаго притока въ Сибирь ссыльныхъ только 4 проц. дѣйствительно поступаютъ въ составъ трудящаго населенія края, т. е. изъ 20,000 всего только 800 человѣкъ дѣлаются трудящимися членами новаго общества. Съ такими результатами ссылка долго придется ожидать полнаго заселенія Сибири.

Сибирякамъ возражаютъ, что такая безрезультатность и неудача ссылки можетъ быть происходить отъ дурной ея организаціи, и при другихъ порядкахъ можетъ быть получившись бы дру-

гіе результаты. Изъ причипъ безплодности ссылки для колонизаціи, приведенныхъ въ книгѣ г. Ядринцева, рядомъ съ неустрашимыми причинами, есть дѣйствительно такія, которыя зависятъ отъ доброй воли людей, но и проявленія воли человѣческой обусловлены законами, столь-же непреодолимыми, какъ законы природы. Указываютъ на примѣръ Австраліи, но вѣдь тамъ были англійскіе порядки и англійскіе исполнители. Пока наши криминалисты, настаивающіе на продолженіи ссылки въ Сибирь, дадутъ ей Макэри съ подходящими условіями, Сибирь будетъ нести все тѣ-же невыгоды и убытки отъ штрафной колонизаціи, какіе несли до сихъ поръ. Темныя стороны штрафной колонизаціи выражаются во-первыхъ, въ болѣе суровомъ характерѣ сибирской уголовной статистики: преступленія въ крестьянской средѣ въ Европейской Россіи уменьшаются по мѣрѣ того, какъ отодвигаемся отъ густонаселеннаго и малоземельнаго центра къ восточнымъ окраинамъ, стоящимъ въ лучшихъ аграрныхъ условіяхъ; въ Сибири же преступность вдругъ усиливается, тогда какъ по ея аграрному устройству слѣдовало-бы ожидать противнаго; во-вторыхъ, въ существованіи значительнаго контингента бродягъ, которые циркулируютъ въ краѣ безъ дѣла, проводя жизнь въ праздности, безнравственныхъ удовольствіяхъ и добывая себѣ пропитаніе частію сборомъ милостыни, частію воровствомъ; въ третьихъ, въ тягостяхъ и повинностяхъ, которыя несетъ сибирское крестьянство по перевозкѣ и содержанію въ заключеніи провинившихся ссыльныхъ, а также и по прокормленію тѣхъ изъ нихъ, которые по дряхлости или болѣзни лишлись возможности сами себя пропитывать; въ четвертыхъ, въ существованіи той неравноправности сибирскаго общества съ обществомъ Европейской Россіи, которую создаетъ ссылка и обидность которой начинаетъ наконецъ сознавать сибирское населеніе. Неравноправность больше всего бросается въ глаза при сравненіи правъ сельскаго общества въ Сибири и въ Европейской Россіи. Въ то время, какъ сельское общество Европейской Россіи имѣетъ право своихъ подозрительныхъ односельчанъ сослать въ Сибирь по общественному приговору, сибирское сельское общество не только не имѣетъ права такого неблагонадежнаго приписаннаго къ нему члена, иногда даже осужденнаго судомъ, выслать, но еще обязано слѣдить за тѣмъ, чтобы онъ не оставилъ своего мѣста жительства, если же это случится—а кто

не будетъ радоваться тому, что неприятный союзень удаляется— то на сибирское сельское общество возлагають все издержки по поимкѣ и препровожденію бѣглеца, какъ бы въ наказаніе за недоглядъ. Если къ тому еще припомнить развратъ и сифилисъ, которыя ссылка вноситъ въ сибирское общество, затѣмъ вовлеченіе мѣстныхъ жителей въ незаконные способы наживы (изготовление фальшивыхъ монетъ, торговля хитринскимъ золотомъ, конокрадство и проч.) и, наконецъ, развращеніе чиновъ полиціи и администраціи, которые, привыкнувъ распоряжаться надъ людьми, ипшенными гражданскихъ правъ, распространяють тѣ же приемы и на все сибирское общество, откуда являются такіе типы, какъ тюремщикъ Демидовъ, или жандармъ Стоговъ, тогда понятно становится значеніе ссылки, какъ источника, который будетъ вѣчно питать рознь въ общественныхъ интересахъ колоніи и метрополіи. Оставить положеніе въ томъ же видѣ—значить давать поводъ воспитаться въ сибирскомъ обществѣ элементамъ сепаратистическаго свойства. Въ качествѣ возраженія на все это, говорилось иногда, что сибирское общество не протестуетъ противъ ссылки, следовательно—бѣды отъ нея нѣтъ. Но отсутствіе протестовъ еще не значитъ, что зла нѣтъ; затѣмъ оказывается, что протесты уже начались, что многіе сибирскія городскія общества обратились по этому поводу къ правительству съ надлежащими просьбами, примѣры которыхъ и приведены въ книгѣ г. Ядринцева; да наконецъ едва-ли это хорошая политика приниматься за дѣло только въ такомъ случаѣ, когда уже начались протесты; для прочности дѣла, говорятъ, полезнѣе, если законъ будетъ вызванъ давленіемъ самаго общества на правительство; но для скрѣпы правительства съ обществомъ полезнѣе удовлетворять нужды общества прежде, чѣмъ послѣднее начнетъ настойчиво добиваться исполненія своихъ желаній.

Слѣдующія главы книги г. Ядринцева посвящены вопросамъ сибирской промышленности и просвѣщенія. Мы не будемъ говорить о нихъ, замѣтимъ только мимоходомъ, что и эти оба вопроса отличаются въ Сибири своеобразностью, именно—и тотъ и другой заключаютъ въ себѣ протестъ противъ абсентизма. Разныя неблагопріятныя условія, отсутствіе умственной и вообще общественной жизни, дурные нравы и привычки администраціи, произволъ полиціи и тому подобныя черты сибирской жизни не

прѣютъ свойства сдѣлать се привлекательной для молодежи, выѣхавшей изъ края съ цѣлью обученія; весьма естественно, что лучшія силы Сибири, найдя мѣсто приложенія своихъ силъ въ Европейской Россіи, теряютъ расположеніе возвратиться въ край, гдѣ царствуютъ дореформенные порядки и остается на западѣ. Такимъ образомъ Сибирь постоянно теряетъ лучшее свое юношество. Точно такимъ же образомъ лица, составившіе себѣ капиталъ въ Сибирѣ, выселяются изъ нея на западъ, гдѣ жизнь спокойнѣе, безопаснѣе и веселѣе—черта, которая опять выдѣляетъ Сибирь изъ ряда всѣхъ областей Россіи, потому что ни Малороссія, ни югъ Россіи, ни Кавказъ не представляетъ подобнаго явленія. Частью малая разница въ условіяхъ общественной и умственной жизни, частью южная природа и теплый климатъ причиною того, что юношество южной Россіи и Кавказа, получивъ образованіе въ Москвѣ или Петербургѣ, почти всегда возвращается на родину.

Остановимся нѣсколько долѣе на главахъ посвященныхъ исторіи сибирской администраціи. Страницы сибирской исторіи въ общей исторіи Россіи составляютъ въ высшей степени характеристическій эпизодъ. Занятіе сибирской территоріи, какъ извѣстно, принадлежитъ почину самаго народа; самостоятельно ли Ермакъ пришелъ къ мысли захвата Сибири, или по внушеніямъ Строганова, это нѣсколько не измѣняетъ факта, и въ томъ и другомъ случаѣ первое завоеваніе Сибири совершили не царскіе воеводы, а простонародная вольница; она же и продолжала главнымъ образомъ расширеніе русской власти, она же и докончила завоеваніе. Чѣмъ далѣе она подвигалась на востокъ, тѣмъ размахъ народной дѣятельности все болѣе и болѣе возрастала. Мы видимъ наконецъ, какъ простые промышленные люди въ родѣ Хабарова, набираютъ арміи и съ ними совершаютъ походы въ неизвѣстныя дотогѣ края. Въ то же время масса народа бросается въ Сибирь, увлекаемая звѣринными промыслами. Ее манили туда отчасти расчеты на наживу; отчасти прелесть таежной жизни среди дикой природы, вдали отъ воеводскаго управленія, праведей и цѣловальниковъ. Послѣ духоты московскаго государства, народъ какъ будто подкопался подъ стѣну своей тюрьмы, вырвался на свободу и убѣжалъ въ лѣсъ на вольную жизнь. Артель въ шапкѣ и казачій кругъ въ городахъ вотъ были формы общественнаго быта, которые онъ началъ было развивать на новой почвѣ. Такими свѣтлыми

страницами начинается сибирская история. Завяtie Сибири — это было окно, въ родѣ Петровскаго окна въ Европу, тоже прорубленное изъ московскаго государства въ другой чужой мiръ. Но проходитъ нѣсколько столѣтiй и мы въ той же исторiи читаемъ описанiе времени такъ называемой Пестелевщины.

Московское государство выслать въ Сибирь своихъ воеводъ и восводское управленiе не даетъ здѣсь развиться новымъ формамъ общественнаго устройства. Воеводы направляютъ и устраиваютъ жизнь по своимъ образцамъ, выработаннымъ бюрократiей московскаго государства; частный починъ заморенъ, начатки самоуправления упразднены, народной самодѣтельности положенъ предѣлъ, вся жизнь и вся власть сосредоточивается въ рукахъ воеводъ въ такой степени, до которой это всевластiе едва ли доходило къ центральной части государства. Отдаленность края служила воеводамъ оправданiемъ и прикрытiемъ въ ихъ злоупотребленiяхъ и ошибкахъ. Къ началу нашего столѣтiя регламентацiя народной жизни доходитъ до невѣроятности, все виды бюрократическаго захвата жизни мы встрѣчаемъ здѣсь: казенную пашню, казенныя суконныя фабрики, казенныя стеклянныя, фаянсовыя и кожевенныя заводы, казенныя торговыя караваны въ Пекинъ и проч. Полиция доводитъ свое вмѣшательство въ частную жизнь до мелочей, производитъ учетъ холстовъ, сотканыхъ за годъ у женъ крестьянъ, ревизуетъ квашни и проч. Эта унаслѣдованная отъ московскаго государства, мертвящая народную самодѣтельность система, завершается наконецъ Пестелевщиной. До Пестеля генераль-губернаторомъ всей Сибири былъ Селифонтовъ. Это былъ первый генераль-губернаторъ Сибири. Онъ получилъ свое назначенiе посредствомъ интриги. До его назначенiя Сибирь была управляема двумя губернаторами тобольскимъ и иркутскимъ, независимо другъ отъ друга. Вслѣдствiе жалобъ иркутскаго городского общества, въ Иркутскъ былъ посланъ ревизоромъ Селифонтовъ. Онъ представилъ иркутскую губернiю въ такомъ бѣдственномъ положенiи, что нельзя было не содрогнуться. Прежнiй начальникъ губернии былъ немедленно удаленъ отъ должности и Селифонтову приказано отъ правительства представить, какими мѣрами думать онъ исправить положенiе края Сибири. Селифонтовъ предложилъ раздѣлить ее на три губернии и соединить подъ общимъ управленiемъ одного генераль-губернатора, облеченнаго осо-

бенной высочайшей довѣренностію. На должность генералъ-губернатора самъ же ревизоръ и былъ назначенъ и вскорѣ показалъ, для чего ему была пужна особенная высочайшая довѣренность. Селифонтовъ сочувствовалъ бѣдствующей Иркутской губерніи, какъ видно, только до тѣхъ поръ, пока не вѣхалъ въ Сибирь. Облеченный громадною властью, «онъ явился какъ вице-рой, говорить лѣтописецъ—все пало впцъ и безмолствовало». Селифонтовъ оставилъ жену въ Тобольскѣ, а въ Иркутскъ привезъ свою наперсницу, мадамъ Бои; она остановилась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. «Сейчасъ — говоритъ тотъ же лѣтописецъ — «догадался черезъ кого надобно обдѣлывать дѣла, и обдѣлывали». Такимъ образомъ, дѣлами въ Иркутскѣ правила мадамъ Бои и секретарь Бакулинъ, парализовавъ законную власть мѣстнаго губернатора Корнилова. Только благодаря тому, что черезъ Иркутскъ проѣзжало русское посольство въ Китай, иркутскіе дѣла выплыли наружу. Селифонтовъ былъ смѣненъ указомъ, съ запрещеніемъ вѣзжать въ столицы. Такъ кончилось его вице-ройство. Послѣ Селифонтова назначается Пестель, отецъ извѣстнаго декабриста. Гдѣ-то было разсказано, что когда отецъ пришелъ навѣстить сына въ послѣдній разъ передъ казнью, сталъ увѣщевать его и сказалъ: и чего ты хотѣлъ? ничего неговорившій сначала сынъ, отвѣтилъ ему: хотѣлъ бы только того, чтобъ не было такихъ генералъ-губернаторовъ, какъ ты!

Пестель управлялъ Сибирью 14 лѣтъ и въ это время возвелъ предшествующую систему до крайняго развитія, опираясь на всѣ предъидущія уполномочія и вытребовавъ новыя. Онъ рѣшился начать свое управленіе не съ разоблаченія злоупотребленій, какъ его предшественники, а съ уничтоженія жалобъ и пресѣченія всякой возможности жаловаться. Туной и ограниченный по способностямъ, но злой и самолюбивый, онъ явился въ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы вмѣсто привѣтствія обществу объявить, что при назначеніи въ Сибирь его первой всеподданнѣйшей просьбой было ходатайство противъ ябедниковъ. Такимъ образомъ Пестель отнесся съ явнымъ недовѣріемъ къ обществу и объявилъ, что будетъ искать причины зла въ немъ. Въ помощники себѣ онъ избралъ почтамтскаго чиновника Трескина, котораго назначилъ губернаторомъ въ Иркутскъ, предоставивъ ему полную свободу и власть, каковую только могъ ему передать на основаніи своей всемогущей инструк-

цій. Трескинъ былъ знатокъ канцелярщины, по его служебныя способности не были выше полицейскаго чиновника; въ управленіи края онъ вовсе не годился. Иркутскіе сторожили иногда характеризуютъ его, какъ умнаго и дѣльнаго чиновника; такую оцѣнку внушали имъ вѣроятно та смѣлость или даже дерзость, съ какою онъ обдѣлывалъ свои дѣла; но эта смѣлость можетъ быть легко обьяснена не столько его геніальностью, сколько твердою увѣренностью, что петербургская рука, которая его защищаетъ, всесплыва.

Въ своемъ управленіи Трескинъ руководствовался единственно собственнымъ усмотрѣніемъ. Законовъ онъ не исполнялъ, на министерскія приказанія не обращалъ никакого вниманія; онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Губернію, говорятъ одниъ его современникъ, онъ считалъ своею вотчиной, а себя полно-властнымъ въ ней приказникомъ или управителемъ. Даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, каково достигъ трескинскій въ Иркутскѣ. 14-лѣтнее управленіе Пестеля и Трескина было ознаменовано крупными злоупотребленіями, которые выяснились потомъ, благодаря ревзійи Сперанскаго и собраннымъ выѣздамъ матеріаламъ. Взяточничество въ этотъ періодъ организовалось въ систему. Пресѣченіе всякой гласности, всякихъ жалобъ превратило его въ обыкновенный порядокъ. Жена и любимцы Трескина безчиствоваали открыто. Агнія Федоровна, жена Трескина, была «женица домовитая» «и весьма не строгихъ нравилъ». «Къ ней отиравался всякій, кто хотѣлъ давать», значится въ запискахъ современниковъ. Исправникъ, комиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Она называла чиновниковъ «своими дѣтьми». «Она раздавала мѣста, брала взятки подъ видомъ проигрыша въ карты или покупки мѣха, который продавался каждому просителю; сторгуются за пять, за шесть тысячъ, и деньги возьмутъ и мѣхъ увесутъ. Однѣмъ то мѣхъ разъ до 50 продавали». Въ гостинномъ дворѣ у губернаторши и ея подставнаго и лавочка была, гдѣ она продавала, что имъ надарять. Самаго Трескина современники также подозрѣвали, что «при заготовкахъ хлѣба въ казенные магазины онъ имѣлъ знатный доходъ». Сперанскій какъ будто бросаетъ подозрѣніе, что и у самаго Пестеля рыльце въ пуху. «Не вѣрите бѣдности моего предшественника», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

И вотъ, въ то время, какъ эта сибирская администрація разбоиничала такимъ образомъ и поправа законъ, Пестель обвинялъ передъ правительствомъ сибирское общество въ бунтъ и мятежъ, а лица, осмѣливавшіеся жаловаться на причиненныя имъ притѣсненія, выставялъ «вредными нарушителями общественнаго спокойствія». Онъ писалъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ: «какое мѣстное начальство можетъ установить порядокъ общественный тамъ, гдѣ развратъ и самовольство состязаются съ законными распоряженіями, гдѣ уже мѣри кроткихъ взысканій тщетно испытываемы и гдѣ дерзость укоренилась въ средоточіи общественномъ. Одни только примѣры неупустительнаго строжайшаго взысканія съ неповинующихся могутъ подать способы и надежду возстановить по времени колеблющее развратомъ спокойствіе, котораго желаютъ многіе, но которое теряется въ собственномъ ихъ расположеніи къ заблужденіямъ». Это писало то самое начальство, которое подало поводъ къ ревизіи Сперанскаго и которое заслужило бы жестокую кару, если бы Сперанскій не придалъ своей ревизіи мягкаго характера и если бы виновники злоупотребленій были отданы подъ судъ. Уже проѣзжая Томскъ, гдѣ безпорядки далеко уступали Иркутскимъ, Сперанскій, взвѣшивая ихъ настоящее значеніе, въ частномъ письмѣ говорилъ: «всѣхъ слѣдовало бы повѣсить».

Страна стонала отъ взятокъ, беззаконій, отсутствія правосудія и обременительныхъ повинностей, вызванныхъ Трескинскою принудительной поставкой хлѣба въ казну, на сѣверѣ начались голода, въ Туруханскомъ краѣ появились случаи людоедства; а Трескинъ постоянно представлялъ край въ самомъ цвѣтущемъ положеніи и ослѣплялъ глаза высшаго правительства бюрократическими отчетами, но которымъ все обстоило благополучно.

Трескинъ и Пестель нагло обманывали правительство, преслѣдуя, какъ мятежника, всякаго посягавшаго раскрыть хоть частицу зла. Людямъ честнымъ были заграждены уста; за малѣйшее оказательство независимаго духа человѣка преслѣдовали и ссылали въ пустыню.

Такъ, нѣкто Пѣтуховъ за то, что не хотѣлъ поступить противузаконно и не подписалъ рѣшенія уѣзднаго суда, составленнаго въ угоду Трескину, былъ сосланъ въ Туруханскъ, а потомъ въ Колу

и сошелъ съ ума отъ гоненія; купецъ Сибряковъ, рѣшившійся протестовать противъ самоволій Трескина, умеръ въ ссылкѣ; Куткинъ за проявленіе независимости умеръ подѣ арестомъ послѣ 13-лѣтняго заточенія. Чтобы темныя дѣла не довелись до Петербурга, были припаты мѣры; на мѣстѣ слѣдили за всѣмъ, что писалось изъ Сибири, письма перехватывались, гласность во всѣхъ видахъ преслѣдовалась. Трескинъ не могъ терпѣть, чтобы печатали что нибудь изъ Иркутска въ газетахъ, особенно о дѣлахъ на хлѣбъ, которыя онъ выставилъ посвоему. Населеніе было такъ забито и запугано, что когда Сперанскій объѣзжалъ Сибирь, съ своей ревизіей, крестьяне боялись открыто подавать прошенія и жалобы въ деревняхъ и городахъ и выбѣгали къ нему изъ лѣсовъ среди дороги, а когда онъ отдалъ приказъ арестовать исправника Лоскутова, одного изъ любимцевъ Трескина, то крестьяне испугались за участь самаго Сперанскаго. Вотъ до какой степени было искалчено населеніе этой полпцейской системой управленія.

Что можетъ написать объ этихъ временахъ Пестелевщины будущій сибирскій историкъ; какую исторію общества? Мы видимъ тутъ бичеваніе общества, преслѣдованіе его преувеличенными, ложными доносами, клеветой, а жизни самаго общества, общественной реакціи никакой. Есть нѣсколько страдальцевъ, въ родѣ Пѣтухова, Куткина и пр., но страдальцевъ безсознательныхъ. Они погибли по слѣпотѣ случая, а не потому, что рѣшились выступить на защиту общества и пожертвовать собою. Нѣтъ ничего такого, на чемъ можно было бы остановиться, какъ на началѣ возрожденія общества, какъ на явленіи, дающемъ надежду, что изъ него разовьются другіе порядки. Нѣтъ сословія или класса общества, на которое можно было бы возложить надежду, что въ немъ явится первое ядро сознательной мѣстной жизни, которое будетъ все болѣе и болѣе развиваться и усиливаться и станетъ опорой для людей въ борьбѣ противъ насилій, въ родѣ Пестелевскихъ. Классъ чиновниковъ очень зависимъ для этого, да притомъ и слабо прикрѣпленъ къ краю; классъ купцовъ болѣе не зависимъ, но и въ немъ замѣчается подвижность, неприкрѣпленность къ краю; богатѣйшіе купцы стремятся выселиться въ Москву или Петербургъ, оставивъ на мѣстѣ или одного изъ братьевъ или просто управляющаго. Ни объ одномъ изъ сибирскихъ богатей нельзя сказать, чтобы его жизнь и труды имѣли значеніе

для просвѣщенія края; есгь лица изъ сибирскаго купчества, которыя пожертвовали крупныя цифры съ этой цѣлью, но этииъ отпускомъ извѣстной суммы и ограничивается все ихъ сочувствіе дѣлу. Такого же лица, которое бы само трудилось надъ изученіемъ родины, сдѣлало бы своей кабинетъ собраніемъ матеріаловъ для познанія ея, собрало бы вокругъ себя сибирскихъ выдающихся дѣятелей, писателей, художниковъ, ученыхъ—такого лица Сибирь еще не можетъ указать между своими питомцами. Вообще, слой сибирскаго общества, стоящій выше крестьянскаго сословія, ниже по своему значенію для культуры и просвѣщенія края, чѣмъ соотвѣтствующій ему слой европейской Россіи; исторія того, какъ сибирскіе управители гнали и тиранили эту иѣстную интеллигенцію и какъ она пассивно страдала при этомъ, крайне печальна и въ состояніи навести полное униженіе на посторонняго зрителя, подобно тому, какъ ревизія Сперанскаго разстроила нервы у его помощника Цейера, пошатнула въ немъ вѣру въ людей и сдѣлала его меланхоликомъ. Сибирское общественное дѣло внушало бы однѣ безотрадныя мысли, если бы наблюдатель не находилъ нѣкотораго утѣшенія въ сибирскомъ крестьянствѣ, которое по своему здоровому духу выше крестьянства европейской Россіи, такъ какъ небыло испорчено вѣрностнымъ правомъ. Пестелевщина была прекращена ревизіей и реформой Сперанскаго. Теперь прошло полвѣка послѣ этой реформы и критика давно уже коснулась ея. Критика справедливо упрекаетъ эту реформу въ томъ, что она не создала другихъ условій для сибирской жизни; реформа Сперанскаго не дала краю такого учрежденія, при которомъ явилась бы возможность зародиться тому ядру умственной и сознательно-общественной дѣятельности, о которомъ мы выше сказали. Самъ Сперанскій понималъ это, какъ видно изъ его писемъ, но онъ ничего не могъ сдѣлать, потому что поперекъ его плановъ и мнѣній стоялъ Аракчеевъ. Послѣ реформы Сперанскаго, сибирское общество ни на шагъ не подвинулась изъ своего безнадежнаго положенія; ясное свидѣтельство этому—управленіе Восточной Сибири графомъ Муравьевымъ.

Дѣятельность покойнаго графа у насъ прославляется, какъ дѣятельность необыкновеннаго государственнаго человѣка. Графъ присоединилъ Амуръ, обратилъ крестьянъ приписанныхъ къ серебрянымъ нерчинскимъ заводамъ въ казаки, учредилъ отдѣлъ

географическаго общества въ Иркутскѣ, доставилъ средства нѣсколькимъ ученымъ экспедиціямъ и основалъ первую оффиціальную газету въ Сибири «Иркутскія губернскія вѣдомости». Относительно присоединенія Амура судить не беремся; что-же касается другихъ дѣяній графа Муравьева, то можно замѣтить слѣдующее: обращеніе крестьянъ изъ подзаводскихъ въ казаки—это не болѣе какъ переводъ людей изъ одного рода крѣпостничества въ другой; отдѣлы географическаго общества учреждали и такіе генераль-губернаторы, какъ Крижановскій; ученыя экспедиціи, поддержка губернскихъ вѣдомостей, все это средства употребляемыя и самыми заурядными администраторами для приданія блеска своему управленію. Въ отношеніяхъ же графа Муравьева къ сибирскому обществу мы видимъ старую рутину, т. е. тоже презрѣніе и гадливость къ нему, которое обнаруживалъ и Пестель. Заточеніе въ тюрьму и разореніе двухъ, трехъ мошенниковъ-эксплуаторовъ, положимъ, даже съ рискомъ отвѣтственности за превышеніе власти, выставляемое даже съ цѣлью отвѣтять, что генераль-губернаторъ былъ гроза эксплуататоровъ, въ сущности есть повтореніе Пестелевщины. Для современниковъ такое всесліе администратора производило эффектъ, а для дѣла пользы не выходило никакой; на мѣсто сбитыхъ эксплуататоровъ являлись новые, которымъ почту подготовилъ быть можетъ тотъ же графъ Муравьевъ.

Вмѣсто того, чтобы полскать въ краѣ здоровыхъ корней, дать имъ возможность отрости, создать для общества возможность пзнутри себя начать работу надъ перевоспитаніемъ, Муравьевъ относился къ нему съ недоувѣріемъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ его отзывы о несвоевременности, даже болѣе—о вредности вообще учрежденія сибирскаго университета; объ этомъ отзывѣ мы читали въ одной статьѣ о Сибири, помѣщенной въ 60-хъ годахъ въ «Библіотекѣ для чтенія». Отношенія графа Муравьева къ печати также не далеко ушли отъ трескинскихъ взглядовъ и не рисуютъ его великимъ государственнымъ человѣкомъ. Великій государственный умъ не сталъ бы прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, какія употреблялъ графъ Муравьевъ противъ враждебныхъ ему литераторовъ. Ошибки Амурскаго завоеванія и заселенія, какъ извѣство, вызвали рядъ смѣлыхъ разоблаченій декабриста, Д. Н. Завалишина, жившаго въ Читѣ. Въ угоду графу Муравьеву, услужливые чиновники Романовъ, Карповъ и Махеда написали возраженія

противъ статей Завалишина; конечно, это еще не компрометирувало генераль-губернатора; до сихъ поръ онъ борется тѣмъ же оружіемъ, что и противникъ; но графъ Муравьевъ на этомъ не остановился; онъ добился того, чтобы въ «Морскомъ Сборникѣ», куда отсылалъ свои статьи г. Завалишинъ, онъ болѣе не помещались, а напротивъ, что бы въ томъ же журналѣ было помещено опроверженіе, написанное, какъ послѣ оказалось, сильнымъ преступникомъ, который уже въ ссылкѣ еще разъ былъ наказанъ за составленіе фальшиваго документа за составленіе статьи въ «Морскомъ Сборникѣ» этотъ авторъ былъ награжденъ сдачей ему въ аренду казеннаго стекляннаго завода (см. «Русская Старина» 1881 г. октябрь стр. 408). Противъ самаго Завалишина графъ Амурскій также старался припять мѣри à la Трескина; онъ представлялъ высшему начальству, что климатъ Забайкальской области вреденъ Завалишину, а потому въ видѣ милости онъ ходатайствовалъ о переводѣ его въ обладающій болѣе благотвореннымъ климатомъ Минусинскій край; задняя же цѣль была разорить г. Завалишина, который имѣлъ около Читы большую, хорошо устроенную, многими годами доведенную до цвѣтущаго состоянія ферму. И даже эта примѣсь пропала напоминая Трескина, который пхлопоталъ ссылку Сибирякова изъ Иркутска въ Забайкалье подъ предлогомъ, что онъ тамъ будетъ ближе къ мѣстамъ своихъ промысловъ. А въ то время, какъ на Завалишина было воздвигнуто гоненіе съ цѣлью загражденія усть, въ официальныхъ отчетахъ и донесеніяхъ объ Амурскихъ дѣлахъ все дѣло было представляемо въ ложномъ розовомъ свѣтѣ. Сколько въ этомъ представленіи было дутой неправды и извращения фактовъ можно видѣть изъ статьи Завалишина «Амурское дѣло», помещенной въ Русской Старинѣ 1881 г. въ сентябрьской книгѣ.

Управленіе и политика графа Амурскаго еще разъ доказали, что единственное средство для правительства отдѣлаться отъ этихъ постоянныхъ обмаловъ, отъ изображеній сибирской администраціей своей дѣятельности въ безукоризненномъ видѣ и отъ возбужденій недовѣрія правительства къ сибирскому обществу—призвать послѣднее къ самостоятельности, даровавъ ему тѣ же учрежденія, какими пользуется уже европейская Россія.

Фактъ, что въ сибирскомъ обществѣ бывали и есть эксплуататоры, захватывавшіе въ свои руки цѣлыя края и подкупавшіе

чпювниковъ, отрпцать пельзя: проложивъ себѣ дорожку къ тадамъ Боюе или другому подобному лицу, правой рукеѣ главнаго начальника края, иногда и мужскаго пола, или держа открытый столъ для всей высшей администраціи края, или породнившись съ самымъ вліятельнымъ чпювникомъ изъ генераль-губернаторской свиты, эти люди умѣютъ сдѣлаться господами въ краѣ и даже вліять на мѣстное начальство въ видахъ своей личной пользы. Но нѣтъ семьи безъ урода; притомъ явленіе это должно быть вѣнено въ вину не столько самому сибирскому обществу по существу, сколько формамъ его управленія. Дѣйствіе страхомъ тутъ не поможетъ; припрѣтомъ можетъ служить все тотъ же графъ Муравьевъ и его преемники: они преслѣдовали эксплуататоровъ, а теперь на мѣсто старыхъ повидному есть уже новые, на что указываютъ корреспонденціи изъ Сибири.

Жаль, что изложеніе исторіи администраціи въ Сибири въ книгѣ г. Ядринцева остановилось на реформѣ Сперанскаго. Позднѣйшая исторія внесла бы въ его книгу еще нѣсколько интересныхъ страницъ, которыя способны были бы еще болѣе убѣдить въ необходимости пересмотра сибирскаго уложенія и привлеченія сибирскаго общества къ заботамъ о своихъ нуждахъ и къ управленію своими дѣлами.

Л.

БИБЛОГРАФІЯ.

Исторія европейской философіи Альфреда Вебера. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора А. А. Козлова. Кіевъ. 1882.

Потребность выработать себѣ цѣлостное міросозерцаніе всегда присуща мыслящей личности. Эта потребность не можетъ удовлетвориться обобщеніями и гипотезами одной какой-нибудь науки. Насытить ее въ состояніи лишь обобщеніе всѣхъ отдѣльныхъ наукъ и сведеніе во одно области мысли и жизни, науки и практической дѣятельности. Всѣ мы, невзирая на различіе въ развитіи и убѣжденіяхъ, стремимся выработать себѣ такое объединяющее міросозерцаніе — сознательно или безсознательно — все равно. И съ этой точки зрѣнія всѣ мы — философы, ибо насытить эту потребность можетъ только такое всеобнимающее міросозерцаніе, о которомъ мы говорили. Философія — это и есть наука, имѣющая своею цѣлью созданіе самыхъ широкихъ обобщеній, насыщающихъ жажду человѣческой мысли и осмысливающихъ практическую дѣятельность.

Однако, здѣсь мыслящему человѣку непремѣнно должно прийти въ голову, что удовлетвориться какой бы то ни было философской системой нельзя. Только ту философскую систему вы удостоите названія истинной философіи, которая не будетъ противорѣчить вашему критерию истинности, т. е. критерию согласія съ извѣстными вамъ данными, полученными каждой изъ отдѣльныхъ наукъ, которыя трактуютъ о природѣ и человѣкѣ. Разумѣется, по степени вашего научнаго развитія, вы будете болѣе или менѣе

требовательны при оцѣнкѣ любой философской системы, но къ тому мы и клонимъ именно нашу рѣчь. Чѣмъ болѣе человѣку известны точныя обобщенія современной науки, тѣмъ большія требованія предъявить онъ данной системѣ.

Читатель можетъ уже изъ сказаннаго выяснитъ себѣ нашъ взглядъ на философію. Философія — вещь хорошая, мало того — непзбѣжная. Но прежде всего она должна удовлетворять субъекта. А такъ какъ субъектъ субъекту розъ, и мыслящая личность со всѣми ея требованіями разбивается на почвѣ историческаго движенія человѣчества, то отсюда слѣдуетъ, что любая философская система должна непременно удовлетворять научному критерию данной эпохи и не противорѣчить положеніямъ каждой изъ отдѣльныхъ наукъ: она должна быть научной гипотезой, сводящей воедино всѣ обобщенія мысли и жизни.

Вотъ съ точки зрѣнія историческаго научнаго критерія и интересно подходитъ къ продуктамъ философскаго мышленія. Пока-то г. философу удастся убѣдить слушателей, что его система есть формулировка абсолютной истины; пока-то онъ онъ докажетъ, что «если абсолютная достовѣрность относительно первыхъ причинъ вселенной и невозможна», — за то онъ, философъ, обладаетъ относительно этихъ причинъ «достоверностью, равносильной на практикѣ достовѣрности абсолютной» (Веберъ, Ист. Евр. Философіи, стр. 405), — должны же мы рѣшить, насколько научна его философская система и насколько она что-нибудь объясняетъ.

Полагаемъ, что читатель, подошедшій съ такими требованіями къ «Исторіи философіи» Вебера, не удовлетворится симъ твореніемъ «общей метафизики» и «конкретнаго спиритуализма», какъ атестуетъ свое направленіе почтенный авторъ. Объ этомъ, впрочемъ, рѣчь будетъ скоро, а теперь — нѣсколько словъ о мелочахъ, несомнѣнно пущихъ, какъ увидитъ читатель, къ дѣлу. Въ предисловіи къ переводу туземный нашъ философъ, г. А. А. Козловъ, попытался опредѣлить значеніе веберовскаго сочиненія. Соболезнуя о томъ, что русская публика и знать ничего не хочетъ о философіи, ибо напиталась отрицаніемъ и одностороннимъ пониманіемъ этой науки изъ сочиненія Льюиса, г. Козловъ надѣется поправить эту бѣду преподнесеніемъ нашей публикѣ творенія Вебера. Послѣдній, по словамъ г. Козлова, нисколько не уступаетъ Льюису въ мастерствѣ и популярности изложенія, но пре-

восходить его по «своему истинно-философскому духу». Понятно, что интерес веберовскаго труда заключается не только въ изложеніи различныхъ философскихъ системъ, сколько въ этомъ самомъ авторскомъ «духѣ», — и вотъ объ немъ-то намъ и хотѣлось поговорить съ читателемъ. Въ особенности годны для распознаванія этого духа нѣкоторыя страницы предисловія Вебера (стр. V—IX) къ своему труду и заключенія (стр. 402—409).

Краеугольный камень веберовской системы мірозданія составляетъ «верховное и первое начало», «причина вещей». Эта верховная причина заключается въ существованіи «абсолютнаго добра», «творческой энергіи къ добру». Само собою разумѣется, что это начало нельзя ни видѣть, ни осязать, ни замѣтить: на то оно и абсолютъ. Но такъ какъ правовѣрные слушатели могли бы и усомниться въ существованіи такой силы, которая ни въ чемъ не проявляется, то г. Веберъ обязательно сообщаетъ намъ, что это «добро реализуется только живыми существами» (пред. стр. VIII). Отсюда и названіе: «конкретный спиритуализмъ». Дѣйствительно, во первыхъ это абсолютное начало есть верховное начало на-рящей надъ міромъ матеріи, или, какъ выражается г. Веберъ, «существуетъ реальность, стоящая выше атомовъ, игра которыхъ образуетъ всеобщую жизнь; это — добро, справедливость, долгъ, идеаль» (ibid., стр. V). Очевидно, эта реальность — идеальная; эта реальность — духовное спиритуалистическое начало. А во-вторыхъ, это верховное начало, стоящее превыше атомовъ, въ то же время не существуетъ внѣ этого матеріальнаго міра, но воплощается и проявляется въ немъ, въ конкретныхъ его явленіяхъ и существахъ. Оно «есть сама суть вещей, жизнь нашей жизни» (ibid.). Потому-то оно неразрывно связано съ самими вещами и можетъ быть развѣдннено только ножемъ абстракціи. Стало быть, «суть вещей» не только спиритуальна, но и конкретна, т. е. выражается въ конкретномъ мірѣ дѣйствительности.

Разумѣется, мы слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность за «конкретный спиритуализмъ», ибо старались лишь представить его читателю насколько возможно яснѣе. Но, признаемся, сами мы не можемъ понять, какимъ образомъ человекъ, претендующій на созданіе философской системы, не замѣчаетъ противорѣчій въ этой системѣ, замазываемаго лишь пустой эквилибристичекой понятій. Прежде всего является вопросъ, какимъ образомъ «сама суть вещей»,

стоящая выше атомовъ, можетъ проявляться только въ этихъ атомахъ, только въ конкретныхъ явленіяхъ и, замѣтите, составлять даже нѣчто имъ присущее и нивъ какомъ разѣ не отдѣлимое? Если «верховная причина» всегда проявляется лишь въ конкретныхъ явленіяхъ, если она никогда не можетъ быть отдѣлена отъ нихъ, то откуда же намъ убѣдиться въ томъ, что она дѣйствительно существуетъ? Вѣдь я не вижу ни въ одинъ моментъ бытія этой «причины причинъ», а вижу лишь одни конкретныя явленія, производящія на меня опредѣленное впечатлѣніе...

— Но, говорятъ г. Веберъ, это «начало» можетъ быть отдѣлено отъ своихъ формъ проявленія путемъ абстракціи.

Прекрасно; но вѣдь что новаго даетъ мнѣ эта абстракція? Я уже сказалъ, что исходя изъ положеній Вебера, я ничего не вижу кругомъ себя, кромѣ опредѣленныхъ конкретныхъ явленій. Положимъ, я даже принимаю гипотезу г. Вебера о томъ, что субстанцію этихъ явленій составляетъ «причина причинъ»: скажите же мнѣ на милость, чѣмъ я обогатилъ свою голову, принявши эту гипотезу? Ровно ничѣмъ. Когда я принимаю научную гипотезу, — эфпра, что ли, или атомовъ, — я знаю, что это лишь гипотеза, но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаюсь, что эта гипотеза объединяетъ и объясняетъ цѣлую массу явленій, которыя иначе остались бы непонятными. Но вотъ я принимаю гипотезу г. Вебера, мало того, соглашаюсь признать ее за «абсолютную истину», что же въ результатѣ я получилъ? Ровно ничего. Прежде я зналъ, что существуютъ конкретныя явленія, прежде я наблюдалъ опредѣленный процессъ совершенія явленій. Теперь я знаю сверхъ того, что выше ихъ и въ то же время въ нихъ самихъ сидитъ «начало началъ», котораго я прежде не видалъ, да и теперь не вижу. Характеръ явленій остался тотъ же, пониманіе ихъ мною — тоже, а «начало началъ» смиренно посиживаетъ внутри этихъ явленій. Стало быть, я только создалъ пустую фикцію, ничего не уясняющую и неизвѣстно для чего существующую.

Пусть здѣсь читатель замѣтитъ, что мы ведемъ рѣчь о философскомъ «началѣ началъ», а не о религіозномъ представленіи о Богѣ. Еслибы дѣло шло о такомъ представленіи, мы не имѣли бы права анализировать его; тутъ пушно видѣть, а не аргументировать: *credo, quia absurdum est*, «вѣрю, потому что нелѣпо», какъ утверждалъ св. Тертуліанъ (см. о немъ Вебера, стр. 128). Но

вѣдь гг. философы метафизическаго пошпа говорятъ, что ихъ системы основаны на знаніи, а не на вѣрѣ, на доказательствахъ, а не на откровеніи свыше. Позволительно потому отнестись къ нимъ иначе, чѣмъ къ пророкамъ. Между тѣмъ, всматриваясь въ систему «общей метафизики» или «конкретнаго спиритуализма», не трудно видѣть, что г. Веберъ во многихъ мѣстахъ переходитъ на точку зрѣнія вѣры, а не научной убѣдительности.

Въ особенности эта черта выступаетъ наружу въ «заключеніи» его труда, — тамъ, гдѣ онъ, проведши читателя чрезъ исторію развитія философскихъ ученій, хочетъ въ довершеніе всего своего труда вновь выяснитъ характеръ и главнѣйшія положенія своей системы. Тутъ авторъ, пытаясь опредѣлить «начало началъ», «бытіе», отрываятъ читателю, что первичное бытіе есть «синтезъ Мощи и Идей, творческой Силы и Логоса, устроителя вещей» (стр. 404). Въ противоположность матеріализму и даже «одностороннему идеализму», авторъ создаетъ ученіе, представляющее собою синтезъ упомянутыхъ двухъ направленій: такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ онъ. Суть новаго направленія заключается въ томъ, что оно «видитъ въ силѣ и идеѣ начала нераздѣльными, но отличными, — отличными, но нераздѣльными». Соединеніе этихъ двухъ началъ и вызываетъ «твореніе, прогрессъ, исторію», а сами эти начала «существуютъ отъ вѣка» (*ibid.*). Они составляютъ «элементы одного абсолютнаго существа», того добра, о которомъ авторъ говорилъ намъ въ предисловіи. А такъ какъ это существо можетъ проявляться только въ конкретныхъ, то мѣръ вѣченъ и не имѣлъ начала: иначе до «творенія» конкретовъ абсолютному существу пришлось бы не существовать, чего быть не могло, ибо оно вѣчно.

Откуда получился всѣ эти абстракціи и что они собой объясняютъ? Твореніе отъ вѣчности одинаково не понятно. какъ и существованіе отъ вѣчности матеріи, — разъ мы стоимъ на доказательной точкѣ зрѣнія. Другое дѣло — вѣрять, но тогда гораздо понятнѣе идея іудейско-христіанскаго Бога, стоящаго внѣ міра и сотворившаго его всего лишь 7000 лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ.

Вообще же философская система Вебера съ теоретической стороны представляетъ собой попытку метафизическаго антропоморфизма. Она падѣляетъ отвлеченныя понятія человѣческими

свойствами «силы», «разумности», она напильиваетъ на природу телесологическое понятіе «добра» и занимается вопросами о сущности, которая есть ничто иное, какъ обобщеніе явленій дѣятельности. Съ практической же, вѣрнѣе, съ этической точки зрѣнія, философія Вебера даетъ слушателямъ изумительно-повый рецентъ практической дѣятельности, приглашая людей заняться «моральнымъ исправленіемъ». Очень ново: нѣскольکو тысячелѣтій проповѣдуется уже это моральное исправленіе!

Между тѣмъ, система «конкретнаго спиритуализма» помѣшала Веберу различать важныя историческія явленія въ области развитія философіи отъ второстепенныхъ и заставила его удѣлять свое вниманіе преимущественно на изображеніе идеалистическихъ системъ; ограничиваясь немногими словами по отношенію къ системамъ противоположнаго характера, авторъ посвятилъ, напр., около 50 страницъ Аристотелю и Платону, восторгаясь при этомъ тѣмъ, что Аристотель, какъ и самъ авторъ, «открыто развиваетъ свое ученіе въ смыслѣ конкретнаго спиритуализма» (стр. 69) и написалъ лишь двѣ страницей (284—286) о «французскихъ матеріалистахъ», т. е. иначе говоря, о наиболѣе крупныхъ представителяхъ матеріализма XVIII вѣка. Между тѣмъ очеркъ французскаго матеріализма долженъ былъ явиться очень поучительнымъ даже и съ точки зрѣнія спиритуализма. Во Франціи въ эту эпоху,—удачно замѣчаетъ Ланге въ своей «Исторіи Матеріализма», — «сочетался въ области мысли англійскій матеріализмъ съ французскимъ скептицизмомъ, и продуктомъ этого сочетанія было радикальное осужденіе христіанства и церкви, которое со временъ Ньютона и Бойля счастливо отдѣлалась въ Англіи лишь механическимъ возрѣніемъ на природу. Странно и все же вполне понятно, что именно философія Ньютона должна была служить во Франціи завершенію атеизма, между тѣмъ какъ она именно и вводилась сюда съ увѣреніемъ, что она менѣе вредна религіи, чѣмъ картезианизмъ!» (Lange, Geschichte des Materialismus, Zweite Auflage. 1873 Iserlohn. Erstes Buch, стр. 301).

Равнымъ образомъ Веберъ посвятилъ сотню страницъ и нѣмцамъ идеологамъ, отъ Канта до Гегеля включительно, удѣливъ десятокъ страницъ Шопенгауэру, но ограничился лишь тремя страницами, переходя къ опѣнкѣ Канта и позитивизма, и двумя, говоря о германскомъ матеріализмѣ. Конечно, человеку, вообразив-

шему, что онъ постигъ «сущность» вещей, человѣку, приглашающему философію сдѣлаться «метафизикой вселенной, или ничѣмъ». очень неприятно излагать воззрѣнія Огюста Конта на метафизику и сущность вещей; жертвецу, еслибъ онъ могъ чувствовать, крайне неприятно было бы слушать панпихду по себѣ. Но вѣдь вотъ вопросъ: много-ли пользы приобрѣтетъ читатель, котораго приглашаютъ штудировать философію по Веберу и которому прославляютъ «истинно-философскій духъ» послѣдняго. Такой односторонностью, которая исключаетъ добросовѣстное изложеніе мнѣній своихъ противниковъ, никогда не отличался Льюисъ, обвиняемый г. Козловымъ въ односторонности, но за то въ ней повиненъ метафизикъ Веберъ, и отъ этого упрека его не спасетъ мѣстами дѣйствительно хорошее изложеніе. Последнее, впрочемъ, объясняется въ значительной степени тѣмъ, что Веберъ, какъ страсбургскій уроженецъ, пишетъ на французскомъ, а не на нѣмецкомъ языкѣ.

Гербертъ Спенсеръ. Развитіе политическихъ учреждений.
Изданіе журнала «Мысль». Спб. 1882 г.

Въ основѣ социальныхъ явленій, а слѣдовательно и политическихъ учреждений, лежитъ личность человѣка со всѣми ея свойствами и способностями. Нечего удивляться поэтому, что на первыхъ же ступеняхъ развитія политическихъ учреждений мы встрѣчаемъ полное разнообразіе,—оно соотвѣтствуетъ тому разнообразію въ характерѣ, которое замѣчается даже у первобытныхъ племенъ.

Папуанцы, напримѣръ,—народъ кроткій, мирный, добросердечный, неспособный къ военной дѣятельности; «ихъ нетерпимость къ власти совершенно исключаетъ ту организацію, которая могла бы приспособить ихъ защищать свою землю отъ завладѣнія». Бодо и димолы—чужды какаго бы то ни было насилія противъ своего народа или своихъ сосѣдей, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ мрачнымъ упорствомъ сопротивляются всякому насилію. О родственникахъ имъ лехасахъ говорятъ, какъ о «совершенно очаровательномъ народѣ», любезномъ, мирномъ, добромъ; но они скорѣе вынесутъ огромныя лишеныя, чѣмъ подчинятся гнету или несправедливости; такъ они предпочитаютъ скрываться въ лѣсныхъ чащахъ и жить дикой пищей, лишь бы не подвергаться несправедливостямъ или жестокому обращенію. Мирные и безобидные сантолы сражаются съ неуго-

ивною храбростью, если это необходимо для сопротивленія посягательству на нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ по существу своему они не способны къ падаенію. У племенъ съ подобнымъ характеромъ политическія учрежденія совершенно неразвиты; такъ гренландцы не имѣютъ политическаго контроля; илчто, говоритъ одинъ путешественникъ, съ большимъ успѣхомъ не удерживаетъ гренландца отъ порока, какъ страхъ публичнаго позора.

Къ несчастью, существуютъ и существовали племена съ противоположнымъ характеромъ. Характеръ фиджійцевъ, на примѣръ, отличается глубокой злостью и мстительностью. Ложь, предательство, воровство и убійство вовсе не считаются у нихъ преступными дѣйствіями, а наоборотъ—признаются почетными; дѣтоубійство практикуется въ широкихъ размѣрахъ; удавленіе больныхъ вещь самая обыкновенная; иногда они рѣжутъ на куски совершенно еще живыя человѣческія жертвы, собираясь ихъ ѣсть. Дагомеяцы—жестоки, кровожадны, лживы и хитры, лишены симпатическихъ чувствъ и признательности даже относительно членовъ своего собственнаго семейства. Понятно, что среди подобныхъ племенъ немислными были тѣ порядки, основой которыхъ было уваженіе къ общественному мнѣнію и мирные инстинкты племени. У фиджійцевъ и у дагомеяцевъ мы встрѣчаемъ политическія учрежденія въ сильно развитомъ видѣ.

Характеръ племени—внутренняя причина развитія политическихъ учрежденій; но есть и другой внѣшній факторъ, побуждающій къ дальнѣйшему развитію политическихъ учрежденій, это—междуплеменная вражда. Нападенія хищныхъ племенъ заставляютъ даже самыя мирныя и независимыя племена организоваться по военному типу, лишь бы отстоять свою племенную независимость. Связь маленькихъ ордъ первобытныхъ людей возникла во время соединеннаго противодѣйствія непріятелямъ. Подвергаясь общей опасности и соединяясь для встрѣчи этой опасности, они привыкаютъ къ существованію политическихъ учрежденій, которыя возникали во время коопераціи для военныхъ цѣлей. Разсѣянныя греческія общины, соединившіяся первоначально во время небольшихъ войнъ въ небольшіе союзы, были вынуждены нашептвіемъ Ксеркса къ обще-эллинскому союзу; этимъ путемъ образовались спартапскій и афинскій союзы, а потомъ и гегемонія то афинявъ, то спартапцевъ.

Войны, побуждая къ установленію политическихъ учреждений, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ раздѣленію общества на классы. Тамъ, гдѣ живы идетъ неизмѣнно мирно, говоритъ Спенсеръ, опредѣленныхъ раздѣленій на классы не существуетъ. Только съ установленіемъ рабства—прямаго продукта войны—начинается та политическая дифференція, которая продолжаетъ идти съвозъ всѣ болѣе высокія формы соціальнаго развитія. Многие думаютъ, что рабство есть, такъ сказать, шагъ къ улучшенію, такъ какъ оно будто бы замѣнило убійство плѣнныхъ. Мы утверждаемъ, что на дѣлѣ изобрѣтеніе подобнаго учрежденія было губительно для человѣчества,—войны усилились чрезвычайно, они стали вестись именно для добычи рабовъ, какъ самаго цѣннаго имущества. Безъ этого учрежденія не было бы пролито столько крови, сколько оно само вызвало; рабство не уменьшило количества убитыхъ, а увеличило; можно было воевать съ самыми бѣдными племенами просто ради добычи рабовъ. Увеличивъ количество проливаемой крови, рабство вмѣстѣ съ тѣмъ внесло элементы разложенія въ общество, вліяніе которыхъ мы ощущаемъ, въ видѣ разныхъ социальныхъ недуговъ, даже въ наше время.

Обыкновенно полагаютъ, говоритъ Спенсеръ, что крѣпостное состояніе происходитъ изъ ослабленія рабства; на самомъ дѣлѣ это не такъ. До тѣхъ поръ, пока враждебныя племена во взаимной борьбѣ за существованіе берутъ въ плѣнъ отдѣльныхъ членовъ,—они образуютъ у себя классъ абсолютныхъ рабовъ. Образование же класса крѣпостныхъ людей происходитъ только тогда, когда завоевываются и присоединяются цѣлыя области.

Политическія учреждения способствуютъ увеличенію благосостоянія членовъ общества, устраняя тѣ препятствія для коопераціи, которыя возникаютъ изъ антагонизма личностей и племенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они необходимо влекутъ за собою невыгоды, и совершенно возможно, говоритъ Спенсеръ, что эти невыгоды превосходятъ выгоды. Такъ, контролирующіе органы требуютъ себѣ содержанія и налагаемыя ими тяжести имѣютъ способность развиваться; несчастія, производимыя налогами и тираніей, могутъ сдѣлаться тяжелѣе всѣхъ предшествующихъ золъ. Вотъ что было у племенъ подвластныхъ Римской имперіи: «Они менѣе боялись враговъ, чѣмъ сборщиковъ податей: совершенно справедливо, что они бѣжали къ первымъ, чтобы скрыться отъ послѣднихъ. Отсюда

«однодушный предметъ желаній римскаго населенія, это — жить съ варварами». Путешествіе по Нилу доказываетъ каждому наблюдателю, говоритъ Спенсеръ, что народу лучше тамъ, гдѣ онъ отдаленъ отъ центра управленія, — гдѣ административные агенты не могутъ такъ легко настигать его. Какъ извѣстно, тоже самое явленіе замѣчено и у насъ.

На этомъ основаніи Спенсеръ настаиваетъ, что политическая организація никакъ не должна быть усиливается далѣе того, что необходимо нужно для правильнаго веденія общественныхъ дѣйствій. Онъ упрекаетъ германскихъ социалистовъ въ томъ, что они хотятъ чрезмѣрно усилить власть политической организаціи, передавъ въ ея руки контроль надъ экономической жизнью народа. Еслибы Спенсеръ отличалъ вмѣшательство въ экономическую жизнь народа политической организаціи отъ общественнаго вмѣшательства, то съ нимъ нельзя бы было не согласиться; но онъ настаиваетъ на вмѣшательствѣ въ жизнь личности вообще, что, какъ извѣстно, ведетъ за собою всеобщую экономическую войну, губельную для большинства личностей. Если была необходима политическая организація для устраненія препятствій, вытекающихъ изъ антагонизма личностей и племенъ, то теперь также необходима экономическая организація для устраненія того экономического безпорядка, который грозитъ бѣдствіями еще болѣе тягостными, нежели были тѣ, устраненіе которыхъ было достигнуто установленіемъ политической организаціи. Учрежденіе правильной экономической организаціи можетъ вылиться въ такую форму, при которой не могло бы быть и рѣчи объ усиленіи политической организаціи, а скорѣе наоборотъ.

Къ переводу книги Спенсера въ видѣ предисловія приложена статья Л. Оболенскаго «Субъективный и объективный методы въ социологін и ихъ относительное значеніе», въ которой авторъ доказываетъ необходимость руководствоваться обоними методами, не предпочитая ни одинъ изъ нихъ. Кромѣ того, въ книгѣ мы находимъ изложеніе предъидущаго труда Спенсера, въ приложенной статьѣ, «Обрядовныя учрежденія».

Л. К. Поповъ. Жизнь какъ движеніе. Спб. 1882 г.

«Необходимо помнить, говоритъ г. Поповъ, что мы можемъ мыслить и понимать природу только въ движеніи, такъ какъ природа дѣйствуетъ на насъ только своимъ движеніемъ. Всѣ разно-

образныя, многочисленныя впечатлѣнія. воспринимаемыя нами пѣзъ окружающаго космоса, порождаемыя физическими, химическими, или другими какими явленіями, всѣ они воспринимаются нашими чувствами только въ той или другой формѣ движенія. Стало быть, только изъ этихъ элементовъ складывается весь нашъ опытъ, все наше знаніе, и вотъ поэтому именно мы не можемъ познать природу иначе, какъ въ движеніи; поэтому также объяснить явленія можно только движеніемъ, а всякое иное объясненіе, основанное на механическомъ принципѣ, всегда было, есть и будетъ тщетнымъ, всегда было и есть будетъ ошибочнымъ». Мы должны сознаться, что намъ очень странно выслушивать подобную теорію познания отъ г. Попова, который своей книжкой доказалъ, что владѣть недюжинными познаніями и идти, такъ сказать, въ уровень съ вѣкомъ. По нашему мнѣнію, въ настоящее время немисливо утверждать, будто мы воспринимаемъ міръ явленій только въ формѣ движенія. Всякій, сколько-нибудь задумывавшійся надъ подобнымъ вопросомъ, необходимо долженъ рѣшить его какъ разъ наоборотъ: міръ явленій мы знаемъ только въ субъективной формѣ воспріятій, ощущеній, представленій и кромѣ ихъ ничего не знаемъ. Правда, мы вполне логично умозаключаемъ, что разъ мы что-нибудь воспринимаемъ, то значитъ въ нашу субъективность было извнѣ внесено что-то, чего въ ней самой не было. Отсюда мы заключаемъ о существованіи объективнаго міра, космоса. Но міръ этотъ мы знаемъ чрезъ узенькое окошко собственныхъ воспріятій и ощущеній, а отиудъ не въ формѣ движеній. Если мы, путемъ научныхъ изслѣдованій, убѣждаемся, что объективный міръ есть только цѣлый рядъ разнообразныхъ движеній, то вѣдь это наши теоріи, а не показанія нашихъ чувствъ. Чувство не говоритъ намъ, что теплота, свѣтъ, электричество есть движеніе, напротивъ, оно воспринимаетъ ихъ только какъ теплоту, свѣтъ и электричество. На какомъ же основаніи г. Поповъ утверждаетъ, будто бы космосъ мы воспринимаемъ въ формѣ движенія? Подобнаго воспріятія никогда не было, нѣтъ и не будетъ. Вѣдь только благодаря тому обстоятельству, что мы, собственно говоря, знаемъ только свои ощущенія, и появлялись на свѣтъ изрѣченія, въ родѣ того, которое принадлежитъ Шопенгауэру: «Кромѣ воли и представленія намъ ничего неизвѣстно, даже немисливо». Подобнаго рода теоретика также

односторонни, какъ и защитники механической теоріи. Одни игнорируютъ объективную сторону міра, утверждая, что кромѣ субъекта все остальное есть лишь его представленіе; другіе игнорируютъ субъектъ и превращаютъ міръ въ нѣчто, основанное на механическомъ принципѣ, не замѣчая, что сознание субъекта, его способность къ чувствованію, ощущенію никакъ не можетъ быть сведена на терминъ движенія. Поэтому поводу Спенсеръ въ «Основаніяхъ психологіи» говоритъ, «что единица чувствованія не имѣетъ ничего общаго съ единицею движенія становится болѣе чѣмъ очевиднымъ, какъ только мы поставимъ эти двѣ единицы рядомъ другъ съ другомъ». Ланге въ своей «Исторіи Матеріализма» задаетъ вопросъ о мѣстѣ ощущеній и вообще сознательныхъ процессовъ: «Находятся ли они въ соединеніи атомовъ? Въ такомъ случаѣ они находятся въ абстрактѣ, т. е. объективно—нигдѣ. Находятся ли они въ движеніи? Это было бы тоже самое. Можно принять только самодвигающійся атомъ за мѣсто ощущенія». Ланге, слѣдовательно, подобно большинству философовъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, считаетъ невозможнымъ сводить ощущеніе, сознание, чувствованіе на движеніе,— это нѣчто само воспринимающее движеніе въ субъективной формѣ ощущенія, субъективная сторона бытія вообще. «Непзвѣстно, говоритъ Ланге, имѣетъ ли матерія сама въ себѣ способность чувствовать, или она получаетъ эту способность только въ формѣ организма, но и въ этомъ случаѣ ощущеніе, какъ и движеніе, должно принадлежать всей матеріи, по крайней мѣрѣ—въ возможности. Такъ думали древніе, философія которыхъ вообще предпочитается всѣми способными судить людьми несовершеннымъ попыткамъ повѣйшихъ мыслителей». Въ послѣднее время, философы пришли къ тому выводу, что матерія и свойства ея движенія не могутъ объяснить намъ всѣхъ явленій природы, такъ какъ сознание не можетъ быть никакимъ образомъ объяснено путемъ этихъ двухъ понятій. Для этого необходимо признать за матеріей не только способность движенія, но и чувствованія, разумѣется, въ самомъ первичномъ его видѣ, которое очень и очень отдалено отъ нашего человѣческаго сознания.

Г. Поповъ, утверждая, что жизнь есть только движеніе, упускаетъ изъ виду невозможность одну изъ частей жизни—сознание—свести на движеніе, но если бы онъ сдѣлалъ оговорку, что

говорить только о объективномъ процессѣ жизни то съ нимъ нельзя было бы не согласиться. Тогда онъ былъ бы правъ, говоря, что «жизнь по природѣ своей, по своему происхожденію и по своимъ проявленіямъ — механична; она начинается и кончается движеніемъ. Основной механической принципъ составляетъ такую же альфу и омегу для біологій, какъ и для всякой науки вообще».

Указывая на нѣкоторую односторонность нашего автора въ области высшихъ философскихъ обобщеній, мы все-таки должны указать, что его трудъ обращаетъ на себя вниманіе людей, интересующихся біологіей. Изъ книги г. Попова можно видѣть, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время вопросъ о «жизни», какъ основа біологій. Нѣкоторыя изъ главъ его труда, мы увѣрены, прочтутся съ большимъ интересомъ; такъ, напримѣръ, глава — «Возможно-ли самозарожденіе?» очень картинно рисуетъ намъ борьбу двухъ направленій въ біологіи, ихъ перемежающееся счастье наконецъ, побѣду того, которое казалось было разбиваемо на всякомъ шагу, т. е. побѣду направленія, признающаго самозарожденіе.

Внутренне обозрѣніе.

(Антихристь и антихристовъ печать).

Не такъ давно, въ одной изъ провинціальныхъ газетъ *) былъ разсказанъ весьма характерный для нашего времени эпизодъ появленія антихриста. Пришествіе антихриста—это одно изъ тѣхъ нескоренныхъ ожиданій народныхъ массъ, которыя, подобно ожиданію безденежнаго пользованія землями, лѣсами и водами,—периодически облекаютъ то или другое, чѣмъ нибудь надъ общимъ уровнемъ жизни выдающееся лицо, признаками соответствующими этимъ нескореннымъ народнымъ ожиданіямъ. Разсказываютъ, что покойный генералъ Скобелевъ уже являлся рязанскимъ мужикомъ, почему-то облекающимъ его имя самыми розовыми надеждами. Замѣчательно, что люди, облеченыя подобно Скобелеву народнымъ довѣріемъ, и притомъ вполне несомнѣннымъ, обыкновенно (или можетъ быть только «по нынѣшнимъ временамъ?») «являясь» народу «всегда послѣ своей смерти» и очевидно радуя его этимъ появленіемъ, никогда почти ничего опредѣленнаго по части надеждъ народныхъ не говорятъ, ничего не общають, а только шопотомъ скажутъ: «ну,—молчи!» или «помалчивай ребята»—и тотчасъ скрываются либо въ лѣсъ, либо въ пещеру какую нибудь. Скобелевъ встрѣтился мужикамъ въ лѣсу,—и тоже ничего не сказалъ кромѣ «молчи...» и скрылся... Даже такой испытанный въ доблестяхъ человекъ, какъ Степанъ Тимофѣевичъ Разинъ, который и до сихъ

*) «Смоленскій Вѣстникъ».

поръ иногда выѣзаетъ изъ трещинъ въ Жигулевскія горы, — тоже, сколько помнится, — ничего новаго народу не объявлялъ, а говорилъ обыкновенно: — «ну, ребята, молчите...» и прибавлялъ иногда: «Смотрите, ребята, — никому не сказывайте...» И ребята никому не сказываютъ — «держуть слово его крѣико».

Но «помалчивай», «молчи», «никому не сказывай», — все это возвѣщаемое героями, облеченными народнымъ довѣріемъ, десятки и сотни лѣтъ, и возвѣщаемое безъ всякихъ положительныхъ результатовъ, — должно, какъ намъ кажется, по-временамъ выводить изъ терпѣнія даже и терпѣливѣйшія народныя мысли. Что же это такое? «Молчи», «помалчивай», «не сказывай»? Грѣха въ жизни много, грѣха неизбывнаго, неотвратимаго, а тутъ таинственное «молчи» неразрѣшается какимъ нибудь явнымъ облегченіемъ души... На душѣ этой, благодаря все тому же тупому углу оказывающемуся роковымъ «молчи», въ которомъ роковымъ образомъ должны почему-то бесплодно взывать народныя надежды, — на душѣ, томящейся въ этомъ тупомъ углу, въ этомъ мертвомъ затонѣ, такъ много неразрѣшимой, а еще чаще невнятной тяготы, тяготы въ миллионы разъ мучительнѣйшей именно потому, что она не ясна, неопредѣленна, — что тягота эта, не имѣя исхода, начинается угнетать человѣка, какъ «личный» его «грѣхъ», масса грѣха, масса неправды, не чьей нибудь чужой, а моей собственной. Этого грѣха, временами, (въ промежуткахъ между однимъ и другимъ «молчи») оказывается такъ много, что человѣкомъ овладѣваетъ нервное разстройство, выражающееся въ страхѣ ожиданія суда, втораго пришествія, пришествія антихриста, который будетъ злодѣйствовать безъ пощады, губить людей, — всячески мучить, терзать и т. д. Одинъ урядникъ, — ныне не такъ давно, благодаря закону о неокончившихъ курса въ семинаріяхъ, — поступившій въ священники (въ томъ самомъ селѣ, гдѣ онъ еще недавно «игралъ» пѣсни въ мѣстномъ трактирѣ и «содѣйствовалъ» при взятіи податей, описи и продажѣ имущества), хвасталъ мнѣ, что онъ «во всякое время» можетъ устроить въ любой деревнѣ «страшный судъ», то-есть можетъ двумя-тремя намеками — словами всволыхать это море сознаваемого народнымъ массами «личнаго грѣха». Звѣзда съ хвостомъ, два года неурожая, червь какой нибудь, поѣдающій жатву, — все это терпѣливо переносимое и терпѣливо, хоть и тревожно, наблюдаемое можетъ сразу, въ одно мгновеніе принять.

таинственный смысл предзнаменованій о грядущемъ наказаніи «за грѣхъ», пробудить сознание этого грѣха, и вся масса неизбывной тяготы, переработанной уже давнымъ давно, въ личный грѣхъ,—ударить въ мозгъ безконечнымъ страхомъ и отчаяніемъ... День в часть,—обыкновенно назначаемая молвою для суда,—напрягаютъ народные нервы до высшей степени; люди почтенные, практическіе, даже просто «жопы», въ обыкновенное время,—начинаютъ трепетать, какъ малыя ребята, ложатся подъ образа, ожидая смерти и т. д. Все это дѣйствительно можно «сдѣлать», какъ говорилъ мнѣ бывший урядникъ (нынѣ отецъ Θεодоръ) ¹⁾, стоитъ только выбрать подходящую минуту,—минуту душевнаго расстройства деревенскихъ жителей, минуту, когда трудъ въ благопріятныхъ условіяхъ не дающій мѣста безплоднымъ размышленіямъ (просто потому, что некогда), дѣлается, вслѣдствіе казкихъ-нибудь явленій природы или нежданыхъ экономическихъ расстройствъ, бессмысленнымъ, тяжелымъ, безрезультатнымъ, и оставляетъ въ жизни пустые дни, лишая всякаго смысла, не замѣтный въ правильномъ трудѣ, но мучительный при его расстройствѣ, ежедневный жизненный обиходъ... Трудно, пусто, грѣхъ, бессмыслица и тягота жизни,—выступаютъ на Божій свѣтъ... На небѣ звѣзда съ хвостомъ... Глядишь, ужъ и идетъ слухъ: «народился антихристъ...»; послѣ петровыхъ въ пятницу, въ вечерни «свѣтопрестановленіе...» И вотъ «завыла» какая нибудь старенькая старушка «посреди улицы» на міру, обхвативъ голову обѣими руками и качаясь изъ стороны въ сторону... А затѣмъ нервы ужъ сдѣлаютъ свое дѣло.

Антихристъ, о появленіи котораго свидѣтельствуетъ корреспондентъ провинціальной газеты,—свидѣтельствуя о продолжающейся вѣрѣ въ его пришествіе среди народныхъ массъ, замѣчаетъ главнымъ образомъ тѣмъ характерными, относительно переживаемого нами времени, чертами, въ которыхъ найдены были признаки «антихристовой печати». О томъ же, въ какихъ такихъ дѣлахъ и поступкахъ обнаружались черты «антихристовой пе-

¹⁾ Недавно онъ говорилъ мужикамъ проповѣдь на тему «любите ближняго своего».

— А у меня небось «сблаговѣстилъ» коровку-то! сказалъ громко какой-то изъ прихожанъ. Томе,—ангелъ!...

чати въ новоявленномъ, современномъ антихристѣ можете судить изъ слѣдующаго. Онъ, ишетъ корреспондентъ, изъ города Рославля, съ виду совершенно обыкновенный человекъ похожъ на всѣхъ насъ, только душа у него непохожа на нашу. Жилъ онъ у насъ подъ фамиліей А. Главнымъ занятіемъ своимъ онъ избралъ благотворительность. Каждый день къ нему не мало являлось народу; каждому онъ давалъ, сообразуясь съ его нуждою, извѣстное количество денегъ и при этомъ ограничивался только записью фамиліи кому выдано въ свою памятную книжку. «По нынешнимъ временамъ» — этихъ добрыхъ дѣлъ оказалось вполне достаточно для того, чтобы заподозрить (въ чемъ, ради Бога, скажите наконецъ?). Наименованіе и окончательное опредѣленіе, что человекъ этотъ антихристъ — принадлежитъ бабамъ: «оказалось, что одна баба, получившая отъ него наканунѣ десятой пятницы 25 р. на покупку коровы, принесла бумажку бережно домой, спрятала ее подъ горшокъ. При этомъ она перекрестила и кредитный билетъ и горшокъ. На утро кредитка исчезла, а когда баба вновь отправилась за деньгами къ антихристу, то онъ началъ надъ нею смѣяться, но все таки далъ еще денегъ и приказавъ поскорѣе развѣять крупную двадцатипяти рублевую антихристову бумажку на христіанскія деньги. «Въ простонародѣ говорили такъ, что онъ заставляетъ расписываться въ полученіи денегъ кровью. Говорили, что всякій кто взялъ у него деньги, будетъ пять лѣтъ богатѣть, а потомъ будетъ бѣдствовать; тогда какъ тѣ, которые не возмутъ у него денегъ теперь, тоже въ теченіе 5-ти лѣтъ будутъ бѣдствовать, а потомъ же начнутъ богатѣть». Такъ опредѣляли и такъ оправдывали свои подозрѣнія относительно «загадочной» личности крестьяне, мужики, бабы, словомъ необразованный народъ; но и образованные тоже призадумались надъ этой странной личностью». Нашлись люди, говорить корреспондентъ, которые отъправились къ этому господину за разъясненіями его дѣйствій. Объясненія продолжались недолго. Ему лишь могли замѣтить, что поступки его кажутся странными. — «Странными они кажутся для тѣхъ, отвѣчалъ антихристъ, кто привыкъ брать чужое и не давать ничего своего». На это вопрошатели не-возразили, а не-сидѣвши убраться восвояси. Спасибо ужъ добрые люди какъ то надоумили, что это вовсе не антихристъ, а человекъ, болящій душою о своемъ ближнемъ, который дѣлится со всѣми, и при-

томъ всѣмъ, что у него есть. Дѣтельность его продолжалась до тѣхъ поръ, пока у него были деньги. А, не стало денегъ,—къ нему, перестали ходить и стали забывать. Если кто и вспомнилъ его, такъ это его ховяинъ, которому А. далъ немало денегъ, и который въ знакъ благодарности прогналъ его съ квартиръ»...

И такъ, — вотъ каковъ «нонешній» антихристъ для необразованныхъ мужиковъ, принимающій въ глазахъ образованныхъ людей простое и всѣмъ къ несчастію понятное положеніе «подобрительной личности»... Крайне жаль, что г. корреспондентъ плохо выяснилъ то странное сцѣпленіе идей, которое приводило сталкивавшійся съ г. А. народъ къ мысли о его недоброкачественности и заставляло объяснять его исключительно добрыми, благородными, благотворительными поступками,—происками антихриста. Но какъ ни мало сказано по этому поводу въ корреспонденціи, фактъ всеобщей подзрительности къ человѣку, душою болѣющему о своемъ ближнемъ,—по нашему мнѣнію, заслуживаетъ глубокаго вниманія. Онъ признакъ времени и признакъ самаго удручающаго значенія.

Мы вовсе не-хотимъ сказать этимъ, что общество наше забыло о томъ, что такое добро и погрязло въ жадѣ и проявленіи безобразія и зла — но, на-ряду съ вышеприводимымъ фактомъ, мы можемъ указать массу другихъ фактовъ подобнаго же рода, которые говорятъ, что общество оробѣло предъ возможностью дѣлать добро, что оно думаетъ, будто добро вышло изъ моды, что «этого нельзя» что «это не главное», что это надо спрятать и молчать о немъ. Зло и всякая неправда до такой степени стали ordinarily, обыкновенны, до того перестали возмущать, останавливать собою вниманіе общества, что вниманіе это, по привычкѣ выражаемое въ мрачной формѣ,—останавливается на явленіяхъ, которыя иногда прямо должны бы радовать, какъ въ исторіи г. А. Пріѣзжаетъ положимъ въ какую нибудь деревню кулакъ и скупаетъ за безцѣнокъ продаваемую съ аукціона скотину, — народъ молчитъ и только вздыхаетъ; пріѣзжаетъ кабатчикъ, открываетъ кабакъ начинаетъ опавать и раззорять народъ, — и опять затаенное только горе, и молчаніе. И кулакъ и кабатчикъ и обираніе ближняго,—все это обыкновенно, все это «нельзя иначе», все это воздухъ, которымъ дышемъ мы, или которымъ задыхаемся,—но вотъ пріѣзжаетъ сюда же г. А. и начинаетъ давать деньги вмѣсто того, чтобы брать, помогать вмѣсто того, чтобы раззорять,—и изуродо-

важная мысль пугается, пятится отъ добра, начинаетъ подозрѣвать въ человѣкѣ дѣлающемъ добро для добра то социалиста, то антихриста и т. д. Мало того: вотъ пріѣхали въ деревню, лежащую неподалеку отъ могилы поэта Шевченко, двѣ дѣвочки, пріѣхали за тѣмъ чтобы посмотреть на эту могилу и срисовать ее, — и они уже арестованы, объ нихъ уже пишется протоколъ и т. д. Но пріѣзжай сюда человѣкъ, пскрывающій намѣреніе обобразъ деревню, конечно на законномъ основаніи — ничего; протокола составлено не будетъ и ни социалистомъ, ни антихристомъ: онъ вопросятъ.

«—Какъ? скажетъ какой-нибудь благосклонный читатель, — вы жалуетесь на отсутствіе въ ежедневномъ обиходѣ жизни элементовъ добра и правды, когда каждый день приносятъ вамъ доказательства протпвнаго? Развѣ процессы интендантскій, дошкаревскій и бушевскій, — не суть фактическое доказательство того, что правда «хочетъ» торжествовать? Вы видите, скажетъ благосклонный читатель, что правда, (которая всегда стоитъ за добро) нещадитъ ни званія, ни состоянія, нестрашится предать поруганію сѣдмивѣччанаме всевозможными почестями. Чего же вамъ еще!

— Точно, отвѣтимъ мы на это, не «страшится» есть именно то слово, которое слѣдуетъ сказать въ даномъ случаѣ и во всѣхъ случаяхъ подобнаго рода; — сказать это слово должно, но нельзя не призадуматься надъ слѣдующимъ: правда, нестрашится предать повошенію гадость и подлость, — но робко прячетъ свой праведный хвостъ, когда мысль выша, благодаря обнаруженному злу, — захочетъ овладѣть корнемъ его, когда она захочетъ дѣйствовать и работать въ направленіи, совершенно противоположномъ этому, вами же обваруженному и опозоренному злу.

Передъ вами почти ежедневно выводятъ на скамью подсудимыхъ какую нибудь типическую фигуру или цѣлые группы разбойничьихъ и грабительскихъ типовъ; выводятъ ихъ предъ вами съ самой безпощадной обстановкой; разрываютъ всю грязь общественной дѣятельности и частной жизни, роются въ спальнѣ, въ бѣльѣ и т. д. Вся эта «правда», о которой говоритъ благосклонный читатель—налицо, она въ точности вылавливаетъ и констатируетъ грязь, — нѣтъ сомнѣнія; смрадъ пзъ суда чрезъ газеты распространяется по всей русской землн; читая отчеты объ этихъ процессахъ, о безпощадности проявляемой ими правды, наир. въ

деревнѣ, — чувствуешь самый неподдѣльный смрадъ, такъ что бросаешь газету, бросаешь потому что только смрадъ и чувствуешь. Въ этомъ воспронзеденіи смрадныхъ явленій жизни «правда» благосклоннаго возражателя противъ царящей тоски, — безупречны; но смрадомъ, все дѣло и оканчивается. Вытащутъ какого нибудь пного ихтиозавра, покажутъ всё его привычки, хватки, размѣры желудка и т. д. заставятъ его повторять своими словами предъ вами всякія гнусности и гадости, расскажутъ эти гнусности словами свидѣтелей, сошлютъ въ Сибирь, и затѣмъ попросятъ васъ удалиться изъ залы засѣданія... Та мораль, та скорбь за человѣка, которую возбуждаютъ и васъ обнаруженіе гнусности, то глубокое нежеланіе, отвращеніе даже возможности повторенія ихъ въ вашихъ собственныхъ дѣтяхъ и т. д. словомъ вся толпа мыслей, возникающая въ вашей душѣ, благодаря гнусному зрѣлищу; и побуждающая васъ сосредоточить вашу мысль на вопросъ о томъ — какъ сдѣлать, чтобы ничего этого небыло? чтобы покончилась самая возможность проявленій правды въ образцахъ такого возмутительнаго качества. — все это почему-то должно умереть въ васъ, не имѣть исхода. Смотрѣть на гнусность и хвалить проявленіе правды карающей ее, — вы можете; но сказать «не хочу, чтобы это повторялось». — и сообразно съ этимъ желать очищенія жизни вообще отъ множества мiazмовъ, изъ которыхъ рождаются Буши и т. д., а тѣмъ паче попытаться осуществить эти желанія на практикѣ и въ дѣйствительности — нельзя! Почему? Оробѣла на смѣлня, правдивыя дѣла общественная мысль.

Возьмемъ другой примѣръ. Какіе ужасы разверзлись передъ обществомъ благодаря куклевской катастрофѣ! Одни газетныя извѣстія могли потрясти, а нервнаго человѣка такъ просто свести съ ума... Стоны подъ землей, трупы, изуродованные, превращенные въ неопредѣленные массы, спресованные изъ человѣческихъ костей, желѣза, глины и т. д. Повторять этихъ ужасныхъ подробностей бойни мы не будемъ; — они хорошо извѣстны читателямъ. Въ утайкѣ этихъ подробностей недостатка не было; нерадѣніе хозяевъ дороги, ихъ жадность къ наживѣ, безсовѣстное отношеніе къ жизни человѣческой; и т. д. — все было высказано и выведено на свѣтъ божій бѣтъ прикрытие... Гнусный, позорный жестокій фактъ на лицо. Онъ ужасаетъ васъ, ударяетъ какъ молотомъ по головѣ, отупляетъ васъ, — но тѣмъ дѣло и кончается...

Вся масса идей объ общемъ благѣ, объ общей органиціи общественныхъ отношеній, и т. д. все это опять таки должно заглухнуть отъ яснаго сознанія вашего личнаго безсилія помочь дѣлу, прекратить зло. «Ничего невидеть» — вотъ что говоритъ вамъ горькій опытъ, несмотря на то, что фактъ угнетаетъ вашу мысль, вашъ мозгъ кровопрлитивѣйшей жестокостію. И опять: извольте этотъ жестокій фактъ принять на свои нервы, на свои плечи; извольте мучиться имъ, страдать томиться, — но не извольте болѣе ни о чемъ беспокоиться. Вашему негодованію, отвращенію, словомъ вашему страданію, возмущенному чувству — дѣтъ выхода. Оно должно развиться и замерѣть въ васъ же самихъ.

И вотъ наконецъ настало то деревянное состояніе духа, при которомъ — на общество ничего не дѣйствуетъ; факты одинъ другого потрясающе — выступаютъ передъ общественными очами каждый день, каждую минуту, — общество охаетъ, — во и только; еще немного — оно перестало даже охать и вздыхать; оно молчитъ и среди этого молчанія старая кукуевская труба опять кладется на старое мѣсто, а можетъ быть на мѣсто сосланнаго въ Сибирь икѣтиазавра — торопится забраться другой. Общество одаменѣло и только смотритъ и молчитъ...

— Нѣтъ, опять можетъ возразить мнѣ благосклонный читатель, — не все только факты голой жестокости и безобразія складываютъ фізіономію текущей дѣйствительности. А выкупные платежи? а крестьянскій банкъ? развѣ это не такіа дѣла и явленія, которыя способны успокоить общество, доказать, ему, что «добро» живетъ на свѣтѣ? Да, — въ этомъ возраженіи есть доля правды; правда въ томъ отношеніи, что такіе «отрадные», факты, по временамъ какъ будто радуютъ мысль, — но увя, — опять таки къ несчастію они не переходятъ въ дѣло. Все, что возбуждаетъ въ васъ напрямѣръ такое мѣтропріятіе какъ земельный крестьянскій банкъ, — должно опять такъ развиться въ васъ самихъ, въ васъ одномъ, одинокомъ, — и пожалуй въ васъ же заглухнуть такъ какъ опять таки къ огромному несчастію русскаго общества такіа отрадныя явленія не переходятъ въ жизнь почему то, несоблекаятся въ живыя формы и не даютъ живой дѣятельности для вашего ума и воли... Думать обо всемъ этомъ вы можете сколько угодно, особливо дома, въ уединеніи, гдѣ васъ никто не видитъ и не слышитъ; мозгъ вашъ можетъ лопнуть отъ ужасовъ кукуевскихъ катастрофъ,

процессовъ медицинскихъ и пятавдапскихъ и т. д.—но облегчить процессъ своей мысли дѣломъ вы не можете, даже мысли объ отрадномъ явленіи не облегчаютъ насъ, потому что вы можете на нихъ только смотрѣть, ждать,—а не участвовать... Да и нѣтъ что то этихъ отрадныхъ явленій; думаешь—думаешь,—и видишь, что въ концѣ концовъ либо ничего не выйдетъ, либо выйдетъ чтонибудь, но ужъ безъ твоего участія... Зачѣмъ и думать? Зачѣмъ волноваться? Немудрено поэтому, что человѣкъ, которому текущая дѣйствительность «вдолбила», какъ говорится по мужицки, въ голову увѣренность, что «ничего не выйдетъ» и совершенно ослабила его духовную дѣятельность,—не пойметъ и не повѣритъ, что добро можно дѣлать только для добра, изумится этому факту, найдетъ человѣка дѣлающаго добро, а недумающаго только о немъ, подозрительнымъ, социалистомъ или даже антихристомъ, добрыми дѣлами желающимъ заманить въ свои сѣти простаковъ... «Думай, мучайся, сколько хочешь; но пожалуста про себя,—вотъ что говоритъ современная дѣятельность; не суйся, не высывайся; безъ тебя сдѣлаютъ или «все равно нечего не выйдетъ... «Молчи!» сказалъ генералъ Скобелевъ рязанскимъ мужикамъ, встрѣтившимъ его послѣ смерти... Чтожъ? Пожалуй, надо повѣрить генералу.

Сказавъ это, онъ раскланялся, проводилъ дамъ до лестницы и тамъ расстался съ ними съ глубокимъ поклономъ. Довна Клеція, подъѣхавъ ко дворцу съ замправіемъ сердца, чувствовала теперь необыкновенное облегченіе и даже радость.

Едва карета графини выѣхала со двора дворца, какъ на дворъ этотъ въѣхала другая карета, скромная, пасивная, съ козель которой слѣзъ кривоногій слуга, въ неуклюжей ливреѣ, очевидно, какъ и карета, принадлежавшей каждому за известную плату въ часъ. Слуга этотъ былъ шесто пной, какъ знакомый намъ Зампино изъ герцогскаго театра, а дамы, вышедшія изъ кареты, были Гауденци и ея неразлучная тетка. Ей вышело послѣдній срокъ отъѣзда въ Венецію, и она пріѣхала на свиданіе съ Лоренцо Бруни, который выдерживалъ свой карантинъ въ довольно сносомъ положеніи, благодаря протекціи намѣстника. Гауденци часто навѣщала его и щедро давала всѣмъ на подку, такъ что сторожъ дворца выѣгалъ къ ней постоянно, едва завидѣвъ ее; сбѣжались привратники и тюремщики и толпой проводили ее къ главному смотрителю тюрьмы.

Въ это время на дворѣ дворца юстиціи стояла толпа завсегда-таевъ кафе Грекко, явившаяся сюда съ утра по распространяемому слуху о предстоящемъ допросѣ дожны Клеція. Эти праздноватающіеся люди сбѣгались всюду, гдѣ была надежда увидѣть или услышать что-нибудь выходящее изъ обыкновеннаго порядка и теперь болтали между собой о видѣнномъ и слышанномъ въ это утро.

— Интересный денекъ! говорилъ президентъ этихъ сплетниковъ, тотъ самый, котораго мы видѣли нѣкогда въ кафе съ лопаткой для углей въ рукахъ;—дворецъ юстиціи положительно открываетъ конкуренцію театру. Кареты, ливрейные лакеи, графини и наконецъ танцовщицы, и самъ Зампино, да еще въ ливреѣ! Скоро здѣсь на дворѣ устроится партеръ, а кельи арестантовъ превратятся въ ложи. И прекрасно! Надо, чтобы дворецъ юстиціи сдѣлался веселымъ мѣстомъ, такъ какъ театральная сцена стала юдолю скорби съ плаксивыми трагедіями Корнеліа и Расина.

— Но что дѣлаетъ тутъ Зампино и какъ могъ онъ оставить театръ?

— Будъ Гауденци, туда и онъ. При ней выгодно. Она, да Айореволи—кладъ для своихъ слугъ.

это дѣтъ.

— Кстати, что Амореволи?

— Въ Венеціи, и Богъ вѣсть, когда вернется. Приглашенія отовсюду. Уѣдетъ во Францію, или въ Испанію, или въ Вѣну, и къ намъ едва ли вернется. Ну, ужъ и памятевъ же остался прошлый карнавалъ! Чудеса!

— Замццо, зачѣмъ пріѣхала сюда твоя синьора?

— Вотъ вопросъ! Къ синьору Бруни, своему жениху. Какъ его выпустятъ, такъ и свадьба. Да! Вотъ-то съ носомъ останутся всѣ эти господа чпчисбен, думавшіе поразить ее брилліантами и титулами. А синьоръ Бруни — прекраснѣйшій человекъ, добрый, щедрый... такихъ немного между музыкантами...

Но толпа уже не слушала его; она устремилась на встрѣчу одному знакомому аудиторю, сходившему съ крыльца, и засыпала его вопросами:

— Ну что? Какъ? Что графиня? Неужели ее отпустили, какъ ни въ чемъ не бывало?

— Что же вы хотите, чтобы ее заковали въ кандалы?

— Напротивъ того, я всегда говорилъ, что непростительно было вытребовать ее силой.

— А если бы не вытребовали, вы сказали бы, что знатнымъ всегда потачка.

— А вы, законники, чтобы доказать свое безпристрастіе, ударились въ другую крайность. Изъ огня да въ полымя.

— Изъ какого огня, въ какое полымя?

— Да, прежде о васъ говорили, что вы хитры, но на руку не чисты, а теперь скажутъ, что люди вы честные, но недальніе...

— Ну, хорошо, хорошо; что ужъ говорить, если бы міромъ управляли сплетни, ты былъ бы Зевсомъ Вседержителемъ; по счастью, ты болтаешь, а дѣла дѣлаются сами по себѣ.

— Хорошо же и дѣлаются—нечего сказать! Вы доказали, что умѣете быть и злостными, и глупыми въ одно время. Пристали къ венеціанскому правительству, чтобы оно выдало вамъ графиню, которой было такъ хорошо съ теноромъ, а о графѣ Ф*** и не подумали. А чего бы, казалось, ближе спросить его? Такъ, нѣтъ! Если бы онъ сто лѣтъ назадъ умеръ, то и тогда нельзя бы было больше забыть о его существованіи.

— Почему ты знаешь, что еще будетъ сдѣлано?

— Почему я знаю? Если и спохватятся, то уж пропущеннаго времени не вознаградить. Еще бы не спохватиться, когда адвокат Агудіо пишет памфлетъ, переворачиваетъ весь городъ, ищетъ и находитъ свидѣтелей. Тутъ поволѣ и миланская вестія спохватится. Но заслуга ея не велика.

— Однако слуга отъ трехъ королей...

— Какой слуга?

— Какъ? Ты, всевѣдущій, не знаешь, что главный свидѣтель Агудіо—слуга отъ трехъ королей? Завтра его будутъ допрашивать съ другимъ слугою, котораго адвокатъ вынулъ въ Кремонѣ.

— Славно. Что же этотъ слуга?

— Показываетъ, что Суарди на карнавалѣ нѣсколько разъ игралъ въ гостиницѣ. Этого было бы достаточно, чтобы уличить Суарди во лжи; но тутъ-то и вышла закорючка...

— Что такое?

— А то, что какъ ему велѣли подтвердить это показаніе присягой, онъ отказался, говоря, что можетъ быть ошибается и не хочетъ рисковать присягой, могущей погубить невиннаго... Такъ и осталось... Но завтра допросятъ другаго, и если онъ подтвердитъ показаніе перваго, особенно подъ присягой, его поставятъ на очную ставку съ Галантино. Видишь, что ми истину не заминаемъ и плутамъ не потакаемъ. Бѣда только, что графъ Ф*** при смерти боленъ. Ну, съ вамп только время теряешь, а меня ждутъ въ Преторіи. Прощайте.

Онъ ушелъ, а праздношатающаяся компанія отправилась къ церкви Санта Марія Подоне наводить справки о здоровьи графа Ф***. Но только что они повернули за уголъ церкви, какъ раздакъ дребезжащій звонъ колокольчика, затѣмъ рѣзкій голосъ, сопровождаемый откликомъ многихъ голосовъ. *Santo Maria*, возгласилъ одинъ голосъ—ога про ео, отвѣчалъ глухой ропотъ хора. И колокольчикъ звенѣлъ. *Salus infirmorum*—ога про—*Refugium peccatorum* ога про ео—*Consolatrix afflictorum* ога про ео... И на глазахъ нашей компаніи Св. Причастіе со свитой вступило въ ворота дома Ф***.

— Ну, видно графу плохо, сказалъ со смѣхомъ одинъ изъ компаніи.—Подумаешь, къ счастливымъ-то людямъ и смерть приходитъ встати.

VIII.

Согласно предсказанію дона Альберика, докторъ Галлароли, пріѣхавъ вечеромъ, очень разсердился, когда узналъ, что не послали за священникомъ. Ему необходимо было расположеніе духовенства, и потому надо было заботиться о своей репутаціи чело-вѣка и врача религіознаго; а въ этомъ случаѣ дѣло шло о такомъ важномъ лицѣ, какъ графъ. Онъ далъ пагоной управляющему и взялъ съ него обѣщаніе, что распоряженіе его будетъ исполнено. Тѣмъ не менѣе послѣ отъѣзда его споръ между Ротиньо и дономъ Альберикомъ возобновился; управляющій продолжалъ отстаивать свое мнѣніе съ тѣмъ большимъ упорствомъ, чѣмъ меньше было надежды настоять на немъ; страхъ близкой опасности заставилъ его советамъ забыть почтеніе, которымъ онъ былъ обязанъ хозяй-скому сыну. Наконецъ донъ Альберикъ, раздраженный подобнымъ противорѣчіемъ, приказалъ слугамъ немедленно позвать дона Джа-чинто. Хотя обыкновенно слуги не слишкомъ торопились испол-нять его приказанія, но на этотъ разъ мысль, что хозяинъ при смерти и что его сынъ можетъ скоро сдѣлаться господиномъ въ домѣ, заставила ихъ тѣмъ поснѣннѣе исполнить приказаніе, что оно было очевидно не поутру управляющему, котораго они еди-нодушно несправедливи. Получивъ приглашеніе, донъ Джачинто, оскорбленный вчерашнимъ отказомъ и потому рѣшившійся не являться больше безъ зова, тотчасъ пришелъ.

Когда онъ вошелъ въ спальню графа Ф***, управляющій испыты-валъ чувство, подобное тому, какое испытываетъ невѣрная жена, когда мужъ входитъ въ комнату, гдѣ у нея спрятанъ любовникъ.

Донъ Джачинто, часто посѣщавшій больныхъ, пріобрѣлъ, какъ говорится, докторскій глазъ и съ перваго взгляда увидѣлъ, что графу очень плохо, почему, не теряя времени, предложилъ ему исповѣдаться; больной согласился.

Старая служанка вышла изъ спальни, чтобы оставить ихъ на-единѣ, и въ сосѣдней комнатѣ встрѣтила управляющаго.

— Что графъ? спросилъ онъ ее.

— Исповѣдается. Намъ надо видѣти отсюда и никого не впускать.

— Я тутъ остаюсь и не впускаю никого.

Старуха вышла, а онъ сталъ прохаживаться по комнатѣ, все замедля шагъ, и наконецъ остановился въ углу комнаты, весь превратившись въ слухъ. Вдругъ вошелъ донъ Альберикъ и, увидавъ его, спросилъ съ удивленіемъ:

— Что вы сюда забрались? рѣзко раздались эти слова среди глубокаго молчанія, царствовавшаго въ домѣ. Какъ бы въ отвѣтъ на нихъ изъ комнаты больного послышался хриплый стоиъ. Потрясенные этимъ звукомъ, донъ Альберикъ и управляющій замерли на минуту, притаивъ дыханіе.

— Мужайтесь, говорите все по совѣсти.

Эти слова произнесъ священникъ, но за ними послѣдовала тишина, и вскорѣ священникъ вышелъ и сказалъ:

— Скорѣе, позовите сидѣлку, графу дурно. Онъ самъ дернулъ колокольчикъ, и въ тихой залѣ продолжительно отдался гулъ металлической проволоки.

Сидѣлка приближала, и священникъ вошелъ съ нею въ спальню.

— Видите, сказалъ Ротиньо дону Альберику, вотъ предсказанное мною дѣйствіе черной ясы.

— Но что же было дѣлать? отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Черезъ полчаса графъ пришелъ въ себя, и одинъ Джачинто, выславъ сидѣлку, опять привялся за дповѣдь.

Тайна исповѣди осталась, конечно, священной. Когда по окончаніи ея священникъ вышелъ отъ больного, управляющій напрасно старался прочесть что нибудь на его лицѣ; оно было невозмутимо. Мы можемъ высказать только, какъ предположеніе, что графъ хотѣлъ исповѣдовать мучившую его тайну, но раздавшійся въ это время голосъ его наслѣдника возвратилъ его къ честолюбивой мысли о фамильномъ величіи и заглушилъ въ немъ голосъ совѣсти.

На другой день болѣзнь сдѣлала такіе уснѣхи, что пришлось послать за святыми дарами, которые и прибыли въ домъ графа на глазахъ веселой компаніи изъ кафе Грекко.

IX.

Въ первомъ часу ночи былъ призванъ къ допросу къ капитану юстиціи въ качествѣ свидѣтеля противъ обвиненнаго Суарди бывшій слуга гостиницы Трехъ Королей, Чиприано Барилоне. Съ нимъ вмѣстѣ былъ вызванъ ходатай по дѣламъ Беналья. Допросъ начался съ того, знаетъ ли Барилоне Суарди?

— Знаю два года, когда онъ служилъ еще у маркиза Ф***.

— Въ какихъ отношеніяхъ вы съ нимъ находились?

— Я былъ слугою въ гостиницѣ и узналъ его сначала, какъ посѣтителя; онъ спрашивалъ лучшія блюда и вина. Потомъ, когда его выгнали изъ этого дома, онъ нѣкоторое время пересталъ ходить, а потомъ приходилъ ужъ на другомъ положеніи; прежде держалъ себя баринномъ и игралъ только съ посѣтителями, а тутъ пришлось водить компанію съ прислугой; поздно по вечерамъ, когда посѣтители уходили, мы играли съ нимъ въ карты, а такъ какъ это былъ часъ нашего ужина, онъ не брезгалъ нашими кушаньями. Потомъ онъ поправился, и у него завелось золото, когда онъ выигралъ призъ на бѣгахъ скороходовъ; но это продолжалось недолго, и ему пришлось скоро опять приняться за наши лакейскія кушанья.

— Чѣмъ же онъ однако жилъ?

— Немного надо, чтобы спать въ чуланѣ, ѣсть объѣдки и ходить босикомъ. А если случался какія деньги, то это всегда былъ карточный выигрышъ; онъ всегда выигрывалъ; если не счастьемъ, то умѣньемъ.

— Объясните, что вы хотите сказать?

— Просто плутовалъ; у него всегда были хорошія карты; на это онъ ловчѣ всякаго фокусника.

— Какъ же вы играли съ нимъ, зная это?

— Что дѣлать? есть и хорошіе люди, съ которыми не хочется имѣть дѣла, а бываютъ плуты, которые чѣмъ больше накустятъ, тѣмъ больше лежатъ къ нимъ сердцемъ. Вотъ онъ изъ такихъ. Выигрывалъ насъ въ карты, съѣдалъ у насъ лучшіе куски, занашивалъ наше бѣлье и платье, а бывало, какъ нѣтъ его въ гостиницѣ, то всѣмъ чего-то не достаетъ. Такой былъ забавникъ,

выдумщикъ. Ужъ чего нашъ хозяинъ, человекъ серьезный, кажется, отъ роду не смѣлся, а и то, какъ день его не увидитъ, приходитъ спрашивать, гдѣ онъ.

— Когда же вы въ послѣдній разъ играли съ нимъ въ гостиницѣ Трехъ Королей?

— Въ воскресенье на масляницѣ.

— Какъ вы можете доказать это?

— Какъ? Помню, вотъ и все... Помню какъ теперь, что игралъ съ нимъ въ воскресенье на масляницѣ почти до слѣдующаго утра. А проспивать ночь за картами можно только въ такіе дни. И притомъ съ нами играли еще двое слугъ, которые были наняты только на масляницу и именно съ воскресенья. Но гдѣ ихъ теперь взять, не знаю; это народъ бродячій; нынче слуги, а завтра раскислые; въ лицо я ихъ хорошенько не помню, а по платью не узнаешь.

— Готовы ли вы повторить все сказанное въ присутствіи Суарди?

— Отчего же не повторить? Я говорю правду и говорю потому, что господинъ адвокатъ, приѣзжавшій за мной въ Кремону, сказалъ мнѣ, что, рассказавъ все по правдѣ, я могу оказать этимъ пользу людямъ честнымъ и бѣднымъ, а умолчавъ, — помогу недобрымъ.

Баризоне вывелъ на время изъ залы и послалъ за Суарди. Онъ явился черезъ четверть часа въ сопровожденіи двухъ сбирровъ. Лицо его улыбалось, онъ бросалъ во всѣ стороны веселые взгляды. Но опытный глазъ узналъ бы, что веселость эта была напускная. Румянецъ, нѣкогда украшавшій его щеки, сбѣжалъ и замѣнился блѣдностью, которая не шла къ этой дерзкой и цвѣтущей физиономіи.

Актуаріусъ строго посмотрѣлъ на него, прочелъ ему протоколъ перваго вопроса, подписанный Суарди, и спросилъ:

— Хватитъ ли у васъ духу подтвердить снова все сказанное вами на этомъ первомъ допросѣ?

— Что правда, то правда, и я не могу отступить отъ нея.

— Вы знаете, что чистосердечное признаніе располагаетъ правосудіе къ снисхожденію. Если хотите, чтобы съ вами не было поступлено по всей строгости, скажите правду.

— Я не могу переменить того, что было, чтобы со мной не дѣлали.

— Хорошо; такъ знайте же, что у насъ есть свидѣтели, облачающіе васъ во лжи. Въ воскресенье на масляницѣ вы до поздней ночи играли въ карты въ гостинницѣ Трехъ Королей. Ясно, стало бытъ, что вы не были въ Венеціи за недѣлю до этого.

Галантино, не смотря на свою желѣзную натуру, невольно смутился, и счастье его было, что допросъ пропсходилъ при свѣчѣ; однако, онъ быстро оправился и сказалъ смѣло:

— Быть не можетъ, чтобы кто нибудь могъ утверждать, что въ воскресенье на масляницѣ видѣлъ меня въ Миланѣ. Повторю, что за недѣлю до этого я уѣхалъ въ Венецію. Кто это скажетъ, тотъ подымъ лушь.

— Позовите свидѣтели, сказалъ актуаріусъ приставу.

Чиприано Баризо не явился.

Галантино, который между тѣмъ старался угадать, кто бы могъ противъ него свидѣтельствовать, и почти догадался, былъ вполне приготовленъ увидѣть Баризо не и тотчасъ съ величайшей напавостью напалъ на него:

— А, вотъ кто сочиняетъ враки мнѣ во вредъ! Неудивительно. Понимаю... Но все же надо быть такимъ негодяемъ, какъ онъ... Господа судья, онъ наговариваетъ по злобѣ и много разъ говорилъ прежде, что отменить мнѣ... Ну, мерзавецъ, попробуй сказать, что ты не говорилъ этого!

Актуаріусъ былъ пораженъ смѣлостью подсудимаго.

— Правда, спросилъ онъ свидѣтеля, что вы угрожали ему местию?

— Правда, да, и я имѣлъ на то важныя причины. Во первыхъ, онъ всегда былъ негодяемъ, даже когда сосалъ грудь матери; — это такая змѣя, что какъ только вылушится на свѣтъ божій, такъ и начинаетъ ядъ пускать. — Онъ у меня заплылъ 50 лпръ, которыя я далъ ему взаймы, а когда я сталъ ихъ требовать при публикѣ, — онъ меня въ розу съѣздилъ, — вотъ этотъ зубъ вышибъ. — А потомъ еще..

— Ну, ужъ молчи, перебилъ Галантино со смѣхомъ, я самъ скажу.

Баризо не смотрѣлъ на него съ ненавистью.

— Извольте видѣть, господа, этотъ красавчикъ вздумалъ же-

питься на дочери трактирной прачки — прелестной дѣвушкѣ, молоденькой, свѣженькой, цвѣточекъ — однимъ словомъ. Ну, и женился... только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опротивѣлъ онъ своей женѣ, — она стала оглядываться, гдѣ бы найти утѣшеніе, — а я тутъ какъ разъ и подвернулся. Человѣкъ слабъ, я не устоялъ, а этотъ дуракъ (онъ нагло захохоталъ) — придумалъ однажды, вмѣсто того чтобы сидѣть въ гостинницѣ, явиться домой двумя часами раньше обыкновеннаго, — онъ раскричался, я наострилъ уши, а онъ поблился тогда отомстить мнѣ, — вотъ и вся исторія.

Во время этого разсказа блуноватое лицо Баризо не выражало смущенія и злобу такъ компично, что актуаріусъ не могъ удержаться отъ улыбки, которую постыдился скрыть, наморщивъ брови; капитанъ юстиціи строго взглянулъ на него, но за то двое молодыхъ писарей на бѣду переглянулись и заразили другъ друга веселостью, тѣмъ болѣе неудержимой, чѣмъ болѣе сдерживали се приличіи, важность обстоятельствъ и страхъ начальства. Они нѣкоторое время сдерживали се съ успіями, достойными всякихъ похвалъ, но эти успія только увеличивали судорожный позывъ къ смѣху, такъ что чуть не задыхаясь отъ успій сдерживать смѣхъ, они вдругъ разразились въ высшей степени скандальнымъ хохотомъ, и преслѣдуемые свирѣпыми взглядами начальниковъ, какъ безумные выскочили изъ залы.

Актуаріусъ самъ почувствовалъ припадокъ смѣха и, чтобы удержать его, запальчиво закричалъ на Галантино:

— Не разговаривать! ждите, когда васъ спросятъ. Правду онъ говорилъ? обратился онъ къ свидѣтелю.

— Правду.

— Отчего же вы прежде этого не сказали?

— Извините, я отвѣчалъ на вопросы.

— Стало быть, правда, что вы питаете къ обвиняемому чувство мести?

— Я дѣйствительно нѣсколько разъ говорилъ, что буду ему мстить, но это были пустяки слова. Впрочемъ это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ показаніемъ, что я игралъ съ нимъ въ воскресенье на масляницѣ; это сущая правда; когда я былъ въ Кремонѣ и г. адвокатъ Беналія спрашивалъ меня объ этомъ, мнѣ и въ голову не приходило, что меня вызовутъ въ Миланъ и будутъ въ судѣ допрашивать объ этомъ дѣлѣ.

— Я не могу пережить того, что было, чтобы со мной ни случилось.

— Хорошо; такъ знайте же, что у насъ есть свидѣтели, облачающіе насъ во лжи. Въ воскресенье на масляницѣ вы до поздней ночи играли въ карты въ гостинницѣ Трехъ Королей. Ясно, стало быть, что вы не были въ Венеціи за недѣлю до этого.

Галантино, не смотря на свою желѣзную натуру, невольно смутился, и счастье его было, что допросъ проходилъ при свѣчѣ; однако, онъ быстро оправился и сказалъ смѣло:

— Быть не можетъ, чтобы кто нибудь могъ утверждать, что въ воскресенье на масляницѣ видѣлъ меня въ Миланѣ. Повторяю, что за недѣлю до этого я уѣхалъ въ Венецію. Кто это скажетъ, тотъ подлый лгуны.

— Позовите свидѣтеля, сказалъ актуаріусъ приставу.

Чиприано Барзоне явился.

Галантино, который между тѣмъ старался угадать, кто бы могъ противъ него свидѣтельствовать, и почти догадался, былъ вполне приготовленъ увидѣть Барзоне и тотчасъ съ величайшей напвостью напалъ на него:

— А, вотъ кто сочиняетъ враки мнѣ во вредъ! Неудивительно. Понимаю... Но все же надо быть такимъ негодяемъ, какъ онъ... Господа судья, онъ наговариваетъ по злобѣ и много разъ говорилъ прежде, что отстѣпнѣ мнѣ... Ну, мерзавецъ, попробуй сказать, что ты не говорилъ этого!

Актуаріусъ былъ пораженъ смѣлостью подсудимаго.

— Правда, спросилъ онъ свидѣтеля, что вы угрожали ему местию?

— Правда, да, и я имѣлъ на то важныя причины. Во первыхъ, онъ всегда былъ негодяемъ, даже когда сосалъ грудь матери; — это такая змѣя, что какъ только вылушится на свѣтъ божій, такъ и начинаетъ ядъ пускать. — Онъ у меня зажалъ 50 лиръ, которыя я далъ ему займы, а когда я сталъ ихъ требовать при публикѣ, — онъ меня въ рожу съѣздилъ, — вотъ этотъ зубъ вышибъ. — А потомъ еще..

— Ну, ужъ молчи, перебилъ Галантино со смѣхомъ, я самъ скажу.

Барзоне смотрѣлъ на него съ ненавистью.

— Извольте видѣть, господа, этотъ красавчикъ вздумалъ же

пшться на дочери трактирной прачки — прелестной дѣвушкѣ, молоденькой, свѣженькой, цвѣточекъ — однимъ словомъ. Ну, и женился... только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опротивѣлъ онъ своей женѣ, — она стала оглядываться, гдѣ бы найти утѣшеніе, — а и тутъ какъ разъ и подвернулся. Человѣкъ слабъ, я не устоялъ, а этотъ дуракъ (онъ нагло захохоталъ) — издумалъ однажды, вмѣсто того чтобы сидѣть въ гостинницѣ, явиться домой двумя часами раньше обыкновеннаго, — онъ раскричался, я наострилъ уши, а онъ по-ялся тогда отомстить мнѣ, — вотъ и вся исторія.

Во время этого разсказа блуноватое лицо Баризоце выражало смущеніе и злобу такъ компично, что актуаріусъ не могъ удержаться отъ улыбки, которую успѣшилъ скрыть, наморщивъ брови; капитанъ юстиціи строго взглянулъ на него, но за то двое молодыхъ писарей на бѣду переглянулись и заразили другъ друга веселостью, тѣмъ болѣе неудержимой, чѣмъ болѣе сдерживали ее приличія, важность обстоятельствъ и страхъ начальства. Они нѣкоторое время сдерживали ее съ усиліями, достойными всякихъ похвалъ, но эти усилія только увеличивали судорожный позывъ къ смѣху, такъ что чуть не задыхаясь отъ успій сдержать смѣхъ, они вдругъ разразились въ высшей степени скандальнымъ хохотомъ, и преслѣдуемые свирѣпыми взглядами начальниковъ, какъ безумные выскочили изъ залы.

Актуаріусъ самъ почувствовалъ припадокъ смѣха и, чтобы удержать его, запальчиво закричалъ на Галантино:

— Не разговаривать! ждите, когда васъ спросятъ. Правду онъ говорилъ? обратился онъ къ свидѣтелю.

— Правду.

— Отчего же вы прежде этого не сказали?

— Извините, я отвѣчалъ на вопросы.

— Стало быть, правда, что вы питаете къ обвиняемому чувство мести?

— Я дѣйствительно нѣсколько разъ говорилъ, что буду ему мстить, но это были пустыя слова. Впрочемъ это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ показаніемъ, что я игралъ съ нимъ въ воскресенье на масляницѣ; это сущая правда; когда я былъ въ Кремонѣ и г. адвокатъ Беналія спрашивалъ меня объ этомъ, мнѣ и въ голову не приходило, что меня вызовутъ въ Миланъ и будутъ въ судѣ допрашивать объ этомъ дѣлѣ.

— Но какъ же вы могли играть съ нимъ, будучи въ такой враждѣ?

— Развѣ отъ него отвѣжешься? да и товарищи смѣялись надо мной, когда я не хотѣлъ съ нимъ знаться— ну, ради спокойствія я и соглашался играть съ нимъ и даже позволялъ обигрывать себя. Но если ваша милость не вѣрите мнѣ простымъ словамъ, то я готовъ подтвердить ихъ присягой, чтобы не думали, что я по злобѣ сочиняю небылицы.

— Что вы скажете? спросилъ актуаріусъ подсудимаго.

— Повторяю, что сказалъ. Въ воскресенье на масляницѣ я былъ въ Венеціи. Онъ вретъ. А что онъ хочетъ присягать, то мало ли негодлевы способныхъ давать ложныя клятвы.

При этихъ словахъ актуаріусъ посмотрѣлъ на капитана юстиціи, который, отвѣчая на этотъ молчаливый вопросъ, сказалъ:— отошлите его.— И сбирь увели Галантино.

— Имѣете вы еще что нибудь сказать? спросилъ актуаріусъ свидѣтеля.

— Ничего; съ этимъ человѣкомъ всякій теряетъ голову. Я жилъ покойно въ Кремонѣ, въ гостинницѣ Солнца, и никому не пожелалъ бы зла, если бы за мной не пріѣхали и насильно не потащили меня въ Миланъ. Говорю это, чтобы убѣдить вашу милость въ истинѣ моихъ словъ; я никогда никого не обманывалъ, и пусть Богъ меня накажетъ, если я сказалъ неправду.

Свидѣтеля отправили, обязавъ его не выѣзжать изъ Милана безъ позволенія начальства; молодому адвокату Беналии было также приказано подъ его отвѣтственность не выпускать слугу изъ Милана до новаго допроса.

Такимъ образомъ капитанъ юстиціи, который надѣялся на этого свидѣтеля, чтобы разъяснить дѣло, не пріобрѣлъ отъ него никакихъ законныхъ уликъ противъ Галантино; не было даже достаточныхъ законныхъ указаній для того, чтобы подвергнуть его пыткѣ, такъ какъ изъ двухъ необходимыхъ для этого свидѣтелей одинъ отрекся отъ своихъ показаній, а другой оказался состоящимъ во враждѣ съ подсудимымъ. Тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе, что показанія обоихъ свидѣтелей были согласны между собою, что второй свидѣтель изъявилъ готовность присягнуть, и беря также въ расчетъ показанія графини Клелии В***, маркизь Ре-

калькиати послалъ въ сенатъ докладъ, въ которомъ выражалъ мнѣніе о необходимости подвергнуть подсудимаго мѣтѣ.

Х.

Миланскій сенатъ доживалъ свои послѣдніе дни; поэтому кетати будетъ сообщити читателю въ краткихъ чертахъ его исторію. Онъ былъ основанъ подъ именемъ Совѣта при первомъ герцогѣ Джованни Галеаццо Висконти, когда въ 1390 году онъ получилъ герцогскій титулъ отъ императора Венцеслава; въ 1499 году этотъ совѣтъ получилъ имя сената отъ Людовика XII французскаго и состоялъ изъ семнадцати сенаторовъ подъ предсѣдательствомъ великаго канцлера; въ 1522, по возвращеніи Франческо II Сфорца, число отцовъ было увеличено до 24; въ 1527, когда Миланомъ овладѣлъ отъ имени Карла V Бурбонъ, прежній сенатъ былъ отмененъ и учрежденъ новый, состоявшій изъ президента, четырехъ членовъ, двѣнадцати юрисконсультовъ и семи секретарей; затѣмъ послѣдовали новыя перемѣны въ его составѣ, и наконецъ во время нашего разсказа сенатъ состоялъ изъ президента и четырнадцати сенаторовъ, изъ которыхъ старѣйшій носилъ званіе вице-президента. Но изъ четырнадцати засѣдало только двѣнадцать, потому что двое всегда назначались губернаторами городовъ Павія и Кремоны. Къ нимъ присоединялись шесть секретарей и девять приставовъ, одѣвавшихся по торжественнымъ случаямъ въ темнофіолетовое платье съ золотыми цѣпами на шеѣ. Самы же сенаторы мѣняли костюмъ: при герцогахъ и короляхъ французскихъ они носили беретъ и камзолъ бѣлый съ краснымъ, а при испанскомъ владѣнствѣ получили мантии, обшитыя змѣой сободемъ (*ropicus mus*); эти соболи отличали сенаторовъ отъ другихъ властей, носившихъ мантии, такъ что самыя честолюбивыя изъ нихъ должны были питать отвращеніе къ лѣтнему сезону.

Въ первомъ часу пополудни 2 іюня открылось засѣданіе сената, на которомъ присутствовали президентъ и восемь членовъ (присутствіе всѣхъ членовъ не требовалось). Отслушавъ по обычаю обѣдню въ часовнѣ дворца, они вошли въ большую залу и

успѣлись вокругъ большого стола, покрытаго зеленымъ сукномъ,— президентъ по срединѣ, а сенаторы по четыре съ каждой стороны, на кафедрахъ, изъ которыхъ кафедра президента была выше другихъ. Позади ея за маленькимъ столомъ сидѣлъ одинъ изъ секретарей. Все было торжественно въ этой залѣ. На стѣнахъ, росписанныхъ фресками, висѣли пять большихъ картинъ, на которыхъ было изображено масляными красками правосудіе въ своихъ пяти видахъ, т. е. *Aequitas*, *Legislatrix*, *Distributiva*, *Communitativa*, *Vindicativa*, и портреты Джованни Галеаццо Висконти, Франческо II Сфорца, Карла V, Филиппа II, Филиппа III, Филиппа IV, Карла II испанскаго и императора Карла VI; послѣдній какъ разъ противъ кафедры президента. Попже, закрывая отчасти великолѣпные обои, висѣли другія картины съ изображеніемъ главныхъ моментовъ страданія Христа и большое изображеніе торжества святаго Михаила надъ Люциферомъ, олицетворявшее торжество правосудія.

Президентъ открылъ засѣданіе, и секретарь извлекъ нѣсколько уголовныхъ дѣлъ, послѣ которыхъ очередь дошла до процесса Суарди. Секретарь положилъ передъ президентомъ бумаги этого процесса и сталъ читать докладъ капитана юстиціи. По окончаніи чтенія началъ говорить деканъ, сенаторъ Монтоне.

Между сенаторами тичпекій швейцарецъ Морозини былъ извѣстный любитель судебныхъ строгостей. Но и сенаторъ Монтоне не менѣе его любилъ юстицію застѣночную, вооруженную дыбамъ и колодамп. Притомъ онъ былъ родомъ тоже не изъ Милана, не имѣлъ связей съ миланской аристократіей и не былъ даже знакомъ съ графомъ Ф***. Поэтому можно было ожидать, что онъ склонится къ мнѣнію капитана юстиціи. Но на этотъ разъ онъ не послѣдовалъ своимъ обычнымъ наклонностямъ. Онъ началъ говорить какъ будто въ пользу мнѣнія капитана юстиціи, но въ заключеніи объявилъ, что не находитъ законныхъ основаній подвергнуть обвиненнаго пыткѣ.

Сенаторъ Морозини вскипѣлъ, услышавъ это заключеніе, и заговорилъ съ чрезвычайнымъ жаромъ, такъ что рѣчь его была сначала несовсѣмъ внятна.

— Главныя возраженія противъ пытки обвиненнаго Суарди состоятъ, стало бытъ, въ томъ, что онъ не имѣлъ личной выгоды въ совершеніи кражи; въ его спокойствіи при допросахъ, въ отре-

ченіи первого свидѣтеля отъ своихъ показаній и въ законной несостоятельности втораго свидѣтеля. Что касается первого основанія, то я могу только выразить удивленіе, что находятся люди, педоумѣвающіе, что могло побудить лакея къ воровству, какъ будто неизвѣстны случаи цѣлыхъ сотенъ насмныхъ агентовъ и даже убійць, убивающихъ за деньги совершенно неизвѣстныхъ имъ людей. Понятно, что выгода, долженствовавшая послѣдовать для обвиненнаго Суарди изъ покражи, состояла не въ самой покражѣ, а въ платѣ, назначенной за нее тѣмъ, кто имѣлъ интересъ въ пропавшѣ важнѣйшихъ бумагъ покойнаго маркиза. Относительно втораго пункта, я обращаю ваше вниманіе, что подсудимый заблелся до того подъ вліяніемъ злобы, что прямо сказалъ, что графиня В*^в выдала его. Прошу секретаря прочесть эти слова въ протоколѣ, я отмѣтилъ ихъ тотчасъ, какъ только бумаги были доставлены въ сенатъ.

Секретарь поискалъ, нашелъ и прочелъ требуемое мѣсто протокола допроса.

— Какъ видите, слова эти трудно объяснить, хотя подсудимый искусно старался потому истолковать ихъ въ невинномъ смыслѣ. Но если человекъ принимается лукавить, то это служитъ доказательствомъ его виновности. Перейдемъ теперь къ свидѣтелямъ: первый, отрекался отъ своихъ показаній, отговорился безпамятствомъ, вслѣдствіе страха, внушаемаго невѣжественнымъ людямъ присягой; но его показанія вполне согласны съ показаніями втораго свидѣтеля, который самъ предлагалъ подтвердить ихъ присягой. Правда, говорятъ, что одного свидѣтеля недостаточно для улики, потому что онъ не удовлетворяетъ условіямъ безпристрастнаго свидѣтеля. Почему не удовлетворяетъ? Какой же свидѣтель удовлетворяетъ этимъ условіямъ? Я полагаю, тотъ, котораго жизнь безупречна. Безупречная жизнь, а не высокое положеніе, не знатность, не богатство составляютъ необходимое условіе довѣрія къ свидѣтелю. Маркизь Альфиери, осужденный въ прошломъ году венеціанской республикой за отравленіе мужа своей любовницы, не удовлетворяетъ этому условію при всѣхъ своихъ титулахъ и богатствахъ. Два года тому назадъ, причетникъ церкви Санъ Ситиро, единственный свидѣтель противъ Фальдеми, укравашаго лампаду съ главнаго алтара, былъ признанъ достаточнымъ свидѣтелемъ, потому что удовлетворялъ этому усло-

вію. Почему же мы не признаемъ Улпріано Борризоне? Нечего и говорить о нецѣлности предположенія, будто онъ дѣйствовалъ въ мести: подумайте, что онъ находился въ Кремонѣ и былъ до того далекъ отъ всякой мысли о мести, что пришлось отпра- виться туда за нимъ и выписать его въ Миланъ. И въ то время, какъ этотъ Борризоне имѣетъ за себя безупречное прошлое, об- виняемый, напротивъ, имѣетъ противъ себя очень дурную репу- тацию и, между прочимъ, кражу, совершенную раньше въ домѣ своего господина, который любилъ его и покровительствовалъ ему.

Тутъ Морозини замолчалъ, а сенаторъ графъ Габріель Верри, воспользовавшись этой паузой, заговорилъ съ живостью:

— Еслибы внутренняго убѣжденія судей въ виновности обви- неннаго было достаточно, чтобы дать право подвергнуть его пыткѣ, я ни на минуту не задумался бы предложить подвергнуть ей подсудимаго Суарди. Но этого убѣжденія недостаточно, по- тому что оно можетъ происходить отъ юридической ошибки, отъ невѣрнаго предубѣжденія, отъ невозможности разомъ обозрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ. Стало быть, въ такихъ случаяхъ надо пассивно слѣдовать закону.

— Но законъ предоставляетъ на произволь судей оцѣнку уликъ, возразилъ Морозини.

— Да; но нашъ предшественникъ, сенаторъ графъ Басси, въ своемъ драгоценномъ трактатѣ *De indicіis ante torturam* предписы- ваетъ судѣй добросовѣстно разобрать правдоподобіе и бѣроят- ность уликъ, *indicium verosimile et probabile sit*. Совѣсть же убѣ- ждаетъ насъ не полагаться легкомысленно на нравственное убѣж- деніе и, повторяю, слѣдовать въ точности закону. Самъ же за- конъ, какъ римское право, такъ и миланскіе уголовные статуты, предоставляютъ судить объ уликахъ судьямъ по своему усмо- трѣнію; поэтому надо обратиться за совѣтомъ къ комментаторамъ закона.

— Но коментаріи не евангеліе, и комментаторы точно также могутъ ошибаться, какъ и мы.

— Нѣтъ, большая разница. Они, толкуя законъ, не были ограничены узкимъ кругозоромъ спеціальнаго случая, а дѣлали выводъ изъ большого числа фактовъ, вслѣдствіе чего выводъ ихъ получаетъ значеніе абсолютной нормы. Мы же въ виду отдѣль- наго случая поневолѣ приходимъ къ выводу условному и относи

тельному. Коментаторы имѣть передъ нами то преимущество, что размышляли и писали вдали отъ извращающаго вліянія интутной страсти, временныхъ мнѣній и опасностей, представляемыхъ разсудку единичнымъ случаемъ, поэтому ихъ мнѣніе должно быть выслушано, мы обязаны принять его въ соображеніе; за отсутствіемъ опредѣленнаго, освященнаго и предписаннаго письменнаго закона, ихъ мнѣніе получаетъ силу закона, и изъ нихъ наибольшаго авторитета заслуживаютъ позднѣйшіе, наиболѣе одобренныя общимъ согласіемъ юристовъ и судей. Авторитетнѣйшими теперь признаются Казони и Фаринаціо. Они, ужаснувшись крайностей, до которыхъ дошли въ употребленіи пытки судьи, слишкомъ жестокосердые или слишкомъ довѣрчивые къ своимъ личнымъ впечатлѣніемъ, слишкомъ предубѣжденные, пришли къ убѣжденію—первый, что пытка не должна зависѣть отъ произвола судьи, а второй, что и оцѣнка узникъ не должна быть предоставлена этому произволу. Изъ протокола допроса Суарди не видно, что бы онъ былъ уличенъ во лжи, что дало бы законную улику, ибо нѣтъ двухъ свидѣтелей, требуемыхъ Фаринаціо, который тутъ замѣняетъ законъ. Возможно, что первый свидѣтель отказался отъ присяги по ошибкѣ, но мало ли, что возможно? Возможно, что второй свидѣтель показываетъ правду, но существуетъ основательное сомнѣніе противъ его правдивости, основанное на серьезныхъ непріятностяхъ, происшедшихъ между нимъ и обвиняемымъ. И опять таки мало ли что возможно, ибо въ правосудіи, какъ въ ариметикѣ, безъ повѣрки нельзя знать, вѣренъ ли расчетъ.

Въ это время въ залу вошелъ секретарь сената и пошепталъ что-то на ухо секретарю, присутствовавшему въ засѣданіи, который пошептался съ президентомъ, послѣ чего послѣдній обратился къ сенаторамъ:

— Часъ тому назадъ скончался графъ Ф***. Секретарю Карли поручено передать это сенату въ виду того, что кончина эта можетъ имѣть значеніе для занимающаго насъ теперь дѣла.

Это возвѣщеніе имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ преній. Сенаторы всѣ разомъ сошлись въ душѣ во мнѣніяхъ, хотя двое или трое изъ нихъ высказали еще различныя мнѣнія. Морозини съ жаромъ возсталъ противъ Верри, который какъ-то охладѣлъ и не вмѣшивался болѣе въ препирательства; сенаторъ Монгоне также молчалъ. Когда начали подавать голоса, оказалось, что

большинство сената рѣшаетъ въ пользу того, чтобы подсудимый Суарди былъ подвергнутъ простой и умѣренной пыткѣ. Въ тотъ же день слухъ объ этомъ рѣшеніи разнесся по городу по старанію самихъ сенаторовъ, которые знали, что публика строго осуждаетъ ихъ за слабое веденіе этого дѣла.

Юня 3 на площади Борромео въ церкви Санта Марія Подове при многочисленномъ стеченіи народа происходили торжественные похороны графа Ф***.

XI.

Два дня спустя, обвиненнаго Андреа Суарди привели снова на допросъ и объявили ему, что онъ долженъ рѣшиться сказать всю правду, а иначе будетъ поднятъ на дыбу, согласно рѣшенію сената, который призналъ достаточными имѣющіяся противъ него улики, особенно показаніе Баризоле, подтвержденное присягой. Галантино, полагавшій, что выйдетъ побѣдителемъ изъ очной ставки съ Баризоле, узнавшій отъ тюремщиковъ о смерти графа Ф*** и предавшійся въ слѣдствіе этого сладкой надеждѣ, что дѣло скоро будетъ прекращено, былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Его отчаяніе, досада, страхъ выразились такой вспышкой негодованія, которая безъ всякаго съ его стороны притворства придала ему видъ несправедливо угнетаемой невинности.

Эта вспышка произвела сильное впечатлѣніе на капитана юстиціи. Человѣкъ отъ природы добродушный, маркизъ Рекалькати не любилъ пытокъ, хотя считалъ ихъ печальной необходимостью. Убѣжденный въ томъ, что къ средству этому надо прибѣгнуть въ дѣлѣ Суарди, онъ однако не хотѣлъ брать на себя исполненіе пытки, и ожидалъ распоряженія сената. Вообще въ то время большинство судей было уже перасположено къ пыткѣ. Она доживала свои послѣдніе дни, и общественное мнѣніе, хотя еще не высказалось громко, было уже настроено противъ нея. Самые защитники ея своей защитой паносили ей удары. Сенаторъ Верри, приверженецъ пытки, неоднократно повторялъ въ сенатѣ извѣстную статью дигестовъ, гдѣ говорится о без-

доказательности и опасности пыток; правда, онъ говорилъ это, чтобы доказывать, какъ необходима крайняя осмтрительность въ примененіи пытки, потому что, пытая вѣру въ самое средство онъ требовалъ, чтобы употребленіе его было самымъ строгимъ образомъ обставлено всѣми законными условіями; при тщательномъ соблюденіи ихъ, ему казалось, пытка можетъ постичь только дѣйствительно виновнаго.

Понятно поэтому, какъ смутила капитана юстиціи мысль, что ему можетъ быть предстоить пытать виновнаго. Въ эту минуту въ залу вошелъ сенаторъ Морозини. Этотъ стоялъ за пытку не по теоретическому убѣжденію, какъ Верри, а по какой-то странной извращенности своей натуры, которая находила родъ сладострастія въ мученіи жертвъ,—чувство отвратительное, но болѣе собственное нашей природѣ, чѣмъ мы думаемъ, если судить по дѣтямъ, которые находятъ наслажденіе обрывать крылья бабочкамъ или общипывать живыхъ цыплятъ. Сенаторъ Морозини явился во дворецъ юстиціи каждый разъ, когда представлялся случай хорошей пытки. Онъ самъ бралъ на себя должность аудитора и актуаріуса, искусно сбивалъ подсудимаго съ толку вопросами, наставлялъ палачей въ ихъ гнусномъ ремеслѣ и, какъ капельмейстеръ въ оркестрѣ, давалъ тонъ и отъ ускореннаго темпа переходилъ къ замедленному. Онъ даже приказывалъ подавать себѣ шоколадъ и медленно прихлебывалъ его подъ крики пациента.

При входѣ его всѣ встали; ему пододвинули кресло, въ которое онъ грузно опустился, какъ всегда усаживаются для пущей важности люди сановные, хотя бы и не были обременены грузомъ лѣтъ или тучности. Усѣвшись, онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана золотую табакерку съ украшеніями рельефными и эмалевыми и предложилъ капитану юстиціи:

— А что лакей? спросилъ онъ, набивая табакомъ носъ довольно сенаторскихъ размѣровъ.

Галантно, между тѣмъ, успокоился и смотрѣлъ на новое лицо (сенаторъ былъ не въ тогѣ, а въ красномъ кафтанѣ съ галунами и въ парчевомъ жилетѣ) полусердито, полувасмѣшливо, какъ бы говоря:

— Поговорилъ бы я съ тобой, почтенный носъ, если бы мы были наединѣ!

сто лѣтъ.

Пока сенаторъ укладывалъ табакерку въ карманъ, актуаріусъ снова обратился къ Суарди:

— Еще разъ увѣщаю васъ сказать правду; избавьте меня отъ необходимости приказать поднять васъ на дыбу.

— Я буду повторять сказанное, потому что это правда, и никто не заставитъ меня сказать противное; никакимъ насиліемъ не выпудятъ меня въ этому.

— Чѣмъ насиліемъ? кротко спросилъ сенаторъ, хотя былъ по характеру вспыльчивъ.

— Того, у кого сила и кто употребляетъ ее, чтобы мучить безсильныхъ.

— Но зачѣмъ же вы упорствуете сознаться въ томъ, что ясно слѣдуетъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и свидѣтельскихъ показаній? сказалъ сенаторъ почти съ участіемъ.

— Что слѣдуетъ? Научите меня, ваше превосходительство, потому что изъ того, что я знаю и могу знать, противъ меня ничего не слѣдуетъ, и до сихъ поръ я только жертва подлой клеветы. Меня обвиняютъ въ кражѣ бумагъ маркиза Ф**; но кто можетъ утверждать это? Кто видѣлъ, что я кражу? Гдѣ эти свидѣтели?

— Если бы кто нибудь видѣлъ это, милый мой, намъ не надо было бы подвергать васъ пыткѣ. Васъ осудили бы прямо. Но вы сказали ложь, утверждая, что въ ночь кражи были въ Венеціи, тогда какъ были въ Миланѣ. Если вы хотѣли утаить тутъ правду, значитъ имѣли въ томъ интересъ. И ваше упорство вынуждаетъ судъ прибѣгнуть къ строгости.

— Я былъ въ Венеціи за недѣлю до масляницы и повторяю, что кто утверждаетъ противное, тотъ подлый лгуны.

— Увидимъ, сказалъ актуаріусъ.

Сенаторъ Морозини пошепталъ капитану, который всталъ. Актуаріусъ мигнулъ двумъ сборамъ, стоявшимъ позади Галантино; они схватили его подъ мышку и вывели въ сосѣднюю залу, гдѣ пытали. Сенаторъ, капитанъ и прочіе послѣдовали за ними въ это печальное мѣсто и сѣли. Актуаріусъ еще разъ обратился къ Галантино съ увѣщаніемъ и потомъ знакомъ приказалъ сборамъ дѣлать свое дѣло.

Они сняли съ него кафтанъ и жилетъ и потащили къ веревкѣ, висѣвшей на блокѣ.

Блѣдное лицо Галаптино вдругъ покрылось яркой краской. глаза блеснули яростью: гибкій и сплывый, какъ леопардъ, онъ съ бѣшеными проклятіями вывернулся изъ рукъ палачей, которые едва устояли на ногахъ. На секунду онъ освободился, но двое другихъ сбровъ подошли на помощь товарищамъ. Началась отвратительная борьба. Рубашка Галаптино была вся растерзана; шея, грудь, руки были обнажены. Въ этой паготѣ съ лицомъ, разгоряченнымъ борьбой, онъ былъ грозенъ и прекрасенъ, — великолѣпный экземпляръ человека-звѣря. Подъ пѣзпой какъ у ребенка кожей обрисовались мускулы гладиатора. Сенаторъ Морозини обратился къ капитану и сказалъ: — Какой красавчикъ!

Но уже красавчика схватили и скрутили какъ охапку сѣна, и крикъ, глухо замершій въ горлѣ, потому что желѣзная воля не дала ему вырваться, выдалъ боль, которую причиняли ему выверченныя руки.

Когда онъ былъ подвѣшенъ въ воздухѣ, актуариусъ опять повторилъ ему, чтобы онъ сказалъ правду.

— Я сказалъ, проревѣлъ онъ.

Сенаторъ Морозини приказалъ палачамъ еще приподнять жертву, причемъ снова понюхалъ табакъ и тщательно огряхнулъ концами пальцевъ соривки, упавшія на кружевное жабо.

Поднятый на веревкѣ, Галаптино слышалъ скрипъ блока и шорохъ веревки, но ни одного стопа не вырвалось у него, и на повторяемая слова актуариуса онъ отвѣчалъ одно и тоже.

Когда по приказанію капитана онъ былъ спущенъ съ дыбы, на нижней губѣ его была ярко-красная полоса: чтобы удерживаться отъ криковъ, онъ прикусилъ губу до крови.

Тогда капитанъ сталъ слова увѣщевать его, говоря, что за упорство ему угрожаетъ худшая пытка болодками; но Галаптино стоялъ на своемъ и отвѣчалъ, что если его будутъ жечь на медленномъ огнѣ, онъ и тогда не измѣнитъ своихъ показаній. Морозини велѣлъ снова поднять его на дыбу, но опять тщетно. Когда, наконецъ, его отвели въ тюрьму, капитанъ, актуариусъ и аудиторы выразили предположеніе, что онъ, можетъ быть, псевдивенъ.

— Молодъ и крѣпокъ, крѣпокъ и тѣломъ и духомъ, сказалъ Морозини, какъ бы съ удовольствіемъ. Простой пытки мало. Подъ сугубой сознается, увидите.

Сенату былъ посланъ протоколъ съ вопросомъ, прибѣгать ли въ сугубой пыткѣ. Но сенаторъ Верри рѣшительно возсталъ противъ этого, такъ какъ по единогласному мнѣнію всѣхъ компентаторовъ въ сугубой пыткѣ можно было прибѣгать только въ случаѣ обнаруженія новыхъ уликъ, чего въ данномъ случаѣ не было.

КНИГА ШЕСТАЯ.

I.

Прошло шестнадцать лѣтъ. Пригадъте ребятнишки и болтавъе подростки, родители которыхъ въ 1750 были еще незнакомы другъ съ другомъ; стали зрѣлыми и перезрѣлыми юношами тѣ, которыхъ тогдашніе зрѣлые юноши называли дѣтьми. Красавицы, кружившія головы въ цвѣтѣ двадцатипятилѣтняго возраста, достигли роковаго сорока, и термометръ относительно ихъ опустился до нуля. Кто былъ въ зрѣломъ возрастѣ, тотъ состарѣлся; кто былъ старъ, сталъ дряхлѣ. Адвокатъ Агудіо, напр, не можетъ уже ни въ каретѣ, ни въ качалкѣ отправляться въ коллегію юрисконсультовъ и не встаетъ уже съ постели, прикованный къ ней хроническимъ ревматизмомъ, хотя еще сохраняетъ ясный умъ, твердое знаніе законовъ и охотно даетъ совѣты приходящимъ къ нему. Живописецъ Лондоніо развелъ по всей Ломбардіи цѣлыя стада коровъ, быковъ, ословъ и козъ въ такомъ количествѣ и съ такой жизненной правдой, что прославился первымъ художникомъ своего времени въ этомъ родѣ. Пьетро теперь уже офицеръ въ отставкѣ и членъ верховнаго совѣта экономіи. Беккарія уже не мальчикъ, а тридцатилѣтній человекъ, прославленный на всю Италію и Европу книгой своей, которая для науки права была тѣмъ же, чѣмъ Вольтовъ столбъ сдѣлался впоследствии для физическихъ наукъ. Заговоривъ о книгахъ, мы должны сказать, что въ этотъ промежутокъ времени вышла въ Парижѣ Энциклопедія, соединившая въ общій союзъ и братство всѣхъ мыслящихъ людей Европы.

Фридрихъ II кончилъ со славой семилѣтнюю войну, но могущество идеи было уже такъ сильно, что побѣдопосный король казался ничтожествомъ передъ замиѣвающимъ его величіемъ героя мысли, Вольтера. Руссо уже издалъ свои главныя творенія, въ томъ числѣ Общественный Договоръ, гдѣ уже лежали зародыши Робеспьера и французской революціи. Въ Америкѣ готовилось возстаніе колоній, и Англія, угрожасмая ихъ отпаденіемъ, уже полагала начало своему владычеству въ древней Индіи. Но всѣ эти міровыя событія до насъ не касаются; мы должны обратиться къ знакомымъ намъ героямъ и познакомимся съ другими, до сихъ поръ неизвѣстными намъ дѣйствующими лицами.

Чтобы короче и нагляднѣе познакомить читателя съ новымъ положеніемъ героевъ нашего разсказа, мы воспользуемся правомъ разсказчика заглядывать во внутренности домовъ, заставляя людей въ раслохъ среди ихъ обычныхъ занятій.

Вотъ пріемная донны Паолы Пьетра, которую мы находимъ въ серьезномъ разговорѣ съ старушкой почти одинаковаго возраста, графиней Аресе, патронесою монастыря св. Филиппа Нери.

— Я сочла нужнымъ, говоритъ старушка, сообщить вамъ это важное обстоятельство. Дѣвушка слишкомъ красива, жива и пылка, чтобы ее можно было долше держать среди другихъ воспитанницъ, особенно при томъ обстоятельствѣ, о которомъ я говорю. Съ другой стороны, запретить ей гулять въ саду съ подругами, принять относительно ея особенныя мѣры значило бы возбуждать въ монастырѣ скандалъ, встревожить всѣхъ родственниковъ дѣвицы. А такъ какъ ей уже скоро исполнится пятнадцать лѣтъ, то самое лучшее взять ее вамъ отъ насъ и держать при себѣ.

— Благодарю васъ, графиня, за сообщеніе и за совѣтъ, отвѣчала донна Паола:—но въ такомъ дѣлѣ нельзя поступать слишкомъ торопливо. Если правда, какъ вы говорите, что этотъ человекъ купилъ домъ и садъ по сосѣдству съ монастыремъ съ очевиднымъ намѣреніемъ стропть козни противъ дѣвушки, то мнѣ кажется, что администрація монастыря могла бы возвести въ этомъ мѣстѣ ограду и уединить монастырь отъ сосѣдства, грозящаго опасностью спокойствію всѣхъ монахинь и воспитанницъ. Я сама говорю объ этомъ. Но завтра четвергъ; я повидаясь съ дѣвуш-

кой, распрошу ее, и затѣмъ мы вмѣстѣ съ нами увидимъ, что дѣлать.

Въ это самое время въ монастырѣ, въ ту минуту, какъ всѣ воспитанницы выходятъ попарно изъ дортуара, — одна изъ нихъ остается въ спальнѣ, останавливается передъ зеркаломъ, приглаживаетъ волосы, какъ бы поправляя излишнюю тонорность монастырской прически, снимаетъ шерстяной черный фартучекъ и стягиваетъ на своей тонкой талии поясъ туже, чѣмъ полагаются дортуарными правилами; затѣмъ она подходитъ къ своей кровати, беретъ изъ подъ подушки вѣтку жасмина и медленно, съ восторгомъ втягиваетъ въ себя его ароматъ; глубоко вздохнувъ, она снова прячетъ цвѣтокъ подъ подушку, оглядываясь украдкой вокругъ, потихоньку, какъ бы бравдучись, выходитъ изъ дортуара, спускается съ лѣстницы къ подругамъ и такъ горячо цѣлуетъ первую повашуюся изъ нихъ, что можно заподозрѣть, что поцѣлуй этотъ въ сущности предназначенъ кому нибудь другому.

Между тѣмъ вдали отъ Милана въ Болоньи, въ одной изъ аудиторій математическаго факультета, мы видимъ на кафедрѣ графиню Клею В***, читающую лекцію астрономіи человѣкамъ тридцати пяти молодыхъ студентовъ.

А въ это время въ Мюнхенѣ, по сосѣдству съ театромъ, теноръ Амореволи въ пестромъ халатѣ читаетъ письмо, полученное отъ снѣора Бруни, мужа танцовщицы Гауденци, который между прочимъ пишетъ ему:

Въ Неаполѣ моя Гауденци произвела фурроръ, не смотря на то, что уже немолода, и затѣмъ я отправился въ Миланъ заключать за жену условіе съ дирекціей герцогскаго театра на будущій карнавалъ 1766—67 года. Здѣсь я собралъ всѣ справки, о которыхъ вы меня просили. Дѣвочка воспитывается въ монастырѣ св. Филиппа Нери и носитъ имя графа В***; по графъ, который еще живъ, судебнымъ порядкомъ оспариваетъ законность ея рождения и не признаетъ ея дочерью. Процессъ тянется уже пятнадцать лѣтъ, такъ какъ графъ нѣсколько разъ возобновлялъ его, представляя новые документы и новыхъ свидѣтелей изъ Милана и Венеціи. Но до сихъ поръ Сенатъ постоянно отказывалъ его вскамъ и постановлялъ рѣшеніе противъ него, признавая дѣвушку его законной дочерью и потому имѣющею право на фамильное имя и на наследство послѣ графа».

Прочитавъ это, теноръ улыбнулся, подошелъ къ піанно и прѣвлекъ упражнять свое сорокалѣтнее горло.

Обращаясь снова въ Миланъ, войдемъ въ нижній этажъ дома въ улицѣ Пантано, пройдемъ рядъ комнатъ, гдѣ въ каждой сидятъ шпеды надъ толстыми шнуровыми книгами, и пройдемъ въ салонъ, гдѣ найдемъ красиваго мужчину лѣтъ тридцати пяти въ богатой одеждѣ; это сеньоръ Андреа Суарди, банкиръ, наследникъ сеньора Рокко Ротиньо, главный акціонеръ въ откупѣ солянаго, табачнаго и таможеннаго акциза герцогства миланскаго. Онъ даетъ приказаніе одному изъ своихъ служащихъ:

— Въ силу статьи 8 декрета 7 апрѣля текущаго года и по приказанію президента камеры, какъ будетъ видно изъ бумаги, которую вы получите, вы произведете строжайшій обыскъ въ монастырѣ св. Филиппа Нери, гдѣ, какъ намъ извѣстно, скрыто большое количество испанскаго табаку. Такъ какъ мѣсто это пользуется привилегіей священнаго убѣжища, то для вашего руководства начальникъ канцеляріи прочтетъ вамъ относящееся до этого постановленіе послѣдняго конкордата съ священнымъ престоломъ.

Отпустивъ чиновника, бывшій лакей позвонилъ и сказалъ вошедшему слугѣ въ галунахъ:

— Вели осѣдлать мнѣ лошадь.

Въ это же время собрался на прогулку верхомъ одинъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати шести, наружностью очень похожій на портретъ Шелли, эксцентрическаго друга лорда Байрона. И немудрено. Онъ былъ по отцу англичанинъ, Вильямъ Краль, старшій сынъ донны Паолы Пьетра. Этотъ молодой человекъ, обсакавъ вдоль всей городской стѣны, направлялся по улицѣ Нуола, гдѣ находился монастырь св. Филиппа Нери, какъ разъ въ то время, когда въ ту же улицу съ противоположнаго конца въѣзжалъ сеньоръ Суарди. Они встрѣтились почти у самаго монастыря, и вслѣдъ затѣмъ Суарди остановился у сосѣдняго дома.

II.

Читатель едва ли удивится, увидавъ здравствующимъ и процвѣтающимъ Галантино, котораго мы оставили на дыбѣ, потому что извѣстно, что судьба всегда покровительствуетъ плутамъ. Мы не будемъ докучать ему воспроизведеніемъ всего, что было писано актуаріусами и аудиторамъ съ того момента, какъ Суарди сняли съ дыбы; результатомъ всего этого чернилопролитія было то, что подсудимый за недостаткомъ уликъ былъ по рѣшенію Сената выпущенъ на свободу.

Вмѣстѣ съ свободой ему были возвращены его паксея на банкъ Санъ Марко въ Венеціи, и онъ тотчасъ же озаботился вступить въ сношенія съ управляющимъ фамиліи Ф***, Ротиньо. По смерти графа Ф***, его управляющій, которому онъ оставилъ по завѣщанію 200,000 лпръ, покинулъ его домъ и вошелъ въ компанію по торговымъ дѣламъ съ своимъ братомъ, Рокко.

Въ тотъ самый 1750 годъ, съ котораго начался нашъ разговоръ, миланскій намѣстникъ, генералъ Паллавичини, отиѣнилъ всѣ частные откупа, соединилъ въ одно всѣ акцизы, соляной, табачной, пороховой и проч., и учредилъ такъ называемый генеральный откупъ, ввѣренный компаніи, одними изъ главныхъ акціонеровъ которой былъ Рокко Ротиньо; къ нему то и присоединился бывшій управляющій.

Если первой мыслью Галантино по выходѣ изъ тюрьмы было обратиться къ Ротиньо, то и Ротиньо съ своей стороны дѣла не проводилъ, чтобы не подумать о немъ, потому что вся его будущность зависѣла отъ исхода процесса лакея. Процессъ этотъ тяготѣлъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, и потому по смерти графа онъ успѣшилъ отклоняться его наследнику и удалиться къ брату въ Бергамо, такъ какъ въ Миланѣ не чувствовалъ подъ собой достаточно твердой почвы. Получивъ извѣстіе, что Суарди освобожденъ по недостатку уликъ, Ротиньо вздохнулъ свободно и почувствовалъ такую развязность, что когда братъ его, проживавшій больше, чѣмъ жаждалъ, и запутавшійся въ дѣлахъ, предложилъ ему вступить вмѣстѣ съ нимъ въ очень выгодное дѣло, съ обязательствомъ внести въ него по крайней мѣрѣ половину своего капитала, онъ тотчасъ согласился.

Это столь выгодное дѣло было именно генеральнѣйшій откупъ, учрежденный графомъ Паллавичини. Въ началѣ 1751 года, почти въ то самое время, какъ Суарди началъ послѣ 7 мѣсяцевъ заключенія дышать снова свободнымъ воздухомъ, Ротиньо съ своими компаньонами, Грети и Нецалио, начали дѣйствовать въ качествѣ генеральныхъ откупщиковъ. Имъ кондобоилось въ это время множество чиповниковъ, прикащиковъ, сборщиковъ и мелкихъ пайщиковъ, которые внесли бы имъ маленькіе капиталы и получали бы за это извѣстное вознагражденіе и извѣстную долю въ барышахъ. Галаптиньо, очутившись на свободѣ, пустился разыскивать Ротиньо, узнавъ, что онъ въ Бергамо, отправился къ нему и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, результатомъ котораго была выплата ему остатка обѣщанной суммы; но, сверхъ того, Ротиньо пужно было навсегда замазать ротъ этому пронырѣ, отъ котораго онъ чувствовалъ себя въ вѣчной зависимости; поэтому онъ предложилъ ему вступить въ откупъ въ качествѣ пайщика и сборщика пошлинъ, внося часть своихъ денегъ. Суарди тотчасъ смекнулъ выгодность дѣла, внесъ 15 т. лиръ и поступилъ на службу откупа. Онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вернулся въ Миланъ и принялся за свою должность съ необыкновеннымъ усердіемъ и, можно сказать, лихорадочною дѣятельностью. Въ качествѣ сборщика пошлинъ, онъ отличился такой ловкостью и изворотливостью, что, какъ говорится, нашель способъ выжимать кровь даже изъ рѣны, и слылъ искусѣйшимъ и полезѣйшимъ изъ служащихъ, а въ то же время посредствомъ хитрыхъ комбинацій, которыя никому другому п въ голову не пришли бы, втѣхомолку набивалъ и свой карманъ. Черезъ нѣсколько времени онъ внесъ въ откупъ еще 20 т. лиръ и получалъ съ своего капитала 50 и 100 на сто. Пьетро Верри въ незаданномъ мемуарѣ говоритъ, что откупщики были проходими безъ капиталовъ или съ ничтожными капиталами, но отчаянно смѣлые. Они платили казнѣ 5 милліоновъ въ годъ, а съ откупа имѣли чистаго дохода 6½ милліоновъ; кромѣ того, они такъ стѣснили шелковую промышленность, что большая часть шелковыхъ коконовъ, производимыхъ въ странѣ, доставалась имъ за безцѣпокъ и шла на ихъ фабрики, которыя они заводили всюду подъ чужими именами. Такъ и Рокко Ротиньо приобрѣлъ на имя Суарди обширную шелковую фабрику на границѣ Бергомскаго округа; Суарди

и пѣ этого номинальнаго пріобрѣденія умѣлъ извлекать выгоду. Когда Робко Ротипьо, получавшій теперь огромный доходъ, совершенно предался свѣтской жизни, а его дѣловой братъ умеръ, Суарди сталъ распоряжаться безграбично дѣлами своего патрона, и его доходы, явные и тайные, возрастали не по днямъ, а по часамъ. Такъ шли дѣла почти четыре года, до августа 1754, когда наконецъ миланскій народъ возмутился противъ наглости откупщиковъ. Въ это время стали особенно часты и предприимчивы обыски въ лавкахъ и магазинахъ, въ частныхъ домахъ, даже въ балацахъ знати, даже въ монастыряхъ, привлегинъ которыхъ какъ разъ въ это время были временно отлучены подлежащимъ начальствомъ. Личность и *augi sacra famae* откупщиковъ внушили имъ систему чрезвычайной щедрости во взяткахъ; щедрость ихъ была такъ полновѣсна, что всякая предержавшая власть только простирала руки и закрывала глаза, закономъ и силой помогая злоупотребленіямъ, наспліямъ и беззаконіямъ. По праздникамъ, да и въ будни, подъ разными предлогами властямъ посылались ящики съ лучшимъ каракасскимъ шоколадомъ, которымъ была залита начинка изъ талеровъ, цеклиновъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей и драгоценностей, смотря по чину особы и по большому или меньшему расположенію ея къ откупу. Однажды цѣлый золотой сервизъ, въ 80 тысячъ дукатовъ цѣною былъ завёрнутъ въ вату, прикрытъ сверху какао, кофеемъ и чаемъ и отправленъ въ Вѣну на имя князя Кауница. Стало быть, хотя и въ мутной водѣ ловить рыбу было очень свѣтло; спнедріонъ объѣдался, засѣдалъ за трапезой, вооруженный страшными челюстями, а тѣмъ временемъ легионъ чиповниковъ его вламывался нагло всюду, все переворачивая вверхъ дномъ часто напрасно, а иногда чтобы дорогою цѣною продать потачку.

Возмущенные миланцы, не имѣя возможности лишать себя необходимыхъ потребностей, чтобы подорвать откупъ, рѣшились отказать по крайней мѣрѣ отъ употребленія табаку, доставляшаго ему главный доходъ. Въ четыре дня не только въ Миланѣ, но и во всѣхъ остальныхъ городахъ герцогства табакъ былъ почти совершенно покинутъ. На площади жгли деревянные табакерки, серебряныя жертвовались на раку св. Карла, печатались шуточные и сатирическіе куплеты, вкладывались въ пустыя табакерки и посылались людямъ, которыхъ подозревали въ услу-

шанин общему рѣшенію; сочились стихи, пѣсни, всякаго рода шутки и быстро расходились по всему герцогству. Надъ главнымъ входомъ табачнаго акциза повѣсили надпись огромными буквами: Лавка сдастся раньше срока; чиновникамъ откупа, сплѣвнившимъ въ этомъ аданіи, подбросили мотовило въ знакъ того, что такъ какъ табачный акцизъ скоро закроется, то имъ придется принятъ за мотавіе нитокъ; въ другой разъ къ нимъ пришла толпа будто бы крестьянъ, пріѣхавшихъ въ Миланъ продавать нитки. На новомъ дворцѣ его превосходительства графа донъ-Бельтрама Крестіани, предѣдателя правительственнаго совѣта и главнаго столпа откупа, написали: *Sumptibus Firmariae generalis* (Изданіемъ генеральнаго откупа), а улицу Монжорже, гдѣ красовался этотъ дворець, прозвали улицей «Двойныхъ челюстей».

Шесть мѣсяцевъ продолжалось это общее воздержаніе отъ табаку. Наконецъ, Андрей Суарди, чтобы помочь бѣдѣ откупа и вмѣстѣ съ тѣмъ самому при этомъ удобномъ случаѣ сдѣлать хорошую аферу, придумалъ гениальную вещь. Онъ предложилъ главнымъ откупщикамъ: продавать въ некоторое время дешево дорогой табакъ подъ видомъ контрабанды, рассчитывая, что когда ломбардцы снова привыкнуть къ нему, то едва ли вторично рѣшатся отказать. Идея была одобрена, и исполненіе ея поручено ему самому. такъ что онъ нашелъ возможность въ одно и то же время наживаться и на счетъ населенія, и на счетъ откупа. Онъ уже давно размышлялъ о томъ, какъ выгодно было бы организовать контрабанду въ обширныхъ размѣрахъ и управлять этимъ учрежденіемъ, беря въ расчетъ общее отвращеніе къ откupu, и сообразилъ, что не можетъ взяться за это дѣло, потому что будучи чиновникомъ общества, не могъ вступить въ сношенія съ пограничными контрабандистами, не возбуждая подозрѣнія сослуживцевъ. Теперь, получивъ отъ самихъ откупщиковъ согласіе на тайную продажу табаку подъ видомъ контрабанды, онъ, уже не боясь наплечъ подозрѣній, организовалъ постоянную контрабанду; она щедро вознаграждала его за потери, которыя его собственное плутовство наносило ему въ качествѣ акціонера общества. Между тѣмъ онъ продолжалъ разсматривать своихъ сбровъ конфисковать въ лавкахъ и домахъ табакъ и другія контрабандныя вещи, дѣлавшія конкуренцію его контрабандѣ. Главные от-

кушники не могли похвалиться имъ, а пограничные контрабандисты не знали, какъ благодарить его.

Черезъ полгода, когда миланцы снова привыкли къ табаку, обзавелся новыми табакерками, откупъ снова вступилъ въ свои права. Но откупщики уже по громадности выгодъ своихъ чувствовали, что дѣло не можетъ долго такъ продолжаться и съ ожесточеніемъ торопились извлечь изъ него всѣ возможные и невозможныя выгоды. Страхъ ихъ усилился, когда, въ 1757 году, откупа были уничтожены въ панской области и всѣ журналы принялись въ одинъ голосъ восхвалять мудрость Бепедикта XIV, выражая надежду, что и другія правительства не замедлятъ послѣдовать такому высокому примѣру. Меньше всѣхъ былъ напуганъ этимъ Суарди, потому что откупъ былъ не единственнымъ источникомъ его наживы. Около этого же времени его бывший патронъ, Рокко Ротиньо, вследствие безумной расточительности и постигнутый послѣднимъ ударомъ съ стороны Суарди, разорился въ прахъ и исчезъ въ одно прекрасное утро изъ Милана, оставивъ громадныя долги. Интересно, какъ образчикъ нравовъ, папское посланіе, изданное по этому случаю въ Миланѣ за подписью каноника Бизетты, архіепископскаго канцлера; въ немъ увѣщаются всѣ, имѣющіе у себя какія нибудь имущества Ротиньо, или укрывающіе ихъ, или знающіе о мѣстонахожденіи ихъ, немедленно извѣстить о томъ судъ, подъ страхомъ церковнаго отлученія. Несомнѣнно, что это отлученіе едва ли не больше всѣхъ должно было постигнуть Суарди, но опять, какъ и всѣ остальные «укрыватели» имущества Ротиньо, ни мало не озаботился этимъ.

Съ тѣхъ поръ прошло еще восемь лѣтъ, благополучнѣйшихъ для Суарди. Въ 1766 году, откупщики добились эдикта 7 апрѣля, ими самими изобрѣтеннаго и сочиненнаго, и проведеннаго ихъ обычными средствами. Эдиктъ состоялъ изъ 28 статей, въ которыхъ предусматриваются съ необыкновенной точностью всѣ не только вѣроятныя, но и просто возможные случаи нарушенія интересовъ откупа. Взысканія, полагаемыя эдиктомъ за укрывательство контрабанднаго табаку, превышаютъ всякую мѣру; отъ штрафа въ 100 лиръ за каждый фунтъ табаку они доходятъ до тѣлеснаго наказанія, трехъ лѣтъ каторжной работы и даже конфискаціи всего имущества; и что еще невѣроятнѣе, подобныя наказанія угрожаютъ хозяевамъ за вину слугъ, отцамъ за-

вплу дѣтей. Даже имѣніе у себя контрабанднаго табаку въ самомъ маломъ количествѣ, непревышающемъ размѣръ личного употребленія, въ силу 3-й статьи влекло за собой тѣлесное наказаніе, тюрьму, ссылку, а для дворянъ — заключеніе въ крѣпости. По 8-ой статьѣ—чиновники откупа были уполномочены пропикать во всякое время и во всякій часъ всюду, во все частные дома, а также во все мѣста, пользующіяся въ другихъ отношеніяхъ особыми привилегіями, дѣлать обыскъ въ монастыряхъ, даже въ крѣпостяхъ и казармахъ, причемъ, въ случаѣ открытія контрабанды, военное начальство подлежало штрафу въ четверо болшей стоимости товара.

III.

Изъ письма сибьора Бруни, сопоставленнаго съ приказомъ Суарди своему прикащику, можно заключить, что была какая-то связь между контрабанднымъ табакомъ и одной изъ воспитанницъ монастыря св. Филиппа Нери. Дѣвушку эту звали Ада. Она родилась лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ Миланѣ и въ дѣтствѣ выдержала все невзгоды этого возраста, какъ то коклюшь, корь, угрожавшую скрыться вслѣдствіе несчастнаго дуповскія сквознаго вѣтра и поставившую на ноги весь медицинскій факультетъ Милана, и т. п. Затѣмъ она была разлучена съ матерью, которая отправилась профессорствовать въ Болонью, такъ какъ читатель вѣроятно уже догадался, что мать ея была донна Клелія. Въ то время Адѣ было пять лѣтъ; только чегыре года спустя, графиня могла на короткое время побывать въ Миланѣ, чтобы повидаться съ дочерью, воспользовавшись поѣздкой графа въ Парижъ. Увидавъ ее, она не могла налюбоваться на это лучшее произведеніе свое. тѣмъ болѣе, что глаза ея напомнили ей другіе глаза, хотя вообще дѣвочка походила на свою мать, какъ маленькая жемчужина на крупную. Но взглядъ и улыбка, на мгновеніе измѣняя ея черты, придавали ей по временамъ неуловимое, но поразительное сходство съ отцомъ, конечно, не съ графомъ В***.

Графиня вернулась въ Болонью, и дѣвочку снова отвезли въ монастырь, гдѣ она воспитывалась подъ высшимъ наблюденіемъ донны Паолы Пьетра. Выростая, она хорошилась не по днямъ, а по часамъ. Въ тринадцать лѣтъ она обращала на себя общее вниманіе, когда по четвергамъ выѣзжала изъ монастыря въ доннѣ Паолѣ. Въ четырнадцать лѣтъ она уже знала, какое впечатлѣніе производить, и начала смотрѣть на міръ уже не дѣтскими глазами. Наконецъ, ей стукнуло 15 лѣтъ, и въ это время ей не случайно подвернулся на глаза Суарди, который, зная его происхождение, уже съ нѣкотораго времени слѣдилъ за нею. Ему было въ то время лѣтъ 35, но онъ былъ въ полномъ мужественномъ развитіи своей блистательной красоты и казался на нѣсколько лѣтъ моложе.

Никому конечно въ голову не пришло бы, что сеньоръ Андреа Суарди, одинъ изъ главныхъ откупщиковъ, владѣлецъ трехъ домовъ въ Миланѣ, двухъ большихъ магазиновъ, двухъ шелковыхъ фабрикъ, великолѣпной виллы близъ Горла, другой маленькой виллы въ Брианцѣ, кушающей на золотѣ, почивающей подъ балдахномъ фіолетоваго атласа, украшенной брилліантами на пальцахъ и цѣпочкахъ, галопирующей на великолѣпномъ нормандскомъ жеребцѣ буланой масти съ длинной черной гривой и хвостомъ, взметающимъ пыль миланскихъ улицъ среди рядовъ каретъ и колясокъ, привлекавшій взоры дамъ и вызывавшій недоброезательные взгляды ихъ мужей,—былъ тотъ самый Галантино, который родился въ Конюшнѣ, служилъ лакеемъ, выигрывалъ призы на состязаніяхъ скороходовъ, подозрѣвался въ кражѣ, шулерничалъ въ Венеціи, съ мужествомъ древняго римлянина выдерживалъ пытку на дыбѣ и наконецъ вышелъ изъ рукъ правосудія чистый, какъ прокаженный по выходѣ изъ сѣрной ванны. Но какъ ни велика была перемѣна, хотя и самъ себѣ онъ казался совсѣмъ другимъ человекомъ, а все же прошлаго не могъ истребить, и въ своемъ новомъ положеніи часто руководствовался мотивами, внесенными изъ прежняго. Ему остался памятенъ его разговоръ съ графиней Клеціей въ Венеціи, и въ головѣ его крѣпко сидѣло убѣжденіе, что она была главной виновницей его ареста. Съ тѣхъ поръ мысль о мести не покидала его, и потерпѣвъ однажды неудачу въ своихъ планахъ мщенія, онъ однако не расстался съ ними. Конечно, онъ былъ не таковъ, чтобы пзъ-за ихъ прене-

бредать своими дѣлами или даже чтобы съ особеннымъ ослѣпленіемъ стремиться къ этой цѣли, какъ къ единственной; но онъ всегда мечталъ, что хорошо было бы, еслибы подвернулся случай отмстить. Съ другой стороны, онъ питалъ глубокое отвращеніе и ненависть ко всей аристократической кастѣ, и въ новомъ его положеніи эта ненависть еще усилилась, потому что, несмотря на его новую кожу, въ театрѣ, въ клубахъ, въ игорныхъ домахъ, въ обществѣ эта каста выказывала ему явное пренебреженіе. Онъ мучился желаніемъ сравняться съ ней и вмѣстѣ уязвить ее, устроивъ дѣла такъ, чтобы какая-нибудь знатная дама, богатая, молодая и красивая, скомпрометировалась черезъ него, а еще лучше, чтобы въ сѣти его попала какая-нибудь молоденькая и неопытная маркиза или контесса такъ, чтобы сталъ необходимъ бракъ ея съ нимъ.

Онъ долго мечталъ объ этомъ, не давая однако этимъ мечтамъ никакого осуществленія, — и то только въ свободное отъ занятій время, за кофеемъ послѣ обѣда или во время уединенной прогулки верхомъ или поутру съ просонковъ въ ожиданіи, когда слуга войдетъ къ нему со стаганомъ сахарной воды. Но однажды за обѣдомъ у одного изъ его собратьевъ по откупу зашла рѣчь о графинѣ В***, и одинъ изъ гостей сказалъ: «Кстати, я видѣлъ вчера ея дочь, что воспитывается въ монастырѣ св. Филиппа; что за прелесть! Вылитая мать, но при этомъ еще неподражаемая грація, которой у матери не было».

При этихъ словахъ у Суарди тотчасъ мелькнула мысль: «Посмотримъ!» Распросивъ гостя о подробностяхъ встрѣчи его съ дѣвушкой, онъ въ первый же четвергъ очутился въ надлежащей частъ въ надлежащемъ мѣстѣ и увидѣлъ Аду. Затѣмъ, блуждая въ окрестностяхъ монастыря, онъ замѣтилъ по сосѣдству съ нимъ домъ съ садомъ, зашелъ освѣдомиться, чей онъ, и спросилъ, не согласенъ ли бы хозяинъ продать его, такъ какъ онъ давно уже прикидывалъ въ Миланѣ обширное помѣщеніе не слишкомъ далеко отъ центра города для склада товаровъ. Хозяинъ оказался не очень расположеннымъ къ продажѣ, но Суарди не хотѣлъ упускать случая, далъ выгодную цѣну и вскорѣ сдѣлался обладателемъ этой собственности. При этомъ онъ имѣлъ въ виду въ сущности только приобрѣтеніе склада для товаровъ; но смутно ему уже рисовалась другая цѣль, побудившая его не постоять за цѣною. Вся-

кій четвергъ онъ показывался Адѣ, которая съ своей стороны не замедлила замѣтить его. Какъ скоро они обмѣнялись взглядомъ, онъ поспѣшилъ указать ей, что живетъ въ домѣ рядомъ съ ея монастыремъ.

Июль 1766 онъ ежедневно отправлялся въ этотъ домъ въ тотъ часъ, когда монахини и воспитанницы выходили въ свой садъ на прогулку. Было бы несправедливо думать, судя по прежнему его настроенію, что въ своихъ маневрахъ онъ руководствовался исключительно желаніемъ отмстить графинѣ и ея кастѣ. Ада произвела на него сильное впечатлѣніе, и послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ нею, онъ почувствовалъ къ ней если не любовь, то во всякомъ случаѣ сильное чувство, совершенно независимое отъ его плановъ мести. Давно уже справедливо сказано, что исключительная добродѣтель и исключительная порочность—вещи одинаково небывалыя, и что въ самомъ дурномъ человѣкѣ есть своя доля хорошаго. Когда въ сумеркахъ онъ стоялъ на балконѣ своего дома, противъ ограды монастырскаго огорода, посѣщаемого только садовникомъ, и смотрѣлъ черезъ этотъ огородъ въ садъ, гдѣ гуляли монахини и воспитанницы, не видя ихъ за стѣной, но слушая ихъ свѣжіе голоса и стараясь разобрать среди ихъ голоса дѣвушки, невыходившей у него изъ воображенія, въ мысляхъ его не было никакой дурной примѣси; онѣ были полны только нѣжной симпатіи. Онъ даже не дѣлалъ никакихъ дальнѣйшихъ плановъ, довольствуясь этимъ обожаніемъ издалека и, можетъ быть, ожидая какого нибудь счастливаго случая, который самъ устроитъ бы дѣло.

Онъ и не подозрѣвалъ, что счастье благоприятствуетъ ему, что если Ада произвела на него столь сильное впечатлѣніе, то и онъ возмущилъ душевное спокойствіе дѣвушки. Она замѣтила, что человѣкъ, обратившій на себя ея вниманіе, живетъ въ сосѣднемъ домѣ и начала на прогулкахъ удаляться отъ подругъ, бродить по отдаленнымъ закоулкамъ сада съ смутнымъ инстинктомъ гдѣ нибудь увидѣть его. Когда жужжаніе молоденькаго роя на минуту замолкало вокругъ нея, она прислушивалась, затанвъ дыханіе, какъ будто ожидая, что въ тишинѣ до нея долетитъ какая нибудь вѣсть отъ него. Однажды она забрела въ уголъ сада, гдѣ былъ сарайчикъ, служившій для склада дровъ и храненія садовыхъ орудій огородника; она вошла туда, какъ путешественникъ, отис-

живающій неизслѣдованныхъ еще странъ и, замѣтивъ въ задней стѣнѣ окошечко съ желѣзной рѣшеткой, приложила къ нему свое личко, — и въ ту же минуту отскочила въ волненіи и упала на связку соломы. Суарди стоялъ на балконѣ, и посредь нпмъ на мгновеніе блеснуло и снова пчезло, какъ метеоръ, это сіяющее личко.

IV.

На другой день (это было въ первой половинѣ іюня) Галантно разумѣется вернулся на свой обсервационный пунктъ, но не выходилъ на балконъ и скрывался за жалюзи. Онъ не надѣялся, что успѣтъ уже произвести на дѣвушку на столько сильное впечатлѣніе, чтобы осмѣлится попытаться, вступить въ переписку. Въ первый разъ въ жизни ему приходилось вытъ дѣло съ дѣвушкой столь чистой, которой онъ по лѣтамъ годился въ отцы. Стоя молча за полузакрытыми жалюзи, онъ ждалъ, думая про себя: — «Если она сегодня вернется, значить... будь что будетъ, но никто не вправѣ будетъ упрекнуть меня тогда, если же не вернется...

Ада вернулась и выглянула въ окошечко, выглянула и спряталась, опять выглянула и опять спряталась, какъ серна, въ нерѣшимости выглядывающая изъ за скалы: вдругъ вѣтеръ доноситъ до нея шумъ охоты, она мчится, останавливается, озирается недоувѣрчивымъ окомъ, и успокоенная возвращается на прежнее мѣсто. Не видя никого на балконѣ, Ада ободрилась, опять выглянула и забылась на мѣстѣ въ нѣмомъ созерцаіи. Суарди вдругъ явился на балконѣ, и въ ту же минуту запимочка влѣтъла въ окошко, у котораго задумалась дѣвушка. Она вспыхнула, отскочила и бѣжала, но, захвативъ съ собою записку, гдѣ лежалъ цвѣтокъ, тотъ самый жасминъ, который, какъ мы видѣли, она такъ усердно нюхала въ своемъ дортуарѣ. Тогда Суарди уже несомнѣвался, что сердце дѣвушки неравнодушно къ нему, и эта увѣренность внушила ему намѣренія и планы, до сихъ поръ не приходившіе ему въ голову. Возвратясь домой, онъ тотчасъ по-

слать слугу за садовникомъ монастыря св. Филиппа, приказавъ ему, въ случаѣ если садовникъ запряжится прійти, задобрить его деньгами. Вслѣдствіе этихъ мѣропріятій садовникъ вскорѣ очутился въ дѣловомъ кабинетѣ откупщика.

— А, вотъ хорошо, что пришелъ! сказалъ ему Сгарди:—спасибо! Ты любишь клярское?

— Некогда было очень полюбить то, всего разъ удалось попробовать, третьяго года поднесли у маркизы Оттобони, когда я носилъ ей букетъ по случаю свадьбы ея дочери, которая у насъ въ монастырѣ воспитывалась.

— Ну, припомни, выпей вотъ этого.

— Благодарю покорно... Хорошо! Теперь позвольте спросить, что вашей милости требуется?

— Скажи мнѣ, пожалуйста, ты женатъ?

— Куда мнѣ еще въ женитьбу соваться? На монастырское жалованіе дай Богъ самому снтому быть, у меня еще мать старуха. Гдѣ тутъ жену съ дѣтьми содержать?

— Странно; я думалъ, тебѣ хорошо; я знаю многихъ садовниковъ и огородниковъ, которые много получаютъ. Почему же такъ?

— Не знаю, какъ другіе, а о себѣ знаю... Должно быть, когда заводили монастырь, о садовникѣ не вспомнили. Мать эконома мнѣ еще отъ себя приплачиваетъ, а посторонніе заработки когда случатся, а когда и нѣтъ. Выпадаютъ года, когда не бываетъ выпуска воспитанницъ изъ монастыря; тогда нѣтъ даже случая поднести букета, а это моя единственная прибыль съ сада, огородничество вовсе ничего не даетъ; вся эта овощъ, морковь, бобы, капуста, лукъ, идетъ въ кухню, а тамъ уже поваръ ея распорядится.

— Ну, и прекрасно, что такъ. А я боялся, что тебѣ черезъ чуръ хорошо.

— Какъ? Отчего?

— Оттого что мнѣ нуженъ садовникъ, хорошій садовникъ на виллу мою въ Брианцѣ. Плата хорошая, и весь доходъ съ огорода въ его пользу, да кромѣ того позволено продавать для себя букеты пріѣзжимъ барынямъ. Я тебя замѣтилъ; показалось мнѣ, что ты человекъ подходящий. Не старъ, не молодъ, плечи широкія, лицо открытое, видъ смилшенный, но честный. Тамъ ты могъ бы

и жениться; я думаю, не разъ брала тебя охота обзавестись женой?

— Извольте шутить.

— Нѣтъ, не шучу. Впрочемъ если ты любишь вести дѣло на чистоту, то съѣздимъ хоть завтра на виллу, а пока я пожалуй дамъ тебѣ хоть сейчасъ полдюжины цеккиновъ въ задатокъ. Любишь цеккины?

— Больше киврскаго.

— Что-же согласенъ?

— Согласенъ.

— Ну, вотъ цеккины. Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть. Такъ?

И съ этими словами онъ отпустилъ садовника, не сказавъ ему больше ничего.

На другой день онъ снова стоялъ прижавшись за балкономъ, ожидая прихода Ады. Она пришла, и онъ заговорилъ съ ней, сказалъ ей нѣсколько незначительныхъ словъ единственно, чтобы узнать, отвѣтитъ ли она. Она отвѣчала, и ея бархотный голосъ меццо-сопрано довершилъ очарованіе.

Въ этотъ же день онъ снова послалъ за садовникомъ и сказалъ ему.

— Послушай, прежде чѣмъ ѣхать въ деревню, ты долженъ сослужить мнѣ службу.

— Что прикажете?

— Прежде всего мнѣ надо сказать, пускаютъ ли тебя входить въ монастырь?

— Куда пускаютъ, а куда и не пускаютъ.

— Куда-же, напримѣръ, пускаютъ?

— Въ кухню, въ дровяной сарай, въ погребъ, а иногда и въ дортуары что нибудь почистить, когда монахини и воспитанницы въ трапезѣ или гуляютъ въ саду; а когда онѣ спятъ, пускаютъ убирать въ трапезу.

— И ты одинъ все это дѣлаешь?

— Нѣтъ, съ разсыльными.

— Хорошо. Ну вотъ, пойдѣ-ка сюда.

Садовникъ послѣдовалъ за Суарди внизъ, гдѣ была кладовая.

— Видишь все это добро?

— Визу и слышу. Такъ табакомъ разить, что и не нюхавши зачихаешь.

— Ну, вотъ мнѣ требуется, чтобы ты все это добро — его, какъ видишь, не очень много, — поприпряталъ въ монастырѣ въ разныя мѣста, гдѣ его не сразу увидали-бы.

— О, какъ это можно?

— Было-бы охота, а то все можно.

— Правда, правда, да...

— Что?

— Вашей милости извѣстенъ новый законъ?

— Еще бы! Самъ дѣлалъ!

— Понимаю.

— Стало быть, я могу и не исполнять его.

— Вы то такъ, а монастырѣ?

— Что-же ты влюбленъ въ монахинь, что ли?

— Какъ?

— Стало быть, не твое дѣло, а вотъ тебѣ еще пара цекиповъ, итого восемь. А по окончаніи дѣла будетъ еще четыре — до дюжины. Найди ты мнѣ во всемъ герцогствѣ садовника, который получалъ бы по двѣнадцать цекиповъ въ сутки.

— Конечно, за садовничье дѣло не получишь, но вѣдь тутъ ужъ дѣло идетъ не о лукѣ и салатѣ.

— Такъ какъ же?

— Эхъ, чего тутъ! Богъ съ ними, съ монашками!

— Такъ стало быть?

— Стало быть дѣло рѣшенное.

— Ну вотъ я прямо сказалъ: лицо открытое, вѣдь смысленный, но честный.

— Смысленный, это такъ, а что до честности, трудно ее соблюсти.

— Ну, ну, глупости, не философствуй; вреда никому не будетъ, да притомъ сдѣлавъ дѣло, ты отправишься въ деревню, а на твое мѣсто поступитъ другой. Не мѣшаетъ тебѣ сейчасъ же заняться подысканіемъ его.

— Чего искать? Ихъ человѣкъ тридцать только того и ждутъ; думаютъ, что въ монастырѣ жпрно, что монашескій огорокъ золотое дно.

— Ахъ, ты шуты! Ну, значить рѣшено.

Садовникъ ушелъ.

Договоръ былъ исполненъ; въ короткое время садовникъ такъ равномерно распредѣлилъ табакъ по монастырю, что безъ него не осталась ни трапеза, ни дортуары. Въ этой продѣлкѣ не было ничего новаго; зачастую табакъ и другая контрабанда попадали въ знатные дома и всюду, куда было удобно препроводить ее; черезъ подкушенныхъ слугъ въ сады перебрасывали черезъ ограду мѣшки съ солью и потомъ притягивали къ отвѣту домохозяевъ, приходскихъ священниковъ и монастырскихъ настоятелей; алчность откупщиковъ обуяла и толпу ихъ прикащиковъ и слугъ; каждый изъ нихъ и безъ особеннаго приказанія придумывалъ самъ разные маневры, чтобы получить опредѣленную долю пени, а иногда даже подобныя вещи дѣлались съ совершенно другими цѣлями.

V.

Обратимся теперь въ домъ донны Паолы, въ комнаты ея старшаго сына, лорда Вильяма Краля, котораго мы видѣли прогуливавшимся верхомъ въ окрестностяхъ монастыря св. Филиппа. Мы видѣли его уже 15 лѣтъ тому назадъ мальчикомъ лѣтъ десяти, переводящимъ Горация подъ руководствомъ молодого аббата Паррини. Теперь это бѣлокурый молодой человекъ, соединяющій въ себѣ характеръ англичанина съ натурой итальянца; горячаго ума и сердца, ученикъ Паррини, почитатель Руссо, энтузіастъ и мизантропъ вмѣстѣ; это былъ одинъ изъ тѣхъ юношей, которымъ суждено было увлечься гетевскимъ Вертеромъ. Отецъ оставилъ ему съ братомъ большое состояніе, а по смерти дяди, завѣщавшаго имъ богатое наслѣдство, они могли считаться одними изъ первыхъ богачей въ Миланѣ. Младшій братъ два года тому назадъ уѣхалъ въ Лондонъ, чтобы предаться своему влеченію къ путешествіямъ и приключеніямъ. Лордъ Вильямъ остался съ матерью въ Миланѣ, весь погруженный въ литературу, философію и поэзію. Въ прошломъ году вышелъ томикъ его латинскихъ стиховъ. Это была поэзія

болѣе въ тибулловскомъ, чѣмъ въ гораціевскомъ родѣ, но темная и полная мистическаго тумана, который никакъ не могъ принадлежать никакому языческому латинскому поэту. Въ то же время онъ влюбился, какъ только могъ влюбиться итальянецъ, помноженный на англичанна, въ молоденькую Аду. Онъ нѣсколько лѣтъ не видалъ ея, пробывъ въ отсутствіи изъ Милана въ нѣсколькихъ знаменитыхъ университетсахъ, и по возвращеніи, увидѣлъ ее уже не ребенкомъ, а развѣвшейся дѣвушкой во всей ея прелести. Ему было двадцать шесть лѣтъ, а ей четырнадцать, но она уже обладала всѣми вышними атрибутами женскаго совершеннотѣія. Въ первый же четвергъ, какъ онъ увидѣлъ ее, она поразила его, и онъ никакъ не могъ представить себѣ, что это та самая дѣвочка, которую онъ нѣкогда зналъ ребенкомъ и которая такъ часто надобдала ему своими шумными играми. Чѣмъ дольше онъ видѣлъ и слушалъ ее, слушалъ особенно пѣніе ея прелестнаго бархатнаго меццо-сопрано и игру ея бѣлыхъ, гибкихъ, узкихъ, такъ сказать, умныхъ ручекъ, тѣмъ болѣе крѣпко въ немъ это первое впечатлѣніе. Онъ никому не повѣрялъ своей тайны и никогда ни однимъ словомъ не заикался о ней Адѣ. Онъ былъ слишкомъ застѣнчивъ, и къ тому же его смущала мысль, что она еще учится. Но молчаніе его не скрыло тайны отъ донны Паолы. Материнскимъ чутьемъ она проникла ее, но не только не заговорила о ней съ сыномъ, а съ своей стороны старалась замолчать ее. Открытіе это огорчило ее. Ея крайней совѣстливости казалось чѣмъ то нехорошимъ воспользоваться безграничнымъ довѣріемъ къ ней графини Клепін, чтобы въ ея отсутствіе допустить сближеніе и возникновеніе чувства между своимъ сыномъ и ея дочерью. Она молчала, и когда благородная дама патронесса монастыря св. Филиппа заговорила съ ней о слишкомъ живомъ характерѣ воспитанницы Ады и предложила ей взять ее изъ завѣденія, она отклонила это предложеніе, ни подъ какимъ видомъ не желая увеличить шансы сближенія сына съ Адой помѣщеніемъ ея у себя въ домѣ.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ дней молодой лордъ Кроль отправлялся всякій день подъ вечеръ въ домъ маркизы Оттобони-Сербеллонни, гдѣ собиравлись всѣ блестящіе умы Милана. Такъ отправлялся онъ туда и въ тотъ день, когда Суарди, вооруженный

правительственнымъ эдиктомъ, замышлялъ нападеніе своихъ сборовъ на мирный монастырь св. Филиппа Нери. Въ эти вечерніе часы передъ ужинкомъ по улицѣ Марина начиналось процессіональное катаніе аристократическихъ экипажей; съ террасы дома Оттобони можно было видѣть ряды каретъ и колясокъ, нарядныхъ всадниковъ, парадующихъ собой и своими лошадьми, и скромныхъ пѣшеходовъ; такимъ образомъ, любуясь на это движеніе, можно было провести время между литературной бесѣдой въ салонѣ и вечернимъ спектаклемъ.

Въ этотъ день въ этомъ салонѣ были между прочимъ аббатъ Паррини, Пьетро, Верри, Чезаре Беккариа, Чезаре Ларги, Марія Анъезе, сестра знаменитой Газтаны и сама въ то время не менѣе извѣстная, какъ композиторъ драматической музыки, очень ученой и богатой фантазіей; былъ тутъ и маэстро Гальминни, новѣйшій Маэусанль: ему было въ то время 69 лѣтъ, а умереть ему предстояло въ 1825 году 138 лѣтъ отъ роду, пройдя всѣ ступени прогресса въ своемъ искусствѣ. Былъ тутъ и живописецъ Лондоніо, гроза поповъ, монаховъ, всякаго рода респектабельностей, сдерживаемый въ своихъ выходкахъ только любезнымъ достоинствомъ хозяйки дома и строгимъ взглядомъ Паррини. Словомъ, общество было во всѣхъ отношеніяхъ блестящее, и мы не знаемъ, удалось ли бы теперь подобрать подобное.

Паррини было 36 лѣтъ, и хотя онъ все еще былъ вынужденъ перебиваться ради хлѣба уроками, но уже вышли его утро и полдень, и слова его уже гремѣли по всей Италіи; ему уже удалось прекратить господство испорченнаго вкуса, продолжавшееся полтора вѣка, обратитъ искусство къ его чистымъ источникамъ и возбудить противъ себя ненависть нѣсколькихъ миланскихъ аристократовъ, принявшихъ на свой счетъ нѣкоторыя черты его поэмы. Изъ нихъ графъ Альберниъ Ф*** оспаривалъ у князя Б... первенство мысли выместить палками на плечахъ аббата оскорбленную амбицію.

Неугомонный, нетерпѣливый и хлопотливый аббатъ перебѣгалъ, ковыляя, отъ кружка къ кружку, то разсуждая о музыкѣ съ прекрасной Анъезе и толкуя по поводу ея руки, которой она брала аккорды на клавесинѣ, о качествахъ рукъ, необходимыхъ для игры на этомъ инструментѣ, то споря съ Лондоніо съ видомъ

азартнаго увлеченія и вдругъ кончал споръ шуткой къ остолбенѣнью противника, единственный разъ въ жизни бывшего серьезнымъ. Такова была обычная манера Парини въ разговорѣ по свидѣтельству его ученика и біографа Рейши. Затѣмъ онъ схватывался съ Лорги о какомъ нибудь литературномъ вопросѣ, и снова его громкій голосъ заставлялъ умолкать въ салонѣ всѣхъ, причемъ Канедви съ безпокойствомъ ждалъ, что споръ кончится скандаломъ. Только Верри онъ избѣгалъ; были ли то взаимная зависть или антипатія, но они, повидному, гораздо болѣе уважали другъ друга, чѣмъ любили; и самые достойные люди имѣютъ свои слабости, каждый изъ нихъ одинаково хотѣлъ и имѣлъ право первенствовать, и часто встрѣчаясь, они избѣгали сталкиваться. Пока Парини гремѣлъ въ разныхъ кружкахъ, графъ Верри былъ занятъ бесѣдой съ маркизой Оттобони, женщиной ученѣйшей, предлагая ей взяться за переводъ французскаго театра, особенно Мольера, чтобы очистить миланскую комическую сцену.

Въ углу салона, развалился одинъ на диванѣ, Чезаре Беккариа обремененный уже преждевременной тучностью и непрощенной славой, скрывалъ подъ видомъ непреодолимой лѣни изумительную дѣятельность ума, всплывшаго, какъ вулканъ, и извергавшаго тогда потоками пламенныя мысли; онъ повидному ни о чемъ не думалъ, не хотѣлъ думать и не обращалъ вниманія на окружающіе разговоры; вяло переводилъ онъ полузакрытые глаза съ предмета на предметъ, но въ сущности все слышалъ и въ хаосѣ рѣчей подхватывалъ мѣткія замѣчанія и вѣрныя мысли.

На террасѣ было другое общество, болѣе привлекательное по виду, потому что въ немъ блистали хорошенькія и молоденькія дамы. Оно вело болтовню, въ которой помину не было о наукѣ и искусствѣ, если не считать принадлежащими къ искусству изящнѣйшихъ молодыхъ людей, пробѣжавшихъ мимо террасы. Въ этой группѣ вдругъ раздались восклицанія: Смотрите, смотрите, Галантино! — и всѣ, кромѣ Беккариа, который ни за какія сокровища не покинулъ бы своего дивана, поднялись и вышли на террасу, на балконы, подошли къ окнамъ, до такой степени Галантино сдѣлался своего рода знаменитостью. Появленіе Галантино на улицѣ передъ домою Оттобони внезапно измѣнило направленіе всѣхъ разговоровъ въ салонѣ и на террасѣ, обративъ ихъ всѣ на

одинъ и тотъ же предметъ. Съ Суарди разговоръ перешелъ на апрѣльскій эдиктъ. Въ этотъ разговоръ вмѣшался и лордъ Крауль, недавно вошедшій въ салонъ.

VI.

— Что, хорошъ? пропитчески спросилъ знаменитый пѣсенникъ Чезаре Ларги старшую дочь графини Марліани, очень похожую на мать.

— Красавецъ! отвѣчала та:

— Что и говорить! Посмотрите, на что похожъ рядомъ съ нимъ маркизъ Саннацаро и донъ Гличаріо Берекбіа.

— Надо думать, сказала одна зрѣлая дама, нѣкогда бывшая молодой и красивой и слишкомъ потѣшавшаяся молодостью и красотой, надо думать, что тутъ есть вина нянекъ или бабокъ; его вѣрно подмѣнили въ колыбели, потому что аристократическая кровь видна насквозь. Посмотрите, вотъ проскакалъ графъ В***. Если бы не зная увидѣтъ ихъ, можно ли бы подумать, что это грандъ Испаніи, а Галантино... Галантино.

— Знаете что, графиня?

— Что?

— Что и графу В***, и Саннацаро, и дону Гличеріо, и графу Альберико, который вонъ проѣзжаетъ, и всѣмъ прочимъ слѣдовало бы хорошенько пзучить и пустить въ ходъ на практикѣ, конечно, съ необходимыми вариантами одну эпиграмму.

— Какую?

— Прошу извиненія, что долженъ напомнить скандальное имя, но кто не слыхалъ о Валапертѣ...

Дама сдѣлала гримасу, выразившую омерзѣніе.

— Не гнѣвайтесь, дорогая графиня, что дѣлать? Хотя Валаперта двадцать лѣтъ переходила изъ рукъ въ руки, какъ вексель на биржѣ, но все же она была красавица и подъ конецъ очень богата и развѣзжалась по этой самой уллицѣ въ великолѣпномъ экипажѣ съ красными ливреями; но въ одинъ прекрасный день на всѣхъ перекресткахъ явилась надпись крупными буквами:

La Valaperta infame
Oggi triomfa in cocchio...
Andante a pièdi, o dame *).

Эпиграмма такъ подѣйствовала, что угроза штрафа, тюрьмы и плетей не могла бы возымѣть такого дѣйствія; цѣлыхъ двѣ недѣли на улицѣ не видно было ни одной кареты, и Валаперта была вынуждена улетучиться изъ Милана, узнавъ о заговорѣ. Вотъ такъ слѣдовало бы поступить и съ этимъ господиномъ.

— Извините, что могли сдѣлать дамы, то для мужчинъ невозможно; и неужели вы думаете, что если бы они перестали показываться верхомъ, Галантино пересталъ бы ѣздить?

— Ну, въ этомъ я не увѣренъ; лобъ у него мѣдный; однако все таки хорошо бы этакъ осадить.

— Мой милый Ларги, вмѣшался Лондоніо, осадить его трудно когда онъ при шпорахъ и верхомъ, онъ ѣздитъ лучше добродѣтели.

— Прошу васъ оставить добродѣтель, замѣтилъ Парини;— хороши представители добродѣтели графъ В*** или графъ Альберихъ Ф*** или князь Б***. Родиться на тюфякѣ, набитомъ золотомъ, и не воровать еще не значить быть святымъ.

— Я того же мнѣнія... Но если ужъ зашла рѣчь объ осаживаніи, то я могу сказать, что ловко осадилъ команду этого плута.

При этихъ словахъ пріятель Лондоніо, старикъ Гольмини, покатился со смѣху и съ усиленіемъ проговорилъ:

— Да, нечего сказать, ты доказалъ бесполезность публичныхъ демонстрацій и глупость лишенія себя удовольствія нюхать табакъ, чтобы досадить отступникамъ, да!

— Что такое? Что онъ сдѣлалъ? Какую нибудь продѣлку? О онъ мастеръ! Расскажите! Сказали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Развѣ вы не знаете? И вы, господа?

— Да, это мило недурно, сказалъ Ларги, но не у всякаго хватить духу и не всякому такъ удастся, какъ этому сумасброду.

— Расскажите.

— Я право удивляюсь, что вы до сихъ поръ не знаете, ска-

*) Безстыдная Валаперта нынче торжествуетъ въ каретѣ! Ступайте пѣшкомъ, дамы.

залъ Лондоніо. Впрочемъ и то сказать: кто попался, навѣрно не пошелъ жаловаться публично. Ха, ха, ха!

— Говорите же.

— Сударыни, прошу извиненія, но это рѣшительно не про насъ писано. Ваше обоняніе возмущилось бы еще сильнѣе чѣмъ наши сердца; это очень неблаговожно.

Но видя, что Гальмшии, прыскаеть со смѣха, дамы наставляли, а Лондоніо принялъ тотъ комично-серьезный видъ, который заранѣе располагаетъ слушателей къ смѣху; однако онъ упорно молчалъ.

— Рассказывайте.

— А вы меня не прогоните?

— Нѣтъ.

— А вы мнѣ отъ дому не откажете?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Обѣщаете?

— А вы мнѣ навсегда запретите раскрывать про васъ ротъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Обѣщаете?

— Обѣщаемъ.

— Хорошо, ну, такъ рѣчь идетъ о...

И онъ произнесъ слово, котораго мы не напишемъ и отъ котораго всѣ дамы отпрянули отъ Лондоніо въ разныя стороны съ восклицаніями ужаса.

— Довольно, довольно, строго сказала маркиза Оттобони, скрывая подъ натянуто серьезнымъ видомъ непомятый позывъ къ смѣху.

— Нѣтъ, позвольте, маркиза, разъ начавъ, надо, уже сказать. И такъ, въ прошлый поведѣльнннхъ правленіе откупа получаетъ анонимное письмо, которое я понятно читалъ раньше, чѣмъ оно было послано. Въ немъ заключался доносъ, что и такъ де и такъ, у живописца Лондоніо спрятано въ домѣ значительное количество нюхательнаго испанскаго табаку перваго сорта, въ такихъ то и такихъ то мѣстахъ. Письмо было принято къ соображенію, и вотъ въ обѣденный часъ три комиссара откупа, двое пристатовъ комитета, двое полицейскихъ отъ капитана юстиціи являются къ моему привратнику, который стремглавъ влетаетъ ко мнѣ и рапортуетъ: пришла молъ полиція, велѣно обыскать весь домъ. Ну, дѣлать

нечего. Они входят и направляются прямо къ указанному потайному мѣсту подъ лѣстницей, подлѣ моей студіи и находят тамъ дюжину ящичковъ заграничнаго вида и три большіе закрытые горшка; оттуда идутъ въ садъ, гдѣ находятъ опять ящики и горшки въ чуланчикѣ въ галлерей; то же и въ другихъ еще мѣстахъ. *Cognus delicti* торжественно приносится въ комнату; извлекаются перья, карандаши, бумага, комиссары откупа и комитетскій приставъ готовятся сочинять актъ; но предварительно, чтобы удостовѣриться въ качествѣ табака, эти три солидные, грозные, насушенные мужи отерываютъ одинъ горшокъ, погружаютъ въ него, какъ по командѣ, три пятерни и подносятъ ихъ къ своимъ благообразнымъ носамъ. Въ ту же минуту они озираются и переглядываются съ такими странными кривляніями и гримасами, что я, хотя ожидалъ этого, покатылся со смѣху. Они было принялись ругаться, но я спокойно попросилъ ихъ объяснить мнѣ, чему я обязанъ ихъ посѣщеніемъ. Такъ послѣ безсильной брани имъ пришлось отретироваться ни съ чѣмъ; вмѣсто табаку я потчивалъ ихъ порошкомъ изъ сухого навоза, коровьяго, лошадиного и проч.; полагаю, что имъ не малаго стоило труда и расхода на мыло, чтобы отмыть руки и свои компетентные носы. Однако урокъ кажется не пропалъ даромъ, потому что вотъ уже четвертый день, какъ совсѣмъ не слышно о домовыхъ обыскахъ.

Такъ рассказывалъ Лондонію среди сдержаннаго смѣха дамъ.

— Отлично, сказалъ лордъ Краль, когда онъ кончилъ—подобно ломбарсѣимъ полямъ, фантазія нашего художника требуетъ удобренія, чтобы давать богатые плоды. Вы поступили какъ нельзя лучше сообразно вашему характеру; но я желалъ бы, чтобы дѣло не ограничивалось шуткой; я очень желалъ бы, чтобы господамъ откупнымъ комиссарамъ вздумалось пожаловать ко мнѣ; увѣряю васъ, что я ни на что не посмотрѣлъ бы, лишь бы дать урокъ правосудію. Какъ хотите, противъ нѣкоторыхъ вещей требуются средства рѣшительныя. Въ этомъ отношеніи я,—извините меня, прибавилъ онъ, обращаясь къ аббату Парни, — не одобряю и васъ.

— За что?

— Да, васъ,—при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ вамъ. Впервые, за то, что вы, будучи близки съ графомъ Фирминьомъ, который, говорятъ, человекъ порядочный, не скажете ему

всей правды на счет послѣдняго эдикта. Во-вторыхъ, въ вашихъ рукахъ великая сила газеты, а вы не пользуетесь этимъ орудіемъ. Въ Римѣ газеты добились отгнѣны откупа, и даже противъ здѣшняго откупа воюетъ луганская газета. Но что она можетъ сдѣлать? Надо, чтобы, борьбу велъ человѣкъ уважасмый всей публикой и съ авторитетомъ, котораго сами власти не могли бы не признавать; я убѣжденъ, что еслибы въ миланской газетѣ являлась противъ откупа статья автора Дня, откупщики поприптихли бы и сами власти призадумались бы.

— Благодарю васъ за откровенность, мой молодой другъ, отвѣчалъ Парини, но за бесполезное дѣло нечего и браться. Авторитетъ въ публикѣ, хотя бы и пріобрѣтенный по заслугамъ, можетъ потерять только ущербъ, если публика замѣтитъ, что его не слушаютъ. Вы видѣли, какое дѣйствіе имѣли мои статьи въ пользу уничтоженія кастратства. Я получилъ похвалы отъ Вольтера, отъ Фридриха прусскаго, отъ всѣхъ свѣтскихъ умовъ Европы, но евнухи продолжаютъ наполнять сцену, и ежегодно попечительные родители приносятъ въ жертву музыкальному искусству... лучшую часть своихъ сыновей, а я зачислился въ разрядъ болтуновъ, которыхъ поощряютъ къ болтовнѣ, не придавая ей никакого значенія, какъ гласу вопіющему въ пустынѣ. Впрочемъ я говорилъ съ графомъ Фирміаномъ и могу сказать вамъ въ утѣшеніе, что кое что будетъ сдѣлано, эдиктъ будетъ большею частью отгнѣненъ: притомъ совѣтникъ Верри...

— Надѣюсь, подхватилъ Верри, что и нашъ художникъ, и вы, милордъ, останетесь довольны мною. Еслибы аббатъ Парини вздумалъ возстать въ газетѣ противъ властей, издавшихъ эдиктъ и противъ откупа, пользующагося имъ, онъ конечно заслужилъ бы похвалы со стороны благонамѣренныхъ людей, но къ чему повело бы это? Онъ вооружилъ бы противъ себя намѣстника, подвергся бы всяческимъ преслѣдованіямъ со стороны всѣхъ заинтересованныхъ въ откупѣ, а публикѣ изъ этого не вышло бы ровно никакой прибыли. Въ подобныхъ случаяхъ рѣзкостью не можешь. Знаете ли, какъ надо дѣйствовать, чтобы и великимъ, и малымъ, и приказывающимъ, и повинующимся внушить духъ нравственности и справедливости? Надо сдѣлать такъ, чтобы справедливость и нравственность нашли себѣ мѣсто въ большой приходорасходной книгѣ, чтобы онѣ являлись не въ суровомъ

одѣяніи и не съ пустыми руками, а въ богатомъ костюмѣ и съ рогомъ изобилія, изливаящимъ дублоны въ казну. Только финансы, которое въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ сочетаться съ справедливостью, въ состояніи, преслѣдуя собственныя цѣли, помочь вмѣстѣ съ тѣмъ интересамъ бѣднаго общества, почти всегда пренебрегаемымъ. Вотъ я тружусь надъ развитіемъ этой мысли и уже успѣлъ открыть глаза и тѣмъ, у кого они были закрыты отъ природы, и тѣмъ, кто закрывалъ ихъ по расчету. Въ этомъ убѣжденіи я принялся тщательно собирать данныя, чтобы составить отчетъ о камергерскомъ балансѣ герцогства миланскаго, и издалъ его, не теряя времени. Я очень хорошо зналъ, что если принятыя разоблачать алтари и снимать покровъ съ таинствъ, то многіе запротестуютъ, даже изъ самыхъ высокопоставленныхъ. Такъ и случилось, и меня называли неосторожнымъ и безразсуднымъ, потому что не хотѣли, чтобы я выдавалъ публикѣ мои открытія, предпочитая, чтобы они изливались изъ моей головы въ другія, специально предназначенныя для воспріятія, не расходясь въ воздухѣ. Но я зналъ, что дѣлалъ; во-первыхъ, раскрывалъ фальшивый ходъ какой нибудь части правительственной машины, мы этимъ заставляемъ управляющихъ поневолѣ переиѣнять этотъ ходъ и поневолѣ получать за это рукоплесканія публики; и во-вторыхъ, я и самъ, потрудившись, хотѣлъ получить свою долю этихъ рукоплесканій, что, по моему, совершенно резонно. Такимъ образомъ мнѣ удалось доказать, что невинное удовольствіе заставлять публику вопить отъ притѣсненій откупа обходится государству ежегодно въ два милліона и что, слѣдовательно, отиѣна его безчленимыхъ стѣсненій доставляла бы казнѣ эту кругленькую сумму. Когда справедливыя дѣйствія сопровождаются подобнымъ доходомъ, не трудно послѣдовать имъ. Вотъ почему мнѣ удалось провести мысль смѣшаннаго откупа. Это былъ первый и самый трудный шагъ. Остальное придетъ само собой.

— Но какимъ образомъ апрѣльскій эдиктъ, ужаснувшій все населеніе, вышелъ уже по назначеніи вашемъ въ члены совѣта экономіи и по избраніи вашемъ въ представители отъ правительства въ смѣшанномъ откупѣ? спросилъ Парина.

— Эдиктъ былъ уже готовъ, и сколько я ни бился, пришлось допустить его обнародованіе; откупщики пересилили.

— Да, промолвилъ Беккаріо съ своей обычной небрежностью,

шнче двѣ тысячи дукатовъ въ собственномъ карманѣ дороже двухъ милліоновъ въ государственной казнѣ. Во всякомъ случаѣ тебѣ посчастливилось, дорогой Пьетро; попался, какъ нарочно, такой вопросъ. гдѣ любовь къ общественному благу выражается наличными деньгами. Вотъ еслибы я могъ доказать, что реформа уголовного права очень выгодная коммерческая спекуляція; пожалуй, на другой же день всѣ страшныя орудія пытки были бы проданы съ аукціона. Еслибы нашъ Парни могъ рассчитать денежные выгоды уничтоженія кастратства, пожалуй декретъ нашъ предупредилъ бы полемику Вольтера. Если бы его День... Но что это съ лордомъ Кролемъ: кричить, какъ бѣшеный?

Дѣйствительно, голосъ лорда вдругъ загремѣлъ какъ будто при извѣстїи о несчастїи или въ пылу ссоры.

Всѣ прислушались. Одинъ молодой человекъ, только что прїѣхавшїй въ домъ Оттобони, рассказывалъ, что, проѣзжая въ окрестностяхъ Санъ Барнаба, встрѣтилъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ большое стеченіе народа, вмѣшался изъ любопытства въ толпу и, дойдя съ ней до монастыря св. Филиппа, услышалъ, что комиссары откупа со сборщиками производятъ въ немъ обыскъ; такъ какъ не смотря на нагласть откупщиковъ, они еще въ первый разъ посягали на неприкосновенность женскаго монастыря, то событіе это во мгновеніе стало извѣстно и привлекло народъ.

При этомъ рассказѣ лордъ Кроль остолбенѣлъ, потомъ вдругъ вскочилъ со словами: Ну, сегодня кто нибудь заплатится за всѣхъ! — и, нахлобучивъ свою треугольную шляпу, какъ бѣшеный, выскочилъ на улицу.

VII.

Онъ шелъ поспѣшно, обгоняя всѣхъ прохожихъ, и скорѣе добѣжалъ, чѣмъ дошелъ до переулка Санъ Витторелло, гдѣ вошелъ въ широкіе ворота одного дома. Пробѣдя дворъ, онъ остановился передъ запертой дверью, у которой висѣлъ тяжелый молотъ. Поднявъ его, онъ стукнулъ два раза, подождалъ нѣскольکو секундъ и далъ третїй ударъ рѣшительнѣе и звонче двухъ первыхъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

